

- [Александр Шубин](#)
 - [Предисловие.](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Часть III](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)

- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)

- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)

- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)

- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)

- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)

- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)

- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)

- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)

- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)

- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)

- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)

- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)

- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)

- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)

- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)

- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)

- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)

- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)

- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)

- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)

- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)

- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)

- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)
- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)

- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)
- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)

- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)
- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)

- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)
- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)

- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)
- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)
- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)
- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)

- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)
- [1116](#)
- [1117](#)
- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)
- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)

- [1130](#)
 - [1131](#)
 - [1132](#)
 - [1133](#)
 - [1134](#)
 - [1135](#)
 - [1136](#)
 - [1137](#)
-

Александр Шубин
Свобода в СССР

Предисловие.

Идейные течения и общественные движения в 1953–1984 гг.

Мы живем в обществе, которое питается соками советской эпохи. Ее энергии хватает, чтобы служить базисом экономики и культуры. Эта эпоха, которая вроде бы принадлежит только прошлому, все еще живее, чем современность, с ее подспудной мечтой «превзойти» советский уровень. Что же, раз так сложно превзойти, требуется победить советскую культуру как-то иначе – дабы население не тянулось в эту сторону. Не выходит добиться роста уровня жизни, снижения уровня социального расслоения, восстановить культурные и человеческие связи на пост-советском пространстве, создать культурные образцы, способные затмить советские достижения. Вместо того, чтобы поискать системные дефекты в нынешней регрессирующей социальной системе, возникает соблазн представить советское общество в качестве невиданного монстра, которым пугать детей и взрослых.

Такое поведение закономерно, последующие властители ругают предыдущих, а население еще долго ностальгирует по прошлому (особенно, если новый режим не способен предъявить собственных достижений). Объективность требует встать над схваткой консерваторов и либералов, апологетов и обличителей. Реальный опыт многоцветен, и модель прошедшей эпохи не сводится к черной и белой краскам. Для начала нам нужно освободиться от нескольких мифологических схем, которые затрудняют постижение идеологического опыта, потому что слишком уж откровенно служат современным политическим задачам.

Миф первый: советское общество на протяжении всей его истории было тоталитарной казармой, где запрещались любые разногласия, и люди слепо подчинялись идеологическим решениям Политбюро ЦК КПСС. А кто хоть в чем-то не подчинялся – тот репрессировался.

Миф второй: советское общество было бесконечно отсталым от демократических стран Запада, глухой архаикой, провалом в

древность. Следовательно, как бы ни была отсталой современная Россия – она все равно идет светлой дорогой либерализма вперед — из глухой древности к полу–феодалному капитализму.

Миф третий: СССР был бесконфликтным обществом всеобщего благоденствия, которое могло бы просуществовать в этом же виде еще сто или тысячу лет, если бы не предатели Хрущев, Горбачев и Ельцин.

Историкам уже приходилось приводить тысячи аргументов, даже десятая их часть способна опровергнуть эти мифы научно. Но кому сегодня есть дело до науки и научных доказательств? Лишь небольшому слою рационально мыслящих людей, стремящихся вырваться из сумрака мракобесия, окутавшего мировоззрение современного россиянина. Что же, нам предстоит и дальше идти этим путем, собирая во тьме тех, кто понимает ценность Знания и стремится строить жизнь, опираясь на Знание, а не на зыбучие пески.

А теперь поговорим о мифе четвертом: советское общество было несвободным. Как и всякий миф, он содержит часть правды – свобода в СССР была ограниченной. Как является она ограниченной в любом обществе. Можно ли сказать, что служащий в офисе или рабочий у конвейера в разлиберальнейшем западном обществе – свободен? Можно ли сказать, что свободно общество, опутанное законами, в которых может разобраться только опытный юрист?

Свобода – это пространство, где человек может действовать по своему усмотрению, выражать себя. Но для этого он должен быть свободен и внутри – свободен от тех же мифов, которые навязывает человеку Система. Свободен от собственного животного начала. Свободен от социального господства. Свободен творить свою жизнь. Свободен не просто говорить, что думаешь, а думать, сопоставлять, искать Правду и отстаивать ее. Свободен обустривать жизнь свою так, как хочется жить – не мешая такому же праву других. Такая свобода всегда ограничена. Но в разных обществах она ограничена в разной степени и на разных направлениях^[1].

Большинство советских людей чувствовали себя вполне свободными, потому что освоились в обществе, в котором жили. Также не ощущают себя несвободными жители Западной Европы, хотя переселенец из «несвободных» стран Востока мучается в Европе из-за многочисленных непонятных ему правил и ограничений.

Советский социальный костюм 60–70-х гг. «не жал», потому что прежний – довоенного образца – был слишком тугим. Жители коммуналок ощущали прилив свободы, переселяясь в отдельные квартиры. Интеллигент задыхался от свободы, приобщаясь к тайнам сталинской поры (приоткрывая только самый краешек). В 70-е гг. человек уже вырастал из «костюма», несвобода ощущалась острее — хотя сфера свободы, как мы увидим, расширялась. Просто она росла медленнее, чем потребности в самовыражении, интеллектуальном поиске. Советское общество «разогнало» рост потребностей, и теперь не успевало за ними.

Там, где человек осознает свою несвободу, возникает сопротивление. Человек так устроен, что несвобода его тяготит. Лучше уж не знать о ней. А узнал – и поневоле начинаешь прощупывать – где несвобода начинается, и нельзя ли расширить свободу.

Стоит ослабить пресс репрессий – искатели свободы начнут находить друг друга. Не потушишь огонек – сбегутся на него из темноты другие со свечками, разложат костер. Вот дилемма для властей: и хорошо, когда люди у костра сидят, под гитару расслабляются, да как бы пожара не вышло.

Если многим становится «тесно», поиски свободы выливаются в освободительное движение. Власть пытается разбить противника на дальних подступах – с помощью пряника социальных благ и кнута репрессий. Но пряников не хватает на всех, а кнут – обоюдоопасное оружие. Замахнулись на врага, а хлестануть могут по кому угодно. Ведь Человек, мечтающий о свободе, сидит в каждом из нас.

Часть I

Журчат ручьи...

*Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.*

В. Лебедев–Кумач

*Приходит время –
Люди головы теряют,
И это время
Называется весна.*

В. Миляев

Глава I

Пределы тоталитаризма

Сталинский режим стремился превратить общество в идейно–политический монолит. Но полностью обеспечить монолитность Системы не удавалось и при сталинском тоталитаризме^[2]. В теле режима постоянно образовывались разнородные плотные группы, которые пытались лоббировать свою политику, продвигать свои кадры. Клань росла, им становилось тесно, и борьба достигала такого накала, что одна из группировок должна была проиграть и покинуть поле. В плюралистическом режиме предусмотрена ниша оппозиции, авторитаризм отправляет проигравших в комфортную отставку, но тоталитаризм не может позволить себе такую роскошь. Ведь, как показал опыт 30–х гг., проигравшие вожди плетут интриги, стремятся взять реванш в борьбе стратегий^[3]. Поэтому тоталитарная борьба чиновников за место под солнцем – это борьба на уничтожение. Если

питерские заняли слишком много постов – это повод для представителей остальных кланов ненавидеть выходцев из северной столицы и требовать резни. Если Маленков был в 1946 г. снят с должности, и при этом не был отправлен в застенки – это беда Абакумова. Потому что, вернувшись в высокий кабинет, Маленков не остановится, пока не уничтожит противника. Таковы правила тоталитарной игры – проигравший должен либо умереть, либо по крайней мере – быть надежно заперт. Иначе на следующем витке противоборства он уничтожит тебя. Система не была готова к тому, чтобы терпеть автономные кланы чиновников – в 30–е гг. они несли угрозу стратегии Центра, и Центр выжигал их каленым железом. Но к середине 50–х гг. задачи, которые ставил перед партией Сталин, были в основном выполнены, форсированная тоталитарная модернизация завершена. Новый этап развития советской цивилизации требовал новых правил, и только политические привычки Сталина, выработанные в 20–30–е гг., сохраняли отжившие тоталитарные порядки.

Разумеется, смерть Сталина не могла привести к немедленному переходу от тоталитаризма к авторитаризму. Тоталитарные институты имели собственную жизненную силу, и потребуются несколько десятилетий их эрозии, прежде чем они «переродятся», изменят свои функции с мобилизационно–репрессивных на охранительно–согласовательные. Обстановка «Холодной войны» требовала дополнительного сплочения рядов. Сталинская шпиономания была связана не только с особенностями его психологии, но и с реальными утечками информации, цена которых в ракетно–ядерный век была критически велика.

Сталин умер, а его наследники, воспитанные кровавой эпохой, продолжали борьбу не на жизнь, а на смерть между собой («дело Берия» и т.д.). Может быть, тоталитаризм и террор могли существовать дальше? Но страх перед неизбежной гибелью после очередного поражения довлел над вождями. И это стало одним из механизмов перехода к более гибкой системе.

Другим источником перехода от тоталитаризма к авторитаризму было общество, которое в глубоких запасниках хранило разномыслие.

Тоталитаризм в принципе нетерпим к разномыслию, но это общее правило имело важные исключения, еще не влиявшие на качественные

характеристики режима. В некоторых вопросах тоталитаризм санкционировал ограниченное и четко очерченное разномыслие. Оно проистекало из двух источников.

Первый источник разномыслия при коммунистическом тоталитаризме заключался в том, что советский проект представлял собой синтез коммунистической идеи и традиции народов страны. «Классиками» были не только Маркс, Энгельс и Ленин, но и далекие от марксизма Пушкин, Толстой и Чехов. Укрепляясь с середины 30-х гг., национальная традиция оказалась особенно востребованной во время Войны. В 1943 г. Сталин пошел на ряд важных шагов, которые легализовали символы старой России. Важнейшей, системной мерой стал «конкордат» с Русской православной церковью, которая получала возможности для воссоздания своей структуры, разрушенной гонениями 30-х гг.

При этом Сталин не намеревался отказываться от рациональной по форме коммунистической идеологии.

Атеистическая литература, в отличие от религиозной, была общедоступна, религиозные взгляды считались несовместимыми с членством не только в партии, но и в комсомоле. Рациональная основа советской культуры сохранилась под бетоном языческого культа личности.

Второй источник легального разномыслия заключался в самой ориентации советского общества на развитие (в отличие от правых диктатур). Тоталитарная олигархия просто не успевала контролировать все стороны жизни, поскольку развивавшийся социальный организм все время ставил новые вопросы, неведомые традиционному обществу. Как относиться к генетике, например? Сталин терпел дискуссию по этому вопросу до 1948 г., но, когда проблема выживания режима была решена, как казалось, раз и навсегда, обратил взор свой на эту и подобные проблемы: определитесь, наконец, коков механизм наследственности. Партия не намерена терпеть две группы биологов, придерживающиеся разных взглядов на один вопрос. Дискуссия допустима, пока не принято решение. Разумеется, ход дискуссии определялся не только и не столько научными аргументами, а организационными позициями сторон (что греха таить, это бывает и в государствах, которые не принято называть тоталитарными). Лидер одной группы биологов Н. Вавилов в 1940 г. был «разоблачен» как

контрреволюционер, а лидер другой – Т. Лысенко возглавил ВАСХНИЛ. Но и научные аргументы на знаменитой сессии ВАСХНИЛ 31 июля – 7 августа 1948 г. позволили изложить обеим сторонам, после чего решение было принято, и оппозиция спустила флаг. На этот раз проигравших не посадили. Последовали понижения в должности и увольнения, но большинство уволенных вскоре трудоустроилось в других областях биологической науки — от орнитологи до ботаники. Увы, увольнения и понижения в должности бывают не только при диктатурах.

Сущностное отличие тоталитарного отношения к дискуссии от других (не только плюралистичного, но даже и авторитарного) – в другом. Тоталитаризм утилитарен, он не признает самоценности плюрализма, нескольких точек зрения на один вопрос. Авторитарные правители уже понимают, что нужно сохранять несколько точек зрения, так как неизвестно, какая окажется более продуктивной на следующем этапе развития мысли. Авторитаризм лишь устанавливает рамки дозволенного разномыслия. Плюрализм отказывается от этого, так как рамки провоцируют творческий ум на борьбу с ними. Плюралистичный контроль над умами уже другой – не рамки, а поощрение мейнстрима, выгодного Системе течения, и игнорирование маргинальных ответвлений, пока они не оказались зачем-нибудь нужны Системе.

В последние годы жизни Сталин увлеченно «развивал марксистско–ленинское учение», расставляя «точки над і» в вопросах языкознания и политэкономии социализма. В СССР был человек с тотальным авторитетом и с тоталитарными представлениями о том, как можно управлять огромной страной. 5 марта 1953 г. такой человек исчез.

Мог ли тоталитаризм сохраняться и после смерти Сталина? Он и сохранялся некоторое время. Но если в тоталитарной мобилизации общества на индустриальный рывок и выживание перед лицом внешнеполитических угроз был какой-то исторический смысл, то в 50–е гг. он был уже исчерпан. А для решения новых задач нужны были иные методы. Требовалась более творческая, а значит и более свободная и защищенная личность, уверенная в завтрашнем дне. Бюрократия могла, конечно, проигнорировать это требование времени. Но ведь и любой чиновник хотел быть уверенным в завтрашнем дне и

боялся, что любая ошибка может привести к аресту. Нет уж, что-то нужно было менять. Это ощущали утомленные тяжким трудом массы, на это намекала интеллигенция, это чувствовали руководители страны.

Стартовая точка

Этот съезд оказался тезкой века, который ему предстояло «развернуть».

Все начиналось «как обычно». 14 февраля 1956 г. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев под бурные аплодисменты взошел на трибуну и зачитал доклад, согласованный с Президиумом ЦК. Уже в этом докладе партийные ортодоксы почувствовали «что-то неладное». Не была отдана должная дань Сталину. Появились подозрительные новации, которые сегодня кажутся малозначительными штрихами, но тогда воспринимались как открытия. В частности, было признано, что социалистическая революция не обязательно может совершаться вооруженным путем. Эта мысль еще недавно считалась социал-демократической и потому недопустимой.

Более решительно выражен курс на мирное сосуществование в атомный век.

У партии, как у Януса, два лица. Одно смотрит в мир, другое — в страну. И на втором лице партии появились черточки человечности. Большое внимание было уделено социальным вопросам. Съезд одобрил меры «по наведению надлежащего порядка в оплате труда, по усилению личной материальной заинтересованности работников в результатах своего труда»^[4]. В осуществление линии съезда сразу после него было сокращено рабочее время в предвыходные дни, введено «авансирование» труда колхозников (крестьянам стали выплачивать часть денег до сбора урожая), упорядочено нормирование зарплаты, что привело к ее постепенному повышению. Это были не первые социальные меры послесталинской эпохи, но они впервые были закреплены авторитетом съезда.

Но главным событием съезда по праву считается прочитанный на закрытом (без прессы и гостей) заседании Хрущевым 25 февраля доклад «О культуре личности Сталина и его последствиях». Верховный

жрец культа Отца народов изрек: «Сейчас речь идет о вопросе, имеющем огромное значение и для настоящего, и для будущего партии, речь идет о том, как постепенно складывался культ личности Сталина, который превратился на определенном этапе в источник целого ряда крупнейших и весьма тяжелых извращений партийных принципов, партийной демократии, революционной законности»^[5]. На большинство присутствующих слова Хрущева произвели впечатление, которое трудно понять последующим поколениям. Все Ваше мировоззрение замкнуто на одного человека, человекобога даже. И вот высший жрец этого бога сообщает неопровержимые свидетельства — бог есть дьявол. Мир рухнул, были уничтожены основы «идейной стойкости» элиты партии, подбиравшейся по принципу безусловной преданности Сталину и партийному руководству. Мир раздвоился. Партийное руководство сообщало о вожде невероятное, но хляби небесные не разверзлись, и бог не пришел в зал из мавзолея, чтобы покарать неверных. Его ближайшие соратники сидели за спиной Хрущева — они санкционировали доклад. Они тоже не хотели, чтобы над головой вечно висел дамоклов меч новых репрессий. Нужно было раз и навсегда покончить с порядком, по которому проигравший политическую партию на Кремлевском олимпе отправлялся не на пенсию, а на эшафот. И дело не только в Сталине — три года назад они, опасаясь за собственную жизнь, совместно уничтожили Берия. Готовился новый раунд схватки. Санкционировав доклад, заклеивший террор, Молотов, Маленков и Каганович спасали свою жизнь...

По утверждению Хрущева «культ личности» привел к такому положению, когда все важные решения принимал только один человек, которому, как и всем людям, свойственно ошибаться. Крупнейшей из таких ошибок стала политика накануне Великой Отечественной войны, когда Сталин отказался верить в возможность гитлеровского нападения. Это позволило Германии нанести внезапный удар по СССР и привело к огромным жертвам, превосходящим жертвы террора.

Конечно, о репрессиях партийное чиновничество, присутствовавшее на съезде, знало. Но оно не имело права понимать, что, во-первых, это зло. А во-вторых, что в этом зле, да еще и в неудачах 1941 г. виноват Он — источник всемирного добра. Именно в этом было открытие — вождь партии может творить зло (а по его

приказу и вся партия, все Мы). Впервые партийная практика была подвергнута проверке не с точки зрения интересов «пролетариата», то есть партийного руководства, а с точки зрения «общечеловеческой» морали. Сталин осуждался потому, что он убил ни в чем (перед ним и перед собравшимися в зале) не повинных людей. Хрущев говорил не о миллионах крестьян, интеллигентов и рабочих, а о партийных функционерах. Но именно в этой своей непоследовательности (которую потом так модно станет критиковать) он был убедителен для них.

Но не для всех. Ведь если Вождь партии может быть не прав, то и Хрущев может ошибаться на счет Сталина. Нужно теперь решать самому – как относиться к прошлому и чего требовать от будущего.

Советское общество перестало быть политически монолитным, и прежде всего оно раскололось на сталинцев и антисталинистов. И обе точки зрения были легальными, приверженность им не влекла за собой репрессий, если при этом не высказывалось критики существующего режима. Но постепенно выяснялось, что Сталин теперь – символ более глубоких проблем. Началась обычная для всего мира борьба между «охранителями» и «прогрессистами» («реформистами»)^[6], между защитниками Системы от перемен и сторонниками ее изменения (не свержения, но существенного обновления). Теперь каждому представителю элиты приходилось решать: что важнее – уже созданное в СССР общество, или то, которое предстоит создать, с обещанными народовластием, всесторонне развитой личностью.

Осознав, как страшна правда доклада Хрущева, охранители не дали его опубликовать. Понимая, как опасно быть «зрячим» среди слепых, «прогрессисты» добились зачтения доклада «под большим секретом» партийному активу — то есть всем. И все стали примерять доклад на свою жизнь, вспоминая, что кроме сотни партийных и военных генералов сидели и погибали их родственники и знакомые. Для одних это был приговор системе, но для большинства — стимул к жизни в новом мире, «очистившимся» от скверны.

Только 30 июня 1956 г. было согласовано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Это был компромисс, который мало кого устроил. Но в силу своей компромиссности это была и взвешенная точка зрения, которая в начале XXI в. пользуется большой популярностью – вопреки новому

антикоммунистическому официозу. Охранители добились признания того, что Сталин не только злоупотреблял и ошибался, но и «активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов». Но тогда это только усложнило проблему. Каково соотношение «полезного» и «вредного» в деятельности Сталина? И что перевешивает? Если Сталин – все таки продолжатель дела Ленина — только ли в Сталине коренится обнаруженное злодейство. Интеллектуалы, инженеры, рабочие начинали мыслить самостоятельно. Отныне процесс надолго принял необратимый характер — каждый шаг означал новую трещину в былом монолите. Мысль могла двигаться и за пределы марксистско-ленинских рамок, к осознанию связи их самих с возникновением проклинаемого «культа».

Прогрессисты выступали в качестве «прогрессивного» крыла коммунистов, настроенного на движение вперед. Но это «вперед» могло быть разным. Было неясно, какое направление – истинно верное, а какое – опасный уклон к ревизионизму. Выступая за более широкую свободу личности, критикуя бюрократию, прогрессисты шли путем «ревизионистов» к разным формам демократического коммунизма и левой (пока) социал-демократии. Охранители также искали путь в будущее, но такой, который не будет сопровождаться разрушением достигнутого. Это значит, что и они должны были обсуждать сложные проблемы, бросавшие вызов коммунистической ортодоксии – прежде всего о соотношении традиций страны и коммунистической перспективы. И это было только начало сложных и многосторонних дискуссий 50–80–х гг.

А терпимость власти к идейному разномыслию (не безграничному, в рамках, но во все более расширяющихся рамках) означала завершение тоталитарного периода развития.

Неудобные вопросы

XX съезд сделал необратимым процесс, первые признаки которого стали проклевываться уже после смерти Сталина. Сначала грандиозное прощание с полубогом вызвало всесоюзную депрессию,

ожидание чего-то жуткого. Потом – просто ожидание чего-то нового. А это ощущение связано скорее с надеждой, чем со страхом.

Уже в 1954 г. литература просигнализировала: грядет «оттепель» (см. Главу II). Историк А.Д. Степанский вспоминает: «И, конечно, ощущение оттепели нарастало в 1955 г.; этому ощущению соответствовало даже отстранение Маленкова с поста премьер-министра... Начинается процесс реабилитации. Не знаю, помнит ли кто-нибудь из коллег, как мы вообще узнали из газет о том, что началась реабилитация? В начале 1955 г. в «Литературной газете» в разделе «Хроника» мелким шрифтом было напечатано сообщение о том, что правление Союза писателей образовало комиссию по творческому наследию Михаила Кольцова – хотя Кольцов не проходил по открытым процессам, но это было начало. И в течении всего 1955 г. на страницах «Литературки» то одного писателя поднимали, то другого. Вообще 1955 г. – взрыв культурной жизни. Выход журналов «Юность», «Иностранная литература» и некоторых других...»^[7]

Впрочем, при всей закрытости информационных каналов и безапелляционности партийных догм, при наличии аналитических способностей можно было и при Сталине вполне здраво смотреть на ситуацию. Информатор МГБ сообщал о таких комментариях на смерть Сталина, высказанных отставным полковником, членом партии^[8]: «Судя по тону сообщения — это конец. Сейчас в ЦК КПСС начнутся раздоры и взаимная борьба за власть, секретарь ЦК КПСС (...) будет сейчас стремиться расставить на высокие руководящие посты близких ему людей, чтобы обеспечить себе единовластное руководство. Мы будем наблюдать такую же обстановку, которая происходила в период борьбы с оппозицией. Вообще наше положение и авторитет значительно ухудшатся и по вопросам внешней политики. Возьмите страны народной демократии, они сейчас, естественно, будут стремиться к большей самостоятельности и к освобождению от нашей повседневной опеки. Особенно это положение относится к Китаю, который и до сих пор чувствовал себя наиболее самостоятельно, а сейчас трудно сказать, как могут повернуться наши отношения, тем более, что США принимают все меры, чтобы вбить клин в наши отношения с Китаем.

Вышинскому пришлось коснуться в своем ответе по вопросу о евреях, значит, за границей по этому вопросу ведут соответствующую

кампанию. В связи с тем, что случилось у нас, естественно, придется идти на известные уступки в области внешней политики. Вышинскому трудно будет и дальше вести непримиримую политику, теперь придется идти на уступки, особенно в корейском вопросе. Вспомните меня, что через месяц война в Корее закончится, и это будет сделано в результате наших уступок»^[9]. Как видим, прогноз получился поразительно точным (если не считать некоторых сроков, которые вообще редко удается предугадать). Тоталитаризм тоталитаризмом, а способность мыслить объективно, компетентно и свободно во многом зависела от человека. И в наше время перегрузки информацией редко встретишь людей, способных анализировать политическую ситуацию так точно, как тот советский полковник.

Сводки МГБ и семейные предания доносят до нас высказывания отдельных людей, которые встретили смерть Сталина с радостью. Но ни они, ни трезвые аналитики до 1956 г. не были фактором общественной жизни, так как не имели никакой возможности познакомиться со своим мнением круг более нескольких человек.

В 1956 г. началось необратимое расширение этого круга. И партийное руководство предоставило для этого прекрасную возможность. Ведь поворот политики произошел без четкого разъяснения, что теперь правильно, а что нет, что можно, а что нельзя. Это открывало возможность для дискуссии, которая и развернулась в партийных организациях, студенческих аудиториях и заводских курилках. На места выехали официальные докладчики. Им посыпались вопросы – как правило в неподписанных записках. Наиболее острые вопросы не оглашались, конечно, но записывались и передавались наверх. Так возник популярный и ныне жанр «Задай свой вопрос Государю». При этом многие вопросы были риторическими.

Поскольку доклад Хрущева оставался секретным, решение по нему съезд не вынес, то в стране и партии возникли ажиотаж и недоумение. Все хотели быть причастными к тайне, и мало кто понимал – что теперь верно, а что нет.

Люди, слышавшие доклад и готовые рассказать о нем, оказались популярнее народных артистов СССР. Вот историк академик А. Панкратова выступала перед ленинградской интеллигенцией на тему: «XX съезд КПСС и задачи исторической науки». Залы были переполнены. В записке А. Панкратовой в ЦК с отчетом об этих

выступлениях звучат нотки недовольства порядком оглашения доклада Н. Хрущева на XX съезде. Собственно, эта секретность породила волну разномыслия и недоумения. Тем самым Панкратова и намекает на необходимость большей гласности в этом вопросе, и прикрывается от обвинений, что занялась не своим делом. «После чтения доклада никакой «разъяснительной» работы не проводилось. Все это вызвало недовольство и огромное множество самых разнообразных вопросов, свидетельствующих о большой взволнованности и о смятении среди кадров интеллигенции. Поэтому вместо научного доклада о проблемах исторической науки в новой пятилетке, для чтения которого меня пригласили, мне пришлось за время с 20 по 23 марта сделать 9 докладов и лекций на тему: «XX съезд партии и задачи исторической науки» с разъяснением вопроса о культе личности^[10]. На этих встречах присутствовало более 6000 представителей интеллигенции, было подано свыше 800 записок, подавляющее большинство которых посвящено политическим вопросам.

Спектр мнений, представленный Панкратовой, дает преимущество антисталинистам: «...если вспомнить доклад т. Хрущева об отрицательной роли Сталина в 1937—1938 гг., если вспомнить, какие там имеются намеки даже на его отношение к убийству Кирова, то, что говорится о его почти вредительской роли в период Отечественной войны, то вывод напрашивается один: действительно, надо снимать портреты Сталина и выбросить его из истории»^[11].

Другая группа записок, наоборот, считает нецелесообразным пересмотр роли «мертвеца—Сталина» и выражает недовольство «шельмованием и глумлением над именем Сталина». В этих записках речь идет о «культе личности наоборот»: «Разве приписывание всех ошибок тов. Сталину не есть культ личности?»

«В своем докладе Вы несколько раз упоминали о культе личности Сталина в истории партии, осужденном XX съездом партии. В то же время Ваш доклад изобилует выражениями: «Ленин учил, указал, организовал, руководил, предвидел... Не выглядит ли, что шарахаемся содной стороны в другую, один культ личности осуждаем, а другой превозносим, вместо коллективного руководства ЦК и всей партии. Неужели так мала роль т. Сталина в организации Октябрьской социалистической революции, разгроме троцкистов—

оппортунистов, гражданской войне, построении индустриализации и укреплении мощи страны, что он после смерти не заслужил даже упоминания в истории чтобы висели его портреты? А если это так в действительности, то почему же он был у руководства страной почти 30 лет, и все эти 30 лет только восхваляли его, и никто по-партийному не поправил его ошибок, или не сместили с поста вовремя? Или после смерти безопаснее критиковать недостатки? Разве только один Ленин говорил, воспитывал, организовывал, укреплял партию для борьбы с капитализмом, а не все сознательные трудящиеся, не ЦК, не бюро русского ЦК?». Симпатия к Сталину ведет к требованию более последовательного отказа от «культы». Но подобную идею высказывают, разумеется, не только сталинцы: «Не является ли проявлением культа личности, когда везде и всюду, начиная с ЦК КПСС, съезда партии, беспрерывно говорится о великом Ленине, его великих заслугах, умаляя роль народных масс, в силу которых так верил В.И. Ленин. Тогда, как известно, что сам Ленин был решительным противником культа личности?».

Несогласие с попыткой свалить все на Сталина объединяет сталинцев и радикальных антисталинистов. Благо, в зале много историков–марксистов, которым несложно применить к «культу личности Сталина» метод исторического материализма: «Не является ли данью культу личности мнение, что один Сталин мог сломить волю большинства партии (или навязать партии неправильное решение отдельных вопросов). Ср[авните] оценку роли Наполеона III К. Марксом и В. Гюго»^[12].

Можно применить и цивилизационный подход: «Были ли в русской жизни социально–экономические и социально–психологические исторические предпосылки фантастического расцвета культа личности? Неужели все дело в том, что не разглядели как следует, Сталина? А ведь партия умела бороться раньше с культом личности?»

Как видим, состояние советской исторической мысли позволяло уже в 1956 г. сформулировать основные подходы, которые и сейчас используются для анализа и оценки истории 30–х гг. Но тогда эти риторические вопросы остались засекреченными, и подобные идеи пришлось переоткрывать снова – вплоть до Перестройки.

От анализа причин – один шаг до оппозиционных выводов: «В чем материальная основа культа личности? Может быть, в монопольном положении промышленности и сельского хозяйства, не испытывающих никакой конкуренции и поэтому не имеющих внешних стимулов для совершенствования? Отсюда любое состояние может быть признано наилучшим?»^[13]

«Почему не даются объяснения его поведения, как отражение интересов определенного социального слоя, выросшего, скажем, на почве советского бюрократизма, исказившего советскую демократию? И если говорить о принципиальном повороте, то в каких реальных мерах, направленных против всемогущества этой бюрократии, он выражается?»^[14]

Вопросы на «классовые» темы были весьма конкретны и напоминали о забытых принципах коммунистической идеологии: «В связи с укоренившимся положением о культе личности в истории не извращен ли социалистический принцип в оплате труда советских граждан, когда труд одного человека, скажем простого рабочего, оплачивается в 600—700 рублей в месяц, ценится ниже, в 20—30 раз дешевле труда высокопоставленных ответственных работников и ученых и других, получающих 15—20 тыс. руб. в месяц. В связи с этим, не скажете ли Вы, чем была вызвана отмена ленинского принципа оплаты труда, существовавшего в первые годы Советской власти?»^[15]

А. Панкратова специально отмежевывается от наиболее опасных вопросов, помещая их в отдельную рубрику: «Внушают тревогу такие, например, вопросы:» Ох, «внушают»!

«Чем было наше государство в продолжении почти 30 лет: демократической республикой или тоталитарным государством с неограниченным единовластием или, может быть, это совместимо?»

«Не способствует ли культу личности однопартийность и почти полное слияние органов власти и партийных органов?»

«Нездоровые настроения прозвучали в записках некоторой части ленинградской интеллигенции, по-видимому, плохо разобравшейся в исторических условиях борьбы за коллективизацию в СССР и кооперирования крестьян в Китае и других странах – продолжает А. Панкратова, – Так, авторы некоторых записок ставят под сомнение вопрос о необходимости ликвидации кулачества, как класса, в нашей стране: «У определенной группы товарищей, в связи с материалами

XX съезда и опытом социалистического строительства в других странах, сложилось мнение, что в проведении политики ликвидации кулачества, как класса, в СССР была допущена ошибка — игнорирование возможности привлечь кулака к социалистическому строительству»^[16].

Авторы записок наметили и другие направления «закрашивания белых пятен истории», которое станет возможным только тридцать лет спустя, во время Перестройки. «В некоторых записках ставится вопрос о том, была ли правильна внешняя политика СССР в предвоенные годы, не было ли ошибкой заключение договора с Германией в 1939 г., не было ли допущено и нашей вины в срыве переговоров с Англией и Францией, как объяснить войну с Финляндией в 1940 г. и т.п.?

Очень большое число записок касается вопросов внутрипартийной демократии, работы органов ЦК и его аппарата и т.п. Немалое количество записок ставит вопрос об оценке исторического значения борьбы партии с антиленинскими течениями: «В связи с признанием тезиса о возможности разных путей построения социализма, не является ли долгом исторической справедливости пересмотреть оценку различных оппозиций, которые противопоставляли линии Сталина свою линию построения социализма? Например, оценку линии группы Бухарина? Может быть, этот путь был бы связан с меньшими жертвами. Не этот ли путь осуществляется в Югославии? И Сталин, и Бухарин исходили из кооперативного плана Ленина, но понимали его по-разному». В одной из записок отмечается, что Зиновьев, Каменев и др. «не являлись врагами народа, а были лишь врагами Сталина»^[17].

Как правило, авторов «острых вопросов» не пытались вычислять — ведь и ответы были всем интересны. Но в некоторых случаях бдительность старой школы давала плоды: «В партийной организации Приморского краевого управления культуры имела место троцкистская вылазка, направленная на то, чтобы обелить врагов партии. В протоколе партийного собрания был записан вопрос, якобы задававшийся коммунистами, следующего содержания: «Будет ли где-нибудь отражаться деятельность Троцкого, Зиновьева, Каменева и других, так как кроме отрицательной роли в создании партии и рабочем движении они сыграли какую-то положительную роль?»

Приморский крайком партии не придавал этому факту политического значения и даже не поинтересовался, кем задан этот вопрос. Проверкой установлено, что такого вопроса на собрании никто из коммунистов не задавал, а его вписал в протокол заместитель секретаря парторганизации Играненко»^[18]. В 1956 г. еще не было ясно, до каких пределов дойдет волна реабилитации и коснется ли она соратников Ленина, виновных прежде всего в борьбе против Сталина. Охранители вели свои бои местного значения, подавляя «вылазки троцкистов». Между тем выступление Хрущева неизбежно воскрешало в памяти старшего поколения критику Сталина Троцким, подтверждая правоту внутривнутрипартийной оппозиции. Но реабилитация Троцкого и Бухарина открывала широкую дорогу в двух направлениях: к легализации фракций (ведь Троцкий был фракционером) и к критическому пересмотру политики коллективизации, против которой выступал Бухарин. В итоге Хрущев не решился признать идейное родство – реабилитация партийных оппозиционеров и уклонистов в 50–60–е гг. не состоялась.

Большинство представителей интеллигенции, отважившихся задавать крамольные вопросы, не смело рассчитывать, что им разрешат фракционные вольности. Но требование к власти признать право на разные мнения, на разномыслие, звучит достаточно ясно: «Не лучше ли, как можно меньше бояться различия в научных мнениях, уважать свободу критики, оттенки понимания, чтобы в дискуссии вырабатывать научные положения, без мести оказавшемуся в меньшинстве, без «съедания» даже ошибавшегося?»^[19].

Интеллигенция отважилась даже атаковать невежественных чиновников, которые лезут не в свое дело. Забавно, что «под раздачу снизу» попала будущий министр культуры, секретарь ЦК Е. Фурцева, которая в докладе о XX съезде партии назвала в качестве примера никчемной научной темы «Крестно–купольные храмы XVI века»^[20].

Неудобные вопросы задавали представителям партии и коммунисты столичных «кузниц кадров» – Академии общественных наук при ЦК КПСС, Высшей партийной школе и Московском государственном университете: «Чем объяснить, что на XX съезде ограничились заслушиванием доклада т. Хрущева по вопросу о культе личности и его последствиях. Почему не был обсужден этот вопрос? Не есть ли это нарушение демократического централизма? Не есть ли

это навязывание воли отдельных людей большинству партии? Не есть ли это форма зажима критики? (только в утонченной форме)»^[21].

И здесь одни коммунисты напоминали об ответственности всего Президиума ЦК за прошлую политику, а другие – приводили примеры личной скромности Сталина.

Читая сводки сердитых вопросов, инициаторы осуждения «культы личности» видели, что шокирующий доклад Хрущева, зачитанный, но не обсужденный даже формально, теперь столкнулся с широким фронтом желающих его обсудить. В этот фронт входили и те, кто считал критику Сталина недостаточной, и те, для кого она была необоснованной. Чтобы расколоть фронт, нужно было допустить обсуждение – тогда сторонники разных точек зрения будут противостоять не власти, а друг другу. Но быстрое развитие плюрализма может привести к формированию нового фронта – сторонников перемен, а не просто обсуждения. Чтобы предотвратить это, власть не опускала репрессивного меча, отрубая им те побеги плюрализма, которые слишком быстро тянулись в сторону от корня. Так формировался стиль отношений усложнявшегося общества и авторитарной власти.

Но в 1956 году этот стиль еще не был сформирован, наступил период неопределенности. Местные начальники не знали теперь, что дозволено, а что нет. ЦК санкционировал проведение собраний, где нужно было обсудить и одобрить решения XX съезда. Значит, можно было все–таки обсудить.

Вставшие

Коммунисты привыкли, что обсудить – значило восславить мудрость руководства. Но только что само руководство подало пример критики Вождя. Можно было подождать, отмолчаться, привычно похвалить начальство. Можно было, в конце концов, написать крамольный вопрос, на всякий случай изменив почерк. Но нашлись и коммунисты, решившие, что началось возвращение к «ленинским нормам». Они решились встать с места и сказать то, что было на уме у сидевших за их спинами товарищей.

На собраниях 1956 года высказывались взгляды, которые на будущий год уже будут восприниматься как преступление (особенно, если их высказали беспартийные, и тем более – в виде листовки). Это – критика нынешнего партийного руководства, утверждение, что в СССР нет демократии.

Эту «правду–матку» решались сказать одиночки, но такие выступления по своему риску и воздействию на власть были эквивалентны демонстрациям 60–80–х гг. и сидению на баррикадах в начале 90–х гг.

Радикальные ораторы партсобраний 1956 г. говорят о том, что наболело, часто наивно и бессистемно. Но их роднит общий замысел: сказать сегодня обо всем. Завтра такой возможности может не быть. Ведь это первые за десятилетия открытые политические выступления, идущие вразрез с официальной позицией. Каждое из этих выступлений было неожиданным и производило фурор в отдельно взятом учреждении. Слухи о выступлениях потом передавались из уст в уста, информация – по инстанциям.

Наибольшую тревогу в аппарате ЦК вызвали события в теплотехнической лаборатории АН СССР 23 и 26 марта. Здесь на партсобрании в присутствии более ста коммунистов с зажигательными речами выступила группа молодых ученых–физиков, младших научных сотрудников (мэнээсов). Мэнээс Р. Авалов потребовал провести обсуждение доклада Хрущева «О культе личности и его последствиях» и выявить причины этого культа. Авалов обвинил окружение Сталина в двуличии. Например, и тов. Хрущев, и тов. Булганин в своих выступлениях на XIX съезде так же, как и другие, восхваляли Сталина. Они не высказывали своего мнения тогда. Теперь мы узнали, что у них о Сталине было почти противоположное мнение тому, что раньше высказывалось. Дело не только в Сталине, а в режиме, который сохранился и после его смерти: «Народ был бессилен, поэтому удалось небольшой группе людей установить свою диктатуру. Не культ личности привел к тем явлениям, которые в докладе т. Хрущева характеризуются, как последствия культа личности, а скорее наоборот. Именно то, что в руках небольшой группы была сосредоточена вся полнота власти и всякий, кто не поддерживал эту группу, рисковал жизнью, именно это и привело к тому, что стали восхвалять Сталина». Что же делать, чтобы

восстановить силу народа в противостоянии бюрократии. Есть один забытый рецепт из «Государства и революции» Ленина: «Самой радикальной мерой изжития вредных явлений в нашей жизни может быть вооружение народа. Это на первый взгляд кажется смешным, но если как следует задуматься над той опасностью, которая грозит стране, если допустить рецидивы случившегося, то, безусловно, следует продумать все меры к устранению причин случившегося, несмотря на то, что некоторые из них на первый взгляд вызывают смех. У меня нет никаких сомнений, что если бы существовавший до сих пор режим продолжался еще несколько десятилетий, то нам пришлось бы от социализма к коммунизму переходить путем вооруженного восстания». Не успели коммунисты прийти в себя после революционной речи Р. Авалова, как слово взял Ю. Орлов (в будущем – член–корреспондент Академии наук Армении и один из лидеров диссидентского движения 70–х гг.). Молодой коммунист Орлов заявил: «Наша страна социалистическая, но не демократическая, неправильно делаем, когда сравниваем социализм с капитализмом, тогда, почему не сравнить с рабским строем. Нужно не сравнивать с капитализмом, а говорить о недостатках у нас в социалистическом обществе. У нас такое положение, когда собственность принадлежит народу, власть какой–то кучке прохвостов. Наша партия пронизана духом рабства...»^[22]

Обозвав руководство страны прохвостами, Орлов в заключение речи на всякий случай спросил: «Тов. Платонов, Вы, как начальник 1 отдела, скажите, за выступления сейчас репрессируют или нет?»^[23]

Мэнэс Нестеров закончил выступление словами американского писателя Марка Твена: «Господь бог наделил американцев тремя свободами: свободой совести, свободой слова и благоразумной решимостью не пользоваться ими». И добавил: «Эти слова относились к капиталистическому обществу, но, к сожалению, относятся и к нам. Нужно, чтобы так больше не было...»^[24]

Е. Третьяков конкретизировал демократические требования своих товарищей: «Только тогда можно будет сказать, что с последствиями культа личности (диктатуры) мы справились, когда и на съездах партии и в Верховном Совете будут разногласия, будет серьезное обсуждение»^[25].

Казалось бы, такая резкая критика режима, требования фракционности и даже всеобщего вооружения народа должны были возмутить правоверных партийцев. Но нет.

Выступление мэнээсов вызвало скорее интерес и симпатию. Молодежь выступила откровенно, равнодушно. Ну, погорячились, не все продумали, можно поправить, поспорить.

26 марта руководство парторганизации попробовало устроить идейный разгром «критиканов». Но после первых резких осуждений выяснилось, что коммунисты–физики не собираются участвовать в расправе.

Даже те выступавшие, кто не был согласен с резкостью выступлений мэнээсов, не считали нужным как–то их наказывать, а хвалили за искренность и осуждали ортодоксов, которые обрушились на радикалов: «Я думаю, не будем осуждать и запугивать, разъясним и поправим товарищей, укажем на их ошибки»^[26].

В итоге было принято относительно мягкое постановление с осуждением политической ошибочности выступления мэнээсов. Следовало провести с ними разъяснительную работу.

Вышестоящие партийные чиновники были возмущены. Закрутилось дело об увольнении инакомыслящих. В ходе расследования выяснилось, что выступление мэнээсов не было спонтанным, что они договорились действовать вместе. Но главная угроза заключалась в том, что радикалы могут рассчитывать на благожелательное отношение большинства коммунистов.

Под увольнение подвели Орлова, Авалова, Нестерова и примкнувшего к ним старшего техника Щедрина.

5 апреля события в теплотехнической лаборатории были удостоены постановления Секретариата ЦК и охарактеризованы как выступление «антипартийных элементов», на которую большинство коммунистов ответили «недопустимым для коммуниста либерализмом»^[27].

Информация о событии быстро распространилась, и уже в апреле физики Электрофизической лаборатории в Калининской области обсуждали, что в МГУ идет сбор подписей за восстановление уволенных физиков на работе в Теплотехнической лаборатории^[28].

Но хорошие специалисты нужны отечественной науке – и уже в 60–е гг. физикам будут прощать любые разговоры «между своими».

Своеобразным выражением этой перемены стал фильм «Девять дней одного года» (1961 г.), где физики обсуждают острые социально–политические темы, которые «в прежние времена» могли дорого стоить вольномыслящему (при упоминании этого обстоятельства герой И. Смоктуновского говорит: «А в прежние времена я помалкивал»). В 1956 г. были еще «прежние времена», и те, кто не помалкивал, могли пострадать. В 1961 г. времена были уже «нынешние», и репрессивная санкция наступала для «ценных специалистов» лишь в случае демонстративных публичных политических выступлений.

В 1966 г. парторганизация Курчатовского института уже не боится приглашать в свое учреждение опального (и потому интересного) писателя Солженицына для чтения «Ракового корпуса» [29].

В 1956 г. молодые физики не были одиноки. Не стовариваясь, партийные смельчаки повторяют аргументы друг друга. Аппарат ЦК с тревогой фиксировал их: «на собрании парторганизации Института востоковедения Академии наук СССР с антипартийными заявлениями выступили члены партии Мордвинов и Шаститко».

Старый большевик Мордвинов утверждал, что и нынешние вожди партии «отвечают за расстрелы», обвинил Хрущева в трусости в сталинскую пору. «Руководители партии, по его словам, должны были поставить перед съездом вопрос о своей ответственности». К очередному Пленуму ЦК необходимо провести дискуссию по докладу Хрущева, а по ее итогам созвать внеочередной XXI съезд партии [30].

Старшее поколение было поддержано младшим. Аспирант Шаститко говорил и о неискренности Микояна, который раньше восхвалял Сталина, о том, что Советы ничего не решают, о манере Хрущева всех перебивать во время выступлений.

И в Институте востоковедения парторганизация не захотела «давать решительный отпор», ограничившись затем вынесением выговоров [31].

В парторганизации Литературного института скандал произошел после доклада Первого секретаря Союза писателей А. Суркова, который «нарвался» на студента–заочника С. Никитина. Никитин, моряк и инвалид, уже был известен как критик литературной «лакировки», то есть приукрашивания действительности.

Теперь Никитин выступил с политической речью. Он заявил, что «доклад Суркова никуда не годится: одни общие фразы. В течение

долгого времени нам давали вместо сахара и масла суррогат и покрикивали: «Да здравствует мудрый вождь товарищ Сталин!» Брали, что бросали со сталинского стола. Из нас делали рабов».

Последние слова вызвали возмущение у присутствующих. В зале поднялся шум и раздались реплики: «Хватит!», «Стыдно!» Однако Никитин продолжал говорить^[32].

Как и другие коммунисты, решившиеся в эти дни выступить на партсобраниях «не в струю», Никитин спешил сказать обо всем, что наболело: «У нас, продолжал Никитин, образовалась преграда между писателем и читателем. В литературе много развелось фельдфебелей от литературы. Их надо бы направить к маршалу Жукову. Он найдет им применение». Слова Никитина: «Я вольный человек и хочу петь вольные песни» были встречены возгласами: «Анархист!», «Ни стыда, ни совести!». «То, что мне не дают высказаться здесь, — продолжал Никитин, — говорит о выверте наизнанку старого способа в нынешних условиях. Одна свобода восхваляется, другой не допускается. Старый партизан говорил мне: «Обманывают русский народ, 250 граммов хлеба дают на трудовень». Я забросал его патриотическими фразами. В подобных случаях так все поступали»^[33].

Нежелание части интеллигенции защищать бюрократию пропагандисткой ложью угрожало социальным устоям Системы.

К тому же тема сталинской диктатуры просто провоцировала коммунистов–идеалистов требовать большей демократии, чтобы советы имели не меньше прав, чем западные парламенты.

«На партийном собрании Ереванского Государственного университета... аспирант Погосян П. и преподаватель Кюрегян М. допустили явно антисоветские заявления и восхваления демократии в буржуазных парламентах». Конечно, на этом собрании не мог не «всплыть» национальный вопрос: «Преподаватель Арутюнян Р. внес предложение о присоединении Нагорного Карабаха к Армянской ССР. Несмотря на то, что некоторые коммунисты осудили выступления Погосяна, Кюрегяна и Арутюняна, но партийное собрание не реагировало на их антипартийные измышления»^[34]. Еще радикальнее и обширнее обсуждали национальный вопрос писатели Армении.

И здесь возникли трудности с тем, чтобы примерно наказать радикалов, которым сочувствовало партийное «болото». «6 апреля с. г.

на бюро Кировского райкома партии обсуждался вопрос Карапетяна. Члены бюро райкома партии не оказались на высоте своего положения в решении вопроса Карапетяна, бюро не пришло к единому мнению в оценке антипартийного выступления Карапетяна. Из шести присутствующих членов бюро райкома партии двое предложили исключить Карапетяна из рядов КПСС, двое объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку и двое выговор с занесением в учетную карточку.

Ввиду сложившегося такого положения, ЦК КП Армении поручил Ереванскому городскому комитету партии обсудить и решить вопрос партийности Карапетяна, одновременно реагировать на поведение членов бюро Кировского райкома партии»^[35].

Процесс становился неконтролируемым. Смутьяны получали фактическую поддержку молчаливого большинства партийцев, а значит – в дальнейшем могли повести его за собой.

В то же время и сталинистские настроения, наложившись на национальную гордость, несли большую угрозу.

7–10 марта 1956 г. — в годовщину смерти Сталина начались стихийные демонстрации и митинги в его честь в Тбилиси; Власти применили силу чтобы убрать народ с улиц. В ночь с 9 на 10 марта в Тбилиси были введены войска, погибли люди. Подавив выступление, компартия развернула антисталинскую агитационную кампанию, сообщая, сколько честных грузин погибло от незаконных репрессий. Потрясенные грузины меняли свое отношение к Вождю. Но не все.

Страна продолжала бурлить, и партийно–государственное руководство не контролировало этот процесс.

Судьба радикалов

Обстановка, возникшая после съезда, породила множество полуподпольных, преимущественно молодежных кружков, где обсуждались политические проблемы. Некоторые из них старались развернуть публичную активность под прикрытием официальных лозунгов и структур – прежде всего комсомола. Подводная часть жизни кружка – откровенные обсуждения, в которых быстро

формировалась программа ликвидации существующего бюрократического режима.

Самостоятельные студенческие кружки по изучению классиков марксизма считались хоть и отрицательным, но ненаказуемым явлением – недоработкой структур, которые должны были руководить политической учебой^[36]. А ведь такое самообразование вело прямоком к оппозиционным выводам – слишком велико было различие советской реальности и коммунистических идеалов.

Центром этой активности стала Москва и прежде всего – университет. В это время в МГУ возникло сразу несколько неформальных политических кружков – на журфаке, истфаке и философском факультете. Направление их идейного поиска не отличалось оригинальностью и в целом соответствовало проблемам, которые поднимались в анонимных вопросах и смелыми коммунистами на партсобраниях. Достаточно было приступить к поиску социальных причин «культы личности», и вставал вопрос о существовании в СССР бюрократической диктатуры. Раз в стране есть классовая диктатура, необходимо искать средства борьбы с ней. Нужно найти причины бюрократического перерождения революции и коммунистического движения, найти средства предотвращения этого перерождения, выработать программу демократического социализма. Направление идейного поиска предопределялось работами Маркса и Ленина, стремлением распространить демократию как можно шире, в том числе на производство. Отсюда – внимание к идеям самоуправления и к югославскому опыту. Не сговариваясь, этим путем шли «ревизионисты» и в СССР, и в Восточной Европе.

Так, «кружок Краснопевцева» разработал программу, в которой ставил задачу борьбы против «сталинского социализма», «за создание на предприятиях рабочих советов с правом смены администрации». Типичная идея для левых социалистов, частично взятая на вооружение и реформаторами КПСС в 1987 г. Но за тридцать лет до этого – опасная югославская ересь. Весной 1957 г. кружок установил связь с представителями польской оппозиции^[37].

Методы борьбы также не могли быть оригинальными. Во–первых, они определялись мифологизированным опытом революционного подполья Российской империи, которое воспринималось молодыми революционерами 50–80–х гг. как пример для подражания. Выработать

теорию, устанавливая связи и распространять листовки с целью сделать движение более массовым.

Участники кружка Краснопевцева, как «установил суд», «собирались, делали доклады, обсуждали историю и экономику СССР, историю революционного движения. В июле 1957 г. распространили листовки требованием отмены 58-й статьи УК, суда над сообщниками Сталина, усиления роли советов, права рабочих на забастовку и т.д.» [38].

Во-вторых, советские революционеры считали возможным пользоваться легальными каналами для укрепления своего влияния и распространения своих идей. Прежде всего речь идет о структурах ВЛКСМ. В МГУ они оказались под сильным влиянием радикальных кружков журфака (лидер И. Дедков) и истфака (лидер Л. Краснопевцев).

Осенью 1956 г. период неопределенности закончился. КГБ получил «добро» на пресечение неконтролируемой пропаганды как раз в тот момент, когда молодые радикалы за несколько месяцев идейных дискуссий пришли к оппозиционным выводам и стали распространять соответствующие материалы. Главным бестселлером зарождающегося самиздата по-прежнему был доклад Хрущева на XX съезде, но в дело пошли и политические тексты собственного сочинения.

В зависимости от масштаба пропагандисткой активности реакция органов на кружки была разной. Студенты-философы практически не пострадали, так как ограничивались беседами. В этот круг входили такие известные в будущем эксперты и мыслители, как Н. Биккенин, Б. Грушин, А. Зиновьев, Э. Ильенков, Л. Карпинский, Ю. Карякин, Ю. Левада, М. Мамардашвили, И. Фролов, П. Щедровицкий. Дружеский кружок затем перерос в систему личных связей группы экспертов-прогрессистов, часть которой составила ядро редакции журнала «Проблемы мира и социализма», который в первой половине 60-х гг. возглавлял прогрессист А. Румянцев (Е. Амбарцумов, Б. Грушин, Ю. Карякин, О. Лацис, В. Лукин, М. Мамардашвили, И. Фролов, А. Черняев, Г. Шахназаров) [39]. Затем эта группа и круг «оттепельных» выпускников филфака занял сильные позиции в московских либеральных изданиях, в экспертной структуре ЦК. Они стали ядром статусного «шестидесятничества» и сыграли затем важную роль в разработке политики Перестройки.

С кружком на журфаке партком и КГБ провел профилактическую работу, заставив отойти от общественной деятельности часть его лидеров, в том числе и И. Дедкова. Кружок, в котором велись оппозиционные обсуждения, сохранился до окончания МГУ курсом, поступившим в 1955 г. Члены кружка пытались установить связи с рабочими (через легальное движение «коллективноопытничества»), но после новых «профилактических» бесед в КГБ свернули нелегальную активность^[40].

9 участников кружка Краснопевцева, в том числе молодые ученые и преподаватели, были осуждены 12 февраля 1958 г. на различные сроки заключения. Они пошли дальше других, перешли к «антисоветской агитации» с помощью листовок.

В марте 1957 г. был разоблачен подпольный кружок, образованный Р. Пименовым, Б. Вайлем и И. Вербловской в конце 1956 г. Они организовали несколько встреч студентов Ленинградского библиотечного института, на которых читали статьи и стихи Пименова, обсуждали важнейшие события жизни страны: доклад Хрущева на XX съезде КПСС, события в Венгрии, а также распространяли самиздат об этом. Вероятно, именно с нелегального распространения текста доклада Хрущева можно вести историю политического самиздата.

КГБ «пропалывал» эту почву – слишком радикальных, переходивших к распространению революционных материалов арестовывали, с более осторожными вели профилактические беседы. Это давление быстро покончило с открытой молодежной политической фрондой. Но многие участники полуподпольных радикальных групп сохранили верность прежним взглядам, пусть и в модифицированной форме. Часть этих групп ушли в глубокое подполье. При попытках начать действовать более активно радикалы попадали за решетку (см. Главу VIII). Но большинство пережило путь идейных исканий, который приводил к более безопасным формам общественной жизни.

Большинство молодых революционеров, закончив вузы и избежав ареста, продолжили давить на режим на новых местах работы – уже освоив искусство эзопова языка. Они включились в работу по формированию идейного спектра СССР, сложной ткани общественных движений и течений.

Новый подъем политического неформального движения был невозможен вплоть до самой Перестройки. И в середине 80-х гг. политические неформалы занимались тем же, чем прежде – их предшественники тридцать лет назад. Сначала – подпольное обсуждение темы сталинизма, его причин, альтернатив, способов преодоления. Ответы в 1956 и 1986 гг. были очень похожи – наложение советской реальности на общедоступный марксистско-ленинский инструментарий давало ответ, как дважды два – четыре. Сталинизм – проявление господства бюрократического класса. Необходимо бороться с этим классовым господством, отношениями отчуждения. Значит, нужна демократия и политическая, и производственная – самоуправление, возрождение власти советов. Это – типичная идеология молодого оппозиционера, формирующего взгляды самостоятельно – без помощи старших товарищей, самиздата и тамиздата. Но попав в более широкую информационную среду, революционеры эволюционировали в самых разнообразных направлениях.

В 80-е гг. неформалы воспроизвели и типичные методы борьбы молодых радикалов 50-х гг.: продвижение своих людей в комсомольские органы, публичные дискуссии на разрешенные темы, но с понятным всем оппозиционным подтекстом, попытки установить связи с рабочими и журналистами, создать ячейки на заводах и продвинуть статьи о своих инициативах в малотиражную и даже большую прессу^[41]. Но во второй половине 80-х гг. власти хоть и оказывали сопротивление, но не отправляли неформалов в тюрьму. В итоге неформалы раскрутили кампанию массовых митингов, подорвавшую устойчивость коммунистического режима. Значит, эта угроза существовала и в 1956 г. Ее серьезность подтвердило и восстание в Венгрии, тем более, что оно встретило сочувствие части молодых радикалов.

Всплеск репрессий?

Руководство партии подвело итоги подъема общественного движения 1956 г. и борьбы с ним в письме ЦК КПСС «Об усилении

политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов» 19 декабря 1956 г.

Главная угроза – «ревизионисты» получают молчаливую поддержку части партии: «есть немало примеров, когда коммунисты и партийные руководители решительно не пресекают антисоветскую пропаганду, не дают отпора вражеским вылазкам, плетутся в хвосте событий. Более того, есть и такие «коммунисты», которые, прикрываясь партийностью, под флагом борьбы с последствиями культа личности, скатываются сами на антипартийные позиции, допускают демагогические выпады против партии, подвергают сомнению правильность ее линии. Следует подчеркнуть, что опасны не только сами по себе эти враждебные вылазки и антипартийные выступления, опасно и недопустимо, когда партийные организации ведут себя пассивно, нередко проходят мимо этих фактов, не проявляют ленинской принципиальности и партийности в их оценке, не дают организованного отпора антипартийным и демагогическим выступлениям и не принимают решительных мер к пресечению деятельности антисоветских, враждебных элементов»^[42].

Действительно, возникла опасная для режима ситуация, когда именно партийные организации становятся благодатной почвой для пропаганды ревизионизма, то есть такой трактовки коммунизма, которая выходит далеко за дозволенную планку свободы.

Разумеется, от партийных смутьянов не отстают интеллигенция: «стали выдвигаться требования «освободить» литературу и искусство от партийного руководства, обеспечить «свободу творчества», понимаемую в буржуазно–анархистском, индивидуалистическом духе»^[43]. Этот индивидуалистический дух и сам по себе неприемлем, но стоит литераторам отбиться от рук, как они начинают «охаивать и очернять», ставить под сомнение партийные постановления 1946–1948 гг., то есть указывать партии, что ей делать. За это досталось К. Паустовскому и О. Берггольц, но имелся в виду более широкий круг литературных прогрессистов (См. Главу II).

А тут и историки стали подбираться к тайнам партийной истории. Пока осторожно, издали, не там, где хранятся самые страшные скелеты в шкафу. Но в таком деле, как история партии, все должно быть под контролем самой партии: ««Журнал «Вопросы истории» допустил одностороннюю трактовку в освещении отдельных важных

проблем. В некоторых статьях, опубликованных в журнале, преуменьшается вредность оппортунистической политики меньшевизма в революции 1905–1907 годов, делается попытка сгладить принципиальные разногласия между большевиками и меньшевиками по важнейшему вопросу о гегемонии пролетариата в революции. В статье М.А. Москалева «Борьба за создание марксистской рабочей партии в 90–х годах XIX века» берется под сомнение тот факт, что В.И. Ленин еще в 90–х годах прошлого века выдвинул идею революционного союза рабочего класса и крестьянства. Автор, извращая исторические факты, утверждает, что, якобы, только первая русская революция убедила Ленина в необходимости такого союза»^[44]. Справедливости ради можно упомянуть, что историческая реальность лежала посреди – в 90–е гг. Ленин еще не выдвигал идеи такого союза, но сдвигался к ней уже в первые годы века, до начала революции 1905 г. Но дело не в этих нюансах. Историки «стали слишком много на себя брать». Нужно напомнить «Вопросам истории», кто определяет правильное прошлое. Но историки не успокоятся, и в 60–е гг. развернут свое наступление на исторические догматы.

Третья угроза – молодежь: «Центральный Комитет считает необходимым обратить внимание всех партийных организаций на имеющиеся у нас крупные недостатки в работе с молодежью. Нельзя пройти мимо того, что среди некоторой части студенчества имеют место нездоровые настроения, высказываются неправильные взгляды на нашу советскую действительность. За последнее время в ряде высших учебных заведений Москвы, Свердловска, Каунаса, Таллина и некоторых других городов были прямые антисоветские и националистические выступления.

На состоявшейся недавно комсомольской конференции политехнического института в гор. Свердловске с провокационной, враждебной речью, направленной против советского общества, против политики партии и правительства, выступил студент Немелков, поддержанный группой демагогов. Присутствовавшие на конференции заместитель секретаря парторганизации института т. Веселов, секретарь Кировского райкома т. Баев и секретарь Свердловского горкома партии т. Осипов заняли трусливую позицию и не дали отпора Немелкову и распоясавшимся демагогам.

Активизировали свою деятельность антисоветские, националистические элементы среди студенческой молодежи Литвы и Эстонии. Этими элементами выдвигаются требования буржуазно-националистического порядка, всячески разжигается национальная рознь, одобряются действия венгерских контрреволюционеров, высказываются предложения о ликвидации комсомола и замены его националистическими молодежными организациями. Имеются случаи, когда среди студентов распространяются антисоветские листовки. Эти враждебные вылазки не всегда пресекаются и получают должную политическую оценку со стороны партийных организаций.

На партийном собрании Ереванского университета отдельные! коммунисты выступили с антипартийными заявлениями, под предлогом осуждения культа личности ставили под сомнение правильность политики партии и правительства, протаскивали националистические взгляды»^[45].

Таким образом, постановление фиксирует четыре угрозы: коммунисты–ревизионисты, вольномыслящие интеллигенты, молодежь с оппозиционными идеями, национализм^[46], который проявляется и в трех вышеуказанных группах.

Казалось бы, зараза выявлена и должна быть искоренена. Но в 60–70–е гг. мы будем встречать снова и снова все эти компоненты, которые окрепнут, усложнятся, найдут новые пути борьбы за расширение рамок легальной свободы. Власть метала грома и молнии, но не могла выкорчевать то, что осуждала — только пропалывать.

* * *

Сторонники либеральной идеологии стремятся доказать, что изменения коммунистического режима в 50–60–е гг. носили поверхностный характер, что режим оставался тоталитарным, враждебным свободе также и в период «оттепели», когда в сравнении со сталинистскими временами мало что изменилось.

Публицист Д. Быков доводит эту точку зрения до абсурда, до примитивного мифа, сводя всю «оттепель» к нескольким месяцам 1956 г., после чего у Быкова наступает «реставрация» (получается –

восстанавливается сталинский режим), приостановленная ненадолго в 1962 г. (Солженицына опубликовали!)^[47]. На либерального публициста не угодишь: июньский пленум 1957 г. – «реставрация», фестиваль молодежи и студентов с его культурным шоком – «реставрация», расширение социальных прав, поэзия Политехнического и Маяковки – реставрация, реставрация, реставрация.

«Простое высказывание любых альтернативных официально «утвержденным» коммунистическими олигархами взглядов в 1950–е гг. по-прежнему трактовалось как опасное государственное преступление»^[48], — утверждает современный либеральный историк В.А. Козлов. Так уж и любых? Мы все время будем сталкиваться на страницах этой книги с высказыванием взглядов, которые возмущали коммунистическую олигархию, но за которыми вовсе не следовало преследования за «опасное государственное преступление». «Власть ни на йоту не расширила пространства для высказывания альтернативных взглядов, но ликвидировала риск уголовного преследования для тех, кто не выходил за рамки дозволенного»^[49], — настаивает В.А. Козлов. В этой позиции очевидно противоречие. С одной стороны, свобода высказываний при Сталине и Хрущеве оценивается В.А. Козловым как одинаковая («ни на йоту не расширила»). С другой стороны, при Хрущеве можно было спокойно высказываться в некоторых рамках, которых при Сталине просто не существовало. При Сталине свобода легальных высказываний альтернативных взглядов = 0. При Хрущеве – некоторая положительная величина, больше нуля. Это – бесконечно больше, чем ноль. А мы увидим, что пространство таких высказываний, за которым не следовало уголовного наказания, уже при Хрущеве значительно вырастет. Отличие эпох Сталина и Хрущева как раз в том и заключается, что власть легализовала альтернативные взгляды, создав рамки пространства свободы.

Впрочем, противореча себе, В.А. Козлов вскоре замечает: «словом, абсолютное большинство населения страны могло теперь вздохнуть свободно и даже позволить себе вольность легкого фрондирования. Один–два шага за границы дозволенного, если они сопровождались соблюдением коммунистических ритуалов и необходимыми «молитвами» о верности социализму, стали теперь допустимым риском, игрой с властью, которая могла и не закончиться

тюрьмой, если ты успел вовремя вернуться в очерченные коммунистическими правителями рамки, если ты научился правильно понимать политические сигналы и намеки. Эта новая социальная ситуация могла восприниматься как освобождение только по сравнению с временами сталинского террора, когда даже лояльность к власти не давала человеку почти никаких гарантий...»^[50] Ну слава Богу, хоть в сравнении со сталинскими временами освобождение признает и В.А. Козлов. Что же, любое освобождение относительно. Но современные либеральные авторы видят освобождение не там и не в том, где оно действительно происходило. Для них высказывание социалистических взглядов уже само по себе – несвобода, даже если человек искренне им привержен и атакует режим «с молитвами» социализму, а не либерализму.

Большинство людей, которые бросали вызов системе и шли за это в лагеря уже при Хрущеве, были верны социализму. Значит, граница дозволенного и недозволенного проходила не там, где это видит либеральный исследователь. Грань, за которой следовала уголовная репрессия, проходила не между левыми и правыми, а между умеренными и радикалами.

Внутри приблизительно очерченного властью пространства закипела борьба идейных течений. Им было тесно в этих рамках, и смысл выхода за них на шаг – два заключался не в получении порции адреналина (за это известных людей после 1953 г. уже не сажали, а с конца 50-х гг. не сажали уже никого), а в давлении на сами рамки, в расширении их. Соответственно, и мотивы власти, проводившей контратакующие набеги на «зарвавшихся» и «заигравшихся» заключались не в уничтожении альтернативности и свободы, а в сдерживании их.

В.А. Козлов считает, что после XX съезда «человек теперь знал, что «можно» и чего «нельзя» делать. Именно это (и ничто иное) создавало субъективное ощущение большей свободы. Власть меньше стала злоупотреблять законом, но сам закон не стал от этого более справедливым»^[51]. Такой фразой можно охарактеризовать чуть ли не любое не-тоталитарное индустриальное общество. Свобода человека на Западе также упрятана в прокрустово ложе права, которое тоже далеко не всегда справедливо. Удивительно, каким образом В.А. Козлов умеет измерять степень справедливости законов, но, увы,

власть и в «оттепель» не отвыкла от злоупотреблений (и снова напомним – как в большинстве стран «свободного мира»). Хотя характер их изменился. Все дело в том, что и после XX съезда человек не знал, что можно, а что нельзя. Но получил возможность проверять. Возникла серая зона между «можно» и «нельзя», в которой развернулась напряженная борьба.

Чтобы поставить эпохи Сталина и Хрущева на одну доску, В.А. Козлов выдвигает тезис о «всплеске политических репрессий в 1957–1958 гг.» «Количество осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду в течение этих двух лет составляет 41,5% от общего числа всех осужденных за 32 года «либерального коммунизма!»^[52]

Даже если бы в 1957–1958 гг. был «всплеск», это доказывало бы, что с 1959 г. наступает «вегетарианский период» – во всяком случае в количественном уровне репрессивности. Однако был ли «всплеск»? Ведь всплески случаются на фоне «тиши», низких показателей. Но если посмотреть на график численности осужденных по политическим статьям, вы никакого «всплеска» не увидите – так, шероховатость. Ведь рядом – настоящая волна, просто–таки цунами.

В пятилетие 1948–1952 гг. количество сидевших за контрреволюционные преступления приросло с 416157 до 480766 заключенных^[53], то есть на 64609 человек. Это значит, что в последние сталинские годы с учетом гибели заключенных в лагерях было арестовано более 65000 «контрреволюционеров». Следовательно, в пятилетие 1956–1960 гг. произошел не «всплеск», а резкое снижение масштабов политических репрессий, которое продолжилось и позднее, в том числе при Брежнев. 1956 г. на этом графике – небольшая и вполне объяснимая щербинка. А 1957–1958 гг., соответственно, «горбинка» – половина от общего числа осужденных в 1956–1960 гг. Эта «горбинка» становится еще меньше, если учесть, что часть осужденных в 1957 г. была арестована как раз в 1956 г.

Оппозиционно настроенные люди обращались к орудию листовочной борьбы и в 1956 г. Что же, их прощали до «всплеска» 1957 года? Ничуть не бывало – преследовали по всей строгости. Так, в Плесецком районе был арестован рабочий комсомолец Генерозов за распространение листовок. Он подготовил и письмо Хрущеву: «Никита Сергеевич! Мы, рабочие Верховского лесопункта, благодарны Вам за то, что Вы нашли в себе смелость сказать всему народу правду

и сообщить факты, которые дают основание не доверять Вам и правительству. Мы свято чтим Ленина, его учение и считаем, что в создавшейся обстановке нам нужно поступать, как учил Ленин: вся власть Советам, т.е. местным Советам депутатов трудящихся. Только этим путем можно будет прийти к коммунизму. Если Ваше заявление и доброжелательство к Ленину не лицемерны, то Вы пришлите нам свои правительственные гарантии, что наших делегатов и агитаторов не тронут работники милиции и госбезопасности. В противном случае могут возникнуть инциденты, а может даже, и ненужные кровопролития, за что ответственность будете нести Вы. Мы считаем, что ответ Вы нам дадите без лишней волокиты». Это письмо, как объясняет Генерозов, он должен был отправить адресату в том случае, если бы получил поддержку на собраниях рабочих^[54].

Генерозов был арестован, хотя взгляды его были вполне коммунистическими. Но он угрожал власти рабочим восстанием, а это уже был «состав преступления».

Поскольку в сознании советских людей сохранялась размытость грани между «можно и нельзя», уже в 1958 г. власти стали переходить от немедленных арестов инакомыслящих к предварительным профилактическим беседам с ними. В большинстве случаев это позволяло добиться прекращения подпольной активности, но не избавляло от инакомыслия – просто оппозиционно настроенные люди отправлялись из изолированных кружков не в лагеря, а в офисы, где продолжали бороться за отредактированные идеалы юности на новом поприще.

Профилактика давала инакомыслящим опыт, показывая, что некоторые важные политические вопросы можно обсуждать вполне открыто. В 1958 г., во время профилактической беседы в КГБ, когда от него требовали объяснить содержание политических бесед в кружке, студент журфака МГУ Г. Водолазов признавал дискуссии о Сталине – «знаю, что вопрос этот по видимости «острый», но сейчас, после XX века, расхождение по нему не обидно ни для кого»^[55]. Безопасность обсуждения «острого» политического вопроса – принципиальное отличие эпохи до и после XX съезда.

К концу хрущевского правления профилактировалось около половины выявленных инакомыслящих. Тогда же был проведен частичный пересмотр дел 1957–1958 гг.

Важно и то, что Хрущев отказался от репрессий против сталинцев (в отличие, например, от И. Тито). Аресты сталинцев происходили, но если были сопряжены с оппозиционными действиями и (или) грубой критикой хрущевского режима и лично Никиты Сергеевича. К умеренным сталинистским выступлениям относились терпимо, например, к таким: «Сталин выдвинулся как руководитель в тяжелое для нас время, с именем Сталина связаны тяжелые годы борьбы за социализм, с ним вместе мы шли на преодоление любых трудностей, знали его как, несомненно, выдающуюся личность, и это глубоко вошло в сознание и сердце каждого советского человека. Поэтому так развенчивать его в глазах народа не следовало бы. Люди могут подумать: чему же верить? Тому ли, чему учили на протяжении 30 лет, или тому, что сейчас прочитали в докладе? На ошибках Сталина надо учиться и делать правильные выводы на будущее. В этом главное»^[56]. Однако, это была точка зрения, «альтернативная» утвержденной кремлевской олигархией. И ничего. Возникло легальное сосуществование противоположных точек зрения на важнейший политический вопрос.

Таким образом, «оттепель» положила начало более осторожной, избирательной репрессивности. Но понятно, что переход к ней не мог произойти легко и сразу – неконтролируемый рост общественной активности угрожал режиму разрушением – что ярко продемонстрировали события в Венгрии, а позднее – Перестройка. Но Перестройка развернулась после нескольких десятилетий усложнения советского общества, когда не то что развернуть события вспять, но и удержать общество под контролем партийных структур было практически невозможно^[57]. А в 1956 г. большинство людей, пробудившихся к общественной жизни, были заинтересованы скорее в выработке своего мировоззрения, общественной позиции, чем в ее осуществлении. Это позволяло режиму вернуть инициативу, репрессировав наиболее радикальных одиночек. Но процесс мужания общества продолжался.

С каждым месяцем «оттепели» все четче осознавались возникающие в советском обществе специфические интересы интеллигенции, директорского корпуса и других слоев общества.

Осознавая собственные интересы, советский средний класс отделялся от монолита сталинской социальной пирамиды, возникал как «класс для себя», как социально–политический субъект, как фактор социально–политической жизни. Этот процесс был необратим. И поэтому реставрация была уже невозможна.

В СССР роль среднего класса играли интеллигенция, специалисты и служащие среднего звена. Они не обладали властью, но их труд носил более творческий характер, чем труд рабочих и колхозников. Они считали себя более компетентными, чем вышестоящие чиновники, что приводило к конфликтам, неудовлетворенности результатами своей работы, которая не могла в полной мере принести плоды в рамках бюрократической системы. Сохраняющиеся противоречия между «физиками и лириками», приглушенное общим антибюрократическим настроем, отражали неоднородность советского среднего класса. Одна часть средних слоев считала главным повышение эффективности производства. Эта тенденция, которую можно охарактеризовать как технократическую, ведет к образованию социального слоя технократии – научно–производственных руководителей, которые устанавливают собственный контроль над производством независимо от форм собственности на нее. В СССР технократическая тенденция еще только формировалась и проявилась в полную силу в виде «революции менеджеров» времен Перестройки. Другая тенденция, связанная с отставанием гуманитарных начал (личностных, гражданских, демократических) была представлена той частью интеллигенции, которая стремилась вырваться из тесных авторитарно–индустриальных рамок современного общества. Но куда? Этот вопрос интеллигенция будет обсуждать десятилетиями.

Столкнувшись с табу на обсуждение политических вопросов, вольномыслие стало продвигаться в сферы философские, непосредственно не связанные с политикой и теми областями, которые уже «правильно» решены официальной идеологией.

Такая ниша была очерчена в стихотворении Б. Слуцкого «Физики и лирики»: «Что–то физики в почете, что–то лирики в загоне». Спор

«физиков и лириков» стал приемлемым решением и для власти, и для интеллигенции. Интеллигенты могли в этой области удовлетворить свою потребность в дискуссии безопасным для властей образом. Сначала даже казалось, что спор еще сильнее разделит фронт фронды.

«Лирики» – гуманитарная интеллигенция, ставили во главу угла личность с ее многосторонней развитостью, а «физики» – техническая интеллигенция и индустриальная технократия (директора с инженерным бэкграундом и инженеры–управленцы) – эффективность, неотделимую от четкого разделения труда. «Физикам» требовался человек–функция, а «лирикам» – Человек Возрождения.

Характеризуя споры «физиков и лириков», П. Вайль и А. Генис писали: «Наука казалась тем долгожданным рычагом, который перевернет советское общество и превратит его в утопию, построенную, естественно, на базе точных знаний. И осуществят вековую мечту человечества не сомнительные партработники, а ученые, люди будущего... Ученый растворил двери храма и пошел в народ или правительство. Снимая с себя сан, он превращался в гражданина. Однако в России это место было занято поэтом»^[58]. Гуманитарная интеллигенция с беспокойством реагировала на смелые технократические проекты, будь то использование озера Байкал в промышленных целях или создание искусственного интеллекта.

Спор «физиков и лириков» развернулся на кухнях и в курилках, но не привел к формированию сколько–нибудь оформленных партий. Вскоре два отряда интеллигенции обнаружили, что при всем различии философий, у них общий противник. Собственно, это было заметно уже на весенних партсобраниях, где наиболее радикально выступили как раз молодые физики и гуманитарии.

Сначала они двинулись в наступление «двумя колоннами» (используя более позднее выражение лирика Солженицына о его отношениях с физиком Сахаровым), но, столкнувшись с первыми поражениями, вступили в союз. Осенью антибюрократическая смычка инженерного и писательского слоев выразилась в массовой поддержке писателя В. Дудинцева, который на некоторое время стал выразителем чаяний как рационализаторов и изобретателей, о которых написал свой роман «Не хлебом единым», так и радикальных писателей, которые увидели в этой повести антибюрократический потенциал. Это вызвало уже нешуточное беспокойство власти (см. Глава II).

И тем и другим требовалась свобода творчества, свободные связи с мировой наукой и культурой, возможность распространения и внедрения своих идей. Следовательно, и тем, и другим было душно в рамках авторитарного режима. В то же время и те, и другие были элитарны и в этом противостояли не только чиновникам, но и недостаточно еще образованному народу. И здесь разделение проходило уже не между «физиками» и «лириками», а между «демократами» и «либералами». Идти ли в народ? Открывать ему глаза на его несвободу (которую уже почувствовали сами) или искать другую точку опоры в верхах. Идеиные потоки множились и усложнялись.

«Физики» вступили в союз с «лириками» в борьбе против чиновника. Но разногласия между «физиками» и «лириками» не исчезнут, они будут проявляться и в диссидентском движении, и на страницах книг, и в кабинетах сотрудников аппарата ЦК КПСС.

Каждый повод использовался советскими людьми, чтобы хоть на метр сузить пространство бюрократического контроля. Во время обсуждения романа В. Дудинцева инженеры горячо осуждали произвол чиновников и директоров. Но директора уже не хотят быть просто низовой частью бюрократической иерархии. Советская технократия осознает свои собственные интересы, отличные от интересов чиновничества.

Возможность проявить себя появилась, когда в советской прессе развернулась официальная дискуссия о перестройке хозяйственного управления – готовилась реформа 1957 г. – переход от ведомственного управления хозяйством к территориальному. В любом случае речь шла именно об управлении предприятиями сверху. Но производственники, и прежде всего директора, ставят вопрос иначе.

Авторы статей и писем в редакции, ритуально поминая добрым словом доклад Хрущева, с плохо скрываемым злорадством приветствуют сокращение бюрократического аппарата, требуют сокращение числа звеньев управления (ликвидации трестов, находящихся между предприятием и ведомством, а теперь – совнархозом), а затем начинают говорить о том, чего нет в докладе Хрущева о предстоящей реформе. И вот в «Правде» со смелыми предложениями выступает директор Уралмашзавода Г. Глембовский. Он предупреждает Хрущева, что переход к совнархозам не решит

проблему, ради которой делается вся реформа: «Следует учитывать, что элементы ведомственности, проявляемые сейчас различными министерствами, могут в известной степени иметь место и в экономических районах при новой форме управления»^[59]. Как ни пересаживай чиновников – по отраслям или по территориям, а их бюрократическая сущность не меняется^[60]. Выход: «Трудности, связанные с необходимостью оперативного и конкретного руководства большим количеством предприятий и строек, могут быть значительно уменьшены за счет дальнейшего расширения прав предприятий»^[61].

Завязалась дискуссия. Глембовский пытался предложить более плавную перестройку структур управления, и за это его критиковали оппоненты. Но вот идею освободить предприятия от чиновничьей опеки – приветствовали и критики. Директор Московского электролампового завода Г. Цветков вторит Глембовскому, которого по другому поводу ругал: «Перестройка управления промышленностью будет наиболее эффективна, если одновременно будут расширены права предприятий и строек»^[62]. А директор камвольно–суконного комбината «Советская Грузия» Н. Тушишвили и статью свою назвал так: «Расширить права предприятий». Как и все, всецело поддержав доклад Хрущева, он тоже пишет «о своем»: «Надо предоставить директору завода, начальнику цеха больше самостоятельности, резко сократив те ограничения, которые сейчас для них установлены»^[63]. Не нужно бояться своевольного директора, ведь за ним будет присматривать профком и профсоюзная организация. Директора продолжали лоббировать свой вариант реформы всю весну. Вот директор металлургического завода И. Ектов из Сталино, даже забыв выразить ритуальную поддержку докладу Хрущева, напоминает – структура совнархозов похожа на министерства, «громоздкий аппарат приведет к повторению старых недостатков», так что нужно расширить права предприятий^[64].

Хрущев не пошел на поводу у директорского корпуса, но дискуссия 1957 г. стала только первым шагом в лоббировании другой экономической реформы, состоявшейся в 1965 г. и получившей название «косыгинской».

Одновременно с директорами свои вопросы продвигали инженеры. После истории с Дудинцевым дискуссия о реформе оказалась как нельзя кстати – в статьях инженеров и рационализаторов

лоббируется создание влиятельных инженерных советов при совнархозах и при Совете министров^[65].

Свое слово в этой дискуссии сказали и сторонники рабочего самоуправления. Но на этот раз продолжатели дела «рабочей оппозиции» обставили свои крамольные идеи как развитие ценных указаний Хрущева, тоже очень далекое от принципов реформы 1957 г.: «Надо восстановить право рабочих собраний решать многие важные вопросы работы предприятия»^[66], — требует письмо трех рабочих из Баку. Когда подобные идеи высказывались в листовках, за них можно было угодить за решетку. А здесь их опубликовала официальная пресса. Разумеется, Хрущев не решился вводить производственное самоуправление, но обсуждение таких вопросов стало возможно в СССР, если крамольное содержание излагалось с соблюдением лояльной формы.

Съезд как личность

В нашей истории существуют два разных явления. Одно – XX съезд партии, который состоялся в феврале 1956 года. А другое – «XX съезд партии», который оказывал воздействие на развитие общества на протяжении полувека. Он жил и здравствовал, подобно своеобразной личности. Историческим явлением оказывается не только то, что произошло в феврале 1956 года, но и миф, понимаемый как определенная структура общественного сознания. Этот XX съезд жил и воздействовал на наше общество десятилетиями.

Событие в качестве мифа может оказать на мир большее воздействие, чем реальный факт, имевший место в политической истории. Средневекового государства пресвитера Иоанна не существовало в реальности. Но оно воздействовало на политику, потому что государства вынуждены были его учитывать, думая, что оно есть. Читая литературу доперестроечного времени, мы обнаружим там «XX съезд», которому приписывались черты политического субъекта. Эта личность была поставлена в один ряд с другими личностями – Марксом, Энгельсом, Лениным, в какой-то степени со Сталиным, в какой-то степени с Хрущевым – и наряду с ними давала

указания, разрабатывала решения, так или иначе откликалась на современные события в 1960–е и 1970–е гг., причем откликалась по-разному. Если прежде существенные новации могли вносить Маркс, Энгельс, Ленин, на каком-то этапе Сталин, то после 1953 года – только «XX съезд» мог позволить себе «углублять» и «развивать» марксистско-ленинскую теорию. В реальной истории решения XX съезда готовились конкретными аппаратчиками, но в жизни советского народа не эти люди, а XX съезд действовал как мудрый теоретик.

Конечно, при этом подразумевается, что делегаты съезда совершили «мозговой штурм» и разработали нужные решения. Однако никаких подробностей этого «мозгового штурма» не сообщалось, ибо его не было. Делегаты просто утвердили решения, возникшие из некоторого метафизического мира.

Почему место Сталина после политической борьбы 1956–1957 гг. не занял просто «Хрущев»? Хрущев отчасти также был заинтересован в том, чтобы существовал авторитет, который нельзя было подвергнуть сомнению. Хрущев понимал, что у него сейчас нет таких механизмов воздействия на элиту, которые были у Ленина и Сталина. В том числе и благодаря той политике, которую он проводил. Но есть высший авторитет, с ним ничего нельзя поделать – никто из членов партии не может разоблачить XX съезд, оспорить его решения. Таким образом, Хрущев обеспечил себе долгоиграющее алиби – мы-то сейчас с вами знаем, как дальше развивались события, а для него их дальнейшее развитие было совершенно непредсказуемым. XX съезд как высший авторитет был нужен и будущим оппонентам Хрущева, и его более радикальным сторонникам, для них тоже была важна защита, арбитр, определяющий новые «правила игры».

Родившись мудрецом, XX съезд продолжал действовать и даже эволюционировать после февраля 1956 г., по-разному реагируя на изгибы и повороты «генеральной линии партии». Он стал как бы мудрейшим членом Политбюро, заслуженным теоретиком и советчиком.

При этом он оставался великим Учителем и покровителем вольномыслящих коммунистов. Для шестидесятников XX съезд был, а для некоторых остается и поныне «съездом реального гуманизма»^[67]. Хотя гуманизм самого XX съезда был более чем относителен и избирателен, он дал сигнал своим последователям, которые принялись

устранять его непоследовательность. Реабилитация? Как можно шире! Социальные гарантии? Как можно прочнее! Мирное сосуществование? Как можно последовательнее.

Съезд был гарантом необратимости процесса перемен. Несмотря на заморозки, связанные с событиями в Венгрии и Польше, общество становилось более открытым и внешнему миру, что подтвердил Всемирный фестиваль демократической молодежи и студентов в 1957 г.

Когда уже прошли XXI, XXII, XXIII съезды партии, XX продолжал жить совершенно самостоятельной жизнью наряду с ними. Некоторые решения XX съезда партии были естественным образом поглощены последующими. В частности, социальные решения, – на следующих съездах они углубляются, жизнь народа становится все лучше и лучше, и при Брежневе становится уже понятно, что социальная политика XX съезда стала совершенно неактуальной.

Когда в конце 60–х гг. сталинская тема стала официальным дурным тоном, большее значение играли решения съезда по международным вопросам. Более того, в 1970–е гг. выяснилось, что наш «теоретик» переключился в основном на международные дела. Эта «личность» сначала занималась преимущественно проблемой разоблачения сталинского культа, а затем превратилась в деятеля «разрядки».

В 1956 году разрядки не получилось, но именно XX съезд «сформулировал» ее основные идеи и оказался как никогда актуальным в 70–е гг. Именно он соответствующим образом «углубил» учение Ленина о «мирном сосуществовании» (а кому это еще позволительно из ныне живущих?). Более того, именно он обосновал возможность прихода коммунистов к власти мирным путем. Это было «смелое решение» — после в целом неудачного опыта «Народного фронта» 30–х гг. И в связи с чилийским экспериментом, уже после отставки Хрущева, оказалось, что XX съезд «как в воду глядел».

Более того, после отставки Хрущева, который был признан негодным руководителем, достижения его правления были отделены от фигуры правителя. Если с уходом в историческую тень Сталина его псевдонимом стала «партия», то заслуги Хрущева помимо партии взял на себя «XX съезд». XX съезд как квазиличность позволил совершенно четко отделить зерна от плевел. Все грандиозные достижения – это

результат XX съезда, который продолжал руководить страной и после 1956 г. А все провалы – понятно, что это результат волюнтаризма Хрущева. Возникла модель разделения ответственности, которую применяют монархи и президенты. Высший руководитель (XX съезд, «партия») вне критики, за все неудачи отвечает председатель правительства – в данном случае Хрущев. У него было много «волюнтаристских извращений», которые были осуждены «партией».

Что касается проблемы «культа личности Сталина» – с ней в 70–е гг. все обстояло тоже не просто. С одной стороны, об этой теме говорили меньше. Виртуальный «XX съезд» меньше «занимался» этой проблемой, но все его достижения были сохранены. Мы можем открыть официальную историю КПСС 1976 г. и прочитать там довольно обширные пассажи и о Сталине, и о репрессиях, и о завещании Ленина, и о попытках выдающихся деятелей партии, Орджоникидзе и других, бороться с такими злодеями, как Берия и Ежов. Но мы и здесь убеждаемся, что главное достижение XX съезда – это решение проблемы термоядерной войны, возможности мирного пути социалистической революции^[68].

Ситуация стала существенным образом меняться, «XX съезд» приобрел второе дыхание с началом Перестройки. Съезд стал ее естественным предшественником и той опорой, с которой начинал свое развитие горбачевский ревизионизм. Но стоило приоткрыть крышку политического плюрализма, и выяснилось, что за тридцать лет в стране вызрел идейный спектр, для которого и XX съезд – «пенсионер союзного значения», которому пора на покой.

Глава II

Наступление литераторов

Первая половина XX века была литературоцентричной. Образованная публика европейских стран жила текстами и искала в них истину. Но поскольку научный текст труден и скучен, публика обращалась прежде всего к художественным произведениям. А в условиях диктатур, державших в руках подавляющее большинство населения планеты, художественная литература была лучшим средством намекнуть на ту правду, которую нельзя сказать прямо. Говорить правду в глаза власти было опасно и в странах, считавшихся

демократическими (по крайней мере до 60-х гг.). Художественная литература превратилась в царицу умов, и только набиравший силу кинематограф напоминал о временности земных царств.

Во второй половине века кинематографический образ все сильнее овладевал массами в силу своей доступности. Но поход в кино и театр – это большое дело, а книга – всегда под рукой. Только внедрение цветного телевидения к большинству семейных очагов позволило постепенно оттеснить литературу с господствующих позиций культуры.

В то время, о котором идет речь, даже фильмы были отражением литературных сюжетов и литературной борьбы. Мыслящий человек смотрелся в литературу как в зеркало. Литературные образы были языком элиты – и интеллектуальной, и властной. Именно поэтому власть внимательно следила даже за малотиражными изданиями, потому что знала – правду в них будут вычитывать внимательнее, чем в массовых тиражах «Правды».

Еще во времена Белинского роль партий в России играли журналы. Так было в середине XIX века, так было и в середине XX-го. Между этими эпохами было все – и разгул демократии с многопартийностью, и полное официальное единомыслие. Но вот ледяной идеологический монолит стал таять, и в сумраке неясных границ между разрешенным и запрещенным началось противоборство прогрессистов и охранителей.

Во времена Сталина общество устало от того, что по всем вопросам может быть только одна точка зрения. Прогрессисты убеждали «верхи», что идеологически безупречные произведения, ничем не отличающиеся от выверенных доктринальных формул, не интересны для читателя. Его интересуют не ходульные святоши, а человеческие страсти, психологические коллизии. Хрущев был восприимчив к таким аргументам. Население нужно увлечь, мобилизовать, а для этого литература должна быть «интересной». Развернулась критика «лакировщиков», изображавших жизнь как бесконфликтную и идеальную.

«Оттепель» стала необратимой после XX съезда, но первая капель явилась уже через несколько месяцев после смерти Сталина. В кремлевских кабинетах еще обсуждали, кого из вчерашних товарищей нужно поставить к стенке, а творческие умы принялись прощупывать, не возникло ли новых возможностей для вольномыслия. Ну хоть крошечного. Для начала годилась любая проталина в ледяной корке.

А проталин было несколько. Новая аграрная политика Маленкова позволяла сказать несколько жестких слов о положении в деревне. 20 июля 1953 г. в «Правде» публикуется очерк В. Овечкина «На переднем крае» из цикла «Районные будни». Страна увидела, что теперь и партийный орган признает общеизвестное – деревня живет совсем не так, как показано в помпезно–радостном фильме «Кубанские казаки». Здесь рядом и вторая проталина – поход против лакировщиков. Генеральный секретарь Союза писателей (СП) А. Фадеев даже сравнивал это ортодоксальное течение с официально проклинаемым формализмом. По мнению немецкого исследователя В. Эггелинга, Фадеев пытался таким образом «привести к общему знаменателю все партийные постановления и директивы, имевшие силу на тот момент»^[69]. Но мысль Фадеева глубже. Формализм и «бесконфликтность» были двумя способами уйти от реальности ради концепции. А потребности как государства, так и литературы требовали соединения концепции и реальности. На том стоял социалистический реализм.

А раз у литературного процесса сохранялись две стороны, то оставалось и место для легального разномыслия. В реальности можно было находить разные стороны, в том числе и теньевые, а в идеологии – разные оттенки красного, доходящие в своем развитии и до розового, оранжевого, коричневого и фиолетового.

Уже в 1953 г. в статьях таких мэтров, как О. Берггольц и И. Эренбург^[70], осторожно проводится мысль: хотите качества творчества – нужно ослабить контроль за творцом.

Но настоящей пробой сил прогрессистов стала статья В. Померанцева. Он обвинил советскую литературу в неискренности. «Неискренность — это не обязательно ложь. Неискренна и деланность вещи». Это ремесло, а не искусство. «Когда мы читаем, например, стилизаторов, то остается неприятный осадок. Слишком много видим мы выисканных, подобранных, вычурных мыслей и слов, слишком

напряженно следим за манерой письма, и поэтому его содержание остается за порогом сознания»^[71]. Литературные произведения конструируются по шаблону. Сюжет сводится к борьбе за производительность труда, люди становятся придатками производства.

Не верят советские писатели в то, что пишут, в своих супергероев социалистического труда, не увлекают их стройки и плавки. И читателя не увлекают. И жизни в этом во всем нет никакой.

«Мы читаем лишь слишком известное, не проникнутое эмоциональным началом, да еще сдобренное культом личности героя романа. Поэтому в людей этой книги не верится. Герой здесь — сверхгерой»^[72]. (Отметим, что до осуждения «культа личности» остается более двух лет). Но если западный супергерой спасет мир (или хотя бы город и страну) в борьбе со Злом (обычно — также карикатурно-схематичным), то советский сверхгерой занят куда более прозаическим делом — возведением все новых индустриальных объектов. Не удивительно, что советские читатели зевают, глядя кино с таким сюжетом, а книг подобных и вовсе не читают. Мало того, что падают сборы в театры и кинотеатры. Так ведь еще и контроль за умами ослаблен, а это уже опасно для Системы.

«Поднять подлинную тематику жизни, ввести в романы конфликты, занимающие людей в личном быту, — значит многократно увеличить воздействие литературы па жизнь»^[73]. А конфликты и противоречия на каждом шагу — стоит лишь выглянуть на улицу из кабинета. Стройки кругом растут, а жизнь — «насквозь неудобная»^[74]. Индустриальный рывок давит человека своей тяжестью.

Задача коммунистической пропаганды — сделать общественно-полезную деятельность человека главным, а то и единственным содержанием жизни. Лакировщики «топорно» выполняют эту задачу, лишь подчеркивая, насколько идеал удалился от реальности. Задача Померанцева — разделить досуг и работу, оградить личность от тотального поглощения работой. Тоталитарному коммунизму не удалось поглотить личность. Прогрессисты стремятся освободить ее, и уже опираясь на эту свободную личность строить коммунистический проект. Пока.

Продолжая критику «лакировки», В. Померанцев переводит огонь на флагманы коммунистической пропаганды, такие фильмы, как пырьевские «Кубанские казаки», лакирующие кризис колхозной жизни

50–х гг. «Как ни богаты приемы лакировки действительности, проследить их все же легко.

Наиболее грубый — измышление сплошного благополучия. Иную книжку прочтешь — вспомнишь тот затерявшийся в истории литературы период, когда действие романа происходило под солнцем неизвестной страны, а пейзажем служили лианы. Как от этих романов исходил аромат чудесных неведомых фруктов, так от ряда наших вещей вкусно пахнет пельменями. Наиболее явное зрительно–носовое ощущение дал этот неуклюжий прием в киносценариях, где люди банкетно, смачно, обильно, общеколхозно едят. Сценарии фильмов дали писатели, тон писателям давали подобные фильмы.

Приятель поспорил со мной: «Почему, — сказал он, — западное кино демонстрирует приемы в богатых домах, обилие вин, красоту сервировки, а мы не можем показывать того же в наших условиях?» Я ответил ему, что именно потому и не можем. Буржуазная литература и фильм намеренно переносят трудящихся в двухчасовую красивую, неправдоподобную жизнь. Мы не должны это делать»^[75].

Писатели запуганы критиками, выискивающими отклонения от генеральной линии. Они предпочитают обходить «острые углы». Но «новая метла по–новому метет» — и уже период правления Маленкова породил первую «капель» будущей «оттепели». В. Овечкин в «Районных буднях» вскрывает проблемы тяжелой сельской жизни. И Померанцев категорически поддерживает союзника: «Критики бьются над проблемой о том, каким должен быть конфликт в наших условиях, когда нет кулака или нерадивого председателя правления артели». Проблема не только литературная (литературе конфликт нужен по определению), но идеологическая — а какова природа конфликтов при социализме, где классовая основа для противоречий вроде бы исчезла. Померанцев прикрывает анализ социальных противоречий в СССР литературным достижением Овечкина: «Подлинный художник и вытащил этих конфликтов целую пригоршню — пожалуйста, черпайте! Еще вернее: взгляните, и вы сами увидите. Ведь коренного зла у нас нет, так сумеете увидеть большое зло в маленьком не всесветном разладе, сумеете подсмотреть великое зло раздвоения чувств комбайнера, который, с одной стороны, заинтересован в уборке редких хлебов, а с другой — в высоком урожае хлебов. Вот какое еще у нас разнообразие зол и проблем!»^[76] Ищите противоречия при

социализме, и обрящете его многообразие, понимание его сложности и удаленности от коммунистического идеала. И тогда для себя решите, что лучше – совершенствовать его или бороться за его разрушение во имя свободы.

Но В. Померанцев не забывает время от времени выстреливать сигналы «Я свой»: «Но зачем нам выдуманное благополучие, когда у нас есть завоеванное, подлинное, большое и капитальное!»^[77] Противников своих, боящихся критики советской действительности, он зовет оппортунистами, используя коммунистический штамп против охранителей коммунистического режима.

В. Померанцев писал свою статью по принципу «ковать железо, пока горячо». Сейчас ему разрешили «остро» разобрать состояние в современной литературе. И он попытался «впихнуть» в свой текст все, что наболело и созрело за годы сталинской «зимы» — включая даже вполне самостоятельный рассказ. Рассказ этот о колхозной «бой-бабе», допускающей беззаконие (в данном случае самогонование) «в интересах дела». Померанцев спрашивает о своей героине: «Деятель она или делец?»^[78] Автор вроде бы ставит проблему, но предполагает, конечно, первый ответ.

Статья Померанцева, полная недоказанных утверждений, сюжетная «куча мала» была сама уязвима для критики, чем и воспользовались литераторы, задетые этим критическим выстрелом.

Это был вызов к бою, начало кампании 1954 года, которую прогрессисты проиграли. Но это была проба сил. Прощупывание границ возможно начали и другие литераторы. В феврале 1954 г. в журнале «Театр» вышла пьеса Л. Зорина «Гости», в которой был обрисован «классовый конфликт» в рамках одной семьи. Старый большевик, чудом переживший 30-е гг., но уже напуганный прошлым, его внук – представитель новой демократичной коммунистической молодежи, его друг – журналист-фронтвик – вступают в непримиримую борьбу с бюрократам-карьеристом (он же – сын старого большевика и отец молодого демократа), который пытается уничтожить местного правдоискателя (честного коммуниста). Пьеса-политический памфлет была правильно прочитана и друзьями, и врагами. Зорин получил свою долю личной поддержки и официальной критики.

Многоопытный Эренбург в преддверии политической «оттепели» опубликовал повесть, которая дала название целому историческому периоду (Хрущеву не нравилось это наименование, и он даже на одном из заседаний Президиума ЦК назвал за него Эренбурга «жуликом»)^[79]. В его «Оттепели» все не так, как у Померанцева и Зорина. Эренбург осторожен и ироничен. Он пишет классическую «лакировочную» повесть о производственниках. Но только идеальные герои, которые делят жизнь между деталями машин и политическими новостями из газет, то и дело отвлекаются на неправильные чувства – любят чужих жен, не могут объясниться с любимыми людьми. В эпизодах встречаются и «нехарактерные» люди и события – трудоустройство по благу, бывший зэк, халтурщик. Но в конце концов любовь торжествует, а гнетущего всех чиновника (он же – мешающий счастью героев муж) снимают с работы за недостатки в строительстве жилья (обрушение зданий на всякий случай обходится у Эренбурга без жертв).

Советские люди 50–х гг., изображенные Эренбургом, пафосные и ходульные. Но они хотят быть людьми Возрождения, все время думают о том, как лучше выполнить работу, и отвлекаются только для того, чтобы поразмышлять о Большой политике или об искусстве Леонардо. Им до коммунизма оставалось всего ничего – провести автоматизацию и нравственное раскрепощение. Нам, в XXI веке – гораздо дальше. Как, впрочем, и большинству реальных жителей СССР того времени.

Литературный образ советского человека того времени – это шаблон, не реальность, а ее модель. Советский человек – не идеален. Но даже такие скептики, как Эренбург, вели его к идеалу альтруистичности, возрожденческого многообразия интересов и готовности жить ради борьбы мирового значения.

Тем временем охранители развернули контрнаступление. 30 января 1954 г. в «Литературной газете» опубликована статья В. Василевского «С неверных позиций» – еще достаточно спокойная, можно сказать академическая критика статьи В. Померанцева. Но в феврале в «Знамени» выступил Л. Скорино с «Разговором начистоту», где обрушился на Померанцева за «обличительный пафос» и внимание к порокам, а не достижениям общества. «Это направление внимания в сторону «затаенного» и «болезненного» едва ли можно признать здоровым»^[80]. Однако критика в адрес Померанцева все никак не

перерастала в травлю. Прогрессисты осторожно заступались за свой авангард. 17 марта «Комсомольская правда» отметила, что хотя статья В. Померанцева не лишена недостатков, она может стать основой для поучительного разговора.

Ситуация для прогрессистов ухудшилась, когда К. Симонова на посту редактора «Литературной газеты» (в обиходе «Литературки», «ЛГ») сменил Б. Рюриков. 20 марта он открыл со страниц литературного официоза огонь главного калибра по статье В. Померанцева и его адвокатов. Стало ясно, что дело не в Померанцеве, а в «Новом мире» («НМ»).

И в этот решительный момент главный редактор «НМ» перешел чуть расширившиеся рамки. А. Твардовский подготовил к публикации острую сатиру на сталинское время «Теркин на том свете». Это было уже слишком для 1954 года. В мае Твардовский читал поэму в редакции «Нового мира» своим сотрудникам и приглашенным литераторам. На чтении «Теркина» в «Новом мире» присутствовал поэт Асеев, который выразил мнение многих слушателей: «Интересно, оторвут ему за это голову?»^[81]

Слухи о поэме стали расходиться кругами и быстро дошли до Кремля. Да Твардовский и сам отнес поэму в ЦК на согласование для публикации. Хрущева возмутила строфа, где генерал мечтал разогнать царство мертвых с помощью полка солдат^[82]. А это до 1957 г. была реальная угроза для партийного руководства, и Хрущев был возмущен и обеспокоен такой симпатией интеллигенции к бонапартизму.

Тогда была дана отмашка на травлю «Нового мира». Желающих было множество. «Собратья по перу», задетые критикой журнала, бросились в контратаку. «Железная старуха» М. Шагинян обвинила «Новый мир» в групповщине (а это, как мы увидим, была реальная проблема Союза писателей), а потом дошла очередь и до друзей-конкурентов: К. Симонов заявил, что «загроббюро» в «Теркине» — намек на Политбюро^[83].

В июле 1954 г. на заседании секретариата ЦК «новомирцев» раскритиковали за «нигилизм», и было решено отправить Твардовского в отставку. Хрущев, впрочем, не был особенно зол: «Мы сами виноваты, что много не разъяснили в связи с культом личности. Вот интеллигенция и мечется»^[84]. Решение ЦК было подтверждено решением правления СП от 11 августа. В вину журналу была

поставлена целая серия статей отдела критики, подготовленная его руководителем И. Сацем. Их авторов обвинили в «мещанском нигилизме», проведя таким образом первую, но не последнюю параллель с литературной полемикой охранителей и нигилистов вековой давности. Но Твардовский остался членом СП и уважаемым советским писателем. Хрущеву была нужна поддержка слева, и проштрафившегося Твардовского просто перевели в резерв, а на его место поставили чуть более умеренного и чуть более придворного К. Симонова.

Пока прорабатывали новых «уклонистов» от единственно правильной линии^[85], разразился скандал со старыми. М. Зощенко и А. Ахматову только-только начали возвращать к официальной литературной жизни. Руководители СП рассчитывали, что писатели, подвергшиеся разному в 1946 г., будут соблюдать дисциплину. Мы вас не попрекаем прошлым, а вы – нас. Но это хрупкое согласие обрушили английские студенты. На встрече с писателями они спросили Зощенко и Ахматову об их отношении к постановлению 1946 г. Ахматова «сквозь зубы» признала их правоту, а Зощенко заявил, что не согласен с ним. Это вызвало фурор – можно быть советским писателем и не соглашаться с постановлением ЦК! Пусть и ретроградным постановлением, но не отмененным же!

На общем собрании ленинградских писателей глава городской организации СП В. Дружин назвал выступление Зощенко «классовой борьбой в открытой форме»^[86]. Но М. Зощенко продолжал упорствовать: «Я не скрывал и никогда не могу согласиться, что я был несоветским писателем!»^[87]

Отказ Зощенко в покаянии был знаковым. Можно быть советским писателем, и не быть коммунистическим, следуя указаниям партии. Среди шума всеобщего возмущения (но при широком сочувствии втихомолку) Зощенко защищал позицию, которая прикрывала других крупных литераторов, стремившихся служить литературе, а не партии, прежде всего – Эренбурга и Пастернака. Прогрессисты недолюбливали этих либералов-индивидуалистов, но понимали, что они – объективные союзники против охранителей. Если охранители обрушивались с политическими обвинениями, то К. Симонов и И. Эренбург полемизировали летом 1954 г. о повести «Оттепель» вполне корректно, и, подводя итоги, К. Симонов заявил: «я

не сторонник того взгляда, что повесть И. Эренбурга надо критиковать «на уничтожение» и «не стесняясь в выражениях», хотя и расцениваю «Оттепель» как досадную неудачу талантливого советского писателя»^[88].

На II съезде писателей М. Шолохов, недовольный К. Симоновым, говорил о них с И. Эренбургом: «Вот, в частности, он обиделся на Симонова за его статью об «Оттепели». Зря обиделся, потому что, не вырвись Симонов вперед со своей статьей, другой критик по-иному сказал бы об «Оттепели». Симонов, по сути, спас Эренбурга от резкой критики»^[89].

В августе стало ясно, что прогрессисты проиграли кампанию, но это была лишь проба сил. Они сохранили и позиции, и кадры. В. Померанцев и другие прогрессисты были раскритикованы, но никто не был арестован. Критика на этот раз не привела к запретам на профессию, как в случае с Зощенко и Ахматовой в 1946 г. II съезд писателей, прошедший в декабре 1954 г., закрепил «модель ограниченного плюрализма», при которой в писательской среде сосуществовало несколько группировок признанных писателей, которые могут творить, по-разному выполняя заказ партии. При чем «по-разному» становится важнее самого заказа.

Так что же такое социалистический реализм?

Рамки свободы творчества по состоянию на конец 1954 г. были сформулированы в приветствии ЦК КПСС II съезду советских писателей: недопустимо приукрашивание действительности и замалчивание противоречий и трудностей роста с одной стороны и надуманные конфликты, искаженное и клеветническое изображение советских людей и общества – с другой. Делегатам предстояло самостоятельно конкретизировать эти положения на уже известных примерах: критики из «Нового мира», Эренбург, Панова, Зорин, Зощенко.

Но получилось нечто иное. Читая протоколы съезда писателей, понимаешь, как быстро советская творческая элита теряла даже внешнюю монолитность рядов.

Но начиналось все чинно. Недавно назначенный Первый секретарь СП А. Сурков построил доклад так, будто со смертью Сталина ничего не изменилось: «В годы после второй мировой войны, когда началась продолжающаяся и до сих пор «холодная война», вновь на поверхность литературной жизни неизменным спутником «чистоискусствничества» выполз космополитизм. Наша общественность в 1949–1950 годах со всей резкостью выступила против этого вредоносного «течения», разоблачив перед обществом чуждую и враждебную его сущность. К сожалению, к этой борьбе некоторые элементы в литературе примешали ожесточение групповой борьбы и сведение личных счетов, нанеся большой вред делу»^[90]. Затем досталось и всем «проштрафившимся» литераторам 1954 года.

С докладом о прозе было доверено выступить К. Симонову, который с назначением редактором «Нового мира» стал восходящей звездой послесталинского СП наряду с Сурковым. Съезды советских писателей не проводились уже десятилетие (и какое!), так что было бы смешно сосредотачиваться на конфликтах прошлого года. Симонов решил развивать учение Горького о социалистическом реализме. Горький видел в социалистическом реализме синтез старого реализма и романтизма (а может быть и его богостроительских идей), который в итоге способен менять реальность. «Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ, — так мы получили реализм. Но если к смыслу извлечений из реально данного добавить — домыслить, по логике гипотезы, — желаемое, возможное и этим ещё дополнить образ, — получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, — отношения, практически изменяющего мир^[91]». У Горького социалистический реализм футурологичен, устремлен в будущее, он превращает литературу в действенную часть социалистической стратегии.

Симонов отталкивается от такого понимания, которое дышит революционным прошлым советской литературы и очень далеко от любого охранительства. Социалистический реализм должен совместить идею и реальность. «Советский писатель, создающий свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее. Он не

закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабости, но хочет воспитывать в них силу!» И легким движением руки Симонов оборачивает это прогрессистское понимание задач литературы во вполне охранительское: «Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на зады жизни, на все темное и червивое, и втискивает его в свое произведение вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неумолимо начинает обергиваться гримасой»^[92]. Вот он, двуликий Янус, вот он, социалистический реализм, родства не помнящий. Ведь корнями своими уходит он в критический реализм XIX века, как раз и выискивавший «все темное и червивое». Но теперь литература – на стороне власти, и критика должна быть конструктивной.

Определив критерии правильного, можно теперь поговорить об уклонениях. Писатели наши советские, конечно, работают в рамках соцреализма, но все время от здорового стада, толпящегося в центре, кто-нибудь отбивается к самой ограде и тем ее расшатывает. Вот и Эренбурга Симонов критикует не за ходульный производственный сюжет, а за нотки критического реализма: «Из многих высказываний героев начинает невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое бывало чаще всего правилом, а хорошее — исключением»^[93]. И это в нашей стране!

Обидно смотреться в зеркало, выставленное Эренбургом. Зеркальное отражение – «не наш метод». Это – объективизм, за который от Симонова досталось также В. Пановой. «Панова рассматривает человека как данность, а мы хотим поглядеть на него ^в перспективе»^[94]. Вот в этом и заключается ключевое различие соцреализма и «объективизма», то есть реализма безыдейного.

Но полный объективизм вряд ли возможен. Ведь каждый, даже самый объективный литератор отбирает материал в соответствии со своими предпочтениями. Он же не ученый, обязанный придерживаться строгой научной методологии. Он руководствуется идеями. Но идеи идеям рознь, даже при социализме.

Но прямо об этом сказать нельзя. Остается снова проходить уроки XIX века. В своем выступлении Эренбург, говоря вроде бы о статье Померанцева, сравнивает ситуацию со временами критикана Некрасова и охранителя Каткова. Естественно, симпатии советских писателей не могут быть на стороне Каткова. А нравоучительных «Катковых» развелось больше чем достаточно: «Мы знаем некоторых современных авторов, которые вполне искренне пишут неправд^у; одни — потому, что они недостаточно понимают своих современников, другие, — потому, что в многообразии мира привыкли различать только две краски — белую и черную. Подобные авторы внешне приукрашают своих героев, а душевно их приbedняют; они не жалеют золота, изображая коммунальную квартиру; цехи в их произведениях выглядят как лаборатории, колхозные клубы — как боярские хоромы; но этот сусальный, бутафорский мир заселен примитивными существами, восковыми пай-мальчиками, не имеющими ничего общего с советскими людьми, с их сложной, глубокой внутренней жизнью»^[95].

Искренний дурак и реакционер хуже, чем искатель правды, который пока прячет ее за эзоповым языком, лепит ее образ полутонами. Но поскольку Эренбурга уже разоблачили как критикана, он ставит своих противников перед неудобным выбором: «Общество, которое развивается и крепнет, не может страшиться правдивого изображения: правда опасна только обреченным»^[96]. Вот оскольку Эренбурга уже разоблачили как критикана, ставит своих противников перед неудобным выбором: и отбивается к самой огрот и ответьте теперь, почему такой страх перед критикой, если мы развиваемся и крепнем?

На всякий случай отмежевавшись от осуждаемого Померанцева, Эренбург требует для писателей все того же права говорить то, что они думают, открыто (или как можно более открыто). В. Каверин предлагает уже целую программу свободной литературы: «Я вижу литературу, в которой сильная, самостоятельная критика смело определяет путь развития писателя, его возможности и перспективы...

Я вижу литературу, в которой редакции смело поддерживают произведения, появившиеся в их журналах, отстаивая свой самостоятельный взгляд на вещи и не давая в обиду автора, нуждающегося в защите»^[97]. А это — уже намек на травлю прогрессистов в 1954 г. Об этом же и дальше: «Я вижу литературу, в

которой приклеивание ярлыков считается позором и преследуется в уголовном порядке, которая помнит и любит свое прошлое» [98]. Это уже, пожалуй, борьба не просто за свободу писателя, а за его неприкосновенность. Писатель должен стать вождем общества: «Я вижу литературу, которая не отстает от жизни, а ведет ее за собой. Маркс писал о Бальзаке, что его сила заключается не только в том, что он изобразил людей своего времени, но предсказал характеры, которые еще должны были появиться» [99]. А что вы хотели? Социалистический реализм – это и есть сближение настоящего (реальности) и будущего – социалистического (коммунистического) проекта.

Хотя на II съезде прогрессисты уже начали излагать свою программу, в единый лагерь они еще не сложились, их противостояние с охранителями были пока слабее, чем та групповщина, которой возмущалась «железная старуха» Шагинян. Главным объектом атаки стал К. Симонов, на которого жестко напали М. Шолохов [100] и В. Овечкин.

Может быть, Симонову досталось от прогрессиста Овечкина за его умеренно-охранительных, официозный доклад? Да нет, Овечкин мстительно напоминает критику Эренбурга и Пановой о том, что он недостаточно ортодоксален: «Не вы ли лично превознесли до небес пьесу Зорина, очень плохую, политически вредную, и в художественном отношении беспомощную? А потом что-то сквозь зубы, невнятно процедили насчет «ошибки»?» [101] Так что не вам, т. Симонов, определять, что правильно, а что нет. Преемнику Твардовского достается ниже пояса: «И не считаете ли вы, товарищ Симонов, что вы лично тоже обижены критиками, то есть обижены в сторону излишнего, безудержного захваливания и перехваливания всего содеянного вами в литературе по всем жанрам, в которых вы работаете?» [102] Это заявление Овечкина сопровождалось аплодисментами – многие не хотели бы видеть «выскачку» Симонова лидером советских писателей. Но и ответный залп по критикам Симонова был мощным и злобным..

М. Ибрагимов ответил Овечкину тою же монетой: «видимо, кое-кто, в том числе небезызвестный Померанцев, преподнесли т. Овечкину слишком усиленную дозу хвалы, вызвали в нем некоторые симптомы самомнения». В. Овечкин, «которого Померанцев пробовал использовать в качестве оружия в своих руках, в качестве козыря в фальшивой игре, до сегодняшнего дня ничем и никак не определил свое отношение к статье Померанцева. Согласен ли т. Овечкин с Померанцевым в том, что он, Валентин Овечкин, является

единственным искренним, правдивым писателем в Советском Союзе или он считает это утверждение ложью, клеветой на нашу прекрасную советскую литературу?»^[103] Сторонники бывшего и нынешнего редакторов «Нового мира» напоминают друг другу об идейных прегрешениях.

Итог склоке подвел К. Федин: «у многих создалось впечатление, что мешающая работе Союза писателей к жизни литераторов групповщина превращена теперь в дубину, которой устрашающе размахивает даже выдающийся и общепризнанный русский советский писатель. После речи Шолохова мы будем бояться собираться в одной комнате больше двух писателей вместе. (Смех, аплодисменты). Будем бояться, что на съезде с нами начнут разговаривать таким языком, каким говорил Шолохов с Симоновым»^[104].

Теперь уже Симонов сорвал аплодисменты своих сторонников, ответив маститому писателю: «Можно всю Жизнь работать, стремясь подняться до уровня Шолохова–художника, никогда в жизни не опускаясь при этом до уровня Шолохова–критика»^[105].

Полемика на съезде показывает, что «партии» еще только формируются. Но это – только самая завязка истории. И все же раскритикованные «уклонисты» оставались уважаемыми советскими писателями. Эренбург и Панова были все равно избраны в президиум правления СП.

В принятой на съезде новой редакции Устава СП были сняты упоминания «исторической конкретности» и «воспитательной задачи» метода соцреализма, что было последствием критики объективизма с одной стороны и лакировки – с другой.

Но тяга писателей к реализму как к запретному плоду была велика. Твардовский говорил сотрудникам: «реализм не нуждается в эпитете. Если есть реализм социалистический, то может быть и капиталистический?»^[106] Может. Но он – критический. Правда вопиет против капитализма. А против социализма?

Критический реализм – реализм эпохи того строя, который автору не нравится. Вот он и критикует, сосредотачивает внимание на темных сторонах жизни, «очернительствует». «Очернительство» – критический реализм советской эпохи.

В 1957 г. советский критик А. Синявский написал теоретический манифест «очернителей» – «Что такое социалистический реализм?»

Социалистическому реализму досталось от Синявского как продолжению и отражению коммунистической идеологии. Все эти произведения заканчиваются счастливым финалом^[107]. Герой может погибнуть с уверенностью в конечную победу нашей конечной цели, и это – тоже счастливый финал. Признаться, здесь Синявский ломится в открытую дверь – уже Симонов объяснял роль этой конечной победы в том, как смотрит соцреализм на реальность^[108].

Но вот Синявский переходит к главному: большинство произведений социалистического реализма первой половины 50-х гг. типологически неотличимы от классицизма прошлых веков. Классицизм навязывает читателю норму правильного поведения. Но и советские писатели замучили читателя нравочениями. Об этом же иронизировал на съезде писателей И. Эренбург: «Но порой, читая в журнале роман, где с первой страницы автор докучливо поучает читателя, думаешь — не пора ли открыть в Союзе писателей секцию литературы для взрослых?»^[109] наряду с секцией литературы для детей.

Материал, на который опирается А. Синявский, относится почти полностью к эпохе сталинской «лакировки». Если бы речь шла не о социалистическом реализме, а о части его, вполне можно было бы согласиться, что в СССР есть и свой классицизм, и критический реализм, и романтизм. Но Синявский настаивает, что социалистический реализм как таковой, целиком – это классицизм. Некоторые уклоны к плюрализму, критика «бесконфликтности» и проявления романтизма – нетипичны^[110]. В этом А. Синявский категоричен, как коммунистический официоз. Диссидентская мысль зачиналась как оттиск с коммунистической догматики.

К 1957 г., когда была написана статья, А. Синявский мог бы уже разглядеть помимо социалистического классицизма и социалистический романтизм, поднимающийся в поэзии молодых, и заметные подвижки к критическому реализму у Дудинцева, и, если бы присмотрелся, собственно социалистический реализм, не идеализирующий сущее (что действительно есть признак классицизма), а изыскивающий ростки будущего в настоящем, реконструирующий это будущее в утопиях фантастов. Но все это нетипично, а Дудинцев предан анафеме, что ж о нем говорить^[111].

Прикрываясь иронией, А. Синявский доводит логику охранителей до абсурда. Утверждая, что соцреализм – не реализм, Синявский иронически требует очистить советскую литературу вовсе от реализма, чтобы избавить ее от ненужной эклектики при воспевании коммунистических идеалов, которые тут же и называет «чистым вымыслом»^[112], втыкая свой ножик в спину режима.

Проблему соотношения реальности и идеала Синявский решает с радикальностью необыкновенной. Ему хочется обобщений бердяевского размаха. Русская культура, которую Синявский сравнивает с лермонтовский Демон, бросалась «на поиски идеала, но стоило ей взлететь к небу, как она падала вниз»^[113]. Вот так вся культура и падала разом.

Зато в глубинах русской культуры, столь драматически мечущейся между землей и небом, Синявский отыскал ту литературно-социальную фигуру, которая своим существованием бросает вызов классицизму, а значит и социалистическому реализму, а, следовательно, и коммунистической телеологии. Это – всем известный лишний человек. В первой половине XIX века он не мог найти применения своим способностям из-за гнетущих социальных условий, затем метался между борющимися лагерями. Казалось, социалистический реализм оставил эту сумрачную фигуру в прошлом. Ан, нет, она выжила. Синявский и наделяет лишнего человека новой жизнью, социальной миссией. Онегин, Печорин и Самгин (Синявский еще не знаком с Живаго) живы поныне, и их легко узнать: «Он не за Цель, и не против Цели, он вне Цели...»^[114]

О, если бы это было так, и Синявский претендовал на роль выразителя мнений лишних людей. Коммунистические идеологи уже обнаружили их – в мещанах, стилягах, тунеядцах. Каждое из этих направлений в свое время получало литературных выразителей в лице Зоценко, Евтушенко, Аксенова и Бродского, своевременно разоблаченных и раскритикованных. Но Синявский и здесь выдает одно за другое, за «лишнего человека», которому наплевать на Цель – ее критика и врага, претендовавшего всю историю освободительного движения на свое место в борьбе старой России и коммунистической идеи.

Прошлым выразителем философии лишнего человека Синявский назвал Волошина, который во время гражданской войны молился за

тех, и за других (согласился бы Волошин с тем, что он лишний со своей молитвой?)^[115]. Но сам–то Синявский ни за кого не молится. Он язвит иронией одну сторону, намекая на преимущества другой. Лишний человек может быть вне Цели. Но тот, кто отстаивает права лишнего человека быть вне, сам при этом может иметь и другую Цель. И тогда ирония – это не «смех лишнего человека»^[116], а оружие в борьбе идеологий. Старт этой борьбы – все более открытой – дал XX съезд.

Венгрия в зародыше

XX съезд стал сигналом для нового наступления прогрессистов и на время вызвал замешательство в рядах охранителей (самоубийство бывшего Генерального секретаря СП А. Фадеева в мае 1956 г. стало яркой приметой времени). Партийное собрание московских писателей, посвященное обсуждению итогов XX съезда КПСС, продолжалось три дня. Выступавшие говорили обо всем, что накопилось с 30–х годов. Многие настаивали, что ленинские принципы еще не восстановлены, что Советы потеряли реальную власть. Такие речи звучали по всей стране. Но то, за что других выгоняли из партии, писателям дозволялось.

Нужно было развивать успех. О. Берггольц потребовала отменить «неверные установки» постановления 1946 г. с осуждением писателей. Это выступление было заклеено как ревизионистское, но серьезных санкций не последовало. Писатели закрепили за собой право безнаказанно бороться за свои права.

Но общество ждало от писателей большего. Именно они могли стать выразителями вызревающих в нем социальных интересов. Летом 1956 г. симоновский «Новый мир» опубликовал сразу два произведения, в которых молодой положительный герой бросает вызов бюрократической косности: рассказ Д. Гранина «Собственное мнение» и роман В. Дудинцева «Не хлебом единым». Дудинцев, воспевавший рационализатора, выступил выразителем интересов технической интеллигенции, и ее восторженные массы отплатили сторицей. Во время обсуждения в МГУ наплыв народа на некоторое время

затруднил уличное движение. Обсуждение романа Дудинцева в ЦДЛ 22 октября 1956 г. превратилось в настоящий митинг в защиту технического творчества против бюрократического произвола. Зал был битком набит инженерами, литераторами и студентами.

Роман высоко оценили в своих выступлениях Н. Атаров («... Дудинцев создал своеобразную энциклопедию борьбы за технический прогресс»), С. Михалков, В. Овечкин («Роман написан мужественно, в нем нет обывательского смакования трудности»), В. Тендряков («В последнее время появились такие более или менее смелые произведения, но ни в одном из них так открыто и так сильно не было сказано о дряни»).

Кто же он, отрицательный герой повести Дроздов? Что он символизирует? Косность? Чванство? «Старое мышление»? Пока речь шла об инженерах, об отношениях на производстве, умеренный прогрессист Симонов мог торжествовать. Устанавливалась прочная связь между прогрессивными литераторами и технической интеллигенцией. Но тут слово взял К. Паустовский, и назвал вещи своими именами.

«Дроздовы» — это номенклатура. Невежественная, самовлюбленная господствующая каста, оторванная от народа, но выступающая от его имени. Паустовский проиллюстрировал свою мысль с помощью примера, который был моделью советского общества: «Сравнительно недавно мне довелось быть среди Дроздовых довольно длительное время и очень много с ними встречаться. Это было на теплоходе «Победа». Половина пассажиров — интеллигенция, художники, рабочие, актеры. Это один слой, который занимал 2-й и 3-й классы. Каюты «люкс» и 1-й класс занимал другой слой — заместители министров, крупные хозяйственники и прочие номенклатурные работники. С ними у нас ничего общего не было и не могло быть, потому что по мнению 2-го и 3-го классов Дроздовы, занимавшие половину теплохода, были не только невыносимы своей спесью, своим абсолютным равнодушием, даже своей враждебностью ко всему, очевидно, кроме своего положения и собственного чванства»^[117].

Паустовский ударил официальную коммунистическую идеологию в самое сердце, употребив слово «классы». А ведь на классы делятся не только каюты, но и классовое общество, которого в СССР вроде бы

нет – но как похоже. Соответственно, и литературная позиция Паустовского звучала как революционный призыв: «Роман Дудинцева – это первое сражение с Дроздовыми, на которых наша литература должна накинута, пока они не будут уничтожены в нашей стране»^[118].

В. Дудинцев вспоминал об этом обсуждении: «Многие дальновидные писатели в своих выступлениях отмечали, что «автор соблюдает в своем произведении нормы критики», тогда установленные XX съездом КПСС. Но галерка — в основном студенты — была недовольна, она требовала большей решительности, настаивая на более громком битве в колокола и барабаны. И вот некоторые писатели под влиянием студенческого экстремизма начали острее критиковать изображенную в романе бюрократию. Сидящие в первом ряду стали записывать такие выступления, и тогда находящийся со мной рядом Константин Симонов тихо сказал: «Все пропало...»^[119]

Судьбу этого второго наступления прогрессистов определило еще одно важное обстоятельство – мирового масштаба. Десталинизация, которой дал толчок XX съезд, кругами расходилась от Кремля, с разной скоростью перерастая в антибюрократическое движение. В Венгрии этот процесс шел гораздо быстрее, чем в СССР, и 23 октября перерос в восстание.

Л. Копелев вспоминает: «Мы тогда едва понимали, насколько все это связано с судьбой нашей страны и с нашими жизнями. Сталинцы оказались более догадливыми. Они пугали Хрущева и Политбюро, называя московских писателей «кружком Петефи»; в доказательство приводили, в частности, обсуждение романа Дудинцева и речь Паустовского, запись которой многократно перепечатывали и распространяли первые самиздатчики. Позднее ее стали забирать при обысках, как «антисоветский документ»^[120].

Венгерские события доказывали: от критики бюрократии интеллигенцией до «контрреволюционного мятежа» — всего несколько месяцев. И Хрущев решил подавить советские «кружки Петефи» в зародыше.

В вопросе о Венгрии прогрессисты и охранители стояли в одном строю (в поддержку Венгерской революции выступали только молодые радикалы–подпольщики). Письмо к французским писателям «Видеть

всю правду!» 22 ноября подписали и Шолохов, и Федин, и Катаев, и Паустовский, и Твардовский.

После разгрома венгерской «контрреволюции» настала очередь и советских прогрессистов – в ноябре «Литературная газета» начала критику индивидуализма, которая быстро переросла в критику произведения Дудинцева, воспевшего борца–одиночку.

Писатели получили свой абзац в суровом постановлении ЦК от 19 декабря: «В выступлениях отдельных писателей проявляются стремления охаять советский общественный строй. Такой характер, очерняющий советские порядки и наши кадры, носило, например, выступление писателя К. Паустовского в Центральном доме литераторов при обсуждении романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»»^[121].

Очень некстати «подставился» и Симонов, который бестактно раскритиковал переработанную «Молодую гвардию» недавно застрелившегося Фадеева. Самоубийство бывшего руководителя СП произвело на вождей партии неприятное впечатление, и выступление Симонова было сочтено неэтичным. В итоге Симонов подвергся разносу в журнале «Коммунист», а вместе с ним – и критиканство.

Как и в 1954 г. критиков бюрократии подвело ослабление позиции редактора. Но в 1956 г. и прогрессисты зашли дальше, и политический резонанс оказался значительно сильнее.

К. Паустовский получил свою порцию «разгона» за второй выпуск альманаха «Литературная Москва», который вышел под его патронажем (вместе с В. Кавериним, В. Тендряковым, Э. Казакевичем и М. Алигер) уже в декабре 1956 г., когда политические заморозки начались. Цензура не досмотрела, и в альманахе проскочило несколько остро критических произведений, такие как «Рычаги» А. Яшина с прямой критикой партийных порядков^[122].

История с «Литературной Москвой» показывает, что цензура уже неплотно контролировала литературный процесс, тем более, что после XX съезда рамки дозволенного были не ясны. Недоработки цензуры компенсировала критика, которая не терпела возражений – идеологические диверсии «Литературной Москвы» получили отпор не только в «Литературке», но и в «Правде»^[123]. А это – уже приговор. Но, сообразно времени, не писателям, а альманаху – он более не выходил.

Охранители собирались подвести итоги сражения на пленуме Московской писательской организации в марте и на III Пленуме правления СП в мае 1957 г. Чтобы поставить точку в этой литературной истории, 14 мая Хрущев лично встретился с участниками открывающегося пленума СП СССР. Хрущев резко критиковал «отдельных людей среди интеллигенции, которые неправильно поняли существо партийной критики культа личности Сталина ... и истолковали ее как огульное отрицание его положительной роли». Хрущев критиковал роман Дудинцева, сборник «Литературная Москва» и проводил параллели между либеральными писателями и «Кружком Петефи» в Венгрии. Тем не менее, Хрущев в 1957 г. не стал добиваться прежней стройности рядов и отметил на встрече с писателями, что они сами разобрались с возникшими проблемами, и Дудинцев хотя и виноват, но тоже не потерял для советской литературы.

Ожидались покаяния. Но эпоха изменилась. На пленуме Дудинцев активно защищался, вины не признал. Редактор «Нового мира» Симонов критику признал частично.

А в 1958 г. в президиум СП РСФСР были избраны и некоторые видные прогрессисты – А. Твардовский, Д. Гранин и М. Алигер, участвовавшая в выпуске «Литературной Москвы», но признавшая «ошибки».

К. Симонова все же сняли с поста редактора «Нового мира», но «реставрации» не наступило – на пост главного редактора вернули еще более радикального Твардовского. «Новый мир» не просто остался в прогрессистском фронте вместе с «Известиями», «Комсомольской правдой» и «Литературной газетой», но вскоре вышел в авангард этого фронта.

На III съезде советских писателей 18–23 мая 1959 г. проблемы, поднятые Померанцевым и Дудинцевым, а также в острой полемике вокруг них, уже спокойно обсуждались с высокой трибуны, а Дудинцев был даже избран делегатом съезда. Хрущев, хоть и покритиковал его творчество снова, но заявил, что Дудинцев – не противник советского строя. Хрущев подтвердил, что писатели сами должны разбираться со своими спорами, а не вмешивать в это дело высшее партийное руководство^[124].

Кампания 1956–1957 г. показала, что в СССР возникла «резонансная культура», когда отдельные произведения вызвали сильнейший резонанс, невозможный в более плюралистичной культурной среде^[125]. Авторитарная система контроля за литературой следила за соответствием произведения стандартам, а стандартное – малоинтересно для читателя. «Пробить» нестандартное произведение через многочисленные инстанции и рогатки цензуры было сложно, но возможно. И в силу его уникальности, одиночества в данный момент, именно к нему приковывалось внимание всей читающей публики. Произведение становилось ключевым событием общественной жизни, центром, вокруг которого велась полемика «партий».

В отличие от 1954 г., прогрессисты в 1957 г. не сдали позиций полностью, и были готовы продвигать их дальше. В то же время их противники становились все более разнородными, между ними также намечались разногласия. Однолинейный спектр (прогрессисты–охранители) усложнялся. В рядах охранителей выделялось почвенничество, в среде прогрессистов намечалось различие либералов и демократов.

Доктор и революция

Страна не узнала тогда, что в 1956 г. готовилось еще более мощное наступление литераторов. Пока роман Дудинцева готовился к печати, шло мучительно трудное согласование другого романа, в тени которого «Не хлебом единым» был бы не крайностью, а центром, примером умеренности. «Новый мир» готовил к публикации роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Продвигая такую вещь, Симонов понимал, что рискует. Но Пастернак был заслуженным литератором, с его мнением считался сам Сталин. В тени «Доктора Живаго» можно продвинуть и другие смелые вещи. Но для этого произведение Пастернака следовало сделать «проходным».

В начале 1956 г. «Доктор Живаго» был анонсирован в передаче Московского радио. Пастернак добился невиданной рекламы своего романа. В апреле стихи из романа были опубликованы в «Знамени» с кратким изложением содержания всего произведения.

Процесс согласования текста зашел так далеко, а желание редакции выпустить роман в свет было настолько серьезным, что в мае было достигнуто соглашение с Пастернаком: сначала в «Новом мире» выйдет не весь «Доктор Живаго», к которому сохранялись как идеологические, так и художественные претензии, а его отдельные главы^[126]. Это делало бы выход романа в СССР практически неизбежным, и в то же время облегчило бы дальнейшее преодоление цензуры. Сам роман был в принципе приемлемым, своего рода «Тихим Доном» интеллигенции. Можно было опубликовать даже антисоветские фрагменты (это и будет сделано чуть позднее), но при условии, что автор не станет настолько отождествлять себя с героем, который по советским меркам был скорее отрицательным. Но Пастернаку не хотелось хоть в чем-то осуждать своего героя.

В конце мая Пастернак передал рукопись романа «Доктор Живаго» С. Данжело – представителю итальянского издателя Фельтринелли. С. Данжело так описал разговор с Пастернаком: «Когда я подошел к цели моего визита — он казался пораженным (до этого времени он, очевидно, никогда не «думал», чтобы иметь дело с иностранным издательством)... Я дал понять, что политический климат изменился и что его недоверие кажется мне совсем неосновательным. Наконец он поддался моему натиску. Он извинился, на минуту скрылся в доме и вернулся с рукописью. Когда он, прощаясь, провожал меня до садовой калитки, он вновь, как бы шутя, высказал свое опасение: «Вы пригласили меня на собственную казнь»^[127]. В этот момент Б. Пастернак круто изменил судьбу своего романа. Его публикация в СССР стала практически невозможной.

В дальнейшем С. Смирнов, председательствовавший на собрании писателей, исключавших из СП Б. Пастернака, объяснил, почему автор перекрыл путь своему детищу к изданию в СССР уже в момент передачи рукописи итальянцам. В случае издания после этого откорректированного текста романа «ренегат Фельтринелли... отпечатает с особым удовлетворением эти антисоветские места, и только это даст возможность за рубежом говорить, что вот — Пастернака заставили эти места срезать!»^[128]

Когда в 1958 г. скандал разразился в полную силу, руководство СССР показало чудеса гласности, разрешив опубликовать антисоветские места, но с враждебными комментариями.

Своим шагом Б. Пастернак очень сильно «подставил» редакцию «Нового мира», и теперь К. Симонов засел за разбор романа с прямо противоположных позиций, чтобы не оказаться крайним за этот неприятный инцидент. Теперь нужно было подчеркнуть все, что неприемлемо. Письмо редакции, подписанное Б. Агаповым, Б. Лавреневым, К. Фединым, К. Симоновым, А. Кривицким, было отправлено Б. Пастернаку в сентябре 1956 г. Оно было по определению необъективно. Но об истории публикации романа как правило пишут необъективно. Пастернак – гонимый гений, и все, что тогда было написано о его романе критического – должно быть заклеено. Как писал А. Галич, «мы поименно вспомним всех, кто поднял руку». Но, не разобрав аргументы редакции «Нового мира», понять мотивы сторон этого конфликта нельзя. Были ли критики Пастернака во всем не правы? И были ли их претензии неустранимы, если бы Пастернак не передал рукопись итальянцам?

Члены редколлегии категоричны: «Пафос Вашего романа — пафос утверждения, что Октябрьская революция, гражданская война и связанные с ними последующие социальные перемены не принесли народу ничего, кроме страданий, а русскую интеллигенцию уничтожили или физически, или морально»^[129]. Подставим вместо слова «интеллигенция» «казачество», и то же самое пристрастный критик может написать о «Тихом Доне». Но при всем скептическом настрое Пастернака эта книга не клеветает на революцию. Пастернак просто не желает ее восхвалять. Он – наблюдатель. До мая 1956 г. это была решаемая проблема – ничего не нужно было вычеркивать – разве что добавить к тому, что уже есть в романе. Например, расширить до сюжетной линии такой штрих: «Юрий Андреевич разыскал спасенного однажды партийца, жертву ограбления. Тот делал, что мог для доктора. Однако началась гражданская война. Его покровитель все время был в разъездах. Кроме того, в согласии со своими убеждениями этот человек считал тогдашние трудности естественными и скрывал, что сам голодает»^[130].

Пастернак стремился написать честный роман о революции, об истоках советского общества. Для этого он выбирает лирического героя, стоящего вне борющихся партий. Однако это не человек склада М. Волошина, который молится за тех и других, спасая то белых, то красных. Доктор Живаго – не деятель, он пытается быть вне схватки, и

враждебен той жизни, которая его в эту схватку вовлекает. В итоге и он уже не может быть честным наблюдателем. Чтобы остаться объективным в отношении революции, Пастернаку нужно было сохранить объективность в отношении своего доктора, показать и темную сторону того социального явления, которое символизирует Живаго. Но сделать это Пастернаку особенно трудно – ведь он и принадлежит к тому же социальному явлению, у них с доктором «классовое родство». Пастернак тоже стремится к экстерриториальности творца и считает именно свое творчество «оправданием эпохи».

В наше время автор имеет на это право, а критики – такое же право сказать все, что они об этом думают. Общество почти не замечает эти споры, а власть, равнодушная к ярким идеям, спокойно игнорирует их. Но в середине века, когда общество искало пути в будущее, а власть – возможности мобилизовать советских людей на новые свершения – все было иначе.

И спор о революции – это спор о начале начал. «Встающая со страниц романа система взглядов автора на прошлое нашей страны... сводится к тому, что Октябрьская революция была ошибкой, участие в ней для той части интеллигенции, которая ее поддерживала, было непоправимой бедой, а все происшедшее после нее — злом»^[131]. Живаго может быть так и думает, но герой и автор – не одно и то же (это потом будут объяснять суду Синявский и Даниэль). Живаго – образ того же социального типа, что горьковский Клим Самгин, вполне вписавшийся в соцреализм. Но Самгин в итоге – не симпатичен автору, а Живаго – симпатичен. В этом и беда. Сделать героя отрицательным нельзя – он автобиографичен, поскольку роман завершается стихами Пастернака–Живаго. Но можно прописать революционный фон, объяснить, почему люди, подобные Пастернаку приняли режим (а ведь Пастернак принял даже сталинский режим и смог реализоваться именно в эту эпоху). И эта задача была легко решаемая на пути автобиографичности без ущерба для совести Пастернака. Если же Живаго – не лирический герой Пастернака, то стоило лишь подчеркнуть это.

Революция является в романе как нечто случайное и катастрофичное. «Большинство героев романа, в которых любовно вложена часть авторского духа, — люди, привыкшие жить в атмосфере

разговоров и революции, но не для кого из них революция не стала необходимостью. Они любят в той или иной форме поговорить о ней, но существовать они прекрасно могут и без нее, в их жизни до революции нет не только ничего нестерпимого, но и нет почти ничего отравляющего, хотя бы духовно, их жизнь. А иных людей, чем они, в романе нет (если говорить о людях, наделенных симпатией автора и изображенных хотя бы со схожей мерой глубины и подробности)»^[132].

Во-первых, это не верно. Уже в дореволюционной части романа появляется образ будущего революционера Стрельникова. Во-вторых, ничего антисоветского и антиреволюционного в этой части нет – интеллигенция наслаждается жизнью, сидя на вулкане – такова правда жизни. Пастернак пишет не о рабочих и крестьянах, которые в соответствии с официальным мифом должны были жить ожиданием революции. То, что этим ожиданием не живет богема – даже соответствует «правильной линии». Так что здесь мы имеем дело с придирами. Следовательно, в этой части роман был вполне «проходимым» (особенно, если бы Пастернак дописал пару страниц про революционные настроения – в духе своих прежних произведений).

Революция несет доктору бедствия, и это – символ: «Думается, что мы не ошибемся, сказав, что повесть о жизни и смерти доктора Живаго в Вашем представлении одновременно повесть о жизни и смерти русской интеллигенции, о ее путях в революцию, через революцию и о ее гибели в результате революции»^[133]. Это обобщение верно в принципе, но спотыкается о важную деталь: доктор умирает не во время революции и гражданской войны, а спустя годы. Государство (в лице одного из персонажей) даже позаботилось о месте Живаго под солнцем. Смерть Живаго символизирует уход со сцены старого поколения интеллигенции, а не интеллигенции как таковой.

Публицист Д. Быков настаивает, что доктор Живаго – «олицетворение русского христианства, главными чертами которого Пастернак считает жертвенность и щедрость»^[134]. О времена, о нравы, о нынешние биографы! Олицетворением Православия объявлен человек, изменяющий жене, да еще и подводящий под это теоретическую основу. Интересно, что коммунисты из редакции «Нового мира» объяснили нынешним апологетам доктора, почему герой Пастернака далек не только от коммунистической, но и от

христианской морали (в этом эти два мировоззрения одинаково далеки от либеральной этики, которую ныне пытаются отождествить с Православием): «Пожалуй, трудно найти в памяти произведение, в котором герои, претендующие на высшую одухотворенность в годы величайших событий, столько бы заботились и столько бы говорили о еде, картошке, дровах и всякого рода житейских удобствах и неудобствах, как в Вашем романе»^[135].

Итак, доктор и его окружение символизируют интеллигенцию, пытавшуюся остаться в стороне от революции. Они – «лишние люди», они – «вне Цели» (по Синявскому). К чему же они стремятся? «Они не стяжатели, не сладкоежки, не чрезмерные любители житейских удобств, все это им нужно не само по себе, а лишь как база для непрерывного и безопасного продолжения духовной жизни.

Какой? Той, которой они жили раньше, ибо ничто новое не входит в их духовную жизнь и не изменяет ее. Возможность привычно продолжать ее, без помех со стороны, является для них высшею, не только личною, но и общечеловеческой ценностью, и поскольку революция упрямо требует от них действий, позиции, ответа на вопрос «за» или «против», постольку они в порядке самообороны переходят от ощущения своей чуждости революции к ощущению своей враждебности к ней». Критики смешивают доктора с грязью истории: «вот «ищущая истину одиночка» превращается в интеллигентного мешочника, желающего продолжить свое существование любыми средствами, вплоть до забвения того, что он врач, вплоть до сокрытия этого в годы всенародных бедствий, болезней, эпидемий...»^[136]

Современный биограф–апологет Пастернака в принципе подтверждает версию его критиков об эгоизме героя, который оправдан автором: «Доктор Живаго» — книга о том, как логика судьбы, частная логика биографии поэта организует реальность ради того, чтобы на свет появились шедевры — единственное оправдание эпохи. Вся русская революция затеялась для того (или если угодно, потому), что Юрия Живаго надо было свести с Ларой, чтобы осуществилось чудо их уединенной любви в Варыкине, чтобы написаны были «Зимняя ночь», «Свидание» и «Рождественская звезда»^[137]. Если бы эти три стихотворения были единственным достижением эпохи – тогда и Живаго, и его апологеты были бы правы. Но если это не так, то эта философия – гиперэгоизм.

Среди революционных бедствий и воинствующего коллективизма доктор формулирует свой социальный идеал: «В том, сердце задуманном, новом способе существования и новом виде общения, которое называется царством божьим, нет народов, есть личности», — говорит доктор Живаго на одной из страниц романа, говорит еще безотносительно к своему будущему существованию в годы гражданской войны»^[138]. Кредо доктора Живаго — индивидуализм и персонализм. А это — уже не просто обсуждение роли интеллигенции в революции. Это — программа для либеральной интеллигенции 50–70-х гг. XX в.

И это — точка размежевания уже не с персонажем, а с автором: «В Вашем представлении доктор Живаго — это вершина духа русской интеллигенции.

В нашем представлении — это ее болото»^[139].

Рецензия редсовета «Нового мира», при всей своей критичности и понятном «социальном заказе», оставляет все же впечатление некоторой двойной игры. Авторы рецензии так подробно пересказывают, каким образом Пастернак представляет революцию озверением, что трудно избавиться от ощущения — они хотят донести крамольные мысли Пастернака хотя бы до будущих поколений. Даже не будучи согласными с этой картиной полностью.

Как интеллигенты, члены редколлегии «Нового мира» с антипатией относились к цензуре, они стремились сохранить для истории весь роман Пастернака (даже если его придется публиковать с купюрами). Нет лучшей возможности сохранить рискованные места, чем перечислить их в документе, обреченном на вечное хранение в архиве. А значит, на публикацию в будущем. Но в 1956 г. никто не думал, что этот, в общем секретный по своему жанру документ будет опубликован в центральной печати всего через два года.

Передача романа на Запад и последовавший за этим отказ «Нового мира» напечатать его не привели к немедленным громам и молниям на голову Пастернака. Государство еще пыталось предотвратить скандал, воздействовать на Фельтринелли... Но роман — не воробей, вылетит — не поймаешь.

В ноябре 1957 г. «Доктор Живаго» вышел в Италии, и началось его триумфально-ажитажное шествие по миру. В 1958 г. он был выдвинут на Нобелевскую премию. Пошел обратный отсчет

грандиозного скандала – роман, достойный Нобелевской премии, не может быть опубликован в СССР^[140].

В мае 1958 г. вопрос о публикации романа обсуждался на Секретариате СП, причем прогрессисты предлагали даже опубликовать его, но с комментариями. Однако это предложение было уже неприемлемым. Запад не мог стать судьей в отечественных литературных спорах.

23 октября 1958 г. Пастернак получил приглашение прибыть на вручение Нобелевской премии. По настоянию партийно–государственного руководства К. Федин потребовал от Пастернака отказаться от премии, но писатель отклонил это предложение. Коса нашла на камень, и началось испытание – что прочнее.

Федин жаловался Чуковскому, что Пастернак подставил интеллигенцию: «Теперь–то уж начнется самый лютый поход против интеллигенции». Биограф Пастернака Д. Быков считает это «демагогическим штампом»^[141]. Вольно ему рассуждать полвека спустя. Тут нужно выбирать одно из двух – или в СССР была «реставрация», все тот же сталинизм, или только демагоги могли бояться «лютого похода», поскольку бояться было нечего – будто на дворе не 1958, а 1998 год. В действительности не верны оба предположения Д. Быкова – интеллигенция потому и боялась реставрации, что режим был авторитарный, но все же еще уже не сталинский.

Ну конечно же Пастернак подвел прогрессистов, сорвав кампанию вокруг «Тихого Дона интеллигенции», заставив «Новый мир» задержать новые либеральные вылазки, продвижение на новые траншеи в позиционной войне за свободу. Но и Федин боялся напрасно – тоталитаризм все–таки уже ушел в прошлое. Отгрохочут громы, от Пастернака отстанут, и уже через несколько лет Федин сам будет возмущаться слишком разгулявшимся вольнодумцами.

26 октября последовал удар, болезненный для Пастернака, но рикошетом поразивший его гонителей – в «Литгазете» было опубликовано письмо «Нового мира» от сентября 1956 года. Это – болезненная критика, подробный разбор идейных и этических недостатков – нет, не романа как такового, а доктора Живаго как личности, как положительного образа. Теперь уничтожение доктора сливалось с критикой личности самого Пастернака, который создал

такого лирического героя. Но по этой же причине «Литературная газета» опубликовала своеобразный манифест индивидуализма, процитировав все «негодные» места романа.

Когда скандал разразился, и возник вопрос о необходимости опубликовать критику романа, именно секретное письмо «новомирцев» продвинули в типографию. Пытаясь бить Пастернака руками интеллигенции, бюрократия отдавала розги в руки своего «классового противника», который бил слабее, чем замахивался, норовя и в этой ситуации хлестнуть заказчика экзекуции.

На 31 октября был назначен разгром Пастернака в Московской организации Союза писателей – с исключением из рядов. Автор «Доктора Живаго» не пошел на это мероприятие, но изложил свои аргументы письменно. «Я думал, что радость моя по поводу присуждения мне Нобелевской премии не останется одинокой, что она коснется общества, часть которого я составляю. На моих глазах честь, оказанная мне, современному писателю, живущему в России, и, следовательно, советскому, оказана вместе с тем и всей советской литературе. Я огорчен, что был так слеп и заблуждался...

По поводу существа самой премии. Ничто не может заставить меня признать эту почесть позором и оказанную мне честь отблагодарить ответной грубостью. Что же касается денежной стороны дела, я могу попросить шведскую академию внести деньги в фонд совета мира, не ездить в Стокгольм за ее получением или вообще оставить ее в распоряжении шведских властей»^[142]. Пастернак, «положа руку на сердце», напомнил о своих заслугах перед советской литературой, о том, как тяжело шло согласование романа (еще бы!), «об отсрочках, которые я испрашивал у итальянского издателя и которые он давал, чтобы Гослитиздат ими воспользовался для выпуска цензурированного издания как основы итальянского перевода». Мы видели, что такой вариант советская сторона считала крайне опасным. Пастернак утверждал, что был готов убрать «неприемлемые места, препятствовавшие его изданию»^[143]. Собственно, это было еще одно подтверждение факта, что роман мог выйти в СССР, если бы Пастернак не передал его за границу.

Пастернак решил капитулировать, отказался от премии и отправил Хрущеву письмо, в котором, снова положив руку на сердце, писал, что может быть полезен советской литературе, не собирается уезжать из СССР, «не мог себе представить, что окажусь в центре такой

политической кампании, которую стали раздувать вокруг моего имени на Западе»^[144]. Коса сломала камень.

Разгромное заседание московских писателей прошло по полной программе. Объект экзекуции был объявлен эстетствующим поэтом, далеким от народа, и, соответственно, выразителем дореволюционного декадентства. Прежде эту почетную роль отводили Ахматовой. Но если Ахматову и Зощенко громили за аполитизм, то теперь аполитичность вполне допустима (времена переменились), и председательствующий на собрании С. Смирнов считает, что Л. Пастернак как раз прикрывал своей аполитичностью враждебность к советскому строю.

Л. Ошанин провел напрашивающуюся аналогию между Живаго и Самгиным, подчеркнув разницу авторских позиций: «Горький разоблачил Самгина, а здесь Самгин выступает в роли автора романа»^[145]. Пастернаку припомнили и его разговор со Сталиным по телефону, когда он не стал защищать Мандельштама.

Пастернак встал в позицию «Зощенко сегодня», утверждая, что можно быть советским писателем и писать вещи, подобные «Доктору Живаго». Смирнов ответил: «советского писателя мы не определяем только по территориальному признаку»^[146]. Возникло и зафиксировано важное разногласие. Что такое советский человек – это член общества или убежденный сторонник господствующей идеологии? И если второе – то кому писатель должен ее проповедовать? Советским людям? Но они – уже сторонники. А если нет, если их еще нужно убеждать, то советский человек – не только убежденный сторонник. Значит, и советский писатель – тоже.

Из этого противоречия через несколько лет вытекает правозащитная идея диссидентов: можно не разделять коммунистических идей, но быть полноправным советским гражданином.

От Пастернака ждали публичного покаяния. 2 ноября ТАСС заявил, что Советское правительство не будет препятствовать, если Пастернак соберется покинуть СССР. Но Пастернака вызвали на Старую площадь и объяснили, что он может спокойно работать – травля скоро кончится. Но все же от Запада нужно отмежеваться.

6 ноября Пастернак опубликовал в «Правде» письмо, которое, при всем его двоемыслии, было сочтено властями достаточной

сатисфакцией. Пастернак писал, что был обрадован премией как литературным актом, но затем понял, что это – акт политический, который стал сигналом к политической кампании, привел к «ужасным последствиям». Пастернак сожалел, что не прислушался к предупреждению редакции «Нового мира» о том, что его произведение будет воспринято как выступление против Октябрьской революции (однако намекает, что оппоненты все же довели его критическую позицию до абсурда). Писатель категорически отрицал, что считает Октябрьскую революцию катастрофой, погубившей русскую интеллигенцию. И сейчас не собирается покидать страну, связав свою судьбу со славным настоящим и будущим советского народа.

Кампания против Пастернака быстро стихла. Он даже остался членом правления Литфонда, то есть Пастернака миновала тяжелая участь Зощенко и Ахматовой, которые в 1946 г. остались без средств. Пастернак, однако, продолжил «враждебную работу» (как квалифицировал его действия Президиум ЦК в 1959 г.)^[147]. В феврале 1959 г. за рубежом было опубликовано стихотворение Пастернака «Нобелевская премия». Его вызвали в прокуратуру и припугнули, что откроют уголовное дело по статье «Измена Родине», если он не прекратит встречаться с иностранцами. Но никакого дела, конечно, не открыли – не хватало еще продолжения скандала. Больше Пастернак не пересылал за границу своих произведений.

После кончины, последовавшей в 1960 г., почивший Пастернак стал знаменем партии либералов–индивидуалистов. Из могикан этого же лагеря теперь только И. Эренбург продолжал публиковать свой взгляд на прошлое в «Новом мире». Но подрастало и приобретало влияние новое поколение либералов–шестидесятников, для которых слова «Доктора Живаго» были паролем принадлежности к кругу своих. А вскоре появились и новые «партии».

Время поэтов

Культурная революция времен «оттепели» стартовала 28 июля 1957 г., когда начался Всемирный фестиваль демократической молодежи и студентов. Москву заполнили молодые и настроенные на

общение иностранцы, открылись выставки искусства, через которые в СССР ворвался авангард, на параде мод можно было приобщиться к яркой одежде чуть ли не всех стран мира. Советской культуре было чем ответить. Москва поражала гостей грандиозным балетным шоу на стадионе в Лужниках, красочными шествиями по улицам Москвы, архитектурным и пропагандистским фасадом советской системы. Импульс Фестиваля привел к необратимым последствиям для лириков. Гости разъехались, а атмосфера осталась – пение под гитару, вышедшая из под контроля мода «стиляг», художественный андеграунд, попиравший нормы «социалистического реализма», поэтические вечера.

Новое поколение обычно утверждает в противоборстве с прежним. Политика «оттепели», строившаяся на критике предыдущего правления, очень этому способствовала. Новые литературные герои – скептики или правдоискатели, но в любом случае недоверчивые к старшему поколению, преклонившему колена перед Сталиным, – вызывали восторг у юных читателей и опасения и непонимание большинства «старших товарищей».

В сентябре 1956 г. в «Юности» вышла «Хроника времен Виктора Подгурского», которая положила начало откровенной «исповедальной» молодежной прозе. Если сначала ее авторы исследовали психологию молодежи, то вскоре они перешли к «правде–матке» в стиле критического реализма. Бдительных цензоров шокировало, например, описание улицы Горького в повести А. Гладилина «Дым в глаза». Центр Москвы – это «Бродвей», «выставка тщеславия», «скопище хорошо одетых «пиджонов» и «чувих»^[148]. Цензор понимал, что в этом есть доля правды, но Гладилин не обличает негативные явления и тем как бы легализует их. Его герой, как и принято в исповедальной прозе, откровенно плюет на коммунистические идеалы: «Это страшная вещь, когда ты среди миллионов... Страшная вещь – наша жизнь. Чтобы как-то пробиться, быть чуть-чуть заметным, надо 20–30 лет работать, как черт, с потом и кровью. И только тогда добьешься известности»^[149]. Сейчас такое мнение о советском обществе звучит, как комплимент. Это общество справедливо. Но молодому человеку хочется быстрых путей, и он начинает не любить общество, где нужно много трудиться, чтобы чего-то добиться. Несмотря на все эти откровения, Гладилин не пал жертвой преследований, и его повесть

вышла в «Юности» в конце 1959 г. – просто указанные цензурой места пришлось убрать. Но «душок» остался.

Одна часть молодежи, подобно доктору Живаго, требовала от власти одного – «отстань от меня». А другая, напротив, хваталась (подобно герою В. Розова из «В поисках радости») за отцовскую шашку, чтобы напомнить обмещанившимся предкам об идеалах революции. И неизвестно, что было страшнее для власти.

Глава Главлита П. Романов с возмущением писал в ЦК 22 января 1960 г. о поэме Е. Евтушенко «Считайте меня коммунистом». Перечисляя недостатки советского общества, молодой поэт утверждает, что они несут угрозу наследию Октябрьской революции. Советские чиновники хорошо помнили, как троцкисты говорили о перерождении революции.

Но больше всего П. Романова возмутило другое. Поэма Евтушенко вышла в свет в №2 за 1960 г., причем, в отличие от случая с Гладилиным, «после замечаний цензуры редакция, вместо того, чтобы предложить автору коренным образом переработать поэму, внесла лишь частичные исправления, которые не меняют ее идейной направленности»^[150]. Новый градус «оттепели» — стало возможным обойти цензуру.

Передовые рубежи борьбы с новой напастью удерживала охранительная критика. Е. Евтушенко был награжден критиками званием духовного вождя стиляг, В. Аксенов – циников, а авторы фильма «Застава Ильича» — тунеядцев. Все это молодежное течение, как утверждали охранители, «вбивало клин» между отцами и детьми.

В 1959–1960 гг. литературная молодежь на некоторое время стала главной проблемой цензуры. Глава Главлита с ужасом пишет о том портрете молодежи, который Вознесенский рисует в стихотворении «Последняя электричка». В ней едут «мальчики с финками, девочки с фиксами», «кругом гудят как в таборе гитары и воры». Это – «оскорбительный выпад против всей нашей молодежи»^[151]. Но Вознесенский не просто отдает дань блатной лирике как одному из проявлений советского критического реализма, он ведь выход предлагает – свои стихи, которые уврачуют социальные язвы, оказавшиеся не по зубам государству. Вот опустившаяся падшая девушка:

Стоит – черты испытые.

На блузке видит взгляд
Всю дактилоскопию
Малаховских ребят.

А стоило Вознесенскому прочитать ей стихи, она в рыданиях очищается, и бросается вон из вагона «чище Беатриче».

Молодые «нигилисты», формировавшие поколение «шестидесятников», время от времени получали поддержку старших прогрессистов. Когда Евтушенко оказался под огнем критики, руку поддержки ему протянул опальный прежде Шостакович, положив на свою музыку фрагменты «опальной» поэмы «Бабий Яр».

В то же время известно, что между Твардовским и молодыми литераторами существовал некоторый холодок, вызванный сначала эстетическими причинами. Твардовский считал, например, что Евтушенко талантлив, но небрежен и «самоупоен»^[152]. Позднее к эстетическим претензиям Твардовского добавились и политические: «Для добрых людей такое явление, как Солженицын, это манифест. Но для таких, как наши молодые, это – что с гуся вода...»^[153] У них были свои манифесты.

Гражданская лирика была популярна как никогда с 20-х годов, воскрешая романтические революционные мифы. Поэты Е. Евтушенко, А. Вознесенский и Р. Рождественский были вершителями юношеских дум. Детская страсть к писанию стихов превратилась в фактор общественной жизни. Юные непризнанные поэты искали свою публику и нашли ее на площади.

29 июля 1958 г. в Москве открыли памятник Маяковскому на площади его имени. На церемонии поэты читали стихи. Но когда официальная часть закончилась, к микрофону шагнул неизвестный герой из публики, и стал читать Маяковского. Собравшимся это понравилось, и к микрофону выстроилась очередь. В итоге договорились собираться и читать стихи – уже не только Маяковского. В это время поэтические вечера вообще были в моде, но впервые они происходили без контроля официальных структур на открытом воздухе. Но советские люди не видели в этом ничего крамольного. Причем не только молодежь, собиравшаяся у памятника, но и «старшие товарищи». «Московский комсомолец» 13 августа похвалил начинание. Между тем молодежь на «Маяке» перешла к чтению

собственных стихов, вспыхивала полемика – как бы о стихах, но и об их общественном содержании.

Осенью инициатива заглохла, 1959 год прошел тихо, а вот в 1960 году чтения на «Маяковке» (или коротко — «Маяк») возобновились по выходным. Содержание стихов некоторых поэтов стало гораздо более радикальным – все же прошло еще два года «оттепели». Собиралось до 15 тысяч человек. В кулуарах спорили уже и о политике. Хрущев комментировал эту ситуацию: «Говорят: там были и хорошие. Хорошие были, а аудитория была на стороне тех, кто против нас выступает»^[154]. Соответственно, отношение властей стало иным.

Начались задержания радикальных чтецов. Но сотрудники «органов» плохо себе представляли, какие стихи дозволенные, а какие нет. Тогда было решено закрыть «рассадник». А он не закрывался.

Чтобы борьба с молодыми поэтами не выглядела новыми репрессиями, полицейской операцией, к ней привлекли комсомольские оперотряды, в том числе молодых рабочих. Им объяснили, что предстоит борьба с бездельниками и антисоветчиками, и заводские парни действовали жестко. Но оперотрядовцы столкнулись с сопротивлением.

Теперь за спиной поэтов стояли молодые организаторы, обеспечивающие защиту мероприятия от дружинников. Костяк группы составляли участники подпольных политических и литературных объединений, многие из которых позднее примут участие в диссидентском движении (А. Иванов («Рахметов»), А. Иванов («Новогодний»), В. Осипов, Э. Кузнецов, В. Хаустов, Ю. Галансков, В. Буковский, И. Бокштейн и др.). «Эти люди постоянно приходили к памятнику, приглашали и приводили своих знакомых, ограждали поэтов и чтецов от бухих работяг и комсомольских оперотрядовцев. Словом, «держали» место.

Довольно быстро в этой пестрой компании стало заметно деление на две группы – «политиков» и «поэтов». Политики хотели оформить людей с «площади Маяковского» в некое оппозиционное движение, «поэты» предпочитали заниматься чистым искусством.

Идеологической базой «политики» выбрали «анархо–синдикализм». Во все той же Исторической библиотеке Иванов и Осипов нашли свободно выдававшиеся книги Ашера Делеона «Рабочие советы в Югославии», французского анархо–синдикалиста

Жоржа Сореля «Размышления о насилии», Бакунина «Государственность и анархия», Каутского «Против советской России»». Этот идеологический багаж Иванов («Новогодний») и Осипов пропагандировали на «квартирниках» маяковцев. 28 июня 1961 г. Осипов представил товарищам платформу подпольной организации^[155] (см. Главу VIII).

В годовщину смерти Маяковского 14 апреля 1961 г. произошло побоище. Площадь запрудил народ, гулявший в честь полета Гагарина. Было много нетрезвых. А дружинники попытались устроить очередной разгон. Молодые защитники «Маяка» стали отбиваться, и развернулась драка с участием случайных прохожих.

Нажим на радикальных поэтов усилился. Площадь оцепляли, на квартирах организаторов «Маяка» проводили обыски, одного из них, забияку В. Буковского оперотрядовцы подкараулили и избili.

При этом Буковский контактировал со структурами ВЛКСМ, обсуждал возможности его преобразования (позднее тезисы Буковского по этому вопросу были представлены как антисоветский документ), организовывал с помощью комсомольских каналов альтернативную художественную выставку^[156]. Эта деятельность напоминала работу политических неформалов середины 80-х гг., но в 60-е гг. власти в итоге пресекли это движение. По мере приближения съезда партии они действовали все более жестко. Если сначала присуждали «сутки», то в октябре арестовали несколько участников, которые вели антисоветские разговоры (в том числе и такие, которые сочли террористическими – см. Главу VIII).

«9 октября Маяк дал последний бой – вечером мы провели чтения по всей Москве»^[157], – вспоминает В. Буковский.

Трое активных организаторов чтений – И. Бокштейн, который «агитировал против советской власти любого, кто соглашался его слушать – даже бойцов комсомольских оперотрядов»^[158], будущий «самолетчик» Э. Кузнецов и будущий издатель национал-христианского журнала «Вече», а ныне анархо-синдикалист В. Осипов, обвиненные в антисоветской пропаганде, подучили 5–7 лет лагерей.

Позднее был арестовано еще несколько организаторов «Маяка», в том числе и Буковский, его предпочли квалифицировать как параноика и отправить в спецбольницу.

Сначала Буковского и других инакомыслящих даже радовало, что вместо лагеря им предстоит «дурка», но оказалось, что психлечебница – жестокое испытание не лучше тюрьмы. Несмотря на это, как мы увидим, некоторые противники режима и в дальнейшем предпочитали оказаться там, а не в лагере.

«Маяковка» придала новый импульс еще и самиздату. Политические тексты и литературные произведения перепечатывались и распространялись отдельно, а организаторы «Маяковки» стали делать сборники – по образцу популярных в это время толстых литературных журналов. Молодой журналист А. Гинзбург, участник чтений у памятника, собрал стихи непризнанных поэтов и опубликовал их в альманахе «Синтаксис». Сборник был иллюстрирован видным альтернативным художником из «Лианозовской группы» Е. Крапивницким. В 1959–1960 гг. вышло три номера со стихами Б. Окуджавы, И. Бродского, Н. Горбаневской. Тираж достигал 300 экземпляров, что много для машинописного издания, которое распространяется из единого центра (в середине 60–х гг. образуется сеть перепечатки самиздата, которая будет подхватывать и множить тексты годами).

В июле 1960 г. Гинзбург был арестован, но политическое дело ему решили не шить, посадили за подделку документов на два года исправительно–трудовых лагерей – «максимальный срок, несмотря на незначительность преступления (подделка справки для сдачи экзамена за товарища) и полное отсутствие корыстных мотивов в его действиях»^[159].

Участники «Маяка» выпустили также сборники «Коктейль» и «Бумеранг». Ю. Галансков выпустил в 1961 г. толстый (200 стр.) альманах «Феникс». После разгона «Маяка» его участники выпустили в 1962 г. два номера журнала «Сирена».

Когда «Маяк» был разгромлен, публичные поэтические чтения продолжались, но уже под крышей. Их символом стали вечера в Политехническом музее, которые были организованы Горьковской киностудией для съемок фильма М. Хуциева «Застава Ильича». Официально организованные чтения с обсуждением были сенсацией, билеты туда распространялись ВЛКСМ, но любители новой поэзии пытались проникнуть с улицы. Евтушенко рассказывал с высокой партийной трибуны, какой конфуз вышел: зал полупустой, а на улице

многотысячная толпа жаждущих войти в Политехнический. Бюрократия опять все сделала «как всегда». Ждали прибытия каких-то еще молодых рабочих, которые не доехали. На предложения заполнить зал публикой комсомольские чиновники отвечали: «Неизвестно, что это за люди»^[160]. «Маяк» научил чиновников бдительности. Так чтения и шли в полупустом зале, но в фильме получилось все как надо. С той же трибуны В. Аксенов рассказал, какое потрясающее впечатление сцена фильма о поэтических чтениях произвела за рубежом, показав напряженную духовную жизнь страны. Апелляция к зарубежным мнениям – опасный аргумент, и Аксенов продолжает с пафосом: «Любые попытки представить нашу литературу, как литературу нивелированную, догматическую должны разбиваться о факты. Любые попытки представить нашу литературу, как литературу ревизионистскую, тоже должны разбиваться о факты... Наше единство в нашей марксистской философии, в нашем историческом оптимизме, в нашей верности идеям XX и XXII съездов. Напрасны попытки некоторых недобросовестных критиков представить нас как нигилистов и стилиг... Я благодарен партии и Никите Сергеевичу Хрущеву за то, что я могу с ним разговаривать, за то, что я могу с ним советоваться. Мы хотим говорить с отцами, и спорить с ними, и соглашаться в разных вопросах, но мы хотим также сказать о том, чтобы отцы не думали, что у нас в карманах камни, а знали, что у нас чистые руки. (Аплодисменты.)»^[161].

Кино уехало, маститые молодые поэты тоже, а площадка Политехнического осталась и некоторое время там шли чтения и обсуждения.

Молодые поэты, талант которых был признан официально, пытались заступиться за уличных чтецов.

Защищая «Маяк» перед лицом партийных руководителей, Евтушенко утверждал, что сама аудитория давала там отпор, если кто-то начинал читать «пасквильные стишата» (это – преувеличение, но возможно Евтушенко сознательно пользовался тем, что прогрессисты и наружка КГБ по разному оценивали «пасквильность»). Соответственно, разгон «Маяка» был представлен поэтом как абсурдный и вредный для режима произвол: «Так что сделали товарищи из райкома, товарищи с красными повязками на рукавах? Они несколько вечеров подряд приезжали и очищали аудиторию,

вытаскивали читающих стихи. Одну девочку вытащили, которая читала «Люблю» Маяковского. Они решили, что это она сама написала и что такие стихи нам не нужны. И вообще на площади Маяковского вечера прекратились»^[162].

Возмутимся вместе с поэтом – режим боится сборища, где читают стихи Маяковского и других, менее канонических поэтов. Прошли годы, рухнул коммунистический режим. Оковы пали, и свобода... Но не советую поэтам собираться у памятника Маяковского читать стихи без санкции градоначальства. ОМОН может кости намять. И уж теперь не будут разбираться, нужны нам такие стихи или не нужны.

Евтушенко оценивает разгон «Маяка» как капитуляцию перед «подонками», которым можно было дать идейный отпор. Но чиновники–то понимают, что и Евтушенко, и «подонкам» нужно одно и то же – чтобы чтение стихов еще и дискуссией сопровождалось. И на этой дискуссии прогрессисты и радикалы, для порядка покусывая друг друга, вцепятся в бюрократию.

Произвол власти породил законное возмущение общественности. Но абсурдным он не был, так как «Маяк» действительно был центром консолидации и практическим тренингом молодых оппозиционеров, будущих диссидентов.

Бой с тенью

Символично, что «Маяк» разогнали, чтобы обеспечить спокойное проведение 17–31 октября 1961 г. XXII съезда КПСС, который принял новую Программу КПСС – программу строительства коммунизма, а также развенчал Сталина куда решительнее, чем в 1956 г. Произошло то, чего требовали в 1956 г. антисталинисты – обсудить доклад Хрущева. Обсудили, вынесли Сталина из Мавзолея, переименовали города и веси, носившие имена Сталина и его уже отставленных соратников. Фигура Сталина стала символом диктатуры и в то же время – ее громоотводом. Бой с тенью Сталина стал центром наступления литераторов в 1962 г.

Новое наступление прогрессисты начинали в наилучших условиях за все время «оттепели». Во–первых, Хрущев видел в них

союзников в борьбе против тени Сталина. Во-вторых, подавив неформальное движение поэтов, власти поощряли популярных молодых членов Союза писателей – Аксенов и Евтушенко вошли в редколлегию журнала «Юность», Евтушенко и Вознесенский – в правление Московской организации СП.

К. Паустовский повторил эксперимент с альманахом, добившись публикации сборника «Тарусские страницы» в Калуге в 1961 г. Здесь были опубликованы М. Цветаева, все еще остававшаяся запретным плодом для читателей, Б. Окуджава, Ю. Казаков, В. Корнилов, В. Максимов. На этот раз выход сомнительного альманаха не вызвал ответной кампании – границы свободы заметно расширились. В ЦК обсуждалась даже отмена постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», что стало бы мостиком к более широкой публикации поэтов «Серебряного века». До такого разгула антисталинизма, правда, не дошло.

В. Эггелинг считает, что в 1961–1962 гг. наступила «ситуация неопределенности»^[163]. С одной стороны – вышел сборник стихов Пастернака, с другой – В. Гроссману запретили публикацию романа «Жизнь и судьба»^[164]. Однако никакой «неопределенности» здесь не усматривается. В эти годы благодаря санкционированному Хрущевым расширению рамок свободы развернулось наступление прогрессистов, которые стремились как можно дальше продвинуть сферу разрешенного творчества, в том числе снять посмертную опалу Пастернака. Однако эта сфера не могла быть безграничной. Стихи Пастернака вполне укладывались в нее – неудобна была только фамилия автора. А вот роман Гроссмана – никак не укладывался. Для начала нужно было пробить брешь в табу на лагерную тематику.

После XXII съезда КПСС охранители чувствовали себя обороняющейся стороной и пытались вернуть расположение власти, пугая ее перспективами победы прогрессистов в культуре. В своей речи на XXII съезде КПСС ортодоксы с ужасом делились впечатлениями от США, где качественные произведения выходят мизерными тиражами, а господствует культ секса и насилия. Не несет ли вестернизация и либерализация угрозы духовной культуре? Современная культурная ситуация в России конца XX – начала XXI в. подтверждает, что опасения были не беспочвенны.

В своем выступлении на съезде один из идеологов ортодоксов, бывший редактор «Литературки», теперь назначенный редактором «Октября» В. Кочетов атаковал две категории противников: литературных «цыплят» и «угрюмых сочинителей мемуаров»^[165]. Выступление Кочетова вызвало смех и крики «долой!» некоторых делегатов^[166]. Это показывает, что распространенное мнение об организационном доминировании ортодоксальных сил^[167] является неточным. В начале 60-х гг. инициатива принадлежала прогрессистам и власти, которые ставили ортодоксов перед новыми вызовами, которые было все труднее отбивать. Но охранители считали это своим долгом, потому что альтернативой был разгул того, что они считали пошлостью, цинизмом, очернительством. А за этим маячила угроза нарушения устойчивости государственного порядка и деградации культуры.

Несмотря на эстетические разногласия «цыплят» и «угрюмых сочинителей мемуаров», по вопросу о Сталине они были едины – нужно переходить от темы «культ личности» к его причинам и последствиям.

10 октября 1962 г. в «Правде» было опубликовано стихотворение Евтушенко «Наследники Сталина». «Молодые» объявляли войну уже не только тени Сталина, но и всему лагерю сталинцев. Это заставило охранителей поежиться.

Но сенсацией года стало другое произведение.

В № 11 «Нового мира» за 1962 г. был опубликован «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына^[168].

Для Твардовского повесть Солженицына был шансом вбить осиновый кол в тело сталинизма. Эта возможность подкупила и Хрущева. Он не только дал согласие на публикацию, но и санкционировал кампанию рекламы произведения^[169]. Коммунисты–прогрессисты, преследуя свои цели, продвигали к вершинам известности представителя союзного пока, но принципиально враждебного им идейного течения^[170].

Но значение публикации оказалось гораздо разрушительнее для советской системы, чем рассчитывал Хрущев и даже Твардовский. Все желающие теперь могли узнать, что в СССР существовали концентрационные лагеря, порядки в которых напоминали нацистские лагеря смерти. А ведь концлагеря были символом и главным

доказательством бесчеловечности нацизма, разгром нацизма – одним из важнейших достижений СССР. «Один день» наносил удар по основополагающим ценностям Системы.

В. Новодворская вспоминает: «В 1967 году отец положил мне на стол «Один день Ивана Денисовича». Это входило в джентельменский набор и должно было стать чем-то вроде похода в консерваторию или пушкинский музей... «Ах, декабристы, не будите Герцена, в России никого нельзя будить!» Эта книга решила все. Не успела я дочитать последнюю страницу, как мир рухнул..., я поклялась в ненависти к коммунизму, КГБ и СССР. Вывод был сделан холодно и безапелляционно: раз при социализме возможны концлагеря, социализм должен пасть. Из тех скудных источников о жизни на Западе, которые оказались мне доступны, я уяснила себе, что там «ЭТОГО» не было. Следовательно, нужно было «строить» капитализм... Слава Богу! Моей стране оказалась нужна еще одна революция»^[171]. Разумеется, такое воздействие повесть Солженицына оказывала на наиболее эмоциональные натуры. Но и более спокойные советские люди, включавшие повесть в «джентльменский набор» для своих детей, не могли сочувствовать охранителям Системы, которая допустила «ЭТО».

Советские люди учились совмещать знание о жутких 30-х и лояльность советскому государству, которое представляло не идеальным, а реальным, оставаясь своим. Советская история открывалась как сложная и неоднозначная, будущее – не predetermined.

Публикация «Одного дня» Солженицына стала пиком наступления прогрессистов 1961–1962 гг., но не «одиноким выстрелом». В это же время публиковались воспоминания Эренбурга о сталинских временах, историческая литература восславляла расстрелянных при Сталине генералов и маршалов.

Громы без молний

Наступление прогрессистов не могло продолжаться бесконечно, но все же прервано оно было внезапно. 1 декабря 1962 г. Хрущев

посетил художественную выставку в Манеже, где среди прочего многообразия советского искусства демонстрировались и абстракционистские произведения. Художественные вкусы Хрущева были консервативны, и произведения Э. Неизвестного, П. Никонова, Н. Андропова и других вызвали у него гнев своей «бессмысленностью» и антиэстетичностью. Государство кормит художников, а они демонстративно халтурят! Хрущев наглядно увидел подтверждение угроз охранителей о том, что вседозволенность в искусстве и литературе ведет к пошлости, цинизму и халтуре. Обругав увиденные произведения, Хрущев дал сигнал кампании против абстракционизма^[172] и решил плотнее заняться отбившейся от рук творческой интеллигенцией.

17 декабря прошла встреча руководителей партии с творческой интеллигенцией, где Хрущев очень грубо ругал Э. Неизвестного, 26 и 29 декабря 1962 г. секретарь ЦК Л. Ильичев провел заседание Идеологической комиссии с участием представителей творческой интеллигенции, указав последней ее место. Ильичев озвучил позицию, которую власть теперь собиралась защищать: «Нельзя допустить, чтобы под видом борьбы с культом личности расшатывали и ослабляли социалистическое общество, социалистическую культуру»^[173].

Ильичевская атака на свободу творчества было промежуточным этапом между ждановскими гонениями и сусловской стабильностью. Ильичев был грозен в своей риторике почти как Жданов, но смысл его позиции был уже ближе Сулову – не переходите рамок, помогайте партии и государству в просвещении и воспитании населения, и к вам не будет претензий. Если перешли рамки – покайтесь и простится вам. Не делайте сенсации из культа личности. Да, это было, но было и много другого, о чем нужно писать. Мы признаем многообразие форм искусства, но за исключением тех, которые непонятны народу (и его представителям), потому что они служат лишь слепому подражательству, низкопоклонству перед Западом.

В ответ литературная молодежь выступила с самокритикой, которая местами напоминала контратаку. Евтушенко не признавал, что является духовным вождем стиляг (становиться вождем любого социального слоя было опасно, как показал уже опыт Дудинцева, а уж такого вредного явления, как стиляги – и подавно). И тут же

критиковал разгон поэтических чтений на площади Маяковского. Он обвинил власть в том, что она капитулировала перед «псевдолириками» (то есть политизированными критиками режима), в то время как подавляющее большинство поэтов «Маяка» были настроены просоветски. Аксенов, доказывая свою приверженность коммунистическим идеалам, проводил параллель между мнением охранителей и западных идеологов. Такое двойственное покаяние–контратака укладывалось в правила игры: власть уже соглашалась с полемикой, лишь бы она велась в рамках советской лояльности.

После выставки в Манеже идеологическая комиссия не могла обойти изобразительное искусство.

21 декабря Э. Неизвестный поблагодарил Хрущева за «отеческую критику», а вот П. Никонов и Н. Андронов (авторы возмущивших Хрущева «Геологов» и «Натюрморта») продолжали упорствовать. Альтернативные художественные течения продолжили свое развитие в СССР^[174].

Борьба с нетрадиционным искусством стала поводом для выступления представителя идейного течения, которое охранители считали своим, но которое уже разошлось с «генеральной линией партии». Молодой художник И. Глазунов обрушился и на абстракционистов, и на помпезное искусство сталинских времен, и на типичный для оттепельного искусства уход в мелкотемье. Не называя автора, Глазунов ссылается на сталинскую шутку о том, какой уклон хуже – правый или левый: «Оба хуже»^[175].

Новое поколение лояльных власти художников противостояло и «социалистическому классицизму», и «критическому реализму» в приложении к советской действительности. Куда же плыть? Глазунов берет курс, который должен был вызвать тревогу у ортодоксальных коммунистических идеологов: нужна «пропаганда наших народных русских национальных традиций»^[176]. И тут же обрушивается на разрушение храмов и других памятников архитектуры, на уничтожение церковной утвари. Нет власти покоя. Хочешь осудить «левых», абстракционистов, так вперед выходят «правые», и давай костерить перегибы антирелигиозной кампании. И что же? В годовину «гонений» на Церковь главный «гонитель» Л. Ильичев положительно отзывается о выступлении Глазунова, завершившегося почти нескрываемым упреком власти за взрыв Храма Христа Спасителя.

Руководство партии уже не ведет ни с кем войну на уничтожение, а лишь маневрирует между общественными течениями, чтобы не дать ни одному из них слишком усилиться.

7–8 марта 1963 г. Хрущев провел итоговые встречи с творческой интеллигенцией, чтобы расставить точки над «і».

К этому времени «молодежь» опять «подставилась», неосторожно выступив в зарубежной прессе. Попытки А. Вознесенского оправдываться вызвали у Хрущева эмоциональный припадок. Он кричал на поэта: «Так вот, пока вы, товарищ Вознесенский, не поймете, что вы – ничто, вы только один из этих трех с половиной миллионов, ничто из вас не выйдет»^[177]. Хрущеву была чужда элитарность, сверхчеловечность деятелей культуры, самоощущение доктора Живаго, где судьбы народа – лишь фон судьбы поэта. Распалившись, Хрущев стал орать на поэта, позволившего себе неосторожно высказываться за рубежом: «Господин Вознесенский! Вон! Товарищ Шелепин выпишет Вам паспорт»^[178]. Вознесенский думал, что предстоят гонения. Но режим уже не кушал поэтов, и все обошлось.

На встрече досталось и ветерану И. Эренбургу за книгу «Люди, годы, жизнь», в которой он, продолжая гнуть линию Пастернака, провозгласил «возможность сосуществования различных идейных направлений в советском искусстве». Собственно, в начале 60–х гг. это была уже данность, но руководители партии и государства сдерживали развертывание плюрализма как могли.

Возмутила Хрущева и трактовка Эренбургом советского прошлого. Эренбург занимал в революционных событиях «позицию стороннего наблюдателя»^[179] (получалось – как Доктор Живаго). И наблюдения его были обидны для власти. Эренбург утверждал, что о сталинских репрессиях знали, но молчали. Хрущев напомнил: тогда считалось, что жертвы Сталина – действительно контрреволюционеры. Хрущев не учитывал, что у них с Эренбургом вообще разное понимание «контрреволюции». Эренбург, который был ближе по взглядам к Пастернаку, чем к Хрущеву, предпочел не конкретизировать. Тем более, что Хрущев напомнил ему – пока Эренбург помалкивал, Шолохов, например, жаловался Сталину на «перегибы».

Но Эренбург не спускал флаг и это еще больше гневило власть. После этого продолжение мемуаров Эренбурга завязло в цензурных инстанциях. Эренбург на уступки шел неохотно, и в конце концов, ощутив себя преемником Пастернака, пригрозил Хрущеву международным скандалом. И Хрущев на этот раз уступил, принял Эренбурга и урегулировал с ним отношения. Такова была эпоха «оттепели» — правители и писатели, официоз и идеологи разных направлений прощупывали друг друга на прочность.

На вольномыслящую интеллигенцию хрущевский разнос произвел гнетущее впечатление: «вторая ... кремлевская встреча 7–8 марта 1963 г. была одной из самых позорных страниц всего хрущевского правления. Создан был сталинистам пятикратный перевес сил (приглашены аппаратчики, обкомовцы), и была атмосфера яростного лая и разгрома всего, что хоть чуть–чуть отдавало свободой. Этими встречами откатил нас Хрущев не только до XXII съезда, но и до XX–го. Он откатил биллиардным шар своей собственной головы к лузе сталинистов. Оставался маленький толчок»^[180], – писал десятилетие спустя А. Солженицын. Но в 1963 г. автор «Ивана Денисовича» был в фаворе и после встречи 7–8 марта 1963 г. говорил одному из высокопоставленных чиновников: «Я глубоко взволнован речью Никиты Сергеевича Хрущева и приношу ему глубокую благодарность за исключительно доброе отношение к нам, писателям, и ко мне лично, за высокую оценку моего скромного труда»^[181]. Таким образом он лоббировал постановку своей пьесы «Олень и шалашовка» в «Современнике», но был готов не настаивать на ее постановке в сложившихся условиях: «Мне будет очень больно, если я в чем–либо поступлю не так, как этого требует от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев»^[182]. По просьбе Солженицына это мнение было передано Хрущеву.

После «исторической встречи» в лагере прогрессистов царили «растерянность, уныние. Перепуганные интеллигенты еще пуще запугивают друг друга»^[183]. Угроза «реставрации» пугала «видавших виды» литераторов. С. Маршак говорил: «Сейчас маленький 37–й год, и все люди проясняются, кто чего стоит»^[184]. Но реставрация была уже невозможной – власть потому и огрызалась, и пугала, чтобы не зарывались.

В итоге встреч «Правда» заклеимила молодых уклонистов как «анархистствующих либералов», которые ставят талант выше идейного содержания и проповедают общечеловеческий гуманизм^[185]. За уточнением официальной линии последовали и организационные выводы. Но здесь замах был на рубль, а удар – на копейку. 17 марта было объявлено о замене либерального председателя правления Московской организации СП С. Щипачева на ортодоксального Г. Маркова.

IV пленум правления СП СССР разобрал персональные дела молодых авторов, но не за их произведения, а за личные и политические вольности, допущенные накануне встречи с Хрущевым. Автобиография Евтушенко, обработанная французской редакцией, была сочтена нескромной. Евтушенко осудили за «хлестаковщину», так как он был представлен в тексте ведущим советским поэтом. «Хлестаковщина» была поводом, чтобы ударить и по претензии Евтушенко представить прогрессивную молодежь главной силой, которая ведет борьбу с наследием Сталина. Ведь отцы связаны с этим наследием теснее, чем дети. В этом чувствуется переключка с популярными в 60–е гг. идеями молодежной революции на Западе, которые через пять лет приведут к «Красному маю» в Париже. Молодежные идеологи по обе стороны «железного занавеса» размышляли подобным образом.

Близкие взгляды высказали в интервью польскому журналу Аксенов и Вознесенский (который к тому же назвал своим идеалом не только Маяковского, но и Пастернака). Но и здесь охранители атаковали не в лоб, а через ахиллесову пятую – проблему положительного героя Аксенов назвал «устаревшей проблемой». Прощтрафившимся авторам пришлось снова каяться в содеянном^[186]. Их претензия на роль идеологических лидеров молодежи была подорвана. Оргмеры в отношении прощтрафившейся молодежи оказались почти как награда – поезжайте в творческие командировки по стране.

Охранители получили хороший повод для того, чтобы позлорадствовать. 19 марта в «Литературной газете» вышла статья Л. Крячко «Герой не хочет взрослеть...» с резкой критикой произведений В. Аксенова, Е. Евтушенко, А. Гладилина, В. Войновича, Б. Окуджавы, Ю. Казакова и Б. Ахмадулиной. 22 марта в «Комсомольской правде»

выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов: «Под предлогом борьбы против последствий культа личности и догматизма некоторые литераторы, кинематографисты, художники стали как-то «стесняться» говорить о высоких идеях, о коммунизме. Жонглируя высоким понятием «жизненная правда», извращая это понятие, они населяют свои произведения людьми, стоящими в стороне от больших общественных интересов, погруженными в узкий мирок обывательских проблем... И действительно, стоит почитать мемуары И. Эренбурга, «Вологодскую свадьбу» А. Яшина, путевые заметки В. Некрасова, «На полпути к Луне» В. Аксенова, «Матренин двор» А. Солженицына, «Хочу быть честным» В. Войновича (и все это – из журнала «Новый мир») – от этих произведений несет таким пессимизмом, затхлостью, безысходностью, что у человека непосвященного, не знающего нашей жизни, могут, чего доброго, мозги стать набекрень».

«Новый мир» огрызнулся на критику, нехотя признавал «ошибки» и снова язвил оппонентов перьями своих авторов. При этом не только охранители апеллировали к власти, выискивая крамолу у прогрессистов, но и прогрессисты ждали защиты от оппонентов в авторитарной силе, предвосхищая авторитарный либерализм 90-х гг. Когда помощник Хрущева В. Лебедев (продвинувший «Один день...», но с ужасом отвергший «В круге первом») говорил Твардовскому о хорошем отношении Никиты Сергеевича к нему, Твардовский не преминул пожаловаться: «Все это хорошо. Но ведь темные духи веют, не успокоились, и статейки ядовитые Кочетов печатает»^[187]. Требуя защиты от «ядовитых статей» оппонента, Твардовский проявлял двойственность, свойственную оппозиции его величества (а не оппозиции его величеству).

Руководство страны ценило эту двойственность и отвечало на нее собственной. Отгремели мартовские громы, летом Хрущеву прочитали новый вариант «Теркина на том свете», и на этот раз произведение Твардовского понравилось. Хрущев хохотал, ему нравилось остроумное издевательство над чиновниками, а страха перед переворотом у него уже не было.

17 августа поэма А. Твардовского «Теркин на том свете» была опубликована в «Известиях». Окрыленная успехом, партия прогрессистов стала двигать «Один день Ивана Денисовича» на

Ленинскую премию. В развернувшейся полемике удалось пробить положительные отзывы о повести даже в «Известиях» и «Правде». Впрочем, плюрализм в стране уже был достаточно широк, и такая реклама не решила дело – в «Литгазете» были отрицательные отзывы (потом они появились в «Правде»). Охранители, укрепившиеся в 1963 г. в СП, решили не пропускать «очернителя» на премию. При поддержке Ильичева наступление прогрессистов удалось и на этот раз остановить, Солженицын премию не получил. Его повесть была выдержана в духе абстрактного гуманизма, а для присуждения Ленинской премии требовалась глубочайшая партийность.

Но при этом журнал «Коммунист» снова встал над схваткой литературных течений, покритиковав за односторонность и «Новый мир», неумеренно восхвалявший «Один день Ивана Денисовича», и «Октябрь», слишком резко критиковавший «Теркина на том свете»^[188].

Подводя итоги 1963 году, Твардовский изложил суть стратегии прогрессистов: «Какой тяжелый год мы прожили! Но надо, не поддаваясь эмоциям, возмущению, брать метр за метром, уступчик за уступчиком...»^[189] Можно добавить: уступку за уступкой.

В 1964 г. позиционные бои продолжались. Прогрессисты пытались консолидировать свой лагерь. Критика «Нового мира» опиралась на произведения Солженицына, пытаясь поляризовать общественное мнение вокруг поставленных в них проблем сталинизма. Особенно далеко в борьбе за такую поляризацию пошел В. Лакшин со своей статьей «Иван Денисович, его друзья и враги», опубликованной в начале 1964 г. Эта статья, выдержанная в духе «Кто не с нами, тот против нас», обидела центристов и способствовала изоляции «Нового мира». Лакшина критиковали за попытку приватизировать Ивана Денисовича в пользу только одной «литературной партии», в то время как это произведение дорого самым разным читателям. Но особенно бдительные критики нашли у новомирского автора и более опасные нотки. «Литературная газета», отошедшая уже от реформизма, обнаружила у своего бывшего сотрудника Лакшина теорию «руководителей и руководимых»^[190], почти классового разделения советских людей, обнаженного на примере лагерной жизни в повести Солженицына.

11 июня 1964 г. Твардовский попытался начать новое наступление, пустив в дело широкое антисталинское (а местами и

вполне антикоммунистическое) полотно – роман А. Солженицына «В круге первом». И хотя тогда это произведение было лишено некоторых антисоветских и прозападных мотивов, известных его нынешним читателям, мнения в редакции «Нового мира» разделились. «Заседание шло почти четыре часа. А.Т. в начале объявил его «приведением к присяге»... Всем ходом обсуждения он выдал из редакции согласие на мой роман...»^[191], – вспоминал А. Солженицын. Но для покровителей реформистов в высших эшелонах власти это было уже слишком. 21 августа помощник Н. Хрущева В. Лебедев вернул А. Твардовскому рукопись романа А. Солженицына, отказавшись участвовать в ее «пробивании» через цензуру.

Это были последние стычки на литературном фронте времен «оттепели». Наступление литераторов выдыхалось, но оно достигло своей цели, значительно расширив рамки творческой и идейной свободы по сравнению с серединой 50–х гг.

Глава III

Вечные ценности

Советский конкордат

20–30–е гг. были в истории русского Православия годами гонений и исканий. В пламени революции Церковь освободилась от опеки государства, но священники и паства разделились. Сохранять ли церковные порядки в неприкосновенности или идти путем обновления, русской реформации? Борьба ли с новым, атеистическим государством или искать компромисса? Эти вопросы разделили Церковь. Коммунистический режим, видевший в Церкви конкурента в мировоззренческой борьбе, обрушил на нее репрессивный меч и огонь атеистической агитации, используя любой повод для арестов и казней. Это были гонения, подобные римским. Они внесли серьезные разрушения в церковную инфраструктуру, но Тело Христово устояло и стало искать примирения с советским обществом и властью.

Государство тоже менялось, синтезируя коммунистический проект и традицию. Великая война ускорила сближение.

После исторической встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г. государство признало право Церкви на легальное существование и ограниченное развитие своей инфраструктуры, включая монастыри и семинарии. РПЦ получила ограниченные права юридического лица. Таким образом, Сталин санкционировал заповедник инакомыслия, хотя и не политического, но мировоззренческого. Для улучшения отношений государства и Церкви создавалось специальное ведомство – Совет по делам РПЦ во главе с Г. Карповым. Государство тут же взяло Церковь под опеку, предоставив государственную материальную поддержку новоизбранному Патриарху Сергию и митрополитам, поспособствовав преодолению раскола с обновленцами. Под государственным давлением большая часть обновленческого клира была интегрирована в РПЦ^[192]. Легкость этой интеграции объясняется не только государственным давлением, но и преодолением одной из важнейших причин раскола – разного отношения к советскому государству. Уже заявление патриарха Тихона 1923 г. и Декларация митрополита Сергия 1927 г. означали, что РПЦ отказывается от борьбы с атеистическим режимом. Но советское государство все еще видело в Православии угрозу, и потребовалась длительная эволюция режима к признанию дореволюционных ценностей (связанная и с изменением состава самой партийной касты), чтобы заключить с РПЦ советский «конкордат».

РПЦ стала союзником власти в решении внешнеполитических проблем (поддержкой СССР на международных фронтах занялся возникший в 1946 г. Отдел внешних церковных сношений во главе с митрополитом Николаем), в борьбе с сепаратизмом Западной Украины, где борьба с украинскими националистами сопровождалась разгромом Униатской церкви. В этих вопросах государство и Церковь исходили из совпадения интересов. Если это совпадение не обнаруживалось, Сталин властно воздвигал пределы для религиозной пропаганды. Малейшие попытки выйти со словом Божиим за пределы начерченных государством границ кончались арестом. Однако «за арестами 40–х гг. не стояло умысла об искоренении Церкви, в отличие от 20–30–х гг.»^[193]

Одновременно был ослаблен нажим на мусульманство. В 1943 г. в Ташкенте было создано Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. В 1945 г. возобновился Хадж. Каждый год по 20–25

человек направлялось в Мекку. После 1943 г. были созданы Духовные управления Закавказья в Баку, Северного Кавказа в Буйнакске. Управления назначали имамов и разрешали споры между ними. В 1948 г. был санкционирован съезд мусульманского духовенства, который прошел в Уфе и создал Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири – правопреемник Центрального духовного управления мусульман России, существовавшего в первой половине века (большинство его членов было арестованы в 30–е гг.). К началу Перестройки в его ведении было 142 мусульманские общины.

Делами всех конфессий, кроме Православия, занимался Совет по делам религий и культов при Совете министров СССР во главе с А. Пузиным.

В тоталитарном режиме граница между «положительным» и «отрицательным» определяется и передвигается волей партийно–государственного центра. В авторитарном – соотношением лоббирующих сил. Советы по делам религий и по делам РПЦ сначала развивали дело, признанное полезным, а затем лоббировали свое ведомственное направление, защищая его от дерганий курса партии и сопротивления неуступчивых иерархов.

Позиция Советов и его структур (особенно – по делам РПЦ) вызывала недовольство других звеньев номенклатуры. Так, в письме в ЦК КПСС от 5 марта 1959 г. партийный лидер Молдавии Д. Ткач писал, что, действуя в соответствии с установленными в 1945–1946 гг. правилами, уполномоченный по делам РПЦ при правительстве Молдавии закрыл «доступ финансовым органам к документам, учитывающим доходы церковных организаций», что «дает возможность последним уклоняться от обложения налогами», а также «стал оказывать активную помощь церквям, монастырям в приобретении ими различных транспортных средств, сельскохозяйственных машин, электростанций, строительных материалов, тем самым способствовать расширению экономической деятельности религиозных организаций, обогащению духовенства, усилению влияния церквей и монастырей на население»^[194]. Ситуация в Молдавии была лишь частным случаем процессов, происходивших во многих регионах СССР. Как жаловался на совещании в ЦК заводделом агитации и пропаганды ЦК КП Украины, есть

уполномоченные, «которые просто забывают, кому служат: то ли партии служат, то ли Богу»^[195].

Совет по делам РПЦ лоббировал в вышестоящих партийно-государственных структурах снижение налогов с духовенства^[196]. В этом была своя логика – с молчаливого согласия властей при Сталине священники платили налоги не со всех доходов – часть средств считалась представительскими расходами. В условиях тоталитаризма все держалось на доброй воле властей. Но в середине 50-х гг. рамки «можно–нельзя» становились более определенными, и Совет стремился упорядочить сбор налогов без ущерба и для Церкви, и для государства.

В новых условиях, когда партийно-государственному центру предстояло ослабить контроль над обществом, Церковь стала вызывать нешуточное беспокойство. В теле советского общества существует мощная корпорация со своим хозяйством, идеологией и воинской дисциплиной. Одно дело, когда была железная рука Сталина – не забалуешь. А теперь перед властью встала задача сдерживания влияния Церкви.

7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», где было раскритиковано примиренчество в отношении религии.

Постановление вызвало панику среди верующих (преследования 20–30-х гг. были свежи в памяти) и протесты со стороны видных иерархов, включая публичные проповеди^[197]. Стало ясно, что может начаться новый 1922 год – со столкновениями вокруг храмов.

Консервативные соратники Сталина Молотов, Маленков и Булганин отнеслись к антирелигиозной кампании без энтузиазма^[198]. Уже в ноябре 1954 г. был дан «отбой». Постановление, вызвавшее волнение в среде духовенства, не вылилось в широкую кампанию против РПЦ. В 1954 г., когда машина тоталитарного режима еще могла нанести по РПЦ удар, подобный гонениям 20–30-х гг., в советском руководстве не было единства мнений о том, нужно ли отказываться от сталинской политики в отношении религии. А когда Хрущев победил своих консервативных оппонентов, уже изменились правила игры, и Церковь как институт стала неуязвимой.

В 1952–1954 гг. число церквей с регулярной службой возросло на 354. 17 февраля 1955 г. было облегчена регистрация реально существующих религиозных общин. В 1956 г. Патриархии были переданы права на здания Троице–Сергиевой Лавры (десять лет монастырь существовал «на птичьих правах»). В 1957 г. количество храмов достигло 13478, численность духовенства 12288.

Часть священников демонстративно игнорировала указания уполномоченных по делам РПЦ, как, например, архиепископ ленинградский Григорий. Власть ощущала нарастающее давление со стороны верующих. Количество просителей за открытие новых храмов выросло в 1955–1956 гг. с 1700 до 2299.

Для авторитарного режима было неприемлемо расширение одной из влиятельных субкультур. Это могло «перекосить» всю социальную конструкцию. Соответственно, государство стало готовиться к контрудару, к действиям, которые должны были указать «церковникам» на место. Действия против РПЦ начинались как оборонительные, сдерживающие.

Приказано уничтожить?

Сегодня принято считать, что Хрущев обрушил на Церковь гонения с тем, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать ее и «религиозные предрассудки» вообще.

«В этот период, наполненный драматизмом, советское руководство в кратчайшие сроки спешило решить религиозную проблему в стране»^[199], — утверждает православный историк О.Ю. Васильева. «В 1958 г. первый секретарь ЦК КПСС начал кампанию, направленную на искоренение религиозных организаций»^[200], — вторит ей Н. Митрохин, критически анализирующий РПЦ. Но есть ли доказательства, что Хрущевым ставилась именно такая цель?

Ссылаются на полемические высказывания, которыми славился Хрущев. Он обещал показать по телевизору «последнего попа», а американцам — «кузькину мать», как-то сгоряча даже обещал «похоронить» Запад. Но все это вряд ли стоит понимать буквально.

Современные авторы, уверенные, что план уничтожения Церкви существовал, вынуждены его реконструировать: «поставить Церковь под контроль и затем медленно задушить – такая цель казалась вполне достижимой»^[201]. Если стремление руководства КПСС держать Церковь под контролем не вызывает сомнений (оно не является особенностью именно коммунистических правителей, было характерно и для российских императоров), то вот насчет «задушить» возникают вопросы. Мы увидим, что темпы сокращения числа приходов заметно снизились уже при Хрущеве.

Давление на РПЦ могло иметь куда более скромную цель, чем ее удушение – вернуть это инородное для коммунистического режима тело в рамки, за пределы которых РПЦ далеко вышла после войны.

Первые признаки того, что государство не намерено больше «потакать» Церкви. Появились уже в 1957 г. 2 декабря Совет принял решение снять с регистрации церкви, где не проводятся службы. Некоторое время процесс развивался подспудно, постепенно усилилось давление на приходы в регионах.

Более серьезные неприятности начались осенью 1958 г. Собственно, первое наступление Хрущев начал из утилитарных соображений. Монастыри получали огромные пожертвования – только в 1957–1958 гг. Почаевская лавра получила переводов на сумму 3,4 миллиона рублей и более 11 тыс. посылок.

Стремясь наложить руку на церковные богатства, государство руководствовалось не столько стремлением навязать верующим атеизм, сколько экономическими интересами – как монархи прошлых веков.

16 октября 1958 г. правительство приняло постановления «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений и монастырей». Отмененные в 1945 г. налоги на землю для церковных учреждений восстанавливались. Часть земли изымалась. Насельники должны были трудиться в поте лица своего, как колхозники. Налоги на свечи увеличились в десять раз, а их розничную цену увеличивать было нельзя.

В сентябре 1958 г. Карпов убеждал Патриарха в оправданности грядущих мер: Церковь очень богата, у священников столько денег, сколько нет у простых советских граждан, с излишествами и

роскошествами нужно быть скромнее. Эти протестантские аргументы не удовлетворили Патриарха.

Как и протестанты в борьбе против католиков, советское государство метило в монастыри. Патриарх заявил, что в случае закрытия монастырей он уйдет на покой в знак протеста^[202]. Если бы государство действительно планировало развалить Церковь, отставка могла этому способствовать. Но власти ставили перед собой куда более скромные задачи, и воспринимали возможную отставку Патриарха как угрозу своим интересам. О полном закрытии монастырей речи не шло, их количество должно было только сократиться.

Ликвидация монастыря была сложной политической акцией, технология которой обсуждалась, в частности, на Всесоюзном совещании агитационно–пропагандистских работников в октябре 1959 г. Важно продумать, кто за что отвечает, заранее подготовить трудоустройство монахов, выяснить, «что делает в этот момент окружающее население. Нужно, чтобы все были заняты на полях, если речь идет о деревне. Нужно было знать, кто отвечает за то, чтобы никакой мерзавец не ударил в набат»^[203]. Любой сбой, любое промедление могут привести к провалу, потому что у Церкви на местах есть союзники – уполномоченные по делам РПЦ. «Иногда товарищи не смогли приехать, а время не ждет, уполномоченный по делам православной церкви говорит: не надо ликвидировать, как бы чего не вышло»^[204].

Однако избежать волнений не удалось. В Речульском монастыре в Молдавии и Кременецком на Украине произошли столкновения.

5 июня 1959 г. Совет министров Молдавии принял решение закрыть Речульский монастырь. Но в нем забаррикадировалось 150–200 верующих. 1 июля на переговоры с ними прибыли партийные и советские работники, которых встретили градом камней и поленьев. Два чиновника были ранены, сопровождавший их милиционер в ужасе стал стрелять и смертельно ранил паломника. После этого оборонявшиеся сдались^[205].

Ситуация начинала напоминать о волнениях 1922 года, что явно не входило в расчет властей. По инициативе Совета причиной волнений в Речульском и Кременецком монастырях была признана

торопливость властей, нежелание информировать заранее Патриархию, признавшую план закрытия монастырей^[206].

Совет сдерживал инициативу местных партийных структур, вводя нормативы по закрытию монастырей и церквей, которые не следовало превышать. В самом Совете развернулась борьба между старыми кадрами во главе с Карповым и новыми членами во главе с Сивенковым, настроенными более решительно. В частности, Сивенков критиковал стремление Карпова добиться «известного освежения той замкнутости атмосферы, которая существует в духовных учебных заведениях»^[207]. Мы увидим, что в этом вопросе партийные ортодоксы солидаризировались с линией Патриарха, в то время как Карпов симпатизировал церковному вольномыслию.

4 апреля 1959 г. Патриарх был вынужден поддержать предложенный Советом план сокращения числа монастырей в два раза, как «наиболее безболезненное разрешение этого вопроса»^[208]. То есть, как меньшее из зол. Это было тяжелое решение, и Патриарх надеялся на ответные уступки.

На встрече с Карповым 19 мая Патриарх жаловался, что уполномоченные ряда областей «командуют расстановкой духовенства, назначением в церковные двадцатки, ревизионную комиссию и т.д.»^[209]. Но особенное недовольство иерархов Церкви вызывали нападки в прессе. Как сообщал ренегат Церкви А. Осипов, информировавший государственные структуры о положении в Церкви, священники больше боятся фельетонов, чем атеистической литературы, так как верующие говорят «дыма без огня не бывает»^[210].

9 апреля в «Комсомольской правде» опубликован материал ренегатов Церкви Е. Далумана и П. Драманского «Откровенно говоря», с грубыми оскорблениями в адрес мощей Сергия Радонежского. Также возмущение Патриарха и верующих вызвала брошюра Д. Сидорова «Из ребра ли адамова?», где священники практически поголовно объявлялись нелояльными советской власти корыстолюбцами. Патриарх жаловался на такие нападки в личном письме Хрущеву^[211]. Разобрав эту ситуацию, отдел агитации и пропаганды ЦК вынужден был указать редакциям на «перегибы». Так, главный «гонитель» Церкви и в скором будущем – главный идеолог партии Л. Ильичев

констатировал: «о «мощах» Сергия Радонежского, видимо, следовало сказать в более деликатной форме...»^[212]

В августе 1959 г. последовало указание отдела ЦК газетам избегать оскорблений чувств верующих^[213]. Притеснения не переросли в гонения, но линия на уменьшение количества монастырей сохранялась. В первые месяцы после увеличения налогового пресса «духовенство буквально разорялось»^[214]. Но не разорилось. Патриархия приняла экстренные меры, поддерживая бедствующие приходы. Патриарх дал добро на тайное производство свечей и закупку свечей в государственной торговле^[215]. Как рассказывали в церковных кругах, обсуждая сокрытие доходов священниками, Алексей, смеясь, сказал: «Что же делать?! Они сами вынуждают нас на ложь? Вот отцы и выкручиваются, как умеют»^[216].

Более того, архиепископ Ермоген Ташкентский, например, умудрялся под видом ремонта строить новые храмы^[217]. Патриарх противился требованию Совета уволить строптивых архиепископов.

На местах тоже шла напряженная борьба, где на стороне священников выступал церковный актив. А. Осипов утверждал, что низовой актив прихожан ведет «яростную пропаганду против всего советского». «Сознавая, что «иное активное выступление может пастыря подвести под удар», эти круги церковников добровольно берут на себя и многие учительные и пропагандные функции священства. Отцы иереи знают это, и умнейшие из них осторожно инструктируют и направляют работу таких «безответственных уст» по нужному пути. Так, в Ленинграде, к примеру, действует священник Гундяев»^[218].

Церковь оказывала и более откровенное сопротивление усиливавшемуся давлению. Священники позволяли себе произносить речи на общественно–политические темы. Архимандрит Геннадий (Высокоостровский) в Петрозаводске обличал притеснения веры, обсуждал социальные проблемы в СССР^[219].

Серьезный конфликт развернулся в Ивантеевке Московской области. Там с 1956 г. служил энергичный священник В. Решетин. Опираясь на сильный актив, он занялся реставрацией церкви, благоустройством ее окрестностей. Все бы ничего, но он еще и установил репродуктор, транслировавший на окрестности церковные службы, апеллировал к верующим в своих конфликтах с властями^[220].

В мае 1959 г. священник предложил властям силами верующих отремонтировать дорогу к храму и сделать плотину. Местные власти отказали одобрить эту инициативу, и Решетин выступил перед верующими с возмущенной речью, «и вызвал этим кривотолки в адрес горсовета». Митрополит Николай решил перевести строптивного священника от греха подальше в другой приход. Но не тут то было – Решетин заявил верующим, что его переводят «за то, что он заботился и защищал интересы верующих». Актив стал слать телеграммы во все инстанции вплоть до Хрущева, дежурить у дома Николая, искать у Боровицких ворот Кремля встречи с Хрущевым. 21 января 1960 г. Николай уволил Решетина за штат. 22 января лидер приходского совета Найдина (бывшая учительница на пенсии) во главе «двадцатки» прибыла в Совет по делам РПЦ и заявила, что если решение об увольнении Решетина не будет отменено, «может подняться вся Ивантеевка»^[221]. Конфликт удалось уладить с большим трудом, обеспечив бесперебойное проведение служб.

Сам митрополит Николай вскоре попадет в аналогичную ситуацию. Уже в феврале 1959 г. он откровенно говорил членам Совета, что в связи с начавшимся «наступлением на Церковь» отказывается посещать дипломатические приемы. Напряжение между Церковью и государством росло.

В 1958–1959 гг. развернулась также борьба против паломничества к святым местам. Главный удар этой кампании наносился не по Православию, а по Исламу. Для советских мусульман, которые могли разве что мечтать о паломничестве в Мекку, поход к святому месту, находящемуся в СССР было своего рода заменой хаджа. Многотысячные массы паломников, собиравшиеся в святых местах, производили на чиновников впечатление чего-то неконтролируемого, чревато национального бунтом. Европеизированные чиновники чувствовали себя также, как колониальные – эти ритуалы были чужды им, а скопления народа они опасались. Национальный колорит, который диктовал более терпимое отношение к религии на Востоке (ничего с этим не поделаешь – это их национальная специфика), здесь играл уже против ритуалов, которые сочли опасными. Хотите совершать намаз – совершайте. Но больше тысячи не собираться.

Опасение вызывало и то, что на Востоке компартия не обладала монополией на умы своих членов. Так, на совещании в ЦК 1959 г.

говорилось, что в Чечено–Ингушетии даже коммунисты и комсомольцы участвовали в паломничестве к могиле матери шейха «Кунта–Хаджи»^[222].

28 ноября 1958 г. было принято постановление «О мерах по прекращению паломничества к так называемым «святым местам». Просто разорить эти объекты было недостаточно – верующие их восстанавливали. Нужно было их как–то по атеистически обустроить. Святые места отдавали под хозяйственные нужды, учреждения отдыха. В некоторых случаях, особенно в Азии – создавали филиалы музеев. Официально принимались решения благоустраивать родники, хотя в то же время это запрещалось делать «кликующим элементам».

Задача стояла трудная — в Узбекистане было 144 святых места (почитаемые могилы, деревья, источники), в Таджикистане – 210, в Туркменистане — 42, в Казахстане – 20, в Киргизии–20, в Азербайджане – 61, в Дагестане – 70, в Татарии – 2, в Башкирии – 1. На Украине, не считая православных – 2, в Литве – 5, в Латвии – 4, в Армении – 6, в Грузии — 6^[223]. Но массовое паломничество проходило лишь к нескольким особо почитаемым местам.

Православных святых мест было около 100. У 18 из них собиралось от 1 до 20 тысяч паломников^[224].

В 1958–первой половине 1959 гг. закрыли 123 святых места (кроме православных), из них 62 в Таджикистане, и 2 на Украине^[225].

В докладе председателя Совета по делам религий и культов при Совете министров СССР А. Пузина говорилось: «В некоторых таких «святых местах» действуют проходимцы, которые занимаются «исцелением» от болезней, отправлением религиозных обрядов»^[226]. Они вели агитацию против ликвидации святых мест и за их восстановление, сами восстанавливали по мере возможности. В прессе развернули кампанию разоблачения «преступного прошлого и темные махинации шейхов, подвизавшихся в качестве священнослужителей»^[227]. При ликвидации святых мест приходилось бороться с «кликующими» «святыми женщинами»^[228]. В Туркмении были осуждены на 2 года шейх Ачил Шерманов и ишан Шукурла Сарыев, подвизавшийся у гробницы Булак Боба. Им инкриминировали двоеженство, знахарство и отказ отдавать детей в школу^[229].

В деле борьбы со святыми местами атеистическая власть получила поддержку официального исламского духовенства СССР, которое давно конкурировало с авторитетными шейхами. А. Пузин с удовольствием писал: «В пропагандистской работе используется официальный документ «Фетва», в котором Среднеазиатское духовное управление мусульман отмежевывается от паразитических шейхов и дает верующим толкование, почему не являются «священными» места «Тахт-и-Сулеймания», «Хазрет Айюп», «Арслан-боб» и «Шах-Фазил»^[230].

Среднеазиатское духовное управление мусульман приняло эту фетву в феврале 1959 г. 2 апреля 1959 г. эту инициативу поддержало Духовное управление Европейской части СССР и Сибири. В его фетве говорилось, что паломничество к святым местам (а не в Мекку) - «обман и большой грех перед Аллахом»^[231]. Также фетва осудила бродячих мулл. В деле контроля за мусульманским клиром интересы советского государства и духовных управлений вполне совпадали.

Мухтасиб Юсупов в Пензенской области и мулла Мурадов в Камышлы Куйбышевской области отказались читать обращение Духовного управления о прекращении паломничества. Но это все же были исключения^[232].

Паломничество к крупнейшим святым местам было таким образом запрещено и светскими, и духовными властями. Но такой нажим позволил лишь сократить число паломников, но не остановил его. В 1958–1959 гг. число паломников сократилось с 12 до 6 тысяч^[233]. Результат весьма скромный – было ясно, что часть мусульман просто переживает, и как только гроза пройдет, вернется к паломничеству, которое ведь все равно не прекратилось. Количество паломников на праздник Уразы сократилось с 18 до 6 тысяч на Сулейман-горе, с 15 тысяч до 2500 человек на Бахаутдин, а вот на шах-Фазыл – только с 20 до 15 тысяч. На Мавлоно-Якуб по-прежнему собирается 6 тысяч, на Джамии – по 4 тысяч паломников каждый год^[234].

В 1958 г. в праздновании Ураза-байрам в Узбекистане участвовало 288 тысяч человек, а в 1959 г. – 200 тысяч. Это сокращение на самом деле было зафиксировано для доклада — пойдя на самом деле подсчитай точно, сколько человек веселится в толпах празднующих. Как было 200–300 тысяч, так и осталось^[235]. Верующие пожертвовали

2,5 – 2 миллионов рублей (тоже сокращение, но не принципиальное) [236]. Но власти боялись нажимать сильнее – ведь это могло вызвать массовые волнения.

Операции по закрытию православных святых мест также проводились осторожно. При закрытии источника в Сурском Ульяновской области вокруг него было выставлено оцепление из дружинников, которым дали задание разяснять, что источник закрыт. Оцепления разворачивали людей – а ведь в праздник к источнику пытались пройти 3,5 тысяч верующих. С 25 особенно упорными были проведены профилактические беседы, 4 «организатора» паломничества (то есть православных активистов) были привлечены к уголовной ответственности «за спекуляцию предметами культа и распространение провокационных слухов» [237].

Одновременно развернулась борьба со знахарями — на Украине и в Белоруссии было выявлено и предупреждено о возможности уголовной ответственности 239 знахарей [238].

Первая атака на религию 1958–1959 гг. носила ситуативный характер. Она обеспокоила верующих, ходили слухи, что «по-видимому настанут 30–е годы», и священников сошлют в Сибирь [239].

Но, столкнувшись с сопротивлением, власти стали продумывать более системные меры, способные ограничить влияние Церкви четкими рамками.

Инакомыслящий наоборот

Сигналом к началу нового этапа конфликта стало выступление в «Правде» 6 декабря 1959 г. бывшего профессора Ленинградской духовной академии, которого за глаза называли «златоустом» [240], Александра Осипова. Он отошел от Православия и теперь с яростью неопита атеизма бросился обличать религию.

По распространенной версии этого события, «в начале декабря работники КГБ приказали давно связанному с ними профессору Ленинградской духовной академии заявить о своем разрыве с Церковью и Богом» [241]. В этой схеме КГБ является инициатором события, а Осипов – послушной пешкой. Был тайным информатором.

Когда властям понадобилось, приказали – отдал под козырек, заявил об отречении от Бога. Материалы архива самого Осипова рисуют другую картину...

Загадка Осипова заключается в том, что он, отправляя властям враждебные записки о ситуации в РПЦ, был одним из лучших профессоров Ленинградской Духовной академии и Семинарии (ЛДАиС), самоотверженно трудился на ниве духовного образования, пользовался любовью учеников и способствовал таким образом успехам обличаемой им Церкви.

А. Осипов стал священником в довоенной Эстонии, войну провел в эвакуации в СССР. Считается, что в это время он был завербован «органами». На него действительно был компромат – его жена эвакуировалась из Эстонии с немцами и исчезла на Западе. Но когда Осипов начал информировать власти и через какие каналы – точно неизвестно. Компромат на него мог всплыть позднее 1945 года. К тому же большинство священников были людьми, к которым власти прежде имели какие-то претензии, а после 1943 года готовы были многое прощать. Документально подтверждено, что в 1951 г. Осипов уже писал обличительные докладные, которые читали в Совете по делам РПЦ.

Таким образом, Осипов установил тайный контакт с властями до 1951 г., наиболее вероятно – в период некоторого «похолодания» отношения государства к РПЦ в 1948–1953 гг. Но кем? Подразумевается – госбезопасностью. Но его доклад 1951 г. адресован уполномоченному по делам РПЦ по Ленинградской области, а сам Осипов в своем дневнике пишет о «партийных товарищах». Считается, что это он так конспирируется. Но от кого? Попади его дневник церковному начальству, написанного там в любом случае было бы достаточно: он обвиняет церковное начальство в подкупе чиновников, сравнивает его с гангстерской шайкой.

В упрощенной схеме Осипов был завербован и работал, как провокатор Малиновский – делал вид, что верит в Бога, а на самом деле – выполнял, что приказано. Однако его докладная 1951 г. дышит не атеизмом, а обличением клира. При этом происходила эволюция взглядов самого Осипова. В своих воспоминаниях он пишет о богоборческих настроениях, возникших у него после катастрофы в ЛДАиС на Пасху 1947 г., когда рухнула лестница, где скопились

верующие (кстати, никто все–таки не погиб). Известный аргумент – как Бог мог такое допустить! «А еще – Боженка!»^[242]

Осипова смущал, а затем и возмущал догматизм церковной среды, игнорирование логических аргументов, презрение к доводам разума, подмена высот христианской философии примитивными магическими суевериями. Он вспоминает, как митрополит Григорий говорил профессорам ЛДАиС: «В Церкви много такого, что противоречит и истории, и логике, что противно даже основным догматам христианства... Но будьте осторожны, не разрушайте благочестивых легенд... Народ ими живет, и их разоблачение может привести к катастрофе»^[243].

Характерно, что Осипов был специалистом по Ветхому завету, и представление о Боге в его воспоминаниях и дневнике – сначала ветхозаветное, с акцентом на всемогущество, грозное поддержание справедливости в мире. Сталкиваясь с несправедливостью, фанатизмом и консервативной самозамкнутостью Церкви, Осипов с негодованием критиковал сначала иерархов (что даже понятно и с точки зрения верующего человека), затем – саму систему отношений, сложившихся в Церкви (переходя таким образом на обновленческие, а затем и протестантские позиции). Но, не чувствуя присутствия Бога, а лишь зная о нем с детства, он – как ученый – принялся разбирать доказательства бытия Божия и рациональным образом обнаружил слабость ветхозаветной аргументации. Явления древней истории, казавшиеся свидетелям чудесами, имели и рациональное объяснение. Бог, отвечающий за все в этом мире, отвечал и за несправедливость. Или Он не добр, или не всемогущ, или... Его просто нет. Осипов проходил эволюцию, типичную для интеллектуала прошлых столетий, когда католическое и православное мировоззрение было господствующим, а антиклерикализм – инакомыслием и признаком гражданского мужества. Эволюция Осипова развивалась тогда, когда Церковь находилась под давлением безбожной власти. А он жил на острове, где принятые в миру взгляды были крайним инакомыслием.

Свою роль сыграли и личные обстоятельства – снятие сана в связи с повторной женитьбой, смерть покровителя митрополита Григория. Но решающим оказалось не это.

Осипов пытался привлекать студентов к культурной жизни СССР, водить их в кино, музеи и на академические мероприятия, обсуждать

научно–популярные фильмы, пытался «соединить «два мира» — светский (то есть советский, атеистический) и религиозный (то есть идеологически оппозиционный коммунистическому)»^[244], но в 1951 г. подобная деятельность вызвала резкую отповедь Патриарха. В воспоминаниях Осипова, написанных на смертном одре, есть характерное замечание об этом заявлении Патриарха: «Я даже не представлял себе, как настороженно на это смотрит Патриархия, и только яростное выступление Патриарха в 1951 г. к учащимся дух[овных] школ, ставшее на некотор[ое] время почти прокламацией душеспасения, показало мне, что врагом моим в этих мероприятиях я имел патриархию, а не Соввласть»^[245]. Вспомним, как партийные ортодоксы критиковали председателя Совета по делам РПЦ Карпова за стремление преодолеть замкнутость атмосферы духовных учебных заведений. Интересы ортодоксов двух лагерей совпадали – Церковь должна оставаться замкнутым заповедником.

В своем секретном докладе властям А. Осипов в 1951 г. писал, что костяк церковного руководства составляет группа иерархов, «большей частью побывавших в заключении... внешне подчеркнуто лояльных, но внутренне старых монархических традиций», которые с недоверием относятся к бывшим обновленцам и с симпатией к священникам, вернувшимся из эмиграции^[246].

«Старые кадры» РПЦ считали обновленцев агентами госбезопасности. Но Обновленчество было куда более сложным явлением, чем затея коммунистов и спецслужб – и появились обновленческие течения в Церкви раньше революции. Обновленцы стремились к русской реформации, и решили, что советская власть – их союзник в этом деле. В сотрудничестве с властями (далеко не только госбезопасностью) они не видели ничего дурного, как раньше РПЦ сотрудничала с охранными структурами Российской империи. Но у обновленцев была своя миссия, которая в 20–е гг. увлекла и многих будущих иерархов РПЦ – включая и будущего Патриарха Сергия: сделать Церковь более современной, более демократичной. Среди обновленцев, вернувшихся в лоно РПЦ после 1943 г. и сохранивших в РПЦ высокие посты, были и люди, критически относящиеся к Хрущеву и его политике притеснений Церкви (например, архиепископ Сергей (Ларин))^[247]. Осипов по своим взглядам был близок

обновленчеству, но не удержался на этой позиции и двинулся к атеизму.

В 50–е гг. Осипов с увлечением осваивает атеистическую информацию, которая в миру уже давно стала скучной банальностью. Перестав верить в Бога, Осипов уже с трудом переносил церковную среду, где все ему опостылело.

Дневник Осипова за 1959 г. подробно фиксирует его подготовку к разрыву с Церковью. Инициатива самого Осипова в этом вопросе несомненна – он не собирался просто разорвать с Церковью, он готовил для этого концептуальную работу – «Толковую Библию», плод 25–летних размышлений, над которой работал с наслаждением^[248]. Осипов увлекся марксистской философией. Любопытно, что никакого «задания КГБ» в тайне подготовить этот труд Осипову не давали – она так и не увидела свет (хотя, конечно, использовалась Осиповым при написании его следующих атеистических работ). Срок разрыва определялся не заданием КГБ или каких–то других органов, а «дозреванием» самого Осипова, написанием его потаенной книги. И лишь когда он был готов, то летом 1959 г. предложил «партийным товарищам» устроить кампанию. Они стали согласовывать эту инициативу наверху, но в сентябре выяснилось, что ученым атеистам труд Осипова не понравился. Но он уже не мог больше терпеть, и готов был просто уйти, хлопнув дверью – без признания его научного уровня, с многократным понижением зарплаты (государство трудоустроило Осипова на оклад 150 рублей – в пять раз меньше того, что у него было в ЛДАиС). Не приняли книгу – готов написать хоть статью.

Сроки выступления Осипова определялись не волей КГБ, а механизмом согласования инициативы профессора в партийных органах. Судя по реакции сотрудников Совета по делам РПЦ, они заранее не знали, что готовится такая акция. Учитывая борьбу внутри Совета, где продолжали действовать и симпатизирующие РПЦ сторонники Карпова, это было даже понятно. Но кто готовил пиар–кампанию Осипова?

Его биограф С.Л. Фирсов сомневается, что акцию Осипова готовило КГБ, более заинтересованное в получении информации, чем в пиар–эффекте^[249]. И дневники Осипова, и дальнейшие события указывают на отдел пропаганды и агитации как ключевую инстанцию,

готовившую акцию и организовавшую Осипову информационную поддержку.

Наконец, к декабрю Осипов получил «добро», и 2 декабря сообщил ректору Академии об уходе «из Ленинградских духовных школ, из Православной Церкви, из христианства, из религии вообще»^[250]. Таким образом, Осипов по собственной инициативе спровоцировал новый виток конфликта опостылевшей ему Церкви и государства. Разумеется, даже такой неприятный сюрприз, как переход в атеизм одного из профессоров, может быть даже лучшего, не мог сокрушить Церковь. Но он создал впечатление начала нового наступления. Власти получили два козыря: возможность развернуть новую агитационную кампанию и в то же время – экспертную поддержку «инсайдера» при разработке церковной реформы.

6 декабря бывший протоиерей и профессор Духовной академии сообщил граду и миру через газету «Правда», что «я ушел из мира, который теперь понимаю как мир иллюзий, отхода от реальности, а часто и сознательного обмана во имя обогащения»^[251].

Бывшие коллеги подготовили ответ, перечислив низкие моральные качества Осипова, включая «сребролюбие» (если он действительно был известен как моральный урод, непонятно, почему к нему не было претензий до ухода): «Осипов сам оказался в положении крысы, которой почудилось, что корабль Церковный может потонуть»^[252]. Но Патриархия решила не втягиваться в полемику на таком уровне, и 30 декабря опубликовала только решение об отлучении Осипова и других ренегатов от Церкви.

Бывший протоиерей, а теперь лектор–атеист отправился в турне по стране. Впрочем, по мнению авторитетного старца Никона (Воробьева), «он и сам не оправдался, и религии не повредил, а показал, что Господь обнаруживает в свое время скрытых Иуд и выкидывает их из Церкви»^[253].

На отпадение Осипова верующие отреагировали по–человечески: одни с гневом, другие с печалью. Одни обличали, а после смерти – плевали на могилу, другие пытались усостыжить и спасти заблудшую душу, годами переписывались с проповедником атеизма. Последние годы жизни А. Осипов счастливо трудился на ниве общества «Знание», много писал (опубликовал 35 книг и брошюр, несколько сот статей), ездил по стране и был счастлив, избавившись от двоемыслия. Он стал

кандидатом философских наук (но защищался не в Москве, где его по-прежнему не признавали ученые-атеисты, а в Киеве), членом редколлегии журнала «Наука и религия», членом Союза журналистов.

Теперь инакомыслящий наоборот вызвал интерес «наверху». 9 декабря кандидат в члены президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК П. Пospelov запросил соображения Осипова о постановке антирелигиозной работы^[254]. Одновременно с аналогичной просьбой к Осипову обратился КГБ. Эту просьбу Осипов выполнил в первоочередном порядке, а агитпроп ЦК получил копию.

Несмотря на то, что Осипов не стесняется в выражениях по поводу Церкви, он своим докладом подтвердил – разрушить Церковь в короткие сроки практически невозможно. «В общем, можно сказать, что если бы развал Церкви зависел от ее управления – Церкви, как единого целого, уже не существовало бы. Но все дело в том, что не Церковь существует благодаря своему управлению, а управление ею может существовать, несмотря на все мерзости, которые в нем творятся, благодаря жизненности и жизненной энергии верующих народных масс, прощающих «пастырям господним» любые преступления, только бы была возможность посещать храмы и совершать в них традиционные церковные обряды...»^[255] Это авторитетное мнение, хотя и выраженное в тенденциозно-оскорбительной форме, еще раз подтверждало – Церковь опирается на массы.

Осипов и после разрыва с Церковью сохранял симпатии к реформизму и пытался привить его властям: «Архиереев стараются выдвигать из самых православных по духу, не склонных к реформаторской деятельности и самостоятельным решениям лиц. Главной добродетелью архиерея является умение пышно и эффектно служить, проповедь для архиерея не так важна – можно назначать для нее очередного речистого попа»^[256]. Ниже мы увидим, что мысль Осипова подтвердил и митрополит Николай. Но Осипов видит причину пренебрежения к проповеди в настроениях Патриархии и клира, Николай – в позиции властей. Здесь совпали интересы охранителей как в Церкви, так и в КПСС.

Для церковного актива «антирелигиозная пропаганда – ноль! Науку здесь не признают никакую, кроме богословской, власть ненавидят любую, кроме церковной, авторитет признают только тот,

который дает «благодать рукоположения», магии и древних пережитков колдовства в церкви не замечают, поскольку пользуются ими как самыми ценными «благодатными» средствами церковного арсенала»^[257]. «Слово здесь часто пасует перед кажущейся действительностью и «предметной реальностью» обряда»^[258]. Поэтому популярного епископа «по влиянию, никакими серьезными атеистическими лекциями не перебьешь»^[259]. Осипов еще надеется подвигнуть власти на поддержку реформизма в Церкви, хотя и сам признает, что это не очень перспективно: «В одном Патриарх, пожалуй, прав – из такого епископата нового раскола или обновленчества не получится, так как для этого нынешние архиереи слишком тупы, отстали и слишком ценят доходность, угодничество, обожание, которые их окружают в их епархиях»^[260]. Что же, если епископы расслабились, хрущевские притеснения взбодрили их. Но власть менее всего собиралась провоцировать новое обновленчество. Церковь должна была сидеть в патриархальном заповеднике, а не идти в ногу со временем.

Если бы Осипов жил в эпоху идейного господства Церкви, он бы вошел в историю как гуманист и борец за свободу мысли. Но его жизненная драма развернулась в других обстоятельствах, и он стал человеком, открывшим врата новому притеснению свободы духа.

«Нападки и порицания»

Сразу после выступления Осипова, 10 декабря Г. Карпов встретился с Патриархом и митрополитом Николаем, и проинформировал их, что теперь антирелигиозная агитация будет вестись в более широких масштабах. На возражения о том, что в обличениях в адрес РПЦ много клеветы, Карпов ответил, что обвинения эти исходят изнутри Церкви – от тех, кто порывает с ней. Патриарх настаивал, что на этих людей оказывалось давление. Карпов потребовал доказательств, которых у Патриарха не было^[261].

Иерархи были намерены сопротивляться кампании. Особенно радикален в это время был митрополит Николай. Он дерзнул посягнуть даже на «святая святых» – космические успехи СССР:

«Жалкие безбожники! Они подбрасывают вверх свои спутники, которые вспыхивают и, погаснув, падают на землю, как спички, и они бросают вызов Богу, зажегшему солнце и звезды, которые вечно горят на горизонте»^[262]. «Проповеди митрополита Николая в Преображенском Соборе, где он обыкновенно служил в Москве, становились все более и более резкими. Иногда он просто начинал кричать, что, конечно, действовало на народ. В это время в печати велась кампания против крещения детей, доктора в газетах «научно» доказывали «вред крещения для здоровья». Митрополит Николай кричал против них в своих проповедях: «Какие–то жалкие докторишки!»»^[263]

Позднее, объясняя причины своего увольнения, митрополит Николай говорил архиепископу Василию: «Это от *гражданских властей*. Вы, наверное, слышали, что у нас за последнее время очень усилилась антирелигиозная пропаганда. Я с этим боролся в своих проповедях. Не в тех, конечно, которые печатались в ЖМП, а в церквах. А народ мои проповеди слушает и любит... Именно это и было неприемлемо для наших сегодняшних властей. Им нужны архиереи, которые молчат и *торжественно* служат. А те, которые проповедают и борются с безбожием, им невыносимы и непонятны. Вот меня и убрали!»^[264] Итак, даже владыка Николай, настроенный к властям весьма критически, сознавал, что они не намерены сокрушать Церковь, что их устраивают те, кто лишь «торжественно служит».

...Наступил XXI век. Изменилась эпоха. Власть и Церковь демонстрируют друг другу знаки всяческого почтения. Архиереи торжественно служат, а не обличают социальные язвы в проповедях...

Радикализация позиции Николая произошла после 1958 г., когда в Совете не вызвала поддержки инициатива митрополита о присуждении международной Ленинской премии мира «кому–нибудь из руководства Патриархии»^[265]. Это вызвало толки по поводу причин обиды Николая на власть^[266]. В оправдание митрополита можно сказать, что эта история совпала с усилением давления государства на РПЦ. В любом случае Николай и ряд других иерархов сочли возможным ответить на усиление налогообложения и закрытие монастырей обличительными проповедями.

После полемической артподготовки аппарат ЦК подготовил план церковной реформы, которая должна была установить новые правила

отношений Церкви и советского общества.

13 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культурах». Постановление напоминало, что Декрет об отделении Церкви от государства и постановление ВЦИК и СНК 1929 г. передавали все церковное имущество прихожанам. А «Положение об управлении Русской Православной Церковью» Поместного собора 1945 г., утвержденное правительством, «отстранило прихожан от управления имуществом и денежными средствами, вернув эту прерогативу, как это и было прежде, настоятелю»^[267]. Предстояло восстановление «демократических норм». Руководство приходской общины («двадцатка») должно было не назначаться священником, а избираться самой общиной. Разумеется, это можно было делать под контролем властей и приводить к власти в общине ее ставленников. Но не стоит преувеличивать масштаб перемены. Власти и прежде имели возможность контролировать состав «двадцаток». К тому же «ставленник властей» должен был быть вовлечен в церковную жизнь. Большинство руководителей общины были людьми верующими, заботившимися о деле, но лояльными властям. Эта мера была направлена против наиболее радикальной части церковного актива, о которой писал Осипов, и которая зримо проявила себя в Ивантеевском деле как раз в январе 1960 г.

Постановление ЦК не было обязательно для Церкви, хотя и предопределяло государственные меры. Но принятие правительственного постановления затянулось на год, так как руководство Церкви решилось «вынести сор из избы».

Выступая 16 февраля 1960 г. на Конференции советской общественности по разоружению Патриарх Алексей I перечислил заслуги Церкви в отечественной истории, и осторожно добавил: «несмотря на все это, Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви»^[268].

Публичное упоминание на международном мероприятии «нападок и порицаний» против Церкви в СССР было неслыханным нарушением прежнего внешнеполитического союза. Когда Патриарх закончил читать речь, в зале раздались два–три жидкиххлопка, а вслед

за тем один за другим поднялись представители «общественности» и начали громить Патриарха... «Вы хотите нас уверить, что вся русская культура создана Церковью, что мы ей всем обязаны, но это неправда» и т.д. Произошел целый скандал»^[269], – рассказывал митрополит Николай архиепископу Василию.

Руководители государства были возмущены, но выступление Патриарха задержало дальнейшее наступление властей. Теперь, во избежание толков за рубежом, требовалось добиться согласия РПЦ на основные мероприятия реформы.

21 февраля председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов был отправлен в отставку и заменен В. Куроедовым, который еще не подпал под «чары» священников^[270]. 11 марта на встрече с руководством Патриархии Куроедов подтвердил, что курса на уничтожение Церкви не существует, но государство намерено строже контролировать соблюдение ею законодательства о культурах.

Однако Патриарха это не успокоило, и он продолжал критиковать государственную политику. 11 марта 1960 г. Алексей на приеме в Совете по делам РПЦ высказал представителям власти серьезные претензии по поводу эксцессов 1959 года. В прежние послевоенные годы не было закрытий храмов без уведомления верующих и с уничтожением утвари, как в Харькове, Златоусте, селе Горцы. Патриарх возмущался разгоном паломников в Коренной пустоши^[271]. Само это перечисление показывает, что речь шла об эксцессах, а не о тотальном преследовании и разгроме.

Патриархия была вынуждена маневрировать. Под давлением властей митрополит Николай, который был автором февральской речи Патриарха, 21 июня отставлен с поста руководителя Отдела внешних сношений^[272]. Против него обернулся и начатый им в 1959 г. саботаж внешнеполитической работы.

Николаю было предложено занять важную Ленинградскую кафедру или любую другую. Но он решил бороться за сохранение за собой места Патриаршего местоблюстителя, второго человека в РПЦ и наследника Патриарха^[273].

Николай просил чешского богослова профессора Громадку, американского епископа Бориса и архиепископа Брюссельского Василия информировать зарубежную общественность о политических причинах его отставки^[274]. Разговор Николая и Василия шел приватно,

и Николай прервал его, когда вошел митрополит Алексей (будущий Патриарх), так как Алексею Николай не доверял^[275]. Николай не чувствовал поддержки своей позиции в руководстве Патриархии, которое склонялось к тому, что дурной мир с властями лучше доброй ссоры.

Более того, как утверждал В. Куроедов, «высшее духовенство в Советском Союзе в общем положительно встретило это мероприятие (отставку Николая с поста руководителя Отдела внешних сношений – А.Ш.), и, главным образом, потому, что митрополита Николая епископат не любит за его тщеславие, эгоизм и карьеристские наклонности»^[276].

28 августа в беседе с Куроедовым Патриарх говорил, «что до него доходят слухи о том, что митрополит очень болезненно переживает свое освобождение от должности председателя отдела внешних сношений патриархии, ищет себе сочувствия в церковных кругах, старается создать атмосферу недоверия вокруг новых руководителей отдела внешних сношений, занимается интриганством»^[277].

В то же время Николай стремился к примирению с властями. Архиепископ Василий рассказывает: «И действительно, вслед за тем раздался голос митрополита Николая: «Вы завтра, как я слышал, будете у Макарецва. Очень прошу Вас, скажите ему то, что Вы говорили мне, — как широко известна за границей моя деятельность в защиту мира, как я лично известен, как ценят мои выступления и какое они имеют значение для Советского Союза, и что они поднимают престиж этой страны! (Надо сказать, что дословно я этого никогда не говорил митрополиту Николаю. А говорил Куроедову (см. выше) из желания помочь митрополиту Николаю с поездкой во Францию. — А.В.) Очень прошу Вас это сделать, Вы тем самым много мне поможете». Я согласился, хотя и без большой охоты. Мне стало жалко митрополита Николая. Еще недавно чуть ли не самый влиятельный и сильный иерарх Московской Патриархии теперь просит помощи и защиты у приехавшего из-за границы епископа-эмигранта, значительно более молодого по возрасту и хиротонии»^[278].

9 сентября Николай обратился с письмом к Хрущеву: «Мне чрезвычайно тяжело оставить центральное церковное управление и работу, исходящую отсюда в защиту мира и незаслуженно принять это понижение по линии моей работы». Перечислив все награды,

которыми удостоило его советское государство и все свои заслуги перед Родиной (включая опасность от «бендеровцев» и неразорвавшихся бомб во время войны), митрополит обращается к главе партии и правительства так, будто тот – Патриарх: «Я горячо прошу Вас, дорогой Никита Сергеевич, разрешить мне работать в Москве в моем прежнем звании митрополита Крутицкого». Митрополит пытается представить дело так, будто и руководство Отделом внешних сношений он оставил по своей воле: «Внешнюю церковную деятельность Патриархии я передал своему молодому помощнику в июне сего года». Но готов и дальше курировать это направление, дабы не пропал накопленный опыт. Никак не хочет митрополит уезжать из Москвы в Ленинград – даже справками запасся, что Ленинград вреден для его здоровья (но Патриарх–то предлагал любую кафедру на выбор). Николай умоляет Хрущева так, будто речь идет если не о казни, то об аресте: «Пощадите меня ради этой моей посильной многолетней работы для великой Родины, верным сыном которой я был и буду до последнего издыхания»^[279].

Не получив ответа от Хрущева, Николай попробовал прибегнуть к заступничеству В. Куроедова. На встрече с ним 13 сентября «митрополит много говорил о своих заслугах, при этом принижал роль патриарха, клеветал на него, рисовал его как реакционного церковного деятеля, лицемерно заявляя, что только он, митрополит, сдерживает патриарха от многих неправильных шагов, направляя его на прогрессивные дела»^[280]. Якобы он отговаривал Патриарха добиваться встречи с Хрущевым, чтобы жаловаться на притеснения 1958–1959 гг.

Характерно, что критика Патриарха Николаем подтверждалась информацией А. Осипова, который писал об Алексии: «Его идеал – XVI век, расцвет монастырей, покровительство монахам на всех административных постах, пышность обрядов, восточно–византийская сложность церемоний и т.д.»^[281] Но Куроедов встал на сторону Патриарха, так как Николай уже был назначен «крайним» за конфликт государства и Церкви.

15 сентября Алексей рассказал Куроедову о трудностях с Николаем: «Лучше я уйду на покой, — заявил Николай патриарху, — чем поеду в Ленинград или какую–либо другую епархию». «Митрополит видимо решил, — сказал Алексей, — идти во банк»^[282]. Тогда Куроедов пересказал Патриарху свою беседу с Николаем.

«Алексий был крайне возмущен двурушническим поведением Николая, он неоднократно восклицал: «Какой лгун, какой нахал!» «Никогда не было, — заявил патриарх, — чтобы митрополит уговаривал меня не ставить определенные церковные вопросы перед правительством. Наоборот, он сам всегда обострял эти вопросы и торопил меня с их решением... Я сорок лет работал с Николаем, но у меня никогда не было с ним внутренней близости. Все знают, что он карьерист — он спит и видит, когда он будет патриархом. У меня с ним были хорошими только внешние отношения, он как был западником, так западником и остается»^[283].

В тот же день Патриарх поставил митрополита перед выбором — или отъезд в Ленинград, или уход на покой. 16 сентября Николай был отправлен на покой. 13 декабря он скончался. На похоронах митрополита присутствовал экзарх Западной Европы Антоний, которого «поразило не сочувственное, а иногда даже враждебное отношение к покойному со стороны собравшихся на похороны архиереев и духовенства. Никто не сказал о нем доброго слова. Даже если допустить здесь некоторое «приспособленчество» к обстановке, несомненно, что митрополит Николай не был популярен среди своих собратий, особенно архиереев. Его не любили за недоступность, нежелание поддерживать человеческие отношения. Особенно не любил он, когда к нему обращались его старые друзья. «С тех пор как я стал архиереем, я порвал все личные отношения», — говорил он»^[284].

На падение Николая часть церковного руководства смотрела с почти нескрываемым удовольствием. Пока власть благоволила ему, Николай сумел своим поведением приобрести себе множество недругов среди иерархов и сотрудников. Преемник Николая епископ Никодим обвинял его в «культе личности»: под руководством Николая «Журнал Московской Патриархии» постоянно восхвалял митрополита и посвящал ему больше материалов, чем Патриарху^[285].

Одновременно с давлением на Патриархию власти натравили на Церковь комсомол. На Пасху 1960 г. в ряде городов (Киев, Рига, Таллин) республиканские комсомольские организации организовали провокации в храмах, закончившиеся потасовками. Но РПЦ еще раз подтвердила свою устойчивость — на Пасху 1960 г. в церквях собралось больше прихожан, чем в 1959 г.^[286] Более того, советские люди

толпами ходили со свечами и на прилегающих к переполненным церквям улицах.

Реформа 1961 г. и усиление сергианцев

Пик противостояния Церкви и государства в 1960–1961 гг. длился недолго – РПЦ пошла на уступки, а государство не стало развивать инициативу за пределы, намеченные январским постановлением 1960 г.

Весной 1960 г. Синод разослал предложения по внесению поправок в «Положение об управлении русской Православной Церковью»^[287]. Только 16 января 1961 г., когда основные позиции были согласованы, вышло постановление Совета министров «Об усилении контроля за деятельностью церкви».

Церковная реформа предполагала «отстранение духовенства от административных, финансово–хозяйственных дел в религиозных объединениях», передачу этих дел органам, выбранным из числа верующих, «перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви», «ликвидацию льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некооперированных кустарей, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания», перевод служителей культа на твердые оклады, «ограждение детей от влияния религии»^[288].

18 апреля 1961 г. Синод утвердил поправки к Положению об управлении 18 июля в день памяти Сергия Радонежского в Троице–Сергиевой Лавре состоялся Архиерейский собор, который по докладу митрополита Пимена (Извекова) принял согласованные с государством поправки к «Положению об управлении Русской Православной Церкви». Священники и клирики устранялись от участия в приходских собраниях и приходских советах, занимавшихся хозяйственными делами. Реальная власть передавалась избранной приходским собранием тройке (староста, его заместитель и казначей).

Четырех строптивых архиепископов, которые могли выступить с протестами, не пригласили на Собор, а все же явившегося Ермогена не

допустили к заседаниям.

Патриарх Алексей так обосновал перемены: «Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будет прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых»^[289].

После принятия актов 1961 г. через церковные советы проведено увольнение строптивых священников в тех регионах, где их защищали архиепископы. Но поскольку государственных репрессий против этих священников обычно не следовало, они затем находили место в новых приходах.

Собор 1961 г. расширил состав священного Синода, в него вошли митрополиты Пимен (Извеков) и Никодим (Ротов), сменивший Николая на посту главы Отдела внешних церковных сношений.

В 60–е гг. стала усиливаться тенденция, противостоящая консерватизму Алексея с полу–обновленческих позиций, опирающихся на наследие Патриарха Сергия. Лидером этого течения в 60–70–е гг. как раз и стал митрополит Никодим. Архиепископ Василий рассказывает: «Нам пришлось лететь вместе на том же самолете из Афин до Брюсселя после окончания Родосского Совещания. По дороге он разговорился и начал рассказывать о Патриархе Алексии, вернее, жаловаться на трудности с ним: «Мы все жалеем, что патриарх Сергей так скоро умер. Если бы он прожил дольше, он многого бы добился для Церкви. А Патриарх Алексей — робкий и равнодушный человек, он аристократ и барин, а поэтому смотрит на Церковь, как на свою вотчину. Он считает, что может в ней распоряжаться, как ему вздумается. К архиереям он относится свысока, чуждается их, считает невеждами. Странная вещь, сам же их выбрал, сам их рукоположил, а теперь чуждается их. Свои аристократические связи ставит выше церковных отношений»^[290].

Эти слова перекликаются с информацией А. Осипова — такое мнение было широко распространенным. Любопытный штрих — Никодим был диссертантом Осипова^[291]. При том, что Осипов до 1959 г. скрывал свои антиклерикальные, а затем и атеистические взгляды, но его инакомыслие было заметным, и высказываемое в умеренной форме, не вызывало отторжения архимандрита Никодима.

Н. Митрохин связывает кадровые перемены времен Хрущева с надеждами партии и правительства «задушить Церковь». «Для этого Совет по делам РПЦ подобрал из молодых, перспективных и, как казалось, просоветски настроенных священников несколько десятков кандидатур, которых решениями Священного Синода в 1959–1962 гг. сделали епископами»^[292]. Это утверждение выглядит несколько натянутым. Во–первых, «несколько десятков» — это 20 (для сравнения – в 1965–1967 гг., уже при Брежнев, было хиротонисано 19 епископов). Во–вторых, если «инфильтрация» «крестников Никиты Сергеевича», как назвал их Н. Митрохин, ставила целью установление контроля над РПЦ и даже ее ликвидацию, то непонятно, почему их так легко одобрил «неподконтрольный» прежде Синод. Если Синод и прежде был подконтролен, то хиротонисание «крестников» ничего не меняло. Напомним также, что до 1961 г. Совет возглавлял сторонник компромисса КПСС и РПЦ Г. Карпов. Но и после его отставки кадровый вопрос оставался плодом компромисса – Алексей выдвигал предложения, а Совет и партийные инстанции давали санкцию. Скажем, после отставки митрополита Николая на его место Патриарх предложил митрополита Ленинградского Питирима. В. Куроедов предложил поддержать эту кандидатуру, так как митрополит «правильно понимает политику нашего государства»^[293]. Алексей жаловался на то, что государство вмешивается в процесс назначения иерархов, но на практике инициатива в кадровом вопросе принадлежала все же ему, а государство следило, чтобы не усилились позиции строптивных церковных деятелей.

Так что версия шпионской спецоперации по внедрению агентов в руководство РПЦ плохо вяжется с известными фактами. В том числе и теми, которые приводит сам Н. Митрохин^[294]. Епископы «призыва» 1959–1962 гг. были лояльны Советскому государству, но они не были его агентами и жили идейной жизнью, далекой от марксизма–ленинизма. Их кандидатуры были утверждены путем согласования всех заинтересованных сторон – и Совета, и иерархии РПЦ, где первейшее слово принадлежало Патриарху.

Возглавив Отдел внешних сношений, Никодим проявил себя как умелый дипломат. Он добился от собратьев по православию из других стран согласия не вносить в совместные документы задачу борьбу с атеизмом, а католикам, от которых это было бессмысленно требовать,

говорил, что делегация РПЦ может присутствовать в качестве гостей на II Ватиканском соборе, даже если там будут критиковать атеизм: «против этого мы совсем не возражаем, наоборот. Нам только важно, чтобы Собор не провозгласил крестового похода против коммунизма и советской власти»^[295]. И то, и другое было полезно для внешнеполитических интересов СССР.

В то же время Никодим прилагал большие усилия, чтобы ослабить давление на Церковь, не вступая в открытый конфликт с государством. Так, чтобы прекратить нападки на Ленинградскую духовную академию, он подключил ее к внешнеполитической работе.

С усилением сергианцев связаны и изменения в идеологии части руководства РПЦ. Более заметно в их выступлениях и проповедях стало унаследованное от обновленчества (к которому в 20-е гг. был причастен и будущий патриарх Сергей) «Октябрьское богословие» — проведение параллелей между заветами Христа и социалистическими идеями. «Правда, подобные взгляды вызывали неприятие у многих священнослужителей, и в 1970-е гг., когда волна гонений схлынула, процесс такой «модернизации» по существу прекратился»^[296], — комментирует М.В. Шкаровский. Эта увязка полевого и «гонений» не точна — архиепископ Василий (Кривошеин) с недовольством пишет об «Октябрьском христианстве» на Соборе 1971 г. Проводником этой тенденции был митрополит Никодим, деятельность которого продолжалась и в 70-е гг.^[297]

В докладе митрополита Никодима, посвященного юбилею Собора 1917–1918 гг., критиковались антисоветские выступления священников в первые годы советской власти как «ошибки и заблуждения, обусловленные духовной связью его участников со старым миром»^[298]. Этот взгляд нашел отражение и в речах Патриарха, составленных не без влияния Никодима и других сергианцев. В своем послании, посвященном пятидесятилетию Октябрьской революции, патриарх Алексей I говорил о присутствии в ней «начинаний, созвучных евангельским идеалам»^[299]. Эту точку зрения поддерживал в своих выступлениях и будущий Патриарх митрополит Пимен.

Были возможны и более радикальные мнения в духе «теологии освобождения». Так, архиепископ Львовский Николай заявил на одной из международных конференций: «истинный последователь Евангелия

должен в настоящее время взять в руки автомат и бороться вместе с повстанцами против фашистов и капиталистов»^[300].

Церковь была одним из полей, на котором разыгрывалась борьба идей, развернувшаяся в советском обществе. Антитрадиционалистские заявления Никодима были продиктованы не только его лояльностью власти, но и собственной позицией в вековом внутрицерковном конфликте между новаторами и традиционалистами.

В то же время, Никодим прекрасно осознавал противоречие православного мировоззрения и основ коммунистического режима. В этом отношении характерно его объяснение большей свободы Церкви в Югославии, чем в СССР: «Те, кто делает такое сравнение, упускают из виду основное различие между Югославией и Россией. В Югославии Православие — это, прежде всего, быт, национальная традиция, ничем не угрожающая властям, а потому она и терпит такое Православие. А у нас — это вера, идеология, мировоззрение, исповедничество даже, отвергающее самые основы строя. Власть наша видит здесь опасность для себя и потому более жестко относится к Церкви»^[301]. «Диалог между марксизмом и христианством он отвергал, считал его нечестным взаимным обманом. Об этом он открыто говорил на Пятой ассамблее Всемирного Совета Церквей в Упсале в 1968 году и во многих других местах на Западе. Нужно сказать, что держаться так твердо такой позиции ему было не трудно. Помогало то обстоятельство, что и советская власть настроена тоже против всякого диалога между марксистами и христианами»^[302]. Советскому государству нужен был заповедник, а не активное общественное движение в лице РПЦ.

Гонения или притеснения?

Установив новые рамки отношений с РПЦ, власти принялись решительно загонять в них Церковь.

В 1961 г. была проведена ревизия церковного имущества, и государство отбирало все, что не было полностью оформлено. С 1962 г. духовенство было переведено на твердые оклады, а кто получал деньги непосредственно от верующих — снимался с регистрации.

Против упорствующих могли применить и уголовные репрессии. Но власти и здесь предпочитали начать с профилактики: «Более того, когда против кого–нибудь имеется обвинение, что он скрывает свои доходы, его никогда сразу не предают суду, но вызывают сначала к фининспектору на объяснение, и если обвинение оказывается правильным, дают возможность в известный срок уплатить требуемую сумму и только в случае отказа привлекают к суду»^[303], – говорил митрополит Николай архиепископу Василию.

Но те иерархи, которые продолжали заниматься хозяйственными делами, могли оказаться в заключении за хозяйственные преступления, особенно, если к ним были другие претензии (был осужден архиепископ Казанский Иов).

Государство осуществляло переучет приходов, выявление малоиспользуемых, «затухающих» приходов. Пресекалась материальная помощь таким приходам из центра. Не удавалось сохранить приходы, не пользовавшиеся популярностью у прихожан или расположенные в местностях с небольшим количеством верующих. Эти меры продолжали проводиться и после отставки Хрущева.

Была введена регистрация треб – верующие попадали «под колпак» государственных органов, и у них начинались неприятности на работе. Правда, выполнить это решение полностью оказалось уже невозможно — требы продолжались и без регистрации, и со второй половины 60–х гг. государственный контроль за регистрацией ослаб.

Верующие сопротивлялись и попытке отделить Церковь от воспитания детей. Дружинники пытались не пускать детей в церкви, что то и дело приводило к потасовкам, а то и небольшим волнениям.

Количество жалоб на самоуправство властей со стороны верующих в 1961–1962 гг. возросло вдвое – и это были открытые протесты, не говоря уж о латентном недовольстве. В некоторых местностях «плановое» сокращение числа церквей приводило к массовым волнениям, в которых принимали участие сотни, а то и тысячи людей — в Киеве, Клинцах Брянской области, Ново–Збруевке Херсонской области.

Но компромисс 1961 г. привел к постепенному спаду антирелигиозной кампании. Симптомом нормализации стало награждение Алексея орденом Трудового Красного знамени за

миротворческую деятельность 8 ноября 1962 г. За первые 8,5 месяца 1963 г. было снято с регистрации 310 храмов – в 4 раза меньше, чем до октября 1962 г.^[304] Это была уже заметная «оттепель» в отношениях государства и РПЦ. Буря стала стихать.

Но это не значит, что отношения полностью нормализовались. В 1963 г. была закрыта Киево–Печерская Лавра. Почаевская устояла, но число монахов сократилось в несколько раз. Руководство УССР надеялось добиться закрытия Лавры, монахов подвергали психиатрическому освидетельствованию, разгоняли паломников – но их становилось все больше.

Число монастырей сократилось с 47 до 16 – в новых экономических условиях небольшие монастыри просто не могли выжить. Число монахов сократилось в два раза (то есть меньше, чем количество монастырей). В 1964 г. впервые с 30–х гг. в Москве был снесен храм – Малого Преображения.

Притеснения РПЦ были сильнее, чем других конфессий. В 1958–1964 гг. было закрыто 5863 православных прихода (большинство в 1960–1962 гг.) и 865 общин иных конфессий. В итоге число последних достигло 60% от числа православных. При этом наступление против РПЦ способствовало росту сектантства, о чем партийные органы предупреждали уполномоченные по делам РПЦ^[305].

Особенно тяжело атеистическим агитаторам приходилось при столкновении с баптистами. Их методы пропаганды были хорошо продуманы^[306]. Партийные агитаторы отмечали, что баптисты втягивают новых людей в свое вероисповедание «по случаю какого–нибудь горя»^[307]. Секретарь сталинского райкома Хабаровска Безуглова рассказывала: «Баптисты работали по своей методе «поговори с каждым»... Я как–то разговаривала с одной женщиной, у нее было несчастье, в семье пил муж, баптисты на него как–то повлияли, и он перестал пить»^[308]. Вот беда–то для партработников – баптисты могут так повлиять, а коммунистические пропагандисты – не могут. «А эта женщина решила, что это бог спас, бог оздоровил обстановку в семье, и она и дочь втянула туда, и сына втянула. Она верит в это довольно основательно. Разубедить семью такую очень трудно»^[309]. Может, прежде чем разубеждать, попробовать с алкоголизма начать?

Чтобы как-то остановить рост баптизма, приходилось даже соглашаться на публичные диспуты с ними. Чтобы победить, партийные агитаторы собирали большой численный перевес – треть верующих, две трети – сторонники атеизма. В этих условиях можно было устроить пресвитеру обструкцию, «пришибить на трибуне», да еще вывалить на него личный компромат^[310].

Не лучше было и с католичеством. Ватикан назначает священников, «враждебно настроенных к Советской власти», — докладывали в отдел пропаганды и агитации ЦК. А где найти других, если кадры католического клира из числа советских граждан почти поголовно отсидели в лагерях, а еще недавно были гражданами других государств – к западу от границы СССР 1939 года^[311]. Большим успехом считалось, что в ходе антирелигиозной кампании в Литве в 1958–1959 г. заключение браков в костелах Каунаса сократилось на треть^[312]. Но ведь две трети остались.

* * *

«Времена хрущевской оттепели обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом»^[313], — пишет авторитетный исследователь церковной истории М.В. Шкаровский. Но приведенный им материал не подтверждает этого приговора. Если то, что происходило в 1960–1963 гг. – «лютый мороз», то что тогда – события 20–30-х гг. Искусственно трагедизируя ситуацию времен Хрущева, авторы девальвируют само понятие «гонений», уравнивают «мороз» и «похолодание», действительную трагедию довоенного периода с куда более мягким конфликтом начала 60-х гг.

Чтобы дополнительно драматизировать историю конфликта РПЦ и советского государства в 60-е гг., М.В. Шкаровский сообщает: «Активной деятельности Московской патриархии на международной арене, развернутой в 1962–1963 гг. митр. Никодимом, оказалось недостаточно, чтобы предотвратить последнее, но, вероятно, самое ожесточенное наступление на Церковь в СССР»^[314]. Итак, после постепенной нормализации отношений РПЦ и государства в 1962 г. пришла новая волна гонений – еще сильнее, чем притеснения 1958 и

1960–1961 гг. С содроганием ждем подробностей. Но историк Церкви сообщает лишь о продолжении прежней политики – о контроле за тем, чтобы священники не брали денег у прихожан в собственный карман, чтобы церковные здания правильно оценивались, о планах «усиления атеистической пропаганды». Руководитель идеологической работы Л. Ильичев продолжал мечтать о преодолении религии ко времени построения коммунизма, но он же предостерегал «перегибщиков»: «Видимо, надо найти способ, чтобы не допускать произвола»^[315]. Это был новый этап свертывания притеснений – нужно было окончательно ввести процесс в плановые рамки, затормозив разгулявшуюся местную инициативу.

Иерархи приняли эти правила игры. Митрополит Никодим говорил архиепископу Василию в частном разговоре (дело происходило за рубежом): «Я знаю, — сказал он, — что у вас на Западе сложилось убеждение, что в Советском Союзе происходит гонение на Церковь. (А это было как раз во времена хрущевского правления и всяческого гонения, когда церкви закрывались тысячами. — А.В.) На самом деле это не так! Неправильно говорить о закрытии приходов. То, что происходит, нужно назвать словом «перераспределение» или укрупнение самих приходов ради пользы церковной жизни. Например, бывает, что иногда в сравнительно небольшой местности действуют две церкви, одна рядом с другой на расстоянии нескольких сот метров. Это нецелесообразно! Одна церковь даже мешает другой, поэтому мы объединяем оба прихода, и потому приходится закрывать один из храмов. Бывает, что где-нибудь в сельской местности действует храм, а прихожан и верующих очень мало, они не могут ни содержать духовенство, ни отремонтировать храм, и даже сами просят его закрыть.

То же самое происходит и с семинариями. Некоторые из них, как Вы, наверное, знаете, закрылись, но это потому, что в них не поступало достаточное количество семинаристов, они пустовали. После войны был процесс, когда был большой недостаток в духовенстве, тогда открыли много семинарий... ну, а сейчас духовенства много, нет необходимости в стольких семинариях...»^[316]

Позднее, уже в брежневскую эпоху, когда ситуация стала спокойнее, Никодим вспоминал: «Часто обвиняют архиереев в том, что они не противятся закрытию церквей, — продолжал он рассуждать, — но возможности архиереев в этом вопросе очень ограничены, больше

зависит от верующих, от их активности. А ее часто нету. Вот, например, когда я был архиепископом в Ярославской епархии, там тоже началось закрытие церквей, и верующие стали обращаться ко мне за помощью. Я им говорю: «Подайте прошение, что вы хотите сохранить храм, соберите побольше подписей, и тогда я смогу лучше вам помочь». И что ж Вы думаете? Мнутся, жмутся, отнекиваются, и, в конце концов, ни один не подписывает, боятся»^[317]. Где не боялись, там власть отступала и сохраняла храм.

КПСС все время принимала планы «усиления», но после 1961 г. все уже было усилено, и всем гражданам СССР уже успели сообщить, что «Бога нет», и почему это так. М.В. Шкаровский не привел фактов каких-то новых, «самых ожесточенных» преследований верующих, отличающихся от предыдущего «фона». Как и обещал В. Куроедов, государство не намеревалось сокрушать Церковь, но ужесточило соблюдение финансовой дисциплины и вело «плановое сокращение» числа церквей и монастырей до числа, необходимого по мнению Совета для достаточного «удовлетворения религиозных потребностей верующих» — как будто речь шла о вредной привычке, вроде употребления алкоголя. Пить будут, но лучше бы поменьше.

Весной 1964 г. по линии Совета по делам РПЦ развернулась борьба против перегибов в антирелигиозной работе. Преодоление перегибов поддержал и начальник 5-го управления КГБ Ф. Бобков^[318].

В условиях «оттепели» и тем более «застоя» борьба течений уже не велась на уничтожение, и хрущевское «гонение» на практике не угрожало Церкви, что бы ни говорил сам первый секретарь. Как коммунист, Хрущев надеялся на то, что когда-нибудь успехи науки победят религиозные предрассудки. Но не найдено доказательств того, что он стремился достичь такого результата насилием, разрушением церковной инфраструктуры. Православный историк В. Цыпин справедливо указывает, что «решительное отличие хрущевских гонений от тех, которые обрушились на Церковь в 20-е и 30-е гг., заключались, однако, в том, что они прошли без кровопролития и почти без арестов»^[319].

После отставки Хрущева его наследники сочли положение Церкви в обществе оптимальным, и в отношениях РПЦ с государством установился мир и сотрудничество.

В январе 1965 г. было принято постановление президиума Верховного совета СССР «О некоторых фактах нарушения социалистической законности в отношении верующих».

Это не мешало властям по-прежнему сокращать количество храмов. Ведь экономические трудности сохранялись – чтобы получить имущество, необходимое для любых хозяйственных работ, нужно было договариваться с хозяйственными руководителями, и часто – на полулегальных основаниях. Это умели не все старосты и священники. Тем более, что старосты могли оказаться и прямыми ставленниками местных органов власти, стремящихся избавиться от прихода на своей территории. Однако если местная инициатива подобного рода была возможной, то аппарат ЦК уже стоял на страже достигнутого равновесия. Так, во время вспышки холеры 1970 г., митрополит Пимен издал указ, ограничивающий применение ряда ритуалов (вероятно, под давлением Совета по делам религий), в ЦК это было признано неправильным: «Вы заставили написать подобное распоряжение самого митрополита Пимена. Он ведь верующий и добровольно такого указа подписать не может. Вот теперь будут обвинять нас, что мы совершаем насилие над Церковью»^[320]. В некоторых регионах удавалось открывать новые приходы^[321].

Несмотря на сохранявшиеся трудности в отношениях с режимом, руководители Церкви, наученные опытом 1960–1961 гг., не собирались отныне «выносить сор из избы». Никодим говорил: «Я тоже могу дать интервью о положении Церкви у нас, которое прогремело бы на весь мир, но я этого не сделаю, потому что это будет не на пользу Церкви, только ей повредит. Более того, я знаю, что могу войти в историю запятнанным, и это мне небезразлично, но я готов на это идти ради блага Церкви. Другого пути нет»^[322]. А если бы Никодим дал такое интервью, сейчас говорили бы о «брежневских гонениях на Церковь».

Границы дозволенного, которых придерживалось руководство Церкви, митрополит Никодим разъяснил архиепископу Василию в 1974 г., когда тот выступил против одобрения митрополитом Серафимом высылки Солженицына. При этом Василий считал, что его «выступление не носило политического характера!» «Нет, — возразил

митрополит Никодим, — это был определенный политический антисоветский акт». «А разве это плохо?» — спросил я его. «Я не говорю, что плохо, — ответил владыка, — но не следовало этого делать!»^[323] Иерарх РПЦ даже не являясь советским гражданином должен соблюдать условие – «никакой антисоветчины»^[324].

Власть можно было не любить, но РПЦ исторически стояла на позициях патриотизма. В эту эпоху – советского патриотизма.

Но реформа 1961 г. продолжала сковывать священников, и в новую эпоху стали звучать голоса за ее отмену. В 1965 г. 7 архиепископов поддержали предложение архиепископа Калужского Ермогена внести поправки к решению Архиерейского собора 1961 г. – допустить священников в церковные советы. Более радикально выступили священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин, которые направили открытые письма председателю президиума Верховного совета СССР Н. Подгорному и Патриарху Алексию с критикой нарушений законодательства о культурах государством и попустительства ему со стороны руководства РПЦ. Они потребовали собрать Поместный собор и отменить постановление 1961 г. Выступление радикалов встретило гневную реакцию со стороны Патриархии, только-только наладившей отношения с руководством страны. За несанкционированное распространение письма священники-диссиденты были осуждены в резолюции Патриарха, а когда не раскаялись – запрещены в служении.

Собор 1971 г.

После кончины Патриарха Алексия 17 апреля 1970 г. встал вопрос о созыве Поместного собора, а значит – новом обсуждении постановлений 1961 г.

Подготовка Собора затянулась – нужно было согласовать кандидатуру нового Патриарха, чтобы одобрить ее в стиле советских времен – без выборов из разных кандидатов^[325]. Между энергичным «экуменичным» Никодимом^[326] и осторожным, уравновешенным Пименом выбрали спокойствие и надежность. К тому же Пимен был «монахом старой школы»^[327], что особенно ценилось

традиционалистами. Никодим официально поддержал кандидатуру Пимена. Вскоре после избрания Пимена Никодим был смещен с поста главы Отдела внешних сношений «по состоянию здоровья», а также спокойствия ради. Состояния здоровья Никодима и вправду было неважным, но оно не мешало митрополиту еще несколько лет до кончины в Риме в 1978 г. исполнять обязанности Патриаршего экзарха Западной Европы.

Пока верхи в преддверии Собора решали, кто возглавит Церковь, оживилась и церковная общественность. Главным вопросом по-прежнему оставалось постановление 1961 г.

В адрес подготовительной комиссии Собора можно было направлять письма по вопросам церковной жизни, не опасаясь осуждения, как это было в случае с Эшлиманом и Якуниным. Снова зазвучали требования допустить священников в приходские советы (это требование было достаточно умеренным, так как не предполагало возвращение к ситуации до 1961 г., когда священники вынуждены были нести на своих плечах тяжесть мирских забот прихода). 6 епископов выступили за пересмотр решений 1961 г. На них было оказано давление по линии церковного руководства, чтобы они сняли свои предложения. Большинство предпочло подчиниться.

В своем письме Собору священник Георгий Петухов, иеродиакон Варсонофий Хайбулин и мирянин, научный сотрудник Петр Фомин обрушились на «организованные силы мирового сионизма и сатанизма», которые «искусственно создают трения между Церковью и государством с целью их общего ослабления», отравляют «общество, в особенности интеллигенцию и молодежь, ядом анархического либерализма и аморализма»^[328]. Наметив такую основу нового патриотического союза Церкви и государства, авторы письма предлагали ходатайствовать перед государством о возвращении утраченных Церковью позиций, включая увеличение числа храмов, монастырей, семинарий, а также права на преподавания детям Закона Божьего. Руководство советского государства не было в восторге от подобных предложений, но и расчет авторов письма был в другом – подвигнуть Церковь к сближению с лагерем патриотов. Перспектива распространения на Собор мирской идеологической полемики тревожила Патриархию.

Поместный собор 30 мая – 2 июня 1971 г. должен был продемонстрировать единство рядов организации, сравнимое разве что с только что прошедшим XXIV съездом КПСС. К этому стремились и сами иерархи, и их кураторы. А вот общество, уставшее от политического застоя, восприняло бы альтернативные выборы в Церкви с огромным интересом. В этом можно было усмотреть и пример для подражания^[329]. Но допускать альтернативных выборов никто не собирался. Правда, в работе Собора приняли участие и иностранные участники, в том числе Архиепископ Брюссельский Василий (Кривошеин), который в силу своей независимости от коммунистического режима стал центром притяжения оппозиционных настроений. При негласной поддержке нескольких иерархов Василий требовал тайных альтернативных выборов Патриарха, отмены постановлений 1961 г.^[330] и решения 1969 г. о допуске к причастию католиков. Но все реформы 60–х гг. были одобрены Собором. Убеждая Василия не смущать делегатов публичными заявлениями, Никодим говорил: «Ах, Владыко. Вы все рассуждаете по–западному, по–брюссельски, а мы рассуждаем по–здешнему»^[331].

2 июня, при обсуждении «Обращения Поместного Собора Русской Православной Церкви к христианам всего мира и людям доброй воли», зарубежные епископы также проявили свое «западное» мышление. Как вспоминает архиепископ Василий, его возмутило, что обличения «возникших в различных районах мира военных конфликтов и очагов международной напряженности», призывы к «борьбе за мир во всем мире» и поддержке конференций по разоружению в «Обращении» слишком напоминали постановления XXIV съезда КПСС^[332]. Хотя непонятно, почему Собор не мог поддержать борьбу за мир во всем мире и столь благое начинание, как конференция по ядерному разоружению? Но Архиепископ Брюссельский, опередив Дюссельдорфского коллегу, взял слово и осудил политическую часть текста как тенденциозную: «я приехал сюда на Собор не для того, чтобы заниматься политической деятельностью и принимать политические резолюции. Я не могу и не хочу вырабатывать политические программы и «платформы». Не могу решать, нужно или не нужно созывать ту или иную политическую конференцию о разоружении»^[333]. Возражая возмутителю спокойствия, столь неожиданно выступившему против поддержки

Разрядки, митрополит Никодим напомнил, что в эту деятельность уже вовлечен Всемирный совет церквей, что вопрос обсуждался на II Ватиканском соборе. Как же можно нам отставать. После того, как «Обращение» поддержал епископ Баденский Ириней, фронт зарубежных иерархов был прорван: «Раз действия советского правительства направлены на укрепление мира во всем мире, то я, как христианин, их приветствую и считаю это своим долгом. Не понимаю, почему мы, как христиане, должны этим смущаться и этого стыдиться»^[334]. В 1971 г. это можно было сказать, не кривя душой. Зарубежный делегат Н.В. Лосский поддержал атаку архиепископа Василия: «Текст этого Обращения для меня неприемлем из-за своей политической односторонности. Обсуждается одна сторона, а о действиях другой стороны умалчивается». Если архиепископ Брюссельский предлагал уйти от вопросов, вызывающих споры, то зарубежный мирянин по существу ставил вопрос о редактировании «Обращения», что было неприемлемо для руководителей Собора, и митрополит Никодим прекратил прения. Обращение было принято подавляющим большинством голосов (официально было объявлено, что решения приняты «единодушно»).

Собор одобрил решения Священного Синода, принятые со времени прошлого Поместного собора 1945 г. и в духе времени отменил проклятия XVII века против старообрядцев. 2 июня 1971 г. Поместный собор единогласно, «едиными устами и единым сердцем» избрал Патриархом митрополита Пимена (Извекова).

Вера и конформизм

Новый Патриарх начинал править, когда обращение в Православие стало обычным явлением. Крещение уже не было связано с риском, своих детей нередко крестили даже члены партии, хотя и вынуждены были скрывать это. Патриарх Пимен открыто заявил в 1978 г., что РПЦ имеет многомиллионную паству. Но в 70-е гг. Церковь строго блюла границы. Пастыри «торжественно служили». Власть демонстрировала благодушие.

В 1975 г. имущественные права структур РПЦ получили дополнительное законодательное обеспечение в Указе Президиума Верховного совета СССР, частично восстановившем права приходов, существовавшие до 1961 г. В 1981 г. налоги с духовенства были существенно снижены – власть уже не видела в РПЦ угрозы.

Святые отцы поддерживали внешнеполитическую линию СССР. Митрополит Ювеналий, например, утверждал после своего визита в США: «у меня возникает тревожное, тяжелое чувство, когда я задумываюсь, куда ведет Р. Рейган свою страну. Думается — к пропасти... Вы думаете, почему президент решил навязать миру свою систему? Он объясняет: «Потому что эти возможности являются Богом данным правом...» Невольно хочется вспомнить одну из заповедей Моисея: «Не произноси имя Господа, Бога твоего, напрасно». Ее следовало бы соблюдать и президентам»^[335]. Эти слова можно расценить как выполнение заказа КПСС. Но что в них противоречит Православию?

Продолжалось сотрудничество некоторых священнослужителей с КГБ. Позднее факты такого сотрудничества приобретут сенсационную окраску и будут расцениваться журналистами как тягчайшее обвинение против православной церкви. Но, комментируя документы КГБ о церковных «агентах», Г. Урушадзе пишет: «Как знать, были они «двойниками и перевертышами» (их обозвали так), или — честью — пытались отстоять редкие храмы? От священника можно было добиться согласия сотрудничать, пригрозив, например, распустить его приход. Потом — годы именовать его агентом, продвигать по службе, помогать советом.

Комитетская работа вообще опиралась на агентуру. За каждого завербованного сотруднику Комитета полагалось сто рублей премии^[336]. В качестве «агента» в закрытой документации могли представлять и тех людей, которые не знали об этом своем «статусе». Действия священнослужителей, которых КГБ называет «агентами» вполне «невинны» даже с точки зрения «революционной этики» — это пропаганда мира, споры с западной пропагандой, умиротворение верующих^[337]. А ведь подавляющее большинство священников не давало обязательств противодействовать государственным органам, которые в это время относились к Церкви относительно терпимо.

Противоречия среди верующих (инакомыслящих по определению) по поводу отношения к власти усилились в связи с приходом в Церковь неопитов из неправославных семей. «Подавляющее большинство этих людей ничего не знало о жизни Церкви, однако хотели стать «настоящими» православными. К работе с такой категорией верующих священники готовы не были. Поэтому интеллигентная молодежь стала скапливаться в приходах тех немногих батюшек, которые брали на себя смелость и проявляли желание с ними общаться. Ныне имена этих священников широко известны – Всеволод Шпиллер, Александр Мень, Дмитрий Дудко, Валериан Кречетов, архимандрит Иоанн (Крестьянкин) и другие. В 1970–е годы их общины, расположенные преимущественно в ближнем Подмосковье, насчитывали по несколько тысяч человек», пишет Н. Митрохин.

В. Цыпин рассказывает о проблемах, которые были связаны с этим «призывом» паствы: «Как правило, новообращенные на своем пути в ограду Православной Церкви переживали мировоззренческий кризис, часто самый мотив обращения носил у них не собственно религиозный, а идеологический характер – принятие учения Христа выросло из острого неприятия официальной советской атеистической идеологии. В связи с этим многие из новообращенных захвачены были настроением радикального социального нигилизма, сближавшего их психологически с их мировоззренческими антиподами – нигилистами XIX столетия»^[338].

В 70–е гг. симпатии общественно–активных неопитов делились между почвенниками–традиционалистами и экуменистами–полуобновленцами. Первая тенденция наиболее ярко была представлена о. Дмитрием Дудко (см. Главу VI, IX, X), а вторая – о. Александром Менем.

В 1962 г. круг священников, считавших необходимым принять вызов неопитства и катехизации группировались вокруг А. Мень. Но в 1965 г. произошло размежевание, связанное с планом выступления против постановлений 1961 г. А. Мень составил умеренный документ, а Н. Эншлиман – радикальный. После выступления Н. Эншлимана и Г. Якунина с этим текстом пути «прогрессивных дьяконов» разошлись. Г. Якунин ушел в диссидентство, Д. Дудко стал духовником оппозиционно настроенных почвенников, в том числе – из круга журнала «Вече». Приход и дом о. Александра был местом

«паломничества» экуменической интеллигенции^[339]. В 1970 г. круг А. Меня выпустил в тамиздате сборник «Метанойа», призывавший русский народ к возвращению в лоно Церкви через покаяние (эта идея не понравилась «патриотам», которые сочли ее антирусской)^[340].

А. Меня участвовал в распространении самиздата и тамиздата, в 1983–1985 гг. неоднократно допрашивался КГБ. Весной 1985 г. начались нападки на него в печати. После объяснений в Патриархии преследования властей в отношении Меня прекратились, ему стал покровительствовать митрополит Ювеналий. Характерная деталь – в начале 60–х гг. пресвитер А. Меня подвергся критике Патриарха за «подражание рационалистам–протестантам», покайсявшись, получил прощение.

Отец Александр обосновывает право на вольномыслие для себя и других внутрицерковных течений: «В Новом Завете есть слова: надлежит быть между вами разномыслию. Что это означает? Это означает, что христианство, единое по духу, единое по корню своему, единое по своей богочеловеческой, мистической основе, на уровне человеческого, интеллектуальном, социальном — многообразно»^[341].

А. Меня возобновил поиск путей из «заповедника», в котором оказалось православное христианское сознание. Он писал о христианстве: «оно внимает Слову Божию, которое запечатлено в Писании, но остерегается буквально толковать каждую строку Библии, особенно Ветхого Завета (Рим 7,6);... знает, что богослужebные и канонические уставы менялись на протяжении веков и в будущем не смогут (и не должны) оставаться абсолютно неизменными (Ин 3, 8; 2Кор 3, 6, 17). Это же относится и к богословскому толкованию истин веры, которое имело долгую историю, фазы раскрытия и углубления (так Отцы Церкви и Соборы вводили в обиход новые понятия, которых нет в Писании);... Оно переживает разделение христиан как общий грех и нарушение воли Христовой (Ин 10, 16), веря, что в будущем грех этот преодолется... в духе братской любви...; открыто всему ценному, что содержится в христианских исповеданиях и нехристианских верованиях (Ин 3, 8; 4, 23–24); не отвергает добра, даже если оно исходит от людей безрелигиозных, но отвергает насилие, диктат, ненависть, даже если они прикрываются именем Христовым (Мф 7, 21, Мк 9, 40; Мф 21, 28–31);... смотрит на

общественную жизнь как на одну из сфер приложения евангельских принципов...»^[342]

Такое православие — открытое для диалога, в меру рациональное, обновляемое в своей обрядовой части и потому более понятное окружающим, общественно активное — по мнению А. Меня могло бы восстановить свою роль творческого начала отечественной культуры. Но в это время в Православной церкви преобладало консервативное направление, которое относилось к экуменическим и обновленческим поискам с терпимостью, но не более. Но и сама эта терпимость к разным направлениям православной мысли показывает, насколько расширилась внутрицерковная свобода с 50-х гг.

Восток – дело тонкое

Православие было наиболее влиятельным, но далеко не единственным вероисповеданием в СССР. Но отношение к другим традиционным конфессиям окрашивалось в тона «национального вопроса». Это определяло и повышенную (по сравнению с Православием) терпимость в отношении «национальных религий», и дополнительные опасения и репрессии по части национализма.

Прочнее всего позиции мусульманства были в Средней Азии. Мусульманское самосознание в Поволжье и на Кавказе было тесно переплетено с национальной идентичностью, но большинство людей, считавших себя мусульманами, не соблюдали все обязательные ритуалы (например, среди карачаевцев – только 3% населения соблюдали намаз).

Однако влияние мусульманства не ослабевало по мере модернизации Кавказа. В 1959 г. партийные работники констатировали, что в Чечено–Ингушетии «отмечается увеличение числа религиозных общин» за счет молодежи^[343]. Параллельно с официальными советскими структурами действуют религиозные суды «кхел», которые подправляют решения советского суда. Вернулись осужденные за кражу колхозного зерна. Кхел решил, что их осудили напрасно, и заставил семью доносчика платить компенсацию отсидевшим^[344].

Сохранялись мистические братства суфиев (в 50–е годы было несколько сот мюридов)^[345]. Сотни людей входили в транс на тайных ритуалах зикра.

Власти следили за этими течениями, но практически не вмешивались, считая происходящее чем-то вроде национального колорита, фольклора и мистического хобби населения. Но если какое-то явление казалось антисоветским, власти сначала действовали через Духовные управления. Так, в 1961 г. (одновременно с конфликтом властей и РПЦ) власти ополчились на ишанов – лидеров суфийских братств. Духовное управление Средней Азии и Казахстана запретило ишанат. Ишаны стали действовать осторожнее, но активно их никто не преследовал (ведь для этого нужно было вникать в тонкости исламской теологии). Влияние ишанских династий сохранялось (в том числе и в том самом управлении, которое их формально запретило)^[346].

Ситуация мало изменилась за четверть века. В 1986 г. из 400 опрошенных студентов Грозненского университета почти 80% соблюдали хотя бы некоторые религиозные обряды и праздники, треть считала себя верующими (скорее всего — больше, остальные не хотели рисковать комсомольским билетом)^[347].

В Чечено–Ингушетии власти поддерживали мусульманство, выделяли автотранспорт паломникам, прибегали к помощи религиозных авторитетов в самых разных случаях, например — при мобилизации населения на субботники. Более половины браков ингушей проводилось по шариату, а не в соответствии с законом. В год появлялось более 4000 детей, законных с точки зрения шариата, но не государственного права. В 1982–1986 гг. в Чечено–Ингушетии было похищено и выдано замуж более 100 учениц 7–9 классов. Свыше 60 тейповых групп находилось в состоянии кровной вражды. За два года эта вражда вызвала 3 убийства. Большинство преступлений совершалось с применением боевого огнестрельного оружия^[348]. Горные районы продолжали жить по своим законам, воспринимая СССР как Российскую империю — неизбежное (пока) зло, чуждую цивилизацию.

С 70–х гг. полулегально на Кавказе действовали и ваххабиты, критиковавшие «языческие» стороны кавказского мусульманства и суфизм. Ваххабизм на Кавказ был привнесен учеником суфиев Б. Кебедовым. Поскольку ваххабиты противостояли местной

мусульманской традиции, они действовали тайно. Прежде всего поэтому несанкционированным течением заинтересовались власти (не без сочувствия недовольных ваххабитами имамов). В 1982–1984 гг., во время андроповского ужесточения отношения властей к любым неофициальным субкультурам, ваххабиты были на время разгромлены КГБ.

В 70–е гг. СССР, как и страны Запада, охватывает увлечение восточными религиями и духовными практиками. В России обращение к восточной духовной культуре в качестве религиозного пути имело давние корни, связанные с именами Н. Рериха, Е. Блаватской и других «теософов». Возрождение рериховского движения началось с популяризации учения об агни-йоге. Большую роль в этом деле сыграла сотрудник Института стран Азии и Африки Л. Шапошникова, работавшая в этом направлении профессионально. Распространялись самиздатские копии соответствующей духовной литературы, рериховские кружки возникли в Москве, Ленинграде, Новосибирске, в Прибалтике и других местах. Кружки эти неформально взаимодействовали, а иногда и перемешивались с иными восточными духовными направлениями. «Что касается рериховского движения, – вспоминает Д. Морозов, – то оно было абсолютно аморфным, никогда не создавало никаких руководящих органов, что, кстати, соответствует сути учения, где иерархия существует только на духовном уровне. Коммунисты иногда публиковали разгромные статьи о последователях Рериха, но самого великого художника не трогали»^[349].

Власти почти не препятствовали этим увлечениям, так как их беспокоили прежде всего те несанкционированные религиозные движения, которые претендовали на создание неконтролируемой властями организационной структуры (прежде всего — часть баптистов и кришнаитов) — им угрожали репрессии.

Основная масса последователей разнообразных восточных культов находилась в этом отношении в безопасности и жила в своем собственном мире, на первый взгляд независимом от происходящего за окном.

Д. Морозов, который некоторое время был «достопримечательностью» для последователей восточных культов благодаря своим беседам с С. Рерихом, вспоминает о посещениях этих собраний: «Я попал в один из многочисленных кружков, в которых

были намешаны самые разнообразные восточные культы. Такие группы формировались вокруг какой-нибудь сильной личности, гуру, который использовал для воздействия на своих последователей именно эту систему взглядов. Здесь можно было встретить немало детей состоятельных родителей. Значительная часть полностью «выпала» из общества и плыла в расслабленном стиле жизни своего кружка. При этом знакомство с основами учений, лежащих у истоков мировоззрения группы, было весьма поверхностным и внешним.

Было очень забавно наблюдать девушку, которая, глядя тебе в глаза, говорила:

— Я брахман.

— Но ведь брахман с точки зрения индуизма может родиться только в брахманской семье.

— Нет, мне приснилось, что я брахман. Значит, это было в прошлой жизни.

— А что Вы делаете как брахман?

— Я ем только рис.

Моя попытка убедить их в том, что надо есть не только рис, но еще хотя бы гречку, вызывала резкий протест. Это — нечистая пища. Как это было далеко от содержательной стороны индуизма»^[350].

Эта среда предвосхищала эклектическое сознание следующего исторического периода.

Атеизм, возведенный в официальный догмат, создавал тягу ума и духа в запретную зону «вечных ценностей» мира, не подвластного физике. Неизведанный, полузапретный метафизический мир манил к себе советского человека, он жаждал духовной свободы. И, приложив усилия, получал ее, становясь неофитом того или иного учения — эклектичного или традиционного. В советском обществе было несложно стать неофитом, но было куда труднее понять, что духовная свобода требует дисциплины.

Часть II

Идеи

Свобода без социализма – это привилегия и несправедливость.

Социализм без свободы – это рабство и скотство.

М. Бакунин

*Ведь сказано было, едрена мать:
«Умом Россию не понять,
В Россию можно только верить»...
Или нет.*

Ю.Ким.

Глава IV

Разномыслие

Разноцветное общество

Идеологи КПСС провозглашали, что в СССР существует «идейно–политическое единство советского народа». Даже в 1985 г. во Франции Горбачев продолжал утверждать, что население его страны «исповедует» одну идеологию^[351]. Значительная часть западных исследователей поверила официозу КПСС и пришла к выводу, что в СССР существует тоталитарное общество и присущее ему единомыслие. Так, например, американский публицист У. Лакер, много писавший об общественной жизни СССР, считает, что «Советский Союз того периода был по–прежнему тоталитарным обществом, и никакие отклонения от официальной идеологии не допускались»^[352].

Как мы увидим ниже, ближе к реальности точка зрения Н. Верта. Он пишет о взгляде на советское общество «марксистско–ленинской» и «советологической» историографии: «Обе схемы... игнорировали одни и те же явления: существование богатой и сложной, непрерывно эволюционирующей социальной ткани; наличие «контркультуры» и различных субкультур, способствовавших формированию умонастроений, стремлений и ожиданий вне и вопреки пропаганде средств массовой информации; развитие самостоятельных объединений и «неформальных» организаций, в которых шли споры о будущем. В результате и советологи, и ревнители идеологической чистоты были захвачены врасплох внезапным рождением реформы, инициатором которой стал Горбачев»^[353].

Однако крайностью является и утверждение, что в СССР существовала не меньшая идеологическая свобода, чем на Западе, и развитое гражданское общество^[354]. Гражданское общество – конкретная реальность, которая имеет свои границы во времени и пространстве^[355]. Собственно гражданским обществом является сеть равноправных некоммерческих и негосударственных организаций, отличающихся общественной активностью, связанной с социальным творчеством. Возможны и другие определения^[356], но их автор должен объяснить, чем гражданское общество отличается от государственного социального вспомоществования, коммерции, парламентаризма и прочих столь же конкретных явлений. Процесс возрождения отечественного гражданского общества, выкорчеванного в 30–е гг., в 70–е гг. зашел довольно далеко. Сформировались различные общественные сети – неформальные движения, идейные течения, даже оппозиция. Но, поскольку они пока не могли сложиться в единую сеть, единое поле, правомернее говорить об элементах гражданского общества.

Во всяком случае, мыслили советские люди очень по–разному, и тоталитарного идеологического единства в СССР не было, как мы видели, уже в конце 50–х гг. В 60–70–е гг. контроль за человеком со стороны режима значительно ослаб. Государство словно заключило с обществом негласное соглашение: я не трогаю тех, кто не «покушается на устои» делом или публичным словом.

Сохранилась некоторая основа общности взглядов большинства, которая есть в любой стране. «Идейно–политическое единство

советского народа» носило рамочный характер (как ценности гражданской нации в странах Запада XX в.). «Мы» воевали в Афганистане, сажали диссидентов, запускали ракеты, договаривались с Америкой и протестовали против звездных войн. Это единство было скорее патриотическим, чем идеологическим (коммунистическим).

Основу общественного мнения в СССР (вслед за Российской империей) составляли понятия не политические, а нравственные. Те или иные события оценивались прежде всего с точки зрения их справедливости. В массе своей население считало существующий порядок более или менее справедливым. Даже правительственные привилегии, о которых кое-что знали, частью общества воспринимались как справедливое вознаграждение за тяжелый труд. Но не всеми. Общность нравственных критериев не гарантирует единства их толкования.

Как и в любом другом обществе, советское разномыслие проистекало из двух источников. Первый – недовольство представителей различных социальных слоев – не всеобщее, обычно латентное, но непроходящее – всегда есть люди, которые хотят жить лучше или иначе, чем положено в нише, куда общество запихало личность. В периоды кризисов их число и активность растет, в периоды «благополучия» уменьшается, но никогда не исчезает. При этом соответствие (несоответствие) ситуации «должному» сначала выражалось не в политических понятиях, а с помощью этического критерия справедливости. Стоило конкретизировать этические критерии добра и зла, требовались логические, рациональные обоснования. Ведь советский человек жил в индустриальном обществе и привык мыслить рационально. А рациональные обоснования выстраивались в различные идеологии.

Второй источник разномыслия – как различие рациональных идеологических конструкций, так и сами ее творцы. Речь идет об интеллигенции, без которой индустриальное общество не могло обойтись.

По распространенному мнению, «лейтмотивом выступлений творческой интеллигенции в середине 60-х — середине 80-х годов был не столько политический протест, связанный с сознательным выбором идейных ценностей, сколько борьба за свободу творчества и самовыражения»^[357]. Такой «классовый подход» не всегда применим

— в общественных движениях участвовало большое количество людей, творчеству которых власти не препятствовали, так как они не были связаны с гуманитарным знанием, свободное развитие которого особенно опасно для власти. Физики А. Сахаров и Ю. Орлов, математик И. Шафаревич могли заниматься творчеством в сфере своей специализации совершенно беспрепятственно, но предпочли риск участия в оппозиционном движении. Движущие мотивы общественного движения кроются в самой потребности интеллигенции в интеллектуальной работе, склонности к критическому анализу действительности все в том же стремлении к справедливости, составлявшем важную черту отечественной культуры.

Интеллигентский круг «генераторов идей» был относительно узок. Это дает повод некоторым либеральным авторам представлять советское общество в виде глубокой архаики, где узкий круг современно мыслящей интеллигенции был «каплей в море» архаичного населения^[358]. Однако круг «генераторов идей» узок в любом современном обществе. Важно, насколько дискуссии интеллектуалов востребованы другими слоями общества. Советский человек просто не мог быть архаичным, потому что был встроен в индустриальную машину. Машина требовала, чтобы он был просвещен, и в итоге получила человека читающего, значит — пишущего (в том числе — и критические письма властям), человека, вовлеченного в информационное поле, обсуждающего новинки толстых журналов и острые статьи газет. Это очень далеко от архаики.

Попытки представить советское общество в качестве патриархальной архаики характеризует скорее мифологию современной России, чем советскую реальность, которая представляла собой один из вариантов индустриального урбанистического общества^[359]. Разумеется, как и всякий модерн, оно сохраняло влияние культурных традиций, в том числе — и патриархальных. Это влияние не мешает (а может быть и помогает) модернизации, скажем, в Японии. Культурная традиция — не признак патриархальной архаики, а один из путей в будущее.

«Загадочная советская душа» формировалась под влиянием нескольких факторов: традиций народов страны, индустриально-авторитарного каркаса, марксистского дискурса в его ленинско-сталинской обработке, стремления к мировому первенству над

«отжившим» миром. Традиции и индустриально–авторитарный страны, из индустриально–тродов шней поддержки способствовала успеху Японии. каркас есть у многих современных народов. А вот культурное напряжение, мировой социальный проект встречается далеко не всегда. Сегодня мессианство принято осуждать, ибо такая иллюзия отвлекает нас от наших маленьких мещанских проблем, от бега по кругу за материальным благосостоянием. Но без этого мессианства не было бы ни золотого века советского кинематографа, ни прорыва в космос, ни, кстати, того уровня благосостояния, который для многих в современной России остается недостижимым идеалом.

* * *

Относительно широкий слой советских людей продолжал напряженную работу мысли в частных беседах на кухнях и в курилках, где небольшие группы советских людей обсуждали общественные вопросы. Эти ячейки составляли основу неформального общественного мнения, которое восстановилось после «разоблачения культа личности» и не умирало уже никогда. Более или менее свободное обсуждение гуманитарных проблем шло также в институтских аудиториях, где оно было трудно отделимо от профессиональных дискуссий.

Неформальное общение стало питательной средой, в которой формировались и неформальные движения, и диссидентство. «Эти веселые компании изменили общественный климат в стране. Нарушилось главное: закон молчания. Если раньше пределом гражданской честности было неучастие, то теперь от порядочного человека потребовалось слово... И высшая российская ценность — дружеское общение, — пишут о «кухонных» кружках П. Вайль и А. Генис, — легла в основу зарождающегося общественного мнения. Что может быть увлекательнее, чем в компании остроумных подвыпивших людей ругать советскую власть. Продолжением этого веселого времяпрепровождения и стало диссидентство»^[360]. И не только оно.

Так формировалось общественно–активное поколение «шестидесятников» или «детей XX съезда». Это понятие относится не

ко всем советским людям, чья молодость пришлась на «оттепель», а к тем, кто воспринял ее как зов к свободе, и продолжал искать этой свободы и в дальнейшем, когда «оттепель» уже закончилась. Это общественное поколение, прежде всего интеллигентское, несло в себе неизгладимый отпечаток хрущевской оттепели со всеми ее противоречиями. Узкая, жестко лимитированная щелочка правды, воспринятая как откровение, ужас перед сталинизмом и разочарование в советской системе, которое принесли 70-е годы – все это создало узнаваемый психологический тип человека, мечтающего о потерянном в юности малом: свободе рассуждения без крайних выводов, Государе, дарующем послабление. Необходимость продолжать карьеру и при Брежневе требовала перестройки принципов. Но «фига в кармане» и жажда свежей мысли остались психологической потребностью.

Шестидесятники, занимавшие свои позиции в жизни на грани 60-х и 70-х гг. стали питательной почвой для советского идеологического разномыслия.

В СССР сформировались идейные течения, «партии» без четкой структуры, но с осознанием общности, с взаимоподдержкой, с пониманием, кто в СССР свой, а кто — чужой. Они не были оформлены организационно, но выстраивали сети неформальных контактов. Эти сети идейных течений отличаются от неформальных общественных движений, «неформалов», хотя иногда пересекаются с ними.

Идейные течения вели борьбу друг с другом за статусные позиции, и партийные ортодоксы с трудом и далеко не полностью контролировали ход этого «перетягивания канатов», стараясь поддерживать баланс.

В.Л. Глазычев вспоминает: «Это была никак не отстроенная полусеть полу-формальных структур, в которой люди хорошо знали друг друга. Они ютились в самых неожиданных местах, кочевали, давали убежище друг другу. Когда лидер Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкий был изгнан из партии и был вынужден уйти с работы во ВНИИ технической эстетики, за то, что подписал письмо в защиту диссидентов, его приютили в Центральной учебно-экспериментальной студии Союза художников СССР, обеспечивавшая этому Союзу графу отчетности «связь с жизнью». Кстати, Щедровицкий не был диссидентом. Я ему задавал вопрос: почему ты

подписал, ты не должен был подписывать, ведь твоя функция – тащить свое дело, и ты подставляешь это дело. Он ответил, что это – друзья, давление среды, которое заставило этого абсолютно логического человека поступать по велению сердца, а не разума. И «Отдел теории дизайна» ВНИИ технической эстетики, и «Центральная учебно–экспериментальная студия», и Молодежная секция Союза архитекторов были очагами этой сети мощных дискуссионных клубов, летних школ и семинаров, где под предлогом теории дизайна или чего–то еще обсуждалась структура общества, взаимодействия между экспертами и властью, тысячи вопросов абсолютно внецензурных, хотя все чуть–чуть «блюли приличия», не называя вещи своими именами. Эти дискуссионные очаги были связаны с целым рядом изданий. Среди них выделялись «Знание–сила» с его отделом фантастики, «Декоративное искусство», где была напечатана первая статья Л. Гумилева. Редакции этих журналов фактически были дискуссионными клубами. И все эти «очаги» более или менее друг о друге знали»^[361].

Это – лишь один круг общественности. Свои организационные сети со своими изданиями и дискуссионными площадками были у каждого идейного течения.

Они пропагандировали интеллигенцию, а через нее – вели скрытую агитацию широчайших слоев населения. Они лоббировали свои предложения вверх по лестнице чиновнического аппарата. Науськанная одним из направлений или почувствовав, что одно из направлений слишком напирает, власть могла и огрызнуться. Но в целом каждая из «перемен погоды» не приводила к уничтожению одного из течений и не имела решающего значения для исхода их борьбы.

Советское общество не было ни глыбой льда, ни полем боя между антинародным режимом и героическими одиночками. Оно было разнообразным и разноцветным, хотя яркость цветов в условиях авторитарного режима была приглушенной. Но ведь и сейчас, включив телевизор, мы не обнаруживаем там разнообразие ярких идейных цветов.

Государство надеялось держать творческую активность «в рамках» с помощью цензуры. Общество еще в XIX в. научилось обходить эту стену, распространяя интересные тексты в списках. XX век предоставил для этого более удобное техническое средство, позволявшее делать несколько копий – печатную машинку.

Стоило ослабить репрессиям, и во второй половине 50–х гг. в машинописных копиях уже распространялись тексты около 300 авторов, включая стихи и даже книги, изданные в СССР, но пользовавшиеся большим спросом.

Самиздат стал детищем конкретной исторической эпохи авторитарного индустриального государства, преддверия информационной волны. Не даром самиздат структурно стал выстраивать аналог компьютерной сети, только, за неимением компьютеров – на трудоемких и малотиражных (или в сравнении со списками – эффективных и производительных) машинках.

Двигателем самиздата являлось стремление к получению общественно–значимой информации в условиях ее дефицита. В отличие от Госиздата, тамиздата и нынешних коммерческих СМИ самиздат был демократической средой. Люди сами решали, что «подхватывать», какие идеи интересны и важны, на перепечатку какой вещи стоит тратить силы. Читателей меньше всего волновало качество печати (в этой области все равно лидировал Госиздат). Самиздат «зачитывался до дыр».

Не все читали самиздат (хотя этот запретный плод был привлекателен), но большинство жителей крупных городов соприкасалось с теми, кто что–то почерпнул из него. Так информация растекалась вширь.

В конкретно–исторических условиях 50–80–х гг. самиздат стал основой неофициальной общественной коммуникации.

Пока сохранялась среда социально–творческих людей и дефицит информации, сохранялся и самиздат. Уничтожить его можно было либо террором против среды, либо заменой дефицита на перегрузку и манипуляцию информацией. Эпоха самиздата закончилась вторым из этих исходов на грани 80–х и 90–х гг. Самиздат умер, когда появилась возможность издавать массовые неподцензурные тиражи за деньги. Его сменила коммерческая пресса и компьютерный «многолог».

Усложнение спектра

В середине 60–х гг. началась перегруппировка и усложнение идейной советской структуры. В среде реформистов (прогрессистов) выделялись два ядра – либеральное (в собственном смысле слова – не путать с «либеральными коммунистами», реформистскими членами КПСС) и «демократическое» (в универсальном идеологическом спектре оно соответствовало нише социал–демократии от демократического социализма до социал–либерализма). Поскольку прогрессисты были ориентированы на сближение с западной культурой, то несложно найти аналог исповедуемых ими идей и западных аналогов.

Размежевание началось и в лагере охранителей. Из–за спины ортодоксов и обычных сталинистов стали выходить национал–патриоты.

Р. Медведев уже в 1968 г. отметил, что «сталинисты» («ортодоксальные марксисты») и «русские националисты» («почвенники») составляют два различных течения^[362].

Здесь нужно оговориться, что русские националисты и почвенники – это не вполне одно и то же. Ценностью националиста является нация или этнос (в случае с нашей многонациональной страной – именно этнос). Русские националисты обнаруживали себя идеологически прежде всего в критике, а не в позитивном идеале. Они искали источник бедствий русского народа в инациональных силах, придавая ксенофобии идейное обоснование. Позитивный идеал националисты заимствовали у ближайших союзников – советских государственников и почвенников. Так формировалась новая коалиция, не совпадавшая с прежними охранителями времен «оттепели». Ее участники чаще всего называли себя патриотами. Но чтобы отличать участников этого течения от обычных советских патриотов (каковыми считали себя и многие демократы), мы будем применять термин национал–патриоты. Главными ценностями национал–патриотов были государство (в данный момент советское, но – как преемник российского государства) и культурная традиция («почва»), уходящая в

глубь веков. В зависимости от того, что было важнее, в национал-патриотическом движении выделились государственнические и почвеннические акценты. При этом участник движения мог не быть ксенофобом (любить храмы и деревенский быт – не значило ненавидеть евреев), но национализм все же был «клеем», скреплявшим это движение. Националисты уже в 80–е гг. предпочитали говорить о себе как о «русской партии».

Идеологическое обоснование почвенничества и государственничества вело к выделению в национал-патриотическом движении «красного» (просоветского) и «белого» (антикоммунистического) патриотизма.

Н. Митрохин пытается оспорить устоявшееся с подачи Р. Медведева разделение на коммунистов-ортодоксов (в нашей терминологии – охранителей) и почвенников-националистов: «истинные «ортодоксальные марксисты», или, скорее, интерпретаторы «Краткого курса истории ВКП(б)», были представлены в советской литературе в незначительном меньшинстве и являли собой крайне левый фланг антилиберальной коалиции»^[363]. Н. Митрохин, вообще склонный к преувеличению масштабов движения русских националистов в 60–е гг., считает, что уже в начале 60–х гг. они «играли ведущую роль» в консервативной коалиции^[364]. Но в реальности сами видные идеологи националистов в 60–е гг. считали себя младшими партнерами В. Кочетова и других ортодоксов. Как говорил В. Чивилихин в 1962 г., «Наши духовные отцы – Кочетов, Грибанов, Сафронов, им стреляют в спину...»^[365]

Не охранители были крайне левым флагом антилиберального лагеря, а национал-патриоты постепенно выделились из охранительного лагеря и только в конце 60–х гг. приобрели самостоятельность. Родившись из охранительной среды (как либерализм из прогрессистской), почвенники обладали принципиальными отличиями от ортодоксов. Для них дореволюционная Россия была столь же ценна, как и Советский Союз, а для некоторых – и ценнее Советского Союза. Охранители стояли на страже ленинизма, считая Сталина продолжателем дела Ленина. Для «красных патриотов» Ленин и Сталин – продолжатели дела русских царей. Между охранителями и национал-патриотами долго сохранялась «пуповина», компромиссные и переходные взгляды (это

явление заметно и сейчас), но все же речь идет о коалиции, а не единстве. В 60–е гг. в этой коалиции лидировали охранители, и только в 70–е гг. национал–патриоты, причем именно просоветские, «красные».

Это привело к сложной перегруппировке, когда на сторону национал–патриотов перешли и некоторые бывшие прогрессисты из лагеря деревенщиков, усилив почвенническое крыло коалиции – теперь уже национал–патриотической.

Между охранителями и почвенниками нарастали противоречия. Сложное отношение у национал–патриотов было и к идеям А. Солженицына, который в 70–е гг. стал им куда ближе, но как враг советского государства, был абсолютно неприемлем для охранителей^[366].

* * *

После идеологической катастрофы, происшедшей с отечественной социально–политической мыслью в 30–е гг., когда ее спектр был сжат почти до точки, мыслители соотносили свои взгляды с «золотым веком» идейной жизни XIX – первой четверти XX вв. Поскольку спектр современных идеологий сформировался именно тогда, и до 60–х гг. к нему не было добавлено каких–то качественно новых ветвей, такое повторение пройденного было разумно.

Идейный спектр, характерный для XX столетия, основан на пересечении двух ценностных координат: «коллективизм–индивидуализм» и «самоорганизация–авторитарность». Соответственно, в зависимости от того, какая ценность преобладает, от близости к той или иной «оси координат» идеи группируются в восьми основных секторах:

1. Коммунизм;
2. Демократический социализм;
3. Анархизм.
4. Социал–либерализм;
5. Либерализм;
6. Консерватизм;

7. Национал–этатизм;
8. Социал–патриотизм.

Советские идейные коалиции накладывались на эти сектора, но не совпадали с ними.

1. Охранители–ортодоксы, официоз развивался от классического коммунизма в сторону социал–патриотизма.

2. Прогрессисты (реформисты) двигались от классического коммунизма в сторону демократического социализма и социал–либерализма (социал–демократии).

3. Из лагеря реформистов выделились «демократы» (демократические социалисты и социал–демократы) и собственно либералы (отдельные участники этих течений тяготели к анархизму).

4. Часть бывших прогрессистов эволюционировала к консерватизму (Солженицын и в более умеренной форме – «деревенщики»)

5. Из охранительства развилась национал–патриотическая коалиция, которая включала социал–патриотов («красных патриотов») и консерваторов («почвенников», в случае антикоммунистической позиции – «белых патриотов»).

Помимо спектра идей у инакомыслящих сформировался и спектр отношения к действию, направленному на перемены. Вот лишь некоторые выдвигавшиеся тогда позиции в пересказе В. Буковского:

« — Служить надо России, коммунисты когда–нибудь сами собой исчезнут...

— Россия — страна рабов. Никогда у русских не было демократии и не будет. Они к ней не способны — нечего и пытаться. С нашим народом иначе нельзя!...

— Надо спокойно делать карьеру, проникнуть наверх и оттуда пытаться что–то изменить — снизу ничего не сделаешь.

— Надо войти в доверие к советникам вождей, воспитывать их и поучать в тишине — только так можно повлиять на государственный курс»^[367]. Каждое из этих мнений частично оправдалось. Одни сделали карьеру и сумели «спустить с тормоза» механизм реформ. Им советовали другие. В соответствии с предупреждением третьих, авторитарные традиции в России оказались весьма велики, и демократические преобразования шли неровно и тяжело. Но, как и

предсказывали четвертые, коммунистический режим «исчез». Но все же демократический потенциал народа оказался существенным фактором перемен, и во время Перестройки реформы сверху переплелись с мощным движением снизу. Так что каждая из сторон в этом споре имела достаточное количество аргументов, чтобы продолжать дискуссию до сих пор.

Золотой век

Если эпоха оправдывается культурой, то Советскому Союзу есть что предъявить на суде истории. 50–70-е гг. – это время культурного расцвета.

И на вершине культурной пирамиды СССР непревзойденной пока вершиной высится советский кинематограф. Официальная пропаганда, обрезав цитату из Ленина, повторяла: «Важнейшим из искусств для нас является кино». И это было верно – кинематограф в наибольшей степени соответствовал эпохе развитого индустриального общества. Именно эта эпоха позволяет создать настоящую фабрику искусства, реализовать мечту творцов XIX века о синтезе изобразительного искусства, театра и музыки в многогранную иллюзию. Эта иллюзия захватила массы, а не только элиту. Масштабное кино нельзя было сделать в кустарных условиях, в собственном кабинете. Государство торжествовало – оно могло «заказывать музыку» в важнейшем из искусств. Неконтролируемое творчество могло сохраняться в литературе, просачиваясь через самиздат, на полотне художника, демонстрировавшегося на квартирах. Но кино – зона государственного контроля...

Ничуть не бывало. Правило «кто платит, тот заказывает музыку» могло действовать на фабрике грез, где все четко подчиняются хозяину и менеджеру, но в советском обществе тоталитарное управление сменилось системой многосторонних согласований. И кино не стало исключением. Чтобы фильм был интересным, востребованным зрителем, чтобы он окупился и выполнял миссию мобилизации, необходимо было достичь баланса интересов творцов и организаторов, интеллигенции и государства.

Сегодня процесс создания гениальных советских фильмов изображается как хождение режиссеров и актеров по мукам цензуры. Но вот в 90–е гг. творцов освободили от государственного гнета, и мы увидели, кто что стоит без сдержек и противовесов Системы, без ее повышенных требований к художнику. Сравните фильмы Э. Рязанова или Л. Гайдая до и после 1991 года. О состоянии киноискусства начала XXI века и не говорю...

Задача цензуры заключалась не только в отслеживании крамолы (советские фильмы наполнены эзоповым языком), но и в поддержании культурных, этических и просветительских стандартов. При этом режим не мог тоталитарно управлять созданием фильма, потому что каждый раз чиновнику приходилось иметь дело со сложным художественным коллективом. Слишком сильно нажмешь – сломается. Наберешь послушных – получится халтура, не интересная «лакировка», которая не привлечет население. Недосмотришь – будет кино «не для всех», которое воздействует на тонкий слой интеллигенции, и скучно для остальных. Согласование превращалось в сложный творческий и политический процесс. Советский кинематограф был многообразен и по качеству, и по идеологической направленности (здесь он шел за литературой, так как питался ее сюжетами), и по «ассортименту» — каждый мог найти в нем «свое».

Нас здесь интересует прежде всего кинематограф как поле борьбы идей. Кинематограф имел большую аудиторию, чем литературные журналы. Власти, вложившись в фильм и получив на выходе крамолу, могли ограничить фильм в прокате, но все же надеялись «отбить» затраченные средства. Реже совсем уж вредный фильм могли «положить на полку». Но, когда во время Перестройки «полочные» фильмы были освобождены из застенка, стало ясно, что это – прежде всего «кино не для всех». Что до «намёков» и опасных параллелей, то их было предостаточно в кассовых фильмах, которые шли и по телевидению.

Уже при Сталине началось наступление кинематографистов, развивавшееся параллельно и в связи с наступлением литераторов. Фильм А. Александрова «Весна» требует разделить труд и досуг, выполнение долга и личную жизнь. Предвосхищая «Оттепель» Эренбурга, Александров предлагает зрителям отвлечься от

выполнения служебных обязанностей. Ведь журчат ручьи, и тает лед, и сердце тает.

Эту линию продолжил фильм Э. Рязанова «Карнавальная ночь» по сценарию Б. Ласкина и В. Полякова (1956), который к тому же стал и острой антибюрократической сатирой. Впрочем, уже не первой в 50–е гг. – вспомним фильм М. Калатозова по сценарию А. Галича «Верные друзья» (1954). Кинематограф развернул наступление и на репрессивную машину, начав в 1956 г. с МВД («Дело Румянцева», режиссер И. Хейфиц, сценарий Хейфица и Ю. Германа), и закончив в 1964 г. госбезопасностью («Председатель» режиссера А. Салтыков по повести Ю. Нагибина).

Сценаристы намекали, режиссер и актеры заостряли.

В «Карнавальная ночи» И. Ильинский изобразил карикатуру на чиновника так, что Хрущев не знал, радоваться или горевать по поводу успеха фильма. В выступлениях Ильинского на эстраде и в театре проводились очевидные аналогии между XIX и XX веками. Хрущев говорил об актере: «Это брюзжащий, оппозиционно настроенный к нам человек, но сдержанный, сдержанная оппозиция, умный, знает: соли да не пересаливай. Он на этой позиции находится. И не он один»^[368].

С такой оппозицией Хрущев был готов мириться. Вожди партии в принципе отдавали себе отчет в том, что деятели кино их недолюбливают. Но золотой век кинематографа и шире – советской культуры, был результатом взаимодействия противоположностей, в том числе идеологических, которые были готовы «не пересаливать» и отодвигать разногласия в сторону ради дела.

В 1958 г. художественный уровень советского кинематографа получил международное подтверждение – шедевр М. Калатозова по сценарию В. Розова «Летят журавли» получил «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля. И это было только начало. В 1959 г. Москва заявила о себе как об одной из кинематографических столиц мира, начав проводить Московский кинофестиваль.

Советские фильмы оставили нам объемный и (в лучших образцах) правдивый портрет советского общества. Кинематограф (рука об руку с литературой) не останавливался и перед самыми «спорными» темами, будь то причины поражений 1941 г. («Живые и мертвые» (1963), режиссер А. Столпер по роману К. Симонова, например), или

«цена» советского атомного проекта (Девять дней одного года (1961), режиссер М. Ромм (сценарий в соавторстве с Д. Храбровицким)). Этот фильм важен еще и в том отношении, так как разворачивает перед зрителем палитру дискуссий, которые интеллигенция ведет о путях к коммунизму, о гуманизме и техническом прогрессе, и даже о «прежних временах».

Поскольку идеологические штабы в 60–е гг. располагались в «толстых журналах», кинематографисты были вовлечены в борьбу литературных лагерей.

Охранители стали покусывать «распоясавшийся» кинематограф. Фильм «Тихий Дон» на заседании комитета по Ленинским премиям называли «кулацким и антисоветским»^[369]. Еще бы – главный положительный герой почти все время воюет против коммунистов и весьма выразительно заявляет им: «А поганая она – твоя власть!» Но фильм гремел по всей стране.

Мэтры советского кино не собирались отмалчиваться и апеллировали к публике, усиливая прогрессистов. Кинорежиссер М. Ромм, создавший такие разные фильмы–эпохи, как «Ленин в Октябре», «Убийство на улице Данте», «Девять дней одного года» и «Обыкновенный фашизм», говорил на встрече с интеллигенцией 27 ноября 1962 г. о нападках критиков–охранителей: «Обвинение было старое и давно известное: в «Девяти днях» герой с ущербинкой, в «Летят журавли» — героиня с ущербинкой, в «Неотправленном письме» – упаднический пессимизм. У Райзмана и герои с моральными изъянами, безнравственность и упадничество. За такие изъяны раньше сурово карали. Сейчас донос остался без ответа. Его просто не прочитали в соответствующих инстанциях, да и этих инстанций уже нет (здесь М. Ромм очень ошибается – А.Ш.). Поэтому ни Калатозов, ни я, ни Райзман не были изгнаны из кино, и это рассердило журнал.

В 10–м и 11–м номерах появились статьи совсем уже страшенькие, с повальным обвинением всех и вся. Только слово «космополит» не было пущено в ход, а в остальном удивительное сходство со статьями пятнадцатилетней давности»^[370].

Интеллигенция очень рассчитывает на поддержку Хрущева: «Иные рассуждают так: «В конце концов, сейчас никого не арестовывают и пока Хрущев жив, не будут арестовывать

(аплодисменты). Это совершенно ясно. Сажать никого не будут, работать не запретят, из Москвы не выгонят и зарплаты не лишат. И вообще больших неприятностей таких, как в те времена, не будет. И Кочетов и компания пусть себе хулиганят. Начальство разберется.

Но ведь такая позиция — это тоже пережиток психологии времени культа. Нельзя, чтобы на террасе нашего дома жгли костер, мы имеем дело с ничтожной группкой, но она распоясалась, она ведет явно не партийную линию, которая резко противоречит установкам нашей партии.

В это дело пока никто не вмешивается. Нам самим предоставлено право разобраться. Об этом неоднократно говорил Н.С. Хрущев: «Разбирайтесь сами».

Так давайте же разберемся в том, что сейчас происходит. Довольно отмалчиваться»^[371].

Представитель прогрессистской элиты не замечает арестов разночинных инакомыслящих, которые были и при Хрущеве (может быть и не знает о них). Для него важнее всего сохранить и расширить уже достигнутый уровень свобод для своего течения – за счет позиций охранителей. Но сколько бы стороны не наносили друг другу удары, сокрушить друг друга они уже не могли, а лишь укреплялись в своей вере.

Некоторые опасения, связанные со сменой правителя в 1964 г., оказались почти напрасными. Табу было наложено на критику «культа личности» (но если уж сняли что-то о репрессиях – фильм все равно выходил и после отставки Хрущева, как, например, «Председатель»). Несколько лет не приветствовалась критика бюрократии. В остальном, сохранив расчищенное ранее пространство идеологической свободы, советское кино стало более детально прорисовывать картину советского общества (острые социальные проблемы поднимались, например, в детективах), двинулось в психологические глубины, далекие от коммунистической идеологии мировоззренческие поиски, в том числе религиозные – вспомним фильмы А. Тарковского, поворот к Достоевскому прежде сверх-ортодоксального И. Пырьева. Были, конечно, и помпезные официозные картины, и халтура (по советским меркам – не по нынешним). Но не они определяли уровень киноискусства.

Не забывали и сатиру. Примеров множество, и смелости нет преград. В фильме по сценарию Л. Брагинского и Э. Рязанова (он же и режиссер) «Гараж» герои, например, позволяют себе утверждать, что в СССР сатиры нет вообще. И тут же нарисован сатирический портрет советского общества. Авторы по сценарию и по зову социального сердца сосредотачивают внимание на интеллигенции, но находят место и для других социальных слоев – торговцев (наиболее ненавидимых авторами, выражающими интересы интеллигенции), мастеровых с крестьянским происхождением, чиновников–интеллектуалов. Сама интеллигенция представлена во всех ее идейных и социальных оттенках – чиновники от науки, мещане–охранители и мещане–бунтари (начинающие протестовать только тогда, когда затрагиваются их материальные интересы), руководители официальных общественных организаций, иронизирующая над советской реальностью «золотая молодежь» и высокостатусные вольнодумцы, слегка напуганные «в прежние времена».

* * *

Кинематограф сам по себе был орудием массового воздействия, а с развитием телевидения воздействие это становилось тотальным. Советское общество вместе со всем миром «развитых стран» переходило от первой половины столетия ко второй – телевизионной. В 1954 г. в СССР было только три студии телевидения (в Москве, Ленинграде и Киеве), а в 1959 г. – уже 67 и 11 ретрансляционных станций. В 1961 г. – уже 93 студии и 21 станция^[372]. С введением в строй Останкинской телебашни в 1967 г. и запусками космических спутников вещание устремилось в каждый дом, а в конце 70–х гг. человек без телевизора был уже «белой вороной».

Если в 50–е гг. телевидение было механическим соединением радио (диктор и говорящие головы выступали перед зрителем) и кино (правда, пока очень малоформатного – через увеличительное стекло), то в 1960 г. ситуация изменилась. В январе 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем развитии советского телевидения», которое придало телепродукции современную форму

телепередач. В соответствии с постановлением были созданы те телевизионные ниши, в которых большинство телепередач, трансформируясь и переименовываясь, живут и в наше время – ведь придумать нечто принципиально новое трудно и за десятилетия. Так возникли «Кинорепортаж о наших днях» и «По родной стране», затем перешедшие в «Эстафету новостей» (с 1968 г. – «Время»), «Кино и время», «История мирового киноискусства», «Творческие портреты актеров и режиссеров кино», «Киноленты прошлых лет», «Хроника киноискусства» (с 1962 г. соединились в «Кинопанораму»), «Кинолетопись истории» (в дальнейшем из нее вышли документальные исторические сериалы), детские передачи — «А ну-ка призадумайся» (затем преобразованная в передачу для малышей «Спокойной ночи, малыши») и «Школьные вести»; молодежные — «Дела комсомольские», «Молодежь хочет знать», «Научные фантасты», «Молодежное кафе» (затем – «На огонек», «Голубой огонек»). Несколько позднее возник «Клуб путешественников», отозвавшийся на романтическую волну увлечения туризмом, охватившую страну. В 1960 г. стали систематически снимать телевизионные постановки (в дальнейшем телефильмы и телеспектакли)^[373].

* * *

Лабораторией кинематографа был театр. Здесь, в более камерной обстановке выращивались актерские кадры, обкатывались пьесы, создавалась школа режиссуры и актерского искусства, дожившая до конца столетия. Театр воспринимал себя в качестве своеобразного штаба происходивших культурных перемен, иногда даже пытался идти по пути социальных экспериментов. В театре «Современник» в конце 50-х – начале 60-х гг. было введено самоуправление коллектива, который перераспределял должности и зарплаты. Актеры подчинялись коллективным решениям, потому что считали это справедливым и демократичным.

Репертуар «Современника» был связан с тематикой прогрессистских журналов. «Современник» в 1956–1964 гг. был

молодежной студией МХАТ, что сказывалось и на идеологии театра. Здесь молодой Табаков в пьесе Розова «В поисках радости» рубил дедовской революционной шашкой мещанскую мебель. По мере взросления режиссера О. Ефремова и актерского коллектива театр двинулся в сторону классики и подальше от юношеского максимализма. Но прогрессистские взгляды сохранились, и театр считался одним из оплотов «либерализма», теперь защищавшего мещанскую приватность и скептицизм.

В 60–е гг. стало возможно и возрождение мейерхольдовской традиции в театре, что и было осуществлено в 1964 г. с созданием Театра драмы и комедии на Таганке. Режиссер театра Ю. Любимов отдавал такую дань символизму, что десятилетием ранее был бы немедленно уволен за формализм. Но «застой» требовал от художника только лояльности, и если театр собирал публику, то есть был «понятен народу», чиновники довольно кивали, глядя, как Таганка издевается над Керенским во славу Великого Октября.

Позднее деятели культуры сочли свое положение достаточно прочным, чтобы позволять себе иногда «идеологические диверсии», призванные радикализовать интеллигенцию. Примером тому был инцидент, произошедший во время посещения московским первым секретарем В. Гришиным театра на Таганке. Начало спектакля «Пристегните ремни» немного задержалось, так как Гришин и Любимов обсуждали работу театра. Дальнейшее Гришин описывает так: «В семь часов я встал и сказал, что мы идем на спектакль. Хозяева нас повели не через дверь, расположенную ближе к сцене, а через дверь в середине зрительного зала, чтобы мы прошли мимо рядов кресел, где сидели зрители. Спектакль начинался так: открытая сцена представляла салон самолета. Пассажиры сидят в креслах. Вылет самолета задерживается, так как опаздывает какое-то «начальство», и вот в это время нас ведут в зрительный зал, и мы оказываемся как бы теми «бюрократами», по вине которых задерживается вылет самолета. Зрительный зал громко смеется, раздаются аплодисменты... Мы просмотрели спектакль до конца. После его окончания зашли в кабинет Ю. Любимова. Он извинялся за происшедшее, говорил, что его подвели и т.п.»^[374]

Такое балансирование на грани диссидентства делало саму эту грань довольно зыбкой. Начав думать «инако», «либералы» начинали

«инако» действовать, «подставлять подножки» своим «благодетелям». Система начинала отторгать «заигравшихся», и они искали опоры в «мировой цивилизации», позволяя себе все большую откровенность во время зарубежных поездок. Часто это заканчивалось лишением советского гражданства. С Ю. Любимовым это случилось в 1984 г., хотя острые публичные конфликты с властями происходили и раньше. В 1977–1978 гг. Любимов подвергся серии нападок в официальной печати. В 1981 г. разразился скандал из-за отказа властей санкционировать спектакль, посвященный памяти Высоцкого. Любимову удалось добиться «разовых» выходов спектакля. Если бы процесс радикализации его позиции происходил медленнее, то уже через год–другой он вместе с другими «шестидесятниками» оказался бы «прорабом Перестройки».

Глава V

Валы и волны (1964–1969)

После падения Хрущева власти некоторое время пытались держаться на равноудаленности от литературных группировок, которые вели свою позиционную войну. Команда Брежнева противопоставляла идеологическому пафосу Хрущева взвешенность и прагматизм политики. От писателей требовалось соблюдение рамок, установленных еще во время встреч Хрущева с интеллигенцией в 1963 г. При этом брежневское партийное руководство стремилось обходить острые идеологические углы, которые разделяли партию – прежде всего тему Сталина. Это была плохая новость для сторонников «мрачной мемуаристики».

Л. Ильичева заменили на более умеренного П. Демичева. Лозунгом дня стало единство, Евтушенко вернули в правление Московской организации СП, а в правление Ленинградской организации избрали Ахматову, что стало символическим преодолением наследия ждановских кампаний 40–х гг.

«Оттепель» закончилась, интеллигенция ждала реакции. Но в ходе сражений 1953–1965 гг. было достигнуто настолько существенное расширение сферы свободы, что вернуться назад было невозможно без массового террора, который никак не входил в планы номенклатуры.

Новое руководство не желало никакой конфронтации, но терпеть дальнейшее расширение позиций и без того окрепших идейных группировок оно не могло. Власть пыталась окружить их защитными валами, в которых интеллигенция завязнет, и лишь редкие отряды самых настырных, взобравшись на вал, будут перебиты или отброшены. И тогда в обществе воцарится долгожданная стабильность и уверенность в завтрашнем дне.

Но волны атакующих продолжали накатываться на валы еще долго.

В конце 1964 – начале 1965 гг. политика нового руководства в отношении интеллигенции еще не определилась, и редакция «Нового мира» считала момент подходящим, «чтобы дать встречный бой или, по меньшей мере, закрепить позицию, пока противники журнала – догматики и сталинисты – примолкли, боясь попасть впросак перед новыми хозяевами Кремля»^[375].

В январском номере 1965 г. «Новый мир» вышла концептуальная статья Твардовского «По случаю юбилея» (исполнилось сорок лет «Новому миру»), в которой он приветствовал дискуссии, подчеркивал огромный интерес, который вызвал «Иван Денисович». Цензура провела относительно умеренные правки, вычеркнув апологию повести Солженицына и острые «наезды» на «Октябрь»^[376]. Лозунгом дня был компромисс, примирение тенденций.

Власти давали понять, что «острые темы», раскалывающие общество, сейчас не нужны. Была задержана уже объявленная на 1966 г. публикация очередных «резонансных» произведений, которые явно вызвали бы новые баталии – «Раковый корпус» А. Солженицына, «Новое назначение» А. Бека и военные дневники К. Симонова. Правда, критике подвергался не только прогрессистский «Новый мир», но и оплот охранителей–сталинистов «Октябрь».

* * *

Стремление властей ко всеобщему примирению сталинисты восприняли как возможность добиться примирения партии и со Сталиным. В год юбилея победы ветераны армии, партии и

государства стали направлять письма в адрес ЦК с просьбой наконец вернуть генералиссимуса в официальный пантеон. Ведь обличение Сталина ставит под сомнение и самую Победу.

Большой резонанс имело письмо скульптора Е. Вучетича, в котором он оспорил само понятие «культ личности Сталина». Были ошибки крупного деятеля – не более.

Сторонники реабилитации Сталина не добились своего, но вплоть до следующего юбилея «вождя» в 1969 г. продолжали пропагандировать чиновников за «восстановление исторической справедливости» и выпускать осторожно–простаалинские произведения, из которых наибольший резонанс имел роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?».

Это шпионско–идеологическое произведение вызвало неудовольствие идеологических руководителей, так как возбудило ненужные волнения и конфликты. Даже центрист А. Сурков критиковал В. Кочетова и за низкое художественное качества произведения, и за попытку затронуть множество политических вопросов. Прогрессистские писатели обвиняли Кочетова в клевете на интеллигенцию. Но главная претензия – будирование сталинской темы. Большинство писателей поддерживает «объективную оценку деятельности Сталина», говорилось в записке МГК в ЦК, но часть опасается, не является ли публикация романа Кочетова подготовкой реабилитации Сталина^[377]. Таким образом «объективную оценку деятельности Сталина» каждая группировка понимала по–своему.

Итог этого противоборства 21 декабря 1969 г. подвела статья в «Правде» о Сталине, выдержанная в осторожных обтекаемых тонах. После этого официальная пресса «закрыла тему» на десять лет, переключившись на помпезное празднование столетия со дня рождения Ленина.

Слухи о предстоящей «ресталинизации» встревожили прогрессистов, и они ответили своей петиционной кампанией против реабилитации Сталина. С этого времени петиционные кампании «подписантов» волнами шли до 1968 г. интеллигенция все время собирала подписи за что–то или против чего–нибудь: от защиты Синявского и Даниэля до протестов против строительства комбината на озере Байкал.

Литературные дела (1964–1966)

Отношение вольномыслящей интеллигенции к новому руководству стало определяться в связи с делом Синявского и Даниэля. «Возможно, обостренная реакция общественности на этот арест была связана с тем напряженным ожиданием перемен – к лучшему или к худшему, которое охватило либеральную интеллигенцию после падения Хрущева»^[378], — считает А. Даниэль.

Эти события, начавшиеся с ареста писателей А. Синявского и Ю. Даниэля в сентябре 1965 г., ускорили и усилили размежевание в общественной среде в середине 60–х гг. Характерно, что это было не первое уголовное дело на литературной почве. В деле Синявского и Даниэля пересеклось множество путей, на которых вольномыслящие литераторы пытались обойти цензуру: публикации за рубежом и в самиздате, борьба за отмену цензуры, уличные выступления молодых поэтов. Но количественный рост литературного вольномыслия перерос в политическое качество потому, что средний слой советского общества почувствовал: у него отнимают уже завоеванный уровень свободы. Сама угроза этого, понимаемая как угроза ресталинизации, вызвала более жесткую, чем раньше, реакцию радикальной интеллигенции – начало уличных действий.

* * *

«Предупредительным выстрелом», прозвучавшим еще на закате «оттепели», стало «дело Бродского». Громы над головами молодых поэтов, разразившиеся в 1963 г., были восприняты местными чиновниками как внятный сигнал «фас». Но привлечь к судебной ответственности известных молодых литераторов были руки коротки, и ленинградское руководство решило отыгаться на молодом даровании, которое еще не успело пробиться. Жертвой пал Иосиф Бродский. В судьбе Бродского сошлись два фактора – во-первых, неудовлетворенность литературных охранителей тем, что «идеологи тунейдцев» вывернулись после кампании 1963 г. и остались в

литературной элите, а во-вторых, стремление судебной машины звучно опробовать закон против тунеядцев, принятый в марте 1963 г.

29 ноября в «Вечернем Ленинграде» вышел фельетон А. Ионина, Я. Лернера, М. Медведева «Окололитературный трутень», посвященный И. Бродскому, который, оказывается, «не только пописывает стишки, перемежая тарабарщину нитьем, пессимизмом, порнографией, но и вынашивает планы предательства». Таким образом, сначала против Бродского выдвигались политические претензии. 8 января 1964 г. в «Вечернем Ленинграде» прозвучал призыв к суду над «тунеядцем» И. Бродским.

13 февраля он был арестован и уже 18 февраля начался суд.

Дело Бродского предвосхитило дело Синявского–Даниэля еще в одном отношении – впервые развернулась широкая кампания протеста в стране и за рубежом. За Бродского заступались А. Ахматова, К. Чуковский, К. Паустовский, С. Маршак, Д. Шостакович. На стороне Бродского были А. Сурков, М. Бажан, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Гамзатов, но это уже не могло переломить ситуацию.

Дело Бродского вызвало взрыв возмущения в писательской среде, где поэт был известен не только удачными стихами, но и как переводчик. Еще более возмутителен был сам факт объявления литературного труда тунеядством только потому, что поэт – не член Союза писателей. Положительные отзывы о работе Бродского уже не могли решить дело в пользу Бродского – после ареста обвиняемого осуждение было predetermined.

Дело Бродского поразило интеллигенцию демонстративным произволом власти, игнорированием юридических норм и мнения специалистов в тех вопросах, где просто «человек из народа» не может разбираться просто из-за отсутствия специального образования. В то время как в защиту Бродского выступали профессиональные переводчики и литературоведы, а документы в его поддержку подписали известные каждому советскому человеку К. Чуковский и С. Маршак, суд выслушивал множество свидетелей обвинения, которые никогда не видели Бродского, судили о нем по выступлениям печати и не разбирались в поэзии. На этом шабаше правосудия вновь неожиданным образом вернулась тема «Доктора Живаго» — уже в противоположной от Пастернака крайности. Если Доктор считал, что эпоха имеет смысл только потому, что привела к созданию его стихов,

то обличитель Бродского, член СП Воеводин, опираясь на «свидетелей обвинения» от станка, подытожил: «Талант измеряется только народным признанием. А этого признания нет и быть не может»^[379].

Как часто бывает (и как было уже с Гинзбургом), Бродскому инкриминировали не то, за что на самом деле судили. Судья и прокурор грубо, не обращая внимание на возражения специалистов, доказывали, что Бродский – тунеядец, бездельник. А претензия к нему была в том, что он печатался в самиздате. Не случайно на процессе то и дело повторяется официально не выдвинутое обвинение – антисоветские стихи. А Бродский, понимая, чем это грозит, каждый раз упорно опровергает: «Это неправда». И тема не получает развития.

В надзорном производстве Прокуратуры СССР по делу И. Бродского имеется следующее заключение: «Насколько правильно составлена стенограмма, судить трудно, но если она правильная, то этот факт лишний раз подтверждает тенденциозность и необъективность рассмотрения дела и скорую расправу с Бродским»^[380].

Власти попали в новый капкан – местная инициатива привела к всесоюзному скандалу. Приговор – пять лет ссылки, в итоге не был исполнен, и Бродского тихо вернули к литературному труду уже в 1965 г. Однако был создан важный прецедент, напоминавший о сталинских временах – уголовное осуждение писателя в связи с его творчеством.

* * *

Ситуация с Синявским и Даниэлем была куда жестче, чем с Бродским, что подтверждало самые мрачные прогнозы, возникшие в среде интеллигенции в связи с переменой правления в стране. Андрей Синявский был арестован 8 сентября 1965 г., Юлий Даниэль – 12 сентября. Арест Синявского и Даниэля выглядел как продолжение давления на литературу, начавшегося уже при Хрущеве. Но инициаторы процесса шли на неизбежный скандал (а после скандала с Пастернаком и Бродским сомневаться в негативных последствиях процесса не приходилось), потому что считали – другого выхода нет. Если писатели начнут свободно печатать свои «измышления» за

границей, режим получит сразу два болезненных удара – Запад сможет сослаться на мнение статусных представителей советской интеллигенции, которые критикуют советскую действительность, а сами литераторы станут и вовсе неуправляемыми: не опубликуете мое произведение, так я отдам его на Запад. Коммунистический режим попытался остановить инакомыслие хотя бы на этом рубеже.

Немецкий литературовед В. Эггелинг комментирует ситуацию: «Если Пастернак с точки зрения догматических сил всегда был «подозрительным» писателем, то «разоблачение» Даниэля и Синявского последовало внезапно. Если Пастернак попытался издать свой роман в Советском Союзе и только натолкнувшись при этом на сопротивление, передал его итальянскому издателю, то двое других годами незаметно посылали свои произведения под псевдонимами на Запад... и при этом продолжали беспрепятственно работать в соответствии со своими «гражданскими» профессиями. Даниэль был переводчиком, Синявский – литературным критиком и литературоведом и регулярно публиковал в «Новом мире» статьи, которые свидетельствовали о его принадлежности к антидогматическому лагерю»^[381].

Если писатель, столкнувшись с критикой в СССР, получал дополнительный бонус для публикации своего произведения на Западе, это вело к потере контроля над творческой интеллигенцией, имевшей выходы за рубеж и даже стимулировало ее неуступчивость (этот эффект независимости проявится потом в деле Солженицына).

Особенно такая конкуренция была неприятна, когда советская литература наконец одержала долгожданную международную победу – Шолохову за роман «Тихий Дон» была присуждена Нобелевская премия. В этом решении была своя ирония – «Тихий Дон» был романом не менее критическим в отношении времен революции, чем «Доктор Живаго», и таким образом скандинавы еще раз напомнили эту неприятную для коммунистического режима аналогию. Но Шолохов был теперь насквозь «свой» писатель, и он отправился за премией как пропагандист социалистического реализма.

Мы, дожившие до XXI века, цивилизованные люди, политкорректно признающие преимущества плюрализма над автократией. И уже поэтому процесс над Синявским и Даниэлем вызывает у нас отторжение и осуждение. Но после торжественной

анафемы в адрес власти, осудившей писателей за их Слово, попробуем наконец разобраться, каковы были мотивы режима, не посадившего и более язвительных А. Галича и В. Войновича, как раз в это время выпустившей за границу В. Тарсиса. Что такого сказали Синявский и Даниэль, что на них обиделись больше, чем на Пастернака и Сахарова, которых с воем критиковали, но в лагерь не отправили.

Г.А. Белая, комментируя события четверть века спустя, пишет: «С первых же заседаний стало ясно, чем обвиняемые вызвали столь резкое раздражение своих первых и на тот момент едва ли не единственных читателей: это была мера, глубина осмысления нашего социального устройства. Синявский и Даниэль критиковали не частные недостатки, не упущения и недочеты, но то, что мы сейчас называем словами Командно–Административная система». При этом Г.А. Белая тут же ссылается на последнее слово Ю. Даниэля на процессе, где он говорит не о сущности режима, а о распространенных в то время опасениях «установления нового культа личности»^[382].

В этом распространенном суждении о процессе Синявского и Даниэля официальным обвинителям приписывается понимание некоей страшной тайны режима, его секретной командно–административной сущности, которую все понимают, но под страхом наказания не должны разглашать. Получается, что каратели писателей внутренне соглашались с жертвами преследования, но возмущались лишь раскрытием тайны.

В одном Г.А. Белая права: писатели пострадали не за то, что им инкриминировалось. Ситуация, характерная не только для тоталитарных и авторитарных режимов. В одних обществах принято подкидывать наркотики и оружие, а в других – обвинения в терроризме (фигурировавшее в виде фантазмагорического предвидения и на процессе Синявского и Даниэля).

Нет, власть не увидела в сочинениях Синявского и Даниэля глубины осознания. Но писатели действительно смогли разбередить рану сталинского прошлого, отождествив сталинский террор со всем коммунистическим проектом и советским обществом. Даниэль в своей фантазмагории «Говорит Москва» фактически утверждает, что убийства могут возобновиться в любой момент – по решению правительства.

Но после XX съезда за это нельзя было посадить. И тогда было принято решение «докопаться». А для этого нужны были литературоведы. И тут выяснилось, что опять интеллигенция расколота, опять наиболее творческая ее часть – не с властью. Ведь власть покусилась на свободу творчества и тем затронула классовый интерес интеллигенции.

Чиновники от литературы, подчиняясь классовому же зову, были всегда готовы. Но качество их критики оставляло желать лучшего. Критик З. Кедрина честно призналась в своей статье, что с трудом пробралась через символы, аллегории и «взаимоперекрестные перевоплощения персонажей» Синявского^[383]. Это было очень трудное чтение для литературоведа. Не мудрено, что в пацифистском произведении Даниэля Кедрина вдруг обнаружила фашистские взгляды автора. Критик Еремин там же усмотрел искомый терроризм. Но «самый гуманный суд в мире» не пошел за литературоведами с их правом на встречные художественные вольности, и сосредоточился на более доказуемом «криминале».

Симпатизирующий Даниэлю Э. Молчанов, участник демонстрации 1965 г., вспоминает о своих впечатлениях от прочтения «Говорит Москва»: «Он поразил меня откровенной ненавистью к «этим»»^[384]. Что уж удивляться, что «эти» прочувствовали откровенную ненависть в свой адрес.

Власть обиделась на то, что было написано между строк, а предъявила в качестве клеветы то, что было написано не всерьез. Власть поняла, что эти писатели выражают ненависть к ней части интеллигенции. Ненависть – это эмоция, ее нельзя уловить и подвести под букву закона. Для буквы закона о клевете требуются слова. Нашлись и слова.

Интеллигенция вступилась за писателей решительнее, чем за Бродского. Собирали подписи в защиту арестованных и впервые за десятилетия – вышли на демонстрацию с требованием гласного суда.

После демонстрации 5 декабря режим уже не мог замалчивать дело Синявского и Даниэля. Официальная кампания, предвосхищавшая решение суда, была развернута в январе 1966 г. по всем правилам – отзывы ученых, отклики читателей, клеймящие «перевертышей» и «двурушников» (уж очень соблазнительно было применить в этой ситуации термин из 30-х гг. – ведь арестованные

писатели действительно писали с разных позиций под псевдонимом и без оного). Это созвучие формулировок не осталось незамеченным прогрессистами.

Другое мнение практически не попадало на страницы официальных изданий, но становилось известным заинтересованным людям – слишком велик был напряженный интерес к делу, и это напряжение растекалось по сети неформального общения интеллигенции.

И здесь проявлялось двоемыслие. На интеллигентских кухнях говорили одно (соглашаясь или нет с читавшейся между строк антикоммунистической позицией авторов), а в инстанции, пытаясь защитить литераторов, писали другое, например: «Никаких попыток ревизии основ советской государственности... что и означало бы антисоветский характер этой литературы, — ничего этого невозможно отыскать в произведениях Терца и Аржака (псевдонимы Синявского и Даниэля – А.Ш.) при всем желании»^[385], – утверждал математик Ю. Левин в письме в редакцию «Известий». Верил ли автор в то, что писал? Но власть в это безусловно не верила.

У охранителей, взявшихся выполнить госзаказ и «заклеймить», были и свои претензии к либеральным писателям. За использованием методов критического реализма они видели угрозу явления, которое в 90–е гг. получило название «чернухи» и буквально обрушило своим потоком уровень отечественной культуры. Д. Еремин возмущался со страниц «Известий», обличая Синявского и Даниэля: «Оба выплескивают на бумагу все самое гнусное, самое грязное... Если девушка – секретарь в редакции газеты, то «девчонка, доступная любому корректору»»^[386]. А З. Кедрина, возмущаясь нападками на советскую жизнь, осмелилась под шумок и заступиться за Евангелие, спародированное Синявским («и божественное евангелие не оставил без внимания расторопный автор»).

Защитники Синявского и Даниэля, среди которых были видные писатели К. Чуковский, И. Эренбург, В. Шкловский, В. Каверин, М. Шатров, физик А. Гинзбург и десятки представителей советской интеллигенции (многие – весьма статусные), доказывали абсурдность суда над заведомым абсурдом, над фантасмагорией. Но коммунистические идеологи хорошо помнили историю освободительного движения в Российской империи и знали, что такое

эзопов язык. Они прочитали намеки правильно. Осудить за намеки нельзя, но можно показать, что есть вещи, к которым фантасмогория не применима. Тем более, что и сами писатели, и Л. Копелев, защищая арестованных писателей, назвал их произведения фантастическими^[387]. А фантастика – это не абсурд, а прогноз.

В повести «Говорит Москва» Даниэль прогнозирует, что однажды возможен «день открытых убийств». И где!? Если бы писатель выбрал для действия какую-то абстрактную страну Лимонию, его могли бы напечатать издательство «Молодая гвардия». А тут – все чин чинком, указ Президиума Верховного Совета СССР. И дата 1960 г. звучит просто как прикрытое слова: «сегодня». О том же, но менее определенно, писали и другие: «Твой поезд уходит в Освенцим – сегодня и ежедневно». Арест двоих – предупреждение всем. И подтверждение опасностей.

Надо сказать, что в фантастической повести оказалось и несколько вполне удачных прогнозов, пророческая сила которых стала ясна только во время Перестройки и позднее. Даниэль пишет от том, как влиятельные фигуры нанимают охрану из криминальных кругов (слово «крыша» тогда не было распространено), в Средней Азии и на Кавказе разворачивается резня (отдельно упомянут даже Нагорный Карабах), а Прибалтика, напротив, игнорирует «день открытых убийств», избрав ненасильственный способ протеста против Центра.

Защитники писателей апеллировали к прецедентам – и до этого писатели обходили цензуру, направляя свои произведения за границу (одно дело Пастернака чего стоит), и до этого использовали для критики недостатков фантастические гиперболы. И за это (именно за это) не привлекались к уголовной ответственности. Но власть тоже помнила юность боевую, когда, обижаясь на что-нибудь, могла привлечь за терроризм или заговор – как Пильняка, Бабея и Мейерхольда. Статью находят сообразно времени.

Также защитники писателей напоминали, что нельзя отождествлять автора с героем (и тем добивались самого права озвучивать сокровенные мысли устами героев). Вопреки абсурдности такого отождествления, суд проявил непреклонность – здесь сдавать позиции было нельзя. Государство сочло клеветой само изображение многоголосых противников режима, с которыми автор не ассоциирует себя прямо, но которым дает слово на своей трибуне. Государство не

дает им слово, а он нарушает монополию, транслирует возмутительные взгляды. Значит – распространяет.

* * *

Но Синявский «подставился» серьезнее, написав одну вещь – «Что такое социалистический реализм» — от собственного имени, не прикрывшись художественным персонажем. И вот это деяние прямо подпадало под статью.

Под видом иронической литературоведческой статьи А. Синявский написал памфлет, в котором ряд положений был прямо заточен против основ коммунистической идеологии. И вот это, помимо всего содержания художественных сочинений, является составом преступления в любом авторитарном государстве – хоть с религиозной идеологией, хоть со светской, хоть с коммунистической, хоть с антикоммунистической.

Страдание, которое претерпел А. Синявский, накладывает на его трактат печать истинности. Тень уголовного дела останавливает разбор аргументов Синявского по существу. Вроде бы этим мы подтверждаем наличие у него самостоятельной политической позиции, а значит – оправданность обвинения. Но на дворе – новый век, в стране – новые «дела». Так что можно уже в чем-то не согласиться даже с тем, кто был гоним, не оправдывая при этом его гонителей.

Синявский прямо и от своего имени называет коммунизм верой, религией, которая чужда веротерпимости и историзму^[388]. Это было также рискованно, как в Испании того времени сравнивать христианство с коммунизмом, или в США начала 50-х гг. рассуждать о том, что коммунизм ничем не хуже веры в Бога.

Еще большее возмущение власти, критиков и судей вызвали такие строки, написанные Синявским от первого лица и не имевшие непосредственного отношения к литературе: «Чтобы труд стал отдыхом и удовольствием, мы ввели каторжные работы. Чтобы не пролилось больше ни единой капли крови, мы убивали, убивали, убивали»^[389].

Это была уже не ирония, а обидная полуправда. А полуправда в авторитарном государстве может быть составом преступления.

Синявский совершенно прав, когда считает, что в «Говорит Москва» Даниэль «кричит одно слово – «Не убей!»^[390] Нельзя не согласиться (обличители не могли согласиться – но это скорее по должности). Но кому он это кричит? Советскому государству, которое убивает, убивает, убивает? Власть тоже гордится своим миролюбием, отказом от сталинского террора и борьбой за мир. А ее окунают едва обретенным «человеческим лицом» в кровавое прошлое.

Убивали? Да, но не только. Еще что-то возводили. Убивали? Но кого и почему. Убивали нацистов под Москвой. Для того, чтобы не пролилось потом новых рек крови. Ввели каторжные работы? О, да. Но не только их ввели, но и пенсионное обеспечение, например. Однако если упомянуть эту «прозу жизни», фрагмент памфлета потеряет свою смелую хлесткость и обличительность. В авторитарном обществе нужно платить за смелость, за свое право бросить в лицо режиму обидную для него часть правды. Эта плата – обвинение в клевете за хлесткую однобокость.

Синявский ставит в основу своего анализа утверждение о телеологичности советского общества (обратим внимание – не только литературы^[391]. Но телеологичность присуща не только коммунистической идеологии, но и рациональному разуму. И западные общества, приверженные прогрессу, тоже телеологичны. Синявский ставит социалистическую целесообразность в один ряд с Богом религии и Свободой индивидуализма^[392]. Это сравнение, которое сейчас может оцениваться как комплимент, для самодовольного коммунистического официоза было оскорбительно. Тем более, что далее Синявский проводит аналогии, признаться, довольно упрощенные, между коммунизмом и раем на земле. Получается, что коммунизм – это такая же религия, такой же «опиум для народа», как и «выдумки попов».

Эти сравнения были обидны тогда, но они звучат апологией сейчас. Действительно, социалистическая идея, хоть и не привела к возникновению социализма в советском обществе, породила советскую культуру – как Евангелие породило христианскую культуру, включающую взлеты духа, и костры инквизиции^[393].

Но Синявский не может удержаться на вершине этой премудрой аналогии. Иронический бесенок заставляет его сбрасывать идолов с высоты, и он атакует коммунистическую цель, которая продолжает «толкать нас вперед и вперед – неизвестно куда»^[394].

А если кто-то не хочет верить в коммунистические идеи, «может сидеть в тюрьме, которая ничем не хуже ада»^[395] (это опять сравнение с христианством). Да, что уж удивляться аресту.

В пылу сражения ни власть, ни либеральная интеллигенция не заметили, что писатели напали не только на советское общество в целом, но и на такую его часть, как оппозиционно настроенная интеллигенция. В «Ты и я» Синявский бичует манию преследования, когда человек уже в современные времена ждет, что за ним вот-вот «придут». В повести Даниэля «Искупление» именно либеральная общественность доводит до сумасшествия человека, заподозренного в том, что при Сталине он «застучал» знакомого.

* * *

Суд проходил 10–14 февраля 1966 г. На процессе цитаты из произведений Синявского и Даниэля выдергивались из контекста, искажались.

В последнем слове подсудимые не каялись, а защищались. Они были возмущены тем, что их аргументы не опровергаются, а игнорируются. И в этом был переходный характер процесса – между тоталитарным открытым процессом с признаниями и покаяниями и судом, где стороны действительно равны в правах (если такое возможно в России).

Выяснилось, что режим разучился делать судебные постановки. Сталинский режим прорабатывал все детали, выводя на процесс только тех, кто готов каяться. Западная судебная машина, если это нужно сделать, может опутать подсудимого такой юридической сетью, в которой он беспомощно барахтается, словно муха в липких тенетах. А советская политическая фемида 60–х гг. была примитивна и груба. При свете гласности ее противники выглядели героями – как народники прошлого века. И вызывали широкое сочувствие всех, кто

имел возможность приобщиться к распространяемой самиздатом страшной тайне – материалам процесса.

Даниэль суммировал аргументы защиты:

1. Нельзя приписывать мысли героя автору.
2. Нельзя вырывать цитаты из контекста.
3. Нельзя расценивать критику конкретных явлений как критику советского строя, выдавать «критику пяти лет за критику пятидесяти лет»^[396].

Мы видели, что эти аргументы сокрушают значительную часть доводов обвинителей, но не все.

Даниэль признал вину в том, что отправил сочинения за границу, что позволило использовать их в борьбе против СССР. Это действительно было одной из важнейших причин процесса, но не было наказуемо уголовно. Позднее, узнав о кампании клеветы в их адрес, Даниэль взял назад это признание^[397].

В последнем слове А. Синявский говорил: «я другой. Но я не отношу себя к врагам, я советский человек...»^[398] Государство столкнулось с тем, что после ухода досоветского поколения Пастернака, выросло новое поколение советских некоммунистов, других. Можно было посадить двух из них, а их были тьмы и тьмы. Их было бессмысленно выжигать каленым железом – это не получилось и у Сталина – ведь Синявский написал свою статью о социалистическом реализме всего через четыре года после смерти Вождя. Советских некоммунистов можно было только интегрировать в Систему, что неизбежно вело к дальнейшим ее изменениям. И это был один из уроков дела Синявского и Даниэля. Отсюда – последующая терпимость даже к диссидентам, допуская куда больше, чем Синявский и Даниэль.

Поведение обвиняемых произвело большое впечатление. Как отметил В. Шаламов, впервые с 1922 г. на открытом процессе обвиняемые «не признавали себя виновными и приняли приговор как настоящие люди»^[399].

В любом случае наказание оказалось жестким и воспринималось как практически сталинское – 7 и 5 лет лагеря. Однако даже при Хрущеве оно могло оказаться и более суровым – ведь по крайней мере Синявский покусился на самую коммунистическую идею.

В итоге дела Синявского и Даниэля режим проиграл по всем статьям.

1. Закончилась неудачей проводившаяся в 1965 г. политика относительной терпимости к творческой интеллигенции. Между бюрократией и творческой интеллигенцией стал расти зазор, и испуга 1966 г. шестидесятники не простили режиму до самой Перестройки. Развернулось движение «подписантов», то есть людей, подписывавших письма в защиту арестованных и осужденных, а также направленное против «ресталинизации».

2. Консолидировалась радикальная часть интеллигенции, по существу родилось диссидентское движение, которое нельзя было быстро подавить, поскольку сохранялось табу на массовые репрессии.

3. Репутация СССР на Западе была еще сильнее подмочена, настолько, что западные коммунисты должны были в этом вопросе громко отмежеваться от СССР, чтобы не терять очки в собственной стране (и это был новый важный этап в расползании в разные стороны коммунистического движения, в генезисе еврокоммунизма). Особенной пощечиной стало то, что мнение западных коммунистов выразил старый друг Советского Союза Луи Арагон: если «лишать свободы за содержание романа или сказки – это значит превращать заблуждение в преступление, создавать прецедент более опасный для интересов социализма, чем могли бы быть опасными сочинения Синявского и Даниэля...»^[400]

И скандал получился первостатейный, и общественное движение вышло на новый уровень, и советские писатели продолжали передавать свои произведения на Запад (иногда ссылаясь на то, что «само утекло» через самиздат). Но одно завоевание осталось за режимом: отныне нельзя было одновременно «клеветать на строй» за рубежами и сохранять статус в стране. Здесь процессом Синявского и Даниэля была проведена жирная разделительная линия. В 1967–1970 гг. это почувствуют и Солженицын, и даже Твардовский. Нужно будет выбирать.

Брежневское руководство учло итоги процесса и впредь было гораздо осторожнее с оппозиционно настроенной интеллигенцией и особенно с писателями (что сказалось в первую очередь на судьбе Солженицына). Процесс Синявского и Даниэля не только стал импульсом к образованию диссидентского движения, но и

способствовал сдержанности власти в отношении инакомыслия. Обжегшись на молоке, она дула на кашу, которая на нем заварилась.

Возмутитель спокойствия

Дело Синявского и Даниэля стало «громоотводом» для другого возмутителя литературного спокойствия, куда более радикального – А. Солженицына. Если с осужденными писателями власти просчитались, надеясь обыграть это дело в свою пользу, то с Солженицыным и иллюзий не было. И человек известный, и настроен непримиримо. Так что процесс над ним может стать скандалом, по сравнению с которым дело писателей покажется прелюдией. Брежневское руководство вовсе не собиралось уподобляться сталинскому и следовало правилу – не сажать известных людей. Даже в отношении инакомыслия действовал номенклатурный принцип.

Переход Солженицына в открытую оппозицию режиму ускорился после того, как 11 сентября 1965 г. у пенсионера В. Теуша и его друга И. Зильберберга были проведены обыски и изъят архив Солженицына, который он прятал у них. Там была и рукопись романа «В круге первом». В октябре 1965 г. руководству СССР стало известно, что Солженицын передал свои резко-критические произведения за границу и велел печатать их в случае своей смерти либо, ареста сразу все, или постепенно в случае ужесточения кампании против него. Таким образом, режим должен был либо вести себя осторожнее, либо получить больший скандал, чем дело Синявского–Даниэля. Эта угроза воздействовала на Кремль сильнее, чем само содержание «Шарашки» («В круге первом»), которую Солженицын считал настоящей «бомбой». Но настоящей «бомбой» станет только «Архипелаг ГУЛАГ», который тогда еще не был написан. А шантаж власти нужен был Солженицыну именно для того, чтобы написать «Архипелаг», завершение работы над которым было запланировано писателем на 1972–1975 гг. «Наступит время, я дам одновременный и страшный залп»^[401].

Политбюро знало об этих планах, но в создавшейся обстановке решило нанести по Солженицыну ассиметричный удар. В архиве,

конфискованном у Теуша, хранился черновик ранней пьесы Солженицына «Пир победителей», где резко критически показана Красная армия во время войны. Это был отличный материал для идеологической проработки писателя, после которой он должен был либо покаяться (что подорвало бы его авторитет), либо быть отлучен от СП, что лишало его статуса и, как казалось, также должно было привести к падению влияния.

Произведения из архива Солженицына позволили властям заставить умеренных реформистов отмежеваться от смутьяна и таким образом внести раскол в лагерь «прогрессивной интеллигенции». К. Симонов, отмежевываясь от Солженицына, обвинил его в «неверии во внутреннюю здоровую основу нашего общества, которая присутствовала в нем всегда, в том числе и в такие тягчайшие периоды его развития, как последние годы жизни Сталина»^[402] (речь идет о «В круге первом»). Если прежние отмежевания Симонова от более радикальных коллег (как в случае с Дудинцевым) носили тактический характер, то теперь действительно было зафиксировано серьезное идеологическое разногласие.

Итак, враг разоблачен, он находится под прицелом идеологических орудий, материал подготовлен...

Но тут получило огласку дело Синявского и Даниэля, и с Солженицыным решили подождать. Две такие кампании, когда и одна из них идет неудачно, было слишком. Солженицын воспрял духом (его произведения в руках врага, а враг бездействует) и продолжил пробивать публикацию «Ракового корпуса». Понимая, что «Новый мир» находится «под колпаком», писатель обратился к менее идеологически значимым изданиям и договорился о публикации глав из «Ракового корпуса» в журнале «Советская женщина». Журнал был польщен такой возможностью напечатать новую вещь знаменитого писателя, в главах не было чего-то вызывающего... КГБ отследило и остановило эту акцию, когда текст уже готовился к публикации.

Партком Курчатовского института пригласил Солженицына читать его роман^[403]. Партия уже давно не была проводником только решений партийно-государственного руководства. Ее структуры и актив стали проводниками самых разных интересов, в том числе – стремления элитарной интеллигенции получить доступ к литературным запретным плодам. Верхи могли приструнить расшавившихся партийных

товарищей, но они уже не могли отследить все стороны жизни даже партийного актива, который тоже завоевывал свои сферы свободы явочным порядком.

* * *

Солженицын понимал, что затишье не будет длиться до бесконечности, и готовил свою атаку. Хорошим поводом стал очередной съезд Союза писателей. Он ожидался как самый скучный в истории Союза.

Если при Хрущеве было принято уравнивать мнения, давая слово ораторам разных лагерей, то на IV съезде советских писателей в 1967 г. царил ортодоксальный центризм. Дискуссия уходила с официальных трибун, перемещаясь в самиздат. Возмутителем спокойствия стал Солженицын.

16 мая Солженицын разослал письмо IV съезду Союза писателей. Он предлагал съезду обсудить «то нетерпимое дальше угнетение, которому наша художественная литература из десятилетия в десятилетие подвергается со стороны цензуры и с которым Союз писателей не может мириться впредь»^[404]. Солженицын обвинял цензуру в том, что она присваивает себе права самого Времени – отбирать достойное от недостойного. Цензуру следует отменить.

Удар был рассчитан точно – большинство писателей серьезно страдали от цензуры, разговоры о необходимости ее отмены или ограничения ходили давно. Но отказ государства от контроля над содержанием означал и отказ писателя от государственного финансирования литературы. Но об этом речи не шло.

Солженицын воспользовался случаем, чтобы дать ответ своим хулителям во время замороженной кампании, вызванной конфискацией его архива. Здесь Солженицын удачно опередил режим. Он сообщил писателям, что у него без суда и следствия отняли рукопись романа, что его дали читать избранным чиновникам и литераторам, а от остальных скрывают. Такой произвол не мог понравиться писателям.

Писатель заранее оправдался за «Пир победителей» — «давно покинутая», а теперь используемая для дискредитации автора рукопись. Зато «Раковый корпус», кстати одобренный московской писательской организацией, и другие приемлемые для власти произведения, не публикуются.

Одним выстрелом Солженицын набил полный мешок зайцев. Во-первых, он вызвал сочувствие значительной части писателей, которые также были мучимы цензурой. Дело Синявского–Даниэля поставило цензуру в центр общественной борьбы, и теперь против нее сформировался широкий фронт, который гласно и легально проявился на съезде писателей. Впервые там полуофициально обсуждался политический вопрос.

Во-вторых, Солженицын поставил вопрос о том, что СП должен играть роль профсоюза, защитника писателей от произвола чиновников. Это «классовое требование» интеллигенции в ее противостоянии чиновникам также было соблазнительно. Таким образом и здесь Солженицын оказывался не отщепенцем, и идеологическим лидером писателей.

В-третьих, Солженицын упредил кампанию против него, заранее опровергнув некоторые, даже и справедливые упреки в его адрес. «Пир победителей» клеветает на армию и защищает власовцев? Но эта пьеса в стихах не отражает нынешних взглядов автора и не предлагалась им для публикации. Роман «В Круге первом» антикоммунистический? Но чтобы делать выводы – нужно сначала прочесть. Роман стал запретным плодом, и получить к нему доступ стало теперь особой тягой литературной общественности.

В-четвертых, Солженицын выступил в защиту неофициальных форм публикации произведений – самиздат и выступления перед читателями. В самиздат Солженицын и запустил «Раковый корпус», угрожая, что произведение может помимо воли писателя появиться за границей (этим снималась ответственность по обвинению в сознательной пересылке произведения за кордон, но требование публикации подкреплялось угрозой – не напечатаете вы, опубликует Запад).

В-пятых, Солженицын напомнил писателям, что их одобрение его произведения – ничего не значит. Это лишь первый фильтр в целой

цепочке. Там застрял «Раковый корпус», но там застревают и многие ваши произведения.

Солженицын удачно уловил классовые интересы творческой интеллигенции и на некоторое время стал ее вождем. Теперь нападение на Солженицына воспринималось в рядах прогрессистов как нападение на себя. Соответственно, лобовая атака на Солженицына только укрепляла его авторитет.

Письмо было прочитано и неявно поддержано. В некоторых речах на съезде (К. Симонова, О. Гончара и даже прежде консервативного А. Суркова) содержалась явная переключка с письмом Солженицына. В президиум поступило предложение обсудить письмо Солженицына, подписанное несколькими десятками писателей, включая Паустовского, Каверина, Тендрякова, Трифонова, Аксенова, Быкова и др. Цензура претила писателям независимо от их идеологических различий^[405]. Твардовский, формально осудив форму письма Солженицына, назвал его содержание неопровержимым. «Солженицын заслонил собой пустопорожнее словоговорение на съезде»^[406].

Власть оказалась в трудном положении – начинать кампанию против Солженицына в таких условиях было затруднительно, но и бездействовать уже было нельзя. Для начала решились исключить Солженицына из Союза писателей, но без лишнего шума – благо он числился в Рязанской организации СП.

Бюрократическая машина действовала неторопливо, и Солженицын сохранял за собой инициативу. 12 сентября 1967 г. он направил в секретариат СП требование о публикации «Ракового корпуса» и настоял на встрече с секретарями. «Пропесочивание» Солженицына руками писателей соответствовало установкам Политбюро. Бой был дан 22 сентября на заседании секретариата СП под председательством К. Федина. Он потребовал дать оценку общественному поведению Солженицына. Центром атаки охранителей стал «Пир победителей», от которого Солженицын тут же отмежевался и предложил больше к этому произведению не возвращаться. Но критики не хотели отдавать такой сильный козырь, как поправление памяти героев войны. А. Сурков и Б. Рюриков стали представлять «Пир» концентрированным выражением более поздних идей и главное – «злобы» Солженицына на советский строй. После эмиграции

Солженицына, когда он перестал скрывать свои взгляды, стало очевидно, что критики оказались правы в своих предположениях.

Но в этот момент руководство СП еще искало возможности для компромисса. К. Федин выдвинул свои условия мира: «чтобы Солженицын выступил в печати с достойным отпором его зарубежным «защитникам», показав тем самым, что он, Солженицын, не отделяет себя от советского общества и советской литературы». Фадеев таким образом выразил официальное представление о рамках допустимого плюрализма: человек может быть даже антикоммунистом (что в случае с Солженицыным было доказанным фактом), но он должен уважать интересы советского государства и из патриотических соображений согласовывать с ним свои действия, не сотрудничать с внешнеполитическим противником.

Солженицын относился к Западу скептически и считал зарубежную общественность лишь тактическим союзником. Сначала он попытался уйти от прямого ответа, отговариваясь тем, что мнение Запада не должно играть для нас решающей роли. Солженицын не отрицал возможность такого заявления принципиально, но он уже не мог просто уступить, ответил встречными условиями: выполнить хотя бы половину его требований, выдвинутых в письме к съезду.

В этот момент важны были не сами уступки, а прецедент. Вернуть ему рукописи еще было можно. Даже публикация «Ракового корпуса» могла быть знаком примирения. За это выступили А. Твардовский, К. Симонов и А. Салынский. Но делать уступки Солженицыну руководство СП не было уполномочено и предпочло возмутиться – он еще и условия ставит! Члены секретариата продолжили возмущенное обсуждение сочинений Солженицына, возможность договориться была упущена.

Секретариат СП ультимативно потребовал от Солженицына дать ответ буржуазной пропаганде, использующей его имя в антисоветских целях, а если он этого не сделает – поставить вопрос об исключении из Союза писателей^[407].

Однако переговоры на этом не закончились, потому что за спиной Солженицына сохранялась поддержка прогрессистов. Твардовский заявил, что «Раковый корпус» готов к печати в «Новом мире». Солженицын также дал понять, что готов в случае публикации пойти на редакционные уступки^[408]. Твардовский пытался убедить Федина

поддержать публикацию и сохранить таким образом талантливого писателя для советской литературы: «Не хватает нам еще повторения истории с Пастернаком»^[409]. Как в воду глядел.

Соппротивление Твардовского, а затем внешнеполитические проблемы и связанные с ними скандалы задержали исключение Солженицына из СП.

А пока Солженицын приблизился к уникальной для Советского Союза позиции, которой прежде добился разве что В. Тарсис (См. Глава IX). Но Тарсис уехал, и теперь только Солженицын стал, по его собственному выражению, «идеологически экстерриториален»^[410].

К. Чуковский, пообщавшись с Солженицыным, который некоторое время жил на его даче, вынес такое впечатление: «Его не интересует литература как таковая, он видит в ней только средство протеста против враждебных сил. Вообще он очень целеустремлен и не оглядывается по сторонам»^[411]. Несмотря на идеологические и интеллектуальные различия, Солженицын в это время был психологически близок к главному объекту своей критики – Ленину.

Момент для исключения Солженицына из рязанского отделения СП сочли подходящим 4 ноября 1969 г. Против исключения Солженицына выступил Твардовский, при голосовании в правлении СП РСФСР, где утверждалось «рязанское» решение, воздержался секретарь правления Д. Гранин, за Солженицына заступались Г. Бакланов, Б. Окуджава, В. Тендряков, Б. Можаяев и др.

Исключив А. Солженицына из СП, власти, не ведая того, открыли ему путь к новой вершине. В 1970 г. опальному писателю была присуждена Нобелевская премия по литературе. Теперь «идеологическая экстерриториальность» получила опору, которую не давала бы и Ленинская премия.

Писатель связывал с премией большие надежды: «Вот когда я смогу как бы на равных поговорить с правительством. Ничего тут зазорного нет: я приобрел позицию силы – и поговорю с нее. Ничего не уступлю сам, но предложу уступить им»^[412].

Идеологическая неопределенность второй половины 60-х гг. позволила историкам поставить под сомнение несколько важных официальных догм. Организационной базой исторического «ревизионизма» стал избранный в ноябре 1965 г. парткомом Института истории во главе с В. Даниловым и созданный в 1964 г. сектор методологии института во главе с М. Гефтером.

19 февраля 1966 г. Данилов выступил на закрытом собрании с «докладом» «Советская историческая наука и задачи парторганизации Института истории», который был подготовлен «ревизионистским» крылом парткома.

Доклад требовал допуска историков в архивы советского периода, отказа от замалчивания спорных фигур истории большевизма, демократизации администрации Института, расширения прав Ученых советов, ограничения некомпетентной цензуры.

16 февраля 1966 г. в Отделе истории Отечественной войны Института марксизма–ленинизма состоялось публичное обсуждение новой популярной книги члена парткома А. Некрича «1941. 22 июня».

Это обсуждение стало сенсационным. Собралось более 200 человек. Оппонировать Некричу взялся коллектив редакции первого тома «Истории Великой Отечественной войны» во главе с военным историком профессором Г. Дебориным. Но не «гонимый» Некрич, а охранители чувствовали себя обороняющейся стороной.

Деборин был осторожен и академичен: «Основное критическое замечание, которое потом будет детализировано, заключается в том, что конечные выводы автора, продуманные и правильные, редко находятся в противоречии с тем, что говорится ранее. В этом смысле в книжке имеются элементы внутренней противоречивости»^[413]. Деборин не соглашался, что «все дело только в личности Сталина»^[414], и в этом конечно был прав. Раз он оправдывал Сталина, то вызывал недовольный гул в зале со стороны антисталинистов. Но и сам Некрич соглашался, что кроме Сталина в трагедии 22 июня виноват, как минимум, высший командный состав.

Эта тема позволила антисталинистам перейти от спора о военном искусстве к теме избияния командных кадров в 1937 г. Председательствующему приходилось то и дело напоминать собравшимся, что речь идет не о культе личности, а о книге Некрича (хотя отделить тему 22 июня от фигуры Сталина вряд ли было

возможно). В итоге обсуждение, на котором предполагалось пожурить Некрича за неточности и перехлесты, вылилось в звучную антисталинистскую манифестацию.

После этого заключительное слово А. Некрича выглядело вполне центристским: «Прежде всего я считаю своим долгом сказать, что обсуждение, которое устроил Отдел истории Великой Отечественной войны Института марксизма–ленинизма, представляет собой подлинную научную дискуссию, когда каждый мог выступить со своей точкой зрения. И того накала страстей, к которому мы пришли в конце заседания, я думаю, могло бы и не быть»^[415]. Однако вывод историка звучал предупреждением: «Там, где неограниченная власть, там могут быть неограниченные ошибки»^[416].

А. Некрич был триумфатором, но охранители готовились к реваншу. В конце 1966 г. на перевыборах парткома заместитель директора Института истории назвал книгу А. Некрича «порочной, вреднейшей, антипартийной».

В 1967 г. в «Вопросах истории» (№ 9) вышла статья Б.С. Тельпуховского и Г.А. Деборина «В идейном плену у фальсификаторов истории». В «большой прессе» Некрича критиковали, зато самиздат его защищал. Стенограмма дискуссии 16 февраля расходилась по сети.

Колоритным участником обсуждения темы 1941 г. был генерал П. Григоренко, недавно освобожденный из психиатрической больницы, куда был помещен за создание подпольного Союза борьбы за возрождение ленинизма. Генерал ответил на статью в «Вопросах истории» гневным антисталинским письмом, которое разошлось в самиздате и имело большой успех, поскольку Григоренко был военным специалистом. Он доказывал, что в катастрофе 22 июня виноват именно Сталин и организованные им репрессии. Часть ответственности Григоренко возложил и на Жукова, покусившись таким образом на святая святых охранителей, которым нужно было подкрепить какой–то фигурой пантеон, пошатнувшийся после разоблачения Сталина.

Борьба велась и на методологическом фронте. 4 октября 1966 г. сектор методологии института истории обсуждал доклад Я. Драбкина «Нерешенные проблемы изучения социальных революций». Автор доклада вспоминает: «Догматики, каких в Институте истории и в других учреждениях было хоть пруд пруди, уже в самой постановке

вопроса узрели если не крамолу, то, по меньшей мере, дерзость. Что же еще могло быть «нерешенным» в революциях, расписанных самими классиками и проштампованных во многих документах компартий и Коминтерна?» В действительности «классики» не оставили систематизированного учения о революции, употребляли множество терминов, которые еще нужно согласовать между собой. А это значит, что еще одна опора марксизма упирается не в фундамент, а в зыбучие пески.

Я. Драбкин продолжал ставить «нерешенные вопросы», наводившие на мрачные размышления о советском опыте: «Рассмотрение роли революций в историческом процессе было в докладе ограничено тремя вопросами:

1. Возможны ли смены так называемых социально-экономических формаций (в шутку прозванных «пятичленкой») без кровавых революций? Примеров тому было немало, но мешала жесткая догма о некоем «законе перехода». 2. Способны ли реформы и особенно «революции сверху», при некоторых условиях, зависящих, прежде всего от характера государства и его действий, мирно и постепенно решить назревшие задачи революций? 3. Еще сложнее представлялась мало разработанная и часто игнорируемая историками проблема «издержек» и «цены» революции». Вывод: «Разумеется, даже самое тщательное изучение ленинского наследия, в том числе ленинской концепции мировой революции, не дает нам готовых рецептов для решения сложнейших проблем революционного процесса современности»^[417]. А раз нет готовых рецептов, нужно их выработать самим. Явный ревизионизм. И ничего – обсудили, высказали широкий спектр коммунистических мнений.

Охранители перешли в контрнаступление, когда методологи попытались опубликовать свои доклады. «Осенью 1969 г., почти через три года после обсуждения моего доклада о «нерешенных проблемах», его текст, проутюженный вместе с другими материалами цензурой, был вместе с дискуссией опубликован в академическом сборнике, изданном тиражом в 4.600. экземпляров... В газете «Советская Россия» в феврале 1970 г. была опубликована малограмотная, но хлесткая заказная погромно-разгромная статья трех авторов из Высшей партийной школы «Под видом научного поиска». Она была целиком построена на прямых передержках и искажениях мыслей

десятка специально «отобранных» для дискредитации авторов сборника, как неких «новых ревизионистов»»^[418].

Но применить к строптивым историкам какие-то оргмеры было нельзя, потому что их прикрывал «даниловский партком». Райком требовал не выбирать снова Данилова секретарем. «Мы, разумеется, такой ультиматум принять не могли, и «Даниловский партком» продолжал действовать, испытывая нараставшее давление», — вспоминает Я.С. Драбкин.

28 июня 1967 г. Некрич в обход партийной организации был исключен из КПСС «за преднамеренное извращение политики» партии и правительства. А в августе 1968 г., сразу же после интервенции в Чехословакию единый Институт истории АН СССР был разделен на две части — Институт истории СССР и Институт всеобщей истории, чтобы распустить строптивый партком. Так сомкнулись международные и внутренние события, общие «обвалы» и частные»^[419].

Однако разделение институтов не остановило «ревизию истории» сразу. В Институте истории СССР развернулась дискуссия об уровне развития России и предпосылках революции 1917 г. В конце 60-х гг. группа историков (П. Волобуев, К. Тарновский и др.) вернулись к старому спору народников и марксистов об уровне развития капитализма в России. Официальная точка зрения, которую поддерживали А. Сидоров, И. Бовыкин, В. Лаверычев^[420], утверждала, что Россия накануне революции была среднеразвитой страной, практически равновеликой другим мировым державам. В подтверждение писалось об уровне концентрации капиталов, о многочисленном и боевом пролетариате (правда в его ряды записывали и полупролетарские слои), о темпах развития. «Новое направление» упирало на отсталость сельского хозяйства, немногочисленность сформировавшегося пролетариата, многоукладность даже тех регионов, которые считались промышленными. В мае 1969 г. историки «нового направления» разобрали предреволюционную экономику Урала на конференции в Свердловском университете. Сторонники «нового направления» утверждали, что развитие капитализма в России шло «во втором эшелоне» вслед за передовыми странами, было отягощено феодальными пережитками, и могло быть быстрым только в результате вмешательства государства и притока иностранного

капитала. В результате капитализм «второго эшелона» серьезно отличался от «классического» бюрократизированностью и зависимостью^[421].

Когда был подготовлен сборник с такими идеями, идеологические отделы ЦК в 1972 г. перешли в контрнаступление. Часть тиража уже напечатанного сборника была изъята, дискуссии были прекращены волевым порядком, а несогласные понижены в должности (потерял пост заведующего кафедрой и организатор конференции свердловский историк В. Адамов)^[422]. Что так взволновало ревнителей ортодоксии? Дело в том, что изыскания «нового направления» подтверждали правоту меньшевиков и народников, которые утверждали, что уровень развития капитализма в России еще низкий. Народники из этого делали вывод, что необходимо идти к социализму вообще не марксистским путем, через общину. А меньшевики доказывали, что с таким уровнем капитализма не получится строить социализм. Если они правы, то возникает вопрос о том, что построили. И если даже построили социализм, то из-за отсталости страны – со слишком большими издержками. И стоило ли браться? В общем, открытые дискуссии на эту тему прекратили, что не мешало историкам «копать» этот вопрос и дальше.

* * *

Подкоп под официальную историософию вели даже исследователи древности. Их давно не устраивала «пятичленка» общественно-экономических формаций, когда за первобытно-общинным строем следовал рабовладельческий способ производства, за ним – феодальный, капиталистический и коммунистический. Изменения в этой схеме могло поставить под сомнение «научное обоснование» перехода от капитализма к коммунизму. Но с рабовладельческим строем возникли проблемы. Накопление исторического материала все яснее доказывало — рабы, которые, согласно Энгельсу, считались основным эксплуатируемым классом древних обществ, почти нигде не составляли большинства населения. Особенно это касалось Востока. Там рабы как меньшинство

встречаются и в древности, и в средние века, и в новое время. Самым многочисленным классом в древности было крестьянство. Его эксплуатировало с помощью налогов и поборов ... государство, иерархия чиновников. При этом Маркс в середине прошлого века обмолвился, что это был такой особый Азиатский способ производства.

Мнение Маркса совпало с желанием историков пересмотреть теорию Энгельса. В 1965 г. развернулась дискуссия, которой открыто продолжалась несколько лет. Плюрализм по этому фундаментальному вопросу марксистской теории достиг возмутительных размеров: эксплуататором должен был быть частный собственник, но частная собственность в древневосточных обществах находилась в зачаточном состоянии.

Наиболее решительно настроенные участники дискуссии выступили с опровержением самого принципа последовательной смены формаций. Страны Запада и Востока проходят разные формации: «Достаточно поверхностного сравнения так называемого раннерабовладельческого общества Междуречья и так называемого феодального общества Камбоджи, чтобы обнаружить, что в их структуре больше сходства, чем (соответственно) между этим «рабовладельческим» обществом и античным рабовладением, феодальным обществом Европы и так называемым феодализмом Камбоджи, Таиланда и т.д.» — утверждал «азиатчик» Седов. Из этого высказывания следуют интересные выводы. В Азии господствовал, а возможно, и продолжает господствовать, способ производства (для марксистов это коренное понятие), которого не было в Европе. Главным эксплуататором в этих «азиатских» условиях является государство, а эксплуатируемыми — крестьяне. Если учесть, что СССР гораздо больше похож на эту модель, чем на марксовы прогнозы о коммунизме, то становится понятным, какие идеологические последствия могли заметить в этой дискуссии партийные идеологи.

Оппоненты «азиатчиков» увидели в этом повороте дискуссии иную опасность — теория формаций летела в тартарары. Если прохождение через большинство формаций становится необязательным, значит, необязательна и стадия социализма. В таком случае труды многочисленной братии ученых пришлось бы коренным образом пересматривать. И вот в поисках компромисса между

марксизмом и реальностью сторонники традиционной концепции «рабовладельческого способа производства» пошли дальше своих бунтующих оппонентов: «Если будет признано, что классовое общество, в котором есть рабы и частная собственность на землю, в котором основную часть угнетенных составляют общинники, эксплуатируемые посредством государственных налогов, — что такое общество надо называть «азиатским», то тогда я «азиатчик» — заявил сторонник концепции рабовладельческого строя В.Н. Никифоров^[423]. Тем самым был сделан намек на то, что и в европейских «рабовладельческих» обществах рабы не составляли большинства эксплуатируемых. Мол, чего вы, «азиатчики», кипятитесь — формация на Востоке и на Западе была одна, только несколько странная — эксплуатируемых классов несколько, причем одним из основных эксплуататоров было государство. «Как государство?! — воскликнуло государство, — Это я-то могу быть эксплуататором?» Партия взяла курс на сворачивание подобного рода обсуждений, и они постепенно затихли, хотя и не совсем. Неприятие концепции рабовладения обнаруживалось в научных трудах, о нем говорили в студенческих аудиториях.

Каким будет новый мир?

Автор «Нового мира» философ М. Лифшиц называл этот журнал в период редакторства Твардовского «дыра в заборе»^[424]. Эдакий канал свободы. Но «Новый мир» не одобрял любое вольномыслие, и в отношении, скажем, почвеннических исканий выступал в качестве защитника пролетарского интернационализма. Логичнее характерное для того времени восприятие журнала как штаба «партии» прогрессистов. Но сами прогрессисты были уже не столько партией, сколько коалицией. В той части общества, которая зачитывалась «Новым миром», усиливалось размежевание на демократов и либералов.

Демократов возмущал элитаризм советского общества, социальная иерархия, наверху которой, вопреки принципам социализма, стояла правящая каста. Либералы, напротив, были

элитарны и связывали свои идеалы с культурной элитой, и руководство СССР было лишь частью победившего «хама», некультурного народа.

«Демократы» пытались выстроить вокруг «Нового мира» клубную сеть с неофициальными обсуждениями, в которых принимали участие и известные, статусные фигуры, и молодежь, и такие идеологи, как Р. Медведев, Л. Карпинский, М. Гефтер и др. Эти же люди станут участниками аналогичных обсуждений второй половины 80-х гг. — уже более результативных в силу изменения общеполитической ситуации.

Старые либералы отстаивали лишь свое право нести во тьме свечу культуры. Не таковы были новые либералы. Г.Г. Водолазов вспоминает о размежевании в прогрессистах второй половины 60-х гг.: «К «демократам» мы относили тех, кто уповал на «народную самодеятельность», на «низовую, массовую демократию». В «либералах» у нас ходили те, кто иронизировал над возможностями «кухарок» участвовать в управлении государством, делал ставку на «элиту», на «избранных» и уже тогда вовсю «тусовался» с покрытыми легкой пленкой либерального лака широко мыслящими кремлевскими спичрайтерами и другими диссидентствующими из высоких кабинетов. «Новый мир» и был той территорией, где, гонимые властью, собирались и те, и другие, и, слегка переругиваясь друг с другом, обличали бюрократию, деспотизм, и — каждый на свой манер — вели просветительскую работу. Мы, разумеется, были «демократами» и были убеждены, что если, на обломках Забора к власти придут «либералы», то ничего путного для общества не произойдет: просто один наднародный олигархический режим сменится другим — не столь, конечно, кровавым, но столь же не-демократичным. Это наше ощущение тех лет получило полное подтверждение в перестроечные и постперестроечные годы»^[425].

На советских либералов Г. Водолазов намекал и в своей книге «От Чернышевского к Плеханову», имея в виду и своих оппонентов среди прогрессистов:

«Кто не знает, как строить, тому лучше не приниматься за разрушение. Так хоть какой-никакой, а домишко стоит; и худо-бедно, а живут в нем люди, какая-никакая, а все-таки крыша над головой, да и не так холодно, как на улице. А подожги его бестолковый человек — и сам будет мерзнуть на пепелище и других разорит; а тут еще найдется

какой–нибудь предприимчивый деятель — да вместо дома построит что–нибудь вроде свинарника, да и поселит туда погорельцев, да за это еще с них три шкуры будет драть...»^[426] (А что? Не предвидение ли это картины деятельности наших «либералов» в эпоху «перестройки» и «демократических реформ»?). И так далее, и так далее — все о том же и о том же — кто виноват и что делать? — и не в XIX веке, а здесь и сейчас.

Книга моя хорошо была понята и друзьями, и, конечно же, врагами. В «Вопросах литературы» появилась на нее рецензия–донос под выразительным заголовком «Далекие аналогии». Володя Лакшин (мы с ним стали потом и до конца его жизни были «на ты») возражал мне, что с моей «узкой» программой журнал был бы закрыт немедленно, а так — именно широта и некоторая размытость его идейной палитры позволяла ему держаться несколько лет. Я не соглашался, доказывая, что именно «интеллектуальное пижонство», дешевое фрондерство «либеральных» авторов журнала, их неопасные для Системы, но очень болезненные для отдельных сановников втыкания булаволок и шпилек в их мягкие места — именно эти штучки вызывали особое, личное раздражение представителей номенклатуры...»^[427]

Теперь уже и реформисты делились на «наших» и «не наших»: «На литературно–критической и научной новомировской территории нашими были Михаил Лифшиц, Игорь Виноградов, Юрий Буртин, Игорь Дедков, Евгений Плимак, Александр Лебедев, Игорь Сац... Нам представлялось, что новомировцы либерального толка теснят наших единомышленников, и мы, молодые «демократы», молодые друзья «Нового мира» (может быть, несколько прямолинейно и наивно) видели свою задачу в том, чтобы по мере сил и возможностей способствовать превращению «Нового мира» в журнал последовательно «демократического» направления и ничего не имели бы против раскола с «либералами». Нам хотелось, чтобы в «Новом мире» не было ничего от либеральных тусовок самовлюбленных, обладающих титаническим самоуважением, празднословных столичных «интеллектуалов», «интеллектуальных пижонов» (ну, вроде нынешних завсегдаев телевизионных пресс–клубов). Мы хотели, чтобы «Новый мир» был интеллектуальным и организационным центром «демократической», нацеленной на коренные социальные и

политические преобразования партией. Мы хотели, чтобы «Новый мир» Твардовского был наследником некрасовского «Современника» и чтобы в нем были свои Чернышевские, Добролюбовы, Писаревы, Шелгуновы – короче, чтобы он был журналом современной революционной демократии (понимая «революционность» не столько как вооруженно–кровавую борьбу, сколько как процесс коренного изменения существующего общественного строя, слома диктатуры партийно–государственной бюрократии и установления действительного народовластия)»^[428].

Г. Водолазов и другие молодые демократы мечтали о превращении «Нового мира» в современный «Современник» – штаб революционно–демократической, антибюрократической партии: «Между читателями и «Современником» установился тот живой, духовный контакт, когда люди понимают друг друга с полуслова, с полупамятка. Образно говоря, читатели журнала чувствовали себя членами революционного союза (пусть организационно не оформленного), центральным комитетом которого был «Современник». Среди них бытовало даже такое название — Партия «Современника». Создание такой «партии», с силой которой не могла не считаться реакция и которую ввиду ее оригинальности невозможно было разогнать, создание такой партии — бессмертная заслуга Чернышевского и его ближайших сподвижников. Ибо, повторяю, журнал был не просто «любимым», не просто «популярным» у революционной молодежи, он был не просто «учителем и другом», он был именно руководителем и организатором лучших революционных сил общества... Ни до, ни после не было такого легального (!) журнала, который был бы не просто органом оппозиционных сил, но крайней левой в революционном движении, главным штабом революционных сил»^[429].

Публицисты испытывали сложные чувства от сравнений с прошлым веком. С одной стороны, Твардовский считал (особенно при Хрущеве), что существующая в СССР власть – в принципе своя. Обосновывая необходимость отмены цензуры, он говорил: «Советский редактор, в отличие от редактора журнала «Современник» и «Отечественные записки» в XIX веке, не враг своему государству и правительству»^[430].

Но, прочитав биографию Достоевского, где оправдывалась дружба писателя с Победоносцевым, Твардовский возмутился: «Это все равно, как я стал бы дружить с Ильичевым и на душевные темы с ним говорить, а вы бы меня за это нахваливали»^[431]. С одной стороны — «не враг своему государству», а с другой – враг его идеологам. Но характерно, что Твардовский сравнивал себя с Некрасовым^[432], а не с Чернышевским.

В редакции «Нового мира» преобладали либералы разной степени радикальности, которые оказывали сильнейшее воздействие на Твардовского. Но сам Твардовский был именно демократом, а если учесть его особенное внимание к судьбам крестьянства и приверженность социалистическим убеждениям, то Твардовский оказался своеобразной реинкарнацией эсера.

«Бухаринские», а то и «эсеровские» высказывания Твардовского не были восприняты из первоисточника, а вытекали из собственного опыта крестьянского поэта. В. Лакшин вспоминает о таких словах редактора «Нового мира»: «Ах, я должен написать про то, что сделали с деревней. Главная ошибка – когда был дан лозунг: «Сплошная коллективизация». Сплошная! И началось...»^[433] Но при этом он возражал и консервативным деревенщикам: «у деревни пути назад нет. Худо ли, хорошо ли, но нельзя вернуть насильно ко временам доколхозным»^[434].

«Эсер» Твардовский и советские «кадеты» (в смысле – либералы) друг друга недолюбливали, и «холодная война» не переходила в серьезную схватку из-за общности противников. Но Лакшин подмечал, «что московская «либеральная» элита честит Твардовского на каждом шагу. Но и он, сказать правду, пилюли не золотит»^[435].

* * *

Даже поддержка Твардовским Солженицына была связана не только с литературным талантом последнего, но и с теми же идейными расхождениями. Твардовский противопоставлял элитарного и барственного Эренбурга народному Солженицыну^[436]. В 1965 г. он еще придерживался «эсеровских» взглядов, которые лишь позднее, к

концу 60–х гг. сменил на авторитарно–консервативные. В «Круге первом» Солженицын с уважением пишет об Учредительном собрании, в своих неопубликованных стихах – о Бухарине, а в частных разговорах противопоставляет настоящую советскую власть, которая существовала до разгрома левых эсеров, и диктатуру партии большевиков^[437]. Официальный критик А. Сурков охарактеризовал взгляды Солженицына, отраженные в произведениях его архива, как «эсеровщину»^[438], а не, скажем, «белогвардейщину». В конце 60–х гг. Солженицын характеризовал свои взгляды как «нравственный социализм»^[439]. Но противником ленинизма он был уже тогда.

Занявшись ленинской темой, Солженицын собирался сначала самостоятельно читать работы Ленина, чтобы показать противоречивость его взглядов (вывод, таким образом, предшествовал самому изучению). Но в 1965 г. Солженицыну привезли работу американского журналиста Фишера, который уже опубликовал «сшибку» цитат Ленина разных периодов жизни. Солженицын понял, что самого Ленина уже можно не читать: «я сэкономил на этом несколько лет... Теперь ничего не надо, все сделано. По любому вопросу он дает: «Ленин – вот, Ленин – вот. Это просто змея, это просто – беспринципнейший человек»^[440].

Уже в 1965 г. Солженицын считал, что Западная Украина, Прибалтика и Закавказье должны отделиться от СССР^[441]. По мере работы над «Августом четырнадцатого» во второй половине 60–х гг. Солженицын смещается от «эсеровских» к монархическим взглядам.

Объясняя свое отношение к Солженицыну, Твардовский писал: «Солженицын стал уже не сам по себе, а преддверием тенденции – назад или вперед»^[442].

Солженицын не считал Твардовского «своим»: «Он со мной открыто – а я – никогда»^[443]. Твардовский после очередного внезапного, несогласованного шага Солженицына даже обвинял его в предательстве, но потом отходил, продолжал бороться за нового классика^[444]. Редактор «Нового мира» возмущался: «я за вас голову подставляю, а вы... Да и можно его понять: ведь я ему не открывался, вся сеть моих замыслов, расчетов, ходов, была скрыта от него и проступала неожиданно»^[445].

Солженицын дал Твардовскому на прочтение пробные главы «Августа четырнадцатого», еще не перегруженные деталями и без контрреволюционных фрагментов. Твардовский был очень доволен, считал вещь вполне проходимой. «Ведь не говорил же я ему, какие еще будут в «Августе» шипы»^[446].

Но когда «Август» попал в самиздат целиком, он вызвал углубление трещины между Солженицыным и большинством прогрессистов. Эта вещь с ее антибольшевизмом и антидемократизмом, апологией социального порядка Российской империи, вызвала неудовольствие и правой руки Твардовского Лакшина, и коммунистов–диссидентов Копелева и Медведева^[447]. «С «Августа» начинается процесс раскола моих читателей, потери сторонников, и со мной остается меньше, чем уходит... Следующими шагами мне неизбежно себя открывать, пора говорить все точнее и идти все глубже. И неизбежно терять на этом читающую публику, терять современников в надежде на потомков»^[448].

Солженицын неверно оценил причины этого раскола, от чего просчитался и с потомками. Углубление критики вело только к росту популярности писателя, «Архипелаг» привел к новому всплеску популярности Солженицына в оппозиционной среде. Раскол в среде тех, кто восхищался его критикой, происходил не от ее углубления, а от предложения вернуться к Российской империи.

Падение влияния Солженицына как идейного лидера не влияло на его авторитет как вольнодумца и человека, не уступающего давлению власти. Солженицын был популярен в среде советской творческой элиты, и она демонстрировала это даже таким друзьям СССР, как американский певец и актер Дин Рид. Он написал обличительное письмо против Солженицына (скорее направленное даже не против него, а против американских защитников писателя в США – у западного диссидента были свои задачи). Каково же было удивление Рида, когда при встречах с советскими людьми после концертов он услышал от них, что его письмо «отрицательно воспринято интеллигенцией и молодежью» в СССР^[449].

Решающее наступление на «Новый мир» как прибежище «очернителей», началось в 1968 г. (в рамках общего похолодания, связанного с подавлением чехословацкого «социализма с человеческим лицом»). Сначала в «Огоньке», а потом и в «Правде» был констатирован кризис «Нового мира»^[450]. Действительно, положение журнала было кризисным, поскольку в новых условиях он не мог продолжить прежнюю политику публикации резонансных произведений. Без этого журнал терял свое лицо.

Ситуацию осложнил вопрос о публикации поэмы Твардовского «По праву памяти». Как и все материалы «Нового мира», она теперь тяжело проходила цензуру, ушла в самиздат. В итоге затяжки с публикацией поэма была опубликована на Западе, что было неприятным сюрпризом для Твардовского и привело к тяжелым объяснениям «наверху».

Реформистов теснили и на других направлениях. В 1969 г. Аксенов, Вознесенский и Розов вынуждены были покинуть редколлегию «Юности».

В начале 1970 г., когда стало известно, что Твардовский смертельно болен, начались перестановки в редакции «Нового мира». 12 февраля 1970 г. Твардовский подал в отставку с поста главного редактора. «Новый мир» в прежнем качестве перестал существовать^[451]. Через полтора года Твардовский скончался.

Для симметрии в ноябре 1970 г. экзекуции в ЦК подверглась и редакция «Молодой гвардии», после чего редактор А. Никонов со своей командой вынуждены были подать в отставку в начале 1971 г.

Глава VI

Почва и Запад

Борьба «западников» и «почвенников» в той или иной форме шла в России с Петровский времен (до попытки Петра втащить Россию на Запад грубой силой аналогичная борьба носила характер православного противостояния католицизму). В XIX в. оформились лагеря сторонников развития по западному пути («западники») и сохранения отечественной традиции, «почвы» («почвенники»). Западничество было теснее связано с идеей прогресса и,

соответственно, имело много точек соприкосновения с социалистической и демократической идеями. Почвенничество было более склонно к охранительству и консерватизму. Дальнейшее усложнение идейной структуры было связано с развитием социалистических и демократических идей, революционными потрясениями. Потрясения, впрочем, завершились в 20–30–е гг. насильственным свертыванием идейного спектра почти к точке. И после Великой Отечественной войны история стала повторяться на новой почве, где сплелись национальная традиция и коммунистический проект.

Игры патриотов

В 40–е гг. легальные идейные различия проявлялись намеками, которые не могли заметно отойти от изгибов официальной линии. Сталин позволял себе качнуть ее то к большей ортодоксии, то к традиции. Но серьезные отклонения тогда были невозможны, и, громя космополитов, Система не забывала и русофилов – стоило ленинградским руководителям заговорить о создании столицы России, отдельной от столицы СССР, как полетели головы.

Итогом идейного развития сталинского СССР стал советский патриотизм, в котором главенствовали достижения СССР, русскому народу отводилось почетное место первого среди равных, а Западу – роль источника мирового зла.

Любое движение от советского патриотизма к национализму несло государству не меньшую угрозу, чем прогрессисты с их скрытым ревизионизмом. Ведь СССР был государством многонациональным, и подчеркивание роли одного народа не может не вызвать сопротивления представителей других. Русские и русский язык были скрепляющим клеем многонационального государства, но представитель любого народа должен был знать, что он может сделать в этом государстве любую карьеру – как Сталин и Каганович. Для СССР не было болезни страшнее, чем присущая национализму явная или скрытая ксенофобия, но при этом пестовался патриотизм – любовь к большой и малой родине, лишенная неприязни к другим народам. Русский

патриотизм вполне укладывался в рамки советского, пока не перерастал в национализм, предполагающий помимо патриотизма еще и национальные преимущества и привилегии, а то и национальную неприязнь.

В то же время ксенофобия воспроизводилась на бытовом уровне сохранявшимися межнациональными противоречиями. На политическом уровне ее источником были кадры, воспитанные на сталинских кампаниях 40-х гг. Многие из них с недоверием относились к «космополитичным» евреям, «склонным» к контактам с Западом. Теперь евреев не притесняли открыто, но в некоторые важнейшие для «безопасности» сферы ходу не давали. Сталкиваясь с проблемами в карьере, советские люди еврейского происхождения также нередко консолидировались в борьбе за место под солнцем.

Постоянная клановая борьба, которая идет в административных коридорах, должна быть как-то объяснена ее участниками — особенно если они живут в обществе, «лишенном классовых противоречий». Проигрывая карьерные стычки, чиновники и номенклатурные интеллектуалы ищут объяснение поражений не в собственных качествах, а в заговоре, направленном против них. Если раньше роль заговорщиков выполняли полумифические саботажники и троцкисты, то по мере социальной стабилизации страны все большее значение приобретали национальные мотивы. Враждебное влияние должно было быть занесенным извне, например — по линии национальных уз. Чиновники, склонные к национализму, видели объяснение в космополитической нации евреев, которая проникла в тело «социализма» и вредит славянскому ядру. При этом ксенофобы часто сталкивались и с «хорошими евреями». Чтобы объяснить эту странность, было принято различать просто евреев и сионистов — тайно организованных еврейских националистов, стремящихся к мировому господству. Поскольку евреи организуются в сионистское подполье и с его помощью делают карьеру, то и сопротивление карьере евреев должно быть организованным. Так как националистам мешали не только евреи, но и другие конкуренты, быстро возникло мнение о том, что евреи используют в своих интересах русских и представителей других народов, включая их в свои масонские ложи, управляя политиками через их жен. К тому же евреями следовало считать всех, кто состоял с собственно евреями в каком-либо родстве,

а также скрытых евреев с русскими фамилиями и семитскими чертами внешности.

Чиновники и интеллигенция в силу социальных причин нередко видели зло друг в друге. И здесь объяснение противоречий легко было найти в национальной плоскости. Интеллигент, грустивший о разрушении храмов, мог усмотреть причину беды в космополитичном чиновнике, а чиновник, радеющий за державу – возмущаться подрывными намеками интеллигента с еврейской фамилией.

В бесчисленных учреждениях СССР шла тайная война «своих» и «чужих». Н. Митрохин пытается даже отождествить с националистами целые кланы в номенклатуре («группу Шелепина» и «группу Павлова»^[452]). Это позволяет крайне расширительно трактовать русский национализм и безмерно преувеличивать влияние идеологии русского национализма в среде советского чиновничества. Работал в подчинении Шелепина или Павлова – знамо дело – националист. Сотрудничал с тем, кто работал в подчинении Павлова – тоже националист. Так русским националистом «оказался» даже писатель–фантаст Ефремов (см. Главу XI). Впрочем, Н. Митрохин на этом не останавливается, и затем утверждает, что «большинство сотрудников аппарата» (партийно–государственного аппарата) «в той или иной степени разделяли этнонационалистическую мифологию»^[453]. Как Н. Митрохин подсчитал, меньшинство это было или большинство – он не объясняет. Но становится ясно, что группы Павлова и Шелепина здесь не при чем – они явно не составляли большинство советских чиновников.

Отнесение к националистам целых кланов советской номенклатуры – сомнительная и во всяком случае не доказанная гипотеза. Н. Митрохин не приводит доказательств, что все чиновники, служившие под началом Шелепина и Павлова отличались особенно высоким уровнем национализма и ксенофобии, превышающим бытовую – распространенный практически во всех кланах вперемежку с более строгим интернационализмом, унаследованным от коммунистической ортодоксии. Национализм мог укрепиться у чиновника под влиянием начальника–ксенофоба, но в условиях советской системы это было не обязательно. Взгляды человека складывались под влиянием более разнообразных и не настолько

фатальных факторов. К тому же Н. Митрохин не привел доказательств, что лично Шелепин и Павлов были националистами–ксенофобами^[454].

Мы располагаем и свидетельством о тактичности Павлова, когда речь шла о национальном вопросе. Член МГК ВЛКСМ А. Герулайтис вспоминает, что как литовец, стал во время выступления путаться в русских словах, что вызвало недовольный шум в зале. Павлов вмешался и призвал собравшихся вести себя тактично, так как товарищ принадлежит к другой национальности и потому может говорить по–русски не гладко. Герулайтис никогда не замечал, чтобы к нему в аппарате Павлова плохо относились потому что он не русский и никогда не слышал разговоров о сионизме в СССР^[455].

Националистам откровенно симпатизировали и покровительствовали не целые кланы номенклатуры, а отдельные, хотя и весьма влиятельные чиновники, такие, как член Политбюро в 1960–1976 гг. Д.С. Полянский, завотделом науки и учебных заведений ЦК С. Трапезников, помощник Брежнева В. Голиков^[456].

В 60–е гг. в среде чиновничества было более характерно противостояние охранителей и реформистов. Сплочение национал–патриотов началось первоначально не в бюрократических кланах, а в среде интеллигенции, прежде всего — литераторов. А они принялись пропагандировать власти.

Большинство патриотов были «красными», то есть советскими державниками. Но были и «белые» (И. Глазунов, В. Кожин и др.), симпатизировавшие идеям монархизма, искавшие идеал в Николае II и (или) Александре III, белых генералах и эмигрантских деятелях.

Также как «красные патриоты» пропагандировали старших по положению в обществе охранителей, «белые патриоты» пропагандировали «красных». Так, А. Ципко вспоминает о том, как на банкете в честь окончания семинара комсомольских работников в присутствии ряда руководителей ЦК ВЛКСМ он произнес тост в защиту России, «которую мы потеряли», и которая «лежит сейчас под обломками левацких экспериментов». Он призвал открыть для себя имена Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка^[457]. А ведь в это же время был раскрыт ВСХСОН, который исповедовал такую же идеологию. Возможно, А. Ципко преувеличил резкость употребленных им тогда выражений, но во всяком случае никакого отпора он не встретил. «Заведующий отделом пропаганды Ганичев шутил: «Ты у нас, Саша,

проходишь в ЦК за белого специалиста. Если Ленин привлекал на работу «белых специалистов», то почему нам нельзя для развода иметь одного веховца конца шестидесятых»^[458].

«Красные патриоты» смотрели на «белых» снисходительно и с интересом – как к источнику запретной информации. Чиновники считали доступ к «диссидентщине» своей привилегией также, как члены ЦК имели уже совсем легальный доступ к литературе для ограниченного пользования, которая дублировала значительную часть тамиздата.

«Красные патриоты» преобладали над «белыми». Тот же В. Ганичев вспоминает: «на фоне мощного красного потока белая струйка была едва ли заметна»^[459].

«Наш патриотизм тогда был не имперским, а советским. Все мы были дети Советского Союза и признавали важность его социальных достижений. Мы считали себя государственниками и не собирались покушаться на фундамент советского строя. На этом фундаменте мы стремились противостоять тенденциям, которые считали вредными. У нас было недовольство тем, как живет русский народ, каково его положение среди других народов, культурной политикой, засильем бюрократии, которая ничего в культуре не понимает. Мы готовим к печати такого-то, а нам из ЦК резолюция – вычеркнуть из плана. Мы готовим собрание сочинений Распутина, а нам из ЦК резолюция – не дорос»^[460], – вспоминает сотрудник издательства «Молодая гвардия» С.Н. Дмитриев.

Многие «красные» были еще и сталинистами, но полного согласия по этому вопросу не было даже в среде «красных патриотов», не говоря уже об антикоммунистах. Патриоты представляли собой коалицию сталинистов (А. Никонов, В. Чалмаев, Ф. Чуев и др.) и антисталинистов (В. Астафьев, В. Белов, И. Глазунов, В. Солоухин и др.).

Наиболее заметным из «белых патриотов» был, вероятно, И. Глазунов. Он был настроен антикоммунистически, контактировал с диссидентами-патриотами и с НТС, и, таким образом, был одним из важнейших источников поступления самиздата и тамиздата в «патриотические» круги^[461].

Подъем национально-патриотического течения как самостоятельной силы стал заметен в середине 60-х гг. «Первым

звонком» было выступление художника И. Глазунова на заседании Идеологической комиссии ЦК, которое, несмотря на почти нескрываемую критику антиправославной кампании, не встретило отпора «сверху» (см. Главу II).

Круг национал–патриотов складывался в 60–х гг. во время таких же квартирно–салонных бесед, в которых формировалось либерально–западническое течение^[462]. Патриоты общались также в редакциях журналов «Наш современник», «Знамя» и «Молодая гвардия». Последний стал главным органом течения национал–патриотов.

Оно складывалось из писателей–русофилов и близких им по взглядам аппаратчиков ВЛКСМ, которые после падения их покровителя С. Павлова ушли в редакционно–издательскую сферу, включая издательство «Молодая гвардия» (в 1968–1978 гг. его возглавлял Д. Ганичев)^[463]. Оказавшись вне контроля охранителя Павлова, эта группа аппаратчиков под действием националистической пропаганды литераторов стала сдвигаться к более радикальному национализму.

* * *

Новое руководство страны, склонное к преодолению интернационалистических и антирелигиозных «перегибов» Хрущева, стало поощрять радетелей за русскую национальную культуру. Западническая интеллигенция с тревогой отметила эту тенденцию в связи с празднованием юбилея С. Есенина в 1965 г.^[464] Но все же этот юбилей прошел в тени триумфа советского патриотизма – юбилея Победы.

Развить успех в 1965 г. национал–патриотам не удалось – разразился скандал, связанный с Университетом молодого марксиста (УММ) – начинанием Московского городского комитета ВЛКСМ. Сам по себе проект УММ был существенным для того времени прорывом в направлении вольномыслия. Это был лекционно–дискуссионный клуб, где выступали такие философы, как Э. Ильенков, Г. Батищев и др., обсуждались «острые» темы. В качестве материала для одной из дискуссий инструктор горкома В. Скурлатов подготовил «Устав нрава»

– крайне радикальный националистический манифест (позднее он объяснял, что сам не исповедует взгляды «устава», а лишь хотел с помощью этого «гротеска» устроить интересную дискуссию). В «Уставе» предлагалось при воспитании молодежи «в центр поставить сердце, голос крови», настраивать молодежь на «перманентную смертельную борьбу» за осуществление «космической миссии своего народа», создать кастовую систему, культ предков и солдата, военизировать молодежь, осуществлять «яростное возмездие» за каждый проступок, обличать «подлые» интеллигентские занятия, ввести телесные наказания, а девушек, «отдающихся иностранцам», клеймить и стерилизовать^[465].

3 ноября Скуратов распечатал «Устав» на ротаторе МГК ВЛКСМ в 50 экземплярах и раздал потенциальным участникам дискуссии. Поскольку в УММ участвовали люди, близкие к реформистам, «Устав» попал в руки инакомыслящей интеллигенции, и без того обеспокоенной усилением национал–патриотических тенденций. 7 ноября на праздничных застольях «Устав» был оценен как манифест русского фашизма, а затем попал за границу. Ущерб престижу СССР был огромен – в год юбилея Победы выяснилось, что в комсомоле завелся «обыкновенный фашизм» (как раз в это время вышел документальный фильм под таким названием, где режиссер М. Ромм также намекал на параллели между нацизмом и сталинским режимом). Разразился скандал, УММ закрыли, Скуратова уволили и исключили из партии^[466].

Молодежное фашистское движение возникнет в СССР позднее – в 70–е гг. – как протест против культуры взрослых, эпатаж и увлечение красивой нацистской символикой. В 1980–1982 гг. нацисты провели несколько небольших митингов в центре Москвы. Но тогда с напастью справились, ограничившись профилактическими беседами в правоохранительных органах с маленькими фюрерами.

* * *

Лишь в 1969 г. патриоты решили презентовать свою программу более открыто. Миссию публично изложить основы национал–

патриотической концепции взял на себя В. Чалмаев. Он пишет как бы юбилейную статью о Горьком. Но Горький здесь – повод изложить собственную точку зрения по основным вопросам историософии. Суть ее – «вера в Русь, которая скажет свое слово по всем вековым тяжбам человеческого духа. Ведь есть же в сердце России тот заветный ключ, родник, который незаметно, непрерывно рождает кристально чистый, светоносный поток идей, чувств, так необходимых в XX веке, когда Запад уже задыхался от бездушия, избытка ненависти, рационализма мещан, культа толпы, террора безнравственного общественного мнения, созидаемого продажной прессой»^[467].

И написано это не в Российской империи XIX в., и не в эРЭФовском XXI в. каким-нибудь Прохановым, а во времена «марксистского тоталитаризма» и «сусловского догматизма». Ну какой тоталитаризм, право слово – что хотели, то и писали. Получали за это порцию критики, и снова что хотели, то и писали, лишь для приличия прикрывая откровения свои ссылками на литературных классиков.

В. Чалмаев подчеркивает, что Горький утверждал «свой идеальный принцип жизни неизменно на одном фундаменте – русском народном характере во всем его многообразии...»^[468] Горький тут даже не вполне последователен. Вот Толстой и Достоевский «видели в народе цельную (благодаря религиозности) опору, внутренне монолитную, всегда «спасавшую» дворянство и Русь от физического и духовного вырождения»^[469]. Чем не идеал, способный поспорить с коммунизмом и придать новую прочность «морально–политическому единству советского народа»?

Горький не дорос до идеала «православия, самодержавия, народности», он считает, что «народ – не «опора», не «кариатида», а главный, единственный герой исторического процесса»^[470]. Но попытка «пролетарского писателя» «избавиться от философов, для которых народ был только опорой, «кариатидой», в сущности не была успешной» и вела к примитивизации мысли^[471]. Не может сам народ из своей среды выдвинуть философов. Да и народность у Горького ущербная – как известно, он был писатель пролетарский и боялся крестьянских масс. Хорошо хоть, что Горький осознал «государственность» русского народа^[472]. То есть, если продолжать верить Горького Уваровым (применительно к XX веку – «духовность, государственность, народность»), то «пролетарский

писатель» растет от узкой народности к государственности, но отстает по части духовности. Впрочем, и здесь Горький был с точки зрения Чалмаева совсем не безнадежен. Он понимал, что не всякий «идеализм» религиозен, что аристократизм – это сложность души, и нация без него беднеет^[473]. Горький «обличает «буржуазное чудовище материализма в виде «золотого мешка», о котором писал еще Достоевский в 1877 г.»^[474]

И не придерешься, вроде бы – Достоевский тоже обличал капитализм. Да только не в капитализме дело, если вчитаться, а в «чудовище материализма». Здесь Достоевский для патриотов – самого Маркса выталкивает с постамент^[475]. Так с Достоевского формируется новая галерея «основоположников», призванная заменить Маркса–Энгельса–Ленина.

Коммунистическая идеология критикует капитализм, и национал-патриоты критикуют капитализм. Но коммунисты атакуют его как бы из будущего, ради создания «более передового строя», а национал-патриоты из прошлого – как разрушителя сложившейся традиции, вызвавшего своим появлением «деградацию русского характера»^[476]. Чалмаев – не марксист и не народник. Капитализм, конечно, плох, но как хороша буржуазия! Горький рисует типажи народных капиталистов – какие глубины! Они не дали убить русскую душу «индивидуализму, цинизму, декадансу»^[477]. А вот сейчас таких «глубин» нет – побили буржуазию и прогнали. И теперь происходит проникновение в советскую жизнь «культы сытости», «дешевой моды», «транзисторных мелодий», «туристских песенок». Разговор «о Горьком» – не о прошлом. Откуда проникает к нам культ сытости и транзисторные мелодии? С той же части света, откуда явился капитализм.

Горький и теперь живее всех живых. «Он и сейчас помогает осознавать народу, отдаляемому нередко от национальной классики и даже собственных народных песен дешевой эстрадной шумихой, где в искусстве звучит его голос, его совесть, его душа». Борьба против «организованного упрощения культуры» продолжается^[478]. Кем организованного? В СССР все «организуют» партия и государство. Значит, и в них есть враждебные силы.

Агонизировавшая редакция «Нового мира» отметила почвенников как нового противника. Заместитель Твардовского А. Дементьев

выступил против В. Чалмаева. На этот раз «Новый мир» оказался ортодоксальней противников, так как критиковал почвеннические тенденции с позиций советского патриотизма и коммунистического интернационализма.

Дементьев осторожен. Он совсем не против борьбы с западными буржуазными влияниями – если они буржуазные. И мещанские нравы «Новый мир» тоже не поддерживает. Более того, Дементьев стоит на страже марксистско–ленинской идеологии, защищая ее от влияния «идеалистических тенденций» и национализма. И тут есть, за что покритиковать В. Чалмаева. Что за сокровища, «накопленные предками», он противопоставляет современной культуре? «Словно из мешка сыплет наш автор такими выражениями, как «священный идеализм», «стихия духовности», «идеальность верований», «всеосеняющая, выводящая умы к огненным страстям идея», «неразменная духовная сущность», «Русь изначальная, не тронутая «суетой», «цивилизация души», «смерчи страданий и дум»... Фразеология особенная, витийственная, корнями своими уходящая разве что не в церковное красноречие»^[479].

Дальше – больше. Чалмаев, понаделав фактических ошибок, покусился на авторитет и передвизников, и революционных демократов. Его сочувствие отдано не им, «а «патриотам–пустынножителям», «патриотам–патриархам», «реформаторам церкви», «духовным ратоборцам»^[480]. Говоря о Горьком, Чалмаев ухитрился прославить «народную буржуазию», но ничего не сказать о революционном рабочем, образ которого как раз и создал Горький.

Это «почвенническое» понимание патриотизма и народности^[481]. Слово произнесено. Национал–патриоты примут его в качестве одного из своих самоназваний.

В. Чалмаев не одинок, речь идет о целом направлении. Вот, и В. Кожинуву 30–е гг. XIX века нравятся больше, чем времена революционных демократов. Это понимание истории и культуры А. Дементьев клеймит со строгой ортодоксальностью: «Ведь не думают же В. Чалмаев и В. Кожинув, что деспотизм и реакция способствуют развитию литературы и искусства?»^[482]

Критикуя догматиков–коммунистов за «урезание» культурного наследия, новые почвенники точно также «урезывают» его, но теперь не в пользу революционеров, а против них. А. Дементьев предлагает

«взвешенную» позицию: «Наше национальное наследие богато и многообразно, и нет никаких оснований его обеднять, урезывать, ограничивать»^[483]. Это – последнее предложение компромисса почвенникам, обнаружившим свою оппозиционность: можно расширять рамки свободы – каждый на своем направлении. Но такая мультикультурность неприемлема для почвенников.

А. Дементьев не верит, что В. Чалмаев пишет о прошлом (и правильно не верит), поэтому отвечает о настоящем: «в основе современной борьбы «России» и «Запада» лежат не национальные различия, а социальные, классовые. При этом имеется в виду, что в капиталистическом мире (как в свое время в дореволюционной России) есть две нации в каждой нации, две культуры в каждой национальной культуре». И далее категорично: «Иной подход ничего, кроме вреда, принести не может»^[484].

Чтобы доказать безопасность «ветра с Запада», «Новый мир» продолжает гнуть ортодоксальную линию: «Советское общество по самой социально–политической природе своей не предрасположено к буржуазным влияниям»^[485]. Значит, буржуазного влияния можно не бояться, а другое влияние с Запада следует только приветствовать.

При этом А. Дементьев показывает, сравнивая цитаты, что для В. Чалмаева в дореволюционной России – и буржуазия хороша, а на Западе – и народ плох, превращен капиталом в «толпу одиночек, помышляющих только о простеньких бытовых потребностях»^[486]. Отсюда строгий вывод: «В статьях В. Чалмаева понятия «Россия» и «Запад» носят внеисторический и асоциальный характер»^[487]. Дементьев считает неискренними попытки Чалмаева ритуально отмежеваться от произведений еще более крайних почвенников, воспевавших старую «Русь» (критика стихов В. Цыбина)^[488]. Во всяком случае – В. Чалмаев – это не крайность, а скорее авангард почвенников.

Влияние почвенников в литературе растет, А. Дементьев с тревогой фиксирует, как они поддерживают друг друга в печати то рекламой, то совместным отпором критикам. Если В. Чалмаев изложил позитивную программу этого течения, то критик М. Лобанов рисует образ его врага. Это «просвещенное мещанство» (любимец «Нового мира» А. Солженицын бросит позднее кличку «образованщина»). Это

«что-то магнитофонно-стегающее, с гнусавинкой», это «блеск интеллектуальной синтетики», потребительство и космополитизм^[489].

В. Чалмаева не удовлетворяет современный «интеллигентский этап» в возрождении отечественных традиций, и он пророчесствует о наступлении нового, «народного этапа»; «интеллигентский» и «народный» противопоставляются^[490]. Это не может пройти мимо внимания А. Дементьева: «В таком настроении можно дойти до противопоставления народа и интеллигенции, подменить борьбу с чуждыми влияниями борьбой с творческими исканиями и творческим своеобразием, стать на позицию национальной самоизоляции»^[491].

Эта угроза самоизоляции и подавления творческих исканий вытекает из двух источников – почвенничества и сталинского имперства. А. Дементьев указывает на оба: «Надо ли еще раз объяснять, что советский патриотизм не сводится к любви к «истокам», к памятникам и святыням старины, что он включает в себя любовь не только к прошлому, но к настоящему и будущему Родины и не отделим от дружбы народов и пролетарского интернационализма»^[492].

Но А. Дементьев вынужден признать, что у его оппонентов есть и «мечты о будущем». Почвенники действуют в союзе с охранителями-сталинистами, «Молодая гвардия» – в союзе с «Октябрем» (хотя последний и покритиковал слишком далеко зашедшего Чалмаева). Своего рода конвенцией о таком союзе являются опубликованные в № 12 за 1968 г. стихи В. Чуева о будущем пантеоне Победы:

Пусть, кто войдет, почувствует зависимость

От Родины, от русского всего.

Там посредине – наш Генералиссимус

И маршалы великие его.

Это заявление, да еще в контексте слухов о предстоящей реабилитации Сталина, было вызовом прогрессистам. Сталинизм получил новую почву для возрождения. Однако возрождался не прежний сталинизм, а имперское государственничество, и Сталин занял в этом пантеоне свое место среди царей – отнюдь не центральное.

Критика «Нового мира» сигнализировала властям: не делайте ставку на национализм, почвенники враждебны коммунистическим идеям еще больше, чем прогрессисты. Но ссориться с советским

государством совсем не входило в планы национал–патриотов. В защиту Чалмаева встала целая группа писателей, опубликовавшая в «Огоньке» коллективный ответ Дементьеву, написанный уже с ортодоксальных по форме позиций. Мол, мы тоже умеем прятаться в тогу марксистов–ленинцев. Poleмика велась в резких тонах, резким был и ответ редакции «Нового мира», где противники обвинялись в низких художественных качествах их произведений. В спор были вовлечены также «Советская Россия», «Социалистическая индустрия» и «Литературная газета». Но эта первая проба сил 1969 г. западников и почвенников оказалась неудачной – принципиальные вопросы обходились стороной. Обе стороны теперь пытались выглядеть истинными коммунистами^[493].

* * *

Важнейшим объектом национал–патриотической пропаганды в 60–е гг. стало движение в защиту памятников истории и культуры. Оно развивалось на стыке прогрессистской и почвеннической интеллигенции и было ответом на индустриальный рывок и урбанизацию, корежившую архитектурный облик городов. Свою роль играло и сопротивление разрушению церквей, продолжавшемуся в это время уже не по злему умыслу властей, а от бесхозности и заброшенности.

В середине 60–х гг. в среде интеллигенции возрос интерес к русской культуре, что было естественным следствием расширения разномыслия, когда официальная идеология все меньше определяла духовные интересы людей. Движение защитников старинной архитектуры разрасталось, энтузиасты ездили реставрировать церкви, проводили вечера, посвященные русской старине, распространяли информацию о готовившихся сносах старинных зданий, агитировали против этого. Большое возмущение вызвало строительство Калининского проспекта, разрушившее большой участок старой застройки в районе Арбата. Новые здания вдоль проспекта расценивались как безвкусные, а антисемитская часть защитников

русской культуры намекала, что они не случайно построены в виде раскрытых книг и напоминают о Пятикнижии.

Лидером движения охраны памятников был реставратор П. Барановский, квартира которого в Новодевичьем монастыре стала «штабом» защитников архитектуры уже во второй половине 50–х гг. [494] Заручившись поддержкой Академии художеств, Московского отделения Союза художников и Советского комитета защиты мира (СКЗМ), участники движения стали добиваться создания официальной общественной организации, которая взяла бы на себя содействие охране памятников. Была создана культурная комиссия СКЗМ, лидером которой стал П. Барановский. В мае 1964 г. П. Барановский вместе со студентами МХТИ создал клуб любителей истории и древнерусского искусства «Родина», занимавшийся реставрацией. Начинание получило поддержку «Комсомольской правды», что обеспечило официальную регистрацию, дополнительный приток участников и возникновение аналогичного объединения «Россия» в Ленинграде.

«Родине» покровительствовали художники С. Коненков и П. Корин, писатели Л. Леонов и В. Солоухин, журналист В. Песков и другие влиятельные деятели культуры. К движению примкнул И. Глазунов, но его претензии на лидерство привели к тому, что художнику пришлось покинуть клуб «Родина», где защитники архитектуры как таковые преобладали над «политиками» [495].

После создания ВООПиК клуб «Родина» попытались закрыть как излишний. Но в 1968 г. он вошел в структуру ВООПиК. В 1969 г. члены клуба создали мастерскую, готовившую профессиональных реставраторов. Постепенно общественники, входившие в клуб, распределились между профессиональными реставраторами и общественниками ВООПиК, и в 1972 г. клуб был закрыт [496].

Актив клуба «Родина» сыграл большую роль в «пробивании» идеи создания всероссийской организации охраны памятников. 28 июля 1965 г. эта борьба увенчалась успехом – Совет министров РСФСР принял решение о создании Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПиК) – по аналогии с существовавшим с 1924 г. Всероссийским обществом охраны природы. В оргкомитет ВООПиК вошли лидеры «Родины» П. Барановский, А. Садов (действующий председатель клуба), В. Ириков

(первый председатель клуба), И. Глазунов (еще остававшийся в клубе, но искавший новую сферу для своей общественной активности), писатель Л. Леонов и зампред Совета министров РСФСР В. Кочемасов^[497]. Националисты пытались взять ВООПиК под контроль и потеснить П. Барановского и чистых культурозащитников. Но после оформления структуры ВООПиК в общество массами вступали люди, собиравшиеся защищать памятники, а не вести «борьбу с сионизмом», и националистам пришлось отступить в созданную при Московском отделении ВООПиК Комиссию по комплексному изучению русской культуры («Русский клуб»). ВООПиК стал одной из общественных структур СССР, для которых был характерен идейный плюрализм – здесь уживались демократы и государственники, увлеченные мировой культурой интернационалисты и выискивающие масонские знаки антисемиты, либералы и коммунисты – но все с поправкой на любовь к отечественной культуре.

Активная часть членов ВООПиК участвовала в небольших акциях протеста (прежде всего сборах подписей) против разрушения памятников культуры. Несмотря на могущество строительных и архитектурных ведомств, уничтожавших старую застройку, защитникам культуры удалось спасти от разрушения немало памятников, уже приговоренных к уничтожению — часть старинной застройки на ул. Разина, палаты на Кропоткинской улице, церковь Симеона Столпника в Москве, старую застройку на Невском проспекте в Ленинграде.

* * *

В 1967–1972 гг. основной площадкой «патриотов» стала Комиссия по комплексному изучению русской культуры при Московском отделении ВООПиК (неофициальное название – «Русский клуб»). Заседания клуба проводились в стиле семинаров. Читались и обсуждались доклады, после чего актив клуба собирался в неформальной обстановке для более откровенных бесед. Председателем комиссии был литературовед П. Палиевский, но заседания чаще вел заведующий редакцией серии «ЖЗЛ» издательства

«Молодая гвардия» историк С. Семанов. В ядре «Русского клуба» преобладали «белые государственники», хотя на заседаниях выступавшие воздерживались от антикоммунистических высказываний, чтобы не дать повод для закрытия Комиссии^[498]. В заседаниях участвовало до 50 человек, в том числе и диссиденты–патриоты. В. Осипов вспоминал: «Я помню знаменитую дискуссию о расколе. Были сторонники Аввакума, были противники Аввакума, но и те, и другие были патриоты. Это была дискуссия патриотов между собой, без единой марксистской формулировки, без единого марксистского тезиса, будто марксизма не существует. Но антисоветских заявлений, разумеется, не было»^[499].

«Русский клуб» стал идейной лабораторией националистов^[500]. Здесь вырабатывались основные идеологемы, которые стали компромиссом «красных» и «белых» патриотов: антисоциализм (в отличие от бытового антисемитизма), под которым понималась борьба с «сионистским влиянием», которое проводится через «масонов»; преемственность СССР и Российской империи, патриотического движения XX в. и славянофильства XIX в.

Эти идеи стали пропагандироваться и в официальной прессе. Так, патриотам удалось продвинуть в «Вопросы литературы» статью А. Иванова (того самого, арестованного в 1961 г. за терроризм и анархо–синдикализм, а в заключении эволюционировавшего к крайнему национализму и расизму)^[501]. А. Иванов сообщал советскому читателю: «Главной чертой, которую ценили славянофилы в русском народе, было вовсе не смирение, а общинный дух, как бы выразились теперь, чувство коллективизма, противопоставляемое индивидуализму и эгоизму буржуазного Запада»^[502] (здесь заметно сильное влияние не только славянофилов, но и Бакунина, которым Иванов увлекался в юности – даже диссидентский патриотизм в СССР часто имел социалистический уклон).

Пропаганда славянофильства нашла благодатную почву среди писателей — «деревенщиков». Ф. Абрамов говорил: «К славянофильству я отношусь очень положительно. Что такое славянофильство? Это любовь к славянам. Любовь к славянским народам, разве это плохо?» Но это, по мнению Абрамова, не должно означать, что другие народы хуже славянских. «В острых спорах с западниками, а эти споры продолжаются и сегодня, они, как все люди

своего времени, допускали крайности в своих суждениях»^[503]. Это высказывание может быть применено не только к XIX веку.

Русский клуб прекратил существование в 1972 г. Н. Митрохин считает, что причиной этого был карьерный рост его участников: «те же проблемы не менее, а порой и более откровенно можно было обсуждать и в стенах редакций, и в ресторанах ЦДЛ и Дома журналистов»^[504]. Но возможности обсуждать «те же проблемы в редакциях» были и раньше, а карьеру сделали не все участники заседаний. Клуб просто выполнил свою задачу «мозгового штурма», и после этого стал не нужен. Свою роль в прекращении работы клуба сыграло также усиление натиска официальных охранителей на национал-патриотов.

* * *

30 марта 1972 г. состоялось давно готовившееся заседание Политбюро, где был нанесен удар по национализму, что было связано с важными кадровыми перестановками. Вскоре в связи с националистическими прегрешениями свои посты потеряли руководитель Украины П. Шелест и Грузии В. Мжаванадзе. В 1973 г. Шелест был выведен из Политбюро и вслед за грузинским коллегой отправлен на пенсию. Полянский был перемещен с поста заместителя председателя Совмина СССР на пост министра сельского хозяйства.

Решение Политбюро 1972 г. повлияло на судьбу украинских националистов (см. Главу X) и привело к развязке драмы аппаратных интриг националистов начала 70-х гг.

В 1970 г. развернулась полемика вокруг романов И. Шевцова «Во имя отца и сына» и «Любовь и ненависть», носивших охранительный характер с сильными националистическими акцентами. Они были раскритикованы прогрессистами. В «Советской России» готовился ответ И. Кобозева, но его публикацию запретил и.о. завотдела пропаганды А. Яковлев. Его запрет удалось снять лишь под давлением Д. Полянского и В. Голикова. Непосредственное указание о публикации дал заместитель Яковлева М. Дмитриук, не поставивший в известность своего шефа. Это лишний раз доказывает, что

номенклатурные кланы не были едины в идеологическом отношении, и сторонники разных взглядов были в них перемешаны (кстати, и Яковлев в свое время возрастал в чинах в клане Шелепина).

На этом история не закончилась – в полемику собралась вступить «Комсомольская правда», редактор которой Б. Панкин был умеренным прогрессистом (руководство КПСС знало о его неважных отношениях с первым секретарем ВЛКСМ Павловым – ярым охранителем, но Брежнева это устраивало). Выступление «КП» заблокировала цензура, которая блюла установку на погашение любых скандалов. Б. Панкин через референта по международным делам Е. Самотейкина вышел на Брежнева, указав на неблагоприятный резонанс на Западе от публикации сталинистских произведений Шевцова. Одновременно Яковлев пожаловался Суслову на нарушение субординации редактором «Советской России» В. Московским. Создав аппаратный перевес, прогрессисты добились разгрома противника. Произведения Шевцова были раздраконены «ЛГ» 13 мая, которая дала сигнал для широкой кампании критики. В. Московский и М. Дмитриук потеряли посты^[505].

Став главным гонителем национал–сталинистов, А. Яковлев подготовил концептуальное выступление против националистов. 15 ноября 1972 г. в «ЛГ» вышла его статья «Против антиисторизма», критиковавшая почвенников. Значение публикации заключалось в том, что аргументы, которые раньше высказывали прогрессисты, в частности А. Дементьев, на этот раз были изложены высокопоставленным чиновником с репутацией ортодокса. Выступление Яковлева не было согласовано с секретарем по идеологии П. Демичевым. Поэтому, когда литераторы из патриотического лагеря заручились поддержкой М. Шолохова, Демичев дал ход письму литературоведа П. Выходцева, где статья Яковлева была разобрана критически. К этому времени Брежнев уже достиг необходимых результатов кампании против националистов, выступление Яковлева было сочтено неудачным, и его отправили в почетную ссылку послом в Канаду.

Аппаратные противостояния, таким образом, ограничивали возможности бюрократии контролировать общественные и идейные течения. Реформисты и национал–патриоты могли эффективно защищаться с помощью союзников «наверху».

В начале 70-х гг. национал-патриоты получили сильное подкрепление.

После разгрома редакции «Нового мира» «деревенщики», которые в 50–60-е гг. были одним из отрядов прогрессистов, переходят под крыло патриотов, к которым тяготели идейно. Редактор «Нашего современника» С. Викулов стал печатать В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Белова и других «деревенщиков». Так образовалась коалиция «красных патриотов» и «деревенщиков», которые теперь стали склоняться к почвенничеству, «белому патриотизму». При этом многие деревенщики во всяком случае в начале 70-х гг. не были националистами-ксенофобами, и поэтому можно согласиться с Н. Митрохиным в том, что «все же не стоит ассоциировать всех писателей – приверженцев «деревенской» темы – с «русской партией» и движением русских националистов (как это делает, например, И. Брудный)»^[506].

А. Дементьев упрекает «деревенщиков»: «Их поэзия – это не поэзия земледельческого труда, а скорее поэзия отдыха в деревне, на лоне природы»^[507]. Но потому они и так популярны – горожанин устал от урбанизма и хочет отдохнуть в деревне. Это его стремление и выражают литераторы-деревенщики.

Произведения «деревенщиков» в конце 70-х гг. все более критичны. Они показывают моральное разложение, царящее в обществе «развитого социализма», разрушительное воздействие индустриальной машины — «технического прогресса» на человека и природу. Надежду на спасение «деревенщики» видят в сохранении традиций, а не в победной поступи «прогресса». Но в отличие от Солженицына, выступившего с аналогичными идеями, «деревенщики» не делали политических выводов.

Иногда «деревенщики» позволяли себе и выступления на грани риска. В 1982 г. нашумела рецензия М. Лобанова в «Волге» на роман М. Алексеева «Драчуны», в котором он обличал коллективизацию и коммунистическое наступление на русское крестьянство. Не удивительно, что выступления почвенников то и дело влекли за собой

официальную критику, разбирательства, а иногда — и оргвыводы^[508]. В целом «славянофилы» конца 70–х–начала 80–х гг. были достаточно осторожны, чтобы не потерять массовую трибуну, и в то же время достаточно критичны, чтобы привлекать внимание.

Одно из объяснений влияния «деревенщиков» заключается в том, что к ним вплотную примыкали певцы входящей в силу аграрной элиты. И в этом был залог поддержки «сельской тематики» сверху. «... Раздумывая над судьбами лучших сельских руководителей, я прихожу к выводу, что все они обладали огромным нравственным запасом. Не все они были выдающихся деловых качеств, но совесть их была высшей пробы», — писал, например, И. Васильев^[509]. Как не умилиться правящей аграрной генерации (включая и М. Горбачева)^[510]. Пусть не всегда можем достичь чего–то. Но сельское прошлое дало нам нравственный знак качества. Все, что ни делаем — творим по совести. «Деревенщики», таким образом, воспринимались, несмотря на всю их критичность, как союзники, как «наша» общественность.

* * *

Благодаря «деревенщикам» после отставок в «Молодой гвардии» в 1971 г. флагманом патриотов стал журнал «Наш современник». Национал–патриоты сохраняли сильные позиции в журнале и издательстве «Молодая гвардия», в журналах «Огонек» и «Москва», в газетах «Советская Россия», «Литературная Россия», «Комсомольская правда», «Роман–газета». Патриоты были сильны в Союзе писателей РСФСР и (в меньшей степени) в СП СССР, доминировали в ряде провинциальных журналов – «Север», «Волга», «Дон».

В большинстве своих столичных очагов национал–патриоты не были полными хозяевами. Так, в издательстве «Молодая гвардия» они плотно контролировали общественно–политическую редакцию и серию «Жизнь замечательных людей». Но, как и в остальной структуре советского общества, позиции течений были перемешаны: «Либералы не считали «Молодую гвардию» полностью потерянной позицией, издавались у нас писатели типа Ананьева. Не все отделы были под

контролем патриотического движения. В редакции прозы либералы легче проходили, чем в «ЖЗЛ»» [511].

С.Н. Дмитриев, работавший в редакции общественно-политической литературы издательства «Молодая гвардия» с 1981 г., вспоминает о царившей там атмосфере патриотического клуба: «Это была не просто редакция, а такой центр патриотического «бурления». Здесь царила дружеская атмосфера общего дела. Раз в неделю в актовом зале проводились встречи с писателями и историками – нашими авторами. Приезжает, скажем, Распутин в Москву. И идет в свой «дом», в «Молодую гвардию», встречаться с близкими по духу людьми. Речь шла не столько о литературе и прошлом, сколько о настоящем и будущем России, о том, что нужно патриотическое движение поднимать. Каких-то организационных выводов из этого мы не делали, но это влияло на нашу редакционную политику.

У нас была уверенность, что в конечном счете патриотическое дело победит, что там, «наверху» есть «наши люди», которые все знают и все понимают. Они пока в меньшинстве, но будут укреплять свои позиции и рано или поздно возьмут в руки рычаги власти. А мы будем им помогать. Все-таки совокупный тираж «Молодой гвардии» составлял 17 миллионов экземпляров. Мы, ориентируясь на интерес в обществе, «поднимали» темы, например, масонства, правды об Октябрьской революции – как она на самом деле произошла. Нам «давали по шапке». Тогда мы поднимали на щит патриотических героев прошлого – это можно проследить по серии «ЖЗЛ», как она сдвигалась от пламенных революционеров к русским государственным деятелям. Вышел Достоевский Селезнева тиражом 200 тысяч. На критику в наш адрес мы писали ответные письма, в нашу защиту выступали писатели и общественность» [512].

В СССР открыто выходили книги против сионизма, написанные в тональности идеологической войны. Авторы этих сочинений (В. Бегун, Е. Евсеев, Л. Корнеев, В. Емельянов и др.) направляли свой гнев против зарубежного сионизма, лишь намекая на его влияние в СССР.

Участники респектабельного патриотического «бурления» тех лет настаивают, что оно не было замешано на примитивной ксенофобии: «Еврейский вопрос на собраниях в 40 человек не обсуждался. Так, иногда всплывал в узком кругу. При этом далеко не все патриоты были антисемитами, а кто относился к евреям плохо, то в основном – на

уровне бытового антисемитизма, каких-то эмоциональных фраз. Идеальный антисемитизм, ненависть ко всем евреям как таковым встречалась очень редко и считалась дурным тоном. Но делались намеки, что есть сионисты во власти. При этом подчеркивалось, что сионисты и евреи – это не одно и то же.

Очень хорошее отношение было к народам СССР – публикация их авторов была тогда нашей целенаправленной политикой. Это сейчас они сидят в своих независимых государствах, никто их за пределами не читает, а тогда их переводили на русский, и расходились огромные тиражи» [\[513\]](#).

Тайная война

Радикальное крыло национал-патриотов было откровенно антисемитским и всю общественную жизнь СССР рассматривало через призму борьбы русских и евреев.

В 1977–1978 г. существовал «антисионистский кружок», в который входили В. Емельянов, Е. Евсеев, Ю. Иванов и В. Бегун. В 1978–1980 гг. Емельянов написал и распространил в Самиздате работы «Кто стоит за Джимми Картером» и «Десионизация», в которых мировая история была представлена ареной борьбы сионистов и их масонской агентуры против остального человечества. Сиону противостоит арийский мир во главе с Россией. Христианство было объявлено «предбанником сионизма», изобретенным иудеями орудием порабощения «гоев» (т.е. неевреев). Сионисты уже завербовали часть советского руководства, ему служит диссидентское движение.

Емельянов представил в «Десионизации» проект Устава «Всемирного Антисионистского и Антимасонского фронта» (ВАСАМФ) — международной организации со статусом наблюдателя при ООН.

«Десионизация» была вывезена при помощи Организации освобождения Палестины (ООП) в Сирию и напечатана там по-арабски в газете «Аль-Баас». В Москве «Десионизация» распространялась в виде ксерокопированной книги с иллюстрациями; в качестве места издания был указан Париж. Часть тиража

«Десионизации» — 25 экземпляров — Емельянов отнес в приемную ЦК КПСС — по экземпляру всем членам тогдашнего брежневского Политбюро и Секретариата ЦК. 26 марта 1980 г. Емельянова вызвали на беседу в ЦК КПСС, а в апреле 1980 года по поручению Комиссии партийного контроля он был привлечен к партийной ответственности за нелегальное издание и распространение брошюры «Десионизация», а затем исключен из партии. Кроме «Десионизации» Емельянову поставили в вину то, что он устно нелестно отзывался о Виктории Петровне Брежневой, заявляя, что «страной правят через нее ее соплеменники–сионисты, а не ее муж–марзматики», — о чем стало известно (по утверждениям самого Емельянова) благодаря доносу его соперника по антиссионистской пропаганде Е. Евсеева. 10 апреля 1980 года Емельянов был арестован по обвинению в убийстве и расчленении топором собственной жены, признан невменяемым и посажен в ленинградскую спецпсихбольницу^[514].

Несмотря на эту потерю, радикальные антиссионисты продолжали упорно пропагандировать патриотическую интеллигенцию, а она уже «давила» выше.

Нередко борцы с сионизмом одерживали победы над своим коварным врагом. 29 января 1980 г. солистка Московской филармонии заслуженная артистка РСФСР Т. Гусева обратилась с письмом к М. Суслову, где обращала внимание могущественного чиновника на то, что большинство телепередач «оформлено странным образом: к месту и не к месту повсюду маячит шестиконечная звезда». В качестве примеров приводились «Голубой огонек», мультфильм «Орех кракатук» и кукольный спектакль «Божественная комедия»^[515].

Воспользовавшись поводом, Гусева поведала Суслову о происках сионистов и масонов, которые контролируют умы миллионов сограждан. Освободиться от этого контроля не легко, самой Гусевой это удалось с трудом: «Не могу не сказать особо о выступлениях Аркадия Райкина... Раньше, как и большинство людей, я доверчиво внимала ему и беззаботно смеялась вместе со всеми. Но пришло прозрение, и я содрогнулась: Райкин выбирает в качестве объектов для своих насмешек не западных толстосумов, не «диссидентов» в нашей стране, не предателя Сахарова и его окружение. Объект Райкина — русский народ, которого он не просто высмеивает, а оплевывает»^[516].

Письмо имело организационные последствия. Коллегия Гостелерадио, отвергнув часть обвинений Гусевой, все же приняла решение о снятии с эфира «Божественной комедии», в которой на одежде Бога были обнаружены шестиконечные звезды^[517].

В 80–е гг. организационным центром радикальных националистов постепенно становится «Память», которая возникала как безобидное культурологическое общество. В 1979–80 гг. под руководством инженера Г. Фрыгина (председатель правления) и сотрудника ВООПиК Э. Дьяконова возникло Общество книголюбов Министерства авиационной промышленности, в 1982–1983 гг. названное Историко–литературным любительским объединением «Память». Название «Память» появилось в 1982 г. в честь одноименного романа В. Чивилихина, который упоминал об арийском происхождении славян, значительно удлиняя их историю. В соответствии с теорией антиссионистов, арийцы–славяне были одними из основоположников европейской культуры. Новое название утвердилось в 1983 г. после того, как клуб стал работать при ДК «Метростроя». Клуб проводил литературные вечера патриотической направленности. В начале 80–х гг. в «Память» пришли участники группы «Витязи», созданной в 1978–1979 гг. для подготовки к празднованию 600–летия Куликовской битвы группой приятелей, увлекавшихся историческим туризмом. Лидером «Витязей» был руководитель МГО ВООПиК Э. Дьяконов, в группе участвовали скульптор Б. Строганов, поэт А. Марков, художник И. Глазунов. Члены группы знакомились с патриотическим самиздатом, испытывали влияние «неоязыческих» антиссионистских идей. Одновременно Э. Дьяконов создал Молодежное творческое объединение при МГО ВООПиК. Оно существовало в 1979–1980 гг., занималось литературными чтениями. Его остатки Дьяконов также привел в «Память». В 1984 г. в «Память» пришел ее будущий лидер Д. Васильев. В конце 1984 г. в связи с болезнью Г. Фрыгина председателем правления историко–литературного объединения (новый статус «Памяти») стала Е. Бехтерева. «Память» проводила реставрационные субботники, организовывала встречи с отечественными писателями и историками, участвовала в движении против поворота северных рек и в трезвенническом движении. В этих кампаниях она была одной из многочисленных групп поддержки маститых писателей и ученых, лидировавших в этих движениях^[518].

Новый период в истории «Памяти» связан с лидерством в объединении бывшего сотрудника И. Глазунова фотографа Д. Васильева. 4 октября 1985 г. на вечере объединения «Москва, как много в этом звуке...» Д. Васильев и Е. Бехтерева, возглавлявшая объединение в это время, выступили с разоблачениями евреев-разрушителей Москвы. Вскоре Васильев становится фактическим лидером «Памяти» и превращает ее в радикально-националистическую организацию. В 1985 г. «Память» распространяла антиалкогольную лекцию В. Жданова, обвинявшего в алкоголизации населения сионистов, троцкистов и империалистическую агентуру. И в этой кампании «Память», как и московский клуб «Трезвость», действовали «в шлейфе» статусных общественных деятелей-ученых — академика медицины Ф. Углова и математика В. Жданова^[519].

Отношение властей к трезвенническому движению было сложным. Разжигание межнациональной розни беспокоило, но многие конкретные предложения лояльной патриотической общественности принимались как разумные.

«Мы издавали книгу Ф.Г. Углова о борьбе с пьянством в начале 1985 г. И он там написал, что русский народ сам по себе пить не любит, а его спаивали определенные слои населения. Он подобрал факты о еврейских шинкарях, статистику по губерниям. Мы оставили только два абзаца, но все равно разразились громы и молнии: вы разжигаете межнациональную рознь!

Мы собирались, сочиняли большое письмо в ЦК КПСС, что это — правда истории, что статистика царская. Но все равно получили выговора по партийной линии.

А тут как раз началась антиалкогольная кампания, книга оказалась востребована, ее переиздали на языках народов СССР. И в спешке мы эти два абзаца забыли убрать. И потом нас за эту книгу очень хвалили, мне за ее выпуск дали бронзовую медаль ВДНХ»^[520], — вспоминает С.Н. Дмитриев.

В 1985–1986 гг. патриотическое движение будет «на коне». Оно поддержит антиалкогольную кампанию Горбачева, при участии национал-патриотов будет остановлен «поворот рек». Но логика реформ приведет команду Перестройки к социал-демократической программе, более соответствующей идеям конвергенции, а в ходе

предвыборных кампаний 1989–1990 гг. демократы смогут перехватить патриотическую риторику и отбросить национал–патриотов на обочину.

Русофилы и русофобы

Либеральная мысль в 70–е гг. испытывала сильное влияние диссидентства (см. Главу IX) и в своем противостоянии коммунистическому режиму и национал–патриотам стала откровенно западнической и глобалистской. Наиболее последовательно взгляды советского западничества изложил в конце 70–х – начале 80–х гг. Г. Померанц.

Померанц оценивает в качестве модернизации (то есть движения по пути прогресса) «втягивание в отношения, сложившиеся в Европе в XVII–XIX вв.»^[521] Это развитие характеризуется высвобождением науки, искусства, школы из–под контроля религии, дифференциацией социальной структуры и экономики, ростом удельного веса промышленности. «Модернизация — это ускоренный и непрерывный процесс рационализации человеческих отношений с природой...»^[522] Более того, «если отбросить оценки, то реальное содержание прогресса — дифференциация...»^[523] — констатирует Померанц.

Померанц не приводит достаточных доказательств того, что именно дифференциация всегда отличает более поздние (развитые) общества от более ранних. Таким образом дифференциация превращается из объективного показателя прогресса в ценностную характеристику. К дифференциации следует стремиться, если есть желание двигаться именно по пути прогресса.

В большинстве случаев «прогресс» происходит не под воздействием внутренних причин, а в результате культурной интервенции Запада. В результате неизбежна «обратная реакция» в странах, «для которых секуляризация сознания, разрушение святынь, распад архаических связей выступает как вторжение чуждой идеологии»^[524]. Таким образом противодействие «прогрессу», то есть «реакция» опирается на национальные традиции страны^[525].

Померанц подчеркивает, что западнический взгляд на мир не направлен специфически против российской культуры, «что страны Азии и Африки повторяют многие очень специфические черты русского развития...», и более того, цитирует Р. Беллу: «Германия была первой слаборазвитой страной... почувствовавшей мощное давление к переменам со стороны чуждых ей... западных обществ»^[526]. «Прогресс» имеет своим источником не просто «Запад», а ряд стран Европы (прежде всего Великобританию).

Западная модель общества и прогресс, связанный с «дифференциацией», ценен для Померанца и других либералов не по социально-экономическим причинам, а потому, что он (как им кажется) позволяет утвердить принципы индивидуальной свободы. Уровень свободы на современном Померанцу Западе много выше, чем на «Незападе». И автор подчеркивает, что это обусловлено всей историей западной культуры, которая выгодно отличается от истории «незападных» культур: «На Западе научное мировоззрение, развиваясь рядом с религиозными реформами, практически сживается с христианской по происхождению этикой. На Незападе внезапно появившаяся наука сталкивается с религией, совершенно не готовой к диалогу»^[527]. Это говорится о временах сожжения Д. Бруно, процесса Г. Галилея, «охоты на ведьм», в том числе и в странах «религиозных реформ». Но Померанц обходит эти «издержки», иначе его концепция постоянного превосходства Запада над «Незападом» может пострадать.

Свободная «западная» личность везде – чужая. Даже в странах Западной Европы в прошлом. Дело не в Западе, а в свободной личности. А Запад – миф о сообществе таких свободных людей. В действительности эти «чужие» атомами рассеяны по планете – где гуще, где жиже. Они объединяются в сообщества диаспорного типа и опираются на помощь государств, которые подняли западные ценности на щит. Но государства Запада – в меньшинстве, возникновение этих оплотов свободы – счастливый случай.

Померанц делает вывод: «Подготовка условий капитализма в Европе — результат аномалии европейского общества...»^[528] Без специфических («аномальных») европейских черт культуры развитие после феодализма невозможно. Без «вестернизации» «Незапад» обречен на вечный застой. Отсюда двойственное отношение

Померанца к преобразованиям Петра, методы которых весьма далеки от либеральных идеалов: «Петр втолкнул Россию в Европу. Он бросил семена европейской культуры, и лет через сто они проросли»^[529]. Возникает соблазн так же «не либерально» втолкнуть Россию в Европу еще разок. Несмотря на возможные жертвы и деспотичность методов «вталкивания». Чтобы когда-нибудь потом все же «проросли семена». Этот эксперимент будет проведен в 90–е гг.

Тесная увязка принципа индивидуальной свободы и примера Западной культуры (в значительной степени идеализируемой при этом) определяет неразрывную связь между российским либерализмом и «западничеством». Эта связь еще не была так однозначна в XIX в., когда либерал мог одновременно быть и славянофилом. В 60–70–е гг. XX в. осознание опыта российского пути к свободе оттолкнуло либералов от попыток самостоятельного поиска в этом направлении, а почвенников — от увлечения западными теориями (в том числе и теорией приоритета гражданских прав и индивидуальной свободы). И хотя оба лагеря (либеральный-»западнический» и консервативный-»почвеннический») сохраняли более или менее выраженную антикоммунистическую направленность, их противостояние друг другу было не меньшим, а подчас большим, чем противостояние официальной доктрине.

Оба течения связывали бедствия последних десятилетий с явлениями, которые роднят их противника с коммунизмом. «Почвенники» «упирали» на западное происхождение марксизма, антирусский характер большевистской революции. Либералы связывали и большевизм, и «почвенничество» с утопией, указывая на невозможность воплощения в жизнь идеалов и того, и другого^[530]. Однако и идеалы либерализма в полном объеме никогда не воплощались в жизнь. Методы проведения «либерализации» часто бывали деспотичны, права человека в странах Запада то и дело нарушались. Остается только одно преимущество западного мировоззрения — оно «реалистично», а «почвенничество как всякий романтизм фантастично и часто реакционно...»^[531]

Почвенники подвергались атакам не только со стороны либералов-«западников», но и со стороны диссидентов-коммунистов. Так, например, в 1979 г. статья Р. Пименова о выставке И. Глазунова подверглась резкой критике в самиздате со стороны ветерана диссидентского движения и социалистки по взглядам Р. Лерт: «Заявив, что Глазунов «превосходно передал русскую душу»..., Пименов уточняет: под русской душой он, Пименов, здесь понимает «строй мыслей и чувств деревенского населения околomosковских областей, ну хотя бы бывшего Владимиро-Суздальского княжества».

Мне, честно говоря, не понятно, как можно так делить душу русского народа... То есть, я понимаю, конечно, что в ряде научных дисциплин (социологии, экономике, статистике, фольклористике и др.) такое расщепление на области и ареалы обитания вполне обоснованно. Но при чем тут «душа»?... Все же я успела испытать легкое недоумение: обладал ли бессмертной (и национальной) душой обитатель русского севера Михайло Ломоносов и обладают ли ею его земляки, наши современники, — скажем Ф. Абрамов или В. Белов? А Василий Шукшин?...

Но недоумение тут же рассеялось.

«Этнически, — продолжает Пименов сразу же после упоминания Владимиро-Суздальского княжества, — это конечно сплав славянской и финно-угорской крови (меря, весь, чудь), но столь древний, что законно говорить о русской душе».

Вот тут уже что-то похожее на искренность! Душа народа по Пименову определяется расой, кровью (знакомые слова, не правда ли?). Добиться в конце XX века расовой чистоты трудновато (это Пименов понимает). Но он все же настаивает на том, что говорить о русской душе законно лишь в том случае, если эта душа обитает в теле, обладающем достаточно древним «сплавом крови»... К чести ранних славянофилов, нужно сказать, что они, в отличие от тех, кто сегодня претендует на их наследие, сортировки по расовому признаку не производили. Они понимали, что душу нации образует не кровь, а культура — ценность, не упоминаемая Пименовым в его «списке добра»... Национальные характеры существуют, но национальной иерархии нет, кроме как в воспаленных национализмом мозгах... Духовная самоизоляция не способствует, а противодействует

самосохранению, жизненной силе и здоровью нации и национальной культуры: в результате такой самоизоляции культура хиреет, становится хрупкой и ломкой»^[532].

Р. Пименов, подвергшийся столь острой критике за национализм со стороны коммунистки–диссидентки, тоже принадлежал к диссидентским кругам. Диссидентство было «многопартийным».

От социалистки Лерт доставалось и западникам: «Есть среди них и философы, и экономисты, проповедующие, что спасение России придет не от Христа, не от Мессии, не от Маркса, а от... барыги–спекулянта»^[533]. Как видим, дискуссии 70–х гг. не носили «умозрительного» характера, и опасности, о которых предупреждали тогда, стали реальностью дня в 90–е гг.

* * *

В начале 70–х гг., столкнувшись с критикой русской национальной традиции, один из теоретиков почвеннического течения и видный диссидент И. Шафаревич выдвинул версию о том, что угрозу культуре России несет «русофобия», существующая как идеологическая и социальная сила. В систематическом виде взгляды Шафаревича по этому вопросу были сформулированы в книге «Русофобия», которая была написана в 1978–1982 гг., распространялась в машинописных копиях и вышла массовым тиражом уже в период Перестройки, оказав большое воздействие на взгляды национал–патриотов. В заочный спор с Шафаревичем вступил Г. Померанц — один из авторов, критике взглядов которого посвящена «Русофобия»^[534].

Книга Шафаревича «Русофобия» стала реакцией на целую серию статей в диссидентской и зарубежной прессе, квинтэссенция которых выражена в словах В. Горского: «первая и главная задача России — преодолеть национально–мессианское искушение. Россия не может избавиться от деспотизма, пока она не избавится от идеи национального величия. Поэтому не «национальное возрождение», а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего»^[535].

У. Лакер считает, что Шафаревич «обрушивается на эмигрантские журналы, о которых вряд ли слышал хоть один на тысячу русских»^[536]. Однако прием Шафаревича оправдал себя — он предвидел, что точка зрения, изложенная несколькими самиздатскими и тамиздатскими авторами, содержит в эмбрионе идеологию, которая овладеет умами значительной части интеллигенции СССР.

Шафаревич так суммирует взгляды этого течения: «историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью». К этим же чертам относятся русский мессианизм и ксенофобия. «Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика — это прямое продолжение варварской истории России». Рецепт, предлагаемый оппонентами Шафаревича — изменение культурной структуры России и «построение общества по точному образцу современных западных демократий»^[537].

Этот портрет, отчасти совпадающий, но с противоположным знаком, с идеями «красных патриотов», основан лишь на наиболее радикальных высказываниях западников. Взгляды Г. Померанца, например, более взвешены. Но и он считает: «когда нужно сделать выбор между империей и свободой, русский человек обычно выбирает империю»^[538]. Из этого «правила» немало исключений — 1905 год, февраль 1917 года, голосование в Учредительное собрание. А часто ли у русского народа была возможность выбирать? Важно и другое — империя как форма государственности пользовалась немалой популярностью и у европейских народов — включая англичан, испанцев и французов, чьи империи превосходили по территории Российскую. Достаточно почитать Р. Киплинга, чтобы усомниться в категорическом утверждении Померанца: «В странах, в которых неудержимо пошло Новое время (в Англии, Голландии), имперской идеи не было»^[539]. Принципиальный вопрос не в том, выбирали ли русские когда-нибудь несвободу, а в ином — является ли склонность к такому выбору отличительной особенностью русской культуры в сравнении с европейской.

В целом дискуссия западников и почвенников к началу Перестройки была проведена в «ничью». Обе стороны чувствовали

себя победителями и продолжали спорить — опровергая тем самым вывод о победе. Западник А. Янов нашел специфическое объяснение этого парадокса: «Их (почвенников – А.Ш.) интеллектуальное поражение могло быть обращено в победу только в союзе с государством»^[540]. Поскольку говорить об интеллектуальном поражении оппонентов западничества в середине 80–х гг. не приходилось, эта мысль отражает скорее эволюцию тактики противоборствующих сторон. Они все явственнее осознавали, что победа может быть достигнута не столько на поле аргументов, сколько — в недрах правящей элиты. Кто окажется сильнее — вдохновляемые почвенниками «красные патриоты» или пропагандируемые западниками и социалистами реформисты? От этого зависел выбор стратегии реформ в 1983–1986 гг.

Писатели у черты

В конце 70–х гг. росло напряжение между застывшими рамками дозволенной свободы и растущими потребностями усложнившихся идейных и культурных течений в самовыражении. В это время активизировалось диссидентское движение. Одновременно и творческая интеллигенция решила проверить стену на прочность.

Оппозиционно настроенные писатели В. Аксенов, В. Ерофеев и Е. Попов в конце 1978 г. подготовили альманах «Метрополь» — неподцензурный, но аполитичный. 23 литератора предоставили в него свои произведения: В. Аксенов, А. Битов, В. Ерофеев, Ф. Искандер, Е. Попов, А. Арканов, В. Высоцкий, М. Розовский, Ю. Алешковский, Б. Ахмадулина, А. Вознесенский и др. С «Метрополем» сотрудничал философ Л. Баткин.

На 21 января 1979 г. была намечена презентация сборника в одном из московских кафе. В предисловии к сборнику писатели обличали «муторную инерцию», «раздутую всеобщую ответственность» и «состояние тихого застойного перепуга», царящие в отечественной словесности. Они потребовали публикации сборника, выражаясь официальным языком — «минуя общепринятый порядок», то есть вне очереди и без цензуры^[541]. «Никаких добавлений и купюр не

разрешается», — провозглашал «Метрополь». «Ничего себе условие для решения задачи «расширения творческих возможностей советской литературы»! — гневался руководитель Московской организации Союза писателей Ф. Кузнецов, — Условие на грани шантажа и фантастики; ни одно издательство в мире не в состоянии принять его, если думает об интересах дела, а не о грязной игре, не имеющей ничего общего с литературой»^[542]. Комментируя фразу о «застойном перепуге», Кузнецов обрушил на «метропольцев» весь «вес» отечественных литературных авторитетов, некоторые из которых действительно могли позволить себе публиковать смелые произведения: «Но кто же из писателей находится в такого рода «застойном перепуге»? Может быть Айтматов? Симонов? Бондарев? Абрамов? Гранин? Астафьев? Распутин? Трифонов? Бакланов? Быков?»^[543]. Что могли на это ответить авторы «Метрополя»? Начать обличать названных писателей за недостаточную смелость?

По мере чтения альманаха партийно–писательские функционеры приходили в ужас: «Ряд произведений изобилует эротическими, подчас откровенно порнографическими сценами», — рапортовал секретариату ЦК заведомо культуры ЦК В. Шауро^[544]. Особенное раздражение литературных властей вызвало внимание авторов «Метрополя» к теневым сторонам обыденной жизни «социалистического общества», а также «эстетизация уголовного», пошлость, «богоискательство» (по выражению Ф. Кузнецова)^[545].

Конфликт разрастался. 12 января инициаторы отказались отменить презентацию даже в обмен на обещание частично опубликовать сборник. 19 января В. Аксенов, Б. Ахмадулина, В. Ерофеев, А. Битов, Е. Попова, Ф. Искандер обратились к Брежневу с письмом, в котором просили его «найти время и вникнуть в конфликтную ситуацию, возникшую в Московской писательской организации». «Основная задача нашей работы — расширить творческие возможности современной советской культуры, способствуя тем самым обогащению нашей культуры и укреплению авторитета как внутри страны, так и за рубежом,» — писали литераторы и добавляли, что поведение руководства Московской организации СП «резко противоречит ленинской культурной политике»^[546]. Но эстетические представления чиновников ЦК были ближе к взглядам руководства СП.

В. Ерофеев вспоминает, что «кампанию по травле «Метрополя» со всей решительностью возглавил Феликс Кузнецов. Когда он выдыхался, то распахивал двери своего кабинета, и в него врывались, чтобы продолжать с нами борьбу, Лазарь Карелин и Олег Попцов»^[547].

20 января 1979 г., за день до презентации, Московская организация Союза писателей собралась для разгрома составителей «Метрополя». «Все было так мерзко, так подло, что нам ничего не оставалось, как вести себя «героически», — вспоминал В. Ерофеев, — Искандер сказал, что в нашей стране мы живем как будто под оккупацией. На Попова особенно разозлились за то, что он записывал их же выступления. Аксенов назвал Союз писателей «детским садом усиленного режима»^[548]. Но уже 22 января на заседании парткома СП писатели заявили, что отказываются от пресс-конференции и переправки своего труда за границу. Правда, на следующий день «Голос Америки» сообщил о том, что сборник уже переправлен и готовится к изданию^[549]. Похоже, в это время авторы «Метрополя» уже почувствовали, что зашли слишком далеко. Аксенов написал письмо секретарю ЦК М. Зимянину, где обвинял Кузнецова в том, что тот «стремится превратить наше литературное начинание в политический скандал, преследуя по всей вероятности карьерные соображения»^[550]. Позднее авторы согласились и на корректуру текста, отказавшись от главного пункта своей «программы», который вызвал наибольшее раздражение официоза. Но конфликт уже приобрел собственную инерцию, разбирательства шли на московских писательских форумах, критика «Метрополя» попала и на страницы «Литературной газеты». В. Ерофеев и Е. Попов были исключены из Союза писателей. «Мы с Поповым в один миг оказались диссидентами», — вспоминает В. Ерофеев^[551]. Аксенов, Искандер, Лиснянская, Липкин, Битов пригрозили выйти из Союза писателей, если «молодых» не восстановят. Начался международный скандал. Несколько маститых американских писателей, которые до этого издавались в Советском Союзе, потребовали восстановить исключенных из СП под угрозой отказа печататься в СССР. В мае, несмотря на грозное апрельское постановление ЦК по идеологии, Союз писателей получил указание «сдать назад», и в июле–декабре вел переговоры с исключенными о восстановлении при условии хотя бы минимума политической лояльности. Но когда вопрос вновь стал

обсуждаться официально, «разрядка международной напряженности» закончилась. К тому же КГБ стало известно, что «метропольцы» не сложили оружия и планируют подготовить сборник № 2, к которому Аксенов хотел привлечь Можая, Распутина и Трифонова. Попов заявлял в узком кругу, что он является «сторонником активной борьбы с существующим в СССР строем методом литературы». КГБ знал и об этом^[552].

Д. Кречмар считает, что «Метрополь» пал жертвой «жесточкого сопротивления культурной бюрократии», отстаивающей свое монопольное право на цензуру^[553]. Вряд ли можно признать самостоятельность писательской бюрократии в таких вопросах – окончательные решения принимались выше.

В итоге был устроен образцово–показательный разгром «отщепенцев», подавших заявление о приеме назад в Союз. В этом разгроме участвовали не все присутствующие: «В какой–то момент Гамзатов встал и сказал: «Хорошо отвечаешь! Надо решить вопрос, принять их, и все!»... Когда все уже расходились, Михалков нам шепнул: «Ребята, я сделал все, что мог, но против меня было 40 человек...»^[554]

Аксенов, Липкин и Лиснянская вышли из Союза писателей, Аксенов вскоре уехал работать в США и был лишен гражданства. По просьбе «репрессированных» Искандер, Ахмадулина и Битов выходить из СП не стали (Битов сделал это позднее).

Борьба интеллигенции за свое право самовыражаться публично теперь уже вызывала у государства колебания – то ли частично уступить, то ли частично наказать. Решили лишить ослушника статуса – не более. Это почти автоматически отбрасывало еще несколько человек в диссиденты.

Но малейшие уступки были опасны для режима — по пути авторов «Метрополя» могли пойти и другие любители «чернухи». «Метрополь» справедливо расценивался как «разведка боем» «внутреннего противника».

С противоположной стороны наступали национал–патриоты. Вроде бы против западников, но также и против режима стабильности. В 1978 г. общественная активность национал–патриотов возросла, они провели ряд публичных выступлений, обращались с письмами в ЦК и другие инстанции. Много шума наделала книга Е. Евсеева «Сионизм в системе антикоммунизма», сообщавшая читателю, что сионизм имеет влияние и в СССР.

В то время как легальные «русисты» радикализировались, некоторые почвенники–диссиденты шли им навстречу. В середине 70–х гг. группа христиан–диссидентов, близких кружку о. Дмитрия Дудко пришла к выводу о том, что советский строй для русского народа предпочтительнее демократии, и необходимо только дополнить его православием. Лидер этой национал–большевистской группы Г. Шиманов со своими товарищами Ф. Карелиным и В. Прилуцким выпускали в 1980–1982 гг. журнал «Многая лета», в котором обосновывали эти идеи. Журнал был закрыт под давлением КГБ^[555].

В 1979 г. «Наш современник» начал печатать роман В. Пикуля «У последней черты». Это сатирическое произведение о Г. Распутине, Николае II и придворной жизни кануна революции 1917 г. вызвало протесты «прогрессивной интеллигенции» (которая здесь вполне могла выступать с ортодоксальных интернациональных позиций, как «Новый мир» в 1969 г.). В. Пикуль изобразил за спиной царя–дегенерата фигуры евреев–махинаторов. Скандал вызвал специальное разбирательство в ЦК. В записке завотделов культуры и пропаганды были высказаны многочисленные претензии Пикулю: «вне зависимости от намерений автора, его сочинение подводит к выводу, что самодержавие пало не в результате социальной революции, а саморазложилось, что совпадает с трактовкой буржуазных историков»^[556]. В качестве положительных героев у Пикуля действуют Победоносцев и особенно Столыпин, которому автор приписал просто революционные речи. Докладывая царю о помещиках, герой Пикуля заявляет: «Вот они и живут с земли, которую сосут, угнетая крестьян»^[557]. Таким образом Пикуль становился на сторону «реакционера», что и было поставлено ему в вину. Также писатель обвинялся в «натурализме» и «обострении ситуации» при описании «сионистского влияния»^[558]. Пикуль упоминает о еврейском происхождении одного из ведущих «злодеев» своего повествования И.

Мануса. В итоге разбирательства в ЦК публикация романа была продолжена только после новой тщательной редактуры, а договор на публикацию книжной версии отменен^[559]. Партийный окрик произвел на Пикуля тяжелое впечатление. «Антонина, его вдова, рассказывала мне, что он тогда жутко переживал, впал в депрессию из-за этих событий»^[560], – рассказывает нынешний издатель произведений В. Пикуля С.Н. Дмитриев. Он решил, что влияние сионистов очень велико.

«Дело Пикуля» заставило патриотический лагерь на некоторое время притихнуть, но в 1981–1982 гг. «Наш современник» опубликовал несколько радикальных статей таких авторов, как В. Кожин, С. Семанов, В. Крупин и А. Кузьмин.

В ходе общего наступления КГБ на оппозицию 1980–1983 гг. (см. Главу X) обнаружилось, что национал-патриоты находятся под влиянием самиздата и тамиздата. К тому же в условиях ослабления западников нужно было держать в узде и «русистов». В 1981 г. КГБ докладывал Политбюро: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя «русистами». Под лозунгами защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Развитие этой тенденции активно подстрекается и поощряется зарубежными идеологическими центрами, антисоветскими эмигрантскими организациями и буржуазными средствами информации... Опасность прежде всего состоит в том, что «русизмом», то есть демагогией о необходимости борьбы за сохранение русской культуры, памятников старины, за «спасение русской нации», прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя... В настоящее время и главный редактор журнала «Человек и закон» член КПСС Семанов С.Н. ... допускает злобные оскорбительные выпады в адрес руководителей государства. По оперативным данным, он пропагандирует необходимость борьбы с государственной властью и заявляет, что кончился «период мирного завоевания душ». Наступает революционный период... надо переходить к революционным методам борьбы... Если мы не будем сами сопротивляться, пропадем»^[561].

Семанов был снят с поста, и даже позднее ненадолго задержан за распространение самиздата. К «русистам» были применены преследования по службе. Но власти решили воздержаться от суровых уголовных мер в отношении национал–патриотической интеллигенции, ограничившись профилактикой и посадкой самиздатчика–почвенника Л. Бородина^[562].

Ю. Селезнев^[563] и В. Устинов были сняты с постов заместителей главного редактора «Нашего современника». В патриотической среде распространялись панические слухи о предстоящих арестах и угрозе «устранения» патриотов с помощью подстроенных несчастных случаев.

В 1981 г. историк–славянофил А. Кузьмин получил предупреждение о возможности покушения на него. Вслед за этим последовала серия инцидентов, опасных для его жизни^[564]. Один из учеников А. Кузьмина рассказывал мне, что в это время его учитель опасался стоять рядом с обочиной дороги. Летом 1982 г. в ходе конфликта либеральной и патриотической профессуры в МГПИ им. Ленина ослабли позиции патриотического кружка профессора А. Кузьмина.

Наступление на «русскую партию» было частью общего закручивания гаек, под которое попали представители всех общественных течений^[565]. Только диссиденты в ходе этого наступления были сокрушены полностью. Остальные течения и движения, в том числе и патриоты, сохранились, чтобы принять участие в событиях Перестройки.

Глава VII

Глобальные стратегии

Конвергенция

Помимо «Нового мира» штабом интеллигентской фронды в середине 60–х гг. была Академия наук.

В 1964 г. под влиянием книги Ж. Медведева о притеснениях генетиков при Лысенко группа академиков–антисталинцев выступила

против избрания лысенковца Н. Нуждина членом АН. Это было первое публичное общественное выступление А. Сахарова. Успех в борьбе с лысенковцами вдохновил академиков на дальнейшую общественную активность – 13 из них подписали письмо против реабилитации Сталина.

Андрей Сахаров до начала 60–х гг. был кабинетным ученым, далеким от общественной борьбы. В 1948 г. он был включен в исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия, стал одним из «отцов» термоядерной бомбы. С 1953 г. — академик. В условиях «оттепели» Сахаров стал время от времени сталкиваться с новыми для него общественными проблемами. В 1957 г. Сахаров помог пострадавшему за неосторожные высказывания врачу жены, на совещаниях иногда спорил с влиятельными чиновниками. Дальше – больше. «Начиная с 1957 года (не без влияния высказываний таких людей, как А. Швейцер, Л. Полинг и некоторых других) я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях,»^[566] — вспоминал Сахаров. С конца 50–х гг. Сахаров выступал за ограничение и прекращение ядерных испытаний. На этой почве с 1961 г. даже конфликтовал с руководителями советского государства. В итоге победила линия тех, кто выступил за ограничение испытаний, и Сахаров стал одним из инициаторов договора 1963 г. о запрещении испытаний в трех средах.

Как человека науки, Сахарова впечатлила история о гонениях на генетику в 1948 г. «Ходившая по рукам, минуя цензуру, рукопись биолога Жореса Медведева была первым произведением самиздата, которое я прочел. Я прочел также в 1967 году рукопись книги историка Роя Медведева о преступлениях Сталина. Обе книги, особенно вторая, произвели на меня очень сильное впечатление. Как бы ни складывались наши отношения и принципиальные разногласия с Медведевыми в дальнейшем, я не могу умалить их роли в своем развитии»^[567].

Сахаров принялся осваивать Маркса – путь, обычный для левых инакомыслящих. «Впрочем, желание изучать марксизм и теорию социализма по первоисточникам у Сахарова быстро прошло»^[568], — с печалью вспоминает Р. Медведев. Источниками социальных взглядов Сахарова стали западные ученые А. Эйнштейн, Н. Бор, Б. Рассел, Л. Полинг и А. Швейцер.

В 1968 г. академик А. Сахаров написал работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», в которой предложил путь «конвергенции» двух мировых систем: «Я считаю, что в ходе углубления экономической реформы, усиления роли экономических рыночных факторов, при соблюдении необходимого условия усиления народного контроля над управляющей группировкой (это существенно и в капиталистических странах) все шероховатости нашего распределения будут благополучно и безболезненно ликвидированы. Еще больше и принципиально важна роль углубления экономической реформы для регулирования и стимулирования общественного производства методом правильного (рыночного) ценообразования, целесообразного направления и быстрого эффективного использования капиталовложений, правильного использования природных и людских ресурсов на основе соответствующей ренты в интересах нашего общества»^[569]. Этот взгляд, пусть и не столь прямо выраженный, разделяли многие представители правящей элиты. Казалось, что сочетание элементов социализма и капитализма окажется синтезом именно всего лучшего, а не худшего в них, что некоторый демократический контроль за элитой позволит преодолеть застой в карьере и сделает аппарат более эффективным.

Многие конкретные предложения А. Сахарова также фактически развивали официальную доктрину:

«1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества...

2. Проявлять инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом».

Однако некоторые предложения шли в разрез с «линией партии» и отражали интересы слоя специалистов:

«3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять «Закон о печати и информации», преследующий целью не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе...

4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указания, нарушающие «права человека».

5. Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших место в последнее время

политических процессов... Немедленно облегчить режим для политических заключенных.

6. Необходимо довести до конца — до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды — разоблачение сталинизма...»^[570]

Этот набор общедемократических требований затем повторялся и дополнялся в различных обращениях либерально и демократически настроенной интеллигенции.

Впоследствии Сахаров скромно оценивал эту свою работу: «Основные мысли, которые я пытался развить в «Размышлениях», не являются очень новыми и оригинальными. В основном это компиляция либеральных, гуманистических и «наукokratических» идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное («сырое») по форме»^[571].

Брежнев воспринял письмо Сахарова с раздражением – не дело физиков лезть в политику. Поскольку Сахаров настаивал на своей правоте, его отстранили от секретных работ и перевели в Физический институт в Москве.

* * *

Пропагандистом левого варианта конвергенции был Р. Медведев, стремящийся к налаживанию диалога между реформистами и властью, а в перспективе к оформлению легальной оппозиции в виде советской Социалистической партии. По мнению Р. Медведева необходимо было сохранить несколько модернизированную хозяйственную систему СССР, демократизировав политическую надстройку (подобные взгляды были популярны во время Перестройки): «Я глубоко уверен, что в обозримом будущем наше общество должно строиться на сочетании социализма и демократии, и что именно развитие марксизма и научного коммунизма позволит создать наиболее справедливое человеческое общежитие.

Инженеры и ученые должны иметь гораздо больший вес в нашем обществе, чем они имеют сегодня. Но это вовсе не исключает и научно

организованного политического руководства. Оно предполагает, в частности, отмену большинства привилегий для руководителей, разумное ограничение политической власти, эффективный народный контроль, самоуправление везде, где оно только возможно, расширение полномочий местных органов власти, разделение законодательной, исполнительной и судебной властей, ограничение любых политических полномочий определенными сроками, полную свободу слова и убеждений, включая, естественно, и свободу религиозных убеждений и религиозной проповеди, свободу организаций и собраний для людей и групп всех политических направлений, свободные выборы с одинаковым правом на выдвижение своих кандидатов для всех политических группировок и партий, свободу передвижения по стране и свободу выезда и т. д., и т. п.»^[572]

Р. Медведев считал себя коммунистом, ленинцем, и возлагал основную вину за нынешние проблемы СССР на Сталина. В 1962–1968 гг. Р. Медведев написал книгу «К суду истории», в которой рассматривал преступления Сталина, обращая основное внимание на его роль в массовых репрессиях. В 1969 году за эту книгу был исключен из КПСС.

Критикуя позицию Р. Медведева, оправдывающего массовый террор большевиков времен гражданской войны и осуждающий террор Сталина, И. Шафаревич ставит вопрос:

«Не в том ли здесь разница, что насилие во имя марксизма — вообще не насилие и поэтому не противоречит «принципиальным соображениям»? А причина та, что марксизм — это наука, и насилие во имя его — это просто эксперимент. Таковую точку зрения Р. Медведев действительно высказывает. Один раздел в его работе так и называется: «МАРКСИЗМ, КАК И ВСЯКАЯ НАУКА, ИМЕЕТ ПРАВО НА ЭКСПЕРИМЕНТ». Подобно классическому силлогизму о смертности Кая, это утверждение расчленяется на два положения: 1) «Всякая наука имеет право на эксперимент» и 2) «Марксизм есть наука». Вряд ли стоит опровергать первое положение: доказывать, что не только не ВСЯКАЯ, но НИКАКАЯ наука не имеет права на эксперимент, за который надо расплачиваться человеческой жизнью, тем более — миллионами жизней»^[573].

И второе утверждение, по мнению Шафаревича, ложно. Марксизм — не научен, ибо предсказания «классиков» не оправдываются, а сам

марксизм беспомощен в анализе обществ, возникших в результате «социалистических» революций. Особенно субъективно выглядят попытки марксиста Медведева объяснить социально–политические сдвиги 30–х гг.:

”Все объяснения, которые она (книга Медведева «К суду истории» — А.Ш.) предлагает для объяснения этой грандиозной драмы, в конечном итоге ведут нас к личным свойствам и побуждениям Сталина, как будто автор взялся на этом примере опровергнуть классическое положение марксизма: «...как выставленные напоказ, так и действительные побуждения исторических деятелей вовсе не представляют собой конечных причин исторических событий, за этими побуждениями стоят другие движущие силы, которые и надо изучать» (Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии»)[574].

Логика Р. Медведева, однако, была несколько глубже. Он обращал внимание на то, что революция произошла в стране, не вполне к такой революции готовой (об этом писал и Ленин, признавая в конце жизни правоту меньшевиков в этом вопросе). Следовательно, неизбежны издержки, которые могут быть преодолены только по мере общего развития культуры как правящей элиты (отсюда — надежды Р. Медведева на новое поколение партийных функционеров, так и населения в целом.

Поддерживая дружеские связи со многими реформистами в элите (А. Бовин, О. Лацис, Л. Карпинский, Ф. Бурлацкий, Г. Шахназаров и др.), семьями старых большевиков, пострадавших при Сталине, «прогрессивными» деятелями искусства и писателями (Ю. Любимов, круг журнала «Новый мир», В. Лакшин), Медведев надеялся наладить канал воздействия интеллигенции на власть. Подписные кампании середины 60–х гг. давали на это надежду. Но по мере того, как власть раз за разом отказывалась от диалога, академическая общественность и видные деятели культуры охладели к этой деятельности.

Переломным стал момент ввода войск в Чехословакию. Кинорежиссер М. Ромм написал проект письма протеста, его подписал академик И. Тамм. Начался сбор подписей, в котором активно участвовал Сахаров. Но затем процесс затормозился — Солженицын хотел внести коррективы или даже переписать письмо. На Тамма надавили власти, и он снял подпись. После этого дело развалилось [575].

И это было поражением движения подписантов 1966–1968 гг. Отныне статусные фигуры все реже принимали участие в подписных кампаниях. Мост между оппозицией и статусными инакомыслящими стал обваливаться. Но Сахаров еще пытался сохранить такую тактику вместе с Медведевым. В итоге, когда мост обвалился окончательно, Сахаров остался на берегу оппозиции.

19 марта 1970 года А. Сахаров, Р. Медведев и В. Турчин опубликовали выдержанное в лояльных тонах открытое письмо к руководству государства («Письмо руководителям партии и правительства»), где, ссылаясь на взаимосвязь проблем демократизации и технико-экономического прогресса, доказывали необходимость политических реформ: «Началась вторая промышленная революция, и теперь, в начале семидесятых годов века, мы видим, что, так и не догнав Америку, мы отстаем от нее все больше и больше.

В чем дело? Почему мы не только не стали застрельщиками второй промышленной революции, но даже оказались неспособными идти в этой революции вровень с развитыми капиталистическими странами?»

«Источник наших трудностей — не в социалистическом строе а, наоборот, в тех особенностях, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник — антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день. Внеэкономическое принуждение, ограничения на обмен информацией, ограничения интеллектуальной свободы и другие проявления антидемократических извращений социализма, имевшие место при Сталине, у нас принято рассматривать как «издержки процесса индустриализации»»^[576].

Авторы письма предлагали дополнить реформу 1965 г., которая уже буксовала, демократизацией, гласностью и другими общедемократическими предложениями. Предполагалась осторожная и постепенная реформа сверху (такой же путь «сверху», но в другом направлении, предлагал и Солженицын).

Письма во власть, которые А. Сахаров и Р. Медведев направляли в 1970–1971 гг., не возымели действие. Разочаровавшись в попытках

наладить диалог с властью, Сахаров сближается с либеральными диссидентскими кругами^[577].

Считая СССР более агрессивной силой, чем США, Сахаров направил усилия на спасение Запада от советской угрозы. В его картине мира это значило – сохранять глобальное равновесие. Выбрав свою сторону в «холодной войне», Сахаров стал сдвигаться вправо в своих взглядах.

В частных разговорах в 1973 г. Сахаров говорил: «Я думаю, что история могла бы развиваться, может быть, более благоприятно, без Октябрьской революции»^[578]. Более того, он оправдывал белый террор и переворот Пиночета как спасение от коммунизма (см. Главу X).

В середине 70–х гг. Сахаров сдвинулся вправо и в другом важном вопросе, отойдя от пацифизма в оценке войны в Индокитае. Теперь он считал, что «решительные военные усилия» США могли исправить ситуацию и не допустить победы коммунистов^[579]. Здесь мы видим не только сближение позиций Сахарова и Солженицына (в пользу последнего), но и двойные стандарты в отношении Сахарова к войнам во Вьетнаме и Афганистане.

Но при всем своем западничестве А. Сахаров не разделял радикальной «западнической» концепции, которая позволила И. Шафаревичу говорить о «руссофобии». Академик был весьма категоричен в отношении таких взглядов: «это «темные азиатские страны», без демократических традиций, без привитого веками уважения к правам личности, к индивидууму. Для этих стран — для русских, для китайцев, для вьетнамцев — все, что происходит (террор, бестолковщина, грязь в роддоме, нарушение свобод — я нарочно назвал разноплановые вещи), — якобы привычно и даже «прогрессивно», они таким странным образом делают шаг вперед... Эти типичные леволиберальные аргументы (я их называю «славянофильством наоборот») никак не оправданы историческим опытом...»^[580]

Если Р. Медведев представлял левый фланг сторонников конвергенции, то правый фланг представил Ю. Орлов – уже известный нам по выступлению мэнэсов 1956 г., а теперь – член–корреспондент АН Армянской ССР. В 1973 г. он активно включился в диссидентское движение, а для начала направил письмо Брежневу, в котором писал: «Исторические факты таковы, что новая научная и промышленная революция началась и интенсивно продолжается на Западе», а советская наука и экономика отстают, в том числе и из–за прошлых гонений на «лженауки»^[581].

Ответа не последовало, и Орлов развернул свои аргументы в статье «Возможен ли социализм нетоталитарного типа?»

Существующий в СССР строй Ю. Орлов считает «Тоталитарным социализмом». В этой системе владение «экономической инициативой» не является пожизненным и не передается по наследству^[582]. Слово «тоталитарный» взято сюда из западной политологии без обоснования (упоминается лишь «тоталитарный репрессивно–идеологический аппарат», что для 70–х гг. уже анахронизм), зато текст получился жестче, критичнее.

Этот строй по Орлову является продуктом деградации от капитализма к феодализму. Для обоснования этой идеи Орлову приходится преувеличить достижения Российской империи и вспомнить о разрушениях времен гражданской войны. Однако очевидно, что с тех пор советское общество заметно изменилось^[583].

Главная черта советской системы не тоталитаризм, а монополизм, что гораздо ближе к реальности: «Современный социализм в СССР связан с максимальной монополизацией инициативы, в частности, экономической инициативы. Коллективный владелец этой инициативы — верхушка государственного аппарата — является владельцем временным, которому, так сказать, «доверено» право игры с собственностью. Формальным же владельцем собственности, средств производства и т.д. является «общество в целом», оно же — единственный наследник». Совместим ли такой монополизм с демократией, что предполагает идея конвергенции? «Это последнее обстоятельство могло бы ограничивать свободу произвола истинных владельцев инициативы — но лишь при наличии политических свобод в полном объеме: независимых партий, представляющих различные взгляды на цели и методы, независимых профсоюзов, действительно

выборного парламента и т.д. Это и был бы демократический социализм с централизованной экономикой, реальную возможность которого в долговременном плане я оспариваю...

Если мои соображения о неустойчивости демократического социализма с монополизированной экономикой окажутся убедительны, то следует признать, что искомая структура должна характеризоваться прежде всего определенной децентрализацией, демонополизацией ненаследственной (т.е. временной) собственности и инициативы и более или менее однозначно регламентированной (и малой по величине) долей прибыли, идущей на личное потребление временных владельцев инициативы»^[584].

Сможет ли демократия, скажем, Советы, заменить существующий аппарат в его роли активного, инициативного руководителя и надзирателя? Как это конкретно будет выглядеть? Будет ли, например, решение о разворачивании нового производства приниматься большинством голосов в каких-либо Советах или с помощью референдума? Кто будет принимать ключевые решения, требующие немедленного принятия? К чему приведет ликвидация целеустремленного репрессивно-идеологического аппарата в условиях слабого стимулирования? Если сохранятся рамки жесткого центрального планирования, то каким будет механизм принятия решений по качественному, а не просто количественному изменению производства?»^[585]. Орлов ставит проблемы демократического планирования, которые давно обсуждаются теоретиками демократического социализма. Очевидно, что централизованное управление всей экономикой препятствует развитию демократии. Но ведь можно уйти от него к самоуправлению, сетевой координации.

За развитие производственного самоуправления как основы конвергенции выступал В. Белоцерковский^[586], но еще до публикации своих изысканий он эмигрировал из СССР.

Орлов мыслит технократически и считает органы самоуправления и демократические советы некомпететными. Но ведь это зависит от того, кого туда выбирают – то есть от системы выборов.

Орлов считает, что децентрализация экономической инициативы возможна только путем введения ограниченной частной собственности, которую смешивает с владением^[587]. В модели Орлова крупные предприниматели не могут передавать средства производства

по наследству. Стимул собственности, таким образом, заменен стимулом к игре и зарплатой, пропорциональной прибыли^[588]. Собственно, это близко к замыслу перестроечной реформы 1987 г. Но, получив широкие полномочия, директора стали искать пути перевода фондов предприятий в свой карман, что стало обескровливать экономику. Таким образом, критикуя неустойчивую модель социализма, подобную той, что выдвигает Медведев, Орлов противопоставляет ей другую неустойчивую модель, которая находится в шаге от капитализма образца второй половины XX века — с властью технократии и социальным государством.

От социализма в этой модели «децентрализованного социализма»^[589] практически ничего не остается, да и сам Орлов честно признает, что считает: при полной реализации «социализм и тоталитаризм подходят друг другу как левый сапог правому»^[590].

Поперек прогресса

5 сентября 1973 г. А. Солженицын направил Брежневу свое «Письмо Вождям Советского Союза». Слово это применительно к руководителям СССР было анахронизмом. Вождизм был чужд им по самому духу, они не вели народ в землю обетованную, а обороняли уже достигнутый край земли.

Вождями по складу были инакомыслящие. Их не устраивало настоящее, они искали путей в будущее (или в прошлое – лишь бы не оставаться в этом застойном болоте).

Нобелевский лауреат писал Генеральному секретарю: «Я не теряю надежды, что Вы, как простой русский человек с большим здравым смыслом, вполне можете мои доводы принять, а уж тогда тем более будет в Вашей власти их осуществить»^[591].

Солженицын знал, что кремлевские правители не склонны к диалогу с оппозицией, но он надеялся убедить кремлевских «вождей», предложив им нечто, поражающее своей мудростью.

В начале письма Солженицын силой художественного слова воспел внешнеполитические успехи СССР и подытожил: «Действительно, внешняя политика царской России никогда не имела

успехов сколько–нибудь сравнимых»^[592]. Запад для Солженицына – исчезающая величина. Преувеличивая глубину кризиса западных государств, Солженицын утверждает, что «Западный мир, как единая весомая сила перестал противостоять Советскому Союзу, да даже перестает и существовать»^[593].

Солженицына также не устраивает свободомыслие, и здесь он видит ключ к сердцу вождей Советского Союза. Он – за авторитарный строй, но основанный не на идеологии (в смысле – коммунистической идеологии), а на принципе нравственности^[594] и прочих благих пожеланиях к правителям (ну, чтобы добрые были и мудрые).

Здесь Брежневу оставалось только плечами пожать – Советское общество гордилось своими моральными нормами. И впрямь – сравнить пуританизм той эпохи с нынешним российским разгулом – что еще Солженицын хотел. А хотел он не просто нравственности, а Православия, при чем допетровского. Но раз уж нельзя вернуться в XVII век, то хоть в Российскую империю: «Тысячу лет жила Россия с авторитарным строем – и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа»^[595]. Наивно было думать, что Брежнев, еще заставший Российскую империю с ее острыми социальными проблемами, мог всерьез отнестись к таким аргументам.

Не могли убедить Брежнева и рассказы об экономических успехах дореволюционной России, о том, как она «веками» вывозила хлеб^[596] – ведь он знал, чего это стоило крестьянину. Брежнев, считавший одной из важнейших задач своей политики обеспечить население хотя бы хлебом, гордился тем, что удалось исключить повторение голода при любой засухе – потому что у СССР было, что экспортировать помимо продовольствия, леса и пеньки^[597].

Солженицын рискованно апеллирует к воспоминаниям Брежнева и других геронтократов: «И все вы по вашему возрасту хорошо помните прежние до–автомобильные города – города для людей, лошадей и собак, еще – трамваев, человечные, приветливые, уютные, всегда с чистым воздухом...»^[598] Брежнев, если бы хотел спорить, мог бы добавить: с трущобами и эпидемиями, с собаками господ, которые живут лучше рабочих. Воистину, города для людей и собак, но не для всех, а только избранных.

Брежнев ознакомил с письмом все Политбюро, то есть «вождей Советского Союза». Вывод был короткий: «Он пишет, в отличие от всех предыдущих писем, несколько иначе, но тоже бред»^[599].

Он шел к письму вождям, он поднимался со ступеньки на ступеньку до права советовать им на равных, а они... Они назвали его советы бредом. И не только они, но и большинство читателей сей мудрости были, мягко говоря, разочарованы.

* * *

В 1974 г. А. Сахаров разобрал проект А. Солженицына в статье «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза»». Он писал о союзнике, и поэтому старался смягчить пилюлю: «Так же, как Солженицын, я считаю ничтожными те достижения, которыми наша пропаганда так любит хвастать, по сравнению с последствиями перенапряжения, разочарования, упадка человеческого духа, с потерями во взаимоотношениях людей, в их душах»^[600]. Плохо получилось у коммунистов, Сахаров разочарован. Но лучше ли выйдет, если пойти дорогой Солженицына?^[601]

Сахаров поддерживает такие предложения Солженицына, как отказ от официальной поддержки марксизма в качестве государственной общеобязательной идеологии («отделение марксизма от государства»); отказ от поддержки революционеров во всем мире, сосредоточение усилий на внутренних проблемах; прекращение опеки восточной Европы, отказ от насильственного удержания национальных республик в составе СССР; аграрная реформа по образцу ПНР (формулировка Сахарова); разоружение в пределах, допустимых китайской угрозой; демократические свободы, религиозная терпимость, освобождение политзаключенных; укрепление семьи, свобода религиозного воспитания^[602].

Благо, ранее подобные предложения высказывались самим Сахаровым и другими реформистами.

А вот национально-авторитарный проект писателя вызывает решительные возражения академика: «Солженицын пишет, что, может быть, наша страна не созрела до демократического строя и что

авторитарный строй в условиях законности и православия был не так уж плох, раз Россия сохранила при этом строе свое национальное здоровье вплоть до XX века. Эти высказывания Солженицына чужды мне. Я считаю единственным благоприятным для любой страны демократический путь развития. Существующий в России веками рабский, холопский дух, сочетающийся с презрением к иноземцам, инородцам и иноверцам, я считаю величайшей бедой, а не национальным здоровьем. Лишь в демократических условиях может выработаться народный характер, способный к разумному существованию во все усложняющемся мире. Конечно, тут существует нечто вроде порочного круга, который не может быть преодолен за короткое время, но я не вижу, почему в нашей стране это невозможно в принципе. В прошлом России было немало прекрасных демократических свершений, начиная с реформ Александра II. Я не признаю поэтому аргументацию тех людей с Запада, которые считают неудачу социализма в России результатом ее специфики, отсутствием демократических традиций»^[603].

«Национальная специфика» проступает у Солженицына при оценке «главного зла»: «нерусский темный вихрь ПЕРЕДОВОЙ ИДЕОЛОГИИ налетел на нас с Запада в конце прошлого века, достаточно разорил нашу страну и потерзал нашу душу...», и уходит в Китай – не мешайте^[604]. И эту магическую картину должен был принять на вооружение прагматик Брежнев с его «большим здравым смыслом»?

Сахаров показывает, что Солженицын переоценил роль идеологии в советском обществе: «Скорее, если говорить именно о современном состоянии общества, то для него характерны идеологическая индифферентность и прагматическое использование идеологии как удобного «фасада», при этом прагматизм и гибкость в смене лозунгов сочетаются с традиционной нетерпимостью к инакомыслию «снизу». Так же, как Сталин совершал свои преступления не непосредственно из идеологических мотивов, а в борьбе за власть в процессе формирования общества нового «казарменного» по определению Маркса типа, так и современное руководство страны главным критерием при любых трудных решениях имеет сохранение своей власти и основных черт строя»^[605]. Характерно, что Сахаров опирается в своей критике на Маркса. Он критикует советскую

реальность не с консервативных, как Солженицын, а с социал-демократических позиций. Он защищает марксизм от Солженицына: «Мне далека также точка зрения Солженицына на роль марксизма как якобы «западного» и антирелигиозного учения, которое исказило здоровую русскую линию развития. Для меня вообще само разделение идей на западные и русские непонятно. По-моему, при научном, рациональном подходе к общественным и природным явлениям существует только разделение идей и концепций на верные и ошибочные. И где эта здоровая русская линия развития? Неужели был хоть один момент в истории России как и любой страны, когда она была способна развиваться без противоречий и катаклизмов»^[606].

Солженицын нападает на ИДЕОЛОГИЮ как таковую, хотя в действительности имеется в виду коммунистическая идеология, которую Солженицын собирается заменить своей – авторитарным консерватизмом. Все проблемы решит отказ от «идеологии»...

Но вот избавились от нее, и не процвела эРэФия. Значит, не только в коммунистических символах дело. В этом вопросе Сахаров прав: прагматик Брежнев хорошо понимал подчиненное место идеологических догматов в принятии конкретных решений. Авторитарный режим требовал лишь лояльности основным нормам, дабы открытое противоборство разных идеологических течений не раскачало лодку. Фигурально выражаясь, чтобы последователи Сахарова и Солженицына не устроили гражданскую войну между собой.

* * *

Солженицын противопоставляет коммунистическую идеологию патриотизму и призывает вождей Советского Союза отказаться от нее в пользу своего, националистического понимания патриотизма^[607]. И это предлагает советским патриотам человек, который вступил в зримый союз с Западом. Вряд ли такое могло звучать убедительно даже при более дружественном настрое руководителей СССР.

При этом Солженицын, преувеличивший количество жертв коммунистического режима в СССР до 66 миллионов, апеллирует к

положительному опыту Сталина, совершившего уже однажды патриотический поворот^[608]. Ну кто мог ему поверить в структурах власти? Да и национал-патриоты не признали Солженицына своим идеологом – слишком откровенно борется со своим государством.

Национал-патриотизм Солженицына встретил неприятие у большинства инакомыслящих. А. Сахаров писал: «бросается в глаза, что Солженицын особо выделяет страдания и жертвы именно русского народа»^[609]. Сахаров считает, что угнетение евреев, народов Кавказа и Средней Азии не меньше, а может быть и больше. Диссидентское движение специализировалось на проблемах народов республик, что предопределялось их союзом с национальными оппозиционными группами.

Националистические намеки в письме Солженицына встречаются и в других местах. Архитектурный облик старой Москвы разрушает «нерусская рука»^[610]. Сахаров очень чуток к таким вещам: «Могут сказать, что национализм Солженицына не агрессивен, что он носит мягкий оборонительный характер и преследует цели спасения и восстановления одной из наиболее многострадальных наций.

Из истории, однако известно, что «идеологи» всегда были мягче идущих за ними практических политиков. В значительной части русского народа и части руководителей страны существуют настроения великорусского национализма, сочетающиеся с боязнью попасть в зависимость от Запада и с боязнью демократических преобразований. Попав на подобную благодатную почву, ошибки Солженицына могут стать опасными»^[611].

Солженицын считал, что их с Сахаровым разделила Россия, то есть патриотизм^[612] и называл своего оппонента «февралистом» (а ведь еще несколько лет назад сам Солженицын одобрял Учредительное собрание и советскую демократию с левыми эсерами). История Российской революции продолжала определять идейные ориентиры не только ее сторонников, но и противников. Все они были частью советской культуры.

Помимо «нерусской руки» в органах власти есть у русского народа еще одна напасть – Китай. Поддавшись распространенным тогда страхам, Солженицын считает важнейшей проблемой предстоящую войну с Китаем, которая будет вызвана идеологическими причинами. А. Сахаров комментирует китайскую тему: «Большинство

экспертов по Китаю, как мне кажется, разделяют ту оценку, что еще сравнительно долгое время Китай не будет иметь военных возможностей для большой агрессивной войны против СССР. Трудно представить себе, чтобы нашлись авантюристы, которые толкнули бы его сейчас на такой самоубийственный шаг. Но и агрессия СССР тоже обречена была бы на провал. Можно даже высказать предположение, что раздувание китайской угрозы — это один из элементов политической игры советского руководства. Переоценка китайской угрозы — плохая услуга делу демократизации и демилитаризации нашей страны, в которых она так нуждается и нуждается весь мир. Другое дело, что судьба китайского народа, как и многих других народов в нашем мире, трагична и должна быть предметом заботы всего человечества, в том числе и ООН. Но это особая тема. В проблеме конфликта с Китаем, носящем, по-моему, геополитический характер, Солженицын, как и в других местах своего письма, излишне переоценивает роль идеологии. Китайские руководители, по-видимому, — не меньшие прагматики, чем советские»^[613].

Прошли годы. Подтвердилась наивность «военной тревоги» 70-х гг. и правота предположения Сахарова о прагматизме китайского руководства. Но не все так просто. И сейчас в рядах государственников китайская военная угроза считается вполне актуальной, а демографический натиск на Сибирь и Дальний Восток виден невооруженным глазом.

Солженицын считает, что китайскую угрозу можно парировать, осваивая Сибирь и Дальний Восток. Правда, СССР активно этим занимается. Вот-вот начнется строительство БАМа. Солженицын делает сомнительный комплимент этому проекту — его одобрил еще Столыпин, который стал для Солженицына тем же, чем для Брежнева был Ленин.

Сюда, в Сибирь, нужно перенести центр государственных и народных усилий, бросив заокеанские затеи (то есть те самые внешнеполитические успехи, которые в начале письма Солженицын одобрил). Освоение Сибири позволит решить и многие социально-экономические проблемы урбанистической цивилизации. Здесь можно «ставить сразу стабильную экономику»^[614].

Медведев напомнил Солженицыну, что центральные области России тоже запущены, и начинать восстановление села разумнее с

них, а не с зоны вечной мерзлоты^[615]. Но это не может остановить настоящих энтузиастов (Солженицын не видит параллелей между его предложениями и энтузиазмом первых пятилеток). «Сюда в северные и восточные районы России писатель предлагал перенести «центр государственного внимания, национальной деятельности, центр расселения и поисков молодых — с юга нашей страны и из Европы». «Построение более чем половины государства на новом свежем месте, — заявлял Солженицын, — позволяет нам не повторять губительных ошибок XX века — с промышленностью, с дорогами, с городами». Города были особенно ненавистны писателю. В стране нужно строить лишь небольшие предприятия, но «с дробной и высокой технологией». И даже сельское хозяйство можно создавать на Севере («с большими затратами, конечно», — добавлял писатель). Любой экономист мог бы доказать крайне ограниченные возможности советского и российского Северо–Востока как центра расселения там российской молодежи, да еще в малых поселениях»^[616], — комментирует Р.А. Медведев.

Сахаров предлагает решать поставленную Солженицыным проблему принципиально иначе – средствами глобализма: «Возможно ли сейчас интенсивное и высокопродуктивное освоение обширных северных пространств в условиях теперешней малонаселенности, сурового климата, бездорожья, если его проводить экономическими и техническими силами одной нашей страны, в которой так напряжены все ее резервы и долго еще будут напряжены. Я уверен, что невозможно. Поэтому отказ от международного сотрудничества с США, ФРГ, Японией, Францией, Италией, Англией, Индией, Китаем и другими странами в этом освоении, от импорта оборудования, капитала, технических идей, от иммиграции рабочих означал бы недопустимую с точки зрения общечеловеческих проблем задержку в освоении этих пространств (политику «собаки на сене»). И более широко: я глубоко убежден, в отличие от Солженицына, что нет ни одной ключевой важной проблемы, которая имеет решение в национальном масштабе. В частности, разоружение, которое так существенно для устранения опасности войны, очевидным образом возможно только параллельно во всех крупных державах на основе договоренности и доверия. То же самое относится к переходу на безвредную для сохранения среды технологию, которая неизбежно будет дороже, к вопросам ограничения рождаемости и промышленного

роста. Все эти проблемы упираются в межгосударственное соперничество и национальный эгоизм.

Производство синтетических заменителей белка, проблемы градостроительства, разработка безвредной для природы промышленной технологии, освоение космоса, борьба с раком и сердечно–сосудистыми заболеваниями, разработка кибернетической техники и другие.

Эти задачи требуют многомиллиардных затрат, непосильных для отдельного государства.

Обобщая сказанное, только в глобальном масштабе возможны разработка и осуществление стратегии развития человеческого общества на Земле, совместимые с продолжением существования человечества»^[617].

* * *

Итак, проблемы Сибири выводят мыслителей на глобальные вызовы, с которыми человечество столкнулось в XX–XXI вв.

Солженицын пытается привлечь внимание Брежнева к проблеме «пределов роста»: «не может дюжина червей бесконечно изгрызать одно и то же яблоко; что если земной шар ограничен, то ограничены и его пространства и его ресурсы, и не может на нем осуществляться бесконечный безграничный прогресс, вдолбленный нам в голову мечтателями Просвещения. Нет, мы должны были брести и брести за чьими–то спинами, не зная передела дороги, пока не услышали теперь, как передние перекликаются: забрели в тупик, надо заворачивать. Весь «бесконечный прогресс» оказался безумным напряженным нерассчитанным рывком человечества в тупик. Жадная цивилизация «вечного прогресса» захлебнулась и находится при конце.

И не «конвергенция» ждет нас с западным миром, но – полное обновление и перестройка и Запада, и Востока, потому что оба в тупике...

Должна осуществляться не «экономика постоянного развития», но экономика постоянного уровня, стабильная. Экономический рост не только не нужен, но и губителен. Надо ставить задачу не увеличения

народных богатств, а лишь сохранения их. Надо срочно отказаться от современной технологии гигантизма – и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и в расселении (нынешние города – раковые опухоли).

Главная цель техники становится сейчас: устранить плачевные результаты предшествующей техники. «Третий мир», еще не ставший на гибельный путь западной цивилизации, может быть спасен лишь «раздробленной технологией», требующей не сокращения ручного труда, но увеличения его, техники самой простой и основанной только на местных материалах»^[618].

Солженицын взял на вооружение набиравшую силу на Западе критику индустриализма с экологических позиций. Недавно был опубликован знаменитый доклад Римскому клубу «Пределы роста», на который он ссылается. Но Солженицын сделал из западной сенсации не пост-индустриальные выводы о коррекции пути социально-экономического развития (как многие западные футурологи), а консервативные (если не сказать – реакционные) выводы. Писатель считает, что сам прогресс следует остановить.

Здесь Солженицын сообщает «граду и миру» мало нового — к этому времени доклад Римскому клубу получил известность в СССР, его выводы дискутировались на официальных совещаниях с участием экологической общественности и чиновников, отвечающих за рациональное природопользование^[619]. Но вот интерпретация...

Ссылаясь на доклад «Пределы роста» (о котором слышал, но который, судя по тексту письма, не читал), Солженицын невольно искажает выводы ученых: они предвещают «катастрофическую гибель человечества между 2020 и 2070 годами, ЕСЛИ ОНО НЕ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА»^[620]. Все верно, кроме одного и ключевого слова, включенного в название доклада: «Пределы РОСТА», а НЕ ПРОГРЕССА. Западная пост-индустриальная и экологическая мысль ставила вопрос об изменении характера прогресса, который может осуществляться и без роста производства и потребления сырья. А если остановить любое развитие производства и вернуться в Средние века, то нужно куда-то подевать и многократно выросшее после Средневековья население. Возвращение к традиционному обществу требует его сокращения, чтобы на всех хватило ресурсов. А это автоматически ведет к голоду и геноциду.

Проблема прогресса развела Солженицына и Сахарова столь же принципиально, как и Февраль 1917 г.: «Особенно неточным представляется мне изложение в письме Солженицына проблемы прогресса. Прогресс — общемировой процесс, который ни в коем случае не тождественен, во всяком случае в перспективе, количественному росту крупного и промышленного производства. В условиях научного и демократического общемирового регулирования экономики и всей общественной жизни, включая динамику народонаселения, это не утопия, по моему глубокому убеждению, а настоятельная необходимость. Прогресс должен непрерывно и целесообразно менять свои конкретные формы, обеспечивая потребности человеческого общества, обязательно сохраняя природу и землю для наших потомков. Замедление научных исследований, международных научных связей, технологических поисков, новых систем земледелия может только отдалить решение этих проблем и создать критические ситуации для мира в целом»^[621].

Медведев поддерживает Сахарова в этом вопросе: «Наша Земля — еще не изглоданное червями яблоко, как думает Солженицын, — возражал Р. Медведев. Затронута пока лишь небольшая часть его кожуры, лишь очень тонкий слой поверхности Земли. Правда, при неумелом и хищническом хозяйничаньи и этого достаточно, чтобы вызвать необратимые и губительные изменения в биосфере Земли и привести человечество к катастрофе. Можно ли предотвратить эту катастрофу и найти пути разумного использования природных ресурсов? Да, безусловно, возможно, и для этого требуется отнюдь не остановка экономического прогресса, а его научное регулирование, возможности которого практически безграничны»^[622].

При такой вере в безграничные возможности экономики не долго и попортить кожуру, тем более, что мы живем как раз на ней, а не в глубинах «яблока». Решение глобальных проблем не может быть только технологическим, оно должно быть социальным.

Медведев предлагает и экологический ответ на те вызовы современности, которые Солженицын считает приговором прогрессу — переход на альтернативную энергетику, гибкие, маломасштабные технологии и т.д.^[623] Социалистическая мысль и в СССР, как и на Западе, демонстрировала сближение с экологической.

А. Сахаров не согласен, что разукрупнение поможет в решении экологических проблем: «Более сложен вопрос о разукрупнении производства и об общинной его организации. Роль промышленного гигантизма в возникновении трудностей современного мира, с моей точки зрения, сильно переоценивается Солженицыным и родственными ему по духу публицистами. Оптимальная структура производства зависит от стольких конкретных технических, социальных, демографических, даже климатических причин, что навязывать что-либо определенное было бы неразумно»^[624].

Конечно, если все живут в супер-городах, как будет в это же время предлагать Сахаров, то какое уж тут разукрупнение. А если под небом голубым – то лучше уж подальше от промышленных гигантов, и в то же время не слишком далеко от работы. Уже одно это говорит в пользу разукрупнения. Развитие компактных технологий на грани XX–XXI вв. тоже в пользу этой тенденции. В то же время развитие коммуникаций позволяет части работников селиться вне городов, связываясь с офисом по мере надобности. Это также способствует деурбанизации даже при сохранении крупных производств.

В дискуссии Солженицына и Сахарова проявились типичные разногласия социал-либерала и национал-консерватора, западника и почвенника. Во многом они определяют идеологическую систему координат начала XXI века. Но было и свое, специфическое.

Для Сахарова плохо все, что связано с насилием. Для Солженицына хорошо все, что плохо для коммунистов (включая и насилие против левых). Мы увидим, что случилось, когда Сахаров – и под влиянием радикалов-либералов, и от раздражения непрощаемостью режима, делал шаги в сторону взглядов Солженицына. Но во время Перестройки Сахаров все же вернулся к своим принципам конца 60-х и начала 70-х гг.

Солженицын уверен, что авторитарный строй страшен не сам по себе, а только тогда, когда правитель перед Богом не отвечает, бесконтролен. Остановившись в полушаге от теократии, Солженицын все же не выдвигает этот идеал, оставляя своих сторонников в замешательстве – за что же бороться? Против коммунизма – это понятно. Не за свободу – это понятно. Но и просто права на веру в Бога – недостаточно, это право и либералы предоставляют. За возвращение в XVI век?

Из известных идеологов инакомыслия Солженицына поддержал И. Шафаревич. Их объединяли почвенничество и антикоммунизм. Шафаревич написал книгу против социализма, выводы которой были опубликованы Солженицыным в сборнике «Из–под глыб»^[625]. Он был подготовлен писателем вскоре после отъезда в эмиграцию как заявка на идеологическое доминирование в инакомыслящей среде, на «смену вех».

XXI век

Инакомыслящие, ориентированные на правозащитную работу и союз с Западом, в большинстве своем отнесли к сборнику «Из–под глыб» критически как к националистическому. Однако сборник не был однородным. Среди почвеннических статей выделялся текст М. Агурского «Современные общественно–экономические системы и их перспективы».

Советский еврей американского происхождения, прекрасно владеющий английским, М. Агурский попал в число авторов прежде всего как хороший знаток западной литературы по глобальным проблемам. Он пересказывает новинки футурологии и глобалистики (уж не в его ли пересказе узнал о «пределах роста» Солженицын?) и делает из них не консервативные, а левые, почти анархистские выводы.

«Обе существующие системы имеют между собой принципиального сходства быть может больше, чем различий. Причиной этого является само существование крупной индустрии, являющейся экономической основой обеих систем»^[626], – пишет М. Агурский. Он показывает сходство множества важных процессов в СССР и на Западе. Помимо индустриальной организации труда это и потребительская революция, происходящая в СССР, и «футурошок», описанный О. Тоффлером на примере США, то есть стремительное изменение жизни.

Конвергенция, о необходимости которой говорил Сахаров, уже идет, и не только со стороны «разлагающейся» советской системы, но и со стороны «частнособственнического» Запада с его

бюрократическими «техноструктурами», которые исследовал Д. Гэлбрейт. «Можно сделать вывод о том, что экономика коммунистических стран является лишь последовательной стадией развития экономической системы Запада, стадией предельной концентрации производства в руках государства»^[627].

М Агурский гораздо корректнее, чем Солженицын, трактует проблему прогресса и рисует перспективы перехода к пост-индустриальному обществу: «Необходимо отбросить представление о том, что уровень производительности труда есть критерий прогрессивности общества. Целью будущего должен быть не рост производительности труда, не постоянный рост производства и потребления, а поддержание оптимального уровня производительности, производства и потребления, исходя из ограничений, налагаемых интересами общества и реальными ресурсами.

Экономика будущего общества должна основываться на разукрупненной промышленности, но на базе научно-технического прогресса. Надо, чтобы предприятия имели такие размеры, при которых каждый работник был бы компетентен в процессе производства и мог действительно участвовать в его управлении. Такие предприятия должны быть универсальными, чтобы на них можно было производить самую разнообразную продукцию. Технический прогресс показывает, что у таких предприятий могут быть очень большие возможности. Для этого они должны иметь быстро переналаживаемое оборудование, позволяющее получать индивидуальную и мелкосерийную продукцию достаточно производительно. ...Привлекает внимание и другая проблема — управление малыми предприятиями с помощью вычислительных машин. Пока такие предприятия могут выполнять лишь ограниченные задачи. Но нет сомнений в том, что в недалеком будущем появятся и такие предприятия, которые окажутся в состоянии изготавливать сложные изделия индивидуально или мелкими сериями. Технически это вполне реально. С помощью подобных предприятий можно было бы получать большую часть потребительских товаров и машин.

Предположим, что такие предприятия были бы в распоряжении общин или же муниципалитетов, которые ставили бы себе целью не продажу и сбыт производимой продукции, а удовлетворение

собственных потребностей. Тогда они были бы загружены только тогда, когда в этом была бы реальная потребность данной общины или муниципалитета. При высоком уровне автоматизации работа на них не отнимала бы много времени, и ее можно было бы совмещать с сельскохозяйственным трудом или же с интеллектуальной деятельностью. Такая форма производства ликвидировала бы рабочих как специализированную группу, интересы которой преимущественно связаны с производством»^[628].

Как антикоммунист, тем более оказавшийся в компании почвенников, М. Агурский предпочел отмежеваться от левой идеологии, отождествив социализм и советский строй: «Было бы неправильным называть будущее общество социалистическим, поскольку термин этот был всячески скомпрометирован исторической практикой последних пятидесяти лет. Социализм сознательно отказывается от духовных и моральных ценностей, провозглашает насилие как средство социальной борьбы, и тем самым неизбежно приводит к самоотрицанию идею социальной справедливости, им выдвигаемую»^[629].

Однако как только М. Агурский излагает свою конструктивную программу, у него получается проект, вполне соответствующий «общинному социализму» народников и анархо-коммунистов. Агурский прямо указывает, что его идеи имеют не только пост-индустриальные, но и анархистские источники: «Ликвидация разрыва между физическим и умственным, а также между промышленным и сельскохозяйственным трудом явится одной из существенных черт будущего. Так представлял себе будущее такой идеолог анархизма, как князь П. Кропоткин. По его представлению, будущее общество должно складываться из общин, где физический труд сочетался бы с интеллектуальным. Он полагал, что люди могли бы тратить часть времени на физический труд, производя необходимое продовольствие и промышленные изделия. До некоторой степени к такому идеалу приближаются израильские кибуцы, но в настоящее время они в основном работают на внешнего потребителя...

Но следует отметить, что такая, в основном, децентрализованная экономика, по-видимому, несовместима с существованием крупного городского населения и должна вызвать либо резкое сокращение его численности, либо полное изменение структуры города»^[630].

М. Агурский – не анархист, а «общинный социалист», каким был и Кропоткин до перехода к анархизму^[631]. «Общины или муниципалитеты, имеющие в своем распоряжении предприятия, не смогут, разумеется, решать всех проблем, поскольку необходим также определенный уровень Централизованного хозяйства. Во–первых, нужна добывающая промышленность, если только проблема ресурсов не будет решена иначе. Во–вторых, необходимо производство средств производства. В–третьих, необходимы и специализированные научные исследования...

Стало быть, децентрализованная экономика должна была бы сочетаться с элементами централизации там, где локальные группы окажутся бессильными...

Высокий уровень экономической децентрализации необходимо повлечет за собой и политическую децентрализацию с сохранением демократического характера всех уровней управления. Функции центрального управления целесообразно ограничить самыми основными областями, такими как разработка и контроль соблюдения правовых норм, эксплуатация природных ресурсов, проведение крупных научных исследований и т. п.

Следует стремиться к тому, чтобы в будущем исчезли политические партии, как бюрократические организации со своим аппаратом, средствами пропаганды и финансами. Исчезновение партий вполне возможно, во–первых, потому, что в децентрализованном обществе центральная власть не даст каких–либо решающих привилегий, а во–вторых, исчезнет и даже психологическая база партий. Исчезнет современная классовая структура общества, питающая политический антагонизм, но исчезнет и то, что называется интеллигенцией (не в духовном, а в социальном смысле), ввиду стирания противоположности физического и умственного труда»^[632].

Вот такой путь к коммунизму – более конкретный, чем в программе КПСС. Однако в середине 70–х гг. «общинный социализм» М. Агурского не получил развития в СССР, поскольку автор эмигрировал. Однако идеи не затухают навсегда – советский «общинный социализм» возродился в середине 80–х гг., причем его идеологи самостоятельно пришли почти к тем же выводам, что и Агурский^[633].

Сахаров также изложил свой футурологический проект в работе «Мир через полвека». Академик выстраивал свою программу не с позиции интересов какой-то одной цивилизации (западной либо российской), а с точки зрения глобальных процессов, происходящих в мире. Он выдвигает программу нового мирового порядка:

«Миру нужна демилитаризация, национальный альтруизм и интернационализм, свобода обмена информацией и перемещения людей, гласность, международная защита социальных и гражданских прав человека. Страны «третьего мира» должны получать всестороннюю помощь и со своей стороны полностью принять на себя свою долю ответственности за будущее мира, обратить большее внимание на развитие материального производства, прекратить спекуляции нефтью»^[634].

Важнейшими мировыми проблемами ближайших десятилетий Сахаров считал рост населения, истощение ресурсов и нарушение природного равновесия, но, оставаясь в рамках технократического подхода, считал возможным решить эти проблемы прежде всего с помощью научно-технического прогресса. В результате сахаровская модель напоминает вариант гипертрофированного индустриального общества, описанный в работах западных фантастов середины XX века (своего рода планета Трантор А. Азимова). Сахаров считал, что в гигантских индустриальных центрах будущего («рабочих территориях»), где люди будут проводить основную часть своего времени, «природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в «сверхгородах», в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта — искусственным климатом, освещением, автоматизированными кухнями, голографическими стенами, пейзажами и т.п. Однако большую часть этих городов составляют пригороды, растянувшиеся на десятки километров. Я рисую эти пригороды будущего по образцу наиболее благоустроенных сейчас стран...»^[635] Здесь же будет расположено

индустриализированное сельское хозяйство, энергетические установки (в том числе ядерные). Сахаров считал необходимым оставить вне хозяйственного использования огромные «заповедные территории», где жители «рабочих территорий» будут отдыхать некоторое время. Большое внимание ученый уделяет использованию безотходных технологий, информационных систем и вычислительной техники^[636].

Мир будущего по Сахарову – это планетарный союз мегагородов, руководимый ООН и ЮНЕСКО и связанный информационными сетями.

Особенно ярко технократизм мышления Сахарова проявился в оценке им перспектив развития ядерной энергетики: «Очень трудно объяснить неспециалистам (хотя это именно так), что ядерный реактор электростанции — вовсе не атомная бомба... Развитие атомной энергетики шло с гораздо большим вниманием к вопросам безопасности и охраны среды, чем развитие таких отраслей, как металлургия и коксохимия, горное дело, химическая промышленность, угольные электростанции, современный транспорт, химизация сельского хозяйства. Поэтому сейчас положение в ядерной энергетике в смысле безопасности и возможного влияния на среду обитания относительно благополучное, и ясны пути его дальнейшего улучшения»^[637]. Ученый пересмотрит свои взгляды на этот вопрос только после Чернобыльской катастрофы.

Будущее, которое рисует Сахаров (равно как и всякое другое будущее для цивилизации), возможно при условии предотвращения мировой ядерной конфронтации. Для этого необходимо сближение двух систем современной индустриальной цивилизации. Сахаров писал:

«Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке.

Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы,

социальных достижений и возможностей общемирового регулирования»^[638]. В этих словах Сахарова, написанных в 1974 г. — вся стратегия реформ Горбачева. Но размытость социально-экономической программы «конвергенции», которая подкреплялась авторитетом ученого-физика, представителя «точной науки» (а позднее — и ряда ученых экономистов) сыграла с реформами злую шутку. Сахаров, а позднее и Горбачев считали, что можно взять все лучшее у двух систем. Но такое неорганическое соединение могло стать конвергенцией худшего.

Прочитав эту статью, Солженицын отозвался о ней, как об «опасной утопии». «Кому нужна, — писал Солженицын, — эта призрачная сверх-страна без осязательного прошлого, во всяком случае без нашего прошлого»^[639]. Нравится это нам или нет, но мир глобализации пока движется в этом направлении, отбрасывая на периферию традиционалистские культуры, которым симпатизирует Солженицын.

* * *

Свой вклад в советскую футурологию должны были внести и левые — в это время на Западе развивались новые левые идеи, пытавшиеся по своему осветить первые признаки заката индустриального общества.

В конце 70-х гг. в самиздате появились журналы «нового левого» направления — «Левый поворот» («Социализм и будущее»), который издавал Б. Кагарлицкий, и «Варианты», издание которого было организовано кружком знакомых, сложившимся еще в университетские годы. В него входили А. Фадин, П. Кудюкин, М. Ривкин, В. Чернецкий, Ю. Хавкин, И. Кондрашев. Идеологический спектр изданий был относительно широк — от правой социал-демократии до еврокоммунизма, хотя левосоциалистическая тенденция была доминирующей. П. Кудюкин определяет свои взгляды того времени так: «левая социал-демократия с элементами революционной социал-демократии. Для нас с Фадиным Западное общество не воспринималось как что-то изолированное, оно было тесно связано с

Третьим миром. В этом отношении наша революционность была направлена как против СССР, так и против Запада, который имеет свои тупики, эволюционным путем не разрешимые. Хотя революция не связывалась для нас с насилием. Здесь была несомненная параллель с западными «новыми левыми». Мы признавали, что в СССР кризис может привести к разрушительному, насильственному взрыву. Мы стремились к тому, чтобы советская империя заменилась неким содружеством, чтобы возникла многосекторная экономика с государственным, самоуправленческим и частным секторами, переход к гибким формам воздействия на экономику — индикативному планированию, экономическая демократия, свободные профсоюзы, политическая демократия в западном смысле и развитие прямой демократии на низовом уровне, возможность простым людям как можно больше участвовать в решении общественных дел»^[640]. Взгляды Б. Кагарлицкого были несколько левее. «Молодые социалисты», как позднее стали называть издателей этих журналов, сходились на том, что необходимы реформы сверху под давлением снизу, придание социалистической модели большей эффективности и демократизма.

Эти идеи соответствовали официальной линии перестроечного руководства в 1985–1989 гг. Но в 1982 г. особые опасения КГБ вызывали тактические планы «молодых социалистов». Они резко критиковали существующий строй, высказывая сомнения в его социалистическом характере, с надеждой следили за событиями в Польше 1980–1981 гг., обсуждая возможности повторения подобного в СССР. В качестве организационного ядра будущей революции они намеревались создать Федерацию демократических сил социалистической ориентации (несколько ранее Революционный коммунистический союз также планировал проведение конференции левых групп^[641]). Традиционные диссиденты уже давно не предпринимали попыток создания всесоюзных политических организаций. Не удивительно, что КГБ пошло на разгром «левых» (см. Главу X). Федерация социалистический общественных клубов будет создана только в 1987 г.

Говоря о слабости «нового левого» идейного влияния в СССР, Б. Кагарлицкий пишет: «От него мы были отгорожены двумя барьерами. Не только официальные запреты препятствовали проникновению в страну подобных подрывных идей, но и сознание критически мыслящей интеллигенции было совершенно не готово к их восприятию»^[642].

А вот во второй половине 80-х гг. подобные идеи пошли «на ура» — их не нужно было даже импортировать. Запад произвел своих «новых левых» в 60-е годы. Наши «бурные шестидесятые» — это Перестройка. Какое время, такие идеи преобладают в общественном движении.

Б. Кагарлицкий, который тогда был одним из немногих «новых левых», скептически относится к дискуссиям 70-х гг., он назвал их «тупиковыми». «Строго говоря, 1970-е годы были временем, когда интеллигенция окончательно отвернулась от марксизма»^[643]. Это, пожалуй, нестрого говоря. И в 70-е гг. именно марксистский язык оставался общепризнанным в интеллектуальной среде, на этом языке говорили социальные науки. Здесь Б. Кагарлицкий должен конкретизировать свою мысль: «Во всяком случае та ее часть, которая задавала тон в неформальном идеологическом общении...» Конкретизируем еще — не просто в неформальном, а в оппозиционном, в сознательно настроенном на то, что «советский язык» — это дурной тон, и интеллектуал должен говорить иначе. Не удивительно, что язык марксизма в этой среде заставлял собеседников морщиться. От марксизма отворачивалась часть интеллигенции, находившаяся под влиянием антикоммунистических течений.

В диссидентском мире, действительно, в 70-е гг. произошел сдвиг вправо — хотя и не всеобщий, но позволивший сторонникам либеральных и консервативных взглядов получить преобладание. «Немногие авторы, сохранявшие привязанность к марксизму, находились в постоянной обороне, вынуждены были непрерывно оправдываться, доказывать свою демократическую лояльность либералам, которые иногда привлекали их в качестве союзников в полемике с националистами. Достаточно посмотреть подшивку самиздатовского журнала «Поиски», издававшегося совместно либералами и левыми, чтобы обнаружить, что никаких «поисков» уже

не было, как не было и особой потребности что-то искать. Смысл диалога состоял в том, что либеральная часть редакции предъявляла требования и условия, которым левые должны были следовать, чтобы быть принятыми в приличное общество»^[644].

Журнал «Поиски» задумывался как «многопартийный». Из его соредакторов М. Гефтер сохранял интерес к марксизму, а П. Абовин-Егидес и Р. Лерт были воинствующими марксистами. Но дело не в марксизме только, а в том, какое будущее нашли «Поиски».

Концепцию нового социализма, связанную с идеями пост-индустриального общества изложили старые оппозиционеры В. Ронкин и С. Хахаев, опубликовавшие в № 3 «Поисков» за 1981 г. статью «Прошлое, настоящее и будущее социализма». Также, как и М. Агурский, они опираются на хорошее знание западных дискуссий о будущем. Эта статья находится в русле «новых левых» и пост-индустриальных идей.

«Относительное материальное благополучие современного Запада создавало впечатление, что задача построения общества всеобщего благоденствия фактически решена и без построения социализма.

Однако события 1968 года во Франции, деятельность «красных бригад» и тому подобных организаций в Японии, Западной Германии и Италии показывают, что до всеобщего благоденствия еще очень далеко.

Наличие большого количества озлобленных аутсайдеров, неизбежное при товарно-денежных отношениях, неравномерность мирового экономического развития, интриги тоталитарных режимов — вот те факторы, которые при всеобщем отчуждении в любой момент могут вызвать серьезные социальные потрясения, вдохновляемые идеологией социализма.

Любые антисоциалистические идеологии оказываются в критической ситуации бессильны перед ней. Единственной возможностью противодействовать реакционному социализму является позитивный социализм». Старый социализм умер — да здравствует социализм XXI века. Другого пути в будущее нет.

Но новому социализму нужна новая опора. Ссылаясь на Г. Маркузе, авторы утверждают: «история показала, что чем более зрелым становится рабочий класс, тем более тред-юнионистски он настроен».

«Кроме того, удельный вес рабочих в развитых странах неизменно падает, соответственно падает и роль рабочего класса в производстве.

Ведущей силой современной индустрии становится фигура инженера», «потребление знаний (информации) становится одним из серьезнейших аспектов человеческой жизни..., производство знаний станет важнейшей отраслью человеческой деятельности, а интеллигенция станет основной силой общества»^[645].

Итак, опорой нового социализма станет инженер и интеллигент. В этом Ронкин и Хахаев идейно близки к технократизму Сахарова и Орлова. Но в остальном они идут другим путем. Не власть управленцев–технократов, а свободная сеть производителей информации будет управлять экономикой и миром.

«Очевидно, что оптимальное регулирование производства информации должно носить иной характер, нежели регулирование промышленного производства.

В отличие от прочих продуктов человеческой деятельности, информация не распределяется, а распространяется (т.к. стоимость процесса размножения и материальных носителей может быть сколь угодно мала по сравнению со стоимостью и значимостью самой информации).

Информация есть первый продукт, который может распространяться и уже частично распространяется по потребности...

Поэтому всякая монополия на знания экономически нецелесообразна, вредна, а, следовательно, и антигуманна.

Поскольку получение информации — труд творческий, постольку сам процесс и удовлетворение любознательности могут служить стимулами сами по себе.

Кроме того, стимулом деятельности здесь могут служить такие виды поощрения, как популярность, уважение, престиж и т.п.»

В этой увлекательной и важнейшей для новой экономики деятельности может участвовать не узкий слой умнейших, а большинство общества. Но не могут же все производить только информацию. Нужно и что–то есть, во что–то одеваться.

«Может возникнуть вопрос: ну, а промышленность, сельское хозяйство, сфера услуг и т.п. — как будет обстоять дело там?

На это можно сказать следующее: сельское хозяйство на определенном этапе носило натуральный характер. Промышленность,

подчиненная товарно–денежным отношениям, как только она стала основной сферой деятельности людей, подчинила этим же отношениям и сельское хозяйство (соответственно преобразовав его техническую базу и резко уменьшив количество занятых в нем людей, несмотря на то, что сельскохозяйственная продукция до сих пор остается основой существования человечества). Экстраполируя эту закономерность на будущее, можно утверждать, что производство знаний, став основной сферой, подчинит своим законам и остальные виды человеческой деятельности. Таким образом, вторая научно–техническая революция делает возможным переход к принципу «от каждого по способности, каждому по потребностям»^[646].

Левые диссиденты, опираясь на достижения современной западной мысли, нашли еще один путь к коммунизму. Здесь присутствует некоторая переключка с Агурским, хотя возможно – в силу частичной общности источников. Во всяком случае, в идеях Ронкина и Хахаева отсутствует влияние общинного социализма. Пост–индустриальные идеи воссоединятся с общинным социализмом несколько лет спустя, в том числе и благодаря знакомству политических неформалов времен Перестройки с идеями Ронкина и Хахаева.

Но и без анархистских влияний Ронкин и Хахаев указывают на взаимосвязь технологических перспектив информационной революции и необходимости преобразования социальной структуры общества на основе самоуправления и свободных связей между производителями: «Отказ от экономического способа управления поведением человека, следовательно, и от товарно–денежных отношений, означает, что на смену ему приходит новый способ регулирования – индикативный, при котором согласование деятельности достигается не путем внеэкономического или экономического принуждения, а путем добровольного следования совету или доказательству... Поскольку индикативный способ управления не предусматривает никаких санкций, это открывает широкий простор самоуправлению низовых коллективов и обеспечивает наиболее полную свободу человеческой личности»^[647].

Это – оптимистическая перспектива. Но есть у этой информационной революции и обратная сторона. Рассуждая о книге Д. Оруэлла «1984», Р. Медведев обращает внимание на то, что

столкновение между тоталитарными и демократическими тенденциями выходит в новые сферы — прежде всего в информационную. С одной стороны — в самых разных странах разрабатываются средства манипулирования массовым сознанием, оставляющие далеко позади «телескрины», описанные в романе Оруэлла. С другой стороны, «самиздат начинает возрождаться на новой технической основе». «И если «полиция мыслей» будет больше знать о каждом гражданине, то и больше граждан сможет лучше понять не только достоинства, но и недостатки современного государственного социализма. Это еще не демократия, но все это вместе взятое может, в конечном итоге, приблизить, а не отдалить тот демократический социализм, о котором мечтал Оруэлл»^[648]. Может приблизить, а может и отдалить. Это зависит от исхода борьбы.

На пороге гласности

Циркуляция идей не замыкалась в изолированных политических кругах. Официальные публицисты, консультанты, деятели науки и культуры пытались осторожно провести те же идеи, которые диссиденты ставили «в лоб», используя легальные издания.

Ф. Бурлацкий писал в «Новом времени»: «В то же время реальный социализм получил такое название потому, что пока еще не полностью соответствует социалистическому, а тем более коммунистическому идеалу, о котором мечтал Маркс. Социалистический идеал, если попытаться его сформулировать кратко, состоит в том, что общество достигает более высокого уровня развития производительных сил, чем капиталистическое, более высокого развития и качества жизни, и в нем во всех сферах утверждаются принципы социальной справедливости, равенства, социалистической демократии, гуманизма, коллективистских человеческих отношений, неведомых капитализму»^[649]. И пока до этого далеко.

По мнению Бурлацкого, черным по белому напечатанному массовым тиражом, в СССР «еще не достигнуто» выполнение принципов, которые К. Маркс считал критериями социализма.

Продолжались попытки «проверить на прочность» позиции «ортодоксов» и на ниве исторической науки. «Ортодоксы» контратаковали, понимая, что свободные исследования могут привести к краху марксистско–ленинской монополии на публичную трактовку прошлого.

Характеризуя обстановку, сложившуюся в исторической науке в это время, В. Поликарпов писал: «В первой половине 80–х консерваторы показали себя в организации под видом научной дискуссии загоной охоты на историка Киевской Руси И.Я. Фроянова, в случае с «хрущевской» статьей в «Вопросах истории» и со скандалом из–за статьи Е.А. Амбарцумова, посвященной наводящему на размышления сопоставлению политического кризиса 1921 г. в ленинской России с текущим кризисом в Польше Ярузельского: ставился «крамольный» по тому времени вопрос о возможности политических кризисов в социалистических странах»^[650]. Дискуссии в исторической науке не прекращались всю историю советской власти. Но время от времени они приобретали политическое значение. Партия, позволяя дискуссию вне «запретных зон», стояла на страже своих позиций: «пятичленной» формационной теории, истории коммунистического движения, революции и Советского Союза.

Обычно конфликты и «скандалы» начинались не в результате наступления охранителей, а после попыток ученых «проверить на прочность» прочерченный властью рубеж дозволенных исторических изысканий. Несмотря на «загонную охоту», преступившие черту продолжали успешную научную деятельность.

Углублялся и анализ советского общества – как выяснилось, пока не социалистического и к тому же противоречивого, экономист А. Аганбегян открыто писал о «кризисе традиционно сложившихся в обществе организационных структур, которые... не удовлетворяют современным требованиям и становятся тормозом хозяйственного развития»^[651]. В 1983 г. руководимый Аганбегяном журнал ЭКО после серии опубликованных им «сомнительных» материалов отделался критикой со стороны обкома, которая не вела к «организационным выводам»^[652]. Журналы ЭКО, «Век XX и мир», «Новое время» и другие, в которых публиковались реформисты различного социального положения (в том числе и будущие советники перестроечного руководства КПСС), были не только трибуной и клубом, но и

лабораторией, в которой реформистские идеи адаптировались к «рамкам дозволенного».

* * *

По новому теперь ставится и проблема насилия, войны и мира. А. Адамович говорит о фашизме, а подразумевает советскую историю: «Когда-то Достоевский подставил подножку безоблачной логике «арифметического гуманизма», который увлеченно подсчитывал, сколько голов не жалко ради счастья миллионов обиженных и униженных. Сколько же не жалко? Ста голов, тысячи, ста тысяч? Ну, а если эти сотни и тысячи абстрактных единиц взять да и персонифицировать: не просто единица, а ребенок! Ради вас, счастья вашего будет замучен один-единственный ребенок! Примете вы, лично вы свою порцию счастья? Или может быть вернете билет — как Иван Карамазов возвращает самому Богу!»^[653] Чтобы не было сомнений, на что намек, А. Адамович упоминает жертвы репрессий 1937–1938 гг. Продолжая свою мысль, Адамович утверждает культуру ненасилия: «В одной из дискуссий мой оппонент возразил: «Если идти до конца в утверждении принципа «не убий!», то надо будет сказать и такое: «Умри, но не убий!» И ведь это не абстрактные разглагольствования. Вопрос этот — острый, из «крайних», предельных, но неизбежных для гуманиста нашего времени». Да, именно так: «Умри, но не убий!»^[654]. С точки зрения советских военных это — явное пораженчество.

В апреле 1983 г. в Минске прошла литературная конференция «Военная литература и ядерная эпоха», на которой Адамович, покритиковав американских империалистов, начал говорить слова, с марксистско-ленинской идеологией несовместимые: «Судьбами, жизнью и смертью человечества, всего человечества — вот чем сегодня измеряется высшее благо, добро и, соответственно, высшее зло. Там, на этой высоте, и абсолютный нравственный закон.

Не убий человечество! — ничего нет и быть не может, что этот закон ограничивало бы, сужало...

«Не убий!» — звучит все же как-то... вроде бы не из нашей оперы. Но та же проклятая Бомба многое, очень многое (и многих) заставляет (и еще заставит) поворачиваться неожиданной стороной и к неожиданным, может быть, забытым вещам»^[655]. Поворот к библейским истинам перед лицом ядерной катастрофы означал вызов официальной идеологии, звучавший уже отнюдь не в диссидентских кругах. Такая позиция могла повлечь за собой обвинение в пацифизме, официально осуждаемом. Но Адамович, прикрываясь авторитетом Маркса, переходит и к реабилитации пацифизма: «Изначальное (о котором говорил Маркс) чувство справедливости и гуманности этого коллективного действия — маршей мира и т.п. — придает движению против атомной угрозы чрезвычайную устойчивость, несмотря на разнохарактерность сил и психологий, в нем участвующих»^[656]. Развивая эту тему в статье «Взрыв на вершине литературы», Адамович писал: «А не пацифизм ли это? — строго спросит тот, кто не привык вдумываться в явления, анализировать, но зато точно знает, как относиться к тем или иным словам... В век ядерного оружия, когда человечество впервые в истории стоит перед угрозой тотального самоуничтожения, у коммунистов и пацифистов как бы больше точек соприкосновения»^[657].

Наиболее откровенно идею советского пацифизма высказал журналист А. Пумпянский: «Атомная война — это страшнее, чем фашизм»^[658]. Тогда, конечно — страшнее, чем западная цивилизация. Так, может быть, стоит уступить в споре с ней? Такие крамольные выводы еще не делались, но сама посылка вела к ним неминуемо. А пока ревизионисты делали осторожный вывод о необходимости пересмотра некоторых классических догматов в новых условиях. По словам Г. Шахназарова, «то, что могло считаться правильным до появления и накопления тотального оружия, не обязательно должно считаться правильным после этого переломного события... Не существует политических целей, которые оправдывали бы применение такого средства, как ядерное оружие»^[659]. Ни коммунизм, ни даже сохранение независимости СССР — никакие идеологические святыни не могут оправдать нажатия кнопки. Об этом в советском издании открыто говорилось в самый разгар Холодной войны. И это значило, что стремление к разоружению в СССР было ничуть не меньше, чем на Западе.

Гуманистическое направление мысли, отрицавшее биполярность мира, развивал и ведущий киргизский писатель Ч. Айтматов. В 1980 г. в романе «И дольше века длится день...» он показал фантастическую ситуацию сотрудничества мировых держав по поддержанию изоляции Земли от контакта с иными мирами. Две сверхдержавы в романе равно ответственны за антигуманные действия, связанные с этим. Самоизоляция мира напоминает самоизоляцию страны. Писатель продолжает эту линию, рассказывая легенду о рабах–манкуртах, изолированных от памяти, а значит — и от сознания. Связь информационной закрытости, рабства, безумия, разрыва с традицией, равная ответственность за безумное состояние мира со стороны двух «систем» не могла не остаться незамеченной. Айтматов сформулировал свои идеи достаточно осторожно и иносказательно, чтобы к ним нельзя было предъявить откровенно политических обвинений. Он просто предоставил читателю возможность домыслить. Домыслили и ортодоксы. «Вместо социального подхода, — писала «Правда», — здесь в романе Ч. Айтматова действует некий нравственный суд: «Паритетность» — как знак равновеликого вклада мировых сил в космическую акцию — отвлекается от качеств двух мировых сил, степени их исторической жизнеспособности, приближения к идеалу всечеловеческого жизнеустройства... «Паритет» не уживается с чьим–либо нравственно–гуманистическим «приоритетом»^[660].

Логика правдиста обоюдоостра. Отказ от «паритета» в пользу приоритета идеологически выдержан, но рискован. Как только нравственно–гуманистические мифы СССР начнут разрушаться, бойцы идеологического фронта перевернутся на сторону приоритета западных ценностей, забыв о вкладе Западной цивилизации в беды XX столетия. Айтматов стремится встать выше таких «приоритетов»: «Когда человек выходит за пределы своей земли, это уже не он, индивид такой–то, а все человечество вместе с ним делает шаг в Космос». Перед лицом Космоса (следующие шаги — Вечности, Бога) суетная борьба людских и государственных амбиций — ничто. Но именно она мешает людям превратиться в Человечество.

Часть III

Движения

*Это – я!
Законом закованный,
Кричу Человеческий Манифест...*

Юрий Галансков

Как мы видели, не только в социальном, но и в идеологическом плане советское общество давно уже не было монолитом. Общественно активные граждане объединялись не только по принципу близости взглядов. Они соединялись и ради общего дела. В СССР формировались элементы гражданского общества – движения, действовавшие по инициативе самих граждан, а не властей. Некоторые из этих движений были лояльны режиму. В подполье возникали оппозиционные группы. Более того, начиная с середины 60-х гг. в обществе существовала открытая оппозиция режиму.

Глава VIII

Подпольщики

В 50-е гг. в СССР не было открыто действующей оппозиции. В 70-е гг. – уже была. Но советское общество всегда воспроизводило людей, относящихся к режиму враждебно. В первое послевоенное десятилетие большинство из них прятало свое отношение в глубинах сознания, лишь изредка позволяя себе откровенный разговор с особо

доверенными знакомыми. И по сию пору семейные предания доносят до нас весть о людях, не грустивших в день смерти Сталина. В 40–е гг. возникали редкие подпольные группы, немедленно выявлявшиеся при первой же попытке «пущать пропаганды»...

Радикализм и экстремизм

XX съезд придал развитию подполья новый импульс. Партия как бы вызвала людей на откровенность докладом Хрущева, а потом запретила обсуждать выводы, естественно следовавшие из того же доклада. Радикалы ушли в подполье, подпольные группы стали распространенным явлением. КГБ разоблачало группу за группой, но они постоянно воспроизводились.

В любом обществе существуют свои бунтари, смутьяны, «крамольники». Радикалы заостряют проблему, существующую в обществе, придают ей максимальное выражение. Иногда они считают необходимым применить насилие для ее решения, становясь экстремистами. При авторитарном режиме не только экстремизм, но и радикализм наказуем уголовно. Правители боятся, что смутьян может возбудить толпу. Действительно, при определенных условиях может – ведь общество не имеет навыков демократического принятия решений. Так и происходило в условиях бунтов конца 50–х – 60–х гг.

Но большинство советского общества относилось к радикалам без большой симпатии – как и в любую стабильную эпоху. Однако идейно бунтари были связаны с остальным обществом – как с широкими массами, так и с образованной элитой. Откуда черпали они свои взгляды – из народных глубин, или от интеллектуалов? Это важный вопрос – в зависимости от ответа мы сможем что-то судить о «молчаливом большинстве». Были ли «крамольники» спикерами народа? Или грубыми трансляторами рефлексий интеллектуальной элиты?

Подполье не было интеллигентским. Половина осужденных в 1957 г. состояла из рабочих. Не значит ли это, что подполье отражало истинное отношение народа к «оттепели» и хрущевской политике уже во второй половине 50–х гг.?^[661]

«Позитивные перемены в общественно–политической жизни страны, в частности реабилитация жертв сталинских репрессий, осуждение культа Сталина, некоторое смягчение режима в области культуры и искусства, практически находились вне сферы жизненных интересов рабочих. Новый политический курс, поддержанный интеллигенцией и студенчеством, для рабочих выразился в фактическом снижении социального статуса. Выдвижение интеллигенции как социальной группы, вызванное требованиями научно–технического прогресса, ставило под сомнение дальнейшее привилегированное положение рабочих как класса по отношению к остальным группам»^[662], – объясняют пролетарскую «крамолу» Э.Ю. Завадская и О.В. Эдельман.

Очевидно, авторы преувеличивают «привилегированность» рабочих при Сталине. Это положение было выше разве что крестьянского. А вот такие «позитивные перемены», как сокращение рабочего времени в предвыходные дни и массовое строительство явно затрагивали интересы рабочих масс. Так что до начала 60–х гг. курс партии был вполне популярен. Но это – при прочих равных. Сталкиваясь с усилением эксплуатации, бесправием, бытовой неустроенностью, устав от трудностей жизни, рабочий мог перейти на оппозиционные позиции – также как интеллигент.

Ведь и интеллигенция тоже была представлена в подполье. При этом значительная часть осужденных всех социальных страт – это молодежь. Здесь юношеский максимализм еще довлеет над классовыми факторами. Так что попытка на основании взглядов подпольщиков разделить интересы трудящихся классов и интеллигентской элиты все–таки нельзя признать обоснованной.

В 1958 г. Верховный суд обобщил материалы судебной практики по политическим делам в 1956–1957 гг.^[663] Это исследование, несмотря на идеологически обусловленную методику группировки осужденных, дает интересный портрет разоблаченного радикала начала оттепели.

Твердых антисоветчиков (рецидивистов) среди двух тысяч осужденных в 1957–1958 гг. было всего около 20 человек. В год разоблачалось лишь несколько десятков «антисоветчиков», которые объединялись в группы^[664]. Треть осужденных распространяла

листовки, что считалось преступлением практически независимо от содержания. При чем большинство из них были одиночками^[665].

Современные либеральные историки, снова смешивая сталинскую и хрущевскую эпохи, продолжают настаивать, что в это время «власть все еще демонстрировала ветхозаветное, жестокое, осмеянное еще Салтыковым–Щедриным и расцветавшее в сталинские времена отношение к крамоле. Наказанию подлежали не только поступки, но и сам образ мысли. Полицейские же чиновники, готовые хватать людей за «неправильные мысли», явно испытывали полумистический трепет перед произнесенным Словом, каковое мифологическое сознание наделяет силой заклинания и проклятия»^[666]. Глупая, иррациональная власть, осмеянная великим Щедриным и его эпигонами... Но вот настали 80–е гг., когда режим перестал сдерживать Слово, и волна оппозиционных митингов смыла коммунистический режим. Тогда выяснилось, что действия репрессивной машины, сдерживавшей инакомыслие, были вполне рациональны. Ничего мистического, только самозащита. Только забота о том, чтобы Слово не перешло в дело, радикальное обличение власти в радикальные действия против нее.

Чтобы представить действия власти абсурдом, подполье рисуется в виде веселых шалостей. «Эти, в сущности, безобидные затеи тем не менее привлекали внимание правоохранительных органов, видевших опасность в любых неподконтрольных объединениях молодежи и озабоченных отдельными попытками членов подобных групп раздобыть оружие»^[667]. Ничего себе безобидные группы, если они собираются раздобыть оружие.

Масштабы акций некоторых групп были довольно внушительными. Так, в г. Сталино было распространено около 2 тысяч листовок: «Не верьте чекистам», «Не верьте коммунистам», «Голосуйте за беспартийных». Власть не без оснований опасалась такой пропаганды – в 1959 г. в СССР начнется волна социальных бунтов.

Только три ареста было произведено за распространение листовок НТС, и только два – за использование для создания листовок пишущей машинки^[668]. Эпоха самиздата только начиналась. Но уже в 60–е гг. машинка стала главным орудием инакомыслящего.

Противники режима использовали разные пути для того, чтобы анонимно или от имени политической организации (часто состоявшей

из одного человека) сообщить власти и населению о своей протестной позиции: кроме устной пропаганды можно было написать о наболевшем в газету, на бюллетене для голосования (а зачем он еще нужен?) или изготовить листовку. По статистическому наблюдению О.В. Эдельман, «грубо говоря, написанием листовок увлекались школьники и студенты, а анонимки (кстати, те только антисоветские) были любимым занятием пенсионеров»^[669].

Подавляющее большинство радикальных групп времен «оттепели» были просто пропагандистскими, но как минимум 4 группы вынашивали планы терактов и (или восстаний). При чем террористами могли оказаться и леваки, как группа московских анархо–синдикалистов 1957–1961 гг. (идеологи А. Иванов и В. Осипов), и демократы, как минская группа 1962–1963 гг. (идеолог С. Ханженков).

12,3% осужденных высказывали террористические намерения, то есть могли считаться экстремистами в любой стране. Другое дело, что не всегда эти намерения были сопряжены с реальными приготовлениями, и в не–авторитарном режиме такие высказывания не всегда наказуемы, хотя в XXI веке – все чаще. Однако были в СССР и реальные террористы, готовившие реальные теракты.

Так, анархо–синдикалистская группа, действовавшая в движении «маяковцев» (см. Главу II), обсуждала возможность покушения на Хрущева, чтобы предотвратить начало Третьей мировой войны («Гаврила Принцип наоборот»). Подыскали место покушения и стали искать оружие. На этом этапе идея, обсуждавшаяся в кругу «маяковцев», уткнула за его пределы^[670], и начались аресты. Терроризм в итоге суду доказать не удалось, так как эти намерения признал лишь идеолог группы А. Иванов, одновременно прикрывшийся психическим диагнозом. Но террористическая угроза способствовала суровым приговорам другим участникам «Маяка» уже за антисоветскую пропаганду.

Террористические намерения не были отличительной чертой экстремистов времен «оттепели». В 70–е гг. к оружию обращались националисты и «самолетчики», стремящиеся захватить самолет и улететь на Запад. Крупнейший теракт в послевоенном СССР произошел 8 января 1977 г., когда в московском метро прогремел взрыв. Через полчаса еще два взрыва произошло в центре Москвы у

мест скопления людей. Погибло 7 и было ранено 37 человек. КГБ и МВД провели широкомасштабное расследование. При множестве ложных ходов, «органы» смогли выяснить, где изготовлена сумка, в которой находилась бомба. Поэтому ко времени подготовки следующей серии терактов КГБ примерно знал, кого искать. Благодаря неосторожности террористов новые теракты, подготовленные к октябрьским праздникам, сорвались, а исполнители были задержаны. Ими оказались молодой рабочий А. Степанян и художник З. Багдасарян. На квартире Степаняна были найдены детали новых бомб и материалы, которые по мнению сотрудников КГБ изобличали как руководителя группы одного из основателей подпольной Национально–объединенной партии С. Затикяна. 3 ноября 1977 г. он был арестован. Процесс 16–20 января 1979 г. был закрытым, Затикян не признал себя виновным. По мнению диссидентов это свидетельствовало о слабости позиций обвинения. В 1997 г. хроникальные кадры процесса были показаны по телевидению (ОРТ). Затикян, понимая, что исход процесса предрешен, откровенно говорил то, что думает — обличал «жидо–русскую империю». Он не считал себя виновным в терактах, потому что не считал их преступными. Власти не хотели выносить такой «сор из избы». Все трое были расстреляны^[671].

Экстремизм был одним полюсом подполья. Другим было латентное негодование против правителя. 28,8% осужденных в 1957–1958 гг. клеветали на КПСС, лично Хрущева, при чем часто — нецензурно^[672]. Это не была, конечно, систематическая пропаганда, а скорее негодование. Такие люди есть в любом обществе, и при авторитарных режимах подобные действия наказуемы. С 1959 г. к этой категории недовольных стали применять профилактику, и они могли избежать наказания, если не переходили к активным действиям — будь то расклейка листовок или участие в бунте.

Все флаги

Радикалы хрущевской эпохи представляют широкий идейный спектр:

1. Демократический социализм: в СССР нет демократии и свобод, необходимо добиться их осуществления на основе социализма, что поможет установить и социальное равноправие. Здесь нередко апелляция к югославскому опыту.

2. Демократы: необходима свобода и демократия, свержение антинародного режима. Иногда близкая позиция формулировалась со ссылкой на пример Запада, ее можно характеризовать как либерально–западническую.

3. Консерваторы: необходимо вернуться к дореволюционным порядкам, можно (хотя не обязательно) – с помощью вмешательства Западного мира (такая пораженческая позиция встречается и у либералов).

4. Авторитарный социализм (включая откровенный сталинизм, более размытый эгалитаризм, защиту группы Маленкова–Молотова–Кагановича): критика Хрущева лично и его окружения за перерождение после смерти Сталина.

5. Националисты, как правило настроенные антисемитски..

6. Коммунисты – марксисты–ленинцы (включая незначительное число маоистов).

7. Анархисты.

Эти основные позиции могли смешиваться в пограничных состояниях (демократы и социалисты, авторитарно–социалистические и консервативные националисты и др.).

Пересечение демократической и экстремисткой позиции породило такую типичную для времен Перестройки психо–политическую категорию, как «демшиза», которая, однако, не могла распространиться в авторитарной системе в силу неспособности приспособляться к условиям и отсутствия аудитории, способной поддержать антикоммунистический разговор.

Под влиянием передач зарубежного радио в 1962 г. возникла группа НТС. Несмотря на национализм в идеологии НТС, для советских радикалов присоединение к этой антикоммунистической организации означало прежде всего солидарность с Западом.

Идейная структура подпольных кружков сохранилась в следующее десятилетие после «оттепели»^[673].

Большинство осужденных в 1957–1958 гг. мыслили в рамках марксизма. Жизнь в капстранах восхваляли только 16,6%

арестованных – радикальное инакомыслие (также, как и более умеренное) было преимущественно социалистическим^[674].

8% осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду, вели ее «на религиозной почве»^[675].

Из националистических групп крупнейший «поток» был украинским – 3,3%^[676]. Были разоблачены Украинский революционный центр, Объединенная партия освобождения Украины, Украинский национальный комитет, выступавшие за независимость. Но украинский сепаратизм воспроизводился и позднее – в 1958–1961 гг. действовал Украинский рабоче–крестьянский союз. Однако эти группы были настолько малочисленны, что их вряд ли можно считать выразителями преобладающих на Украине настроений.

Идейные позиции в листовках и других подобных текстах формулировались с разной степенью радикальности, но большинство было вполне экстремистским – требовали свержения режима, насилия над руководством страны и коммунистами, иногда – интервенции Запада. Однако авторитарный режим в 50–е гг. репрессировал и за другие политические требования (если они были прямо выражены как политические).

Советские экстремисты вдохновлялись разными культурными традициями, о которых легко было узнать уже в школе. Одни заявления составлены в духе бунтовских грамот прошлых веков. Например: «Душите народ, но придет час расплаты с вами, бандитами. Вы народ гноите в сырых, грязных, темных лачугах. Сами, деспоты, заливааетесь вином, загребаετε деньги десятками тысяч, ведете развратную жизнь, живете в роскошных палатах, а отношение к трудовому народу как к скотине. Придет время, народ припомнит вам. Долой убийц, да здравствует русский народ»^[677].

Другие представляли собой настоящие политические платформы.

Студенты ЛГУ в 1956 г. создали «Союз Революционных Ленинистов» и написали его программу. Они критиковали отход от ленинских норм государственной и партийной жизни», который не ограничивается культом Сталина. Программа констатировала, что «в советском обществе имелись объективные условия для появления такого культа, не устраненные и до сих пор, а именно: ограничение партийной и советской демократии... Узость проводимой ЦК КПСС политики заключается в том, что борьба за устранение причин

изменений норм государственной и партийной жизни подменяется поверхностным осуждением культа личности, который является всего–навсего следствием этих изменений»^[678].

Происходит бюрократизация и загнивание партийно–государственного аппарата, а следовательно, их отрыв от масс и противопоставление трудящимся. Вот все это привело к снижению политического уровня и творческой активности широких масс трудящихся.

Чтобы исправить положение, необходимо пробудить и воспитать политическую и творческую активность трудящихся. Для этого, по образцу РСДРП начала века создается подпольный СРЛ, который призван вести пропаганду идей марксизма–ленинизма среди широких масс.

СРЛ выдвигает следующие основные программные требования:

«Чистка и значительное сокращение государственного (советского) аппарата»; предоставление свободы действий и большей исполнительной власти местным советам; чистка партии, чтобы она стала подлинно рабочей; «признание первичной организации основной партии, недопущение грубого администрирования вышестоящих партийных органов по отношению к первичной организации»; немедленное искоренение порочной практики фактического назначения руководящих партийных работников»^[679].

Как видим, перед нами произведение людей, хорошо усвоивших историю партии в ее официальном изложении. Они даже не претендуют на свержение режима. Их программа типична для взглядов радикалов 1956 г. Но они сознательно создали подпольную организацию и потому попали под каток репрессивной машины.

О.В. Эдельман считает, что выступление подпольщиков от имени партии или политической организации со звучным названием объясняется потребностью «приписать себя к какой–либо массе, узнаваемой идеологической платформе, заявка на которую давалась в названии организации («Всесоюзный демократический фронт», «Революционная социал–демократическая партия», «Социалистический союз свободы», «Партия справедливости советского народа», «Подпольная коммунистическая партия Советского Союза», «Чистая марксистско–ленинская партия», «Партия истинных коммунистов» и т.д.)», а также официальной «пропагандой

романтики» революционного подполья. Приведенные названия организаций явно отсылают нас к легендарному началу революции, «ленинскому» периоду, благодаря усилиям пропаганды ставшему символом счастливой, насыщенной высоким смыслом жизни»^[680]. В этих оценках бросается в глаза противоречие: в «легендарном начале революции» не было ни «Демократического фронта», ни «Партии справедливости советского народа».

Источником большинства названий подпольных организаций было собственное творчество их членов, учитывавших (что вполне разумно) опыт революционного движения и мирового политического процесса (где как раз можно было встретить и «Демократический фронт»). Этот опыт был мифологизирован в СССР, но в массовом сознании он мифологизирован и сейчас.

Схема, изображающая советское общество и его оппозиционеров как нечто архаическое, обращенное только в прошлое, не выдерживает проверки фактическим материалом. В мышлении советского человека был и традиционализм, и собственное творчество, и стремление в будущее. В сознании радикалов эта сложность накладывалась на максимализм и стремление к действию. Они стремились не спрятаться за массой, а организовать массу, создать ядро будущей партии. Как показал опыт Перестройки, если такие действия не пресекать, то партии одиночек превращаются в партии сотен, а некоторые — и тысяч людей.

В этом отношении люди, писавшие программы партий в 50–60-е гг., опередили время. Они, конечно, были увлечены опытом 1917 г. как грандиозного, фундаментального для советского общества события. Но организаторы «Демократического фронта» и «Партии справедливости советского народа» не собирались просто повторять старый опыт, хотя бы потому, что в итоге он привел к нежелательным результатам. Их политическая концепция проникнута модерном, конструированием небывалого. То же самое было и в Перестройку, когда политическая традиция (и попытка восстановить ее после политической монополии КПСС) переплеталась с новизной.

В 60–е гг., когда инакомыслие нашло легальные пути развития, власть уже не опасалась оппозицию так, как прежде. Теперь подпольщиков профилактировали наравне с диссидентами, а более строгие меры применяли только группам, систематически распространявшим листовки, а также к экстремистам, стремившимся к вооруженной борьбе.

Практика профилактирования, а также развитие диссидентского движения, в которое направились оппозиционно настроенные люди, сократили количество репрессированных подпольщиков, но подполье продолжало воспроизводиться. С 1967 по 1971 г. было выявлено 3096 подпольных групп и организаций, «профилактировано» 13602 их участников^[681]. Средняя численность подпольной группы в 60–е гг. составляла 3–5 человек.

Внутренний мир подполья мало менялся с середины 50–х до середины 80–х гг. «Подпольные группы 1950—1960–х гг. часто возникали на почве личного знакомства, родства. Подпольщиков хрущевского периода обычно связывало совместное обучение в школе или институте, работа, родственные отношения»^[682]. Это был тесный круг друзей, занятых выработкой теории и поиском возможности изменить с ее помощью страну. Приняв правила подполья, радикалы пытались соблюдать правила конспирации, вербовать новых членов. Кружки были заняты, в основном, внутренними дискуссиями. Если от решения, принятого в кружке, зависит судьба страны, то необходимо сначала детально проработать программу, чтобы потом не наделать ошибок, производя революцию. Споры велись так, будто революционеры уже стоят во главе государства. Любое разногласие могло привести к расколу. В итоге марксистско–ленинские кружки занимались самоедством вплоть до Перестройки, когда они смогли легализоваться и продолжить идейную эволюцию в обстановке свободной дискуссии с другими формированиями^[683].

Подключение некоторых кружков к сети распространения самиздата и тамиздата резко ускорило идейный поиск, одновременно, по понятным причинам, сдвигая его вектор вправо. Однако преодоление информационной закрытости вело к уходу участников в другие общественные структуры – более действенные (будь то диссиденты или прогрессисты). Заключение в лагерь также становилось для бывших подпольщиков университетом инакомыслия.

В ноябре 1965 г. были осуждены члены группы «Союз коммунар», которые написали программу «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», в июле и ноябре 1964 г. распространили листовки с призывами к революционной борьбе с советской бюрократией, выпустили 6 номеров рукописного журнала «Коммунар», вели переписку с единомышленниками в других городах. В общем – были крупным, но довольно типичным подпольным кружком. После освобождения из заключения идеологи группы В. Ронкин и С. Хахаев включились в идейное поле диссидентского движения, приняли участие в журнале «Поиски».

Крупнейшая подпольная организация — Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа (ВСХСОН) - возникла уже под воздействием информации, циркулировавшей в самиздате и приходившей из-за рубежа. ВСХСОН возник в 1964 г. как подпольная «белая армия». Его лидер И. Огурцов представлял дело неопитам так, будто в организации уже состоят тысячи членов. Идеология союза, разрабатывавшаяся прежде всего Е. Вагиным и И. Огурцовым, основывалась на философии «Серебряного века», прежде всего – социал-христианских идеях Н. Бердяева, изложенных в «Новом средневековье».

Союз выступал за всенародные выборы главы государства, его подотчетность парламенту и другие общедемократические положения. «Изюминкой» конституционной программы ВСХСОН был высшей контрольный орган – Собор – из представителей духовенства. Социально-экономическая программа была сформулирована в русле «третьего пути» между «социализмом» и капитализмом. Формально запрещалась эксплуатация, допускался ограниченный наемный труд.

Ключевые отрасли предполагалось оставить в руках государства, остальные – передать рабочим коллективам, а землю – во владение частным лицам и коллективам. Подобные взгляды были популярны во время Перестройки – безо всякого влияния ВСХСОН. Просто идеи развиваются по определенным маршрутам.

Создавая подпольную «белую армию», лидеры ВСХСОН ввели строгую конспирацию с делением на «тройки». Каждый знал своего старшего по тройке и второго ее члена. Члены организации должны были вербовать новых членов, создавать новую тройку, где инициатор становился старшим.

Кроме вербовки новых членов организация добывала, размножала и распространяла запрещенную литературу (Н. Бердяева, М. Джиласа, В. Соловьева и др.). Размножение текстов шло на нескольких печатных машинках и с помощью фотоаппаратов. Так что ВСХСОН был сопоставим по «мощности» с редакциями крупнейших диссидентских изданий. Обсуждалась и возможность организации вооруженного восстания в будущем.

В феврале–марте 1967 г. было арестовано или задержано около 60 человек (в Ленинграде, Томске, Иркутске, Петрозаводске и др.). 28 человек были членами организации, а 30 – кандидатами.

В ноябре 1967 г. были осуждены основатели ВСХСОНа. И. Огурцов получил 15 лет заключения, М. Садо – 13, Е. Вагин – 8, Б. Аверичкин – 8.

В апреле 1968 г. были приговорены к различным срокам заключения остальные действительные члены организации^[684].

Некоторые подпольные группы продолжали действовать автономно, даже установив контакты с диссидентами и статусными вольномыслящими, включаясь таким образом в более широкое идейно–политическое поле.

Орловский «Патриотический фронт России», существовавший в 1969–1972 гг., установил связь с Хроникой текущих событий. Подключившись к каналам распространения самиздата, радикалы–подпольщики превратились в его подсистему и потеряли самостоятельное значение. Документы «фронта» несут на себе очевидное влияние диссидентских идей и воспроизводят некоторые идеи, близкие ВСХСОН.

«Главной целью своей деятельности мы ставим коренное преобразование государственного строя на началах политической свободы и демократии. Мы требуем признания в основном государственном законе прав человека и гражданина, изложенных во «Всеобщей Декларации прав человека»».

Но подпольщики могут позволить себе идти дальше диссидентов и, подобно неформалам времен Перестройки, вырабатывать собственные конституционные проекты:

«В новой демократии центральным органом государственного суверенитета будет парламент, избранный, как и все органы правления, всеобщим голосованием.

Сама концепция парламента, естественно, предполагает наличие многопартийной системы. Мы заявляем: в России целесообразна многопартийная система. Мы сторонники смешанного хозяйства, где наравне с национализированными отраслями промышленности существовали бы кооперативные и частные отрасли промышленности. Нужно дать землю тем, кто ее обрабатывает.

Новая демократия должна начинаться с ликвидации колхозов и совхозов.

Наша надежда на победу опирается не на какую-то случайную внешнюю политическую ситуацию, а только на то, сумеем ли мы возбудить новую веру, зажечь сердца русских людей новым высоким идеалом, доказать современной молодежи, что перед Россией лежит другой светлый и свободный путь, без тюрем, концентрационных лагерей, без рабских колхозов и крепостных заводов и что выступить на этот путь зависит только от нашей доброй воли.

Мы — партия «Патриотический фронт России, партия подпольной России — качали эту борьбу и последовательно поведем ее в меру наших сил и средств.

Руководствуясь целью осуществить единство в борьбе, мы, ставя превыше всего интересы страны, протягиваем руку и готовы поддержать любую организацию и любых людей, усилия которых направлены на действительную борьбу с диктатурой.

ПРФ принимает в свои ряды всех, кто готов бороться за осуществление ее высоких идеалов»^[685].

В 70-е гг. некоторое влияние на советское подполье оказала идеология западных «новых левых» и другие идеи самоуправленческого социализма, опыт студентов «Красного мая» в Париже, творцов «Пражской весны», идеологов польской «Солидарности». Появляется группа с характерным названием «Марксистская общественная группа 68–80». В декабре 1979 г. перед судом предстала группа анархистов «Союз революционных коммунаров» (рабочий В. Михайлов, художник А. Стасевич и студентка А. Кончева). Коммунары выступали против государства, частной собственности и семьи, жили коммуной, распространяли листовки с изложением своих взглядов и рисовали на стенах лозунги «Демократия — не демагогия!», «Долой госкапитализм!» На суде участники группы, обвиненные в хулиганстве, заявили о своей

солидарности с выступлением парижских студентов 1968 г.^[686] В 1981 г. в Ленинграде состоялась даже анархическая молодежная конференция с демонстрацией^[687].

К анархизму и другим оппозиционным КПСС социалистическим течениям склонялись и лидеры Российского коммунистического союза молодежи, издававшие журнал «Перспективы». В первом номере журнала были помещены отрывки из книг М. Бакунина, П. Кропоткина, Г. Маркузе, Л. Троцкого, статья Д. Кон-Бендита «Гошизм как средство против старческого маразма коммунизма», материалы о Кронштадтском восстании, дискуссионные материалы «о текущем моменте»^[688]. Тематика «Перспектив» очень напоминает материалы анархистских и левосоциалистических изданий, которые появятся несколько лет спустя.

Большинство подпольных групп (особенно в провинции) не имели доступа к самиздату и тамиздату, им приходилось начинать идеологический поиск с нуля. Диссидентам они как правило не доверяли, так как волны компромата на «отщепенцев» регулярно выплескивала советская пресса.

Подспорьем для идейного поиска в 60 — начале 80-х гг. стала литература прогрессистов. Они научились расшифровывать эзопов язык, когда речь шла об историческом прошлом. Один из подпольщиков писал В. Водолазову о его книге: «Эпоха Александра Второго (Послесталинская, отката от позиций XX съезда и подавления чехословацкого «социализма с человеческим лицом») — период «организационно-теоретический» (просветительство + организация)». Затем наступил этап марксистских кружков, задачи которого определил Г. Плеханов: «Пока наша пропаганда вырабатывает революционеров, история создаст необходимую для их деятельности революционную среду: пока мы готовим руководителей революционной массы, офицеров и унтер-офицеров революционной армии — сама эта армия создается неотвратимым ходом общественного развития»^[689]. Подпольщикам оставалось самообразование и ожидание. Самообразование нередко приводило к эволюции взглядов в разных направлениях — и распаду кружков.

В 1985 г. мне доводилось контактировать с одним из таких плехановских кружков. Его лидер так и не вышел из подполья, сначала считая, что ситуация все еще не готова, а затем — под влиянием

перестроечного информационного потока перешел к либеральным идеям. Но кружок стал хорошей площадкой для выработки взглядов других участников, которые активно действовали во время Перестройки. В итоге большинство кружков 70–х гг. сыграли роль резервуаров для тех советских людей, которые были слишком радикальны, чтобы реально влиять на развитие общественной жизни.

Как правило, в подпольные кружки не шли статусные фигуры, это было «разночинное» движение. Однако было и исключение – в 1963 г. подпольную организацию «Союз борьбы за возрождение ленинизма» создал генерал П. Григоренко. Союз распространял листовки, в том числе у завода «Серп и молот». В феврале 1964 г. Григоренко был арестован, но судить за политику генерал–майора не рискнули – все–таки не простой «отщепенец», могут возникнуть слухи о том, что армия – против Хрущева. Григоренко сочли неадекватным и отправили в специальную психиатрическую больницу.

Но Григоренко повезло – после отставки Хрущева его освободили, и он продолжил общественную деятельность, вскоре став одним из лидеров диссидентского движения.

Наиболее громким достижением подпольщиков брежневской поры стало восстание 8–9 ноября 1975 г. на большом противолодочном корабле «Сторожевой», которое поднял замполит капитан 3 ранга В. Саблин. Он был намерен войти в Неву и добиться возможности выступить по телевидению с воззванием против бюрократического перерождения социализма. Арестовав капитана, Саблин привлек на свою сторону часть команды. Однако новая Ноябрьская революция не состоялась – в Ирбенском проливе корабль был атакован с воздуха и поврежден. Тогда капитан был освобожден, поднялся на мостик, ранил Саблина и вернул себе командование кораблем. В 1976 г. новый «лейтенант Шмидт» был приговорен к смертной казни, доказав лишь одно – в Советском Союзе возможно все – даже военное восстание.

Глава IX

Остров непослушания

В начале Брежневского правления прогрессистское движение времен оттепели еще не исчерпало своего потенциала. Статусные фигуры ставили свои подписи под разнообразными, часто весьма

радикальными петициями и заявлениями, в публичных аудиториях шли шумные дискуссии о сталинском прошлом и нынешней цензуре, журнал «Новый мир» продолжал свою позиционную борьбу с цензурой, многотысячными тиражами выходили книги историков с «тонкими намеками на толстые обстоятельства».

Но именно в это время в среде фрондирующей общественности стал образовываться более плотный слой, который затем оторвется от неформальной прогрессистской пуповины и вступит в открытую борьбу с коммунистическим режимом. Именно открытость этой борьбы определит новое качество советской оппозиции, которая получила название «движение инакомыслящих» или «диссидентское движение».

«Инакомыслие» – умение мыслить «инако», иначе. Иначе, чем что? Иначе, чем пишут передовицы газет? Но тогда советское общество было наполнено инакомыслием, причем очень разным. Официальные передовицы уже давно не определяли стиль мышления советских людей. В условиях разномыслия «инакомыслие» — это нечто иное, чем умение мыслить свободно, вольно.

Вслед за Амальриком диссидентство нередко определяют как «поведение свободного человека в несвободной стране»^[690]. Но диссидентская среда была по-своему несвободна, как мы увидим – иногда даже более несвободна, чем окружающее пространство, также наполненное вольномыслием.

Диссидентов отличало от остального общества другое – открытый вызов власти. Отличительная черта диссидентства заключалась не в том, что это было сообщество свободных людей, а в открытой оппозиционности. Диссидентство было движением людей, открыто бросивших вызов власти как целому.

Неодекабристы (1965)

Стартовой точкой правозащитного движения стал «побочный продукт» дела Синявского и Даниэля – демонстрация 5 декабря 1965 г. Но она имела долгосрочные последствия – это был старт правозащитного движения в СССР.

Диссиденты начинали как декабристы – с выхода на площадь. И тоже в декабре. Это обстоятельство позднее обыграл А. Галич, задавая в своем стихотворении о декабристах вопрос современникам: «Можешь выйти на площадь в тот, назначенный час?»

Как и декабристы, диссиденты выступали с идеей конституционализма, защиты прав личности. Но они не претендовали на захват власти, не брали в руки оружие. Они надеялись хотя бы разбудить кого–нибудь...

Оружием диссидентов была законность – ситуация, невыносимая во времена декабристов, когда Конституция была целью. Теперь Конституцией и законом можно было прикрываться в борьбе за еще большую законность. Так соединилось диссидентство и правозащита. Понятие «правозащитник» характеризует метод борьбы, а «диссидент» – характер мышления. А это не всегда совпадало.

Правозащитную тактику диссидентского движения предложил А. Вольпин (излагается в пересказе В. Буковского):

— Вы же советский человек, — говорит с напором сотрудник КГБ, — а значит должны нам помочь.

И что ты ему скажешь? — если не советский, то какой? Антисоветский? А это уже семь лет лагерей и пять ссылки... Между тем, доказывал Вольпин, никакой закон не обязывает нас быть «советскими людьми». Гражданами СССР — другое дело. Гражданами СССР все мы являемся в силу самого факта рождения на территории этой страны. Однако никакой закон не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его, сотрудничать с органами или соответствовать какому–то мифическому облику. Граждане СССР обязаны соблюдать законы, а не идеологические установки»^[691]. Но, будучи советским гражданином, диссидент был советским человеком – частью советской гражданской нации. Так что правовой тезис А. Вольпина требует уточнения: можно быть советским человеком, но не разделять официальной коммунистической идеологии.

Принадлежность к советской гражданской нации требовала от диссидентов признания советского государства, но в обмен они требовали полноправия. Характерно, что даже украинский националист В. Черновил с гордостью говорил: «Я – советский гражданин»^[692], и на этом основании считал себя вправе судить поведение советского государства.

И к этому государству было требование, вытекавшее из готовности гражданина исполнять закон – выполнение собственных законов самим государством. Это требование государство не могло отрицать. Аналогичное требование выдвигалось и к царям. Но теперь у государства была Конституция.

Так у Вольпина возник лозунг «Уважайте Конституцию СССР!» А поскольку Конституция «гарантировала» свободу слова и демонстраций, гласный суд, которого так не хватало в деле Синявского и Даниэля, то можно было столкнуть политику партии с законами советского государства, проведя демонстрацию.

Идея проведения правозащитной демонстрации возникла у Вольпина под влиянием ветеранов «Маяка».

Еще 14 апреля 1965 г. они вместе с новыми творческими радикалами попытались возобновить «Маяк». Эту акцию организовала группа СМОГ. Она возникла в 1964 г. Название расшифровывалось по-разному – то «Смелость. Мысль. Образ. Глубина», то провокативно – «Самое молодое общество гениев». Организаторами СМОГ власти считали В. Буковского, В. Хаустова и В. Батшева, а наставником – В. Тарсиса, недавно вышедшего из психбольницы, куда угодил в том числе – за передачу своих произведений за границу (в 1966 г. его выпустят за границу и лишат гражданства). Смогисты выпустили три самиздатских сборника – «Чу!», «Авангард», «Сфинксы». Это было сообщество молодых талантов и графоманов. Но таковы правила неформальной игры – те и другие равноправны.

14 апреля 1965 г. после чтения стихов у памятника Маяковскому «смогисты» двинулись к ЦДЛ, требуя «свободу левого искусства». Милиция остановила и задержала демонстрантов, но сурово наказывать молодежь не стали. Узнав, что после апрельского выступления смогисты получили до 5 суток за мелкое хулиганство, Вольпин стал обдумывать план правозащитной демонстрации.

Призывом к ней стало «Гражданское обращение», написанное А. Вольпиным и отредактированное В. Никольским. Оно сообщало об аресте Синявского и Даниэля, об опасности нарушения закона о гласности судопроизводства. В нем также говорилось: «В прошлом беззакония властей стоили жизни и свободы миллионам советских граждан. Кровавое прошлое призывает нас к бдительности в настоящем. Легче пожертвовать одним днем покоя, чем годами терпеть

последствия вовремя не остановленного произвола»^[693]. Обращение призывало выйти на демонстрацию в защиту Конституции, гласного суда над писателями, но разойтись по первому требованию властей.

Требование гласности приобрело большую популярность по вполне очевидной причине – человеческий интерес к тому, что скрыто. Арестовали писателей – не самых известных, но все же не уголовников или фарцовщиков. А ничего не известно.

По мнению Вольпина, важно было не то, хороши или плохи сами арестованные писатели. Это было выступление не в защиту Синявского и Даниэля, а в защиту гласности (интересно, что первое уличное выступление неформалов по политическому поводу во время Перестройки произошло под лозунгом «Гласности в деле Ельцина»).

Первый с 1927 г. несанкционированный политический митинг в Москве был назначен на Пушкинской площади в День Советской Конституции 5 декабря.

Гражданское обращение распространяли ветераны «Маяка» (Ю. Галансков, В. Буковский, Л. Поликовская, А. Шухт), другие смогисты (В. Батшев, Ю. Вишневская), студенты МГУ. Им удалось привлечь на площадь студентов трех факультетов МГУ (филологического, журналистики, биолого–почвенного), по одному студенту Историко–архивного, МГПИ, МЭСИ, МАИ, Школы–студии МХАТ, Театрального училища им. Щукина.

Участвовали и подпольщики из «народно–социалистической партии», издававшего «тетради социалистической демократии». Но подпольщики действовали не как организованная сила, а просто как студенты, поддержавшие эту инициативу.

Для одних это было политически–гражданское выступление, а для других – продолжение борьбы за творческую свободу (как по линии СМОГ, так и по линии защиты писателей).

Сети распространения самиздата были уже настолько густыми, что нередко люди, получавшие обращение, уже знали о нем. Бывало, что малознакомые люди даже показывали свои тексты обращения друг другу.

Из интеллигентских кружков раздавалось недовольное брюзжание по совершенно противоположным мотивам. Часть либеральных интеллигентов, знакомых с Вольпиным, выступила резко против идеи демонстрации, поскольку она вызовет ответные репрессии против

прогрессистов. С другой стороны, более радикальные противники режима считали возмутительным борьбу в защиту советской законности, так как сам режим — незаконен.

Накануне выступления были задержаны лидеры СМОГа В. Буковский и В. Батшев. Смогист В. Батшев вспоминает об обстоятельствах своего ареста:

«А я им: «Всех вас, коммунистов, на фонари, сорок железок вам в живот, все вы скоты. Палачи кровавые, oprичники» — все, как мне Володя Буковский говорил. «А вы знаете, что Буковский – агент иностранной разведки? – «Нет, не знаю, но горжусь дружбой с этим великим человеком». Ну, кто может так говорить? Ясно: псих»^[694].

Первоначально часть инакомыслящих считала психический диагноз прикрытием от уголовных преследований и «косила» под больных^[695]. Инициатива психиатрических репрессий, таким образом, исходила не только сверху. После того, как такое количество инакомыслящих получило «справку», власти стали делать из этого выводы о природе диссидентского движения.

Инакомыслящие и сами обращали внимание на «отклонения» некоторых своих товарищей, что, в общем, естественно для девиантной среды. И. Кристи тактично писала о Вольпине: «человек настолько своеобразный, что порой он путал реальность с нереальностью...»^[696] Что уж спрашивать с более прямолинейных чиновников.

* * *

5 декабря на площади Пушкина собралось около 200, включая интересующихся, представителей «органов» и бойцов операторядов, прибывших для пресечения мероприятия. Ядро митинга составляло несколько десятков человек. До начала митинга, пока народ тусовался в ожидании действия, студентов убеждали разойтись мобилизованные для этого сотрудники и комсомольские начальники МГУ. Но всем хотелось узнать, что будет. Никто не подчинялся, что и стало затем основанием для репрессий по линии ВЛКСМ в отношении

наблюдателей. Участники демонстрации уже не состояли в комсомоле, так что с этой стороны были неуязвимы.

По сигналу Вольпина митингующие развернули плакаты: «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!»

«Уважайте Конституцию (Основной закон) СССР!»

«Свободу В.К. Буковскому и другим, помещенным в психиатрические больницы – в связи с митингом гласности!»

Это стало сигналом к действию противника – лозунги были вырваны и порваны, развернувшие их активисты после потасовки задержаны. Задержали также тех, кто оказывал какое-то сопротивление, и Ю. Галансков, пытавшийся произнести речь. Он взобрался на парапет и произнес только: «Граждане свободной России!» «Не знаю, думал ли он продолжать, или ожидал немедленного налета, и больше, чем первые слова, сказать не надеялся, но только наступила пауза, а его не брали – до него было высоко, да и не всегда они управлялись тотчас же по причине густоты народа»^[697], – вспоминал В. Гершуни. Но вскоре управились, избавив Галанскова от необходимости сочинять дальше речь.

Позднее задержали еще несколько участников митинга, разъясняявших случайным интересующимся прохожим, что случилось. Тусовка продолжалась несколько часов. 5 декабря было арестовано 28 человек (11 студентов, 11 научных сотрудников, один рабочий, пятеро без определенных занятий)^[698]. Сняв показания, всех отпустили.

А. Даниэль обращает внимание на то, что «действия властей не были направлены на то, чтобы не допустить митинг, а ограничились попытками удержать митингующих в известных рамках»^[699]. Так авторитарный режим стал реагировать на нечто новое и неведомое. Государство пыталось решить невесть откуда взявшуюся проблему «профилактически». Таким образом, в политической системе 60-х гг. возникла узкая ниша, куда могла проникнуть несанкционированная уличная активность.

«Органы» знали о готовящемся мероприятии, но опасались «гнать волну» на пустом месте. Как воспроизводит логику Семичастного А. Даниэль, «да и откликнется ли кто-нибудь на безумный призыв чокнутого математика – выйти на улицу?»^[700]

«Пропустив мяч», руководство КГБ решило сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Семичастный сообщил в ЦК, что правоохранные меры позволили предотвратить попытки организовать беспорядки и выступить с демагогическими заявлениями. Предварительная профилактика помогла локализовать выступление.

Организаторами в записке Семичастного были названы 7 человек (милиция оценила орг-ядро митинга в 12 человек), при чем большинство и раньше принимали участие в «антиобщественной» деятельности – А. Вольпин, Ю. Галансков, Ю. Титов, В. Хаустов (подчеркнуто, что все они – душевнобольные, то есть побывали раньше в психбольницах). Председатель КГБ рекомендовал усилить политико-воспитательную работу со студентами, чем косвенно перевел стрелки на соответствующие партийные, комсомольские и педагогические структуры^[701].

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов пытался вернуть мяч Семичастному, указав, что профилактирование инакомыслия не дает результата, что за спиной сумасшедших организаторов митинга стоят «более матерые мерзавцы», так как листовка написана «профессиональным «знающим» языком»^[702]. Несмотря на то, что Павлов недооценил познания самого Вольпина и его товарищей, он верно нащупал влияние либеральных салонов, с которыми Вольпин действительно обсуждал свое обращение.

Этот плюрализм начальственных мнений сказался и на судьбе участников – всех семерых замеченных на митинге студентов МГУ исключили из ВЛКСМ (хотя и не без дискуссии), как бы они ни калялись. Но большинство исключенных, вопреки заведенному правилу, не были исключены из университета, и тем, кто вел себя хорошо, позволили затем восстановиться в рядах. Вот такой «сказочный либерализм эпохи»^[703].

Из МГУ были исключены аспирант М. Дранов и активный участник демонстрации студент О. Воробьев, активно включившийся после этого в диссидентское движение.

Один из гонителей – член бюро комитета ВЛКСМ МГУ аспирант Р. Хасбулатов сформулировал четкое обвинение в духе времени: «нарушение советской легальности»^[704]. С юристом Хасбулатовым мог бы поспорить хитроумный Вольпин, но студенты были для этого плохо подготовлены. Позднее диссиденты подробно разработают

систему юридической аргументации, которая способна если не защитить, то смягчить удар.

««Декабристы», поставленные лицом к лицу с напористым партийно–государственным хамством, как правило, терялись»^[705], — комментирует А. Даниэль.

Можно было не любить это государство, но в обычной жизни оно обеспечивало определенную защищенность, и «напирало» в виде исключения, когда чувствовало опасность. Оппозиционная этика, как и во времена первых декабристов, еще не выработалась, и участники митинга выкручивались как могли, а не давали гордый и резкий отпор душителям пламенных идей.

На этот раз мер профилактического воздействия хватило, чтобы отвлечь большинство наблюдателей демонстрации от вовлечения в диссидентское движение.

Д. Зубарев после профилактической беседы в КГБ, где ему убедительно объяснили, что будет, если он продолжит участвовать в «антиобщественной деятельности», «понял, что есть какая–то грань, которую «они» терпят, не желая увеличивать количество оппозиционеров»^[706]. И не стал ее переходить. Теперь такой выбор пришлось делать всем, вовлеченным в мягкую оппозиционность — идти ли дальше, становясь маргиналами, или сохранить статус, отказавшись от открытой протестной деятельности.

А. Даниэль считает, что идея «митинга гласности» сыграла важную роль в «процессе консолидации поколений» — преодолении раскола статусной интеллигенции (Эренбург, Синявский, Евтушенко, Лакшин и др.) и «маргиналов, не вписавшихся в советский образ жизни и открыто декларирующих свое нежелание в него вписываться»^[707]. Трудно признать Эренбурга и Евтушенко представителями одного поколения. Скорее речь может идти о сближении двух социальных страт. Но полной консолидации не произошло.

«Обе категории относились друг другу с известной настороженностью. Заметно огрубляя ситуацию, можно сказать, что одни видели в других интеллектуальных приспособленцев с недостаточно развитым гражданским чувством; а другие склонны были относиться к первым как к опасным радикалам с деформированными жизненными ценностями. Не слишком

образованным, чересчур амбициозным и неспособным к продуктивной самореализации. «Дело Синявского и Даниэля» объединило оба потока свободомыслия в единое целое»^[708].

Объединения кругов Евтушенко и Буковского в единое целое, конечно, не произошло. Скорее, можно говорить о коалиции, которая породила историю сложных отношений статусной интеллигенции и разночинных диссидентов (воспроизводящую аналогичную антитезу конца XIX века). То, что действительно изменилось – произошло признание диссидентства. Теперь «маргиналы» стали равноправными партнерами известных прогрессистов, диссиденты вызывали смешанные чувства раздражения и уважения.

Ценная реакция (1966–1968)

Дело Синявского и Даниэля, демонстрация 5 декабря вызвали цепную реакцию событий. А. Даниэль утверждает: «Строго говоря, основное требование демонстрантов 5 декабря было удовлетворено – Синявского и Даниэля судили с соблюдением норм процессуального права»^[709]. Этого как раз митингующие не требовали. Они требовали гласности, и действительно добились ее – официоз публично изложил свою точку зрения на процесс. В ответ правозащитники выпустили «Белую книгу» с речами подсудимых, петициями в защиту писателей, радикальной листовкой (которая потом помогла подвести издателей под статью). Митингующие требовали законности. И это соответствовало намерениям власти – она приняла новые законы, направленные против диссидентской пропаганды.

В борьбе с новыми формами оппозиционных выступлений власти попытались, прежде всего, изменить «правила игры». Раз целый ряд действий, явно враждебных режиму, трудно подвести под статьи об антисоветской агитации и пропаганде, то закон следует конкретизировать. 16 сентября 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в УК РСФСР были внесены статьи 190–1, 190–2 и 190–3 (аналогичные статьи появились в Уголовных кодексах других союзных республик).

Статья 190–1 предусматривала уголовное наказание «за распространение измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». «Единственное ограничение, которое наложила на себя власть, да и то условно, было связано с привлечением к уголовной ответственности именно за *распространение* «измышлений», а не за простое их высказывание. Другими словами, обычных «болтунов» режим все–таки оставил в покое»^[710], – комментирует А. Даниэль. Что же, это – уже немало.

Одновременно Указ вводил уголовную ответственность за надругательство над государственными гербами и флагами (ст. 190–1 УК РСФСР и аналогичные статьи УК других республик). Ранее, если не обнаруживалось «антисоветского умысла», «шили» хулиганство.

Откликом на 5 декабря стала статья 190–3 УК РСФСР: «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок». Статья предусматривала уголовное наказание не за групповые действия сами по себе, а за их последствия: 1) грубое нарушение общественного порядка; 2) явное неповиновение законным требованиям представителей власти; 3) нарушение работы транспорта; 4) нарушение работы государственных, общественных учреждений или предприятий. Принятие такой статьи назревало давно – уже после массовых выступлений начала 60–х гг. Но характерно, что конкретные формулировки родились именно после выступления правозащитников. С бунтарями можно было не церемониться, а против законников требовался закон. Да такой, чтобы не нарушал Конституцию. Митинговать можно. Лишь бы не было последствий и клеветы.

Но общественность не оценила качество репрессивного законотворчества. Волна петиционного движения, поднявшаяся в связи с делом Синявского и Даниэля, развернулась против новых репрессивных статей. Подписывались академики, писатели, граждане рангом пониже. Между статусными прогрессистами и разночинными оппозиционерами образовался мост. Во второй половине по этому мосту несколько статусных фигур перешло в диссиденты (но не наоборот), после чего мост рухнул.

Цепная реакция продолжалась. В январе 1967 г. последовали аресты издателей «Белой книги». 22 января 1967 г. команда Буковского провела демонстрацию протеста против арестов, с требованием отмены новых статей УК.

8 января 1968 г. начался процесс над А. Гинзбургом (уже отсидевшим за «Синтаксис» и подделанную справку), Ю. Галансковым, А. Добровольским и В. Лашковой, которые составили «Белую книгу» по делу Синявского и Даниэля и распространили ее в ноябре 1966 г.

Чтобы доказать особую опасность обвиняемых, председатель КГБ и Генпрокурор СССР рекомендовали, «чтобы во время судебного разбирательства данного дела был сделан акцент на связях Гинзбурга и других подсудимых с антисоветской реакционной организацией НТС и чтобы обвинения их в распространении подпольной антисоветской литературы особо не подчеркивались»^[711]. Таким образом, делу придавался шпионский привкус. Диссиденты действовали не из любви к правде, а по заданию антисоветской организации, контролируемой западными спецслужбами. Однако доказательств такой версии не было (не считать же такими получение литературы от издательства НТС «Посев» и передачу «Белой книги» за границу), да и привлекли Гинзбурга не за измену Родине, а за «клевету» на строй.

Суд стал центром притяжения оппозиционно настроенной интеллигенции, ее консолидирующей силой. Теперь фрондер проверялся своей средой «на слабо». Готов ли ты прийти в мороз (в прямом и переносном смысле) к дверям суда и публично выразить сочувствие жертвам произвола? В день приговора 12 января собралось около 100 человек, осужденным бросили цветы. Возрождались картины борьбы народников и Российской империи, которыми со школьных лет было принято восхищаться.

Это восхищение усиливалось соотношением преступления и наказания. Действия диссидентов были бескорыстны, а сроки – нешуточны. Ю. Галансков получил 7 лет, А. Гинзбург – 5 лет, А. Добровольский – 2 года, В. Лашкова – год (то есть то время, сколько длилось следствие).

На этот раз петиционное движение собрало около 700 подписей в защиту самиздатчиков, что подтверждало – правозащитное движение

куда шире диссидентского ядра, составлявшего по оценкам КГБ 35–40 человек^[712].?? денным бросили цветы. собралось около 100 человек интеллигенции тников. бытий. пособна если не защитить, то смягчить удар.

Компания в защиту самиздатчиков вызвала ответные административные меры – начиная с лишения допусков и кончая увольнениями и исключениями. Был исключен из партии и адвокат Б. Золотухин, защитник А. Гинзбурга – «за непартийную, несоветскую линию защиты». Мягко репрессируя периферию диссидентского ядра, власти поляризовали ее. Одни отошли в сторону, но другие присоединились к ядру, расширив его. А крупное ядро в свою очередь притянуло дополнительную периферию.

У властей была еще одна «волшебная палочка», которая, как казалась, позволяла без лишнего шума убрать зачинщиков. 14–15 февраля 1968 г. А. Вольпин и Н. Горбаневская были принудительно госпитализированы в психиатрическую больницу. Но правозащитники, которые по расчету властей должны были устыдиться (нами, оказывается, верховодили сумасшедшие) сами повели себя «неадекватно», непредсказуемо. Движение гордо ответило – вы объявили сумасшедшими совершенно здоровых людей.

Процесс следовал за процессом, придавая движению устойчивость, ощущение смысла и ритм: процесс – митинг + публикация материалов в самиздате – аресты – повторение по спирали. Каждый виток вызывал новые кампании подписей в поддержку арестованных, новые митинги и сходы, новые аресты. Принятая властями и диссидентами тактика вела к поляризации интеллигенции и расширению активного ядра диссидентов.

Становление диссидентского движения успешно завершилось в 1968 г. К этому времени были сформированы основы этики и тактики диссидентов, традиции этой субкультуры, важнейшая из которых – декабрьская демонстрация на Пушкинской площади. Теперь она не была рассчитана на разгон – 5 декабря диссиденты приходили на площадь и молча снимали шапки в память о жертвах режима. Наказать за это было нельзя. После отмены праздника 5 декабря, когда была принята новая конституция 1977 г., демонстрацию перенесли на День прав человека 10 декабря, что было еще логичнее.

«Отрываясь от пуповины» (по выражению Г. Померанца), удаляясь от шестидесятничества, диссидентство продолжало перетягивать на свою сторону радикализирующихся прогрессистов. Важнейшим приобретением стал академик А. Сахаров.

Из радикально–маргинального крыла прогрессизма диссиденты превратились в уважаемую партнерами силу, с которой считались и власти, и статусные прогрессисты. 30 апреля 1968 г. стала выходить «Хроника текущих событий» («ХТС»), которая стала фактическим органом движения. Не хватало только стратегии, но ее–то как раз могли выработать люди из элиты, начавшие сближение с диссидентами – такие как Сахаров, Солженицын, Шафаревич, Галич и др.

Во всяком случае, диссиденты наконец решились выйти за рамки спирали, заставлявшей их заниматься прежде всего защитой других правозащитников. Они покусились на «самое святое» – на внешнюю политику СССР. Благо, советское правительство предоставило отличный повод, введя войска в Чехословакию.

25 августа 1968 г. группа диссидентов (В. Дремлюга, П. Литвинов, В. Файнберг, Н. Горбаневская, Л. Богораз, К. Бабитский, В. Делонэ) вышла на Красную площадь с лозунгами, осуждающими вторжение в Чехословакию. Диссиденты были немедленно схвачены и избиты. Это был «жесткий винтеж», если применить термин современной оппозиции. Такое бывает и теперь, в начале XXI века. Но сейчас, получив дубинкой по почкам, можно отделаться 15–ю сутками, а тогда за винтежом следовал процесс и лагерный срок. Это – существенная разница. Нынешние правители меньше опасаются протестующих, или больше боятся громких процессов.

Именно в августе 1968 г. движение четко проявило себя не просто как правозащитное, а именно диссидентское, «инакомыслящее», точнее – противоположно мыслящее.

Не случайно, что именно в 1968 г. диссиденты стали отрываться от видных прогрессистов, которые, в свою очередь, охладевали к петиционному движению. Ведь сбор подписей раз за разом не давал результата, а неблагодарные диссиденты действуют по собственной инициативе, не советуясь. Письмо в защиту диссидентов, вышедших на Красную площадь, подписали 95 человек, но там было уже маловато людей со всесоюзной известностью. Актер И. Кваша, писатель В. Некрасов...

Глядя на события 1968 г., общественно–активная интеллигенция решила, что наступила реакция. Но это была цепная реакция – реакция на цепи. И спускать с цепи ее никто не собирался.

Право на право

Демонстрация 5 декабря 1965 г. знаменовала обретение оппозицией преобладающего направления деятельности – защиты права (со всей многозначностью понятия). Соответственно, движение стало как бы не политическим.

Видные диссиденты подчеркивают, что «вопрос о политической позиции, о политическом переустройстве, о политической власти в рамках этого движения никогда не стоял...»^[713] Но этот вопрос, как мы видели в предыдущей части, обсуждался «инакомыслящими». Однако ставить его в «практическую плоскость» тогда было рано. Отложив этот вопрос, диссиденты обеспечивали единство сил независимо от политических взглядов.

Л. Богораз, С. Голицын и С. Ковалев считают, что только «Право» может обеспечить необходимые для выхода страны из кризиса «плюрализм мнений и борьбу интересов и одновременно поставить эту борьбу в известные рамки, предохранить общество от раскола... Идеал такого права — не новый для общества, но новый для России — и предложили нашему обществу правозащитники»^[714]. Это, однако, лишь одна из концепций, обсуждавшаяся в самиздате — либеральная. «Главный смысл общественного движения 60–80–х годов мы видим в том, что оно выработало в себе самом эти основы, эти идеалы Права. Оно не переняло их в готовом виде у Запада, но получило в виде отечественной традиции»^[715]. Традиция лишь в незначительной степени передалась дальше.

Так складывалось молчаливое согласие — временный «отказ от политики», то есть от решения «вопроса о власти» в рамках движения. Не все участники движения, защищавшего право, возводили его в абсолют. Но право как критерий истины вытекало из тактики диссидентов, которая заставляла их постоянно решать именно правовые проблемы. Из устроившей очень разных инакомыслящих

«программы–минимум», идея Права превратилась в стратегию и основу этики движения, потеснив остальное идейное многообразие.

Это произошло не сразу. В 1968–1969 гг. продолжались поиски новой тактики, сохранялось впечатление, что правозащитная борьба – это программа–минимум.

Видный участник диссидентского движения П. Литвинов говорил в беседах с товарищами: «...Сейчас ставить вопрос о системе (имеется в виду государственный и общественный строй СССР) рано... Пусть власть держится на штыках, но народ ее принял. Она что–то дает, уровень немного повышается... То, что мы делаем, не политическая борьба, это борьба за возможность политической борьбы... Вопрос о системе можно ставить в разговоре, но широко его не ставим. Пока рано»^[716].

Отложив политические вопросы, диссиденты не перестали быть политическим фактором. Но сами они стали упираться на этику, аксиомы которой не требуют доказательств.

Экстравагантность и этический максимализм будущих диссидентов постепенно выделял их из среды романтиков ”шестидесятников». По остроумному замечанию П. Вайля и А. Гениса, «диссиденты делали то, чему их учили в советской школе: были честными, принципиальными, бескорыстными, готовыми к взаимопомощи. Проповедь торжества духовных идеалов над материальными полнее всего реализовывалась в диссидентском движении»^[717]. Это позволяет ставить вопрос об этическом характере движения. «По самосознанию и по характеру деятельности правозащитное движение является не политическим, а нравственным», — считает Л. Алексеева^[718]. Однако нравственный климат диссидентского движения существенно менялся и, как мы увидим, подвергался суровой критике со стороны самих диссидентов.

«Ценой за отказ от политики была распространенная в этой среде «философия пессимизма»: надо научиться вести себя достойно в нашей вполне бесперспективной ситуации»^[719]. «Пусть провидение заботится о том, как спасти то, что можно спасти, а наше дело — оставаться людьми... Только из людей, нашедших опору в самих себе, сложится когда–нибудь новое общество без пророков и лжепророков»^[720], — писал Г. Померанц. После апокалипсиса возникнет общество индивидуалистов, людей с опорой в себе, без

мессий и миссий. «Люди с горящими глазами способны на жертвы во имя идеи, — пишет П. Волков. — Но ведь идея диссидентов не была содержательной. Они вполне отдавали себе отчет в том, что гораздо лучше знают, против чего выступают, за что критикуют существующее, чем представляют себе должное»^[721]. Это же касалось и партийных реформистов, что делало диссидентов опасными для системы — их логика была непонятна господствующей в партии группировке, но они могли в будущем найти общий язык с новым поколением партийных руководителей.

П. Вайль и А. Генис комментируют последствия принятия диссидентами правозащитной тактики: «Правозащитники сражались на территории противника, пользуясь его собственным оружием — то, что оружие было чужим, и оказалось решающим фактором. Когда прошла новизна, осталось главное: власть знала тот язык, на котором говорили с ней диссиденты, и если даже проигрывала в отдельных стычках, то в полной мере могла использовать свое стратегическое преимущество — например то, что она все-таки власть»^[722].

Этот взгляд пессимистов не объясняет, почему движение продержалось так долго при явном раздражении властей на всех уровнях. Стремление советского государства быть правовым и разумным заставляло его играть по правилам «социалистической законности» преследовало оппозицию не за идеи, а за действия.

Диссидентство стало перманентной кампанией гражданского неповиновения сложившимся в стране порядкам, которые (как и в большинстве стран) сильно расходились с писаными законами. Есть такая форма забастовки — работники соблюдают все инструкции — и производство останавливается. Ибо соблюсти все инструкции нельзя. Диссиденты решили действовать подобным же образом. И власти их не поняли. Добропорядочный советский человек (в том числе сотрудники КГБ, судьи и психиатры) с детства воспитывался в языковой среде, связывавшей идеологию (советский человек, прогресс, демократия, научная идеология) с окружающими реальностями (подданный СССР, успехи государства СССР, отечественный политический строй, марксистско-ленинская доктрина). Попытка разрушить эти логические связи и выполнять только формальные положения закона воспринималось правящими кругами как очевидное сумасшествие или издевательство. Но ответить

на вызов диссидентов было нелегко – следовало менять законы, ловить самиздатчиков на неточностях и слишком радикальных высказываниях, подводя их под понятие «клеветы» куда тщательнее, чем раньше, оправдываться перед западными партнерами (когда десятилетием ранее отрицалась сама проблема), и главное – преследовать не инакомыслящих, а инакодействующих.

Это позволило А. Сахарову оспорить само название «инакомыслящие»: «последнее название кажется нам малоподходящим. Суть не в том, что «диссиденты» мыслили по иному, нежели все, а в том, что они по иному действовали... Они вторгались в заповедные, ревниво оберегаемые властью уголья «запретных тем»; отрицая право власти на высший суд в области духа, они одновременно осознали свое право быть другими (по существу включающее в себя и прочие права) и явочным порядком начали его осуществлять»^[723].

Диссидентское движение, включая и его периферию, было слабо связано с основной массой населения. И дело было даже не в репрессиях властей и информационной изоляции оппозиции (что было также важно), но и в психологическом контрасте диссидентов и основной массы населения. Для обычного гражданина СССР общество, в котором он жил, было вполне «терпимым», его недостатки не воспринимались как нечто катастрофическое, мешающее быть собой. Нравственные нормы обычного человека допускали существование такого общества при всех его недостатках. Диссидент был иным.

Суть подлинной оппозиции состоит вовсе не в стремлении к власти, а в наличии своей позиции, не совпадающей с официальной. «Декларации протеста были фактически списаны с партийных документов — с обратным знаком»^[724], — считают П. Вайль и А. Генис. Диссидентство стало частью советского общества с обратным знаком.

Как стать диссидентом?

Что заставляло человека становиться диссидентом?

Легко участвовать в несанкционированной общественной активности, когда «праздник непослушания» охватывает всю страну. Но в стабильном авторитарном обществе решиться на это было куда труднее, и диссиденты представляли из себя явление исключительное.

При объяснении диссидентского феномена советский официоз не утруждал себя и пошел по пути наименьшего сопротивления. Теперь этот путь называется «черный пиар». Пытаясь представить диссидентов мелочными шкурниками, официальные СМИ адресовались мещанской массе. Человеку с мещанским сознанием трудно представить, что можно идти на риск, не преследуя при этом какую-то конкретную материальную цель или хотя бы порочного тщеславия. Однако диссиденты рекрутировались из другой психологической среды. Миф о шкурнических мотивах участия в диссидентском движении было несложно опровергнуть. А. Сахаров писал в письме Горбачеву 19 февраля 1986 г.: «Цели их действий в подавляющем большинстве случаев были высокими — стремление к справедливости, гласности, законности (что бы не писали о них беспринципные пасквилянты). Люди не идут на такие жертвы ради корысти или тщеславия, ради низменных или мелочных целей!»^[725] Действительно – не идут. Слишком уж нелепо соотношение наказаний и сомнительной материальной выгоды.

Мотивы были сложны и индивидуальны. Свою роль играли социальная и нравственная среда, психологические особенности личности, интеллектуальное или этическое неприятие Системы, возникавшее сразу (скажем, как у Новодворской при прочтении Солженицына), или путем постепенной эскалация критицизма. П. Волков пишет: «Они развивались как личности в нескольких средах: чаще... в среде интеллектуальной молодежи столиц... столичных НИИ и творческих объединений, либо в среде людей, затронутых прежними репрессиями. Микросреда стимулировала индивидуальные проявления человека часто в направлении дистанцирования от черт иной более широкой среды. Но решающий сдвиг состоял в однажды обострившемся конфликте с миром официоза, в осознании своей чужеродности ему через некое событие: акт официоза, обидевший, задевший чувства или ограничивший возможности человека. Вот тут и проявлялись ранее незаметные черты характера. Если человек слабовольный пасовал и худо-бедно приспособливался к своей участи,

то человек с характером становился непреклонным. Нет нужды разбирать, прав или не прав был человек, натолкнувшийся на твердость официоза, это нисколько не меняет исход ситуации. Официоз воспринимался отныне как враждебная сила, и всякий вновь замеченный его порок ставился ему в вину как злоумышленный, дело нередко заканчивалось пустым негативизмом, когда суждения самого отвлеченного характера накладывали отпечаток непосредственно на быт, причем отпечаток весьма болезненный...

Диссиденты походили друг на друга в том, что их душевный склад был эксцентрическим. То есть какая-либо черта характера сильно превалировала. Это могла быть особая реактивность психики, повышенная впечатлительность, эмоциональность скрытая или более явная, импульсивность. Людей толстокожих, инертных среди них не было... Болезненное самомнение, самолюбие, подчеркивание значения своей личной позиции. И трудно отрицать за ними моральное право на это, ибо оплачивалось все высокой ценой. Если конечно в решающий момент испытания диссидент не раскаивался. Поскольку мы прощаем слабости, скажем, звездам эстрады, то можем простить их и известным диссидентам... И умных, и глупых среди диссидентов было куда больше, чем статистическая норма для населения в целом. В том-то и дело, что это была интеллектуально поразительно сильно дифференцированная среда»^[726].

Психологический максимализм диссидентов понятен, но не ограничивает перечень причин, по которым человек оказывался диссидентом. Ведь не все же максималисты и импульсивные люди вступали в движение. Психологические черты должны были пересечься с путями идей. И здесь ключевым качеством оказывалась любознательность – диссидентская среда была источником самиздата и тамиздата.

Некоторое время человек мог жить на границе миров, читая «диссидентщину», тихонько помогая оппозиции и оставаясь «добропорядочным гражданином». Система ревниво относилась к подобному «двоемыслию», что часто подталкивало инакомыслящих к переходу в диссидентский лагерь. Но Система лишь создавала повод, на которой люди разного характера и разного уровня психологического развития^[727] реагировали бы по разному. Для одних «профилактические» действия властей могли «стать уроком», вернуть

к внешней благонамеренности, для других становились «спусковым крючком» для неизбежного перехода к состоянию, когда идеи важнее социального статуса. Рано или поздно такой выбор наступал. В этом отношении характерен пример В. Аксючица, который был секретарем партбюро факультета в МГУ и одновременно — верующим человеком и издателем религиозного самиздата. В. Аксючиц рассказывает о своем переходе в открытую оппозицию:

Все началось с чтения Библии, которую мне подарил мой дядя, настоятель храма Казанской Божьей матери. Евангелие произвело сокрушительное впечатление. Потом я вдруг сделал для себя открытие: во всей мировой философии нет ни одного философа-атеиста. Вообще нет. И даже нет ни одного философа материалиста. Демокрит — считается материалистом. Но что такое атом? Некое духовное начало. Поэтому я подумал, что если самые умные люди человечества веровали в Бога, то, очевидно, за этим что-то есть.

В 1977 г. мы с А. Зеленцовым начали издавать философскую религиозную литературу — Соловьева, Булгакова, Хомякова и других. Размножали «Архипелаг ГУЛАГ».

В 1979 г. у Аксючица и его друзей конфисковали самиздат. Далее между молодым ученым и представителями органов состоялся диалог:

— Это Ваши книги?

— Мои.

— А почему они у Вас?

— Я философ, и по теме диссертации «Проблема человека у Николая Бердяева и Пауля Тиллиха» мне нужна богословская литература. Читать я ее никому не давал. Политическая литература — от любопытства.

— Чтобы соблюсти формальности, напишите заявление о возвращении. Составим списочек.

Дальнейшее для конца 70-х гг. было просто анекдотично:

— Первое. «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицина. Ваше?

— Мое.

— НТС. Программа борьбы с коммунизмом. Ваша книга?

— Моя.

Я знал, что нельзя с ними сотрудничать, что-то подписывать. Но книги было очень жалко».

Результат – исключение из аспирантуры. Это был момент выбора. Одни находили в социуме нишу, где можно пересидеть, чтобы затем продолжать рухнувшую карьеру сначала, а другие – шли «в народ», но не соединялись с народом, а превращались в люмпен–интеллигенцию, «свободную от общества».

«Начал шабашить, – продолжает В. Аксючиц – но обязательно с трудовой книжкой — красил заборы и т.д. Саша Зеленцов еще выступал, что–то доказывал, когда его исключали. А я решил просто прекратить общение с ними.

Чтобы исключить меня из партии, нужно было сначала меня пригласить на заседание партийного органа. И партия стала ходить ко мне...

Ко мне прислали секретаря парткома МГУ. На этот раз молодой кандидат наук пришел, увидел у меня в кабинете портрет Солженицына на стене и говорит: «Я понимаю ваши взгляды, я их полностью разделяю, как и большинство членов нашего парткома, вы талантливый и т.д., но надо быть внутри, надо бороться, надо делать». Я говорю: «Вы знаете, вы выбрали для себя этот путь, а я выбираю другой – быть во вне, жить другой жизнью»^[728]. Диссиденты и прогрессисты двигались двумя колоннами в общем направлении. Одни решались на разрыв с системой, другие предпочитали жить внутри и по возможности что–то менять.

Минизапад

Постепенно диссиденты сформировали своеобразную субкультуру, напомилавшую действующий во враждебной среде анклав западного плюралистичного общества. Эта субкультура существовала наряду с другими неформальными средами.

Принадлежность к диссидентской среде создавала уникальные возможности самореализации, и это также было важным стимулом участия в движении. «Сегодня у него свои известные Миру лидеры, средства массовой информации и даже свой «дипкорпус». Сегодня принадлежность к нему — шанс обрести срока, но вместе с тем и возможность созвать собственную пресс–конференцию, обратившись

через многие неповоротливые головы к совсем другим головам... Итак, диссидентство уже не просто вызов — и господствующему сознанию, и господствующей бессознательности, не только обязательство отстаивать каждого человека, отстаивающего свои права. И не один лишь разрыв с казенщиной, не одна лишь утрата прежнего статуса и места в «обществе», но еще и возможность приобрести первое и второе, статус и место способом совершенно невероятным по прежним меркам, а ныне не только не исключенным, а даже вполне доступным»^[729], — писал М. Гефтер. Это — возможность самореализации, сопоставимая в своем кругу с возможностями руководителей страны. При дефиците оппозиции причастность к ней резко повышала значимость каждого ее члена.

Это состояние принадлежности к избранному кругу накладывало отпечаток и на моральные ориентиры, которые были для диссидентов определяющими. Роль референтной группы в диссидентстве оказалась наибольшей среди других общественных движений. Собственно, это было связано уже с генезисом диссидентства как наиболее радикального, максималистского крыла «кухонных» кружков. После того, как участники дружеской беседы приходили к выводу о несправедливости общественного строя в СССР, некоторые из них уже не могли не действовать. Морализм диссидентской позиции и их происхождение из дружеских компаний превращал «отказника» от участия в акциях протеста в человека безнравственного. Противостоять моральному давлению, даже невольному, было тяжело.

По мнению П. Волкова, «их мораль уже не была личной. Она основывалась на принадлежности к избранному меньшинству, к группе единомышленников. Мораль участников поверялась и поддерживалась группой. В этом сила групповой морали. Но ориентация на группу, на внешнее признание ослабляет крепость индивидуальной принципиальности. И когда диссидент оказывался в тюрьме, когда исчезал оценивающий взгляд группы и даже наоборот, референтной группой становилась бригада следователей, диссидент часто сдавался»^[730]. Последнее неверно — случаи «раскаяния» были довольно редки и очень ценились КГБ. Поведение на процессе считалось решающей проверкой принципов диссидента, и он готовился к этому моменту всю свою диссидентскую жизнь.

Этическая доминанта диссидентского движения подминала интеллектуальную, программную, что признают и авторитетные диссиденты: «Эта позиция определялась ощущением полной нравственной несовместимости с происходящим. Она не была основана на размышлениях и прогнозах отдаленных последствий, не предполагала отдаленной конечной цели. Она исходила из нравственной невозможности промолчать, отвернуться, не заметить — сегодня. Поэтому и перед тем, как пойти в тюрьму, и кончая срок, человек был уверен, что поступил правильно, но не готов был ответить на вопрос, какие именно результаты своей деятельности он бы хотел увидеть в будущем»^[731].

Отрицая существующее в СССР общество в принципе, диссиденты превращались в часть иной культуры, Западной (если понимать под ней культуру и общественные стереотипы Северной Америки и Западной Европы). Ориентация на Запад была обусловлена трагизмом ситуации, в которой диссиденты не могли найти достаточную опору внутри страны (хотя, в реальности некоторые точки опоры здесь существовали). В. Новодворская комментирует стремление наладить широкие контакты с Западом: «Диссидентам хватало и правозащитной деятельности, и если они ориентировали ее на Запад, то потому, что слишком хорошо понимали, что только там можно искать защиты, что здесь не сдвинуть ничего, даже при несталинском уровне репрессий»^[732].

Связь с Западом компрометировала движение в глазах соотечественников, для которых именно в той стороне света располагался «потенциальный противник». Но это было не столь важно, так как собственный народ для части диссидентов уже находился «по другую сторону баррикады» или, в лучшем случае, был обманут врагом. А враг моего врага — мой друг. Чужая власть вела себя не так, как своя, и потому казалось, что она на порядок нравственней. В черно-белом мышлении добро там, куда не проникает ведомое тебе зло.

Важнейшей силой, которая могла помочь диссидентам с Запада, были средства массовой информации, прежде всего радио, вещающее на СССР. Западное радио было важнейшим средством пропаганды, посредником при обращении диссидентов к обществу и государственному руководству^[733]. Западные «голоса» и до появления

диссидентов влияли на советские умы. Но в 50–е гг. главную угрозу несла реклама западного образа жизни. Партийные агитаторы и их начальники жаловались: «какая–то часть людей, видимо, слушает «Голос Америки», и поступают вопросы: сколько стоит дом, какая заработная плата. Чувствуется, где эти вопросы брались»^[734].

В 70–е гг., когда для достижения конкретных результатов диссиденты стали апеллировать и к западным государственным деятелям, «голоса» стали голосом диссидентов. Правда, внимание СМИ концентрируется на ситуации, а не на концепции.

«Такова природа прессы, что ей нужны суперзвезды. И случалось, диссиденты говорили иностранным корреспондентам, что они пишут об одних и тех же. Вопрос был не только о щекотании самолюбия, но и безопасности. Путем сложной диалектики возрастающая известность, сначала увеличивала опасность ареста, а потом уменьшала ее. Человека мало известного власти скорее решились бы арестовать. Но пресса ориентировалась на постоянных функционеров, а их действительно было мало и, кроме того, монополизация ими каналов на Запад была их установкой... Но и иностранные корреспонденты проявляли осторожность, не расширяя круг своих информаторов из–за боязни провокационных подставок КГБ. Я знаю много случаев, когда автономные группы так и не получили доступа своей информации на зарубежное радио. Широко известно стало о них лишь из чужих сообщений об их аресте. Подчас они и хотели бы передать информацию непосредственно за рубеж, но не рисковали прибегать к посредничеству инфильтрованных агентами КГБ известных диссидентских групп»^[735], – рассказывает П. Волков. Таким образом, как признавали сами диссиденты, «Запад стал придавать большее значение защите отдельных лиц, чем общей проблеме защиты прав человека»^[736]. В результате «голоса» становились куда интереснее для диссидентской и околодиссидентской среды, чем для остального населения.

Разным было и отношение в «голосам». Для диссидентов они несли истину: «...Характерная черта быта: коллективное слушание зарубежного радио, — вспоминает П. Волков, — С таким напряженным вниманием наши граждане слушали радио разве что в войну. Радио, с его умелой звуковой аранжировкой, не просто информировало, оно задавало ритм жизни, оно тревожило,

возбуждало, стимулировало. Сообщения о своих заявлениях приводили в восторг, известия о делах коллег рождало чуть ли не спортивный азарт»^[737]. Это были «свои» средства массовой информации, доверие к которым можно сопоставить разве что с преданностью западной интеллигенции к либеральным «массмедиа» в 90-е годы. Такая ситуация воспитывала не критичность сознания в тех, кому хватило критицизма, чтобы отвергнуть окружающую социальную действительность. Но на этом энергия иссякла, и была необходима подпитка. Мир снова становился «черно-белым», как до разрыва с властью. Перенося диссидентское мировосприятие на широкие слои населения, В. Буковский пишет: «огромное количество людей слушает западные радиостанции на русском языке и постоянно сравнивает услышанное с написанным в советской прессе. Официальная пресса перестает быть средством массовой информации. Даже если по принципу сломанных часов, дважды в сутки показывающих верное время, в газетах появится правдивое сообщение, ему все равно никто не поверит»^[738]. В действительности «голоса» хоть и слушали, но не доверяли им так, как Буковский. «Огромное количество людей» слушало радиоголоса хоть раз в жизни, но это не приводило к перевороту в их сознании и тотальному недоверию официальным средствам информации. Огромные тиражи газет расходились регулярно, что не мешало их читателям спокойно и столь же регулярно обсуждать новости «голосов» и «подлавливать» то один, то другой источник дезинформации. В этом отношении общество было не менее плюралистичным, чем диссидентская среда. В. Прибыловский вспоминает о роли голосов в социально активной среде: «Фактическим сведениям, сообщаемым голосами, как правило, верили, «вражеской» интерпретации — другое дело... В глухой провинции — в Чистополе сам я слушал Голос Америки, Би-Би-Си и Дойче велле («Свобода» моим приемником почти не бралась) с 5-6-го класса (1967 г.). Примерно с 8-го класса из 30 моих одноклассников около 10 слушали эпизодически и 3-5 — довольно регулярно. В общежитии истфака МГУ в 1975-1980 гг. сводка новостей Би-Би-Си или «голоса» слушалась во всех мужских комнатах практически ежедневно. В подмосковном Ново-Иерусалимском музее в 1981-1986 во всех отделах рабочий день начинался с пересказа за чаем (кто чего

услышал) последних сообщений «вражьего голоса». Тому же самому был, как правило, посвящен, первый перекур в каждый рабочий день в курилках карбюраторного завода ЗИЛа в 1974–1975 гг. (второй и третий перекур трепались уже о выпивке и бабах). По моим наблюдениям, простой пересказ сообщений «вражьего голоса» в присутствии партийного или административного начальника, даже самого ортодоксального, «отпора» не вызывал, «отпор» начинался, если выскажешь открытое сочувствие к «врагам». То есть поговорка «Есть обычай на Руси — ночью слушать Би-Би-Си» соответствовала истине. Про себя лично могу сказать, что к 1-му курсу университета дошел до взглядов примерно так Роя Медведева в значительной степени под влиянием «голосов» (переход к более радикальной «антисоветчине» произошел под воздействием Самиздата уже в студенческие и послестуденческие годы)»^[739].

По данным более поздних социологических опросов до Перестройки западное радио слушало до 80% опрошенных^[740]. Но это вовсе не значит, что у большинства населения СССР доверие к западным источникам информации было выше, чем к отечественным. Значительной частью жителей страны Запад воспринимался как противник, ведущий идеологическую войну. Часть советских людей, слушавшая «голоса» более или менее регулярно, могла сравнивать противоположные позиции в поисках реальной картины. Диссиденты в большинстве своем верили одной стороне, как и правоверные коммунисты.

Взаимодействие с Западом через каналы «массмедиа» оказывало заметное влияние на структуру движения, предвосхищая будущую зависимость «демократической политики» от законов действия средств массовой информации.

Для большинства диссидентов Запад (изрядно идеализированный) превращался в позитивную программу и образ для подражания. П.Волков считает: «Запад воспринимался не как наше возможное завтра, а как нечто принципиально несравнимое. Но парадоксальным образом для самих себя, они все же пытались организовать по мере возможностей некий микро-Запад в качестве личного окружения»^[741].

Это, конечно, не значит, что все диссиденты были западниками. Как мы видели, среди инакомыслящих было немало консерваторов, националистов и социалистов. Но и те, и другие, и третьи принимали

правила игры, при которых они жили в «микрозападе», наслаждаясь его свободой слова в качестве политических меньшинств.

Культура терпимости, которой пытались придерживаться диссиденты, стала одной из высших ценностей их движения. «У диссидентов–западников была одна хорошая черта (то есть, конечно, не одна, но эта, пожалуй, главная): они были интеллигентны, терпимы, не требовали ни от кого жертв (жертвоя собой) и умели прощать»^[742].

Таков идеал. Но реальность серьезно отличается от него. Ведь советский «остров свободы» существовал во вражеском кольце, а это не улучшает моральный климат.

Д.И. Каменская, защищавшая диссидентов как адвокат, в конце 60–х годов, вспоминает об этом времени: «Ставшие сейчас привычными терминами «диссиденты», «инакомыслящие» тогда только приобретали права гражданства. В те годы мне приходилось встречаться с теми, кто в последствии приобрел широкую известность своим участием в диссидентском движении. Их, безусловно, объединял нонконформизм и достойное уважения мужество, готовность жертвовать своим благополучием и даже свободой. Однако это были очень разные люди.

Иногда мне казалось, что некоторых из них слишком увлекает сам азартполитической борьбы. Разговаривая с ними, я явно ощущала, что, борясь за свободу высказывания своих мнений, они в тоже время недостаточно терпимы к мнениям и убеждениям других людей. Недостаточно бережно, без необходимой щепетильности распоряжаются судьбами тех, кто им сочувствует»^[743].

Западное общество, находясь в «кольце врагов», испытывая давление со стороны коммунистического или исламского движения, может быть очень агрессивным, внутренне нетерпимым и недемократичным. Диссиденты, оказавшиеся на «переднем крае» антикоммунистической борьбы, не могли избежать этих процессов. Несколько преувеличивая масштаб проблемы, П. Волков пишет: «конфликты носили перманентный характер. Тем не менее конфликты между группами (а каждый личный конфликт развивался в межгрупповой) скорее служили их внутреннему сплочению и активизации, чем понижению морального климата в движении. Так, напряженность между семинаром Огородникова и приходом священника Дудко не ослабила ни того, ни другого, а даже наоборот.

Другое дело, когда группа конфликтовала против одного из своих членов, — продолжает П. Волков, — Эта ситуация действительно становилась жестокой. Ведь замкнутая группа была для человека целым миром, с которым он связал свою судьбу, в глазах которого искал поддержки и был готов пожертвовать ему годами заключения. Изгнание из группы несомненно бывало горьким. А такие изгнания происходили периодически. Здесь, видимо, какая-то психологическая закономерность: напряженность в группе перекладывается на одного человека, и группа избавляется от него, восстанавливая свою внутреннюю гармонию. Но каково бывало жертве этого коллективного-бессознательного?... Обвинения, а еще больше подозрения друг друга в связях с КГБ бытовали постоянно. Под подозрение попадало столько лиц, что среди них неизбежно, просто в силу статистической закономерности, не могло не быть настоящих агентов. Но вот полностью доказать обвинение, как правило, было невозможно. Поэтому обвинениями пользовались в качестве орудия личной неприязни»^[744]. Эта закономерность проявлялась и позднее, в конце 80-х гг. в неформальном движении.

Часто выяснялось, что тяжкие обвинения в принадлежности к КГБ ложны. Но это не мешало обвинителю и дальше выдвигать их, а его сторонникам — верить в это. Так, известный своим обвинительным пафосом Г. Якунин накануне своего ареста писал в документах Христианского комитета, что конфликтовавшая с ним А. Загвязкина используется КГБ для провокаций в приходах. На процессе Якунина Загвязкина выступала в качестве свидетеля и заявила, что, несмотря на разногласия, считает отца Глеба человеком истинно христианской жизни, чистых принципов и примером для всех^[745].

Эволюция этики диссидентов шла не в лучшую сторону. А. Сахаров вспоминал, что в начале 70-х гг. Т. Великанова говорила:

— Они (то есть КГБ, вообще власти) не могут не чувствовать нашей моральной силы.

А спустя 8–9 лет, незадолго перед арестом, она же воскликнула:

— Почему раньше не было так противно! Откуда полезло столько мерзости!^[746]

Либеральные диссиденты вели «информационную войну» против Р. Медведева в 1973 г., а потом, в 1981 г. и вождь диссидентов А. Сахаров испытал на себе силу их нетерпимости.

Несмотря на опасности и конфликты, диссидентская среда была психологически привлекательна. Здесь собрались люди, которые могли свободно обсуждать запретные темы, интересные сами по себе и играющие важную роль в жизни страны. П. Волков вспоминает, что «жизнь у диссидента была особенной, больше всего в ней было разговоров. Разговоры тянулись беспрерывно в течении дня и продолжались далеко за полночь. Приходили и уходили гости, сменялись лица и темы, но беседа не прерывалась»^[747]. Диссиденты существовали в режиме «мозгового штурма», постоянных обсуждений общественных проблем (ибо вся их жизнь была сплошной общественной проблемой), и неудивительно, что даже в условиях недостатка информации околодиссидентская мысль достигла больших успехов, чем мозговые центры КПСС.

Диссидентская среда не стала тоталитарной сектой – как модель западного общества, она стремилась сохранять многопартийность (сосуществование либералов и социалистов) и хотя бы внешнюю толерантность к взглядам друг друга (при том, что левые должны были доказывать правым, что сходство их взглядов с идеологией КПСС не мешает борьбе против нее). Соотношение идеологических течений оценивается его участниками по-разному. Г. Павловский утверждает: «Нельзя забывать, что диссидентское движение — это движение советско-идеалистическое. В ранней фазе оно себя очень четко дистанцировало от антисоветских групп.

Диссидентское движение отказывалось определиться как антикоммунистическое. Были лишь отдельные люди и кружки, стоявшие на антикоммунистических позициях, но они не составляли большинства.

Резковатых на словах людей подозревали в том, что они связаны с Комитетом. В этом была некоторая провокационность, больше полезная для наших противников, чем для нас. Это касается и действий, и разговоров, и антикоммунизма. Во время диссидентского движения Виктор Сокирко под псевдонимом Буржуадемов был почти единственным ходатаем буржуазного развития. С ним не соглашался практически никто, включая академика Сахарова»^[748].

Б. Кагарлицкий оценивает ситуацию противоположным образом: «Немногие авторы, сохранявшие привязанность к марксизму, находились в постоянной обороне, вынуждены были непрерывно

оправдываться и доказывать свою демократическую лояльность либералам, которые иногда привлекали их в качестве союзников в своей полемике с националистами». Даже в журнале «Поиски», который позиционировал себя как площадка согласования разных позиций, «смысл диалога состояла в том, что либеральная часть редакции предъявляла требования и условия, которым левые должны соответствовать, чтобы быть принятыми в приличное общество»^[749].

Истина находится между этими позициями. Более того, они в значительной степени совместимы, но требуют поправок и разъяснений. Во-первых, антикоммунизм был весьма влиятелен в диссидентском движении. Достаточно вспомнить о взглядах Буковского. Мы увидим, что в частных разговорах и Сахаров высказывался вполне антикоммунистически. Как мы увидим, его взгляды с 1968 г. ушли вправо, в сторону либерального западничества. Во-вторых, требования «демократических приличий» нередко не были связаны с принадлежностью к марксизму (скажем, поведение Р. Медведева критиковалось и диссидентами–марксистами). И, наконец, в-третьих: попытки найти что-то лучше, чем капитализм, вовсе не обязательно должны основываться на марксизме.

Диссидентское идеологическое поле было общедемократическим. Либералы и даже консерваторы–антикоммунисты занимали в нем сильные позиции. Куда более сильные, чем марксисты (в этом Б. Кагарлицкий безусловно прав). Но (и в этом прав Г. Павловский), как советские люди, многие идеологи диссидентов с опаской относились к экономическому либерализму (мы видели это на примере взглядов Ю. Орлова). Диссидентский идеологический мейнстрим в наибольшей степени соответствует нынешнему социал–либерализму, попыткам совместить капитализм и полноту социальных гарантий. Строго говоря, такая социал–демократия ближе к либерализму, чем к социализму (хотя и не любит это признавать). Но диссидентские поиски «влево» не ограничились социал–либеральными рамками. Не будем забывать, что журнал «Поиски» опубликовал текст В. Ронкина и С. Хахаева, который предлагает концепцию социализма, выходящую за рамки идей конвергенции, социального государства, индустриального общества вообще.

«В условиях тоталитарного режима открытость независимой общественной позиции при полной беззащитности от преследований грозит, казалось бы, немедленным крахом. Однако правозащитное движение именно вследствие открытости показало себя неожиданно эффективным — его призыв был услышан и внутри страны, и за ее пределами... — считает Л. Алексеева. — Правозащитное движение, начавшееся в Москве в узкой интеллигентской среде, вышло за ее пределы, распространилось по стране, проникло в другие социальные слои...»^[750] Парадокс кажущийся. Диссидентское движение потому и смогло открыто развиваться, что действовало не при тоталитарном, а при авторитарном — более терпимом, режиме. Отчасти это движение было даже необходимо государству — как прибор, определяющий силу давления в котле. Оно вбирало в себя недовольных радикалов из всех слоев общества. Но массовым так и не стало, хотя периферия движения была достаточно велика.

«В брежневский период за слово в приятельской компании уже не сажали или, скажем так, это не было настоящей причиной посадки, а лишь изредка поводом для нее. Поэтому круг общения диссидентов мог расширяться, поскольку это позволяли технические возможности: ведь не было залов и публичных объявлений о встречах. Но были квартиры, были связи с другими городами и довольно широкие связи», — пишет П. Волков^[751].

Диссиденты надеялись, что они провозглашают то, что думает по крайней мере большинство интеллигенции. Как пел Ю. Ким,

На тыщу академиков и член-корреспондентов,
На весь организованный культурный легион
Нашлась лишь эта горсточка больных интеллигентов,
Чтоб выразить, что думает здоровый миллион.

Между тем «горсточка больных интеллигентов», шокировавшая своими действиями не только большинство советских граждан, лояльных режиму, но и сам «здоровый миллион», испытывала сложные чувства по поводу своей исключительности. «Особенно трудно жить полуотщепенцем, в полуотрыве от массы, не порывая своих связей с ней, не замыкаясь в свою секту»^[752], — признавал Г.

Померанц. Большинство диссидентов не выдержало этого испытания, предпочитая свой ясный и очевидный мир полной противоречий советской действительности. И это углубляло изоляцию от «внешней среды».

Настроенность на изоляцию становилась одной из важнейших черт, формирующих структуру диссидентского движения. Л. Алексеева вспоминает, что в конце 70-х гг. «ядро московских правозащитников составляли зачинатели этого движения, рассматривавшие его как чисто нравственное противостояние, не имеющее каких-либо политических целей, в том числе целей вербовки сторонников. Они не ставили перед собой и цели расширения движения, распространения его на другие социальные слои, как это имело место в Польше, а когда это произошло само собой, без их усилий, не оценили этого и отшатнулись от чужаков»^[753]. В этом — ключевое различие диссидентов и следующего поколения оппозиции — политических неформалов.

Какую роль играло диссидентство в обществе? «Диссидентство — это симптом, а не фактор общественной эволюции»^[754], — считает П. Волков. По его мнению диссидентство реально не воздействовало на ситуацию в стране. Эту мысль продолжает И. Смирнов: «Диссидентство в нашей стране никогда не было политической оппозицией. Ведь всякая реальная оппозиция, пусть и без должных оснований, но надеется когда-нибудь стать правительством. В диссидентстве же действовал принцип чистой жертвенности. Человек громко заявлял: «Я против», чтобы сгинуть, быть вычеркнутым из общества, из его реально существующих механизмов. Эти люди достойны глубочайшего уважения. Но опыт войны на Тихом океане свидетельствует: камикадзе оказались очень плохими пилотами. Диссидентство имело смысл и силу только как индивидуальный нравственный выбор. Попытки строить на его основе организованную, профессиональную политическую деятельность неизменно оказывались несостоятельными. И что бы не писали об этом сегодня (когда все стали смелыми, как Матросов), в начале 80-х диссидентство представляло собой секту, отгороженную даже от самой образованной части соотечественников стеной страха и непонимания»^[755]. Эти слова справедливы, но не во всем. Опыт пиратской войны в Атлантике свидетельствует: корабли иногда меняют флаги. И бывшие диссиденты, когда возникла возможность, встали на сторону Власти,

на деле показав — многие из них вовсе не исключали возможности стать частью правящей элиты.

Из нескольких сотен более или менее влиятельных политических деятелей 1993 г. (депутатов Верховного Совета, советов крупных городов и областей, участников Конституционного совещания, депутатов Государственной Думы, лидеров крупных общественных движений, известных журналистов) около полусотни человек участвовали в оппозиционной общественной деятельности до 1985 г. Это относится, например, к 34 политикам, оказавшимся в справочнике экспертной группы «Панорама» «Кто есть кто в Российской политике. (300 биографий)», что составляет более десятой части^[756].

«Из диссидентов делают теперь героев–предтеч нынешней власти. И справедливо делают, — считает П. Волков. — Если мы хотим понять, почему отношение нынешней власти к народу такое, какое есть, то надо и начинать с самого начала: с диссидентского движения времен застоя. Диссидент–демократ был культурным прототипом «демократа» — политика. Конечно, немногие диссиденты заняли высокие посты, но все же: Гамсахурдия стал президентом, Черновил возглавил Львовскую область, Якунин и Ковалев в Верховном Совете, Кудюкин — замминистра, и т. д., и т. п. Да и по телевидению воспитывают нас они же. С них началось движение интеллигенции по перестройке мышления народа»^[757].

Но идеи, которые транслировали диссиденты, были широко распространены вне их среды. «Перестройка мышления народа» началась не диссидентами, а раньше. Прогрессисты, относясь к диссидентам с уважением и, как правило, сочувствием, вовсе не считали диссидентов своим авангардом. Скорее — ложным путем. К. Чуковский писал о них в дневнике: «Мне кажется, это — преддекабристское движение, начало жертвенных подвигов русской интеллигенции, которые превратят русскую историю в расширяющийся кровавый поток. Это только начало, только ручеек»^[758].

Однако, в отличие от нынешних скептиков, и лидеры общественного мнения, и сама власть относились к диссидентам очень серьезно. «Ручеек — это только начало». В 60–е гг. диссидентские акции вызывали всплески общественной активности, расходившиеся кругами далеко в стороны. В 70–е гг. Политбюро регулярно обсуждало

проблему диссидентов. Движение вовлекало статусные фигуры и имело широкий круг сочувствующих и интересующихся. Все это доказывает: все-таки оно влияло. И присоединившись к этому движению, человек не исчезал, а попадал в историю.

Роль диссидентов в расширении пространства «дозволенного» заключалась в том, что они создавали благоприятный фон для прогрессистов, отодвигая все дальше крайность оппозиционных либеральных и демократических мнений. Они создавали противоположный от власти полюс, а между двумя полюсами есть пространство для многообразия жизни.

По мере вычленения диссидентов из общей массы вольномыслящих (то есть не согласных с официозом людей, которых было гораздо больше, чем диссидентов) усиливалось противоречие между диссидентами и умеренными прогрессистами («либералами»). Со стороны людей, причастных к диссидентству, оно доходило до откровенного презрения к «либералам»: «Современный либерал живет, оглядываясь на людей. Заповедей у него нет, категорический императив сдан как идеалистический выверт. Но есть стыд и совесть. Это достаточно, пока не оторвали от друзей и не втянули в принудительное общение с тем, что выросло на месте совести. С антисовестью»^[759], — считал Г. Померанц. Но, конечно, отношение к либералам у диссидентов было более снисходительным, чем к власти: «Галилей говорил, как говорят наши родственники и соседи: «Не надо мученичества! Достаточно доводов науки! Раньше ли, позже ли, но наука возьмет свое!» А Бруно нас молчаливо осуждает. Этот человек истину отстаивал по-средневековому: всем собой... Знаю одно: мир простил Галилею его слабость. Мир не простил инквизиции ее силу»^[760].

«Средневековая» мораль диссидентов определила логику их разногласий с прогрессистами («либералами»), носивших не столько идеологический, сколько тактический характер, хотя обоснование разногласий могло быть этическим. Претензии диссидентов поддерживают и авторы более позднего времени. Американский публицист У. Лакер из своего далека упрекает в трусости почвенников: «Почему они не пользовались самиздатом? Если бы судьба нации была под угрозой, некоторые из них могли бы проявить чуть больше смелости»^[761]. Но эти же слова с тем же успехом можно было бы

отнести и к «либералам» – «западникам», заменив «судьбу нации» на судьбу страны, мира, свободы. Упрёк в адрес одного из идеологических крыльев грешит против истины — почвенники Солженицын, Шафаревич, Осипов («некоторые из них») писали в самиздат.

Перед статусными прогрессистами (в отличие от большинства диссидентов) стоял выбор: печататься массовыми тиражами или сменить массовую трибуну на свободу от цензурных ограничений в узком кругу. Большинство прогрессистов выбирали первое, меньшинство – второе. Этическая форма разрыва с властью в этих случаях надстраивалась над разными жизненными обстоятельствами таких известных прогрессистов, как А. Галич, В. Войнович, В. Аксенов и др. Здесь были важны и радикализм идейной эволюции, и творческие конфликты, и представление о том, как известный человек может жить на Западе, и мнение друзей.

Таким образом отказ от участия в самиздате – вопрос не этический, обсуждаемый в категориях «смелость–трусость», а тактический, обсуждаемый в категориях эффективности. Диссидент обычно мог воздействовать на сотни людей, а также на либеральную часть интеллигенции и руководства. Прогрессисты общались с миллионами, в том числе с тем же руководством, являясь для него фактором не международного (как диссиденты), а отечественного общественного мнения. И то, и другое было важно. Распад союза прогрессистов и диссидентов на грани 60–х и 70–х гг. помноженный на этические претензии, немало способствовал самоизоляции и ослаблению диссидентов.

Но статусная интеллигенция продолжала любопытствовать, что подделывают радикальные собратья, и сохраняла возможности для контакта. Даже после того, как статусные интеллигенты прекратили собирать подписи в защиту диссидентов (раз уж они такие неблагодарные, а власти – суровые), статусные интеллигенты продолжали читать самиздат, контактировать с оппозицией.

Диссиденты сохранили возможность пропагандировать прогрессистов. И когда возникла потребность в радикальных идеях, многими шестидесятниками были востребованы идеи, обсуждавшиеся в самиздате.

П. Волков выделяет следующие «круги» диссидентского движения:

«1. Официально легализированные члены комиссий и комитетов, редакций, как правило впоследствии поплатившихся арестом или эмиграцией.

2. Менее известные и не вошедшие в группы, но также активные и пострадавшие за это люди. Известны они становились в момент ареста, обыска, увольнения с работы или исключения из ВУЗа.

3. Подписанты — не скрывавшие своего имени под эпизодически появлявшимися письмами протеста, постоянные участники собраний — наперечет известные КГБ, но не преследовавшиеся им специально. (В ранний период диссидентского движения преследовались и подписанты, но чаще через партийные органы).

4. Постоянные помощники, не афиширующие свои имена, но обеспечивавшие конспиративные связи, хранение денежных средств, печатного оборудования, предоставлявшие свои адреса для получения писем из лагерей при посредстве случайных доброхотов.

5. Люди, составлявшие более широкий круг общения, моральной поддержки, эпизодически поставлявшие информацию для диссидентских изданий.

6. Круг людей любопытствующих, желающих быть в курсе экстравагантностей общественной жизни, но подчеркнуто дистанцировавшихся от практического участия и конкретных обязательств» [762].

Существование периферии позволяет лидерам диссидентства отрицать его оторванность от общества: «несмотря на свою относительную малочисленность, правозащитники вовсе не были изолированными от общества, разрозненными одиночками. Несомненно также, что правозащитное движение отражало более или менее осознанное, но все же весьма глубокое недовольство развитием страны после такой обнадеживающей хрущевской «оттепели» и прежде всего недовольство узкого слоя интеллигенции... Однако, будучи по своему социальному составу преимущественно

интеллигентским, это движение — во всяком случае в субъективном восприятии его участников — отнюдь не претендовало на то, что представляет интересы этого сословия... Оно вообще не представляло и не отражало групповые интересы — оно выражало общественную и в то же время глубоко личную позицию тех, кто в нем участвовал, тех, кто его поддерживал, тех, кто ему сочувствовал»^[763].

Общая численность людей, подписывавших диссидентские документы, составляла около 1500 человек^[764]. «В «теневых формах» правозащитной деятельности — материальной помощи репрессированным, распространении «самиздата», сборе правозащитной информации — постоянно или эпизодически участвовало гораздо больше людей»^[765]. Из этой среды комплектовались ряды активных правозащитников.

Дополнительные возможности привлекать симпатии населения имела националистическая оппозиция в Западной Украине, Прибалтике, Грузии и Армении (в «исламских» республиках диссидентов было меньше — вероятно, диссидентство — признак определенной стадии общественного развития, которой Средняя Азия и Азербайджан тогда еще не достигли). Большую активность проявляло движение за возвращение татарского народа в Крым^[766]. Национальная оппозиция, по мнению В.А. Козлова, «имела еще большее интеллектуальное влияние, могла, в отличие от московских интеллектуалов, апеллировать ко всему народу, выходить за рамки морально-интеллектуальной критики, непосредственно влиять на политическую жизнь. В. Семичастный не случайно начал свою докладную записку в ЦК КПСС с сообщения об аресте 20 украинских националистов, взгляды и документы которых «в различной степени были известны весьма широкому кругу интеллигенции (свыше 1000 человек)». Цифра относится только к поименно известным следствию людям, на самом деле круг осведомленных был, несомненно, значительно шире»^[767].

И все же это было значительно меньше «здорового миллиона». Речь может идти о нескольких десятках тысяч людей. Однако инакомыслие было на порядки более широким явлением, нежели диссидентство как движение. В этом случае речь может идти не о диссидентских, а о неформальных структурах, которые были

разветвленное и старше диссидентства, и далеко не всегда воспринимали его в качестве своего «авангарда».

Жгучей проблемой для диссидентов оставался поиск точки опоры. Периферия диссидентского движения и некоторые его представители (особенно это характерно для Р. Медведева) продолжали искать пути воздействия на верхи и одновременно взаимодействовать с той частью диссидентской среды, которая шла на конфронтацию с властью. Но в начале 70-х гг. стало ясно, что диалог здесь невозможен – его не собирается всерьез вести власть.

Если не власть, то народ? Но и народ казался многим диссидентам «реакционной массой», выражаясь словами начала века. Г. Померанц обосновал эту точку зрения так: «Конфуций говорил: «Когда царит добродетель, стыдно быть далеко от двора. Когда царит порок, стыдно быть близким ко двору». Я думаю, слово «двор» можно заменить словом «народ». Смысл не переменится. Небо может отвернуться от народа так же, как от государя и двора, и тогда быть отщепенцем совсем не стыдно. Просто трудно»^[768].

Психологическое отторжение от народа определяло тесную культурную связь классического диссидентства с Западом, который превращался для большинства диссидентов в «точку опоры», отсутствующую внутри страны. В результате диссиденты оказывались в эпицентре геополитической борьбы и брали на себя такую же роль в СССР, как коммунисты и «левые» в США. Подобно социалистам начала века, диссиденты воспринимали себя как часть интернационала. «Правозащитное движение влилось в международное движение за права человека»^[769], — пишет Л. Алексеева. Такая позиция предопределяла преобладание в среде диссидентов западной идеологии. Диссиденты были фронтиром «мирового движения» с центром на Западе.

Отношение «народа» к диссидентам было также «неоднозначным». Два незначительных меньшинства с одной стороны поддерживали, а с другой – ненавидели диссидентов. Психологию первого меньшинства хорошо проиллюстрировал В. Буковский, наивно распространяя ее чуть ли не на все общество: «советский читатель, прочтя, скажем, в «Правде», что Солженицын — поджигатель войны, а Сахаров — агент мирового империализма, лишь ухмыльнется»^[770].

Другие реагировали на диссидентов так, как попутчики Е. Боннэр: «В купе, кроме меня, было еще две женщины средних лет и один мужчина... — ”Вы жена Сахарова?» — ”Да, я жена академика Андрея Дмитриевича Сахарова.» Тут вмешался мужчина: «Какой он академик! Его давно гнать надо было. А вас вообще...» Что «вообще» — он не сказал. Потом одна женщина заявила, что она советская преподавательница и ехать со мной в одном купе не может. Другая и мужчина стали говорить что-то похожее... Крик усилился, стали подходить и включаться люди из других купе, они плотно забили коридор вагона, требовали остановки поезда и чтобы меня вышвырнуть. Кричали что-то про войну и про евреев..., я прямо ощущала физические флюиды ненависти»^[771]. Сахаров записал в своем дневнике по этому поводу: «Столкновение в поезде 4 сентября было, конечно, спровоцировано несколькими гебистами, но большинство пассажиров, кто по охотке, кто из страха, приняли участие в общем крике»^[772].

Пожалуй, наиболее типичным было отношение к диссидентам, описанное в другом месте воспоминаний Е. Боннэр о диалоге со случайным попутчиком: «- Боннэр Елена Григорьевна, — и вижу, он руку не мне, а к двери протянул, закрыл, и полушепотом: — «Та самая?» — «Да, та самая». — «Никогда не подумал бы». — Недостаточно страшна для той, о которой читали?» — «Пожалуй»... На мой вопрос, как он может верить тому, что писал Яковлев, отвечает вопросом: — «А как не верить, на основании чего?»... Он говорит, что думает, что теперь в стране все по другому, но, когда говорит это, видно: он не меня — себя убеждает. В разговоре с ним все время было у меня ощущение: вот еще немного, совсем немного, и что-то в нем прорвется, перестанет он сам себя утешать ложью. Но — не прорвалось»^[773].

На отношение общественно активных людей к диссидентам может пролить свет закрытая информация об откликах читателей «Правды» на высылку Сахарова в Горький. В январе-феврале 1980 г. 384 авторов писем одобряли это решение, 14 призывали власти отговорить академика от его ошибочной позиции и интересовались, чего же он все-таки добивается. 18 человек отважились поддержать академика, причем читатель Андреев написал, что «его мужество вызывает сочувствие»^[774]. «Такое письмо в газету требовало

определенного мужества. Мой друг Леонид Романков, ныне депутат Законодательного собрания Петербурга и член городского политсовета Демократического выбора России, а тогда сотрудник телевизионного института и участник «периферии» диссидентского движения (позднее подвергся обыску и добровольно–принудительному увольнению в 1982 г.), в 1980 г. после высылки Сахарова написал в «Известия» письмо в его защиту — более или менее осторожное. Ему никто слова худого не сказал, но вскоре без объяснений лишили «секретного допуска»^[775], — рассказывает В. Прибыловский.

В 1981 г. диссиденты провели опрос отношения к Сахарову 853 человек, принадлежащих к самым разным слоям населения, но преимущественно проживающих в Москве. Большинство рабочих, принявших участие в беседах (56%), не могли сформулировать свое отношение к Сахарову. 12% считали его врагом народа, а 12% полагали, что он очень важен для страны. Еще 8% относились к нему хорошо. Из инженеров и научных сотрудников 15% считали, что Сахаров вреден стране, а 44% относились к нему положительно, и еще 19% считали, что он очень важен. Трое представителей этой категории (1%) считали Сахарова героем. Наибольший разброс мнений, как и надлежит, представила гуманитарная интеллигенция, но с некоторым уклоном в положительные оценки. В среде молодежи 15% опрошенных считали Сахарова врагом народа, а 34% - относились хорошо. Наиболее острое неприятие, что тоже закономерно, выразили руководители (40% — враг народа, 22% — бесполезен, с жиру бесится, 12% — полезен, 20% — очень важен) и члены КПСС (48% — враг народа, 16% — вреден), но и здесь положительные высказывания составили 24% опрошенных^[776]. При оценке этих данных нужно иметь в виду, что среди опрошенных велик процент людей, не впервые соприкасающихся с диссидентством. Но все же эти данные подтверждают, что советское общество давно стало разномыслящим.

Участники диссидентского движения воспринимали его как объединяющий, структурообразующий стержень «общественности» СССР: «Нам кажется, что это движение в течение последних двух десятилетий занимало центральное положение среди других течений и было для них объединяющим...»^[777] Это мнение очень далеко от действительности. Большинство участников «других течений» относились к диссидентам в лучшем случае с любопытством, а чаще

насторожено или враждебно. Конфронтационный стиль диссидентов отталкивал неформальное движение (экологическое, культурозащитное, педагогическое, значительную часть песенного), которое просто не смогло бы действовать, если было бы уличено в связи с оппозицией. И позднее радикализм диссидентов еще долго, вплоть до 1988–1989 гг., будет встречать отторжение среди значительной части неформалов. Да и для большинства диссидентов неформалы были органической частью опостылевшей советской действительности. Однако в условиях кризиса оппозиции начала 80-х гг. часть периферии диссидентского движения перешла к неформальным методам работы, предполагавшим возможность соглашения с властями.

* * *

Постепенно структура диссидентского движения усложнялась и приобретала устойчивость. Неформальный романтический стиль сменялся профессионализацией. Сахаров писал об изменениях, которые произошли в движении с начала 70-х гг.: «Это было, как кажется сейчас, время незамутненных ничем личных и общественных взаимоотношений в диссидентском кругу... Большинство диссидентов работало тогда на государственной службе – их еще не выгнали, и это было единственным источником их существования... Никому не приходило даже в голову делить своих друзей на «христиан», или «сионистов», или «правозащитников». Эти разделения наметились только потом... Никто из диссидентов не стал еще своего рода «профессионалом» (я не хочу никого упрекать сейчас – причиной появления «профессионализма» являются жесточайшие репрессии властей: увольнения с работы, бесправное положение вышедших из заключения, вынужденная эмиграция и многое другое). В общем, период тот воспринимается как нечто молодое, чистое, нравственное»^[778].

В 70-е гг. появились устойчивые источники финансирования. Большую роль в этом деле сыграл Русский фонд помощи политзаключенным, созданный Солженицыным перед эмиграцией. По

данным «ХТС» за три года фонд распределил 270 тысяч рублей (из них 70 тысяч собрано в СССР), помощь была оказана полутора тысячам семей^[779].

Затем подключились и другие фонды. Средства шли из-за рубежа, но это было естественно и непредосудительно само по себе – ведь не Запад инициировал правозащитную активность, а советское государство и недовольные нарушениями прав человека часть интеллигенции. Запад давал деньги на то дело, которым правозащитники занимались бы и бесплатно.

«Немецкие деньги» — аргумент примитивных мещан, с помощью которого они пытаются понять мотивы людей, стремящихся изменить мир к лучшему. Нужно как то опустить проблему до своего, мещанского уровня понимания. Если нет «немецких денег» — значит это сумасшествие. Но уж больно деловито действует оппозиция. Значит – за деньги.

Диссиденты ассоциировали свои интересы с западными не из-за денег. Они психологически сблизилась с Западом до появления этих и без того скромных денежных средств, позволявших профессиональным диссидентам вести образ жизни люмпен-интеллигента. Запад («мир») был единственной силой, которая явно и последовательно защищала диссидентов, к которой можно было обращаться «за правдой», как раньше апеллировали к ЦК. Раньше добрый начальник жил в обкоме и в Кремле. А теперь выяснилось, что там – злые начальники. Значит добрый – за морями.

* * *

Основой диссидентской информационной инфраструктуры был самиздат. А центральным органом диссидентского самиздата (ведь был и иной) стала «Хроника текущих событий». «Хроника» придерживалась общеправозащитной идеологии: необходимо заставить власти соблюдать их собственные законы. Задача издания – противопоставить лжи и произволу – объективность, предавать гласности беззакония, особенно – направленные против гражданских прав.

Первый составитель бюллетеня Н. Горбаневская еще не думала, что бюллетень станет регулярным, и планировала сделать обычный «самиздатский» сборник о нарушениях прав человека в 1968 г., который был объявлен ООН «Годом прав человека». Слова «Хроника текущих событий» сначала были подзаголовком. Однако, читатели приняли их за название, а слова «Год прав человека в СССР» — за тему первого бюллетеня. Издание продолжилось и после окончания Года прав человека. В 1969 г. на титуле появился новый девиз: «Год прав человека в СССР продолжается». Затем: «Движение в защиту прав человека в Советском Союзе продолжается», «Борьба за права человека в СССР продолжается», «Выступления в защиту прав человека в СССР продолжаются».

О тематике «Хроники» говорят и ее рубрики: «Аресты, обыски, допросы», «Внесудебные преследования», «В тюрьмах и лагерях», «Новости Самиздата», «Краткие сообщения», «Исправления и дополнения», «Преследования верующих», «Преследования крымских татар», «Репрессии на Украине», «События в Литве».

Авторы «Хроники» формально стремились к безоценочному, чисто фактографическому стилю, но читатель вряд ли мог обмануться по поводу их отношения к режиму (тем более, что в ХТС употребляются и вполне «оценочные» термины, такие как «стукачи»). Документы диссидентов, публиковавшиеся в «Хронике», дышат пафосом обличения преследований за инакомыслие в СССР.

Несмотря на то, что имена составителей «Хроники» не афишировались, они были известны и в диссидентских кругах, и в КГБ. В 1968–1969 гг. «главным редактором» была Н. Горбаневская, но «координатором» создания 3-го номера был И. Габай. После ареста Горбаневской в декабре 1969 г. «редактором» был А. Якобсон, но активнейшее, иногда ключевое участие принимали П. Якир, С. Ковалев, Т. Великанова и др.

Издатели «Хроники» опирались на уже сложившуюся сеть распространения самиздата. Информация передавалась в редакцию по тем же каналам, по которым «в обратном направлении» распространялась сама «Хроника». Получив сведения, издатели переписывали их максимально сухим языком (насколько они сами могли сдерживать эмоции) и сводили в бюллетень.

При работе в подполье были неизбежны ошибки, но их количество было заметно меньше, чем в современных «свободных» СМИ. В следующих номерах «Хроника» аккуратно вносила поправки в опубликованную ранее информацию.

Работа «редакторов» опиралась на помощь сотен людей. В редакции создавалась «первая закладка» — «тираж» в несколько экземпляров, сколько страниц войдет в машинку под копирку. Затем каждый экземпляр уходил другим людям, которые перепечатывали их во все больших количествах. Распространяясь все дальше от источника, «Хроника текущих событий» размножалась в геометрической прогрессии. При этом каждый экземпляр читали десятки людей.

«Хроника» прорвала информационную блокаду вокруг диссидентских акций. Теперь человек, бросивший вызов режиму, сам становился частью широкой системы. Читая «Хронику», человек видел, что по всей стране происходят акции протеста, что диссиденты готовы на равных разговаривать с властью, что подписанные сотнями людей правозащитные письма получают большой резонанс, что даже арестованные и осужденные борцы не пропадают в неизвестности — за их судьбой следят и товарищи, и международная общественность. Благодаря «Хронике» установилась регулярная связь между Москвой, Ленинградом и провинциальными группами диссидентов, движение стало быстро распространяться по стране. К 1972 г. «ХТС» описывала ситуацию в 35 точках страны. Даже один «боец» чувствовал у себя за спиной поддержку «лучших людей» СССР. «Хроника текущих событий» поддерживала и национальные движения в республиках СССР, и верующих различных конфессий. В 1970–е гг. ХТС стала также «рупором» правозащитных организаций, которые сами собирали информацию и передавали ее в «Хронику» регулярно (Инициативная группа защиты прав человека в СССР, Комитет прав человека в СССР, Хельсинкские группы).

Улучшение международной обстановки расширяло сферу свободы и в самом СССР — власти воздерживались от широких репрессий против диссидентов. А диссиденты, в свою очередь, апеллировали к международному общественному мнению, преимущественно — западному. Выпуски «Хроники», переправлявшиеся на Запад, служили материалом для передач радио — «голосов». Таким образом,

сообщение, переданное по цепочке «Хроники», могло быть затем озвучено в эфире, услышано тысячами людей, которые затем также пересказывали его своим знакомым (иногда – с сильными искажениями).

«Хроника» выходила регулярно, в среднем раз в два месяца, до конца 1972 г. К этому времени в КГБ осознали центральную роль «ХТС» в структуре диссидентского движения и поставили задачу уничтожить это издание. Диссидентам сообщили, что каждый новый выпуск станет причиной арестов. Поскольку лидеры диссидентского движения были хорошо известны, они превратились в заложников. Серьезный удар по ХТС был нанесен летом 1972 г., с арестом П. Якира и В. Красина («ХТС» в это время редактировалась на квартире Якира). Публичное покаяние этих лидеров нанесло по «Хронике» и моральный удар (см. Главу X). После ареста И. Белгородской, последовавшего за выходом 27 номера, правозащитники дрогнули и прекратили выпуск «ХТС».

Диссидентское движение уже просто не могло существовать без «Хроники», потому что она была его центральной коммуникативной системой, создавала поле общности, ощущение принадлежности к системе Движения. Возрождение «Хроники» стало вопросом жизни и смерти диссидентства.

Кошки и мышки

Попавший в поле зрения КГБ человек подвергался слежке, разным формам давления, включая беседы, преследования по служебной линии и т.д. И только если после этого диссидент не прекращал свою «противоправную деятельность», следовал арест (редкие исключения лишь подтверждают правило).

Иногда диссидентам «сходили с рук» даже серьезные правонарушения. Так, во время процесса над Ю. Орловым в 1978 г. А. Сахаров и Е. Боннэр, участвовавшие в митинге у здания суда, во время потасовки нанесли удары сотрудникам КГБ и милиционеру. Административный суд ограничился штрафом соответственно в 50 и

40 рублей^[780]. Во времена «демократии» наказания за подобные действия были гораздо более серьезными.

Вообще режим старался не злоупотреблять арестами. В брежневские времена некоторые решения об арестах принимались на самом высоком уровне и были как правило связаны со сложными внешне–и внутриполитическими соображениями.

Опыт сопротивления КГБ и диссидентов показывает, насколько правовым было советское общество. В. Аксючиц рассказывает о том, как «всесильный» КГБ накрыл квартирное собрание инакомыслящих: «Когда все собрались, туда ворвалась команда КГБ. Там было тоже самое, примерно, что на допросах и обысках. Мы все сгруппировались, не давая никаких оснований для провокаций, стали вести себя очень твердо духовно. Кончилось дело тем, что мы потребовали составления акта, в котором было зафиксировано помимо всего прочего, что один из ворвавшихся милиционеров был пьян. На что они с нами спорили, и мы согласились на компромиссную формулировку, что он не пьян, а «немножко выпивший». Ворвавшиеся, ушли просто как побитые псы, ничего не сделав. Не стовариваясь, все вели себя совершенно синхронно. Действия кгбешников превратились в какой–то фарс. Мы просто стали издеваться над ними. Они взяли с собой участкового, а участковый судя по всему для храбрости рюмку хлопнул. И кэгэбэшник стал его защищать: ну ребята, он же не пьяный, он чуть выпивший. Ну, так и напишут, что при исполнении служебных обязанностей чуть выпивший»^[781].

* * *

Открытость работы диссидентов вовсе не означала отсутствие всякой конспирации. Диссиденты часто открыто подписывались под своими заявлениями и «антисоветскими» статьями, но нередко пользовались псевдонимами. «Самиздат» изготовлялся конспиративно — иначе и быть не могло. Столь же нелегально шло распространение запрещенной литературы. Демократическое движение напоминало айсберг, в котором блещущая на солнце надводная часть опиралась на подводную массу. Это подполье обеспечивало «тылы» диссидентов,

действовавших открыто. Благодаря конспиративной работе движение сохраняло свою связь с периферией, с сочувствовавшими людьми, не готовыми идти на такие же жертвы, как лидеры.

Мне довелось соприкоснуться с диссидентской средой уже «на излете» ее активности. Удивляло пренебрежение к конспирации в одних вопросах и крайняя тщательность в других. Человек мог проповедовать в присутствии случайных людей, но, передавая тебе крохотную книжку, запаянную в непрозрачный полиэтиленовый пакет, долго ходил, отрываясь от потенциальных «хвостов». Тогда по неопытности я посмеивался над этими правилами, и только позднее понял, как точно они «притерты» к особенностям уголовного кодекса. В. Новодворская вспоминает: «Часто обмен книг происходил как в чухраевском фильме «Жизнь прекрасна», с помощью двух одинаковых пластиковых сумок. Я думаю, КГБ был в курсе, но гоняться за каждой книжкой в Москве не считал нужным... Книги распространялись как святое причастие, как Грааль. Их брали с благоговейным и тайным ужасом: многие из них тянули на семь лет. Конечно, в Москве в 70-е сажали уже не за это: скорее за правозащитную деятельность, за сбор подписей под письмами протеста, за участие в организациях типа Хельсинкской группы, не говоря уже об участии в издании «Хроники текущих событий» или листовок и подпольных журналов»^[782]. Впрочем, и за это сажали далеко не сразу. Сначала пытались припугнуть. Но человек не знал, какова «длинна зуба», выросшего на него у власти.

Каждый диссидент, действовавший открыто, а не на периферии движения, ждал, что к нему «придут». «Обычно с обыском приходят в среду, — рассказывает В. Аксючиц. — В понедельник выходят на работу, ставится задание, во вторник совещание по выполнению задания. Поэтому арест обычно в среду и в четверг. Вот два дня наиболее опасных. Обычно приходят в 8 часов утра. До этого слишком рано, им не хочется вставать самим, а позже все уходит на работу. Среда, 8 часов утра — наиболее опасное время. Раздался звонок. Подбегаю к дверям, чуть приоткрываю и вижу, что стоят шкафы и амбалы, штук 8, забита вся площадка. Я захопываю дверь, кричу: «Подождите, дайте одеться». Дальше начинаются стуки, звонки бесперывные. Я даю жене записную книжку и говорю: «Рви и жги, по листочку отрывай и жги». Сам быстро стараюсь где-то что-то хоть

как-то припрятать. Я открываю дверь и, как положено по диссидентским инструкциям говорю: «Простите, а кто вы такие? Предъявите документы». Они мне предъявили документы. На самом деле я ничего не вижу, такая волнительная ситуация, делаю вид, что читаю. Они мне говорят: «Почему вы так долго не открывали?» Я говорю: «Надо было одеться». Они говорят: «Понятно». И тут я понимаю, что я стою в халате на голое тело. «Долго вы одевались». Они говорят: «Почему у вас дым в квартире?» Я говорю: «Вы может быть голландскими дезодорантами пользуетесь, а мы бумажками в туалете пользуемся»...

Они меня сажают по середине комнаты и говорят: «Вот сидите здесь и не вставайте». Даже одеться не дают. И начался обыск. Переворачивается вся квартира. Я посидел, успокоился, помолился. Всегда в квартире что-то остается, что жалко, что дорого, не хочется, чтоб пропало. Я вижу, что это что-то находится и складывается на мой стол, который перед этим тоже обыскали, мой рабочий стол. Через некоторое время я встаю, помолясь, и начинаю за ними в полках наводить порядок, ставить книги на место и по ходу этого дела приближаюсь к столу, открываю ящик стола и то, что мне не хотелось бы им отдавать, кладу в ящик стола. В это время один из обыскивающих оглядывается от шкафа, который он потрошит, смотрит на меня невидящим взглядом, ничего не говорит и отворачивается.

Часа три прошло, один звонит, что ничего не нашли. Там ему указание, чтобы искали дальше. Они искали еще два часа. В унитаз руку засунули, крупу пересыпали. Жена, чтобы успокоиться, сидит на кухне и строчит на машинке, что-то шьет, я у себя в большой комнате. Наконец опять звонит: «Ничего не нашли». Там им команда, мол везите его самого. Они мне говорят: «Одевайтесь, поехали с нами». Я говорю: «Обязательно поеду, но только с повесткой, чтобы было сказано там, по какому уголовному делу и в качестве кого: обвиняемого или свидетеля». Он в телефон сообщает: «Повестку просит». «Там вам дадут повестку». Я говорю: «Нет, вы знаете, я туда поеду, а повестку нужно здесь». Тут на авансцену выходит капитан милиции, в форме и говорит: «Вы знаете, я официальное лицо, я в форме, вы не подчиняетесь, да я вас сейчас посажу за неподчинение властям, да я сейчас вам устрою, сейчас понятых позову, ваших соседей». Хлопает дверьми, выходит на лестничную клетку. Какие

поняты? Поняты тут же сидят. «Немедленно одевайтесь». Я говорю: «Нет. Вы знаете, я законопослушный гражданин, все по закону. Дайте повестку». Стулья вперед, короче. Тогда приводит мою жену, показывает на меня пальцем и говорит: «Повлияйте на своего мужа. Он перед нами пытается продемонстрировать свою мужскую силу». Когда мы это услышали, мы заржали естественно. Они так и не поняли, что он сказал, поэтому мы смеялись только вдвоем. Тогда ругаясь несколько человек сели в «Волгу» и поехали куда-то. Приезжают. За это время я, естественно, надеваю теплое белье, собираю еду. Когда к тебе приходят с обыском, такое впечатление, что входят во всю страну с обыском. Такая кампания началась. И непонятно, когда ты вернешься, совершенно непонятно.

По ходу дела пошел позвонил друзьям, что-то они не замечают ничего: «Вы знаете, у меня обыск». Тут ко мне бросилась целая куча моих друзей. Они не успели доехать, приезжает поехавший за повесткой и привозит огромного амбала, вооруженного до зубов, он выглядел примерно так, как сейчас ОМОН или «Альфа». Дает мне повестку, я внимательно читаю, там все написано: «... в качестве свидетеля и т.п.» Я говорю: «Все, поехали». И они спокойно сажают меня в «Волжанку» и везут в прокуратуру, не в ГБ, а в районную прокуратуру. И соответственно там начинается допрос следователя прокуратуры. Как потом выяснилось, формальным поводом для обыска они избрали арест одного из диссидентских поэтов, христианских и первый вопрос они начали по отцу Дмитрию Дудко. И опять же как это распространялось в памятках, что такое КГБ и как себя нужно вести, я все точно, по тексту: имя, фамилию, отчество все сообщаю. «Скажите пожалуйста, знакомы ли вы с отцом Дмитрием Дудко?» Я говорю: «Извините, этот вопрос не имеет никакого отношения к этому уголовному делу». «А когда вы с ним встретились?» «Извините, это не имеет никакого отношения к уголовному делу».

Таким образом я отвечаю. Он начинает выходить из себя, начинает ругаться. «Вы нарушаете какую-то там статью УПК, мы вас посадим, вы должны и т.д.». Я отвечаю: «Что на все вопросы относящиеся к этому делу я готов отвечать, правда я ничего об этом не знаю». «Ну, — говорит, — сейчас я вам устрою».

«Ну с вами сейчас прокурор разберется». Пошел куда-то. Приходит и говорит: «Все! Вас прокурор вызывает. Все! Сейчас он вам покажет». Огромный кабинет, сидит где-то в конце за огромным большим столом человек, который вскакивает и совершенно лучезарно: «Виктор Владимирович, здравствуйте! Заходите». Один следователь крутой, другой добрый. И вот он добрый. Он говорит: «Вы знаете, я первый раз в жизни встречаю среди диссидентов нормального человека. Интеллигентного, красивого молодого человека. Я посмотрел ваше дело, вы учились отлично, вы философ. Как интересно. Откуда вы родом?» Я говорю: «Из Белоруссии». А он мне: «Надо же, а я Белоруссию освобождал, шел с войсками. Я знаю, там все православные были. Наверное поэтому вы стали верующим?» Я говорю:

— Да.

— Да, вы такой талантливый, как жалко что вы не работаете, вам надо по профессии работать, мы вам поможем, обязательно. Только вот знаете, следователь задает вопрос, вы сами понимаете, что это нужно для вас же, для вашего же дела, для государства. Вы уж ответьте на все вопросы».

Я говорю: «Я отвечаю на все вопросы, которые имеют отношение к делу. Но он-то мне задает вопросы, которые не имеют отношения к делу. На них я отвечать не буду». «Как не будете? Я же вам только что все сказал. Я же вам все объяснил, что это надо для государства и пр.». Я говорю: «Вы знаете, я отвечаю по закону. В законе писано то-то». «Ах так. Рассмотреть заведение уголовного дела по факту тунеядства». Здесь я был застрахован, потому что я трудовую книжку вел аккуратно, все справки собирал. Короче говоря, не прошло»^[783].

Обыск, как видим, не всегда означал арест. Власти активно прибегали к профилактике. «Не только со мной, но и со многими моими знакомыми велись беседы о необходимости «интегрировать» их в общество. Совершенно очевидно, что в недрах андроповского КГБ разрабатывался какой-то план интеграции инакомыслящих»^[784], — рассказывает В. Аксючиц. Нередко власти ограничивались внесудебными наказаниями. Так, Г. Анищенко, подвергавшийся задержаниям и обыскам, в конечном итоге отделался увольнением с работы.

У. Лакер считает, что поведение властей в отношении инакомыслящих зависело от идеологической ориентации последних: «Интересно сравнить, как по разному обходились с академическими учеными Сахаровым и Шафаревичем. Шафаревич написал радикально–критическую работу о социализме, которую, как и другие его эссе подобного толка, опубликовали в Париже в 70–е годы. Он подписывал различные обращения диссидентов. И тем не менее его оставили в покое, а Сахарова, который исповедовал в то время идеи западной социал–демократии — не отрицавший социализм *per se* (как таковой — А.Ш.), — многие годы безжалостно преследовали. Сахаров хотел для России свободы; Шафаревич стоял за великую и сильную Россию. Второго можно было использовать; первый был неприемлем»^[785]. В этом фрагменте работы американского публициста сосредоточено несколько распространенных стереотипов, заметно искажающих ситуацию. Репрессии властей определялись характером угрозы, которая исходила от «инакомыслящего», например, от Сахарова и Шафаревича. А это зависело от их действий. Имея более радикальные антисоциалистические взгляды, Шафаревич вел себя гораздо умереннее Сахарова, принимая в диссидентском движении более скромное участие. К началу наступления на диссидентов 1980–1983 гг. Шафаревич заметно снизил свою активность, и поэтому под удар не попал. Зато почвенник и державник В. Осипов, издававший журналы «Вече» (1971–1974) и «Земля» (1974), получил в 1975 г. 8 лет — он был «рецидивистом», так как сидел еще за «Маяк» (см. Главу II). Что касается периода до 1980 г., то говорить о жестоких преследованиях Сахарова можно только с большой натяжкой — академика не преследовали, а притесняли — то же самое можно сказать и о Шафаревиче. Отношение властей к антикоммунистам–державникам и диссидентам–социал–демократам лишь в последнюю очередь определялось их идеологией (достаточно вспомнить отношение властей к державнику А. Солженицыну). Почвенник мог попасть под колесо репрессивной машины, а либерал — нет. Но «патриотические» организации в меньшей степени были ориентированы на связь с Западом, а для либеральной оппозиции такая связь была естественной. Отсюда и разное отношение КГБ к организационным формам двух лагерей. Главным критерием здесь был уровень нелояльности и угроза внешнеполитическим позициям СССР.

Важную роль при определении судьбы диссидента играла его известность. Неизвестного было легче отправить за решетку, но тогда он тут же становился известным, повышалось его место в диссидентской «номенклатуре», что властям тоже не хотелось. Судьбу известного правозащитного лидера решали чаще всего обстоятельства «большой политики». «При обострении международной обстановки границы эти (имеются в виду границы дозволенного диссидентам — А.Ш.) сужались, но накануне встреч в верхах аресты были маловероятны... Положение диссидента представлялось положением обреченного лишь постороннему обывателю, те же, кто был близок к диссидентству, считали свое положение неустойчивым, рискованным, зависящим от неподконтрольных им факторов большой политики, но все же дающим шанс в тюрьму не попасть. Конечно в оценке величины этого шанса могли быть ошибки, — считает П. Волков. — ... Балансирование на грани рождало и страх, и азарт. Привычка к неопределенности — бесшабашность. Иногда это вело к фаталистическим настроениям. Иногда парализовывало волю к свободе. По характеру обыска вполне точно научились определять, предшествует он аресту или нет. Тут значимым было и наименование уголовного дела, и время обыска. И вот точно зная о предстоящем аресте, далеко не все пытались скрыться, что кстати было вполне доступно, правда, вело к прекращению деятельности и контактов. Не всех, кого КГБ собирался посадить, он посадил. Кое-кому удалось скрыться. Их особенно и не искали»^[786]. Однако легкость, с которой можно было уйти от преследования, лишний раз доказывает, что нежелание скрываться было вызвано не упомянутыми Волковым фатализмом и бесшабашностью, а желанием противостоять режиму до конца. Это стремление было органичным выражением тактики диссидентов, которая предполагала непримиримость к сложившемуся морально-политическому порядку и открытость действий.

* * *

Оказавшись под арестом, подследственный изолировался от внешнего мира. Начинались допросы, которые часто походили на

академические дискуссии. Допрашивая писателя Л. Тимофеева, подполковник А. Губинский квалифицированно разбирает источники, приведенные в книге подследственного и подводит итог: «Таким образом, сделанный вами вывод в этой части не вытекает из использованного источника, то есть утверждение о тысячах колхозах по цифрам неурожайного года и относящимся всего к трем колхозам одной нечерноземной области противоречат объективному исследованию данного вопроса». Чем не фрагмент научной конференции? Далее тон «научного оппонента» становится более грозным: «К тому же говорилось о 6–7 пудах зерна и 10–15 рублях деньгами как о сумме оплаты труда колхозников за год, без учета количества выработанных трудодней — дополнительное свидетельство необъективности и преднамеренного искажения действительности». Итог «научного выступления» уже не академичен: «Покажите, разве это не является подтверждением вашего умышленного истолкования любых данных в ущерб их объективности, с целью возведения злобных клеветнических измышлений на существующий в СССР государственный и общественный строй»^[787]. Результат — 11 лет лишения свободы уже в «горбачевском» 1985 г.

Рискованная игра в научный спор расширяла поле многомыслия, полулегально существовавшего в обществе. Здесь все зависело от резкости выражений, от открытого вызова власти, от неуступчивости ей. «Источники», которые диссиденты использовали для обоснования своих резких выводов, обычно можно было взять в библиотеке. Разговоры, которые потом инкриминировались в качестве преступных, велись далеко не только диссидентами. Но они делали более радикальные выводы и систематически распространяли наиболее неприятную для властей информацию. При чем не только в среде интеллигенции, но и за рубежом.

Советское государство восприняло предложенные правозащитниками правила игры и стремилось действовать по закону — благо он был драконтовским. В СССР «не возбраняется» мыслить иначе «чем большинство, критически оценивать те или иные стороны общественной жизни», — «другое дело, когда так называемые «инакомыслящие» становятся на путь подрыва Советской власти, подрыва советского общественного строя, становятся на путь предательства, наносящего ущерб безопасности нашей страны»^[788], —

писал Ю. Андропов П. Капице. Прерывая выступление Л. Богораз с последним словом, судья заявил: «Вас судят не за ваши убеждения, а за ваши действия»^[789]. Но в действительности карательная машина никак не могла отделить одно от другого, и ее представители всегда были рады, когда диссиденты предпринимали какие-то действия, кроме обычной пропаганды.

«Верхушка айсберга» диссидентства должна была вдохновлять остальных своим моральным примером, холодной неуступчивостью власти. Это предопределяло ключевую роль политического судебного процесса в тактике движения. Каждый процесс становился новым моральным поражением власти. Поняв это уже во второй половине 60-х гг., власти стремились переломить ситуацию, и пока не имели уверенности в успехе, взяли тайм-аут в начале 70-х гг. Им нужно было публичное покаяние, и его удалось добиться только в нашумевшем в 1973 г. деле Якира и Красина. Повторить успех КГБ сумело только в 1979–1980 гг., когда властям удалось добиться публичных покаяний некоторых оппозиционеров — одного из лидеров грузинской хельсинкской группы З. Гамсахурдия и отца Дмитрия Дудко^[790].

Более типичным был процесс в стиле лучших традиций народничества XIX в. «Звездным часом, ужасом и восторгом каждого диссидента был суд. Суда ждали как важнейшего жизненного события, мысленно готовились к нему даже те, кто еще ничего не совершил. Суд был как бы проверкой биографии на истинность ее смысла»^[791]. Речь на суде была средством агитации, ее писали заранее.

3–5 апреля 1979 г. проходил суд над И. Зисельсом, обвинявшимся в распространении запрещенной литературы. «Вести из СССР» писали об этом событии: «В первый день Зисельс объявил отвод суду, как небеспристрастному, ибо судьи — члены КПСС, а речь идет о критике ее политики. Зисельс просил также вызвать в суд более 500 свидетелей: всех, упомянутых в «Архипелаге ГУЛАГ» и оставшихся в живых лагерников, а также авторов многих самиздатских книг и статей». В заключительном слове Зисельс говорил: «Мне 32 года. Я сделал выбор. Этот выбор — противостояние злу и насилию. Я успел сделать всего несколько шагов по выбранному мною пути. Но я счастлив, что выбор сделан, и что он таков»^[792].

Речь на процессе была адресована не судье и далекой от диссидентства публике, подобранной по принципу лояльности. Она

предназначалась для публикации в самиздате и в «голосах». Она была адресована единомышленникам и истории. Речи оказывали важное «побочное действие» — их публиковали на Западе. А западное общественное мнение оказывало все более осязаемое воздействие на правящую элиту СССР.

Глава X

Взлеты и падения

Что делать дальше? (1969–1971)

В 1969 г. диссидентское движение стало формировать свои организационные структуры. 28 мая была создана Московская инициативная группа защиты прав человека. В соответствии с установкой на легальность они обратились с официальной просьбой к властям о ее признании и создании обществ защиты прав человека так же в Ленинграде и Киеве. Ответа не последовало, но новая инициатива стала новой головной болью для Политбюро. Лидеры группы на этот раз были не простые, а «золотые». Помимо энергичного генерала П. Григоренко список инициаторов украшали П. Якир и В. Красин, которые были детьми известных советских деятелей. Формально это ничего не значило, но все же сажать детей Якира и Красина рука у партийных кормчих как-то не поднималась. Красин—старший был незапятнанным оппозиционностью соратником Ленина, а смерть Якира в 1937 г. была пятном на истории партии. Сам Якир провел детство в лагерях, и партия была перед ним «в долгу».

Между лидерами движения сохранялись серьезные разногласия, фиксировавшиеся КГБ: «Григоренко придерживается такой точки зрения: чем меньше нас, тем агрессивней мы должны себя вести, что единственное наше спасение в непрерывных атаках, что мы партизаны и должны придерживаться партизанской тактики, то есть заниматься непрерывными вылазками. Если мы замолчим или снизим интенсивность нашего давления, то нас раздавят». Красин же считает, что «существует центральное российское движение. Какое оно ни маленькое, ни убогое — оно существует, и это факт... Кроме героизма, кроме жертвенности, которые лежат в основе этого, это движение

открытое, легальное, движение, которое не пользуется традиционными методами подпольщины, конспирации, подрывной деятельности, свержения и прочее. Оно имеет свои определенные этические принципы. Главный принцип и главное оружие его — это гласность... Демонстрация — это пока еще не форма. Это пока истерическая форма. Пока на демонстрацию ходят 20—30—40 человек, это не демонстрация. На демонстрацию нужно выйти 1000 человек, тогда это будет демонстрация. Пока единственной апробированной формой, и даже признанной властями, является форма наших письменных протестов»^[793].

В диссидентской и околодиссидентской среде обсуждалась возможность усиления нелегальной составляющей ради того, чтобы все же перейти к решению политических задач. У П. Якира была обнаружена копия документа «Тактические основы демократического движения в СССР», где говорилось о «развертывании решительной борьбы за политическое освобождение от тоталитарной диктатуры партийно-правительственной элиты». «...Демократы считают, что легальные формы движения, выполнив свою историческую роль, в основном исчерпали себя. Поэтому борьба за демократизацию должна осуществляться в зависимости от местных условий в легальных, подпольно-легальных и подпольных формах... Подпольные формы должны в первую очередь базироваться на надежные и стойкие кадры... Цель подпольной борьбы — накопление кадров, способных возглавить борьбу с засильем партийной элиты, и создание противостоящей ей силы»^[794].

Еще более решительные идеи высказывала В. Новодворская, но безуспешно: «К диссидентам я пришла с готовой программой подрывной деятельности: листовки, создание политической партии, организация народа для борьбы... Мое стремление сделать оргвыводы (Карфаген должен быть разрушен) очень раздражало старшую диссидентскую генерацию... Теперь до меня доходит, — писала Новодворская в 1993 г., — что конфликт между мной и эпохой заключался отнюдь не в том, что я была человеком Запада, а все остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная, тяготела к Западу гораздо больше, чем

я»^[795]. Еще в конце 80–х гг. Новодворская и ее сторонники категорически отрицали квалификацию ее со стороны оппонентов как «белой большевички». Но диссидентское сознание было куда ближе к революционному, чем среднее советское.

«Я не любила людей, за исключением тех, кто шел в той цепочке под красным зимним солнцем Солженицына; но я научилась любить Россию, когда поняла, что она несчастна»^[796]. Нелюбовь к конкретным людям очень многое объясняет в генезисе нового поколения российского радикализма. Абстракции (Россия, свобода, справедливость, нация, Запад) опять оказывались важнее конкретных интересов конкретных живых людей. У Новодворской это проявилось раньше и острее, чем у других, но это был только «первый звонок».

В итоге выбора тактики возобладала точка зрения Красина. Она укладывалась в устоявшуюся к этому времени традицию диссидентов, способствовала выживанию движения и позволяла ему эволюционно расти. «Наступательные» предложения Григоренко или создание подпольной партии могло спровоцировать власти на то, чтобы прихлопнуть «остров непослушания». Как оказалось, стратегии Красина хватило на три года – она позволила движению подрасти, после чего Политбюро всполошилось и развернуло борьбу всерьез.

* * *

В 1970 г. на роль лидера диссидентского движения начинает выдвигаться академик А. Сахаров. После опубликования его «Размышлений» на Западе Сахаров был отстранен от секретных работ и переведен в Физический институт Академии Наук. Руководство страны смущало не столько содержание работы Сахарова, сколько сам факт несанкционированной публикации политического манифеста.

В 1970 г. А. Сахаров, А. Твердохлебов и В. Чалидзе создали Комитет прав человека (в 1971 г. в него вошел также член-корреспондент АН И. Шафаревич). Если Инициативная группа представляла «общественность», то Комитет стал как бы научно-исследовательской организацией, которая «исследовала» вопрос и могла направлять результаты исследований властям и другим

желающим. Наибольший интерес Комитет вызвал у жалобщиков, отчаявшихся добиться справедливости в советских инстанциях. А тут образовалась еще одна инстанция, которую они принялись осаждать, поглощая время академика. Помочь большинству из них он не мог.

Комитет был удачной формой для осуществления планов Р. Медведева – соединить потенциал инакомыслящих и статусных прогрессистов. Братья Медведевы сыграли важную роль в развитии инакомыслия самого Сахарова, и он был внимателен к их инициативам. А тут еще тактика Роя Медведева подтвердила свою эффективность при спасении Жореса Медведева от психиатрических репрессий.

В это время переход Сахарова на «враждебные позиции» не был широко известен, и он мог добиваться приема в высоких инстанциях. Также он сохранял влияние на академиков. Это и пригодилось в деле Жореса, который был принудительно направлен в психлечебницу в мае 1970 г. Но это была неудачная цель. Во-первых, брат Жореса Рой подключил к вызволению свои широкие связи в прогрессистской интеллигенции. Во-вторых, Жорес был памятен интеллектуальной элите по антилысенковской борьбе 1964 г., когда его сочинение о гонениях на генетику, напечатанное в самиздате, произвело фурор. Теперь превращение Ж. Медведева в «психа» бросало тень и на саму эту борьбу. Так что А. Сахарову удалось мобилизовать академиков в поддержку Медведева.

12 июня 1970 г. Министру здравоохранения СССР пришлось собрать специальное совещание в своем кабинете. «Здесь в присутствии министра директор Института судебной психиатрии Г. Морозов и главный психиатр Минздрава А. Снежневский сделали для пяти академиков специальный доклад о состоянии и достижениях советской психиатрии и отдельно — о «болезни» Ж. А. Медведева. Разгорелась жесткая полемика. Сахаров был крайне резок, и он с самого начала заявил, что не может считать данное совещание конфиденциальным. Что касается П.Л. Капицы, то он, по своему обыкновению, просто высмеивал и Петровского, и обоих докладчиков. «Всякий великий ученый, — замечал Капица, — должен быть немного ненормальным. Абсолютно нормальный человек никогда не сделает большого открытия в науке». «Разве психиатры так хорошо знают все другие науки, — добавлял Капица, чтобы судить — что там разумно, а

что неразумно. Эйнштейна также многие считали ненормальным» и т. п. Позднее мне рассказали об этом необычном совещании, которое длилось несколько часов, и Сахаров, и Капица. Ради шутки, Петр Леонидович выставил оценки участникам. Академикам А. Александрову и Н. Семенову он поставил оценку «три», а академикам Борису Астаурову и А. Сахарову — «пять». Б. Петровский покинул это совещание с мрачным видом, и он сдался первым. Продолжение акции означало для него потерю лица в Академии наук. И хотя психиатры отказались изменить свои диагнозы, 17 июня утром Жорес был освобожден»^[797], — вспоминает Р. Медведев.

Сахаров попытался закрепить этот тактический успех политически. В письме, которое вместе с академиком подписали сторонники «наведения мостов» между оппозицией и властью Р. Медведев и В. Турчин, они пытались убедить советское руководство в том, что научно–технический прогресс невозможен без демократизации. Сахаров надеялся, что под письмом удастся собрать подписи видных ученых, однако время петиционных кампаний уже прошло. «Сахарова несколько позже пригласил к себе Президент АН СССР Мстислав Келдыш, которому было, конечно, дано на этот счет соответствующее поручение. Келдыш был знаком с «письмом трех» и уверял собеседника, что он вполне разделяет его демократические убеждения. Но советский народ, по его словам, просто не готов к демократии. «Вы не представляете, — говорил Келдыш, — насколько плохо живут наши рабочие, крестьяне и служащие. И если завтра мы введем свободу печати и начнем проводить другие демократические реформы, то люди могут нас просто смести. Дать этим людям демократические права сегодня еще нельзя, надо сначала обеспечить им благосостояние». Сахаров возразил: — «Вы никогда не сможете дать этим людям благосостояние, так как при той системе, которая у нас существует, вы не сумеете это благосостояние создать»^[798]. Отказ властей от диалога склонял Сахарова к мысли о том, что нужно пойти другим путем.

Большое значение для дальнейшей жизни Сахарова сыграло знакомство в 1970 г. с участницей диссидентского движения Е. Боннэр, которая в 1972 г. стала его женой. Влияние Боннэр усилило радикализацию взглядов академика (проходившую, впрочем, и до встречи с ней). Появление рядом с Сахаровым такой сильной

личности, как Боннэр, вызвало изменение круга общения академика, что вызвало разочарование части его прежних друзей, таких как Р. Медведев и В. Чалидзе. Но критические замечания в адрес жены Сахарова лишь ускорили размежевание. Как признавал Р. Медведев, «он был всегда совершенно равнодушен к нападкам и обвинениям в свой адрес, но он крайне болезненно реагировал на все обвинения в адрес своей жены и своей новой семьи, сознавая, что он невольно является виновником всех этих неприятностей близких ему теперь людей»^[799].

Радикализация взглядов Сахарова и охлаждение его отношений с кругом Р. Медведева окончательно похоронило планы создать коалицию между диссидентами и статусными прогрессистами, которая сможет давить на Политбюро. Но в начале 70-х гг. такая тактика все же была бесперспективна.

* * *

У диссидентского движения был важный союзник, который, при близости взглядов, так и не стал частью правозащитного движения, поскольку не очень-то ценил право. Речь идет о Солженицине. Его сила была в известности, которой к 1970 г. не было ни у кого из диссидентов. А в 1970 г. он получил еще и статус одного из величайших писателей мира – Нобелевскую премию. После истории с Пастернаком можно было бы объявить саму премию малозначительной, если бы не пышный пиар вручения премии Шолохову.

Став фигурой мирового значения, Солженицын предложил властям новый компромисс: опубликовать «Раковый корпус» и снять ограничения в чтении уже опубликованных произведений^[800]. После этого Солженицын предлагал уже в дружеской обстановке рассмотреть вопрос о публикации его романа «Август четырнадцатого» (в этом начале «Красного колеса» антикоммунистическое содержание еще не было очевидно прописано, да и Солженицын мог пойти на редакционную уступку).

Но теперь уже руководство КПСС не было склонно идти на уступки. Солженицына можно было легализовать, а он пойдет на новые неподконтрольные шаги – и тогда придется по новой исключать, идти на новый скандал. В итоге руководство КПСС решило пережить еще одно дело Пастернака, но теперь уже с непримиримым лауреатом.

Было решено выпустить Солженицына на вручение, и если он будет себя антисоветски, не впускать назад. Разгадав этот план, Солженицын отказался от поездки. Он собирался следовать своему плану, готовил свой «страшный залп».

Оказалось, что Солженицын – не искатель дешевой славы на Западе, мечтающий об эмиграции. В 60–70-е гг., еще не испытав прелестей комфортной жизни на Западе, он дышал Идеей, он верил в свою Миссию.

С этим нужно было что-то делать. Посадить? Только в самом крайнем случае. Солженицын – это не Синявский и Даниэль, это – лидер целого общественного течения, вызывающего симпатии также остальной части фрондирующей интеллигенции.

Самым соблазнительным решением было бы как-то интегрировать Солженицына и Сахарова в советское общество, добиться от них признания каких-то приемлемых для режима рамок своей общественной деятельности, пусть и расширенных. Вернуться к переговорам предлагали и некоторые члены государственного руководства. Наиболее четко и последовательно эту позицию выразил Министр внутренних дел Н. Щелоков в своей записке Брежневу, написанной осенью 1971 г.

Щелоков признавал: «1. Солженицын стал крупной фигурой в идеологической борьбе...

2. Объективно Солженицын талантлив. Это – явление в литературе. С этой точки зрения он представляет безусловный интерес для Советской власти...

3. При решении вопроса о Солженицыне необходимо проанализировать те ошибки в отношении творческих работников, которые были допущены в прошлом». Эта мысль была подчеркнута Брежневым. «Непонятно, зачем следовало исключать Солженицына из Союза писателей за книгу «Раковый корпус», которая написана с тех же самых идейных позиций, что и «Один день Ивана Денисовича». В первом случае его приняли в Союз писателей, во втором случае его

исключили из Союза... «Проблему Солженицына» создали не умные администраторы в литературе». Эту мысль Брежнев тоже подчеркнул. Администраторы в литературе (и определявшие их политику администраторы в идеологии) могли возразить министру, что Солженицына исключили не за «Раковый корпус». Но Брежнев, который в 1969 г. санкционировал исключение Солженицына из Союза писателей, теперь уже понял, что шанс на компромисс упустили напрасно, и тоже был бы не прочь свалить ответственность на стрелочников и подумать над свежими решениями.

По мнению Щелокова, в истории с Солженицыным повторяются ошибки в деле Пастернака, «Доктор Живаго» которого вполне мог быть напечатан после редактуры. Надо «не отвергать литературные произведения, а трансформировать их». Замолчать произведение невозможно – объективно слишком широки связи советской интеллигенции с Западом.

А теперь на свободу выходят Синявский и Даниэль. И что – они становятся мучениками, проблема «не снята, а усугублена. Не надо таким образом усугублять проблему и с Солженицыным» (здесь заметно, что полемика по вопросам литературы переплетается с межведомственным соперничеством – репрессивные меры против Солженицына планировались по линии КГБ).

Щелоков убеждал Брежнева, что литераторов нужно воспитывать, и «окрик, команда, гонение – совершенно негодные средства». Нужно было издать произведения Солженицына после редактирования, и тогда Запад охладел бы к нему, так как «за границей не проявляют интереса к авторам, которых мы приподнимаем сами». Чтобы сделать свою мысль более убедительной и приемлемой для ортодоксальных коллег, Щелоков цинично предложил «не публично казнить врагов, а душить их в объятиях». Получалось – различие в методах при единстве цели. В действительности за таким подходом стояла нетоталитарная модель советского общества, принципиальный отказ от возвращения к единомыслию. «Удушение в объятиях» таких людей, как Сахаров и Солженицын, могло представлять собой процесс с результатом, бесконечно отдаленным во времени. Тем не менее, нужно «бороться за Солженицына, а не против Солженицына».

Щелоков предлагал такую платформу для компромисса – Солженицын должен заявить: «у меня нет никаких расхождений с

Советской властью. У меня нет никаких расхождений с партией. Я – советский писатель. Я горжусь тем, что происходит в стране. У меня расхождения с моими литературными коллегами»^[801].

Очевидно, что в 1971 г. Солженицын уже не мог сделать такие заявления. Но пойти на компромисс, на сотрудничество мог – предложением сотрудничества дышит и его «Письмо вождям Советского Союза». Солженицын претендовал на роль советника вождей, и это тоже могло быть реалистичной платформой для переговоров о сотрудничестве, сам процесс которых как правило снижает накал борьбы.

Ознакомившись с запиской Щелокова, Суслов в первое время не знал, как реагировать. На ближайшем заседании секретариата ЦК, посвященном проблеме Солженицына, ее отложили в сторону, и стали обсуждать... квартирный вопрос писателя. В этом также проявлялось стремление не сжигать мосты. Как-то устроить текущие дела, а потом уже определяться принципиально. Ростропович «ставит вопрос о том, чтобы Солженицына выселить из его дачи. Но для того, чтобы выселить, надо разрешить ему где-то проживать». В Рязань Солженицын возвращаться не хотел – на прежней квартире жила его бывшая жена Н. Решетовская, от которой он ушел к москвичке Н. Светловой. А московской прописки у него не было. Давать ли прописку, или разрешить построить домик под Малоярославцем? Так и не определились пока^[802]. Ростроповичу пришлось еще помучиться с беспокойным соседом. В августе 1973 г. Солженицыну официально отказали в московской прописке.

Наиболее последовательно Щелокову оппонировал Андропов: «Анализируя материалы в отношении Солженицына, а также его сочинения, нельзя не прийти к выводу, что мы имеем дело с политическим противником советского государственного и общественного строя. Ненависть Солженицына к Советской власти, его попытки бороться с ней прослеживаются на протяжении всей его сознательной жизни, в разное время отличаясь лишь методами, степенью активности и возможностями распространения своих чуждых социализму взглядов»^[803].

К 1972 г. в Политбюро определились, что идти на уступки Солженицыну опасно. Он – убежденный противник. Фрондирующие писатели видят, что ему все сходит с рук, и сами разболтались. А ведь

после получения Нобелевской премии Солженицын получил материальную независимость и, соответственно, организационные возможности для выстраивания оппозиционной организации из своих адептов (как оказалось – немногочисленных в более левой диссидентской среде).

Проблему «антиобщественных элементов» нужно было как-то решать. В 1972 г. Политбюро решило наконец определиться, что делать с разрастающимся «островом свободы».

Испытание на прочность (1972–1974)

30 марта 1972 г. Политбюро обсуждало вопрос о диссидентском движении. Заседание началось с доклада Андропова, который был всецело поддержан Брежневым: «Разумеется, мы не можем себе представить все это иначе, как одну из форм классовой борьбы. А борьба эта остается и в международном масштабе, и, благодаря воздействию на некоторую отсталую часть людей, — внутри нашей страны»^[804]. Брежнев призвал пресекать эти явления в корне, не позволять подонкам человеческого общества отравлять атмосферу советского общества^[805]. Казалось, после этого диссидентское движение должно было в полном составе перебраться за решетку.

К этому моменту предварительные согласования уже склонили чашу весов в пользу главы КГБ.

Но нет, после столь грозных заявлений брежневский подход оказался дифференцированным. Брежнев сосредоточился на тех «отщепенцах» (интересно возрождение этого термина XIX века, которым характеризовалась в свое время революционная молодежь), которые идут в открытый бой. К ним Брежнев отнес не Сахарова и Солженицына, а «бравирующего своей безнаказанностью» Якира и украинского писателя–диссидента И. Дзюбу. Последний оказался весьма кстати в связи с борьбой против национального уклона в руководстве ЦК КП Украины, то есть против П. Шелеста. Ведь Дзюба выступил со своим трактатом «Интернационализм или русификация» еще в 1966 г., а украинское руководство тогда не принял мер^[806]. Может, сочувствовало? А теперь текст Дзюбы опубликован за

границей, и он открыто борется за национальную самостоятельность Украины^[807].

То, что Сахаров и Солженицын также вполне открыто отстаивали враждебные взгляды и бравировали своей безнаказанностью, Брежнев говорить не стал. Было решено нанести для начала удар по авангарду, а не по штабам диссидентства.

И. Дзюба писал свою книгу «Интернационализм или русификация» с марксистско–ленинских позиций, собрав многочисленные высказывания классиков против шовинизма. Проверив марксистско–ленинское определение нации на примере процессов, происходящих с украинцами, автор пришел к выводу, что украинская нация переживает не расцвет, а кризис — украинцы не живут на одной территории, на Украине живут не только украинцы. То есть речь идет о процессах размывания жестких национальных рамок, вообще характерном для XX века – и в капиталистическом мире тоже. Но для Дзюбы это – не естественный процесс, а следствие «сомнительности суверенитета правительства Украинской ССР на территории Украины»^[808]. А такая фраза – уже криминал, «клевета на советских строй».

Его книга имела хождение среди украинских руководителей, которые также не прочь были покритиковать русификацию. Но когда над первым секретарем ЦК КПУ П. Шелестом развелись громы и молнии – в том числе и за национализм – Дзюба оказался крайним. Он продолжал критиковать советскую национальную политику, его сочинение уже гуляло в самиздате – налицо агитация. В 1972 г. И. Дзюбе дали 5 лет^[809], но после опубликования его покаянного письма – выпустили в 1973 г. Дело было сделано, национальный уклон Шелеста был увязан с диссидентской националистической угрозой. 24 мая Шелест потерял пост первого секретаря ЦК КПУ. 22 февраля 1973 г. в постановлении ЦК КПУ «О книге П.Е. Шелеста «Украина наша Советская»» бывший первый секретарь ЦК КПУ был обвинен в серьезных националистических ошибках.

* * *

Но на заседании 30 марта 1972 г. члены Политбюро все же подняли вопрос о вождях оппозиции. Арестовать Якира и Дзюбу – это конечно, хорошо. Давно пора. Но что делать с Сахаровым и Солженицыным? Гришин поставил вопрос, который обошел Брежнев: «Я думаю, что надо с Якиром и с Солженицыным просто кончать». Нет, Гришин не был кровожаден, просто он хотел решить назревшую проблему: «Другое дело, как кончать. Надо внести конкретные предложения, но из Москвы их надо удалить. То же самое и с Сахаровым. Может быть, с ним надо побеседовать, я не знаю, но надо тоже кончать как-то с этим делом, потому что он группирует вокруг себя людей».

Посетовав на Хрущева, который поднял на щит этих «подонков», члены Политбюро стали обсуждать возможность отправить диссидентов в ссылку. Правда, закон требовал суда для любого наказания – не сталинские времена. А судебный процесс – это новый скандал. Проблема.

И тут вскрылось разногласие по поводу отношения к самим диссидентским вождям. Суслов считал, что «агитировать Сахарова, просить его – время прошло». Подгорный, обрушившись на Солженицына, на счет Сахарова не согласился: «Что касается Сахарова, то я считаю, что за этого человека нам нужно бороться» (Подгорный повторил формулировку более либерального Щелокова, употребленную в отношении более «вредного» Солженицына). Его поддержал и Косыгин, который предложил к тому же упирать не на карательную, а на политико-воспитательную работу, и в итоге сделал «крайним» Андропова: «с этими лицами должен решать вопрос сам т. Андропов в соответствии с теми законами, которые у нас есть. А мы посмотрим, как он этот вопрос решит. Если неправильно решит, то мы поправим его». Андропов никак не хотел быть крайним: «Поэтому я и советуюсь с Политбюро». В итоге инициативу взял в свои руки Подгорный, который претендовал в это время на роль главного специалиста в Политбюро по вопросам законодательства и законности: («надо поручить мне, т. Андропову... еще раз разобраться»)^[810]. Андропов был рад прикрыться авторитетом Подгорного от других вождей. Если Якира и Дзюбу вскоре арестовали, то вопрос с Солженицыным опять «завис».

Через год Сахаров «допек» уже и Косыгина, и он просил Андропова продумать, какие можно принять в отношении академика «более строгие меры». Но предварительно Косыгин хотел все же поговорить с Сахаровым^[811] (затем эту миссию поручили Суслову). Но то члены Политбюро были заняты, то Сахаров делал очередное выступление, которое исключало встречу. Так она и не состоялась.

* * *

«Апогеем репрессий стало так называемое Дело № 24 — следствие над ведущими деятелями Московской инициативной группы по защите прав человека в СССР П. Якиром и В. Красиным, арестованными летом 1972 г. Дело Якира и Красина задумывалось органами безопасности как процесс против ХТС, поскольку не составляло секрета, что квартира Якира служила главным пунктом сбора информации для «Хроники»^[812].

На суде 27 августа П. Якир и В. Красин, как довольно рассказывал коллегам Андропов, «полностью признали себя виновными, в своих выступлениях разоблачили многих иностранных деятелей, выступили против Сахарова»^[813]. Якир и Красин выдали известную им часть сети распространения ХТС. Раскаявшихся вождей наказали мягко — 1 сентября присудили их к трем годам ссылки. 5 сентября Якир и Красин выступили с раскаянием по телевидению.

Почему следователям удалось сломать Якира, который в 1969–1972 гг. был первым среди равных лидеров движения, превосходя по влиянию Сахарова? Говорят о нежелании возвращаться в лагерь, где Якир провел 17 лет жизни. Но это не останавливало многих других. Возможно, они были готовы сесть (об этом задумывался каждый диссидент). Якиру и Красину угрожали расстрельной статьей, а это было уже слишком. Здесь КГБ применил сталинский метод, но честно. Раскаялся — получи мягкое наказание. Сахаров напоминает об алкоголизме Якира^[814]. Эта слабость создавала дополнительную уязвимость. У других лидеров были свои слабости, но они оборачивались силой в борьбе с режимом. Сахаров был «подкаблучником», но его жена была еще радикальнее его самого.

Солженицын страдал мессианством, и пока вокруг него кипели страсти – готов был взойти на Голгофу (когда страсти стали кипеть в стороне от него, он не рискнул вернуться в горящую страну в 1991 г.). Якир и Красин были рациональны, разумны, им не хватало сумасшедшинки других «закоперщиков», и следователи рационально объяснили вождям, почему их дело обречено на неудачу. Просчитав ходы вперед, они сдались.

Р. Медведев вспоминает: «Именно в 1973 году диссидентское движение стало раскалываться, и этому было несколько причин. Проблема борьбы против реабилитации Сталина отошла в это время на второй план, и даже общая борьба против политических репрессий и за свободу мнений не могла объединить диссидентов. Многих деморализовала капитуляция Петра Якира и Виктора Красина, которые немало лет являлись центром притяжения для большой группы диссидентов. Позорное поведение Якира и Красина на судебном процессе над ними и на специально собранной пресс–конференции привело даже к самоубийству одного из активных правозащитников — Ильи Габая^[815]. Много проблем появилось в наших рядах в связи с возросшими возможностями эмиграции. Это было время разрядки, однако некоторые послабления в сфере эмиграции сопровождались усилением давления и репрессий против многих диссидентских групп»^[816].

* * *

В руководстве страны отношение к инакомыслию было двойственным. Члены Политбюро в большинстве своем были людьми не кровожадными, осуждали сталинские репрессии, гордились успехами социально–экономической и внешней политики. А тут кучка отщепенцев упрекает их в том, что они не в состоянии даже собственные законы соблюдать и в этом отношении – сродни Сталину. Обидно. Сначала обитателям кремлевского Олимпа казалось, что их правота очевидна, и круг инакомыслящих можно легко изолировать, поставить под контроль, сохранив лицо перед Западом. Часть членов Политбюро считала эти игры излишними, а терпимость к диссидентам

– недопустимой. В 1972 г. набирала силу Разрядка, и диссидентство могло помешать маневрам советской политики. Но и громкие процессы могли помешать еще сильнее. Успех в деле Якира и Красина показал – возник шанс известить диссидентство.

Характер репрессий изменился. Теперь предпочитали не сажать, а высылать из страны. Ведь даже посаженный диссидент представлял проблему. Многим правозащитникам предложили выбрать между новым сроком и отъездом. В июле–октябре 1973 г. были лишены гражданства Ж. Медведев, выехавший в Великобританию по научным делам; В. Чалидзе, выехавший в США так же с научными целями. В августе позволили уехать во Францию А. Синявскому, в сентябре — подтолкнули к выезду в Израиль одного из ведущих членов ИГ и редактора «Хроники» А. Якобсона.

Вот и настало время решить проблему Сахарова и Солженицына. И здесь власти нарвались на жесткое сопротивление, которое смазало впечатление от победы на процессе Якира и Красина.

16 августа 1973 г. Сахарова вызвали в Прокуратуру СССР, где попытались заставить академика отойти от проигранного диссидентского дела. Сахаров записал содержание беседы и передал его для публикации в «Нью-Йорк таймс». Затем, не дав противнику опомниться, Сахаров собрал пресс–конференцию, где высказался по широкому кругу политических проблем. Эта пресс–конференция стала сенсацией. Если раньше академик обращался к властям, предлагая и требуя, то теперь его адресатом стал Запад. Более того, Сахаров однозначно встал на сторону Запада в глобальной борьбе. Похвалив разрядку, Сахаров высказал опасения, как бы она не повредила Западу, который перед лицом коммунистической угрозы «должен проявлять осторожность, единство и твердость»^[817].

Такого власти не ожидали, и ответили массовой кампанией, которая длилась около месяца. Началось с гневного письма 40 академиков, но затем газеты публиковали статьи о Сахарове и Солженицыне регулярно. Советские граждане, которые раньше нечасто слышали о Сахарове, теперь узнали из многочисленных публикаций, кто наш главный внутренний враг, вождь пятой колонны и противник мира и разрядки. Даже фигура Солженицына на время поблекла, но он–то готовил «страшнущий залп», который вскоре и грянул.

Сахаров тоже не сидел сложа руки и отвечал на залпы СМИ новыми пресс–конференциями и заявлениями. 5 сентября он нанес ассиметричный удар, разоблачив карательную психиатрию и потребовав инспекции советских тюрем и психушек международным Красным Крестом.

Диссиденты включились в международные игры, не имея опыта, и нередко «подставлялись». В сентябре А. Сахаров, А. Галич и В. Максимов направили письмо Хунте Пиночета с обеспокоенностью судьбой П. Неруды. Письмо было составлено в таких тонах, что выглядело как признание нового чилийского режима. Разразился новый скандал. Публично Сахаров отрицал, что симпатизирует хунте Пиночета, но в беседе с В. Некрасовым академик признался: «В этом письме я ее не защищал. Я защищаю ее за этим столом. Хунта – это корниловский мятеж, только удавшийся. Если бы Корнилов победил, то он расстрелял бы 500 большевиков... Или 10 тысяч, и спас бы 40 миллионов, которых погубили большевики. Корниловский мятеж, к сожалению, не удался»^[818]. Эта подслушанная КГБ беседа показывает, как далеко вправо зашла эволюция академика.

Формально отказавшись от борьбы за власть и справедливо возмущаясь арестом нескольких инакомыслящих, часть диссидентов на самом деле готова была оправдать расстрелы сотен политических противников.

* * *

В этих условиях неизбежно было размежевание. Медведев раскритиковал письмо Сахарова пиночетовской хунте, а окружение Сахарова во главе с писателем Максимовым обрушилось на Медведева с намеками на сотрудничество с властями против диссидентов^[819]. Поскольку лидерами оппозиционной интеллигенции были изрядно поправевший Сахаров и еще более правый Солженицын, то левые оказались аутсайдерами диссидентского движения.

В дальнейшем дистанция между большинством диссидентов и Р. Медведевым углублялась. В. Буковский с присущей ему категоричностью пишет об этом: «Выдвинули Сахарова на

Нобелевскую премию — Жорес Александрович уже в Норвегии, убеждает общественность, что нельзя дать премию мира создателю водородной бомбы. Разворачивается кампания в защиту арестованных хельсинкцев — Жорес Александрович в парижской газете объясняет, как вреден шум на западе для людей «там». Приговорили Гинзбурга к восьми годам строго режима — Рой Александрович спешит с заявлением, какой плохой человек Гинзбург»^[820]. Как видим, резкая критика Буковского касается не идеологии Медведевых (которая радикального либерала, разумеется, тоже не удовлетворяла), а тактики братьев. Не менее активно выступали против этой тактики и социалисты — в том числе и согласные с Р. Медведевым относительно вопросов, связанных с оценкой революции, социализма и т.п.

В 1978 г. Медведев критиковал Сахарова за то, что тот «окружил себя экстремистами» и «изолировался от академической интеллигенции», через которую мог бы оказывать воздействие на правящие круги^[821]. Эти замечания были изложены в достаточно резкой форме, и были восприняты в качестве обвинений. Ответная реакция не заставила себя ждать, причем последовала она как раз со стороны социалистов — спор носил не идеологический, а этический характер. В ноябре 1978 г. П. Абовин–Егидес обвинил Р. Медведева в том, что он идет «от предложения «не давать легкомысленных поводов» к предложению вообще «не давать поводов» — а это, по существу, является предложением отказаться от борьбы...»^[822]. К выступлениям против Медведева присоединилась Р. Лерт. Эта «гражданская война» в среде социалистов не имела прямого отношения к идеологии, но все же вытекала из нее. Р. Медведев считал, что возвращение системы на «правильный путь» возможно путем осторожной эволюции, без качественных скачков. «Реальный социализм» не был враждебен идеалам Медведева и лишь несколько «искажал» их. Либералы и большинство социалистов не принимали существовавшей в СССР системы в принципе. Для либералов она противоречила естеству человека, его стремлению к свободе. Для социалистов Абовина–Егидеса и Лерт социализм соответствовал естеству человека и его стремлению к свободе. Следовательно, то, что существовало в СССР, не было социализмом и с ним нужно было бороться не на жизнь, а на смерть. Но это означало и сомнительность теории «конвергенции» для социалистов, хотя и по другим причинам,

нежели для радикальных либералов. Если для последних существовавший в СССР строй был тоталитарным и в принципе не совместимым с идеализированной ими западной системой^[823], то для социалистов смесь враждебного им «несоциализма» с не менее враждебным капитализмом была лишена всякой привлекательности. Нужно было искать что-то иное.

* * *

В кампании 1973 г. Сахаров не был одинок, его поддерживали своими выступлениями Ю. Орлов и Л. Чуковская, И. Шафаревич и А. Галич, круг либералов, который сделал ставку на Сахарова как на лидера диссидентского движения. Во всяком случае, о разгроме движения в 1973 г. говорить не приходится.

В сентябре накал кампании против Сахарова стал спадать, в центр выдвинулась проблема Солженицына, круг сторонников которого был уже, а вот читателей – шире, чем у Сахарова.

В августе 1973 г. в руки КГБ попала рукопись «Архипелага ГУЛАГ». Книга стала последней каплей для «вождей Советского Союза».

Узнав, что «бомба» обнаружена, Солженицын дал отмашку, и в декабре 1973 г. началась публикация «Архипелага» за границей. Через тамиздат он стал просачиваться за границу и одновременно распространяться с самиздатом.

«Архипелаг» не мог быть строго научным исследованием, так как архивы были закрыты, и поэтому Солженицын решил «применить метод художественного исследования, т.е. там много логики, там очень ясная схема, очень ясное построение, но во многих недостающих звеньях работает интуиция»^[824]. Таким образом, «Архипелаг» задумывался как идеологический и публицистический текст. Он должен был тараном пробить брешь молчания, открыв таким образом возможность для дальнейшей работы историкам, и, что важнее, изменить сознание людей, от которых сокрыта правда. Идеологическое воздействие «Архипелага» действительно было сильным, что объяснялось прежде всего отсутствием альтернативной информации

по этой теме (даже западные исследователи обладали в этой области очень скромной источниковой базой).

По мере выхода новых томов «Архипелага» его концепция постепенно менялась, поскольку взгляды Солженицына продолжали сдвигаться вправо. Если в первом томе Солженицын сочувствует трагедии людей, которые поневоле сотрудничали с нацистами, а потом оказались в лагерях, то затем он представляет коллаборационистов героями, бросившими вызов коммунизму.

Режим решил не вступать в дискуссию и просто репрессировал за распространение «Архипелага» как антисоветского произведения (каковым оно объективно и являлось). Это подогрело интерес, делало точку зрения Солженицына канонической в неофициальной среде.

Триумфом Солженицына стала публикация «Архипелага» в «Новом мире» во время Перестройки. Но в этот момент книга превратилась в памятник исторической мысли, в документ прошлого. Работа интуиции должна была уступить место доводом разума. Историки пошли в архивы и серьезно скорректировали картину, нарисованную в художественном исследовании. Правда, в вихре идеологической борьбы эта работа не была особенно востребована, ведь по-прежнему «ясная схема» ценится больше, чем поиск истины, и воспоминания о прочитанном когда-то «Архипелаге» помогают бойцам идеологических фронтов подыскивать аргументы для теледебатов.

Успех «Архипелага» оказал решающее, и скорее негативное воздействие на творчество самого Солженицына. Он уверовал в метод «художественного исследования» и стал применять его там, где источники были в избытке, и где давно обосновались историки (и не только отечественные, но и западные).

В отрыве от Родины «Солженицын» сосредоточился на публицистике и создании самого обширного труда своей жизни — «Красное колесо» о периоде Первой мировой войны и Революции^[825].

На заседании Политбюро 7 января 1974 г. Андропов сделал доклад о ситуации, сложившейся с Солженицыным. Опасность Солженицына после выхода «Архипелага» глава КГБ видел в том, что писатель начал объединение всех ветеранов ГУЛАГа. А ведь это не только невинно репрессированные. «У нас в стране находятся десятки тысяч власовцев, оуновцев и других враждебных элементов»^[826]. В лице Солженицына они получают лидера, а он – массовую базу. Поэтому медлить больше нельзя.

Андропов выступил за суд над писателем. Но Громыко напомнил, что идет общеевропейское совещание, и суд может осложнить ход Разрядки^[827].

Уже и Косыгин возмущался, что «Солженицын пытается командовать в умах нашего народа»^[828]. А это – монополия партии.

В итоге решили выслать Солженицына, из Советского Союза. 14 января «Правда» начала артподготовку, опубликовав статью о Солженицыне под лозунговым названием «Путь предательства». 12 февраля Солженицын был арестован и 13 февраля выслан в ФРГ.

Наутро М. Ростропович, «придя в консерваторию, с довольным видом заявил: «Я счастлив. Четыре с половиной года на мне лежал этот ужасный груз. Наконец–то все это с меня свалилось»^[829].

Прибыв за границу, Солженицын сначала пытался развить кипучую деятельность. Он пытался «построить» и эмигрантов Восточной Европы, и, опираясь на поддержку Запада, диссидентов СССР. Солженицын считал, что «диссиденты (Сахаров, Шафаревич, Гинзбург и др.) в настоящее время не способны к проведению эффективной пропагандисткой деятельности и на этом этапе необходимо организовать и оформить их движение»^[830]. Но ни диктаторские претензии Солженицына, ни его взгляды не вызвали сочувствия как у большинства эмигрантов, так и у наиболее влиятельных кругов западной элиты.

В Швейцарии Солженицын испытывал муки изоляции от реального дела, подобные тем, которые описал при создании образа Ленина в Цюрихе. Но и в США ему стало немногим легче. Эпоха Рейгана еще не наступила, и Солженицын шокировал либеральную общественность своими ультрареакционными заявлениями в поддержку войны во Вьетнаме и хунты Пиночета. КГБ со злорадством констатировал: «Имеющиеся материалы свидетельствуют также о том,

что после выдворения Солженицына за рубеж интерес к нему на Западе неуклонно падает»^[831].

Современники подчеркивают харизматическое поведение и вождизм Солженицына и трогательную тактичность, толерантность Сахарова. История поступила с этими оценками иронически – в конце Перестройки Сахаров стал одним из вождей массового демократического движения, а Солженицын не решился вернуться в страну, чтобы принять участие в свержении коммунистического режима. Сахаров был внушаем и падак на утверждения людей, которым доверял (пусть непроверенные и часто ошибочные). Но он был тверд и неуступчив к давлению власти. Чтобы заставить его уступить, власть должна была обложить Сахарова со всех сторон (как это произошло в 1984–1985 гг.). Солженицын был наступателен по своему складу, и в 60–70-е гг. даже готов пострадать за свое понимание Правды. Но, вкусив покоя и комфорта в Вермонте, уже не готов был рисковать снова в 1991 году. А нишу «человека–тарана» занял Б. Ельцин.

Политическим завещанием Солженицына, отправляющегося в изгнание, стал манифест «Жить не по лжи». В нем он попытался перенести на советскую почву гандистские идеи «неучастия», бойкота мероприятий власти.

Солженицын призывал интеллигенцию не держаться за государственную «кормушку», и начать борьбу против идеологической лжи хотя бы с малого: «Не призываемся, не созрели мы идти на площади и громогласить правду, высказывать вслух, что думаем, — не надо, это страшно. Но хоть откажемся говорить то, чего не думаем!

Вот это и есть наш путь, самый легкий и доступный при нашей проросшей органической трусости, гораздо легче (страшно выговорить) гражданского неповиновения по Ганди...

Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остается ли он сознательным слугою лжи (о, разумеется, не по склонности, но для прокормления семьи, для воспитания детей в духе лжи!), или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих и современников. И с этого дня он:

впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду», не будет неправды говорить и вообще никак транслировать и демонстрировать,

не будет за нее голосовать. И даже: «не купит в рознице такую газету или журнал, где информация искажается, первосущные факты скрываются»^[832]. Но ведь это касается практически любых СМИ, и не только коммунистических. По Булгакову: «Вот никаких и не читайте». Только вот кто бы прочитал Солженицына в «Новом мире», если бы следовал этим правилам.

Солженицын бросил хлесткий лозунг «Жить не по лжи». Для него «жить не по лжи» значило – обличать режим, который лжет. Но обличение – неполнота правды. Ведь и режим жил своей неполной правдой. Жить не по лжи – это не значит лишь говорить то, что считаешь правдой. Жить не по лжи – это значит искать Правду напряженно и честно, учитывая все, что можно сказать в оправдание противника, во исправление своей неистинности. Солженицын жил обличением. А жить не по лжи не смог. Не по лжи жил Высоцкий, потому что он жил Правдой. И эта правда жизни ценилась его слушателями на вес золота. В результате Высоцкий и стал советским «наше все».

* * *

В начале 1974 г. движение достигло своей низшей точки, но полностью уничтожить его не удалось. Возможно, такая задача и не ставилась.

Во всяком случае в 1979–1983 гг., когда власть поставила задачу разгромить диссидентство, его структура была разрушена, и оно уже не смогло возродиться.

А «к 1974 г. сложились условия для возобновления деятельности правозащитных групп и ассоциаций. Теперь эти усилия концентрировались вокруг заново созданной Инициативной группы защиты прав человека, которую окончательно возглавил А.Д. Сахаров»^[833]. Правда Сахаров участвовал в движении и раньше. Собственно, его выдвижение на роль лидера движения был следствием разгрома прежней Инициативной группы. Дополнительный авторитет в мире А. Сахаров получил после присуждения ему Нобелевской премии мира в 1975 г.

Причины возрождения движения крылись в трех обстоятельствах. Во–первых, Разрядка продолжала углубляться. Не сумев решить проблему диссидентов быстро, теперь следовало проявлять осторожность, чтобы не сорвать внешнеполитический процесс, более важный, чем задача добивания оппозиции.

Во–вторых, в СССР сохранялись политзаключенные, которые в большинстве своем оставались диссидентами. Оставшиеся на свободе правозащитники считали солидарность с ними своим долгом. На пресс–конференции 30 октября 1974 г., где зарубежная общественность информировалась об их положении, Сахаров предложил считать 30 октября днем политзаключенных.

В–третьих, в обществе сохранялся интерес к диссидентскому самиздату и потребность передавать туда информацию. На диссидентство был социальный заказ. Оставшиеся на свободе правозащитники продолжали накапливать материал. Были подготовлены сразу три выпуска «ХТС», содержание которых относилось ко времени «перерыва».

Возможно, каждый из этих факторов в отдельности был недостаточен, чтобы обеспечить выживание диссидентства. Но все вместе они помогли движению перегруппироваться и перейти в новое наступление.

7 мая 1974 г. прошла презентация трех следующих выпусков на пресс–конференции, где было распространено заявление трех членов Инициативной группы по выпуску ХТС Т. Великановой, С. Ковалева и Т. Ходорович: «Не считая, вопреки неоднократным утверждениям органов КГБ и судебных инстанций СССР, «Хронику текущих событий» нелегальным или клеветническим изданием, мы сочли своим долгом способствовать как можно более широкому ее распространению. Мы убеждены в необходимости того, чтобы правдивая информация о нарушениях основных прав человека в Советском Союзе была доступна всем, кто ею интересуется». Взяв на себя ответственность за выпуск ХТС, три правозащитника «прикрывали» от репрессий остальных участников проекта. В условиях подготовки Хельсинкского акта, призванного увенчать Разрядку, власти не рискнули посадить сразу всех, арестовав лишь Ковалева.

Но сам долгожданный Акт, подписанный в 1975 г., неожиданно для Политбюро вывел правозащитное движение на новый хельсинкский этап.

Рост диссидентского движения (1976–1979 гг.)

В 1976 г. начался хельсинкский этап в развитии диссидентского движения. В связи с подписанием странами Европы, США и Канады Хельсинкского соглашения 1975 г., которое предусматривало соблюдение прав человека, диссиденты создали хельсинкские группы, которые следили за его соблюдением властями СССР. Это создавало проблемы для советской дипломатии. Таким образом, движение окончательно переориентировалось на Запад. Первая «Группа содействия выполнению хельсинкских соглашений в СССР» была создана в Москве 12 мая 1976 г., а затем – на Украине и в Грузии.

Группа отправила правительствам государств, подписавшим Заключительный акт, более 80 материалов о нарушениях прав человека в СССР. На международной встрече в Белграде в октябре 1977 г., где обсуждалось соблюдение прав человека, официально фигурировали материалы хельсинкских групп из СССР.

КГБ решило нанести новый контрудар, поскольку лидеры хельсинкских групп «все более наглеют, представляя собой крайне отрицательный и опасный пример для других.

Вместе с тем, предлагаемые меры должны показать правящим кругам западных стран бесперспективность проведения в отношении Советского Союза политики шантажа и давления, еще раз подчеркнуть, что, последовательно проводя линию на разрядку международной напряженности, мы будем решительно пресекать любые попытки вмешательства в наши внутренние дела и поползновения на социалистические завоевания трудящихся»^[834].

3 февраля 1977 г. был арестован распорядитель фонда помощи политзаключенным А. Гинзбург. Лидер Московской хельсинкской группы Ю. Орлов был вызван в прокуратуру, но не явился, а 9 февраля провел пресс-конференцию, где рассказал о начавшемся разгроме группы. 10 февраля он был арестован. Были проведены аресты

хельсинкцев также на Украине^[835] и в Грузии. Но только в Грузии группа была разгромлена полностью^[836]. Власти оказывали давление, ослабляли активность групп, но не уничтожали движение совсем. Несмотря на заметную активизацию позиции американской администрации в отношении проблемы прав человека, вожди диссидентов связывали аресты с непоследовательностью и нетвердостью поведения Картера^[837]. Однако действия КГБ были относительно осторожными. Они шли на аресты в тех случаях, если надеялись как-то обосновать свою позицию за рубежом (обвинениями диссидентов в клевете или даже в шпионаже), но пока отказывались от наиболее скандальных акций (готовившейся уже в 1977 г. высылки Сахарова)^[838] и тем более разгрома движения. Хельсинкская кампания позволила консолидировать правозащитное и национальное движения, заметно расширить ряды правозащитников в провинции^[839]. Это создавало хорошую основу для дальнейшего расширения инакомыслия.

* * *

Л. Алексеева пишет о диссидентах «призыва» конца 70–х гг.: «новые люди в большинстве не удовлетворялись лишь нравственным противостоянием, пафос которого культивировался зачинателями правозащитного движения. Новые люди хотели пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы, они искали пути его достижения»^[840]. И это привело к появлению новой генерации левых инакомыслящих.

5 декабря 1978 г. беспрецедентное событие произошло в Ленинграде. Вскоре после ареста активистов Революционного коммунистического союза молодежи состоялась демонстрация студентов в их защиту. У Казанского собора (место первой в России демонстрации 1876 г. и последующих демонстраций 1988–1989 гг.) собралось около 200 юношей и девушек из ЛГУ, Академии художеств, Художественного училища им. Серова, Политехнического института, из различных ПТУ и школ. Около 20 человек было задержано, но их

потом отпустили^[841]. Во время суда над лидером союза А. Цурковым 3–6 апреля 1979 г. перед зданием собралась толпа студентов^[842].

Еще один канал расширения диссидентского движения, ставший особенно заметным в конце 70–х гг. в связи с экономическими трудностями в СССР — движение отказников — евреев, желающих выехать из Советского Союза, но получивших отказ в этом от советских властей. Запрет на выезд из страны был связан с боязнью утечки военной информации и утечки «мозгов». Дешевизна и относительно высокое качество советского образования при низком (сравнительно с развитыми странами Запада) уровне жизни могли привести к настоящему исходу интеллигенции (что и произошло десятилетие спустя). Последствия для экономики и военно–стратегической политики СССР могли бы быть самыми плачевными. Не имея возможности обеспечить своей интеллигенции уровень жизни, более высокий, чем на Западе (особенно если судить о нем по туристским впечатлениям), советское руководство ограничивало свободу выезда из страны. В то же время Западные страны и Израиль предоставляли льготы иммигрантам–евреям.

Движение отказников не может однозначно рассматриваться как национальное. Как правило, еврейское происхождение было лишь поводом для выезда на Запад. В 1979 г. лишь 34,2% выехавших по израильским визам приехали именно в Израиль, в 1981 г. — 18,9%^[843]. Остальные направлялись в США и Европу.

Общее число отказников в 1981 г. достигло 40 тысяч. Это была массовая группа, численность которой превышала число «чистых» диссидентов. Политика государства превращала «отказника» в оппозиционера почти автоматически (хотя решение покинуть СССР уже было инакомысленным). Л. Алексеева писала, что «в стране остались десятки тысяч людей, подавших заявления на выезд. Они оказались в трагическом положении. Факт подачи заявления не только лишал их прежнего социального статуса, но перевел в разряд «нелояльных» с точки зрения властей. С прекращением эмиграции они оказались обреченными на изгойство на неопределенно долгое время, возможно — пожизненно»^[844].

Удары по отказникам усилились с 1978 г., после дела А. Щаранского, когда власти обвинили диссидентов в шпионаже, поскольку, сообщая информацию о притеснениях евреев, работавших

на оборону, он сообщал информацию, интересную разведке. «Дело Щаранского» позволило СССР даже оказать давление на США — Картер просил советских руководителей не публиковать материалы о связях диссидентов с американской разведкой^[845]. Суд над Щаранским, осуществлявшим «смычку» диссидентов и «отказников», позволил официальной пропаганде дополнительно дискредитировать движение отказников, так как сам подсудимый не мог служить подтверждением распространяемой им пропаганды об «антисемитской кампании фашистского толка» в СССР — Щаранский получил высшее образование, работал на оборонном предприятии, не был уволен с работы, а прекратил ее посещать после подачи заявления о выезде за рубеж. Все это по официальной версии свидетельствовало о том, что вся информация о государственном антисемитизме была ложной^[846].

В начале 80-х гг. против «отказников» стал действовать Антисионистский комитет советской общественности. На его пресс-конференциях, куда допускались и западные журналисты, выступали как советские евреи, с большим или меньшим успехом опровергавшие информацию об официальном антисемитизме, так и евреи, вернувшиеся из эмиграции назад в СССР и утверждавшие, что «просто мы были идиотами, не понимая, на что мы идем, покидая нашу единственную Родину»^[847].

Диссиденты демонстрировали свою солидарность с людьми, чьи гражданские права нарушены, свое неприятие антисемитизма, присущего значительной части правящей бюрократии. Уже на процессе Щаранского митингующие диссиденты независимо от своей национальности пели израильский гимн^[848].

Для режима сближение диссидентов и отказников не имело большого значения — многие лидеры диссидентов считались сионистами. Но сочувствуя евреям, желающим выехать из СССР, диссиденты иногда выступали и против нарушения прав палестинцев — противников Израиля. Так в сентябре 1976 г. А. Сахаров и Е. Боннэр обратились в ООН по поводу трагического положения в лагере палестинцев Тель-Заатар. Но такие нюансы не могли изменить мнения Политбюро — внутри СССР диссиденты действовали на стороне сионистов. Е. Боннэр считалась проводником сионистского влияния на Сахарова. Расширение отказнического движения в конце 70-х гг. рассматривалось как расширение диссидентства.

Продолжало бурно развиваться и религиозное оппозиционное движение, отказывающееся признавать стратегию иерархов Православной церкви на союз с атеистической властью, преследующей любую проповедь вне церковных стен. Религиозное инакомыслие было экуменистично. Действовал Христинаский комитет, созданный для защиты прав верующих и объединявший представителей разных конфессий, в том числе священников, в большей (В. Фонченков) или меньшей (Г. Якунин) степени лояльных Патриархии. Продолжали работу организованный А. Огородниковым просветительский христианский семинар (экуменический по направленности), выпускавший нерегулярный журнал «Община», кружки Д. Дудко и А. Меня (см. Главу III).

Духовная атмосфера таких кружков обладала огромной притягательной силой. Субкультура кружка, более близкая своим механизмом к неформальным движениям, чем к диссидентской среде, привлекала неортодоксальную интеллигенцию своей атмосферой. В. Аксючиц рассказывает о кружке Дудко: «Много–много людей в маленьких помещениях по многу часов вели беседы, обсуждения, дискуссии, в очень доброжелательной обстановке, с молитвой. Сначала служба, потом застолье, считали: сегодня у нас семь столов или сегодня у нас шесть столов. То есть шесть смен столов, прежде чем все отобедают. Всех кормили. Потом за этим же столом собирались. Набивалось полное помещение и велись бесконечные эти дискуссии, беседы. Либо кто–то что–то читал, либо специальная тема обсуждалась»^[849].

К ужасу властей Д. Дудко начал выпускать специальный листок для прихожан «В свете Преображения», в котором, в частности, рассказывалось о случаях притеснения верующих. В Ленинграде действовал семинар «37», выпускавший одноименный журнал. Все эти организации имели довольно текучий состав и отказывались от жесткого плана работы. В итоге через них прошли сотни людей, которые в свою очередь оказывали воздействие на тысячи знакомых^[850]. В то же время, как пишет Л. Алексеева, «в массе православные прихожане и даже православная интеллигенция не принимают участия в гражданском сопротивлении государственному нажиму на свободу совести и даже осуждают такое сопротивление как «нехристианское»^[851].

В 1979–1980 гг. расширялось издание самиздата. «ХТС» стала переиздаваться и в США, проникая в СССР в виде «тамиздата». В 70–е гг. объемы «Хроники» возросли, так как нарастал информационный поток, расширялась и собственная сеть информации, и сеть связанных с ХТС организаций. А вот оперативность выхода ХТС стала падать. В 1974–1983 гг. выходило в среднем по 3–4 выпуска (до 1972 г. – 6). «Хроника» превращалась в «толстый журнал».

В 1970–е гг. «Хроника» была центральным, но далеко не единственным изданием диссидентов (не говоря уже о не-диссидентском самиздате). Выпускались материалы Московской хельсинкской группы, сборники в защиту отдельных диссидентов, материалы специализированных групп (Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, Свободного межотраслевого объединения трудящихся и др.), исторический сборник «Память», свободный московский журнал «Поиски», идеологически-окрашенные журналы «Левый поворот» («Социализм и будущее»), «Варианты», «Перспективы». Самиздат все шире распространялся среди интеллигенции.

В середине 70–х гг. самиздат стал вытесняться тамиздатом – журналами «Вестник РХД», «Грани», «Континент» и книгами, выпущенными издательством НТС «Посев».

* * *

Одновременно началась отработка принципиально новых методов борьбы, которые, как казалось, могли привлечь к диссидентам широкие слои населения. В 1978 г. предпринимались попытки создать легальный независимый профсоюз. В январе В. Клебанов, уже «отсидевший» в психбольнице за попытку создать группу по контролю за условиями труда, вновь попытался зарегистрировать легальную и лояльную властям Ассоциацию свободного профсоюза защиты рабочих. Клебанов был арестован, а профсоюз, куда записалось около 200 относительно лояльных граждан, тут же распался. Затем 28 декабря 1978 г. Л. Агаповой, Л. Волохонским, В. Новодворской, В.

Сквирским и др. было провозглашено Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ).

СМОТ, ставший первым диссидентским «хождением в народ», не преуспел в своей деятельности, но был симптоматичен для властей — инакомыслие не желало оставаться в узкой нише, отведенной для него системой. «Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать «кооперативные» объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов где их нет или не хватает, и даже для товарообмена (скажем, посылать из Москвы в другие города чай и сгущенное молоко, имеющееся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве)»^[852], — писала Л. Алексеева. Однако намерения некоторых из создателей были много радикальней, что предопределило неудачу умеренной части программы. Один из издателей Информбюллетеня СМОТ — единственного реально реализовавшегося проекта организации — В. Сендеров, объявил себя членом Народно-трудового союза. Крайне радикальные позиции занимала и В. Новодворская. Для таких лидеров «профсоюз» был лишь инструментом для перехода к более активным действиям. Сама Новодворская так вспоминает о логике, которой руководствовалась радикальная часть создателей «профсоюза»: «Костюшко и Домбровский разбудили КОС-КОР, а КОС-КОР разбудил «Солидарность». У нас же XX съезд разбудил Булата Окуджаву и Юрия Любимова, они разбудили диссидентов, а диссиденты уже никого не могли растолкать: все спали мертвым сном. Подъем не состоялся. Поэтому вдохновляющая Деда (В. Сквирского — А.Ш.) идея рабочих профсоюзов, независимых от ВЦСПС, была чисто платонической. Наш СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — был отчаянной попыткой несчастной интеллигенции в порядке стахановской инициативы поднатужиться и произвести из себя еще и рабочее движение»^[853].

Строго говоря, диссидентское движение не было чисто интеллигентским. Оно было разночинным. Среди арестованных было немало и рабочих.

Членство в СМОТ было тайным (что нетипично для диссидентов), и при выходе из организации лидеров (что случалось часто, и не только по причине ареста) группы терялись. Полуподпольный характер организации и радикализм части ее организаторов делал неизбежными репрессии. После ареста Л. Волохонского в 1982 г. бюллетень СМОТ ушел в подполье, и реальная деятельность организации прекратилась.

В декабре 1980 г., видимо не без влияния польского опыта, редакторы самиздатовских журналов объявили о создании «Свободного культурного профсоюза». Но в целом попытка «родить» рабочее или хотя бы профсоюзное движение не удалась. Все же это был симптом поиска выхода движения на новые слои населения, который не мог не волновать власти.

Следующим важным симптомом такого рода стало выступление группы «Выборы–79» (В. Сычев, В. Баранов, Л. Агапова, В. Соловьев и др. — всего около 40 человек), которая выдвинула кандидатом в Совет Союза по Свердловскому округу г. Москвы Р. Медведева и в Совет национальностей — Л. Агапову. Понятно, что кандидаты зарегистрированы не были. Но постановка инакомыслящими «вопроса о власти» в столь откровенной форме показала руководителям страны, что оппозиция «заигралась». Это также был симптом активизации левого крыла оппозиции, которое готовилось перейти к собственно политической борьбе, наполняя содержанием советские демократические формальности (что и произойдет во время Перестройки).

* * *

С созданием Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях на регулярную основу было поставлено расследование психиатрических репрессий в СССР.

В. Буковский, которого за эту деятельность посадили еще в 1972 г. и, считая сумасшедшим, в 1976 г. обменяли на Л. Корвалана, рассказывает: «Авторитетные советские психиатры от участия в нашем начинании уклонились, побоялись репрессий. Рядовые

психиатры — первым из них был Глузман — вскоре сами подверглись расправе. На западных же психиатров я не особенно рассчитывал. Откуда им знать все сложности нашей жизни, как поверить, вопреки мнению авторитетных советских коллег, с которыми к тому же регулярно встречаешься на международных конференциях, что какой-то неизвестный человек не нуждается в принудительном психиатрическом лечении?

Однако по иронии судьбы именно это дело оказалось одним из самых успешных в двадцатилетней истории нашего движения. Сама идея помещения здорового человека в сумасшедший дом по политическим причинам захватывала воображение трагизмом ситуации, неизбежно приводила к философским проблемам относительно понятий и определений психического здоровья, и каждый легко представлял себя на месте жертвы... То, что было неосознанным импульсом так называемой «революции 1968 года», вдруг обрело словесное выражение, и наш опыт оказался самым передовым»^[854].

В этих словах Буковского заметно преувеличение, вызванное естественным непониманием ситуации в гражданском движении на Западе. Импульс 1968 г. предопределил постоянный интерес к проблеме гражданских прав прежде всего в своих странах. Советский опыт был лишь экстремальным, и потому важным примером тех явлений, которые правозащитники наблюдали у себя дома. Не случайно, что кампания поддержки советских диссидентов совпала с появлением на экранах американского фильма «Полеты над гнездом кукушки», повествующего о психиатрических репрессиях в США. И здесь ощущалось сходство двух систем, которое большинство отечественных диссидентов просто не замечало. Нарушение прав человека на Западе казалось либералам-западникам надуманной проблемой, раздутой СССР (каждая сторона в конфликте «раздувала» то, что ей нравилось, но может ли быть преувеличено даже одно единственное нарушение прав человека — ведь права универсальны). Буковский с пренебрежением пишет «о какой-то «уилмингтонской десятке», о запретах на профессии в ФРГ и пытках в Ольстере»^[855].

Серьезные нарушения прав человека были характерны для обоих «лагерей», но в СССР они были обычно грубее — машина власти просто не ведала, что творила. Так, например, по мнению Буковского,

«они в Кремле действительно верили, что я параноик. Так вот почему решили меня выставить с максимальным «паблисити»^[856]. На Западе рассуждения Буковского совсем не казались странными, и утверждения о том, что в СССР считают сумасшедшими нормальных людей получили наглядное подтверждение.

* * *

Наступление диссидентов в 1976–1979 гг., вызвавшее неприятный резонанс на Западе и стимулировавшее даже размолвку с рядом европейских компартий (т.н. «еврокоммунизм»), наносило режиму конкретный ущерб.

Международные скандалы, массовые студенческие выступления в Ленинграде и волнения в Грузии, расширение движения «отказников», скандал в Союзе писателей, связанный с «Метрополем» (см. Главу VI), попытки создания независимых профсоюзов, выдвижения кандидатов в депутаты — все это было уже опасно, особенно если учесть, что формальная конституционная система СССР была на редкость демократична. Политбюро было готово терпеть оппозицию в качестве замкнутой субкультуры, но бурная активность конца 70–х гг. переполнила чашу терпения авторитарного режима. Это, наряду с ухудшением международной обстановки, стало главной причиной наступления на диссидентов в первой половине 80–х гг. Готовясь к реформам, правящая элита избавлялась от политических конкурентов, которые показали свою готовность при случае начать катализ массовых оппозиционных движений.

При всем этом КГБ по прежнему предпочитал избавиться от противника без «посадок». В январе 1978 г. «органы» неофициально дали знать диссидентам, что в ближайшее время «поток неофициальной информации прекратится. Перед людьми, осуществляющими передачу такой информации, стоит добровольный выбор, либо — это было бы лучше для всех, — они уедут из страны, иначе придется поступить с ними в соответствии с законом. Речь идет о таких людях, как Копелев, Корнилов, Войнович, Владимов. На вопрос... не возврат ли это к сталинизму, последовал ответ: «При

Сталине их сразу бы посадили, а мы предоставляем выбор»^[857]. Трое из названных литераторов затем покинули страну и были лишены гражданства. Во время зарубежной поездки были лишены гражданства Г. Вишневская и М. Ростропович. Государство возвращалось к «ленинской гуманности», когда оппозиционных деятелей культуры стали не сажать и расстреливать, а высылать за границу. Но диссиденты этой «гуманности» не оценили. Комментируя указ о лишении его гражданства, В. Войнович писал в открытом письме Брежневу: «Вы мою деятельность оценили незаслуженно высоко. Я не подрывал престиж советского государства. У советского государства благодаря усилиям его руководителей и Вашему личному вкладу никакого престижа нет. Поэтому по справедливости Вам следовало бы лишиться гражданства себя самого.

Я Вашего указа не признаю и считаю его не более чем филькиной грамотой... Будучи умеренным оптимистом, я не сомневаюсь, что в недалгом времени все Ваши указы, лишаящие нашу бедную родину ее культурного достояния, будут отменены. Моего оптимизма, однако, недостаточно для веры в столь же скорую ликвидацию бумажного дефицита. И моим читателям придется сдавать в макулатуру по двадцать килограммов Ваших сочинений, чтобы получить талон на одну книгу о солдате Чонкине»^[858].

Остроумные строки Войновича вряд ли дошли до адресата. Высылка имела печальный для кремлевских вождей международный резонанс, но аресты имели бы куда более неприятные последствия. И тем не менее, остановить наступление оппозиции без арестов режим не сумел.

Наступление на оппозицию (1980–1983)

Желание покончить с диссидентами – это одно. А возможность – другое. Диссидентский «остров непослушания» опирался на поддержку Запада, и пока политика Разрядки была жива, наступление на инакомыслие откладывалось.

Когда это наступление началось? Л. Алексеева считает, что «началом «генерального наступления» на инакомыслие можно считать

1 ноября 1979 г. Похоже, к этому дню КГБ получил «добро» на осуществление последовательного плана разгрома независимого общественного движения, разработанного еще в 1977 г.»^[859] Л. Алексеева обосновывает свой вывод арестами Г. Якунина, Т. Великановой и А. Терляцкаса, а также последующей цепью арестов. Но количество арестов и задержаний в ноябре лишь незначительно увеличилось по сравнению с ноябрем предыдущего года. До этого также были всплески репрессий (дела хельсинкских активистов, дело А. Щаранского и др.). Власти не проводили пока тотальных арестов известных им «злоумышленников», а ограничивались выбиванием ключевых фигур. А на 1980 г. приходится беспрецедентный с 1974 г. рост осуждений по 70-й статье УК^[860], «вал» арестов начался с января 1980 г. И это – не случайно. Разгром диссидентского движения начался не до, а после начала нового витка Холодной войны в декабре 1979 г.

Началом «генерального наступления» КГБ против диссидентов правильнее считать высылку А. Сахарова в Горький. Еще в 1978 г. Андропов назвал Сахарова «врагом номер один» внутри страны^[861]. Несмотря на это, Сахаров сохранял возможность относительно свободно действовать. Политбюро опасалось международного скандала. После ввода войск в Афганистан, предполагавшего ухудшение международных отношений, оглядываться на Запад было уже не нужно. Вопрос о Сахарове был поставлен на Политбюро еще 26 декабря 1979 г. 3 января было решено не судить академика, а ограничиться внесудебной высылкой^[862]. Таким образом, вопреки распространенной версии, непосредственной причиной высылки Сахарова стало не его выступление против ввода войск в Афганистан, а ввод войск как таковой. Е. Фейнберг обращает внимание на еще одну возможную причину высылки: «В процессе моего разговора с одним вице-президентом, проходившем в тоне понимания и сочувствия, он сказал неожиданно для меня: «Ведь дело не только в его протесте против афганских событий. Хуже то, что он с женой был у американского посла и долго с ним беседовал, а ведь он — носитель государственно важных секретов». — «Этого не может быть!» — воскликнул я... При первой же встрече с Еленой Георгиевной я спросил ее об этом. Она подтвердила: «Ходили. А что в этом особенного?»... Но если разговор зашел, скажем, о разоружении или международных отношениях, легко могло проскользнуть что-нибудь

лишь на первый взгляд не существенное. Один мой умный знакомый, много лет работавший с А.Д. на объекте, любивший его и пользовавшийся его уважением... сказал мне: «Вы же понимаете, что соответствующие американские специалисты будут «рассматривать в лупу» магнитофонную запись этой беседы»^[863]. На заседании Политбюро Андропов доказывал, что дальнейшее присутствие Сахарова в Москве недопустимо, и необходимо изолировать его от иностранцев. В то же время, когда речь зашла о сибирских городах, Андропов, ссылаясь на мнение врачей, настоял на Горьком, поскольку климат в нем соответствует московскому^[864].

Ссылка Сахарова стала началом и символом нового курса режима в отношении диссидентов, а сам Сахаров был практически публично признан «главным внутренним врагом», каковым и оставался до 1986 г., когда на это почетное место был посажен абстрактный «бюрократ».

Арест Сахарова был произведен по всем правилам полицейского искусства — во время его поездки на работу 22 января. Однако КГБ не удалось предотвратить немедленное распространение информации о происшедшем в диссидентской среде и за рубежом^[865].

Ссылка в Горький сломала ритм общественной активности Сахарова. Прежде он был предсказуем, ритмичен, «дежурен» в своих откликах на промахи властей. Теперь Сахаров стал жестче, он был готов жертвовать жизнью даже ради «малого». По принципу «ни шагу назад». Наступало время решающих, драматических столкновений с властью, время голодовок и безысходности.

Г. Владимов комментировал действия властей: «Сослав его в Горький без следствия и суда, без объявленного приговора и срока, применив меру, из ряда вон выходящую, власть оказала ему честь, которой мог бы удостоиться разве лишь наследный принц или возможный президент»^[866]. Против высылки Сахарова и заключения члена-корреспондента АН Армянской ССР Ю. Орлова выступали не только диссиденты, но и видные советские ученые. Л. Капица писал Ю. Андропову: «Сахаров и Орлов своей научной деятельностью приносят большую пользу, а их деятельность как инакомыслящих считается вредной. Сейчас они поставлены в такие условия, в которых они вовсе не могут заниматься никакой деятельностью». Ссылаясь на опыт взаимоотношений Ленина и оппозиционного ученого Павлова, Капица приходил к заключению: «Не лучше ли попросту дать задний

ход?»^[867] В одном Капица ошибался — Сахаров не прекратил общественной деятельности и теоретической работы. Он продолжал обращаться к стране и миру. Поэтому—то и задний ход дать было нельзя.

В послании академику Александрову Сахаров писал: «Важнейший тезис, который со временем лег в основу моей позиции, — неразрывная связь международной безопасности, международного доверия и соблюдения прав человека, открытости общества. Этот тезис вошел составной частью в Заключительный акт Хельсинкского совещания, но слова здесь расходятся с делом, в особенности в СССР и странах Восточной Европы»^[868].

По данным Л. Алексеевой в 1979–1981 гг. в Москве было арестовано 34 человека, а всего — около 500 человек^[869]. По данным КГБ только в 1980 г. он арестовал 433 человека^[870]. Даже если данные диссидентов не полны, видно, что удар 1980 г. был наиболее мощным за все время наступления властей. Этого хватило, чтобы фактически прекратить активность Инициативной группы защиты прав человека, Христианского комитета, Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, журнала «Поиски». Подверглись разгрому Христианские комитет и семинар. Угроза ареста нависла даже над умеренными христианскими проповедниками. Были арестованы ключевые фигуры незарегистрированных церквей и национальных групп. Затем волной пошли процессы. В 1980 г. по статьям 70 и 190—прим было осуждено 102 человека, в 1981 г. — 127 человек. Для сравнения — в 1976 г. было осуждено 60 человек (причем по более строгой 70-й статье — только 5), а в 1979 г. — 69 человек (по 70-й — 4). Таким образом, наиболее суровые «брежневские» гонения не достигли уровня наиболее «спокойных» лет «хрущевской оттепели». В 1960 г. было посажено 162 политических (это — минимум), а в 1957 г. — 1964 человека^[871]. Но удара 1980–1981 гг. хватило, чтобы дезорганизовать диссидентскую инфраструктуру. Заместитель председателя КГБ С. Цвигун мог доложить стране о том, что «маскировавшиеся под «правозащитников» и «поборников демократии» антиобщественные элементы ныне разоблачены и обезврежены»^[872]. Это можно было сделать и раньше. Но до 1979 г. диссиденты были частью международной игры властей, а также прибором оценки настроений наиболее недовольной части

интеллигенции. Изменение международной ситуации, неконтролируемый рост инакомыслия в условиях кризиса системы «застоя» убедил Политбюро, что с оппозицией пора кончать.

* * *

После первых ударов 1980–1981 гг. наступление КГБ не прекращалось. В 1982 г. КГБ разгромил группу, выпускавшую журналы «Варианты» и «Левый поворот». В апреле 1982 г. были арестованы «молодые социалисты» Б. Кагарлицкий (издававший «Левый поворот»), П. Кудюкин, А. Фадин, Ю. Хавкин, В. Чернецкий, А. Шилков, а позже — М. Ривкин. В донесении Федорчука Андропову (формально уже не руководившему КГБ) говорилось, что арестованные «предпринимали меры к созданию в стране организованного антисоветского подполья в виде т.н. «Федерации демократических сил социалистической ориентации» для активной борьбы с Советской властью, утверждая при этом в одном из «теоретических» документов, что «... коммунизм советского образца — преступление против человека и человечества, а СССР — нравственный застенки миллионов»... Как выяснилось в ходе следствия, Фадин систематически передавал Майданнику, Шейнису, Ворожейкиной, Ржешевскому, Данилову, Ивановой, Скороходову различную антисоветскую литературу для ознакомления»^[873].

Связь «молодых социалистов» с научной интеллигенцией, которая в свою очередь имела «выходы» на придворных «либералов», могла расцениваться КГБ как поощрение последними создания «подрывной» организации по образцу польского КОС–КОРа.

По мнению А. Фадина, раздувание дела было связано с борьбой за власть в Кремле: «в поле действия проекта попадали интеллектуалы из ЦК и обслуживающего партию академического мира. Ставилась цель нанести удар по либеральному лобби в лице академиков Арбатова, Примакова, директора нашего института Иноземцева. (Иноземцев умер после разноса, который устроил ему Гришин)»^[874]. Подобная версия представляется слабо обоснованной. Академическое лобби не препятствовало продвижению Андропова к власти, скорее наоборот.

Аресты «молодых социалистов» играли скорее «дисциплинирующую» роль для статусной интеллигенции.

Работу КГБ облегчала неопытность «молодых социалистов». Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин во время допросов говорили «лишнее»^[875].

Суд над «молодыми социалистами» был назначен на 12 февраля 1983 года, но отменен (в значительной степени в связи с заступничеством зарубежных компартий). По мнению А. Фадина, «Андропов... не хотел начинать царствование с громкого процесса»^[876]. Б. Кагарлицкий, А. Фадин и П. Кудюкин и др. были освобождены в соответствии с Указом о помиловании в конце апреля 1983 года, после того, как подписали заявление об отказе от продолжения «антисоветской» деятельности. Решение о помиловании до суда было вынесено Президиумом ВС СССР (во главе с Ю. Андроповым) — уникальный случай в советской юридической практике. Не подписавший заявление М. Ривкин был в июне 1983 года осужден (7 лет лагерей и 5 лет ссылки). Вызванные на суд над Ривкиным в качестве свидетелей «молодые социалисты» как правило не давали показаний, способных изобличить подсудимого. Но показания, данные во время следствия, были использованы для его осуждения. Эти события наложили тяжелый отпечаток на отношения их участников^[877].

В 1982 г. прекратила деятельность Московская хельсинкская группа. В апреле 1983 г. был арестован и распорядитель солженицынского Фонда помощи политзаключенным СССР и их семьям С. Ходорович.

В феврале 1981 г. подготовленный к выпуску 59-й выпуск был захвачен КГБ при обыске на квартире одного из составителей, Л. Вуля. Было решено не восстанавливать этот номер, а сразу перейти к подготовке 60-го выпуска. Последний выпущенный в свет 64-й номер «Хроники» был датирован 30 июня 1982 г., а следующий, 65-й, был подготовлен лишь осенью 1983 г. Но выпустить его не удалось — в разгаре было «андроповское» наступление на диссидентов, увенчавшееся фактическим разгромом движения. Издание «Хроники текущих событий» прекратилось после ареста 17 ноября 1983 г. Ю. Шихановича, который был ее ведущим редактором с 1980 г., после ареста Великановой.

Знамя, выпавшее из рук издателей «Хроники», попытался подхватить С. Григорьянц, начавший издание бюллетеня «В» — своего рода приложения к «Хронике текущих событий». Но и он был арестован.

В 1983 г. по политическим статьям было осуждено 163 человека^[878]. К 1984 г. в СССР впервые с 1968 г. вне колючей проволоки почти не осталось открыто действующих диссидентов. Те известные властям инакомыслящие, которых оставили на свободе, находились под фактическим домашним арестом или круглосуточным наблюдением^[879].

В осаде

Последним бастионом открытой оппозиции оставался академик А. Сахаров. Его социальный статус и всемирная известность не позволяли властям просто упрятать академика в тюрьму. Несмотря на разрушительные удары по оппозиции, академик не признавал поражения. В интервью, которое ссыльный академик передал на Запад, Сахаров так отвечал на вопрос «Движение инакомыслящих в СССР дезорганизовано. Есть ли путь реорганизовать его?»: «Сила борьбы за права человека — не в организации, не в числе участников. Это сила моральная, сила безусловной правоты. Это движение не может исчезнуть бесследно. Уже сказанное слово живет, а новые люди со своими неповторимыми судьбами и сердцами вносят все новое и новое»^[880].

Несмотря на то, что Сахаров находился в Горьком, связь его с внешним миром не прерывалась. Для полной ликвидации открытой оппозиции Сахарова следовало изолировать еще сильнее. В мае 1980 г. Е. Алексееву, невесту сына Боннэр А. Семенова, предупредили о недопустимости посещения Горького. Алексеева и Сахаров добивались ее выезда из СССР для соединения с женихом. Когда А. Семенов уезжал в США в 1978 г., Сахаров обещал ему, что добьется и выезда любимой девушки. Но правовых оснований для выезда не было. К тому же «фактор Алексеевой» позволял «давить» на Сахарова^[881]. В письме к Брежневу 26 мая 1981 г. Сахаров писал о том,

что «недостойным является использование КГБ судьбы моей невестки для мести и давления на меня»^[882]. 22 ноября Сахаров и Боннэр объявили голодовку с требованием разрешить выезд из страны Е. Алексеевой.

«Его реакция была нередко неадекватной: в конце 70–х годов и в начале 80–х он несколько раз прибегал даже к голодовкам, и поводом к ним были не его собственные проблемы, а проблемы жены и ее родственников. Но Сахаров переживал их сильнее своих проблем»^[883], – комментирует Р. Медведев.

Голодовка вызвала резко отрицательную реакцию значительной части диссидентов (Р. Пименова, П. Григоренко, Л. Чуковской и др.). Диссиденты выступали даже не столько против самого метода, сколько против «незначительности цели», которую ставил Сахаров. Академик характеризовал призывы своих товарищей «ради общего пожертвовать частным» как «тоталитарное мышление»^[884].

Эти события показали, не только «неадекватность» реакции Сахарова, но и жестокость среды оппозиции в кризисных ситуациях. Сахаров вспоминает, что «многие наши друзья–диссиденты направили свой натиск на Лизу (Е. Алексееву — А.Ш.) — и до начала голодовки, и даже когда мы ее уже начали, заперев двери в буквальном и переносном смысле. Лиза, якобы, ДОЛЖНА предотвратить или (потом) остановить голодовку, ведущуюся «ради нее»! Это давление на Лизу было крайне жестоким и крайне несправедливым»^[885]. Моральная изоляция в этих условиях была настоящей пыткой, и осуществлявшие этот бойкот оппозиционеры не могли этого не понимать. Для Сахарова голодовка была «продолжением моей борьбы за права человека, за право свободы выбора страны проживания...»^[886] Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в данном случае был реальный шанс одержать победу, что в тяжелых условиях 1981 г. было крайне важно. Хотя, признаться, моральный уровень борьбы снижался тем, что объект защиты был выбран «по благу».

Либерально настроенные ученые объясняли руководству Академии наук, что гибель Сахарова в процессе голодовки вызовет грандиозный скандал, в центре которого окажется АН. Это будет означать долгосрочный разрыв научных связей, прекращение зарубежных командировок для одних и унижения для других. По воспоминаниям Е. Фейнберга на А. Александрова «давили не только

те, кто опасался лишь разрыва научных связей, но и те, кому Андрей Дмитриевич был дорог как уникальная личность, просто как человек, вызывавший любовь и восхищение. Иногда слова о возможном разрыве связей были лишь «рациональным прикрытием» для более личных чувств. Я не знаю точно, как оно произошло, но Анатолий Петрович в конце концов преодолел себя и совершил этот поступок — поехал к Брежневу, который решил вопрос: «Пусть уезжает»^[887]. 8 декабря президент АН А. Александров лично позвонил Алексеевой, сообщив ей, что вопрос будет решен положительно. Голодовка продолжалась до 9 декабря. По меткому наблюдению Л. Литинского Сахаров и Боннэр «проскочили на грани» — 13 декабря, с введением военного положения в Польше, отношения между СССР и США резко ухудшились, и мотивы для уступок диссидентам были утеряны^[888]. Но уже 19 декабря Е. Алексеева вылетела в Париж.

Система массовой информации (дезинформации) продолжала свое наступление на Сахарова. Главным полем боя оставалось взаимодействие Сахарова с международной общественностью. Здесь академик был по-прежнему опасен — на Западе к его голосу прислушивались. В феврале 1983 г. Сахаров написал статью «Опасность термоядерной войны», в которой доказывал, что Запад отстал от СССР в гонке вооружений. «Восстановление стратегического равновесия, — писал Сахаров, — возможно только при вложении крупных средств, при существенном изменении психологической обстановки в странах Запада...

Я понимаю, конечно, что пытаюсь ни в чем не отставать от потенциального противника, мы обрекаем себя на гонку вооружений — трагичную в мире, где столь много жизненных, не терпящих отлагательства проблем. Но самая главная опасность — сползти к всеобщей термоядерной войне. Если вероятность такого исхода можно уменьшить ценой еще десяти или пятнадцати лет гонки вооружений — быть может, эту цену придется заплатить...»^[889] Здесь академик воспринимает себя как органическую часть западного мира, советуя «своей стороне» усиливать давление на «потенциального противника». Этот совет был «принят» Рейганом, причем еще раньше, чем прозвучал.

Доказывая бессмысленность ядерной войны, Сахаров, кстати, обратил внимание на опасность «звездных войн», способных

разрушить озоновый слой. Но главное внимание «советской общественности» было обращено на слова академика об оправданности развертывания американских ракет и нового витка «гонки».

Как и в 1973 г. академику ответили коллеги, но на этот раз их набралось меньше. 3 июля в «Известиях» вышла статья академиков А. Дородницына, А. Прохорова, Г. Скрыбина и А. Тихонова «Когда теряют честь и совесть», в которой они писали: «Сахаров призывает США, Запад ни при каких обстоятельствах не соглашаться с какими-либо ограничениями в гонке вооружений, ядерных в первую очередь... Сегодня Сахаров по существу призывает использовать чудовищную мощь ядерного оружия, чтобы вновь припугнуть советский народ, заставить нашу страну капитулировать перед американским ультиматумом». Предвосхищая лозунги более позднего времени, академики обращаются к общечеловеческим ценностям: «В его действиях мы усматриваем также нарушение общечеловеческих норм гуманности и порядочности, обязательных, казалось бы, для каждого цивилизованного человека». С нотками недовольства академики пишут и о терпимости советского народа к Сахарову — живет себе спокойно в Горьком, не то что в Америке, где когда-то казнили Розенбергов^[890].

В 1983 г. вышла новая редакция книги Н. Яковлева «ЦРУ против СССР», в которой большое внимание уделялось разлагающему влиянию Е. Боннэр на А. Сахарова. Расчет был сделан на неизменный интерес читателей к темным сторонам личной жизни знаменитостей (тем более, что в СССР на такую информацию был большой дефицит). В апреле 1983 г. в журнале «Смена» Н. Яковлев развил свои откровения по поводу морального облика Е. Боннэр: «В молодости распущенная девица достигла почти профессионализма в соблазнении и последующем обирании... пожилых и, следовательно, с положением, мужчин»^[891]. Боннэр обвинялась в том, что она стала главным проводником усилий «провокаторов», которые толкают «этого душевно неуравновешенного человека на поступки, которые противоречат облику Сахарова-ученого»^[892].

Это были не просто слова. «Очень многое — и в особенности писания Яковлева..., — считал Сахаров, — говорит о том, что власти (КГБ) собираются изобразить в будущем всю мою общественную деятельность случайным заблуждением, вызванным посторонним

влиянием, а именно влиянием Люси — корыстолюбивой, порочной женщины, преступницы–еврейки, фактически — агента международного сионизма. Меня же вновь надо сделать видным советским (русским — это существенно) ученым, и эксплуатировать мое имя на потребу задач идеологической войны»^[893].

Атакой на Боннэр власти пытались «убить двух зайцев» — скомпрометировать дело академика и «вывести из строя» его супругу — человека, представлявшего собой единственную постоянную связь Сахарова с внешним миром. В сентябре 1983 г. Боннэр попыталась привлечь Яковлева к суду за клевету, но как только расследование выявило первые несоответствия в данных Яковлева, дело «прикрыли». В целом книга «ЦРУ против СССР» и газета «Смена» сделали свое дело — большая часть читателей, даже настроенных критически, поверила, что пусть не все здесь правда, «но что–то такое должно быть». Сахаров, правда, получил чудесную возможность ответить Яковлеву, ударив его^[894].

В 1984 г. в руки КГБ попал еще один козырь. Здоровье Боннэр ухудшилось, и они с Сахаровым решили, что ей требуется срочное лечение за границей. Доверия советской медицине у горьковских узников не было. Сахаров попросил американского посла принять жену в американском посольстве, чтобы добиться ее выезда для лечения в США. Но 2 мая Боннэр была арестована в аэропорту Горького, против нее возбудили уголовное дело. Тогда Сахаров начал вторую голодовку. Эта акция также вызвала споры в околооппозиционной среде. Повод казался еще менее значительным, чем в случае с Алексеевой, поскольку Боннэр могла оперироваться и в СССР. Опасения Сахарова казались надуманными. Е. Фейнберг оценивает ситуацию иначе: «Обожаемая жена, здоровье которой находится в критическом состоянии — достаточная причина. Готовность поставить свою жизнь «на карту» может вызвать горькое чувство и даже осуждение у других, но тогда нужно осуждать и Пушкина, который прекрасно понимал, что он значит для России, и тем не менее погиб, защищая свою честь и честь своей жены...»^[895]

6 мая всякое сообщение Сахарова с внешним миром прекратилось. Его смерть могла вызвать нежелательный резонанс. Уже через неделю академика начали насильно кормить. Эта процедура была мучительной и унижительной. По воспоминаниям Б. Альтшулера

«как-то уже в Москве он сказал Михаилу Левину: «ты знаешь, в больнице я понял, что испытывали рабы Древнего Рима, когда их распинали»»^[896]. Одновременно был снят фильм о том, как замечательно Сахаров живет в Горьком. Лидер разгромленного диссидентского движения был изолирован, поставлен перед угрозой потери жены и не мог даже умереть по собственной воле.

19 мая с личной конфиденциальной просьбой разрешить Боннэр выехать за границу обратился к Черненко Рейган. В ответе американцам говорилось: «эта дама и ее сообщники умышленно драматизируют ситуацию в антисоветских целях. Что касается действительного состояния ее здоровья, то она переживет многих современников. Об этом свидетельствует авторитетное заключение квалифицированных врачей»^[897]. Это заключение оказалось верно. С поправкой на то, что в 1985 г. «даме» все же была сделана качественная операция за границей.

10 августа 1984 г. Боннэр была приговорена к ссылке в Горьком и потеряла возможность покидать город. Клетка захлопнулась — Сахаров был надежно изолирован. 8 сентября он вышел из больницы, прекратив вторую голодовку. Еще месяц он пребывал в глубокой депрессии^[898]. В письме к А. Александрову от 10 ноября 1984 г. Сахаров писал, что переживает «самый трагический момент в своей жизни», просил помочь в выезде жены для лечения, утверждал, что ее поездка не имеет политических целей (здесь он ошибался). Если его просьба не будет удовлетворена до 1 марта 1985 г., Сахаров заявлял о выходе из АН (потом он перенес этот срок на 10 мая, а после избрания Генсеком Горбачева — отказался от этого намерения)^[899].

Но и в условиях изоляции Сахаров представлял для властей постоянную проблему — прежде всего внешнеполитического плана. Во время визита в Москву президента Франции Ф. Миттерана он на торжественном обеде в Кремле поднял тост за Сахарова, напомнив гостям, что очень многое в отношениях с Западом зависит от положения академика.

Последним каналом «на волю» для Сахарова оставались коллеги, изредка приезжавшие для научных бесед. Но они не участвовали в оппозиционном движении, хотя и были настроены фрондерски. В 1990 г. Е. Боннэр утверждала, что «третьей голодовки Андрея Дмитриевича (1985 г.) могло не быть, если б его коллеги нашли в себе силы

выполнить его прямую просьбу... Но и в Москве, и в «заграницах» коллеги молчали как партизаны»^[900]. Речь идет о просьбе А. Сахарова В. Гинзбургу способствовать «активным коллективным действиям группы академиков и членов–корреспондентов в поддержку моей просьбы». «Вот уж поистине аберрация, свойственная, очевидно, и великим людям»^[901], — комментирует Гинзбург. Академики вовсе не собирались поддерживать столь очевидно личное требование Сахарова о выезде его жены. У них не было недоверия к советской номенклатурной медицине, да и охоты из–за «мелочи» конфликтовать с властью. Особенно в условиях начинающихся перемен. Это же касается и зарубежной академической общественности. К тому же Сахаров попытался передать с коллегами нелегальные материалы, что вызвало их возмущение^[902]. Академические ученые не собирались играть в подпольщиков, действующих в тылу собственной страны.

Убеждая Президента АН Александрова в необходимости разрешить выезд Боннэр, Сахаров писал: «Я хочу и надеюсь прекратить свои общественные выступления. Я готов к пожизненной ссылке. Но гибель моей жены (неизбежная, если ей не разрешат поездку) будет и моей собственной гибелью»^[903].

Накануне прихода к власти Горбачева режим был как никогда близок к политической монополии.

16 апреля 1985 г. Сахаров начал новую голодовку. 21 апреля он был принудительно госпитализирован и снова подвергнут насильственным кормлениям. Все это проходило под аккомпанимент апрельского пленума ЦК КПСС. Голодовка продолжалась с двухнедельным перерывом до 23 октября. Интересно, что именно в это время изоляция Сахарова достигла максимума. По словам Б. Альтшуллера «никто не знал, что происходит в Горьком»^[904]. В июле ООН официально объявил Сахарова пропавшим без вести.

Горбачев был заинтересован в улучшении международного климата, и это делало неизбежным улучшение положения Сахарова. В сентябре Сахаров был проинформирован, что с его письмом о критическом положении, в котором он находится, ознакомился Горбачев.

При обсуждении вопроса о выезде Боннэр на Политбюро победила точка зрения Н. Рыжкова: «Я за то, чтобы отпустить Боннэр за границу. Это гуманный шаг. Если она там останется, то, конечно,

будет шум. Но у нас появится возможность влияния на Сахарова»^[905]. В конце октября Боннэр было разрешено выехать в США для лечения, и 25 ноября она уехала из Горького. Как и следовало ожидать, ее поездка превратилась в агитационный тур. Заверения Сахарова не оправдались.

Поиски на развалинах

«Уже в 1984 г., приехав в отпуск из ссылки, я застал диссидентское движение разрушенным. Люди эти существовали, продолжали жить, но среда исчезла»^[906], — вспоминает Г. Павловский. Посадки 1982–1983 гг. добились диссидентское движение и надломили многие характеры. Горстка оппозиционеров, державшая на своих плечах инфраструктуру диссидентства, устала быть героями. Наступление властей, а затем начавшаяся либерализация были хорошими поводами отойти от общественной деятельности для тех, кто устал, перерос максимализм, считал, что уже достаточно сделал для дела свободы. Люди, слишком далеко оторвавшиеся от отечественной почвы, после освобождения предпочитали эмиграцию. Лишь немногие, в том числе А. Сахаров, С. Ковалев и другие «политические долгожители» современности были готовы продолжать борьбу в новых, революционных условиях. Это предполагало поиск взаимопонимания и известного компромисса с меняющейся советской действительностью.

Когда Перестройка откроет перед общественным движением новые возможности, большинство диссидентов останется в стороне от активной деятельности. И те, кто вернутся к оппозиционной жизни, сделают это после того, как неформалы сделают процесс необратимым.

Диссидентское движение было разгромлено, но оппозиционно настроенные люди не переставали искать друг друга. Им оставалось воспроизводить подполье. Часть новых участников движения, напротив, вернулась к подпольным формам работы. «Им просто неизвестно, что подпольные кружки были довольно широко распространены в СССР с середины 50–х годов и до середины 70–х и

за 20-летие не оставили по себе никакого следа, что это — пройденный этап, не оправдавший себя»^[907], — считала Л. Алексеева. Но изменилась обстановка, и новые кружки не были изолированными, как в 50-е гг. Сосредоточившись на удушении открытого диссидентского движения, КГБ упустило большую часть подпольщиков из виду — ведь они не провоцировали международный скандал и не имели пока значительной периферии. Но через подпольные кружки прошли многие участники общественного движения второй половины 80-х гг. Здесь они осмысливали окружающую их действительность, а иногда и приобретали первый политический опыт. В. Корсетов вспоминал о кружках того времени: «В 1980–1984 гг. я участвовал в «сходках» остатков разбитой группы «Поиски» (С. Белановский, И. Вербицкий и др.). Заходили В. Найшуль и Г. Пельман. У них сохранилась огромная библиотека самиздата. Они научились конспирировать, и поэтому идейная работа в этой среде арестами не прерывалась. Эта группа придерживалась ориентации на «капиталистический путь развития». Они оказывали юридическую помощь менее опытным группам, например — группе «молодых социалистов», наделавших к этому времени уже множество ошибок. Организовывались семинары с участием интересных людей с Запада. Это было интересно как для нас, так и для них, поскольку мы пытались донести до них реальную картину нашей жизни. Участники семинаров действовали очень осторожно, и КГБ не вмешивалось. Эта была питательная среда, которая постепенно обростала людьми. Налаживались неформальные связи. После возвращения «молодых социалистов», с 1984 г. начались семинары Кагарлицкого. Там появился М. Малютин. На всех этих семинарах главной темой была проблема альтернативы тому, что существует — капиталистическая, социалистическая»^[908]. Эти люди потом будут организовывать политические неформальные группы времен Перестройки.

В первой половине 80-х гг. в СССР действовали также десятки левацких кружков, о которых упоминалось выше. В период Перестройки они легализовались в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Куйбышеве, Перми и других городах. Другой типичный пример подпольной организации — кружок В. Новодворской – К. Пантуева, действовавший в 1983–1986 гг. Он, видимо, «отслеживался» КГБ более «плотно», так как имел постдиссидентское происхождение. Но

несмотря на это (если верить В. Новодворской) «мы тиражировали Самиздат, развозили его по городам, раздавали по группам, раскидывая сеть все шире и шире. Нашли ксеристов, нам размножали наши нелегальные материалы за деньги, но недорого»^[909].

Таким образом, фактический разгром старого диссидентского движения не означал исчезновения оппозиции как таковой. В конце 70-х – начале 80-х гг. стало возникать новое поколение инакомыслящих, лишь отчасти связанное с предыдущим. Становление гражданского общества во второй половине 80-х гг. будет обеспечено неформальным движением, которое возникло параллельно с диссидентским и существовало иногда во взаимодействии с ним, а иногда вне всякой связи с открытой оппозицией.

Впрочем, оставалась и среда, порожденная старой генерацией, но все очевиднее приобретающая черты неформальности. Продолжал распространяться «самиздат» и «тамиздат» — люди не прекращали перепечатывать и давать друг другу оппозиционную литературу. Это не требовало специальной организации. Хаотическая циркуляция оппозиционных текстов ломала идеологические стереотипы читателей. Пока это происходило бессистемно, очень многое зависело от того, в какой последовательности литература проходила через руки (и сознание) человека. В обращении были работы авторов самых разных направлений. Все это жадно впитывалось теми, кто рисковал читать «диссидентщину», ломало то одни, то другие политические стереотипы и создавало новые^[910].

Наступление на диссидентов продолжалось до середины 1985 г. Еще в июне 1985 г. Политбюро решило провести серию административных задержаний (всего 25 человек) в преддверии Всемирного фестиваля молодежи, дабы ограничить контакты еще оставшихся диссидентов с иностранцами^[911]. 19 марта был арестован Л. Тимофеев, публиковавший свои критические произведения за границей. Приговор по делу Тимофеева был вынесен 19 сентября 1985 г., через несколько месяцев после «перестроечного» пленума. И только через год после «перестроечного» съезда в СССР начнут амнистировать политических заключенных.

Кризис диссидентского движения был вызван не только физическим разрушением оппозиционных структур. Л. Алексеева писала об этой проблеме: «Поскольку мирным путем, единственно признаваемым правозащитниками, эти проблемы можно решить только в сотрудничестве с властями, их отказ от диалога вызвал в начале 80-х гг. кризис правозащитного движения, усугубившийся из-за резкого усиления репрессий — активность его снизилась, число участников, возможно, уменьшилось. Однако это не кризис цели, которая не обесценена в глазах участников движения и далеко за его пределами, и не кризис методов»^[912]. Цель, конечно, не потеряла свою привлекательность, что нельзя сказать о старой правозащитной тактике. Ее кризис привел к угасанию диссидентского движения даже тогда, когда возможности для легальной деятельности стали расширяться во второй половине 80-х гг.

Уже во время последнего наступления КГБ и даже после разгрома оргструктур движения оставшиеся на свободе участники напряженно искали выход из положения, новую стратегию. Возможности преодолеть разрыв инакомыслящих с окружающим миром обсуждались в редакции московского самиздатского журнала «Поиски». Здесь рассматривались и варианты, близкие курсу Р. Медведева и А. Сахарова 1970 года^[913], и перспектива подключить к оппозиции неформальные движения, «разрозненные и влекущиеся друг к другу приватные «культурнические» инициативы», «наивные, порою даже раздражающие своим желанием сделать «навыорот», но несущие в себе стремление изнутри преодолеть блокаду» (М. Гефтер)^[914]. «Молодые социалисты» предлагали совместить оба варианта: добиваться реформ сверху, оказывая на руководство КПСС давление со стороны неформальных движений снизу. Так и получится во время Перестройки. И участники дискуссий в «Поисках», «Вариантах» и «Левом повороте» примут в этом живейшее участие^[915].

Комментируя позицию журнала «Левый поворот», В. Прибыловский писал в 1982 г.: «В системе приоритетов редакции на первом плане такая примерно основополагающая идея: ”Реформы сверху под давлением снизу». Тезис неопровергаемый, хотя, по правде сказать, маловероятно, что он скоро станет социальной реальностью»^[916]. Реальность приближалась гораздо быстрее, чем об

этом могли мечтать диссиденты. Ситуация, характерная для революций и революционеров.

И все же наиболее дальновидные диссидентские авторы предсказывали неминуемые социальные катаклизмы в ближайшей перспективе: «Простое экстраполирование предсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990 г., — подводит В. Сокирко итог своему экономическому анализу, — с учетом непризнаваемой инфляции — в районе 1984 г., понимая под ней начало падения национального дохода, т.е. начало абсолютного обнищания»^[917]. В результате В. Сокирко предсказывает «час Амальрика» — внешнеполитические авантюры (написано в ноябре 1979 г.) и социальный взрыв с гражданской войной — призрак, неоднократно возникавший во время Перестройки. В результате — восстановление диктатуры, повторение процессов начала века в том же масштабе. «Да, круг замкнется, но через гибель — нашу и наших детей», — мрачно предсказывает Сокирко^[918]. И все же, по мнению автора, шанс на спасение есть — в народной памяти, из которой еще не ушли ужасы сталинизма, в росте «разноверия» — общественного разномыслия, уважения к независимой от государства трудовой деятельности, в подчеркнутом легализме оппозиции, в постепенном осознании кризиса верхами (здесь автор ссылается на речь Брежнева в ноябре 1979, выдержанную в несколько более критических тонах, чем обычно). Сокирко считает, что такие факторы «исчезающе малы»^[919]. История показала, что эти и другие, вероятно — более глубинные факторы социальной стабилизации оказались сильнее, и общественная трансформация конца 80-х — начала 90-х гг. произошла на большей части территории СССР без катастрофы, подобной первым десятилетиям XX в. Однако сам диагноз и перечисление факторов выздоровления оказался довольно точным — особенно если учесть условия, в которых приходилось работать оппозиционным авторам.

Кризис стремительно приближался. Сама история предоставляла авторам «нетрадиционной социальной медицины» принять участие в лечении затянувшейся болезни.

Глава XI

Неформалы

Миф о монолитности советского общества еще может как-то сосуществовать с реальностью диссидентского движения и споров между западниками и почвенниками. Вовлеченные в эти дискуссии слои кажутся незначительными. Между тем в Советском Союзе существовали и массовые общественные организации, вполне самостоятельные от партийно-государственных структур. Они взаимодействовали с властью и ее «приводными ремнями», но в своих действиях руководствовались собственной логикой.

Развитие низовой общественной инициативы, если оно протекает в конструктивном русле, соответствовало планам Хрущева: «Мы говорим, что при коммунизме государство отомрет. Какие же органы сохранятся? Общественные! Будут ли они называться комсомолом, профсоюзами или как-то по-другому, но это будут общественные организации, через которые общество будет регулировать свои отношения. Надо сейчас расчищать пути этому, приучать людей, чтобы у них вырабатывались навыки таких действий»^[920]. Правда, такие идеи не вызывали энтузиазма у государственников в парт-госаппарате. Но и местных партийных боссов устраивало, когда люди сами брали на себя часть забот по развитию культуры: ««В течение года на сценах отдельных районов театров выступают на 20–30 сельских коллективов. Это положительное явление, оно стимулирует, оно заставляет подумать, какой нужно подобрать на сцене репертуар. Это дело практикуется. Что еще есть? Это, товарищи, самодеятельные народные театры. То театры народного творчества, то самодеятельные народные театры. Конечно, все эти названия не выдумывают отделы пропаганды. Они появились. Кто автор? Автор — люди»^[921], — говорилось на совещании в ЦК руководителей областных и республиканских отделов агитпропа в 1959 г.

После перехода от «оттепели» к «застою» бюрократия охладела к неформальным инициативам, но и не стала напрягаться, чтобы их подавить. Неформалы пошли своим путем. Точнее – путями. Они превратились в субкультуры, объединенные общим делом — социальным творчеством, созданием новых, «неофициальных», непривычных форм жизни, гражданской активностью.

В авторитарной стране поэт – больше чем поэт. Поэт мог назвать вещи своими именами, а власть имела право делать вид, что не поняла намека. Так было в середине XIX в. и во второй половине XX–го.

В 60–е гг. время поэтов приобрело свои особые черты, связанные с новой техникой — магнитофоном и электрическими музыкальными инструментами. Теперь выступления расходились на магнитофонных кассетах. То же самое происходило с едкими выступлениями артистов и писателей–сатириков. Их фразы входили в поговорки: «Тщательнее надо, ребята» (это о качестве советской продукции), «Пусть все будет, но пусть чего–то не хватает» (о психологии хозяйственных руководителей, которым выгоден дефицит — «диффьсит»), «Джинсы от спекуля» (о теневой торговле). Эти выступления обсуждались, заставляли делать далеко идущие выводы. Сатирики и поэты–песенники не критиковали режим, они просто игнорировали его моральные нормы и образ мышления, отстаивая свои. Сильная личность и жажда справедливости героев Высоцкого служили примером для подражания одних людей, интеллигентность и индивидуальность образов Окуджавы — для других. А в результате размывалось монолитное социально–психологическое «мы», от имени которого бюрократическая машина руководила обществом.

Поэт запел, его песни подхватили. И – вот новость – принялись сочинять свои. «Графомания — в самом высоком и самом серьезном смысле этого слова — охватила всех...^[922] – вспоминает о 50–х гг. Ю. Ким. – Считать авторскую песню в массе явлением искусства невозможно — это та почва, на которой искусство произрастает. Поэтому сначала была песенная графомания... Произведениями искусства можно назвать лишь более поздние наши вещи»^[923].

После Всемирного фестиваля молодежи и студентов «оказалось, что свои песни сочиняют во всех московских вузах». В 1959 году прошел первый фестиваль самодеятельной песни, организованный студентами МЭИ, в котором приняли участие барды из пяти вузов (выступило около 30 человек). Фестиваль стал ежегодным, и в конце 1960–х гг. в нем участвовало уже более 20 клубов студенческой песни (около 500 человек исполнителей). По мере того, как исполнители

авторской песни заканчивали вузы, клубы переименовывались из студенческих в клубы самодеятельной песни (КСП).

Уже в середине 60–х гг. власти почувствовали, что самодеятельная песня развивается куда–то не туда. «Литературная газета», призвала «бардов и менестрелей» очистить свои песни от блатного жаргона, объявленного наследием НЭПа^[924]. Наследие НЭПа – далековато что–то для 60–х гг. На самом деле блатная песня пришла к интеллигенции из лагерей – как протестное напоминание о сталинской эпохе.

Иронически брошенное слово «барды» прижилось. А барды тем временем стали создавать организацию. В октябре 1966 г. в результате объединения двух групп (Г. Захаровой и С. Чеснокова) был создан московский городской клуб (МГК) самодеятельной песни. 8 мая 1967 г. он организовал первый московский слет бардов, после которого слеты в Московской области стали проводиться ежегодно весной и осенью (с 1978 г. – снова раз в год). Уже 20–23 мая 1967 г. МГК провел во Владимирской области первую всесоюзную конференцию по проблемам самодеятельного песенного творчества. На этой конференции КСП из разных городов наладили связи между собой.

В марте 1968 года в Новосибирске был проведен уже всесоюзный фестиваль – на базе клуба «Под интегралом» (одного из центров неформального движения в новосибирском Академгородке) и при финансовом участии фирмы «Факел». Это фирма занималась тем, что «...брала подряды на всякие внедренческие работы, и молодые научные сотрудники нанимались этой фирмой на временную работу. А разницу между полученными от заказчика средствами и выплаченной зарплатой, по договоренности с райкомом комсомола, тратили на разные общественные дела. Вот откуда были деньги. Получился некий квартет: «Факел» как заработавший деньги, райком комсомола как могущий эти деньги обналичить, «Интеграл» как организатор и ДК «Академия» как головная организация у клуба, располагающая собственным залом»^[925].

Фестиваль проходил неделю. Сенсацией стало выступление известного литератора А. Галича, который в это время перешел на диссидентские позиции, и стал исполнять под гитару стихи откровенно оппозиционного содержания. На самом фестивале представители комсомола предпочли «не заметить», о чем поет Галич, но вскоре клуб «Под интегралом» был закрыт, а заодно МГК лишился

занимаемого им помещения и вскоре (30 августа 1969 г.) также был ликвидирован. Но слеты КСП продолжались, и с ликвидацией клуба власти и ВЛКСМ почти утратили контроль над движением. На несколько лет КСП превратились в закрытые сообщества, осторожно принимавшие новичков.

29 августа 1967 г. во время туристического похода произошла трагедия. На реке Уде погиб молодой бард В. Грушин из клуба «Поющие бобры». Его памяти решили посвятить всесоюзный слет. 28–29 сентября 1968 г. на Волге под Куйбышевым прошел первый фестиваль имени Грушина. В нем приняло участие около 600 человек. 20–22 июня 1969 г. собралось уже более двух тысяч человек из 10 городов. Отныне Грушинский фестиваль проходил летом и собирал тысячи участников. Он стал своего рода всесоюзным съездом движения.

В 1970 г. собралось около 4 тысяч человек из 12 городов. В 1971 г. – 5 тысяч из 18 городов. В этом году было решено вести борьбу с пьянством на фестивале. В 1978–1979 гг. количество участников выросло с 39 до 100 тысяч человек (даже если это преувеличение организаторов, все равно резкий рост и без того массового движения был очевиден). Люди приезжали из 75–84 населенных пунктов, то есть практически со всего Союза. С 1972 г. организаторы фестиваля стали выпускать самиздатские сборники песен. В 1975 г. в рамках «Груши» провели фестиваль туристической песни, а в 1979 г., когда стали собираться тучи, провели также фестиваль патриотической песни. Но это не спасло фестиваль^[926].

С 1973 г. ВЛКСМ пытается наладить контроль за движением. Осенью 1973 года по рекомендации МГК КПСС представители МГК ВЛКСМ присутствовали на XIV слете московского КСП, попросив на то разрешения у одного из лидеров КСП О. Чумаченко^[927]. В 1974 г. МГК ВЛКСМ обратился к лидерам КСП с предложением о поддержке. Барды получают помещение, выход на прессу, если согласятся на контроль за содержанием исполняемых текстов и отстранение от руководящих мест в клубах людей, так или иначе связанных с диссидентским движением. Лидеры Московского клуба согласились. Но комсомол получил контроль только над верхушкой айсберга.

Уже XV слет КСП проходил в тесном взаимодействии с МГК ВЛКСМ и МГСПС. В нем приняло участие 900 человек,

представляющих 40 клубов и групп. Выход из андеграунда привел к резкому росту численности – ограничения на прием в клубы было снято. В 1975 г. в Московском клубе состояло около 200 групп. Чтобы упорядочить структуры разросшегося сообщества, группы бардов стали объединяться в «кусты» по 20–25 объединений в каждом. Решения стал принимать не совет групп, как раньше, а совет «кустовых».

В 1975 г. статус клуба был закреплён в совместном Постановлении Президиума МГСПС и секретариата МГК ВЛКСМ. С этого времени в отделе пропаганды и агитации МГК ВЛКСМ работа с городским КСП была выделена в отдельное направление^[928].

В 1979 г. О. Чумаченко, один из лидеров московского КСП организовал «Союз КСП», председателем которого он был до 1981 г. Союз взял на себя помощь в организации фестивалей и борьбу с рвачеством некоторых «раскрученных» исполнителей, требовавших повышенные гонорары на частных концертах.

Движение стремительно разрасталось. По данным А. Городницкого председателя жюри фестиваля памяти В. Грушина, всего клубы авторской песни объединяли около 2 миллионов человек^[929].

10–20 человек объединялись в группу. Инициатор создания группы или наиболее авторитетный человек становился командиром, который координировал работу группы — иногда довольно жестко. Несколько групп объединялись в куст, который проводил слеты. Несколько кустов иногда создавали «регион» для проведения межкустовых слетов. Кусты были основной структурой и на городских слетах. Группы со всей страны участвовали во всесоюзных грушинских слетах.

На городские слеты собиралось до 20000 человек. В Москве было около 20 кустов. Московский городской КСП проводил зимние концерты в ДК Горбунова, контактировал с партийными, комсомольскими и государственными органами, прикрывал клубы «сверху», практически не контролируя жизнь групп. Репертуар «согласовывался» только на общегородских мероприятиях. «Председатель московского городского КСП И. Каримов вел какую-то дипломатию между властями и КСП, но до уровня групп это, слава Богу, не доходило, и на закрытых слетах мы могли петь, что хотели. Да и на открытых наша группа не особенно стеснялась. В других кустах

народ был настроен более умеренно и старался в «политику не лезть», — вспоминает участник группы «Реостат» М. Сигачев^[930].

Место закрытого слета держалось в тайне до последнего момента. Иногда приходили «хвосты» — не участвовавшие в группе люди, которые либо приглашались группой (и тогда она за них отвечала), или вычисляли место слета. При разбивке лагеря действовал «зеленый патруль», который следил за тем, чтобы участники не срубали зеленые растения. «Если комсомол организовывал большой слет, то его руководители даже договаривались с лесниками, где надо почистить лес», — вспоминает командир группы «Веники» Ю. Столяров^[931].

Неофициальным лозунгом большинства каэспешников была строка «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Для большинства этого было достаточно. Их привлекала романтика дружбы и любви в стиле Визбора и Митяева, ночные бдения под гитару у костра.

Но романтизм склонял к инакомыслию уже самим контрастом между идеалом и социальной реальностью.

Лидерами оппозиционных бардов стали А. Галич, Б. Окуджава и Ю. Ким. Они перемежали эзопов язык с открытыми угрозами. «Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку», — «предупреждал» А. Галич гонителей Пастернака. А Б. Окуджава посылал «сигнал»: с нами лучше не связываться.

Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары,
И я за жизнь его не дам тогда
И самой ломанной гитары.

Размах движения и его неконтролируемость вызывали опасения, но разбираться с бардами было доверено региональным властям. В 1980 г. их жертвой пал Грушинский фестиваль. Заявив, что организаторы не могут поддерживать порядок, а участники оказывают неблагоприятное влияние на экологию этих мест, куйбышевские власти запретили очередной фестиваль.

Без лишней огласки небольшой фестиваль прошел под Куйбышевым в 1982 г. (тоже, впрочем, собравший две–три тысячи

человек). Но открытый массовый фестиваль возобновился только в 1986 г.

* * *

В 1980 г. советская авторская песня понесла тяжелую утрату. 25 июля умер В. Высоцкий. Он не был участником каких-либо движений, но стал центром целой сети поклонников, тиражировавших магнитофонные записи его песен. Они были «энциклопедией советской жизни», поражали слушателей правдивостью и обостренным чувством справедливости. Высоцкий мог «войти в образ» фронтовика, работяги, «зэка», милиционера, сумасшедшего.

В «инстанциях» В. Высоцкий проходил по разряду актеров, и не получал официального признания как поэт. Тем более, что и содержание у песен – сомнительное. То – блатная лирика, то – социальная критика. Но в конце его жизни ситуация стала меняться – была снята телепередача «Кинопрограмма», где он исполнял свои песни. На похороны Высоцкого пришло более ста тысяч человек. «Их было так много, что охраняло их еще тысяч пять человек в синих рубашках. Хорошо, что они были, охраняющие. И хорошо, что их было так много. Иначе маленькому зданию, где лежал он, пришел бы конец. Его бы, это здание, сами того не желая, сломали, снесли, уничтожили те, которых было много-много тысяч... Из потока образовалась людская река. Она начиналась от Котельнической набережной и медленно текла к Таганке, чтобы протечь через зал, где лежал на сцене он... Когда процессия выехала на Таганскую площадь, чтобы затем направить свой путь по Садовому кольцу, под машину, которая везла его, полетели цветы, и еще несколько сот метров люди бросали и бросали их под колеса автобусов»^[932]. У Ваганьковского кладбища манифестация не обошлась без эксцессов — народ забрался на панно «Наш советский образ жизни», милиция стаскивала оттуда людей. «И тут вся площадь как по команде повернулась к этому панно и сказала «Не смей!». То есть кричали все разное, кто «Опричники!», кто — «Позор!», кто — «Долой!», но получился такой мощный вопль 100-тысячеголового существа, что серые фигуры замерли. Так и

зафиксировалась на несколько секунд немая сцена: мужичок с «Беломором», две фигуры из Салтыкова–Щедрина с протянутыми к нему руками, и под всем этим безобразием надпись: «Наш советский образ жизни»^[933].

Все хотят видеть Высоцкого «своим». «Во второй половине 70–х начинается «наведение мостов» и с бардовской стороны навстречу рокерам... — пишет И. Смирнов, — Высоцкий начал записывать некоторые свои песни в «электрическом» сопровождении советских (ансамбль Гараняна) и французских инструменталистов... В яростном хрипе Высоцкого под «простую» гитару в тысячу раз больше настоящего рока, чем в запроданных филармониям консервированных стенаниях с мощнейшим «запиллом» и соло на синтезаторе»^[934]. Вряд ли Высоцкий знал о своей принадлежности к року. Вероятней другое — советский рок многое взял от Высоцкого и от бардовской традиции. Советский рок — это не только «музыка научно–технической революции», но и бардовский рок.

В некоторых отношениях Высоцкий очень далек от рок–движения и остается классическим бардом, тяготеющим к камерности:

Я не люблю манежи и арены:
На них миллион меняют по рублю,
Пусть впереди большие перемены
Я это никогда не полюблю!

Поэт протестовал против поисков в его песнях политических намеков:

Ответ: во мне Эзоп не воскресал,
В кармане фиги нет — не суетитесь,
А что имел в виду, то написал, —
Вот, вывернул карманы — убедитесь!

Тексты песен Высоцкого не были в большинстве своем оппозиционными. Высоцкий в качестве критерия отношения к жизни

брал не идеологемы (что роднило коммунистов и диссидентов), а совесть, моральные нормы большинства населения.

Я не люблю холодного цинизма,
В восторженность не верю, и еще
Когда чужой мой читает письма,
Заглядывая мне через плечо.

Стиль отношений Высоцкого с властью и обществом — это стиль классического «неформала».

Я скачу, но я скачу иначе...
Я согласен бегать в табуне
Но не под седлом, и без узды!

Он не собирался уходить из «табуна», отрываться от советского общества, но и «скакать как все» он не хотел. Он был вольным человеком. Это было не легко, но уже возможно.

* * *

Исследование, организованное ЦК ВЛКСМ, позволяет оценить масштабы движения КСП в начале 80–х гг.

«В восьми областях: Брянской, Луганской, Черниговской, Тернопольской, Хмельницкой, Кировоградской, Магаданской, Карельской клубы самодеятельной песни не существуют.

В 58 республиках, краях, областях действует 81 клуб...

Большая часть клубов возникла в 1976–1980 гг., причем в 1980 г. почти каждый третий из существующих клубов». Таков был ответ движения на закрытие Грушинского фестиваля.

«Численность КСП значительно колеблется и видимо зависит от подхода к членству в клубе (или в КСП входят только исполнители, или широкий круг поклонников самодеятельной песни). 40% клубов

насчитывает 20–30 членов, 20% клубов – 40–50 членов, 5% клубов – свыше 100 членов, 12% клубов до 20 членов.

Подавляющее большинство КСП работают на базе домов и дворцов культуры (более 70%), только каждый пятый клуб считается одновременно самодеятельным творческим, общественным объединением при горкоме, райкоме ВЛКСМ». При этом сами группы исполнителей могли и не соприкоснуться непосредственно с чиновниками, курирующими клуб.

«Незначительное число КСП действует при областных советах по туризму и экскурсиям, туристических клубах (Иркутск, Уфа, Ростов, Орел, Красноярск), студенческих клубах (Одесса, Ленинград, Ярославль, Пермь), молодежных центрах (Казань, Жуковский)».

Эксперты ВЛКСМ признавали, что «Конкретная связь комсомольских органов с клубами самодеятельной песни прослеживается очень слабо... Очевидно, что комитеты комсомола слабо осуществляют политическое руководство самодеятельным художественным творчеством».

Только в немногих городах (Новосибирск, Свердловск, Рязань, Барнаул, Казань, Кострома) комсомольские работники являлись членами художественных советов, правлений и советов клубов самодеятельной песни. Не говоря уже о том, что уставы и положения КСП не предусматривают никаких консультантов–членов союза композиторов, союза писателей.

Комсомольские структуры надеялись восстановить контроль: «Особого внимания и заботы требует самодеятельная песня. Развившаяся в ряде мест в довольно широкое движение, эта форма самодеятельного творчества, зачастую, выходит из–под контроля органов культуры, творческих союзов, комитетов ВЛКСМ, профсоюзов. Лишь в Москве имеется городской клуб самодеятельной песни, работающий под непосредственным руководством горкома ВЛКСМ и профсоюза.

Анализ положения дел в этой области настоятельно требует решения объединенными усилиями таких вопросов как выделение определенной материальной базы, привлечение к работе с непосредственными авторами членов творческих союзов, мастеров искусств, поиск и внедрение эффективных форм влияния на тематику и качество самодеятельных произведений»^[935]. Иллюзорные надежды.

Контролировать и тем более придавить движение бардов было трудно. Гитара и лес всегда были к их услугам.

В движение приходили новые люди, не связанные психологическими стереотипами «шестидесятничества». Участник группы «Реостат» В. Корсетов вспоминает: «Что характеризовало новых людей? Меньше туризма, меньше воздыханий, больше социальности. Но «шестидесятники» продолжали играть ключевую роль. У них было такое слово «социал». Социальную тематику они считали дурным тоном. Но в начале 80-х гг. философский и юмористический «социал» стал нарастать, особенно в начале 80-х гг. В 1983 г. «Яуза» «выкатила» острый политический памфлет «Мутанты (сны Нестора)». Это были сны интеллигента, которому нечего делать на работе. Он засыпает и видит во сне быка, который кушает газеты и выдает молоко и масло. Такая бюрократическая мечта о продовольственной программе... Многие авторы находились на позициях, оппозиционных режиму. Но в широких кругах песенников отношение к диссидентам было отрицательным. Это была типичная для «шестидесятников» позиция... При этом ни у кого никогда не ценился «грубый социал», то есть лобовая ругань в адрес власти»^[936].

Смена поколений подчас приводила к конфликтам. Авторитет «стариков» не был вечным: «Дети выросли, юношеский максимализм был необорим. Я считал, что дисциплина в группе — это все. Они называли меня диктатором. Мне пришлось уйти. А группа «Веники» превратилась в «Варианты», — с грустью вспоминает Ю. Столяров^[937].

В 1983 г. из московского куста «Лефортово» выделилось несколько групп с острой социальной направленностью («Реостат», «Нестандарт» и др.) во главе с В. Медянцевым, которые образовали куст «Яуза». Здесь социальная тематика проявлялась наиболее откровенно. В то же время в другом крыле движения инакомыслие встречалось в штыки. «Помнится, как впервые я пришел в воронежский клуб самодеятельной песни, слушал, слушал, а потом наивно спросил: «Ребята, а записи Галича у вас есть?» Что тогда обрушилось на мою голову! И что Галич — антисоветчик, и что его мерзкие песни никто и слушать не хочет...»^[938] Характерно, однако, что даже умеренные провинциалы—каэспэшники знали, кто такой

Галич. Информация об инакомыслии здесь расходилась широко — даже среди его противников.

Социальная радикализация была связана с появлением наряду с песнями больших театральными постановок, своеобразных спектаклей в песнях. «Театральное» направление стало развиваться в «регионе», в который входили кусты «Яуза», «Сборная леса», «Рекс», «Калужский», «Разгуляй». В 1983–1984 гг. этот регион собирал до 4000 человек. Одна из наиболее радикальных групп «Реостат», в которую входили «рабочие с высшим образованием», готовила часовые программы. В 1983 г. вышли упоминавшиеся «Мутанты» и «Страна Началия», посвященная бюрократии. В 1984 г. — напоминавшие о кремлевских старцах «Челюсти» и мрачное предсказание социальной катастрофы (или напоминание о происшедших социальных катастрофах) «Лесосплав». Широкую известность приобрела постановка «Голоса» — пародия на пропагандистские штампы «идеологической войны». Группа «Нестандарт» разрабатывала тему коррупции и торговли. Многие группы, не ставившие социальные темы в центр своего репертуара, под влиянием радикалов тоже заметно дополняли романтику сатирой.

«У нас ни к одной строчке нельзя было придрататься, но все было понятно, — вспоминает М. Сигачев. — Угроза со стороны «органов» чувствовалась, тем более, что мы почитывали самиздат. В 1984 году собратья наши по творческому «цеху» начали «давить». На одном из слетов мы сделали «пуппури» из разных программ. А перед этим ходили какие-то деятели из городского клуба и предупреждали: «Ребята, ни полслова против власти...» А мы дали. И потом нам передавали, что нас разыскивало чуть ли не полслета, хотели нам «морду набить», что мы «подставляем». Но никого, кто так действительно думал, кроме этих функционеров, так и не нашлось»^[939].

«В 1984–1985 гг., на мой взгляд, были самые сильные слеты Яузы, — считает В. Корсетов, — когда с восьми вечера до шести утра без остановки шло представление — и люди не отходили от сцены, сидели, как привязанные. Весенние слеты были закрытыми, дабы не возникали проблемы с властями. Присутствовало около 500 человек. А потом наиболее сильные выступления выносились на слеты других

кустов. Как на гастролях. Разносились на магнитофонных пленках»^[940].

Ожидание перемен становилось всеобщим. И поэты не обманулись в своих надеждах. Но перспективы были не ясны. Мрачными предчувствиями была полна композиция группы «Реостат» «Лесосплав» — история леса, уставшего от неподвижности и с надеждою отправившегося вниз по реке.

В затылки лбами упираясь твердо,
Мы рвемся, разорвав речное горло,
Река, кривляясь, изрыгает нас,
И счастлив тот, кто выполз на стремнину
Его не бьют уже баграми в спину,
Он прет на золотую середину.

Итог печален:

Тупые бревна жаждут счастья
Их ожидает лесопилка.
Ну что вы кричите — ведь это не печи,
Для superbревна это может быть ссылка.
Вам только и нужно, что вовремя лечь
И затылки подставить
Грядет лесопилка.

«Мы пели не о прошлых российских катастрофах, а о будущем. И оказались не так уж неправы»^[941], — считает один из авторов «Лесосплава» В. Корсетов. Но, несмотря на мрачные предчувствия, как только КПСС начала свой великий лесосплав, неформалы бросились в бурные воды реки. Но они плавали не по правилам, рискуя, подобно одному из героев «Лесосплава», быть раздавленными. Но только плаванье не по правилам давало шанс на спасение от лесопилки.

Авторская песня развивалась параллельно с рок-движением. Каково их соотношение? Участники рок-движения определяли сущность рока так: ”рок — это музыка научно-технической революции. Рок сам — революция в музыке... Рок — «музыкальная революция, отразившаяся на всех делах современного мира как духовный отзвук на революцию в науке и технике»^[942].

И. Смирнов считает, что «рок — новый самостоятельный жанр искусства, появившийся в середине XX века в результате творческого и научно-технического прогресса (так же как в начале века появилось кино). Для него характерно заимствование выразительных средств традиционных жанров: музыкального, поэтического (текст) и театрального (шоу), которые образуют единое и неделимое на составные элементы целое — РОК-КОМПОЗИЦИЮ. Кроме того, характерно (хотя и не обязательно) «электрическое» звучание, коллективное творчество и особая форма музыкального хэппенинга — концерта с участием зрителей — т.н. «сейшен» (от английского «Session»)»^[943]. Уже в этом определении видны общие черты культуры бардов и рока — сочетание западной и отечественной традиции, участие слушателей в творческом акте. Рок шел по стопам бардов. У двух течений было много общих участников. «Бузы составляли опорные базы и для первых рок-групп, и для «кустов» Клуба самодеятельной песни. Так что поклонники рока вовсе не составляли «темной массы», не доросшей до поэзии Кима и Окуджавы, — пишет И. Смирнов, — Хотя со временем среди них вырос процент экзотических деклассированных личностей, воплотивших в себе интернациональный идеал ХИППИ»^[944].

Но в роке «хэппенинг» в большей степени рассчитан на развлечение, чем на размышление. Были и другие различия. Несколько преувеличивая масштаб расхождения, И. Смирнов пишет: «Расхождение между роковой и бардовской школами, схематично можно изобразить так:

интернациональная	национальная
примат музыки	примат текста (поэзии)
концертная (танцевальная)	магнитофонная

Напомню: слушали дома в основном западный рок, переписывая его с пластинок на пленку. Под свой просто танцевали, чтобы забыть наутро — до следующих танцев. Барды, напротив, с самого начала вошли — со своими песнями — в разряд зафиксированного творчества. Многие ли из тех, кто знает наизусть Высоцкого и Северного, могут похвастаться, что видели их собственными глазами?»^[945] Зато сотни тысяч людей сидели вокруг костров или столов, повторяя под гитару слова стихов, вдумываясь в их содержание.

Технологический рок сначала привлекал формой, а не содержанием. В 60–е гг. это был вызов – западное искушение. В 70–е гг. – увлечение подростков, «западавших» на ритм и звук. Поняв, что форма увлекает молодежь, Система взяла его на вооружение, создав вокально–инструментальные ансамбли (ВИА) с ортодоксальным или деидеологичным репертуаром.

Власти занялись «приручением» подающих надежды рок–групп. В 1979 г. официальный статус был предоставлен группе «Машина времени», разумеется, не бесплатно. «Пройдет совсем немного времени, — писал И. Смирнов, — и от МАШИНЫ потребуют заменить везде слово «Бог» на слово «Судьба» вне зависимости от таких буржуазных предрассудков как рифма и длина строки, а в пошлейшем кинофильме «Душа», якобы о судьбе рок–музыканта на эстраде, роль Макаревича будет исполнять Боярский»^[946]. Зато группу перестало «доставать» ОБХСС^[947].

Впрочем, степень контроля за музыкантами не стоит преувеличивать. Цензура московского городского дома художественной самодеятельности пропускала и «Битлз», и большинство произведений Макаревича. Но на всякий случай песни с подозрительным названием «Марионетки» вычеркивала. Предварительная цензура касалась прежде всего названий. Ну а за содержание приходилось отвечать *post factum*.

Макаревич был ближе к бардовскому течению (внимание к качеству текста, эзопов язык, идейная зависимость от шестидесятников). Этому полу–бардовскому року противостояли официальные по тематике вокально–инструментальные ансамбли (ВИА) с одной стороны, и радикальные по форме панки – с другой.

Самим своим видом панки отрицали набирающую силу культуру потребления. Но вместе с ней и культуру как таковую. Естественно, что любой компромисс с «истеблишментом» воспринимался «радикалами» как предательство: ”Что еще нас всех объединяло, так это устойчивая неприязнь к группе «Машина времени». Спустя несколько лет эта неприязнь сменилась лично у меня крепкой, уже взрослой любовью к этой музыке и к этим людям, но тогда, я думаю, мы воспринимали их только как социальное явление, как людей, пошедших на компромисс с бюрократией и так далее»^[948], – вспоминает А. Рыбин.

Макаревич, прошедший в детстве через молодежную «контркультуру», отвечал:

Ты можешь ходить как распущенный сад,
А можешь все наголо сбрить
И то, и другое я видел не раз,
Кого ты хотел удивить?

... Ты стал бунтарем, и дрогнула тьма,
Весь мир ты хотел изменить
Но всех бунтарей ожидает тюрьма
Кого ты хотел удивить?

Здесь уже угроза. Или предупреждение? Или и то, и другое? «Умеренные» рок–неформалы пугали молодых бунтарей. «Радикалы» не принимали советов, в которых сквозила назидательность.

«В песнях никогда я не поучал», — пел Макаревич в очень назидательной песне о крикунах. Но все же бунтари привлекали главного «машиниста» как некий запретный для него самый плод:

Любой запрет тебя манил,
И ты рубил
И бил, пока хватало сил,
И был собой.
Вот незадача:
Но если все открыть пути

Куда идти, и с кем идти,
И как бы ты тогда нашел последний путь?
И та же тема в другом преломлении:
Один говорил: куда хотим — туда едем,
И можем, если надо, свернуть.
Другой говорил, что поезд проедет
Лишь там, где проложен путь.

Вечная проблема, доставшаяся семидесятникам от предыдущего поколения — свобода опасней несвободы. Рок-поэты начинают размышлять на темы, уже открытые бардами (вспомним колено Высоцкого).

И оба сошли где-то под Таганрогом
Среди бескрайних полей,
И каждый пошел своею дорогой,
А поезд пошел своей.

Так и будет. И не только с рок-движением.

* * *

Неоднородность советской властной элиты превращала политику в отношении общественных движений в тyani-толкай. Когда был запрещен Грушинский фестиваль, а КГБ развернуло наступление на диссидентов, лоббисты рок-движения в журналистике и ВЛКСМ «пробили» Тбилисский фестиваль «Весенние ритмы-80» или «Тбилиси-80». Это было не первое, но крупнейшее мероприятие подобного рода того времени. Часть правящей элиты, «отвечавшей за молодежь» и за «культуру», уже была «распропагандирована» в пользу рока. «Перестройку общественного сознания начал в 1980 году известный московский музыкальный критик Артем Троицкий... — вспоминал А. Рыбин. — До сих пор это была, в основном, музыка

деклассированных для деклассированных (были, правда, и исключения). Артем же повел мощную атаку на «высшие», так сказать, слои советского общества, на интеллигенцию, на пресс-центр ТАСС, на союз журналистов, на радио, телевидение (это в те-то времена!) и тому подобное. Он устраивал маленькие полудомашние концертики разным андерграундным певцам и приводил туда представителей московской элиты, которые могли при желании «нажимать на кнопки» у себя в офисах»^[949]. И кнопки были нажаты.

В Тбилиси четко проявилась реакция публики на степень интегрированности музыкантов в официальную «систему». Триумфаторами фестиваля стала «умеренная», но «осмысленная» «Машина времени». Вокально-инструментальные ансамбли были встречены холодно. А. Макаревич вспоминает о Тбилиси: «Чувствовали мы себя увереннее, чем четыре года назад в Таллине, но на такой успех не рассчитывали. Слишком уж много участвовало групп — хороших и разных. И, кстати, всех принимали блестяще, кроме, пожалуй, «Ариэля» и Стаса Намина. И не потому, что они плохо играли — сыграли они отлично, а потому, что «Ариэль» со своими как бы народными распевами и Стасик с песней Пахмутовой «Богатырская наша сила» совершенно не попали в настрой фестиваля. Это была не «Красная гвоздика» и не «Советская песня-80». Призрак оттепели летал над страной, легкий ветерок свободы гулял в наших головах. В воздухе пахло весной, надвигающейся Олимпиадой и всяческими послаблениями, с ней связанными»^[950].

По мнению А. Троицкого успех «Машины» был связан с ее подыгрыванием «массовой культуре»: ««Машина времени» к восторгу публики исполнила «Новый поворот» — готовый ресторанный стандарт, лишенный (что редко для Макаревича) какого-либо «послания» (я долго смеялся, прочтя в какой-то западной статье — или это была толстая книга? — что «Новый поворот» является одной из наиболее смелых советских рок-песен, призывающих руководство к проведению нового курса...»^[951]. Спору нет, «Новый поворот» грешит примитивизмом (впрочем, как и подавляющая часть репертуара рок-групп), и скорее всего авторы не вкладывали в стихи оппозиционного смысла. Но ведь эта песня и не о ралли. Кто совершает поворот? Не только автор статьи (или книги), над которым смеялся Троицкий и другие представители «богема», но и тысячи (а

потом и миллионы) стали воспринимать исполненную в Тбилиси песню «Машины» как оду переменам, «новому повороту».

«Тогда, в мае 1980 г., сам факт проведения подобного форума воспринимался как знамение великих перемен, — рассказывает И. Смирнов. — Еще бы: МАШИНА ВРЕМЕНИ получила первое место! А АКВАРИУМ... «Вы не слышали, что выделявал на сцене этот АКВАРИУМ?... Гребенщиков рассказывал на сцене тбилисским и прочим, съехавшимся со всех концов страны молодым ребятам, как и чем живут их сверстники в городе Ленинграде. Рассказывал на том же самом языке, на котором он и его слушатели обменивались репликами в перерывах: без высокопарных нравоучений, без малейшей попытки лицемерить и ставить себя НАД^[952]».

И когда стою в «Сайгоне»,
Проходят люди на своих двоих,
Большие люди в больших машинах,
Но я не хотел бы быть одним из них.

А. Троицкий излагает несколько иную версию происшедшей в Тбилиси «культурной революции»: «На фоне относительной респектабельности наших рокеров или по крайней мере стремления к таковой, «Аквариум» выглядел настоящей бандой бунтовщиков. Когда Борис начал играть на гитаре стойкой от микрофона, а затем лег на сцене... жюри в полном составе встало и демонстративно покинуло зал... Такого Грузия еще не видела; половина зала неистово аплодировала, половина — возмущенно свистела»^[953]. Такое откровенное подражание западной эстраде было непривычно.

«Боря хотел вызвать скандал, и ему это удалось. Молодец! — комментировал выступление «Аквариума» А. Макаревич, — А нам никогда не нужна была скандальная слава, я никогда не стремился кого-либо эпатировать». Несмотря на свой успех, А. Макаревич тогда еще комплексовал из-за своих новых отношений с властью: «Ну вот, теперь ты считаешь нас буржуями и продажными элементами», — говорил он Троицкому, — ты думаешь, если нас одобрило жюри и взяла на работу филармония, мы уже не те и не заслуживаем

внимания... Музыканты и рокеры в том числе должны работать профессионально, зарабатывать деньги своей музыкой»^[954].

«Итак, здоровый рок–центризм праздновал триумф. Вчерашний истеблишмент оказался в «динозаврах», и вчерашние «подпольщики» в лидерах,»^[955] — подводит итог А. Троицкий. Радикальное крыло рок–движения триумфа не праздновало — по итогам фестиваля Гребенщикова исключили из ВЛКСМ.

Что же — ему было куда уйти. Он нырнул в свой аквариум. ««Аквариум» всегда представлял себя не рок–группой, а чем–то вроде семьи, общины, живущей в несколько ином, отстраненном мире. Так они трактуют свое название: вы можете их видеть, они — вас, но у них своя, «застекленная» среда... Роль лидера в «Аквариуме» играет Борис (Боб) Гребенщиков — немного загадочный, но вполне милый и миролюбивый поэт–гитарист–певец, проводящий большую часть времени дома за чаем и читающий почти исключительно сказочно–фантастическую литературу (Толкиен и т.п.) и западные музыкальные журналы. Это гуру — в меру самовлюбленный и обладающий хорошим социальным тактом»^[956], — пишет А. Троицкий. Возможно, эта характеристика не совсем точна, но она иллюстрирует возникновение в недрах рок–движения альтернативных обществу социальных структур по форме и взглядам близких «системе» хиппи. Эти общины, живущие своей жизнью, почти совершенно независимой от среды, и в то же время воздействующее на нее. Эта среда отрицала застывшие формы, будь это даже рок–энд–ролл. «Рок–энд–ролл мертв, а я еще нет», — пел Гребенщиков. Он шутил, и шутка эта обернулась пророчеством:

Еще немного, и сбудется мечта,
И наши люди займут места:
Под страхом лишения рук и ног
Мы все будем слушать один только рок...
Он верил, что выдержит испытание победой.
Мы пили эту чистую воду,
И мы — никогда не станем старше!

Выполнить эту клятву не удалось. Когда рок–музыка превратилась из субкультуры и стиля жизни в крупный бизнес, они стали старше, рациональней и скучнее. Интеграция рок–культуры в Систему пройдет еще один круг.

* * *

Несмотря на отдельные «эксцессы», власти были удовлетворены итогами тбилисского эксперимента. Начался санкционированный ренессанс рок–культуры. «Пусть расцветают сто цветов». А. Троицкий вспоминает об этом времени: «В московском Ленкоме и некоторых других театрах с феноменальным успехом шли рок–мюзиклы (самый известный из них — «Юнона и Авось» Алексея Рыбникова). И самое главное — «Машина времени», «Автограф», «Аракс», «Диалог», «Магнетик бэнд» начали триумфальные концерты по дворцам спорта и стадионам больших городов. По улицам были расклеены настоящие афиши, где было крупно написано: «Рок–группа»». Важная черта ренессанса рок–музыки 1980–1983 гг. — производство самодельных магнитофонных альбомов, в которых большое внимание (больше чем раньше) уделялось качеству музыки. Это сначала привело к некоторому ослаблению значения текстов. Но в начале 80–х гг. с бардовским влиянием не так просто было справиться — тексты привлекали слушателей никак не меньше музыки. Господство обесмысленной рок–эстрады еще не пришло. К тому же альбомы покончили с цензурой — теперь только откровенные нападки на власть могли быть опасны для певца. Распространению альбомов доморощенных рок–групп способствовали и лимиты, установленные на дискотеках для западных исполнителей (борьба с западным влиянием не прекращалась). В итоге отечественные рок–группы, куда как более опасные для идеологического здоровья, оказывались спасением для администрации вполне лояльных заведений — ведь ими можно было заполнять отечественную квоту, не распугивая публику. А. Троицкий вспоминал: ”из простого потребителя записей дискотеки превратились в активных заказчиков. Поскольку музыка «Аквариума», «Кино» и «Центра» не очень годилась для танцев, мафия диск–жокеев

нашла более «гибкие» группы для выпуска нужной ей продукции. Возникла настоящая внесударственная индустрия звукозаписи и тиражирования, подчинявшаяся не столько творческим, сколько коммерческим законам»^[957].

Так в брежневские и андроповские времена стала формироваться индустрия шоу–бизнеса, которая впоследствии возьмет под контроль не только рок–движение, но и значительную часть средств массовой информации. С самого начала эта индустрия отличалась жестким монополизмом и тесной связью с теневым капиталом с одной стороны и партийно–хозяйственной администрацией — с другой.

По мнению А. Троицкого: «Мощный прорыв рок–музыки на профессиональную сцену во многом объяснялся коммерческими причинами: ВИА, несмотря на массированную теле–и радиопропаганду, изрядно надоели массовой аудитории и перестали приносить верный доход... Молодая публика ждала рока и готова была его принять: десятилетие упоенного слушания иностранных пластинок и паломничества на «неофициальные» концерты создало все предпосылки... Слушатели ждали мощного звука, ритмического «завода» и нормальных русских слов, не ограничивающихся банальной лирикой. И они это получили.

«Машина времени» была бесспорным «номером один». Их первые гастроли в Ленинграде по накалу ажиотажа вполне можно сравнить с массовым безумием времен «битломании»^[958].

Всплеск интереса к рок–музыке вполне объясним — где власти приоткрывали дверцу новых форм и легального слова «с намеком», там образовывались толпы желающих увидеть и услышать. Дефицит рождал ажиотаж. Интересно другое — почему власти приоткрыли дверцу. Чисто экономическое объяснение А. Троицкого явно неудовлетворительно (как и точка зрения, в соответствии с которой «зажим» рок–музыки объяснялся коммерческими интересами официальных музыкантов и фирмы «Мелодия»). Отечественная бюрократия не раз доказывала, что ставит политику выше экономики.

1980–й год должен был показать, что и в СССР у социализма есть человеческое лицо. Год бойкотируемой Олимпиады обязывал режим демонстрировать цивилизованность во всем, что укладывалось в нормы «социалистической законности». В это же время разворачивалось наступление на диссидентов, которые «не

укладывались». А песни «Машины», напротив, демонстрировали советский культурный плюрализм. К 1980 г. власти уже имели возможность убедиться в том, что рок-музыка как таковая не угрожает режиму и даже помогает руководить молодежью.

Чиновники весьма высокого уровня к этому времени с удовольствием выслушивали шуточки Жванецкого и других сатириков, песни умеренных бардов, рок-музыку. Они были благодушны во всем, что не касалось прямого вызова порядкам. Инициатива охранителей и национал-патриотов прорывалась на страницы газет, но получала отпор от сторонников рок-движения. А. Макаревич вспоминает о своих ощущениях, связанных с направленной против «Машины» статьей «Рагу из синей птицы» в «Комсомольской правде»^[959]: «“Рагу» было уже рассчитано на добивание. И общепатетический тон в традициях Жданова, и подписи маститых деятелей сибирского искусства (половина из них потом оказалась подделкой) — все это шутками уже не пахло. Если бы стены были бы из более жесткого материала, нас бы по ним размазали. Или бы мы пробрили их собой и оказались с той стороны. Но студень амортизировал. И мы остались живы. А может быть, помогла защита наших поклонников. Я видел в редакции мешки писем под общим девизом «Руки прочь от «Машины». Время от времени мешки сжигали, но приходили новые»^[960]. Для самих музыкантов подобные статьи воспринимались в апокалипсических тонах. Но крепнущая субкультура рок-музыки обладала все более высокой мобилизационной способностью. Она уже могла дать отпор противнику. Кто-то писал письма, уже не опасаясь, что по обратному адресу придут «разбираться». Кто-то пробивал стену и оказывался с той стороны, кто-то прислонялся к студню и «амортизировал» вместе с ним.

Под руководством журналиста А. Троицкого стал работать семинар «Искусство и коммунистическое воспитание», официально занимавшийся проведением социологических опросов на дискотеках. В контакте с ним выходил «самиздатовский» журнал «Зеркало» (позднее «Ухо»). Неофициальный самиздат представлял старейший рок-журнал «Рокси» (выходил с 1979 г.).

Рок все шире распространялся и в провинции, хотя здесь «стены» состояли из более жесткого материала, нежели в столицах. Отсюда и закалка. И. Смирнов пишет о «магиканах», пробивавших свой путь на

необъятных просторах страны: ”Молодой учитель рисования из башкирской столицы Уфы Юрий Шевчук представлял собою тот основательный повыбитый российский тип, который некогда покорял Чукотку для царя Алексея и дрался насмерть с царем Петром за вольность. Пропролетарски простой в общении, Юра начитан как мало кто из столичных интеллигентов, так что даже уральский эрудит Илья Кормильцев, автор текстов НАУТИЛУСА, с удивлением признал однажды: «Шевчук знает больше стихов, чем я...» Начинал Юра как бард — с акустической гитарой, потом в одном из ДК познакомился с местной командой...»^[961] В 1981 г. была основана группа с ядовитым названием ДДТ. Первоначально Шевчука не трогали, он даже стал лауреатом всесоюзного конкурса. Отношения с властями заметно ухудшились после того, как Шевчук начал выдавать тексты в стиле «критического реализма» — по принципу «что вижу, о том и пою»:

Навоз целуют сапоги,
Кого-то мочат у реки,
Контора пьяных дембелей,
За ребра лапая девчат,
О службе матерно кричат.

В Архангельске образовалась группа «Облачный край», компенсировавшая недостатки музыкального опыта остротой текстов. Другим открытием провинции стала группа «Наутилус Помпилиус», которая вскоре станет одной из ведущих в стране. «Стратегическое преимущество «рок-периферии» над обеими столицами заключалось не только в «близости к народу» (что тоже немаловажно), но и в том, что периферийные группы отставлены от всякого рода модно-престижных тусовок — за неимением таковых... — считает И. Смирнов, — По свидетельству Владимира Сигачева ДДТ уфимского состава за пять лет дало всего один (!) электрический концерт. Соответственно, согласно закону сохранения энергии, у них оставалось больше времени и сил для прилежной и кропотливой работы в студии — а именно это стало приобретать решающее значение...

К рубежу десятилетий у нас утвердилась каноническая школа со своими общепринятыми критериями качества: как играть, о чем петь, появились мэтры, гордые своим профессионализмом.

И вот — катастрофа. Выясняется, что мальчишки из подвала (добавим — и из провинции — А.Ш.) нередко играют рок лучше, чем его признанные корифеи»^[962].

Неформальная среда была демократична – не авторитет вытекал из статуса, а статус из авторитета.

В период «ренессанса» 1980–1983 гг. рок–движение приобрело черты развитой субкультуры: прочная организация, независимые от внешней среды связи и устойчивые внутренние отношения, собственная этика, система символов и мифов. Представители рок–движения стали ощущать себя чуть ли не единственными носителями культуры как таковой (по крайней мере в молодежной среде). Этот миф оказался устойчивым и пережил десятилетие. Историк и участник рок–движения И. Смирнов пишет: «Культура — не музей. Растущий человек приближается к ней не когда разучивает из–под палки пару стихотворений классиков — но когда хотя бы на миг осознает себя частью живого, развивающегося культурного организма. Нетрудно заметить, что в то время, о котором идет речь, ни литература, ни кинематограф, ни театр не представляли молодежи такой возможности — ни один жанр, кроме рока»^[963]. Это замечание И. Смирнова глубоко автобиографично. И потому несмотря на свой вызывающий рок–гегемонизм, представляет большой психологический интерес. Именно так думали тысячи юных участников субкультуры, которым Бог, родители или учителя не послали хорошей книги или заставили читать ее «из под палки». Этой части молодых людей не хватило сил погрузиться в полную противоречий и открытий среду отечественной культуры (литературы, кинематографа и театра). «Смешнее всего история с кино, — продолжает И. Смирнов, — Да, хорошие фильмы время от времени появлялись в прокате среди «Пиратов XX века» и маразматических индийских мелодрам. Однако все они как на подбор — произведения сложные, требующие известной подготовки. Нашему герою станет скучно и на «Репетиции оркестра», и на «Сталкере», он уйдет пить пиво или просто уснет, и не нужно его в этом винить»^[964]. Эта фраза показывает, насколько далеко ушли рок–пионеры от культурной среды позднего СССР. Но средний представитель молодого

поколения Союза все же «не засыпал» на таких фильмах, как «Свой среди чужих, чужой среди своих» или «Место встречи изменить нельзя», хотя и не понимал до конца их подтекст. Но подтекст всплывает в памяти позднее, когда требуют обстоятельства.

В случае сравнения уровня «культурной продукции» 70–х и 90–х гг. (не говоря о нынешнем десятилетии) выигрыш советских образцов становится все более очевиден. Подросткам 70–х — начала 80–х гг. был предоставлен широкий выбор. Кто-то формировал свое мировоззрение, читая Стругацких. Кто-то — слушая рок. Многие совмещали эти пути приобщения к культуре с другими (включая хождение в кино и пение песен бардов под обычную гитару), что и создавало уникальную палитру культурных вкусов и мировоззрений «восьмидесятников».

Первоначально уровень культуры, поддержание которого обеспечивала значительная часть рок-музыкантов, был весьма низок:

Узнал, что где-то пьют вино,
А где-то музыка слышна.
И ты идешь туда, где пьют,
И ты берешь еще вина.
Просто хочешь ты знать,
Где и что происходит,

— *пел Цой*

Часто рок-музыканты в культурном отношении откровенно «играли на понижение»:

Проснулся я утром, часа в два.
И сразу понял — ты ушла от меня.
Ну и что? Ну и что, что ты ушла?
От меня?
Все равно опять напьюсь.

(«Звуки Му»).

И это – приобщение к культуре?

Такой курс значительной части рок–музыкантов определялся давлением публики. Так, «заумные» тексты группы «Странные игры» были встречены криками «Трубадуrows со сцены»^[965]. Чтобы противостоять толпе в зале, нужно было иметь действительный талант и мужество. Часто не хватало то того, то другого, то обоих сразу.

«Еще должно пройти время, прежде, чем мы поймем, что устами рок–певцов заговорила вся многомиллионная молодежь России», — считает И. Смирнов^[966]. Боюсь, такое «понимание» не придет никогда. Рок представлял мироощущение далеко не всей молодежи страны, хотя и весьма заметной ее части. По аналогии с подобным (хотя и не молодежным) явлением XIX в. их можно назвать «лишними людьми»:

Гуляю я, один гуляю,
Что дальше делать, я не знаю,
Нет дома, никого нет дома,
Я лишний, словно куча лома у–у,

— пел В. Цой. Вечная тема «лишнего человека» в детском исполнении эпохи «реального социализма».

Культура «лишних людей» бродила среди «детей проходных дворов», к которым апеллировал Цой, превращаясь из проблемы поколений в социальное явление. Для них единственным путем к культуре и антикультуре был рок. Так же как для других — телевизор или библиотека. К культуре или антикультуре.

В роке было нечто, что отличало его от сонного царства СССР. Это было действие, в котором мог принять участие каждый. Независимо от уровня его культуры. Для человека, который не научился еще быть активным зрителем — это было ключом к вхождению не просто в культурную среду, а именно в активную культурную среду. Она была не выше средней по стране, но отличалась от нее соучастием в действии. Сюда приходили молодые люди, которые хотели знать «где и что происходит», а не искали путь по карьерной лестнице или возможности социальных преобразований.

Кто в детстве не писал стихов? Некоторые даже читали их в узком кругу знакомых. С возрастом приходило осознание несовершенства форм, появлялся профессионализм в другой области, и

стихотворчество иссякало. Но подрастающее поколение «восьмидесятников» не хотело мириться с одномерностью общества и выплеснуло ему на голову несовершенство своих юношеских виршей:

Мои друзья идут по жизни маршем,
И остановки только у пивных ларьков.
А я смеюсь, хоть мне не всегда смешно,
И очень злюсь, когда мне говорят,
Что жить вот так, как я сейчас, нельзя,
Но почему? Ведь я живу,
На это не ответить никому.

Те, кто захотел быть свободным от общества, оказался в плену замкнутой субкультуры.

Сатирическая зарисовка Гребенщикова:

Гитаристы лелеют свои фотоснимки,
И поэты торчат на чужих номерах.
И сами давно звонят лишь друг другу,
Обсуждая, насколько прекрасен наш круг.

КСП–шников от аналогичного кризиса спасло появление новых людей.

Где та молодая шпана,
Что сотрет нас с лица земли?
Ее нет, нет, нет...

Став после Тбилиси–80 лидером советского песенного радикализма, Гребенщиков взялся выращивать эту «молодую шпану». Помимо музыкальных интересов круг Гребенщикова был увлечен восточной мистикой. Это модное поветрие захватило и Цоя. Но творчество оставалось главной темой общения. «19 летний Виктор Цой, один из двух сооснователей КИНО, учился у Гребенщикова, который даже участвовал в записи первого (интересного по замыслу,

но запоротого технически) альбома «45», — пишет И. Смирнов. — Цой тяготел к неоромантике и одевался куда изысканнее своих коллег. Его компаньон Алексей Рыбин, напротив, сворачивал руль «влево» — в сторону чистого панк-рока. Его песня «Все мы как звери» стала гимном ленинградских агрессивных панков — ПТУшников, именовавших себя «зверями»^[967].

Своеобразие этого направления рока вытекало из синтеза «несоединимого» — традиции хиппи и панка. Панковская община Ленинграда, насчитывавшая 20–30 человек (оптимальный размер будущих неформальных групп), превосходила Гребенщикова по степени эпатажа. Они игнорировали всякие культурные нормы. Один из панков того времени А. Рыбин вспоминал: «тотальная безграмотность сочеталась у рокеров с постоянной агрессивностью — я имею в виду тексты песен, даже самые, на первый взгляд, безобидные»^[968].

Гребенщикова, покровительствовавший панкам, сам, однако, «был абсолютно неагрессивен, он не бился в стену, не ломился в закрытую дверь, ни с кем не воевал, а спокойно отходил в сторонку, открывал другую, не видимую для сторожей дверь и выходил в нее. При этом в его неагрессивности и простоте чувствовалось гораздо больше силы, чем в диких криках и грохоте первобытных рокеров. Они хотели свободы, отчаянно боролись за нее, а Б.Г. был уже свободен, он не воевал, он просто решил и СТАЛ свободным»^[969]. Навсегда ли?

Государство уже потеряло контроль, машина шоу-бизнеса еще не подобрала его. В начале 80-х гг. рок-движение представляло собой образец свободного неформального сообщества, в котором царил дух вольной и подчас грубоватой дискуссии, немыслимой в официальной культуре. «Да, концерт был попросту поганый», — комментировал рок-журнал «Рокси» выступление группы «Кино»^[970]. Музыканты были вольны вынести на суд зрителей свое несовершенное творчество. Зрители имели возможность сказать все, что они думают о графоманах. Наиболее тактичные облекали свою критику в изящные тона. Так, например, А. Гуницкий, говоря о том же «Кино» образца 1984 г., назвал их песни «очаровательным примитивизмом»^[971]. Но «примитивизм» находил поклонников не только в среде подростков, «не доросших» до большой поэзии, но и среди любителей жанра. Для них была важна не столько поэзия, сколько само шоу, само действие.

А. Зандер комментировал: ”КИНО губительно показало, что суть живой рок–музыки — в обмене энергией с сидящими в зале... То, что Цой делал на сцене — было какое–то языческое волхование, рок–колдовство. Многие из его приемов — повторение одной и той же фразы под мерный и достаточно простой ритм, все его распевки — «а–а–а–а», «у–у–у–у» — классическое шаманство»^[972].

Аура рок–шоу компенсировала «очаровательный примитивизм» текстов. Впрочем, как и в 50–60–е гг., сквозь толщу графомании у некоторых авторов пробивались ростки подлинного мастерства. Произвольные сочетания слов случайно обретали смысл, благо толкователи были готовы его искать. Цой объяснял смысл своих стихов: ««Камчатка» и «Алюминиевые огурцы» — это чистая фонетика и, может быть, какие–то моменты, не связанные между собой и имеющие задачу вызвать ассоциативные связи. Можно назвать это второй фантастикой»^[973]. Но только ли фантастика в словах «Я сажаю алюминиевые огурцы на брезентовом поле». Абсурдные ассоциации — лакмусовая бумажка подсознания. В абсурдной цивилизации, где даже овощи пропитаны металлом, эти слова слишком близки к реальности.

Несмотря на «восточные» искания и западные корни рока, он все дальше отходил от зарубежных образцов и встраивался в традицию русской культуры. В начале 80–х гг. в рок–музыке стала доминировать традиция, в которой, говоря словами И. Смирнова, «полностью стерты не только технологические, но и стилистические различия между рокерами и бардами: частушки Шевчука ничем не отличаются от частушек Северного... «Электрический» Розенбаум — бард. Это новый феномен «народной магнитофонной культуры» — гораздо более русский, чем рок 70–х. Процесс «русификации», начатый с гребенщиковского Иванова, получил свое логическое завершение в забойном харде ОБЛАЧНОГО КРАЯ:

Венчает землю русскую
Красой своею славная
Столица златоглавая,
Ой да матушка Москва!

Это не единичные примеры, а повсеместная тенденция, и даже те, кто ориентируются в основном на западные образцы, отдают ей должное: Ленинградская АЛИСА включает в программу 1985 года отрывки из прозы М.А. Булгакова. Рок–музыканты осознают себя наследниками не только интернациональной рок–традиции, но и отечественной культуры, ее создававшегося веками духовного потенциала. «Чтобы писать песни, — говорит Шевчук, — недостаточно смотреть видеомэгнитофон. Нужно читать Ключевского»^[974].

Пожалуй, наиболее емко преемственность русской культуры и отечественного рока выразил А. Башлачев:

Долго шли зноем и морозами,
Все снесли и остались вольными,
Жрали снег с кашею березовой
И росли вровень с колокольнями.

Из этой традиции беспрестанной борьбы дикости и культуры вырастает рок:

Звонари черными мозолями
Рвали нерв медного динамика.
...Но с каждым днем времена меняются.
Купола растеряли золото.
Звонари по миру слоняются.
Колокола сбиты и расколоты.
Что ж теперь?
Ходим в круг да около
На своем поле, как подпольщики.
Эй, братва, чуете печенками
Грозный смех русских колокольчиков?

Колокольчики — предтечи будущих колоколов. Рок как преддверие будущего возрождения — высокая мечта неформальных поэтов.

Завершение эпохи Брежнева не предвещало рок-движению ничего плохого. В 1983 г. прошел запланированный ранее городской рок-фестиваль в Ленинграде.

Но год Андропова ознаменовался усилением гонений на «все, что движется». «В начале 1983 года бюрократия и связанные с нею эстрадно-мафиозные круги объявляют рок-музыке войну на уничтожение, — вспоминает И. Смирнов. — Преступление нашего жанра, как мы увидим далее, заключалось не только в социальности репертуара (что тоже немаловажно), но и прежде всего в стремительно растущей популярности и влиянии на молодежь некой силы, которая принципиально не вписывалась в феодально-бюрократические структуры...»

Предприятиям, учебным заведениям и комсомолу запрещено было устраивать танцевальные вечера без специальной санкции райотдела культуры, а профсоюзным организациям — «самовольно использовать» собственную (!) звукоусилительную аппаратуру и инструменты^[975].

Министерство культуры выпустило постановление, в соответствии с которым в репертуаре любого ансамбля должно быть не менее 80% песен с авторством членов Союза композиторов. В данном случае интересы режима, начавшего опасаться неподконтрольного развития музыки, совпали с монопольно-коммерческими интересами учреждения, которое призвано было контролировать музыкальную жизнь. Группам, которые желали работать легально, пришлось пройти унижительные прослушивания в СК.

Для координации работы ВЛКСМ, горуправления культуры и других ведомств Москвы в борьбе против «несанкционированного» рока было принято постановление «О мерах по упорядочению деятельности самодеятельных эстрадно-музыкальных коллективов г. Москвы», которое учреждало «научно-методические центры», призванные контролировать «молодежное творчество» в этой области. К тем, кто выбивался из под контроля, применялись более суровые

меры. С февраля 1983 г. началось наступление КГБ и ОБХСС против рок-групп. Прерывались выступления, расследовались источники финансирования. Поскольку коммерческая деятельность была практически полностью запрещена, начались аресты. В августе оказались за решеткой А. Романов и А. Арутюнов из группы «Воскресение». Начались допросы всех, кто был связан с этим делом. Арестованные признали, что работали за деньги. Это был криминал.

Первые удары привели к новому расслоению рок-движения. И. Смирнов связывает его с ренегатством так называемых «мажоров»: «“им хочется бедным в Майами или в Париж. А Уфа, Свердловск — разве это престиж?» «Мажоры» — социальный тип, так метко определенный Шевчуком, поначалу поддержал рок-движение 80-х... Однако бардовская струя оставалась ему принципиально чужда, и такие группы как ДДТ или «Облачный край» не вызывали у него своим «народничеством» ничего, кроме раздражения»^[976].

Народники и западники — два стиля в молодежной среде, которые соответствуют и «взрослому» разделению на демократов и либералов-западников. Во время Перестройки они будут выяснять, что важнее — «социальная справедливость» или «общество потребления». Массы пойдут сначала за первыми, потом за обоими, потом за вторыми. В рок-движении размежевание проявилось очевидно в андроповский год: «По мере того, как разворачивались репрессии, становилось ясно, что разногласия наши не только эстетические. В принципе, мальчик-мажор готов был (до определенного предела) отстаивать свои представления о красивой жизни против мажора, находящегося у власти (старого и немодного). И даже идти на определенные жертвы в надежде на то, что настанет и его черед сменить папашу у руля. Но — на очень определенные, так, чтобы они не затрагивали сытого существования в окружении дорогих вещей... Как только Андропов поднял планку риска много выше допустимого для них предела, вашему покорному слуге был предъявлен ультиматум: прекратить подпольную деятельность, которая-де ставит под удар всю советскую рок-музыку, и идти на компромиссы»^[977], — вспоминает И. Смирнов. Аналогичные трения происходили и в КСП, но без влияния «мажорства». Помимо социальных водоразделов — в Советском Союзе весьма размытых — были и психологические. Одни стремились ломать массивную дверь, другие — открыть ее, — подобрав ключи.

«Мажорами» лагерь «соглашателей» не исчерпывался. Они были поддержаны принципиальными противниками «политики». Гвоздем спора была политичность или аполитичность движения. По мнению И. Смирнова, государственная политика в 1983 г. была направлена на «полное уничтожение рок–музыки как жанра»^[978]. Но практические действия властей это не подтверждают.

Рок–музыка полностью в подполье не ушла. Концерты продолжались. В декабре прошло выступление А. Градского в московском ДК им. Русакова (в последний момент «Аквариум» отказался от рискованного выступления)^[979]. В Ленинграде контролируемые властями рок–группы продолжали работать относительно спокойно. Режим волновали не жанровые вопросы, а «идейное содержание» и источники доходов рок–музыкантов. Тем, кто пытался игнорировать правила, навязанные властью, пришлось туго.

«Весной 1984 г. пошла вторая волна атак на рок. Главным объектом ее на этот раз были не деморализованные профессиональные группы, а «самодеятельность». Наконец–то на ребят «из подполья» всерьез обратили внимание! Однако совсем не так, как им хотелось бы. Пока любительские ансамбли существовали на локальном уровне, у них были локальные проблемы. «Пленочный бум» не только прославил их, но и сделал гораздо более уязвимыми»^[980]. В дискотеки ушла команда не пропускать «магиздат». Правда, она далеко не всегда исполнялась — система уже давно не была тоталитарной.

Весной 1984 г. милиция произвела образцово–показательный разгром рок–концерта, в котором участвовала молодая группа «Браво». И. Смирнов вспоминает: «Лелик, сидевший рядом со мной, слушал без особого энтузиазма: «Песенки какие–то детские.» В этот самый момент Иванна (Ж. Агузарова — А.Ш.) запела «Белый день»:

Он пропоет мне новую песню о главном,
Он не пройдет, нет, цветущий, зовущий, славный,
Мой чудный мир!

и при словах «чудный мир» из–за кулис выскочили люди в милицейской форме, и с ними один штатский с рупором: ”Всем оставаться на местах!»... Я подбежал к окну. Вокруг клуба стягивалась милицейская цепь — пригнали милицейский полк. Потрясенный народ с балконов окрестных домов наблюдал происходящее.

К дверям ДК подъезжали автобусы, газики, спецмедслужбы, какие-то запорожцы. В них бравые стражи порядка швыряли всех, кто находился в ДК, без различия пола и возраста. Видимо, ставился целью «полный охват аудитории», как при голосовании за нерушимый блок коммунистов и беспартийных»^[981]. Большинство участников рок-движения было уже достаточно опытно, чтобы допросы закончились безрезультатно. Почти. «Последнее слово все же осталось не за нами. «Что ж, — сказал наш интервьюер, группа «Браво», может, и будет выступать, но без солистки».

А у солистки, надо сказать, был обнаружен чей-то чужой паспорт, в которое она вписала что-то дурацкое — вроде «Иванна Андерс, датско-подданная». Счесть это изделие документом можно было только после основательной порции циклодола. Тем не менее Иванну-Жанну в течении более чем полугода перевозили из одного застенка в другой...»^[982] В конце концов Жанну отправили к родителям в Сибирь, где она, кстати, заняла первое место на конкурсе молодых талантов^[983].

Дело было, конечно, не в том, что псевдопаспорт кто-то принял за документ. Был важен сам факт издевательства над государственной символикой. А это была уже политика. Потому сотрудник КГБ допускал возможность выступления группы «Браво». Рок сам по себе авторитарному режиму не угрожал (а вот тоталитарный режим просто не позволил бы рок-музыкантам и их поклонникам дойти до ДК). Специалистов из КГБ и МВД волновала бесконтрольность, несогласованность программы с «соответствующими» инстанциями. А сами инстанции в таком согласовании были не заинтересованы. По мнению И. Смирнова «Детские песенки» Иванны были опасны не своим содержанием, а тем, что она нагло нарушала феодальную монополию ведомств, ответственных за «песенки», и должна была понести строгое наказание — как негр, зашедший в ресторан для белых, или крестьянин, объявивший себя дворянином. Чтобы другим неповадно было»^[984]. Но к этому времени в стране «развелось» уже довольно много непослушных музыкальных крестьян, и большинство из них за решетку не попадали, хотя тоже нарушали монополию официальной песенной машины. Карательные органы имели слишком высокий статус, чтобы пещься об интересах фирмы «Мелодия». Но в 1983–1984 гг. «органами» была получена команда несколько сократить

сферу действия неподконтрольных движений, которые, к тому же, все откровеннее политизировались. Для этого нужен был именно образцово–показательный разгон. Конкретное содержание песен в этот момент было не важно. Группе «Браво» просто не повезло — она попала под руку, чтобы ответить за все крамольное содержание песен, возникающих в этой субкультуре.

Удары по року носили все же избирательный характер. В том же 1984 г. официально санкционированный фестиваль открывался песней В. Цоя:

Я объявляю свой дом безъядерной зоной,
Я объявляю свой двор безъядерной зоной,
Я объявляю свой город безъядерной зоной...

Какой–то юнец объявляет свой город безъядерной зоной, берет пример с западных пацифистов, разлагающих обороноспособность своего военного блока. Крамола? Ничего, в рамках официального фестиваля дозволили. А вот несанкционированный фестиваль на Николиной горе летом 1984 г. оттеснили на дачный участок одного из участников^[985].

Наступление на неподконтрольные рок–группы велось и в провинции. «Очень тяжкая ситуация сложилась в Уфе вокруг группы ДДТ. Из любимого певца–лауреата Шевчук после альбома «Периферия» превратился в «клеветника на башкирскую деревню» и «агента Ватикана». Именно такой вывод сделала местная газета «Ленинец», изучив текст песни «Напомним небо добротой», в которой упоминалось все то же крамольное имя Христа... Шевчука выгнали с работы и потребовали подписи под «отказом от сочинения и исполнения песен». По–видимому, он ответил на эту юридическую новацию слишком резко, поскольку вскоре вечером на дороге на него напали абсолютно трезвые, с виду приличные... ну, хулиганы, что ли»^[986]. Осенью был арестован свердловский рок–певец А. Новиков. За изготовление и продажу музыкальной электроники он был приговорен к 10 годам заключения.

Тем не менее, по мнению И. Смирнова «война с рок–музыкой имела результаты, сокрушительные для тех, кто ее планировал... В

результате репрессий нормальные электрические концерты до конца 1985 года практически прекратились. От этого прежде всего пострадали те группы, которые занимались собственно МУЗЫКОЙ и делали ставку на профессионализм, хорошую музыку, красочное шоу. Аполитичная традиция 70-х была, таким образом добита (или перешла под контроль властей — А.Ш.) — а бардовская, напротив, усилилась... Жестокость властей привела к радикализации и консолидации рок-движения и создала авторитет как раз тем, кто был для официальных властей максимально неприемлем. Возникла героическая легенда. И даже презренные ВИА-шники... которым приходилось всячески хитрить и сопротивляться грабежу, стали чувствовать себя диссидентами»^[987]. Движение расширилось. На арену шли К. Кинчев, П. Мамонов, Г. Сукачев, А. Башлачев. По мнению последнего удары по рок-движению только укрепляли его:

А наши беды вам не снились,
Наши думы вам не икнулись,
Вы б наверняка подавились,
А мы ничего, облизнулись.

«Так еще никто не говорил от нашего имени с недостижимыми заокеанскими учителями»^[988], — комментирует И. Смирнов.

Более того, под ударами властей неформальное рок-движение концентрировалось в той самой социальной нише, в которой ранее находилось «добываемое» ныне диссидентское движение. «Подняв планку», Андропов сокрушил диссидентов, но превратил в диссидентов значительную часть неформальных музыкантов. «Мы были полностью замкнуты в своем кругу, и никто нам не был нужен, мы не видели никого, кто мог бы стать нам близким по-настоящему — по одну сторону были милицейские фуражки, по другую — так называемые шестидесятники — либералы до определенного предела»^[989], — вспоминал А. Рыбин. Даже структурно рок-культура шла по пути диссидентов: «Квартирники» в это время становятся похожи на регулярные конспиративные собрания ранних христиан: кроме обязательной музыкальной части, там обсуждаются проблемы

движения, принимаются общие решения, происходит раздача записей и самиздатовской литературы»^[990], — вспоминает И. Смирнов.

* * *

После прихода к власти Горбачева началась осторожная легализация рок-культуры^[991].

Underground готовился явить себя обществу и, заранее комплексуя, представлял себя гадким утенком.

Я самый ненужный, я гадость, я дрянь

Зато я умею летать, — пел П. Мамонов.

Эти дерзкие слова контрастировали с философско-меланхолическим настроением умеренных бардов:

Я до сих пор не летаю,

Видишь, стою на коленях... (Ю. Кукин).

Рок-движение было готово приобщать к «искусству полетов» и других. К. Кинчев обещает идущим за ним: «Я подниму тебя вверх — я умею летать», и командует сержантским криком: «Ко мне!!!».

Рок-музыканты сделали свой прыжок в неизвестность. Им казалось, что они уже умеют летать. Но никто еще не ведал, где закончится этот полет — на горных вершинах, в уютном гнездышке или в кровавой луже на камнях.

«Я ушел от начала, но не вижу конца», — пел К. Кинчев. Движение «ушло от начала», но не могло (да и не хотело) знать, чем все это кончится. Как и кремлевские реформаторы, рок-поэты лучше знали, от чего желают уйти, чем то, к чему стремятся. Из альтернативной песенной культуры, как и из всего общественного движения первой половины 80-х гг. могло получиться высокое искусство и разложение культуры, возрождение духа и бескультурие, настоящая поэзия и грязный бизнес, восхождение и разрушение. Могло получиться и получилось.

Зеленые

Зрелое индустриальное общество, в котором население начинает думать о качестве жизни, а противоречие между экономикой и природной средой вполне проявило себя – рождается движение Зеленых. Советский Союз не был исключением. По мнению С. Забелина «Движение Дружин по охране природы почти двадцать лет было единственным реальным неформальным общественным движением. Возникнув из гениального эмбриона времен первой оттепели, оно развернулось в унисон студенческим волнениям, охватившим в 1968 году почти весь мир. И с тех пор — несмотря на кризисы — пережило «застой», «ускорение» и многие другие социальные катаклизмы, никем и никогда не зарегистрированное, официально непризнанное и тем не менее — живое, активное»^[992]. Несмотря на то, что движение дружин все же было далеко не единственным неформальным потоком «застойного» СССР, оно действительно показало большую эффективность и мобилизационную способность.

В 1958–1960 гг., сначала в Тарту, потом в Москве, возникли первые дружины охраны природы (ДОП) — студенческие группы, на общественных началах занимавшиеся природоохранной работой.

Дружинники относили к причинам возникновения своего движения «информационный, пропагандистский взрыв в области природоохранной тематики..., противоречие между растущей общественной активностью студенчества и возможностями самовыражения, самоутверждения, имеющимися в вузе»^[993]. Впрочем, авторы упоминают и другие формы самовыражения — научную работу, стройотряды реставраторов, работу в детдомах. Дружины отличались от других формирований своей боевитостью, духом настоящего приключения. В 70-е гг. такая возможность «дорогого стоила». Романтика ДОПовской работы позволяла молодым биологам хотя бы на время «спрятаться» от упорядоченности «застоя» и при этом принести пользу обществу и природе.

Внимание общества к охране природы было привлечено кампанией статусной интеллигенции в защиту Байкала в 1966 г.

В 1968–1969 гг. дружины возникли в Ленинграде, Ереване, Томске, Харькове, Брянске. По мнению социолога О.Н. Яницкого расширение дружинного движения было результатом «распространения опыта» сверху^[994]. Однако не ясно, почему эта

«мультипликация» пришлась на 1968 г., когда власти осторожно относились к подобным инициативам. Более убедительной представляется версия самих дружинников, считающих, что распространение дружинного опыта шло «по горизонтали», в результате установления контактов между биологами в разных городах^[995]. В 70-е гг. движение росло вширь и начало координировать свою работу на различных неформальных встречах и официально санкционированных семинарах^[996]. В середине 70-х гг. в 39 дружинах работало около 2,5 тысяч человек (всего дружин было более 40). Дружинники задерживали нарушителей природоохранного законодательства, публиковали статьи в прессе, вели исследовательскую работу^[997].

О.Н. Яницкий относит к обстоятельствам, обусловившим подъем экологического движения 60-х гг. также «создание «большой химии», строительство атомных и гидроэлектростанций, освоение целинных земель Сибири»^[998]. Однако эта точка зрения переносит на 60-е гг. стереотипы экологического движения более позднего периода. Промышленные предприятия практически не были объектом кампаний природоохранного движения вплоть до конца 70-х гг. Наиболее крупный объект, против которого общественность выступала в те годы, — Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат. Но это движение, где ДОПы не играли самостоятельной роли, потерпело фактическое поражение — предотвратить строительство не удалось.

Главным противником экологистов вплоть до конца 70-х гг. были браконьеры (особо опасные — охотники, и более массовые нарушители — порубщики елок). Столкновения с браконьерами могли привести к гибели дружинника. Нередки были и драки с порубщиками елок и другими противниками^[999]. «Это был не кружок, не клуб, а именно дружина, сплоченная, боевая организация, участие в которой требовало личного мужества. Браконьер был всегда вооружен и со своей добычей не собирался добровольно расставаться»^[1000], — справедливо отмечает О.Н. Яницкий. Участники движения вспоминают: «Нередки были случаи сопротивления инспекторам и даже угрозы оружием... А инспекторов не хватало. Так, на выезде в румянцевское охотничье хозяйство на Тросненское озеро Д. Кавтарадзе был вынужден послать на задержание нарушителя двух первокурсников. Нарушитель, почувствовав недоброе, взвел курки

своей двустволки и «посоветовал» уйти. И они ушли, так как для А. Кубанина и С. Забелина это была их первая встреча с нарушителем. Потом им не раз и не два приходилось задерживать нарушителей всех сортов, но этот так и остался неоплаченным долгом»^[1001].

По мнению куратора дружины МГУ В. Тихомирова, значительная часть руководителей дела охраны природы и видных ученых биологов прошла через дружинное движение^[1002]. В дружину шли самые разные люди — действительно озабоченные делом охраны природы, те, кто желал почувствовать власть, любители хорошего времяпрепровождения^[1003]. Иногда и сами дружинники уличались своими товарищами в браконьерстве^[1004].

Состав дружин был текучим, что неизбежно при студенческой жизни. О.Н. Яницкий, проанализировав свои беседы с участниками движения, пишет: «периодически возникали трения между «новыми лидерами», стремившимися все делать по-своему, и корпусом «стариков», бывших носителями дружинных традиций. Однако и эта напряженность, и даже конфликты имели в конечном итоге стимулирующий для этой организации характер. Вообще ожесточенные, до хрипоты споры, «бросание портфеля», демонстративные «уходы» были нормой жизни ДОП и чрезвычайно редко приводили к деструкции организации как таковой»^[1005].

Опыт этих конфликтов был учтен в принятом на одном из дружинных семинаров «Кодексе чести» лидера ДОП. Ему рекомендовалось «изучать опыт «стариков», не отбрасывая его, но и не бояться спорить с ним»^[1006]. В условиях текучести кадров лидер ДОП (а точнее – лидеры, так как командир, как правило опирался на группу наиболее авторитетных участников) должен был готовить себе преемника. Если во время операции «на выезде» командир имел полномочия военного начальника, то при ее планировании поощрялась коллегиальность. «Штаб ДОП – это совет, где она воспитывается. Пусть учатся принимать решения сами»^[1007].

О. Н. Яницкий считает, что «создание ДОП было одной из форм «политики очень малых дел», при помощи которой Система пыталась в очередной раз мобилизовать вновь создаваемые кадры молодой советской интеллигенции в своих интересах... ДОП была не только, и даже не столько «орудием борьбы» в защиту природы, сколько очень

важным средством социализации, содержащим элементы игры в процессах профессионального обучения студентов и привития им определенных бойцовских качеств, абсолютно необходимых для участия в природоохранной деятельности... И сама организация, и ее активность начинались с борьбы с браконьерством и пропаганды (лекций). В сущности, это была вполне советская интерпретация охраны природы как «борьбы с нарушителями и идеологической обработки населения...» Поэтому по большому счету, Движение ДОП не играло серьезной роли в охране природы (критерии «серьезности роли» не ясны — А.Ш.), оно было механизмом обучения, школой подготовки будущих экоактивистов»^[1008]. Но и это немало для 60–х — 70–х гг., особенно если учесть агитационный эффект самого существования дружин.

Дружинники вспоминают: «открытые собрания в нашем маленьком штабе носили весьма своеобразный характер: спорили всегда и по каждому вопросу, часто говорили все сразу, горячо, увлеченно; и попутно у каждого входящего выясняли, где он был, из каких странствий возвратился, что видел, а потом снова возвращались к обсуждению всяких спорных, несомненно важных для каждого вопросов»^[1009]. «Дружина была той единственной ячейкой, где можно было свободно, без напряжения общаться на любую тему...»^[1010], — вспоминает один из участников движения. Этот стиль близок «московским кухням», породившим диссидентское движение. Но в отличие от интеллигентской фронды, у неформалов было практическое дело, которому были посвящены собрания. Экологи были не просто самостоятельны, они были самодетельны. Поэтому здесь энергия пока находила применение и не требовала радикализации сознания и действия, которые привели многих спорщиков «кухонь» в ряды диссидентов.

Отношения дружин и официальных структур были непростыми. В доперестроечный период неформальные группы действовали «в рамках» официальных структур, то есть формально отчитывались перед ними и позволяли включать свои успехи в «отчеты о проделанной работе» этих организаций. Этот «симбиоз» не предполагал, однако, существенного контроля со стороны «вышестоящих» структур за деятельностью дружин. Разумеется, при условии их работы в рамках легальности. Материальная поддержка

дружинам оказывалась как «курирующими организациями» (точнее — симпатизирующими движению руководителями), так и профсоюзными организациями. Дружинники часто ездили на свои слеты на выписанную для этого профкомом матпомощь^[1011]. ДОПы действовали под прикрытием официальных организаций — инспекций охраны природы, ВООП и др. Дружинник мог задержать браконьера, только если имел удостоверение инспекции. Но в «курирующих» учреждениях отношение к дружинной самодеятельности было различным, иногда — враждебным (особенно опасались конкурентов организации ВООП, в которых, однако, у ДОПов были свои «агенты»^[1012]). Недоверие к ДОПам было вызвано и тем, что дружинники подчинялись по службе вузовскому руководству, а не природоохранному. На месте своих «выездов» ДОПы были независимы. Но именно поэтому они не управлялись и вузовским начальством, которое было далеко от «театра военных действий». Как колобок из русской сказки: «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел». «Поначалу дружины контролировались факультетскими комсомольскими организациями. Однако чем более профессиональные задачи ставили эти дружины..., тем более этот политический контроль «сверху» становился трудноосуществимым, а потому — формальным. С другой стороны, окрепнув и наладив между собой связи, дружины начали упорную борьбу за свою автономию — организационную и идеологическую»^[1013], — считает О.Н. Яницкий. Впрочем, по мнению дружинников все происходило как раз наоборот — московская дружина пыталась наладить контакт с Бюро ВЛКСМ МГУ и даже отчитаться перед ним о своей работе, но комсомольский орган не захотел общаться с неформальной структурой. Поддержку гражданской инициативе оказала парторганизация, после чего комсомолу волей-неволей пришлось признать дружину^[1014].

О.Н. Яницкий даже считает, что по мере роста движение становилось более формальным, «погружалось» в социальные институты «Системы»^[1015]. С тезисом о формализации движения по мере расширения трудно согласиться. Во-первых, оно всегда было «погружено в институты», и приводимые О.Н. Яницким факты не свидетельствуют о чем-то новом в развитии ДОПов. Неформалы тем и отличаются от диссидентов, что действуют без оглядки на формальные грани режима и отчасти сотрудничают с ним при решении задач,

представляющих «взаимный интерес». Во-вторых, впечатление о «формализации» может возникнуть при абстрактно-социологическом подходе, когда на первый план выходят формально очерченные организации, институты. Но в реальности действуют живые люди, руководствующиеся разной логикой (неформальной, официальной, смешанной в разных пропорциях), и даже при глубоком «погружении» в «институты Системы» не было ясно, кто кого контролирует, так как дружинники как правило были активнее других членов бюро ВЛКСМ и иных официальных структур. Их представители входили в комсомольские органы^[1016], что позволяло ДОПам проводить свою линию в ВЛКСМ. Даже в «худшие времена» неформалы не вполне управляемы — в этом их качественная характеристика. Устойчивая формализация движения заметна лишь на грани 70-х и 80-х гг., но связана не с расширением и «погружением», а с давлением властей, почувствовавших неподконтрольность «зеленых».

В то же время по мнению О.Н. Яницкого «дружинное движение не носило протестного характера. Оно действовало в русле государственной политики, помогая государственным органам и официальным общественным организациям в деле охраны природы»^[1017]. Это утверждение не совсем точно. Кампаний протеста дружины не проводили, но и в русло государственной политики не вписывались (не случайно они так и не были полностью формализованы). С. Забелин вспоминает, что «некоторые дружинники говорили в частных разговорах, что «дружина — это легальный способ критиковать советскую власть». Нередко власть оказывалась для нас не союзником, а противником»^[1018].

Начиная с 1966 г. дружины выступали с инициативами, направленными на расширение природоохранных разделов партийных документов, выступали против применения опасных технологий, на которые сделали ставку ведомства^[1019]. Эти выступления предвосхищали будущие массовые экологические кампании 1981–1990 гг., направленные на изменение позиции государственных органов. Важнейшим средством работы становилось лоббирование интересов охраны природы через потоки писем и организацию статей в газетах, подготовка рекомендаций для органов власти.

Взаимоотношения с официальными структурами формировали неповторимые черты отечественных «зеленых», отличавшие их от

коллег в Западных странах. «Фактически Движение Дружин продолжило и развило традиции республиканских Обществ Охраны Природы 30–40–х годов. С одной стороны, студенческие Дружины, как и другие общественные организации того времени в России, Европе и Америке, вели пропагандистскую работу, собирали конференции для обсуждения острых проблем... – рассказывает С. Забелин, — С другой, занимались непосредственной борьбой с нарушениями законодательства об охране природы, борьбой с браконьерством, выполняя функции государственных органов — и в этом аналогов им в западном мире найти невозможно.

Была и политическая «составляющая», политическая «грань» этого движения. Это была реальная всесоюзная самоуправляемая организация, независимая от КПСС и ВЛКСМ, значительная часть активности которой была связана с критикой деятельности государственных органов, школа или «остров» вольнодумства, легально существовавший в период «застоя»^[1020]. Но в целом дружинники старались удерживаться в рамках биологической тематики. Этот био–экологизм, сформировавшийся в условиях авторитарного режима, будет характерен для большинства лидеров, прошедших школу ДОПов, и позднее.

Однако попытки работы по чисто биологическим проблемам всесоюзного масштаба неминуемо вели к постановке социальных вопросов, что было опасно. Поэтому, выступая за преодоление «узких рамок» движения, авторы заключительного документа дружинного семинара 1976 г. «Современный этап студенческого движения за охрану природы. Характер. проблемы. Задачи» (его проект составил С. Забелин) ссылались на «молодых ребят, юношеский максимализм которых не согласен на дела масштаба меньше всесоюзного»^[1021]. Напомнив властям о своей молодости, участники семинара заявили: «Пора каждой дружине сообразить, что она — часть движения студентов за охрану природы, осмыслить свою работу как часть работы коллектива в несколько тысяч студентов»^[1022]. А осмыслив, бороться не только с отдельными фактами, но и с социальными явлениями: «например, борьба с браконьерством при таком рассмотрении имеет целью не столько задержание нескольких нарушителей, пусть даже злостных, сколько влияние на браконьерство как явление»^[1023].

Еще в 1974 г. дружинники стали разрабатывать социальные темы (в частности, анализировать браконьерство как социальное явление) [1024]. Переход дружин к анализу социальных предпосылок экологических проблем в СССР уже приносил в движение элемент оппозиционности — значит, социальные отношения «реального социализма» способны породить такое «негативное явление», как браконьерство. Во второй половине 70–х гг. дружины считали своей задачей «гармонизацию отношений между природой и обществом» [1025] (значит, «реальный социализм» не привел к такой гармонизации). Считалось, что «борьба с браконьерством способствует формированию морально–этической базы нового мировоззрения у самих дружинников» [1026]. «Новое мировоззрение» могло означать что угодно, но это было нечто отличное от «старого» мировоззрения, диктуемого КПСС.

Движение, почувствовав свою силу, постепенно начинало осознавать свою оппозиционность, выражаемую пока в терминах смены поколений: «Другая важная проблема, стоящая перед нашим движением — создание собственного представления об охране природы в нашей стране... А не обосновав его, мы не можем сформулировать в доступной и конкретной форме ответа на вопрос: «Зачем мы сохраняем природу? От кого? Для кого и для чего?» Нет собственной, отличной от официальной концепции охраны природы, а официальная — не устраивает, так как создана другим поколением, с других позиций» [1027]. Казалось, такое заявление должно было вывести движение на задачу создания собственной социальной программы. Но этого не произошло, возможно из опасений реакции со стороны властей, возможно — из-за специфики образования большинства дружинников. Для того, чтобы создать свою концепцию охраны природы, было признано целесообразным продолжить накопление фактического материала, прежде всего — биологического.

Несмотря на то, что большая часть дружинных программ так или иначе была связана с социальными проблемами, в 70–х – первой половине 80–х гг. в движении не возникло более или менее комплексной социальной позиции или идеологии. Вероятно, до начала Перестройки это было и невозможно. Постепенно выделяясь из среды «советского общества», дружинники пока не ставили задачи его преобразования. Они рассчитывали на то, что «в конце концов

руководство жизнью страны перейдет к специалистам нашего поколения»^[1028]) и не учитывали, что система допускает к рычагам управления людей, адаптированных к ценностям правящего слоя (о существовании которого дружинники открыто не говорили). Смена поколений руководителей играет роль в изменении политического курса, но не настолько, чтобы изменить принципы функционирования индустриальной системы. Однако в 70–е гг. дружинники еще просто не могли прийти к такому выводу и надеялись на то, что им удастся рано или поздно оказаться у власти и изменить порочную ситуацию. Именно тогда С. Мухачев выдвинул лозунг «У природы везде должны быть свои люди»^[1029]. Надежды на подобную «инфильтрацию» сохранились у ветеранов «дружинного поколения» и много позднее.

Стратегические задачи дружинников были тесно связаны с педагогической работой: «ни в отечественной, ни тем более в мировой науке нет конструктивного представления о том, каким должен быть человек, чтобы желание сохранить природу в равновесии с обществом руководило его поведением в самом широком смысле этого слова... Создание же представления о человеке будущего — исключительно наша задача. Наша — потому что мы биологи и наиболее ясно представляем как потребности человека, так и нужды природы. Наша — потому что старое поколение, воспитанное в крайне неблагоприятных психологических условиях, тоже нам не поможет. Наконец, нам нельзя надеяться на конструктивную помощь из-за рубежа, так как очевидно, что необходимая модель — модель человека коммунистического общества и никакого другого»^[1030]. Последнее высказывание может показаться или формой камуфляжа, или проявлением того самого «юношеского максимализма», о котором дружинники говорили выше. Однако последующие события показали, что вожди дружинного движения в значительной степени сохранили приверженность социалистическому мировоззрению, так как капиталистическая система продемонстрировала недостаточную эффективность в решении экологических проблем. «Максимализм» проявляется здесь в другом — в пренебрежении идеями, возникшими в других странах (пока еще прежде всего по незнанию), в уверенности, что именно биологи (без привлечения специалистов–гуманитариев) могут создать модель «идеального человека». Забывая о том, что человек — это не только животное, юные биологи готовились к

собственной педагогической работе, к «созданию человека будущего, которого мы должны воспитать из современных детей»^[1031]. Впрочем, больших успехов на этой ниве достичь не удалось, пересечение дружинного и педагогического движения было незначительно. Впоследствии биологический гегемонизм в экологическом движении ослаб, но полностью не исчез и поныне.

Дружины испытывали естественное стремление к объединению во всесоюзную организацию. В 1977–1979 гг. существовал координационный совет ДОП во главе с С. Забелиным. Но «курирующие» органы и даже КГБ следили за тем, чтобы в стране не возникло независимой от КПСС и ВЛКСМ всесоюзной общественной структуры. «Идея создания Союза витала в воздухе давно, выпускники студенческих Дружин по охране природы еще в 1979 году попытались как-то объединиться вне стен *alma mater*, но не получилось»^[1032], — вспоминает С. Забелин. После этой попытки с организаторами ДОПовских конференций «органами» были проведены угрожающие беседы. Забелин предпочел после этого принять предложение уехать на работу в Туркмению, где и находился до 1986 г.

Давление «органов» привело к тому, что в конце 70–х гг. социальные мотивы в документах ДОП постепенно сводятся к минимуму, зато громче звучит апелляция к органам ВООП и ВЛКСМ^[1033]. В центре внимания дружинников оказывается контроль за выполнением природоохранного законодательства^[1034].

Принятое 29 сентября 1982 г. на семинаре дружин примерное положение о студенческой дружине по охране природы предполагало, что дружина «организационно оформляется на базе существующих в вузе (на факультете) структур» и в своей деятельности отчитывается перед комитетом ВЛКСМ. Подтверждались централизованные, военизированные начала работы дружин: «Работа в дружине строится на началах строгой дисциплины: добровольно вступив в ее ряды, дружинник обязан беспрекословно подчиняться решениям Штаба и Командира и ответственно относиться к возложенным на него обязанностям»^[1035]. Это «диктаторство», по словам С. Забелина, было обусловлено «огромной ролью опасной оперативной работы в жизни Дружин — под дулом не дискутируют, а слушают старшего выезда или группы»^[1036]. В 70–е гг. несколько дружинников погибло в столкновениях с браконьерами. В то же время примерное положение

определяло, что дружинная работа является «видом неформального образования в области охраны природы»^[1037]. Слово «неформальный» еще не имело того значения, которое оно получит во второй половине 80–х гг., но уже означало нечто неофициозное, самостоятельное.

В 1982 г. наметились признаки нового подъема ДОПов. Семинары стали брать на себя задачи органов единого движения (своего рода конференций). Казанский семинар 1982 г. принял решение о том, что именно этот орган или конференция могут принимать или вносить поправки в примерное положение (фактически — устав) о дружине^[1038]. Дружинники обратили свой взор от браконьеров на загрязнение окружающей среды^[1039], что означало выход на проблему, гораздо теснее связанную с глубинными пороками социально-экономической системы. В феврале 1984 г. на семинаре в Свердловске эта проблема была признана приоритетной, обогнав браконьерство^[1040]. А ведь загрязнения были преступлением не рядовых граждан, а администрации. Социальные мотивы снова стали звучать в заключительных документах дружинных семинаров, посвященных и более скромным проблемам, например — сохранению птиц: «Ведение оперативной работы на рынках осложняется тем, что существующий спрос любителей в настоящее время не удовлетворяется (частично или полностью) законным путем»^[1041]. Дружинам удавалось добиваться введения экологических рубрик в периодических изданиях, началось создание междружинной библиотеки, которая обеспечивала циркуляцию информации, не всегда выгодной властям. К 1983 г. количество дружин перевалило за 60^[1042].

В августе 1985 г. была создана Группа связи выпускников, которая стала готовить создание общественной организации бывших и нынешних участников ДОП, а также всех людей, озабоченных экологической проблематикой. Из этой работы в 1987–1988 гг. вырос Социально-экологический союз^[1043].

* * *

В это же время новые функции стала брать на себя и официальная экологическая общественность, причем практические результаты ее деятельности не уступали «неформальным». Заместитель председателя Всероссийского общества охраны природы А. Ган рассказывал: «В середине 80–х гг., в пору ошутимого обострения экологического кризиса в нашей стране, у общества появились новые задачи, связанные с экспертизой конкретных объектов. Мы усиливали природоохранную пропаганду среди населения. Более массовыми и систематическим становятся рейды проверки природных ресурсов. ВООП мобилизовывала общественность на такие практические дела, как расчистка рек, родников и так далее. Это, кстати, продолжается до сей поры каждый год.

Калининская АЭС имеет только общественную экспертизу ВООП, государственная по ней вообще не проводилась. Благодаря общественной экспертизе, начатой в начале 80–х гг., удалось впоследствии на какое-то время законсервировать строительство одного из блоков. Мы участвовали с рядом государственных организаций в экспертизе Кавказской перевальной железной дороги, которая должна была пройти через районы Кабардино–Балкарии и Ингушетии, представляющие большую экологическую ценность. Я участвовал в совещании у зампреда совмина, выступая против этого. В 1985 г. строительство было законсервировано»^[1044].

В экологическом и культурозащитном движении участвовали писатели–«деревенщики», которые привлекали к проблеме разрушения природных и культурных объектов значительное общественное внимание. Экологические последствия прогресса были наиболее ярким подтверждением консервативных идей: «Так вот, когда я приехал в Вологду, никто ничего о рыбе не писал, никто не спасал, но Вологда была рыбой завалена... Теперь каждый месяц — полоса о спасении, а рыбы нет... Я думаю, что от слов пора переходить к делу, или сначала — делать, а потом — писать. И вот пока у нас в Вологодской области защищали рыбу, рыбы не стало. А причины я вижу в том, что слишком много удобрений стали бросать на пашню... Ведь знали, к примеру, что прошлый или позапрошлый год будет дождливым и, стало быть, все удобрения будут смыты в водоемы. Так нет, все равно удобряют, потому что, согласно плану такой-то

пятилетки, нужно увеличить количество удобрений в пять раз, и будьте здоровы!»^[1045] — говорил В. Астафьев в 1979 г.

Союз экологов, защитников культуры и почвенников дал жизнь наиболее мощному общественному движению кануна и начала Перестройки — движению против поворота Северных рек.

Принципиальное решение о направлении вод рек Онеги, Северной Двины, Сухоны, Печоры и Оби на юг для орошения южнорусских, украинских, и среднеазиатских земель было принято на уровне съездов КПСС и пересмотру не подлежало. С проектом переброски северных рек были связаны солидные номенклатурные интересы могущественных ведомств. Еще в 1976 г. противники проекта могли высказаться против него на страницах «Литературной газеты». Но затем было наложено табу на критику проекта в прессе. Положительные упоминания о нем появлялись даже в детской литературе. Тем не менее, в 1981 г. началась циркуляция открытых писем, критикующих проект. Наибольшую известность приобрело письмо авторитетного писателя — «деревенщика» В. Белова «Спасут ли Каспий Вожа и Лача?» Обращая внимание на узкую специализацию инженеров, разрабатывающих проект переброски рек, В. Белов призывал ученых: «Скоординировать свои знания и действия за круглым столом — нравственный долг, долг совести представителя науки»^[1046]. Так была заложена основная цель движения — остановка проекта путем его научной критики учеными различных направлений.

В 1981–1982 гг. противники проекта разворачивают агитацию в среде гуманитарной интеллигенции, формируется постоянное ядро движения в несколько десятков человек и лобби в АН СССР и Академии художеств. В движение были вовлечены писатели из патриотического лагеря Ю. Бондарев, В. Распутин, В. Белов и др., академики Б. Рыбаков, В. Янин, Д. Лихачев, множество ученых рангом ниже.

В 1982 г. противники проекта передали в Политбюро письмо с развернутой критикой переброски на 120 страницах, которое поддержали 12 академиков. Материалы противников проекта показывали, что ирригационное земледелие неэффективно, что оно будет сопровождаться разрушением сотен уникальных культурных и природных объектов и приведет к необратимым экологическим

процессам на русском Севере и в Средней Азии, что существует возможность рационализации водоснабжения на юге СССР^[1047].

Почувствовав неладное, сторонники проекта «завалили» ЦК письмами в поддержку «перевоски», угрожая в случае отказа от нее «замораживанием развития» Средней Азии^[1048].

Казалось, противники перевоски рек — вполне лояльные подданные. Но один из активных сторонников движения писатель-почвенник В. Распутин в частном письме делал из планов перевоски далеко идущие выводы: «Материалы поворота меня оглушили. Никаких не может быть сомнений, что это сознательная акция, третий, четвертый или какой там по порядку решительный вслед за коллективизацией удар... Материалы сами по себе составлены настолько убедительно, так много говорят, что не понять их нельзя, значит их просто отказываются понимать, значит опять, как в споре за Байкал в свое время: или гуманитарная, или производственная сила, а допустить, чтобы взяла верх гуманитарная сила, нельзя. Мы для них хуже всякого Рейгана»^[1049].

Конечно, основная часть активистов движения не мыслила так радикально, пытаясь просто объяснить властям гибельность проекта. В этом был реальный шанс на успех движения, залог его роста. 3 февраля 1983 г. раскололась экспертная комиссия Госплана РСФСР — часть ее выступила против проекта. А 4–5 декабря 1984 г. в ходе двухдневной «баталии» активистам движения удалось «завалить» докторскую диссертацию автора проекта А. Березнера, посвященную как раз его детищу. Идее перевоски рек был нанесен мощный теоретический удар.

19 февраля 1985 г. активистка движения В. Брюсова выступила на предвыборном собрании. Ее речь против перевоски рек и спаивания народа (другая идея национал-патриотов, предвосхитившая будущую антиалкагольную кампанию) повергла в замешательство работников райкома, руководивших собранием. Движение на глазах перерастало в общественно-политическое.

23 октября Ю. Бондарев встречался с членом Политбюро В. Воротниковым и долго беседовал с ним об опасности поворота рек^[1050].

В декабре 1985 г. Съезд писателей высказался за большее внимание проблемам экологии. Несмотря на абстрактность этого

требования, оно позволило противникам проекта переброски рек в дальнейшем сослаться на резолюцию съезда.

В конце 1985 г. начался прорыв экологистов на страницы печати. Поводом стало «всенародное обсуждение» проекта основных направлений социально-экономического развития страны. По воспоминаниям С. Залыгина «противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати.

Во время всенародного обсуждения проекта Основных направлений... общественное мнение восполнило это молчание – и периодическая печать оказалась заполненной протестами против переброски. Медики предупреждали, что переброска опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении, биологи утверждали, что пострадает флора и фауна сразу в нескольких речных бассейнах, геологи просто-напросто хватали проектировщиков за руку, поскольку они проектировали трассы каналов в заведомо неподходящих для этого грунтах, историки опасались гибели памятников нашей истории и культуры, агрономы, инженеры, экономисты, крупнейшие ученые приводили аргументы против, против, против»^[1051].

Выступая в «Коммунисте» в 1985 г. С. Залыгин писал: «При современной технике мы можем очень многое, но «можем» и «можно» — разные вещи. У можно есть альтернатива — «нельзя», «не следует», «не нужно», у «можем» такой альтернативы часто не бывает, оно обходится без всего того, что мы называем борьбой противоположностей, и выдает себя за необходимость: раз мы можем, значит нужно!... Ведомство всегда стремится доказать, что оно работает на высоком современном уровне, а для этого нужно обзавестись собственной наукой...» Ведомственная наука одобряет ведомственные проекты, не оценивая ни их разнообразные, ни узкоспецифические последствия. Но и «высокая наука» заражена ведомственностью, связана с ведомствами. В итоге Залыгин приходит к выводу: «И еще одна задача совершенствования проектного дела — демократизация деятельности проектных организаций»^[1052]. Под демократизацией понимался доступ общественности к обсуждению властных решений, обязательность учета «мнений со стороны». Практический опыт сделал экологистов и национал-патриотов демократами – сторонниками более широкого воздействия общества на власть. Однако после победы в 1986 г., когда переброска рек будет

отменена, после успехов «демократизации» 1986–1991 гг. станет ясно, что активисты общественных движений понимают демократию по-разному, и некоторые из вариантов «демократии» разрушительно действуют на окружающую среду человека.

Педагогика будущего

Структура советской школы соответствовала стандартам индустриального общества. Тем не менее на пороге научно-технической революции все увереннее звучали требования перемен. Сколько можно штамповать работников, ведь обществу нужна и творческая личность! Индустриальное образование, стандартизирующее и атомизирующее человека, противоречило гуманистическим традициям отечественной культуры, которые в коммунистическую эпоху развивались под лозунгом формирования «разносторонне развитой личности». Эта задача, превратившаяся в пропагандистский штамп, в случае своего осуществления могла привести к качественному изменению общества. Поэтому государство как могло блокировало стремление педагогов–энтузиастов продвигаться в этом направлении, но не могло объявить им открытую борьбу как диссидентам, поскольку «водители детей» действовали строго в рамках официально провозглашаемых догматов, доставшихся власти в наследство от гуманистической традиции социалистического движения. На протяжении всей советской истории появлялись педагоги, которые с риском для карьеры пытались экспериментировать, искать новые формы преподавания и воспитания, соответствующие вечному идеалу творческой, гармоничной, гуманной и высокообразованной личности. Такая личность была нужна для Системы, но в небольших количествах, ибо в массовых масштабах творческие, гармоничные, гуманные и образованные люди разрушают индустриальное общество (даже если перечисленные качества встречаются порознь, что типично для результатов педагогических экспериментов).

Возрождение неформальной педагогики после паузы 30–50-х гг., как и других общественных движений, произошло в 50–60-е гг. В 1959

г. по инициативе И. Иванова началось движение коммунаров. В школе 50–х гг. педагогу–новатору было трудно экспериментировать. Но Иванова допустили к внешкольной работе в доме культуры. 24 марта стартовала «Коммуна юных фрунзенцев» в ДК им. Фрунзе в Ленинграде. «Иванов был человеком очень трезвым, — вспоминает Р. Соколов, — он реалистично смотрел на современное ему общество... Он был инакомыслящим, но смотрел на власть «слева». Иванов был «большим католиком, чем Папа Римский», он был коммунистом и марксистом больше, чем руководство страны. Он хотел идти не к прошлому или к Западу, а к реальному коммунизму. Он мечтал о том, что когда в созданной им педагогической коммуне вырастут коммунары, они изменят общество»^[1053]. По мнению В. Хилтунена «коммунарство стало инвалидной формой коммун двадцатых годов. У них сохранилась игровая форма, но был отрезан материальный базис. Коммунары 60–80–х гг. добились в игровой форме того, чего Макаренко не мог добиться в производственной коммуне, играя с материальным. Они прорвались в будущее, но оказались кроной, зависшей без самого ствола»^[1054].

Под руководством Иванова стали вырабатываться ритуалы движения, которые придали коммунарству устойчивость субкультуры и привлекательность для детей. Социальная доктрина коммунарского движения формировалась в короткие лозунги–речевки, например: «В коммуне друзья живут без я. Всем на удивление однако местоимение мы», или: «Деньги — прах, одежда — тоже, нам устав всего дороже». Это была игровая модель бесребреннического коммунизма, альтруистического общества будущего. Однако более глубокая социальная стратегия оставалась достоянием частных разговоров, а на первый план коммунарского движения вышла педагогическая технология, прежде всего «коллективные творческие дела» — мозговой штурм подростков и преподавателей, направленный на творческое решение какого–нибудь «дела»^[1055]. «Закручивал цейтнот, — вспоминает о коммунарской работе К. Сумнительный, участвовавший в «постановке» «коллективных творческих дел» в начале 80–х гг., — Надо было в короткий срок выдать что–то, какой–то «номер», за который не было бы стыдно... За нами ездили педагоги, которые записывали наши действия, нашу методику в деталях. И это было бессмысленно, потому что мы импровизировали. Несмотря на то,

что импровизация и технологические заготовки сочетались, попытка копировать «коллективные творческие дела» «старших товарищей» могла вести только к вырождению»^[1056].

Передовой опыт стремительно растекался по стране. Этому немало поспособствовали журналисты и прежде всего С. Соловейчик. В 1962 г. он при поддержке секретаря ЦК ВЛКСМ Л. Балясиной создал во всесоюзном пионерлагере «Орленок» отряд комсомольцев–старшеклассников из 50 человек. Его костяком стали трое вожатых и трое школьников из Фрунзенской коммуны. Они устроили «тренинг» коммунарства. Была выработана методика передачи опыта. В 1963 г. в «Орленке» 50 коммунаров работали с пятью сотнями школьников. Возвращаясь домой, «выпускники» «Орленка» инициировали новые коммунарские группы.

В 1962 г., благодаря журналистской поддержке С. Соловейчика в «Комсомольской правде», обкомы комсомола дали инициативе «зеленый свет». В 1964 г. в Братске состоялся «Всесоюзный коммунарский сбор», в котором приняло участие около 200 делегатов. Даже без учета откровенно «дутых» организаций в коммунарство были вовлечены тысячи подростков. Но в то же время в коммунарстве нарастали противоречия.

Рассказывает В. Хилтунен: «Сима Соловейчик узнал об этом опыте году в 60–м, приехал и начал популяризировать. И участвовать. Иванов очень болезненно относился к попыткам разрушения важных для него идеалов. А у Симы была близость к либеральной среде. В коммуне усилились либерально–западнические настроения. И постепенно Сима сделал из этого всесоюзную диссидентскую организацию. Хотя и умеренную, ориентированную в первую очередь на творчество, а не на коммунализм. С мощным лабораторно–учебным центром в виде «Орленка». Он перехитрил всех, кого мог. До какой–то поры Иванову все это было понятно и интересно, потому что он думал, что это идет в развитие его основной идеи. А потом произошла аннигиляция. Соловейчика привлекала творческая составляющая коммунарства, его креативность и игривость. Поскольку она совпадала с коллективизмом, Симу это устраивало, а поскольку нет — коллективизм раздражал своей ритуальностью и круговой порукой»^[1057].

В конечном итоге влияние Иванова упало^[1058]. По выражению Р. Соколова «Буратино прогнал папу Карло. Но, прогнав его, коммуна потеряла стратегическую цель, которую Иванов не мог заявлять открыто. Движение не смогло своевременно воспроизвести социальную стратегию и было обречено на постепенное затухание со временем»^[1059]. Видимо, это не совсем так. Взгляды нового поколения коммунаров все же оставались коммунистическими, хотя и не ортодоксальными. О. Мариничева вспоминает: «Мы строили свою мечту по «Туманности Андромеды» ученого и писателя Ивана Ефремова; по духу, а не букве ленинских работ. Мы отбрасывали, как отслужившие свое, все эти «диктатуры», но вычитывали у Маркса, Энгельса свое: что коммунизм — это производство развитых форм общения; что это общество, построенное по законам гармонии... И все же мы, если и боролись с системой, то именно тем, что переделывали ее изнутри. Спасала еще и внешняя общность коммунистических терминов — с той лишь разницей, что система ими лишь прикрывалась, а мы по ним жили»^[1060]. Да, они жили по своим законам (можно ли их назвать коммунистическими – другой вопрос, слишком много там было жесткой традиционности и авторитарности)^[1061] – но только в свободное от жизни в обществе время. Они погружались в свой виртуальный «коммунизм» время от времени, как горожанин ездит на дачу.

Размежевание с Ивановым стало проявлением более серьезного кризиса, постигшего движение в середине 60–х гг. Причины его, так и не изжитые, заключались в противоречии между коммунаризмом как педагогической технологией и коммунаризмом как социальным движением. Первоначально рассчитанное на социальную экспансию, на воздействие «вовне», движение создавало психологически комфортную среду, из которой не хотелось выходить в «застойный» мир. «Коммунары представляли собой команду, которой, конечно, было внутри себя хорошо, но на внешнее окружение, его изменение, она не работала»^[1062], — вспоминает К. Сумнительный. Коммунары «раскручивали» подростков, увлекали их своими «коллективными творческими делами», но затем либо интегрировали в свою среду, либо оставляли наедине со «скукой брежневских времен». Эта беда преследовала движение в течение всех 70–х гг. Она была характерна и для иных неформальных движений того времени. «Задачи

защищенности и креативности приводили к тому, что страдала социальная активность. Им было хорошо друг с другом. А кому-то не удавалось творческое, креативное начало, но он пестовал форму. Креативность на высокой «точке кипения» всегда выплескивалась в социум, но можно было до этого не доводить. Коммунары били стекла в горкомах партии в Ленинграде и Салавате в 1966–1967 гг. Понимая свою ответственность за судьбу этих ребят, педагоги пытались кастрировать социальный радикализм... Сима все-таки тоже был человеком компромисса, и этому тоже хотел нас учить. Он говорил: «Выживает то, что не скандалит». Самые большие проблемы у него были не после критики, а после положительных очерков. Альтернатива страшнее критики. Всякие попытки с чем-то сражаться во всей истории человечества кончаются полной ерундой. На самом деле людям нужны модели развития»^[1063], — подводит итог В. Хилтунен.

Обнаружив, что коммунарство – не просто педагогическая инициатива, Система потребовала от коммунаров войти в понятные рамки. В декабре 1965 г. в отделе учащейся молодежи ЦК ВЛКСМ состоялась встреча комсомольских функционеров с лидерами коммунарских объединений (Ф. Шапиро, В. Караковский, Р. Соколов и др.). «ЦК ВЛКСМ предложил нам «выбор», — рассказывает Р. Соколов, — мы можем унифицироваться по тому или иному образцу. Но унифицироваться обязательно — единая форма, единая методика и т.п. Иначе ЦК не мог взять на себя ответственность за нас перед партией. Мы отказались. Комсомольские функционеры пожали плечами и предложили решать свои проблемы на местном уровне. А там началось удушение. Не везде сразу. Но постепенно самостоятельным коммунарским группам пришлось уйти в подполье»^[1064]. Официальным структурам, прежде всего ВЛКСМ, удалось взять на вооружение «технологию», аккумулировав часть движения в систему школ и «штабов» комсомольского и пионерского актива.

С. Соловейчик организовал в «Комсомолке» приложение «Алый парус», посвященное энтузиастам-педагогам. Соловейчик некоторое время рассматривал его как «новую искру», в которой новое поколение сможет почти открыто высказываться. Дети выросли в журналистов, знавших правила «внутренней цензуры». После ухода Соловейчика из «Комсомолки» «Алый парус» стал меньше заниматься педагогикой, и

сторонники коммунарства сформировали группу «Комбриг», вокруг которой сложился круг подростков и педагогов–журналистов (В. Хилтунен, О. Мариничева, Б. Минаев (в будущем — главный редактор журнала «Огонек»), В. Юмашев (в будущем — биограф Б. Ельцина и руководитель администрации президента) и др.), для которых социальный аспект неформальной педагогики был важнее коммунарской технологии. «Комбриг» организовывал коммунарские сборы, на которых журналисты тесно общались с подростками. Творческая среда коммунарского сбора рождала новых авторов и помогала журналистам мыслить свободней. По словам В. Хилтунена, «журналистика оказалась единственной формой жизни, которая позволяла между коммунарскими сборами вести жизнь, похожую на сбор — творчески мыслить, уклоняться от пирамидальных властных форм, жить в условиях самоорганизации своего производственного процесса»^[1065]. Группа журналистов, близкая коммунарскому движению, была частью более разветвленной журналистской «мафии» 60–80-х гг., помогавшей различным педагогическим инициативам.

В 70-е гг. в коммунарском движении усилилось сектантство. «В состав коммунарской технологии входила выработка «заповедей» группы. Проходил коммунарский сбор, и по кругу шло обсуждение некоего «общественного договора» — правил жизни группы. В конце концов вырабатывалось несколько «заповедей», принимавшихся всеми. И они были освящены коллективным авторитетом. Группа существовала несколько «поколений», и устойчивые образования естественно возглавлялись стариками — «хранителями» заповедей. Их власть была велика, так как структура группы обычно была военизированной. Но потом приходили новые активные люди. Кто-то принимал «заповеди», а кто-то входил с ними в конфликт — ведь «заповеди» были актуальны в то время, когда их принимали. И в итоге «реформисты» становились «раскольниками» — они изгонялись.

В то же время наряду с такими «традиционалистскими» группами существовали группы «миссионерские». Для них главным было не воспроизводство этой структуры, их лидеры вполне были социализированы в жизни. Они ездили по стране и «несли слово Божие». Они показывали школьникам и педагогам, что нельзя жить в тихом болоте, что можно жить иначе. «Миссионеры» уезжали, все снова погружалось в гнилую тишь, но кого-то это будило. У

«миссионеров», видимо, не было разработанной социальной программы, они стремились приблизить коммунизм. Но само понимание коммунизма у коммунаров этой волны было очень «широким». Где-то в 1982–1983 гг. В. Хилтунен говорил мне: «Ко мне сегодня заходил один человек, и мы с ним беседовали о раннем христианстве. Но мне кажется, что коммунистическая идея шире, чем раннее христианство». Если коммунистическая идея шире раннего христианства, то она во всяком случае шире марксизма»^[1066], — рассказывает К. Сумнительный. «У нас было такое объяснение, — комментирует В. Хилтунен, — которое возникло после чтения одного из детских писем: «В мире есть две идеи, которые занимают душу целиком: Бог и коммунизм». Все остальные идеи тоже хороши, но человек не может придумать третью идею такого же масштаба. Всякий человек, не имеющий этих двух идей, начинает съеживаться душевно. Эти идеи по сути не враждебны. Я объяснял, что большая часть людей, которая томится сморщенностью души, идет по религиозной тропе — эта тропинка прописана. «А идея коммунизма, — говорил я тогда ребятам, — прописана только у Ефремова и у Урсулы Легуин. По сути говоря, никакого третьего текста нигде нет, потому что другие тексты ничем не пахнут. Мы создаем эти тексты на наших сборах. Мы проживаем ненаписанную практику коммунизма. И это может вылиться в то, что может быть описано. Мы герои, потому что по ненаписанным нотам пытаемся воспроизвести симфонию»»^[1067].

Ортодоксальная часть коммунаров стала искать «дело», где коммунарская методика могла бы принести наибольшую пользу, очевидную и для общества, и для властей. Р. Соколов пропагандировал «культ-армейство» — создание армии, борющейся за повышение уровня культуры среди подростков. Армия должна решать нелегкие задачи — «культурармейцы» принялись за трудных подростков. Клуб «Орион» (1968–1970) создал «Курсы общественных профессий», выпускники которых в 1970 г. сформировали «Дружину юных культурармейцев». Вместе с кафедрой педагогики и комитетом комсомола МГПИ им. В.И. Ленина они создали «Экспериментальный педагогический отряд». Получив помещение, отряд развернул работу в досуговом центре «Форпост коллективного освоения культуры» имени С. Шацкого.

«Алый парус» поддержал это начинание. Опыт педотрядов получил поддержку коммунарской среды.

Главным актом педотряда был «десант», аналогичный коммунарскому «сбору». «Десанты» высаживались в детских домах, колониях, в селах.

От коммунаров педотряды унаследовали педагогическую технологию и организационную структуру (сборы, советы комиссаров). Но они пошли дальше. Около 10 коммунарских групп в 1972 г. объединились в Коммунарское макаренковское содружество, а затем, чтобы нормализовать отношения с ВЛКСМ, курировавшем эту сферу, — в Содружество макаренковских комсомольских педагогических отрядов. Но единую организацию создать не удалось — один из лидеров Ю. Устинов был в 1973 г. обвинен соратниками в недостойном поведении, и движение раскололось на его обличителей и защитников.

Своеобразной разновидностью педагогических отрядов стали летние «профильные» лагеря при научных учреждениях, работавшие с одаренными подростками. Эти лагеря были и рассадниками инакомыслия, иногда довольно демонстративного. Так, в столовой летнего лагеря под Красноярском висел лозунг: «На штурм вершин науки не пошлешь морскую пехоту».

В 1973 г. С. и В. Икрянниковы, лидеры «Экспериментального педагогического отряда студентов и старшеклассников» (ЭПОСС) выступили за соединение коммунарского воспитания с производительным трудом, как это делали в свое время С. Шацкий и А. Макаренко. Но советское законодательство запрещало детский труд.

Новая попытка объединения была предпринята в 1975 г., когда на слете двух десятков педотрядов на Волге был даже создан устав Содружества как самостоятельной организации. Но под давлением умеренного крыла движения от его принятия отказались. Во второй половине 70-х гг. ЦК ВЛКСМ снова усилил давление на коммунаров. «Ко мне прицепились, — рассказывает Р. Соколов, — доказывая, что мой отряд неправильный, поскольку в комсомольском положении было написано, что комиссаром отряда может быть либо коммунист, либо комсомолец. А я ни то, ни другое. Я им отвечаю: «Как же отряд неправильный, когда мы это все и начинали. Я же это все придумал!» «А это неважно, что ты это все придумал, ты теперь под

постановление не подходишь. В комсомол вступать поздно, в партию — кто примет? Так что получаешься, ты – самозванец»^[1068].

Под эгидой комсомола движение педотрядов «продержалось» до 80-х гг. Но кризис 60-х гг. повторился в конце 70-х. «Мы ездили, возбуждали, — вспоминает В. Хилтунен, — возникала группа молодых людей, которая спрашивала — а куда дальше идти? Ответить мы не могли. Это была только скорая помощь. «Комбриг» поставил перед нами ультиматум: «Мы не хотим заниматься социальным провокаторством. Нужно что-то новое. Тогда мы занялись семейными клубами и Загорском. Слой, который мог делать что-то реальное, был очень узким. Люди выросли и отчасти ушли в похожее на коммунарство игрище семейных клубов. Оно подобрало почти всех, кто мог быть подбираем. Часть бездетных радикалов «чегеварного» типа ушли в Загорск. Загорск был последним козырем марксизма, поскольку доказывал — сознание можно формировать извне. Здесь снималась проблема социального провокаторства, потому что этим детям можно было сделать только лучше»^[1069]. Эксперимент в Загорске был начат еще при участии философа-марксиста Э. Ильенкова, разрабатывавшего методику формирования интеллекта практически не развивавшихся слепо-глухонемых детей с помощью организованной педагогами моторной деятельности. После гибели Ильенкова коммунары-педотрядовцы решили взять «шефство» над детдомом. Педотряд А. Савельева, А. Вакуленко и др. работал с детьми, раз в неделю устраивая коммунарский «табор» для местных детей и приезжих семей, в большинстве своем — участников движения семейных клубов. Через эти сборы прошло 11–12 тысяч человек.

Большая часть пост-коммунарского движения в конце 70-х гг. эволюционировала в семейно-педагогические клубы — ведь организаторы общественно-педагогического движения уже обзавелись семьями. Активное участие в их создании принимали семьи Хилтуненов, Соколовых, Никитиных и других неформальных педагогов.

Поскольку в школе возможность применения новых методик была ограничена консервативным контролем администрации, все большее количество родителей начинало брать дело образования в свои руки. Несмотря на то, что новое движение не было чисто коммунарским по

составу, коммунары имели большой опыт самоорганизации, и новые клубы оказались под их значительным влиянием. Клубы создавались в Москве, Пущино, Ленинграде и других местах. В Северной столице клубы объединяли до тысячи человек^[1070].

Проходили межгородские встречи. «Съезды семейников постоянно происходили в том же Загорске, — рассказывает В. Хилтунен. — Семейные клубы часто приезжали сюда на сборы. Горкому партии было нелегко терпеть в центре города ночные костры, но нас поддерживали некоторые московские чиновники, которые посылали письма местным властям на важных бланках, и коммунаров не трогали. Нашли дешевую гостиницу, создали неформальный университет, где участники что-то рассказывали друг другу. Однажды возникла возможность прорыть канаву отопления для Загорска, и шоссе перекрывали для этого только на сутки. Мы бросили клич, и приехал сотни людей. И все вместе копали. А в это время был какой-то религиозный съезд, и над нами шли священники самых разнообразных конфессий, заглядывали вниз и спрашивали — что здесь делается. А мы отвечали, что это свободный труд свободно собравшихся людей»^[1071].

Клубы культивировали здоровый образ жизни — большую популярность в их среде приобрели методы закаливания, которые проповедовались Б. и Л. Никитиными, другими энтузиастами, возрождавшими традицию единения с природой, заложенную еще П. Ивановым. Закаливание влекло за собой изменение других сторон жизни семьи. Н. Чаплина пишет об этом: «Раздел ребенка, обеспечить ему возможность растрчивать энергию, двигаться, возиться. Как это сделать в малогабаритной квартире?»^[1072] Родители выходили из положения с помощью хитроумных физкультурных приспособлений, но этот образ жизни «задохался» в урбанистической среде. В результате увлечение педагогикой тесно переплеталось с коммуналистским движением — восстановлением общинной традиции самоуправления и взаимопомощи по месту жительства. В Ленинграде даже была предпринята попытка образовать семейную коммуну с общим жильем и воспитанием детей. Предпринимались попытки создать педагогическую общину в сельской местности, но дальше летнего отдыха дело не пошло.

Устойчивая педагогическая община («Китеж») возникнет только в 1993 г. на иной основе.

* * *

Движение коммунаров продолжало воспроизводиться через ДК, дома пионеров и школы. М. Кожаринов вспоминает о начале своей коммунарской жизни в 80–е гг.: «Своими «генеалогическими» корнями наша история уходит в историю «Дозора» – педотряда коммунарского толка при АПН (лаборатория психологии подростка института психологии), где работал Лишин О.В. — руководитель объединения. В начале 80–х годов «Дозор» увлекался темой «заражения» школ с более–менее нормальными директорами коммунарсством. Только на моей памяти это попытки «устроить революции» в минимум четырех школах (в школах Малаховки и Лыткарино — городов–спутников Москвы — и 91–й и 23–й в Москве)^[1073]. В каждой школе ученики вовлеченные в коммунарскую деятельность «Дозора», начинали вести себя на уроках слишком вольно, и директора прекращали эксперимент.

Студенты–физики из МГПИ им. Ленина, приобщившиеся к коммунарсству в «Дозоре» (М. Кожаринов, В. Соколова, И. Колеров), политизировались, выдвинули идею создания системы коммунарсских организаций, преобразующих общество. Для Лишина это было слишком.

В итоге «Дозор» распался, но его осколки образовали новую общественную структуру, первоначально включавшую клуб по месту жительства «Рассвет» и педотряд «Ветер». Позднее был создан еще отряд для школьников «Стрела», и структура обрела целостность под названием РВС.

В поисках новых форм работы РВСовцы соединили коммунарсское социальное моделирование и романтику, присущую таким группам, как свердловский детский клуб «Каравелла», которым руководил известный детский писатель В. Крапивин. Он «упирал» на сказочный антураж, фехтование, походы, морское дело. С использованием этого опыта один из идеологов РВС М. Кожаринов разработал метод большой ролевой игры (БРИГ): «Автор идеи совершенно логично

рассуждал, что понять некие процессы — социальные, исторические, экономические — детям лучше всего в игре, причем в такой игре, о которой никто и никогда не слышал. Так появился первый БРИГ. Терминология: БРИГ — Большая Ролевая Игра. Имеется в виду игра с числом участников не менее 50 человек и с выездом на местность»^[1074].

В 1986–1987 гг. в устье Нерли и в Москве прошли «феодалные бригады», моделировавшие средневековое общество^[1075]. По замыслу коммунаров в дальнейшем можно было бы моделировать и коммунистическое общество. Однако судьба зарождавшегося ролевого движения сложилась иначе. После распада СССР оно встало на коммерческую основу и в преобладающей части стало орудием наступления фэнтези на рациональную культуру. Игры — «ролевки» так и остались преимущественно «феодалными» или основанными на сюжетах боевиков. Ролевые игры, технология которых отработывалась также педагогами–новаторами, продолжает использоваться как обучающее средство.

* * *

В контакте с коммунарами развивалось движение педагогов–новаторов. До Перестройки оно не имело организационной структуры. Энтузиасты обновления школы действовали самостоятельно, обменивались опытом.

У истоков движения педагогов–новаторов 70–х–80–х гг. стояли «неравнодушные» учителя, пытавшиеся, подобно известному педагогу В. Сухомлинскому, «эмоционально пробуждать разум» и оптимизировать учебно–воспитательный процесс.

Новаторов поддерживал круг журналистов–коммунаров. «Сколько я себя помню как журналиста, — вспоминает В. Хилтунен, — все время приходилось отстаивать педагогов–новаторов от ЦК и Минобра... Я, ваш покорный слуга, принадлежал, как теперь выясняется, к журналистской ”банде восьми» — вместе с Соловейчиком, Матвеевым, Мариничевой, Данилиным, Матягиным, Логиновой и Преловской. Мы работали в школьных отделах разных

газет — «Учительской», «ЛГ», «Известий», «Комсомолке», «Правды», но рабочий наш день складывался примерно одинаково: завтрак, потом нужно было ложиться на амбразуру по поводу Шаталова, обед. Потом скандал по поводу Тубельского, а до ужина нужно было еще звонить на какую-то «Запорожсталь», чтобы оттуда вовремя отгрузили какие-то болванки в адрес школьного завода «Чайка», безуспешно пытающегося доказать, что время Макаренко еще не вышло»^[1076].

Движение педагогов-новаторов было весьма разнообразно: мастер ораторских приемов Е. Ильин и автор идеи опережающего обучения С. Лысенкова; учитель математики В. Шаталов, пытавшийся максимально оптимизировать учебный процесс, разложив его на детали, и полная противоположность — целостная педагогика директора школы (точнее — школ, так как время от времени приходилось менять место работы) М. Щетинина. Щетинин стремился преодолеть узкую специализацию и дробление учебного процесса (что вообще присуще классно-урочной системе), эстетизировать школу и таким образом приблизиться к идеалу гармонично развитой личности. «Целостность личности ребенка — целостность окружающего мира — такова взаимосвязь двух главных начал, на которых базируется исповедуемая мной и моими единомышленниками концепция школы... Мир познания превращен в изолированные друг от друга «коридоры» так, что ученику порой даже трудно поверить, что это пласты единого целого. А искусство как раз сильно тем, что синтезирует разрозненные явления, дает целостное образование и воспитание, воспитывает целостное мировоззрение... Мы формируем умение человека ввести себя в этот целостный мир с самого раннего возраста. Человека с детских лет надо растить от его корней, от его сущности. А сущность человека — это человечность»^[1077].

Как рассказывает В. Хилтунен, «Щетинин находил социальную опору в местных крепких «князьках», и когда их снимали или отправляли на повышение, вынужден был менять место работы»^[1078]. «Сколько унижений пришлось вытерпеть от всяких чиновников и контролеров, которые ничего в нашем деле не понимают. Сколько сил и времени на это потерял»^[1079] — с горечью вспоминал Щетинин много лет спустя. По словам В. Хилтунена, «Мишу травили и правая, и «левая» — чиновникам не нравилось его тотальная, абсолютная независимость, коллег-новаторов смущала чрезмерная, как им

казалось, любовь Щетинина к корням, к земле — он так и не полюбил города. Все свои «экспериментальные площадки» он открывал в селах, да не абы каких — а в самых глухих... После смерти Сухомлинского именно Щетинину предложили продолжить его дело в Павлоше, но Михаил Петрович отказался, сказав в том смысле, что на кладбищах, даже самых уважаемых, трудно замешивать завтрашний день, и стал директорствовать в спившемся (!) староверческом (!!) селе — не то чтобы русскоговорящем, но — выразимся так — русскоmaterящемся. То, что он сделал с детьми той деревушки..., было фантастикой. Когда делегация ЭТИХ юных эльфов и фей приехала в столицу, то на них сбегались смотреть сотрудники радио и телевидения, думая, что их ловко дурят — что ТАКИХ детей уже не бывает. А сам Щетинин приставал к нам с горькой исповедью — он не знал, как быть: эти сельские дети, входившие во вкус культуры, волей-неволей начинали относиться без должного пиетета к пьющим и ничего не читающим родителям своим»^[1080].

Консервативная тенденция была представлена в среде педагогической общественности и такой яркой фигурой, как преподаватель фехтования К. Раш. Однако новатором К. Раша можно назвать с большими оговорками — он выступал категорически против любых «экспериментов на детях». Несмотря на это категорическое заявление, Раш все же предлагает некоторые смелые эксперименты: «Эх, да что там говорить, из дискотеки можно было бы сделать великолепную школу этики, манер, дисциплины, галантности»^[1081].

Несмотря на то, что нетрадиционные педагогические методики не были официально одобрены, они широко расходились в учительском самиздате. Между новаторами устанавливались разветвленные контакты. У «гуру» появлялись апологеты. Эйфория охватывала и ветеранов общественно-педагогического движения. И много лет спустя С. Соловейчик, например, писал: «Ведь никакими способами, кроме шаталовских, если только не применять ремень и угрозы, не втемяшишь в эти головы греческую историю, ну невозможно это!»^[1082] Мне неоднократно доводилось наблюдать эффективное преподавание греческой истории слабым ученикам без ремня, угроз и шаталовских методов. И применение шаталовских методов без Шаталова и без эффекта — тоже. Уроки Шаталова лишний раз

убеждали: в основном результат в педагогике определяется личностью учителя.

Само равнодушие учителя, его стремление ознакомиться с методами коллеги и применить у себя то, что подходит «для местных условий», само стремление работать несмотря на мертвящие директивы, сам факт подвижничества и неформального общения учителей давал эффект и позволял надеяться, что педагогическая реформа «снизу» окажется результативной.

Устойчивые контакты между новаторами и педагогами-общественниками возникли в 1977 г., когда сотрудники М. Щетинина побывали на слете педотрядов. Некоторые коммунары работали в новаторских школах. «Здесь, безусловно, произошло взаимообогащение, — считает Р. Соколов, — Щетинин много воспринял от коммунарской методики, прежде всего коллективные творческие дела. Но это была авторская школа, как дело любого педагога-новатора, это было его детище. Это касается не только Щетинина, то же самое можно увидеть и у других новаторов, привлекавших к сотрудничеству коммунаров. Скажем, В. Караковского. Когда к директору-новатору приходили с идеей коллективной творческой деятельности, и говорили: «Сейчас на общем собрании мы спланируем, куда нам идти завтра, а завтра обсудим — куда послезавтра...», то всплывало, что коммунарство возможно здесь как локальный план в мегасистеме Автора, а коммунарское самоуправление — как Юрьев день, своего рода разовый урок демократии, после которого придется идти туда, куда скажет Автор.

Щетинин имел неосторожность приглашать коммунаров для совершенствования всего педагогического процесса, и они наивно полагали, что методом коллективного творчества они будут решать эти вопросы. Но не тут-то было — у него был свой образ, за границы которого нельзя было выходить, тем более — строим и с речевками. Я тогда часто приезжал к Щетинину, и помню такой характерный эпизод. Мною «сосватанная» в эту школу Алла Дворжицкая из Перми, которую считали «железным комиссаром», идеалом которой был Павка Корчагин, организовывала у Щетинина внешкольную работу. А надо сказать, что в этой школе, где директор начинал с совершенствования эстетического воспитания, полы были расписаны лилиями и другими замечательными цветами. И вот по этому романтическому полу

маршируют коммунары с речевками: «Дряни любой давай бой...» Этот диссонанс трогательных лилий и жесткого, даже «кондового» марша показывал: союз коммунаров и новаторов обречен.

Но Щетинину нужно было общественное движение — не в этой форме, так в другой. Ему нужна была внешкольная работа, в которой общественники были сильнее новаторов. Иначе его школа оставалась островком в океане «застоя». В итоге Щетинина, как и нас, постоянно «гоняли» с места на место»^[1083]. Вся альтернативная педагогика оставалась кочевой.

Просто фантастика!

Многие проблемы советского общества, мучившие его в настоящем, проистекали из того, что оно было устремлено в будущее. О будущем было положено думать идеологам ЦК КПСС. Но этому аппарату приходилось все время решать проблемы настоящего. Так что будущее оставалось на долю фантастов, считавшихся младшими братьями писателей, работавших в «серьезных» жанрах.

Отношение к фантастике в СССР долгое время было утилитарным. Она должна была популяризировать научные достижения и развлекать население — прежде всего молодежь. Допускалась фантастическая сатира, которую разделяли на две разновидности: «сатиру политическую, бичующую открытого врага — внешнего, классового, и сатиру, так сказать, домашнюю, направленную на лентяев, формалистов, трусов, ловкачей, болтунов, очковтирателей, на жадных строителей собственного гнездышка, т.е. на мещан»^[1084]. Со временем выяснилось, что «домашняя» сатира тоже может быть политической. Как говорилось в записке сотрудников отдела агитации и пропаганды ЦК А. Яковлева и И. Кириченко 5 марта 1966 г., «жанр научной фантастики для отдельных литераторов стал, пожалуй, наиболее удобной ширмой для проталкивания в нашу страну чуждых, а иногда и прямо враждебных идей и нравов»^[1085].

Но в этом фантастика принципиально не отличалась от других жанров. Ее «изюминка» была в другом — фантастика могла заглянуть в будущее. Эта ее самая важная задача — она же и самая трудная:

придумать «будущее, в котором мне хотелось бы жить», как писал фантаст С. Снегов. Братья Аркадий и Борис Стругацкие конкретизировали, что это за будущее: «Коммунизм – это мир, в котором хочется жить и работать»^[1086].

* * *

В начале 50–х гг. в фантастике преобладала теория «ближнего прицела». «Вдохновители этой теории видели цель научной фантастики лишь в изображении достижений науки в недалеком будущем — через несколько лет»^[1087]. Такие писатели — «технари», как В. Немцов, А. Казанцев и В. Охотников писали о грандиозном арктическом мосте, о подземной лодке–вездеходе и других технических идеях, которые обсуждались инженерами. «Писатели «ближнего прицела» ограничивались лишь описанием поисков технического решения задачи, не касаясь даже социального значения изобретений»^[1088]. До 1956 г. ставить социальные проблемы было просто опасно, зато можно было ваять грандиозные проекты переделки природы и возведения сверхгигантов будущих пятилеток.

В атмосфере «оттепели» и начавшейся научно–технической революции перед фантастами развернулись новые пространства. Теорию «ближнего прицела» принялись критиковать за однобокость и бескрылость. Но она не умерла. Если фантасты начнут выдумывать все, что им в голову взбредет, это будет уже не научная фантастика, а сказка (сегодня ходишь вдоль прилавков – как в воду тогда глядели).

И в этом есть свой резон – зачем забивать головы читателей псевдонаучным мусором, потакать лени писателей, которые принимаются учить, сами толком не научившись. Критик Н. Томан разнес роман Ю. и С. Сафроновых «Внуки наших внуков» за допущенные в нем вопиющие научно–технические ошибки. Все–таки должен быть какой–то предел для фантазирования. «Без серьезной аргументации нельзя переступить бесспорных законов науки, это только дискредитирует фантастику»^[1089].

Но дело ведь не в одной технике. Могут ли фантасты сказать что–то новое о человеке завтрашнего дня? Не надо и здесь своевольничать.

Как говорил критик К. Андреев, «в людях нашего времени уже содержатся черты человека завтрашнего дня»^[1090].

За фантастами продолжали строго приглядывать: «Авторов, осмеливавшихся мечтать об использовании внутриатомной энергии, о полетах на Луну и планеты и их освоении, критика обвиняла не только в антинаучности, отрыве от жизни и ее реальных проблем, но даже в космическом империализме»^[1091]. Чтобы пробить свое произведение в печать, писателям приходилось «без конца консультироваться по поводу каждой полученной рукописи с критиками, специалистами, академиками»^[1092].

Прорывом стал роман И. Ефремова «Туманности Андромеды».

Ефремов вернулся от техники к человеку. В «Туманности Андромеды» еще мало психологизма, но есть нечто большее, чего не встретишь в обычном романе – утопия, картина оптимальной будущей жизни.

И. Ефремов прямо говорил критику В. Бугрову, что обратиться к фантастике его заставила «неудовлетворенность окружающим миром», которая, впрочем, «свойственна каждому человеку»^[1093] (последнее замечание нужно, чтобы коммуниста Ефремова не заподозрили в неудовлетворенности именно советским окружающим миром).

Когда «Туманность Андромеды» с ее космическими полетами стала печататься в «Технике молодежи» в 1957 г., она сразу вызвала протесты читателей – настолько автор далеко оторвался от реальности. Но тут грянул полет спутника в космос, и Ефремов стал триумфатором, флагманом советской фантастики – его роман получил Государственную премию. Он показал перспективы того процесса, который начинался как раз в эти дни^[1094].

Вслед за Ефремовым осваивать космические просторы ринулась целая эскадра фантастов поменьше – благо «технические средства» и «общественный заказ» был к их услугам. Как говорил писатель Л. Лагин, «если судить по нашим романам, то в коммунистическом обществе главная задача населения — это полеты в межзвездное пространство»^[1095].

Но для Ефремова космос не был самоцелью: «...совершенно необходимо, чтобы эта мечта не вырождалась в стремление убежать с Земли, где человек якобы оказался не в силах устроить жизнь... Есть только один настоящий путь в космос — от избытка сил, с устроенной

планеты на поиски братьев по разуму и культуре». Ефремов был не «физиком», а «лириком». Его интересовало устройство не столько космических кораблей, сколько коммунизма.

Советский фантастовед Н.И. Черная видела истоки картины будущего у Ефремова в «традиционной утопии. Сознательная ориентация на изображение идеального общественного уклада, определенная философская установочность свойственна роману Ефремова. И значительная временная дистанция, отделяющая общество Эры Великого Кольца от наших дней, необходима для того, чтобы дать возможность полностью развиться и созреть этому идеалу. Да и чисто психологически Эра Кольца из своего прекрасного тысячелетнего далека вполне может быть воспринята как воплощенный идеал по отношению к действительности нашей жизни. С сознательной установкой на «идеальность» связаны многие специфические качества романа Ефремова, сближающие его с утопической традицией, как, например, некоторая заданность, иллюстративность картины будущей жизни, ее сравнительная малоподвижность и некоторая отчужденность... от нужд и забот современной жизни»^[1096].

Да, далека Эра Кольца от эры строительства коммунизма. Но в следующих своих произведениях Ефремов шел от этого предельного идеала к настоящему.

Создав современную утопию, Ефремов поставил критиков в трудное положение. С одной стороны утопия – это нечто недоразвитое, домарксистское и наивное. Как считал критик Е. Брандис, «вряд ли стоит употреблять термин «советская социальная утопия». Научное представление о коммунизме создано уже давно. Здесь нет никакой утопии. Задача писателей — дополнить это общее представление деталями, развить и обогатить до такой степени, чтобы у читателей сложился зримый образ нашего будущего»^[1097]. Но с другой стороны, зримый образ будущего легче всего создать именно через утопию как детализированную модель оптимального устройства общества. Замахнувшись на такую задачу, Ефремов развивает учение марксизма. А это не его компетенция.

Ефремов в «Туманности Андромеды» аккуратно придерживается указаний Маркса, но идет дальше, конкретизирует. Описанное фантастом общественное устройство, по выражению А.

Константинова, подобно «структуре человеческого мозга: постоянно действующий форум со своими исследовательскими и координационно–ассоциативными центрами»^[1098]. Коммунистическая Земля Ефремова – благоустроенная, экологически чистая планета, на которой живет дружная семья людей, занятых наукой и творчеством.

Ефремов считал, что уже сегодня можно представить себе человека будущего как развитие в перспективу всех положительных качеств человека современного. Они настолько развиты, что приходится даже сдерживать парапсихические способности человека будущего – чтобы не угрожать другим людям. Здесь намечена тема сверхспособностей будущего человека.

У Ефремова получилось человечество, где недостатки встречаются лишь в виде исключения. Поэтому ефремовские люди будущего, такие очищенные, видятся критикам холодными и ненатуральными^[1099].

Холодная рациональность некоторых предположений И. Ефремова шокировала читателей и критиков. Писатель выступает за общественное воспитание детей, считая, что только так можно воспитать настоящих альтруистов.

За эту идею Ефремова раскритиковали: «представляется, что писатель слишком категорично и просто решил эту проблему, обеднив тем самым мир будущего, чувства и переживания своих героев. Ефремов фактически низводит роль матери до роли кормилицы, уверяя при этом, что таким способом можно избавить человечество от слепых материнских инстинктов»^[1100], – считает Н.И. Черная.

Ю. Рюриков, высоко оценивший «Туманность Андромеды», здесь тоже считает, что Ефремов «перегнул»: «Трудно представить, что люди откажутся от тех огромных наслаждений, которые дает родителям постоянное общение со своими детьми. Трудно представить, что они откажутся от материнского чувства, этой особой — самой постоянной, самой прочной и длительной разновидности человеческой любви. Трудно представить, что и дети будут лишены своей первой в жизни любви — любви к родителям, сильнейшего из чувств, озаряющего их детство...»^[1101]

К. Дхингра в своей диссертации ищет причины шокирующих предложений Ефремова: «Но нельзя согласиться с такими замыслами автора, как «Остров Забвения» и «Остров матерей». Диссертант

анализирует причины такого подхода Ефремова к тем проблемам, где речь идет прежде всего о чувствах и приходит к выводу, что автор, будучи ученым, решает даже те проблемы, которые связаны с миром чувств человека — холодным рассудком. Его замыслы не лишены логической основы, но не всегда мир чувств подчиняется логике». К тому же К. Дхингра «видит недостаток романа и в отсутствии какой-либо идейной борьбы. Общество, на каком бы этапе развития оно ни было, нуждается в борьбе, если оно хочет двигаться вперед. Здесь мы имеем в виду не борьбу между антагонистическими силами, а такую борьбу, которая, например, ведется между двумя добросовестными, самостоятельно мыслящими членами дружного коллектива, между авангардом и «арьергардом» коллектива, между новейшими идеями и устаревшими идеями. Отсутствие такой борьбы придает героям «Туманности Андромеды» немного искусственный характер. Поэтому их образы кажутся более возвышенными и более суровыми, чем это было бы нужно»^[1102]. Здесь мысль критика, пожалуй, смелее, чем мысль фантаста (хотя определенные конфликты при коммунизме показаны и в «Туманности»). Видно, что советская фантастическая мысль в 60-е гг. уже стремится понять коммунизм как немонолитное, плюралистичное общество.

«Туманность Андромеды» рисует идеал, который можно воспринять как монолитный и потому тоталитарный. Но сам И. Ефремов не согласен с такой трактовкой и десятилетие спустя разъясняет предложенную им модель общества так: «Диалектический парадокс заключается в том, что для построения коммунистического общества необходимо развитие индивидуальности, но не индивидуализма каждого человека. Пусть будет место для духовных конфликтов, неудовлетворённости, желания улучшить мир. Между «я» и обществом должна оставаться грань»^[1103].

Ефремов ведь и к выводу о необходимости общественного воспитания детей пришел не случайно (как до него и некоторые теоретики социализма – некоторое время эту идею разделял и Маркс). Дело в том, что семья воспроизводит психологические стереотипы прежнего поколения (не говоря уж о том, что неискушенные в педагогике родители могут травмировать формирующуюся психику ребенка). Вот и возникает радикальное решение – доверить дело специально подготовленным профессионалам. Правда, никто не

гарантирует, что именно они – лучшие из лучших «люди будущего». И общественное воспитание детей имеет свои недостатки – гораздо меньшую роль эмоционального начала, ибо любовь трудно делить на многих. Ужаснувшись эгоизму и некомпетентности семейного воспитания, Ефремов шатнулся в другую крайность, вместо того, чтобы искать золотую середину в совмещении общественного и семейного воспитания. Позднее и Стругацкие придут к этой проблеме в «Гадких лебедях». Но у них пойдет речь о воспитании уже не альтруистов...

«Туманность Андромеды» – не только утопия будущего. В «исторических экскурсиях» романа И. Ефремов позволяет себе высказаться о наиболее острых проблемах современности. Например: «Губительное влияние излучения на жизнь заставило отказаться от старой ядерной энергетики».

Современный мир полон опасностей, и если с ними не справиться, то утопия может и не осуществиться. Формально Ефремов выводит эти опасности из капиталистической психологии. Но «Час быка» показывает, что речь идет о современной эгоистической психологии, которая может господствовать и под красным знаменем. Такая психология просто не может сохраниться в будущем. Человечество овладело такими энергиями, что либо изменит психологию, либо погибнет.

Ефремов предупреждает, что эмоциональной стороне человеческой личности «требовалась цепь разума, а подчас разуму – ее цепь». Таков ефремовский ответ на проблему «физиков и лириков», эмоциональности и рациональности.

* * *

В «Туманности Андромеды» Ефремов обратился к такому далекому будущему, что после этого предстояло прорисовать дороги к нему из настоящего. И это – вовсе не программа КПСС.

Ефремов считает, что для коммунизма должны быть созданы нравственные предпосылки. Роман «Лезвие бритвы» (1963), по словам А. Константинова, «можно рассматривать как ответ на печаль, которая

примешивается к воодушевлению от «Туманности Андромеды». Ведь мир ефремовского будущего невообразимо далёк, а вокруг — социальные проблемы современности, бытовые неурядицы, мещанство, море мелочных проблем. В «Лезвии бритвы» писатель показывает, что Человеком можно быть и сегодня»^[1104]. Путь к коммунизму заключается в росте числа коммунистических людей по мере распространения этических идей.

При этом коммунистические люди Ефремова были всегда — задолго до 1917 года. Исторический роман «Таис Афинская» посвящен не людям грядущего, а прекрасным людям далекого прошлого. То есть прекрасные и ужасные люди встречаются и в прошлом, и в будущем. Задача — значительно увеличить число альтруистов. Здесь Ефремов стремится «показать, как впервые в европейском мире родилось представление о гомонойе — равенстве всех людей в разуме, в духовной жизни, несмотря на различие народов, племён, обычаев и религий... В этом—то собственно главный стержень этого этапа развития истории человечества (с нашей, европейской + индийской точки зрения)»^[1105].

Ефремов ищет путь к развитию альтруистических отношений, совершенствования человека с помощью духовных практик Востока (вот они снова — парапсихологические свойства). Это придало писателю популярность среди людей, далеких от коммунистических идеалов и футурологических интересов: ««Лезвие бритвы» и по сие время считается высоколобыми критиками моей творческой неудачей. А я ценю этот роман выше всех своих (или люблю его больше). Публика его уже оценила — 30–40 руб. на чёрном рынке, как Библия. Всё дело в том, что в приключенческую рамку пришлось вставить апокриф — вещи, о которых не принято было у нас говорить, а при Сталине просто — 10 лет в Сибирь: о йоге, о духовном могуществе человека, о самовоспитании...»^[1106], — писал И. Ефремов.

Истинная свобода — не просто социальная. Чтобы стать свободным, человек должен освобождаться от внутренних фильтров, от психологических блоков и, возможно, телесной оболочки. А это постановка вопроса на грани религиозных исканий.

Богоискательство вообще присуще фантастике (в том числе советской), потому что многие сюжеты основаны на контакте с высшим разумом^[1107]. Коммунистическое воспитание прививало

недоверие к христианству, и Бога было проще искать в других традициях.

Но Ефремов вовсе не собирался превращаться в восточного гуру. Его проект – социальный, а не религиозный. А. Константинов проводит параллели между Ефремовым и Чернышевским, тем более, что на них указывал и сам фантаст: ««Лезвие бритвы» — это обновлённая через столетие после знаменитого романа Н.Г. Чернышевского версия «рассказов о новых людях», представителях будущего в настоящем. Иван Антонович отмечал, что «Чернышевский первым заговорил о прекрасном будущем, как о настоящей реальности, достижимой в соединённых усилиях людей»^[1108]. «И думается, почему бы людям не создавать дружеских союзов взаимопомощи, верных, стойких и добрых? Вроде древнего рыцарства... Насколько стало бы легче жить. А дряни, мелким и крупным фашисткам, отравляющим жизнь, пришлось бы плохо», — рассуждает героиня романа — итальянка Сандра»^[1109].

А вот если «новые люди» не победят, то наступит нравственная, а за ней и социально–экологическая деградация, описанная в романе «Час быка» (1968).

«Час быка» ставил задачу положить начало выяснению «препон и задач психологической переработки людей в истинных коммунистов, для которых ответственность за ближнего и дальнего и забота о нем – задача жизни и все остальное, АБСОЛЮТНО ВСЕ – второстепенно, низшего порядка»^[1110]. Таков критерий коммуниста по Ефремову. Коммунист – это альтруист.

В «Часе быка» под предлогом космического конфликта Ефремов сводит две общественные системы, два пути человечества, две философии. Первый – планета Торманс, оказавшаяся в тупике экологической и социальной деградации, нравственного одичания. Эта антиутопия перекликается с опасениями социальных мыслителей 70–х гг.: «за несколько лет до «Римского клуба» Ефремов затронул тему пределов роста неразумного хозяйствования. Впрочем, сам он в предисловии к книге ссылается на Богданова и Ленина, ещё в начале XX века обсуждавших эту проблему»^[1111]. К катастрофе привела философия власти, иерархического общества, принципы которой сформулированы в учении «Великого гения Цоама», духовного отца тормансианской олигархии. «Прочитав это имя в обратном порядке,

нетрудно увидеть, что речь идёт о Мао Цзэ–дуне»^[1112]. Но принципы «Цоама» – квинтэссенция современной цивилизации, которая роднит бюрократический «социализм» и олигархический капитализм (о близости двух моделей индустриального общества говорили также инакомыслящие).

Эту ловушку авторитарно–индустриальной цивилизации, в которую попало человечество (увы, не только на Тормансе), Ефремов называет «инферно». Выход из «инферно» предлагает восторжествовавшее на ефремовской Земле будущего учение Эрфа Ромма – не Маркса, отметьте. Имя Эрфа Рома легко расшифровывается как Эрих Фромм – официально осуждаемый в СССР философ–неомарксист и гуманист. А. Константинов справедливо замечает, что учение Эрфа Ромма не полностью соответствует взглядам Э. Фромма, а является синтезом идей последнего и самого И. Ефремова. А. Константинов так реконструирует основные положения «роммизма»:

«Разработанный им путь выхода из инферно можно для простоты разложить на три взаимосвязанные компоненты:

— принятие и осуществление в жизни принципов ноосферной, гуманистической этики — забота о ближнем и дальнем (включая будущие поколения людей), уважение свободы человека, неустанное стремление к нравственному самосовершенствованию;

— борьба за лучшее общество;

— воспитание воли к Жизни через умножение познания и красоты»^[1113].

Все это хорошо, но здесь Ефремову уже не хватает утопии – конкретной социальной программы, которая обеспечила бы воплощение этих замечательных принципов в жизнь на реальной Земле.

Цензура не расшифровала крамольных намеков романа, и лишь позднее писатель попал под подозрение как критик не только капитализма и маоизма, но и советской действительности: «...писатель допустил ошибочные оценки проблем развития социалистического общества, а также отдельные рассуждения, которые дают возможность двусмысленного толкования»^[1114].

«Туманность Андромеды» — романтическая утопия. «Час быка» — мрачная антиутопия, грозное предупреждение. Эта эволюция характеризует не только творчество Ефремова.

Г. Гуревич так характеризовал смену настроений в фантастике в 60–е гг.: «После XX съезда, после выхода в космос появилось настроение эйфории: все можем, все сумеем, чуть подтолкнуть, и все само собой устремится вверх. В фантастике бурные мечты, превосходящие А. Беляева. Но, увы, на практике бурный взлет не состоялся. Космос космосом, а на полях неурожай, на Украине хлеб из гороховой муки. И последовал период сомнения, разочарования. Выразили его братья Стругацкие в романе «Трудно быть богом»^[1115].

И не только в этом романе, даже, пожалуй, не столько в нем, сколько в книге «Понедельник начинается в субботу».

В.Л. Терехин противопоставляет творчество Ефремова и Стругацких. Ведь Ефремов рисует воплощенный коммунизм, а Стругацкие – скептики, которые видят в коммунизме свои изъяны^[1116]. У Ефремова человечество устремляется в космос. У Стругацких такой же поход оборачивается конфузом: «с неба на площадь свалилась громадная ржавая ракета», с говорящим названием «Звезда мечты». В.Л. Терехин справедливо видит в этом пародию на триумфальное возвращение «Тантры» у Ефремова. Но это – сатира на большее – на веру в безграничные возможности технического прогресса, напоминание о том, что кроме помпезных торжеств есть и неприглядные будни. По телевизору – торжественные репортажи о новых стартах, а с неба на Алтай падает отработанный космический мусор...

И Ефремов, и Стругацкие ищут лучшее будущее и критикуют настоящее. Не в сатире Стругацких, не в «шестидесятнической фиге в кармане» ключевое различие между ними^[1117].

Стругацкие стартовали «Страной багровых туч» в 1959 г. – как продолжатели ефремовской линии (он дал положительный отзыв на публикацию их первого произведения). Но были и отрицательные отзывы. Е. Брандис тактично предлагал поверять «физику» «лирикой»: «если взять, к примеру, рассказы А. и Б. Стругацких — это безусловно одаренные, эрудированные авторы, — то легко заметить, что волнуют их больше всего не люди, а научные гипотезы, саморазвивающиеся

механизмы. Пафос голой техники обесчеловечивает литературу. Не отражается ли в излишней технизации научной фантастики та недооценка значения гуманитарных наук в жизни нашего общества, о которой в свое время писал И. Эренбург, а сейчас вновь поднял вопрос К. Зелинский?»^[1118] Братья усвоят урок.

Мотором тандема в 50–60–е гг. был Аркадий. Борис стал более активен в конце 70–х гг. Это влияло на идеологический подтекст произведений Стругацких. Аркадий до конца жизни оставался неортодоксальным коммунистом, а Борис был более склонен к либеральным идеям. Для 60–70–х гг. такой синтез был оптимален для идейного поиска.

Борис вспоминает: «Это было время, когда мы искренне верили в коммунизм как высшую и совершеннейшую стадию развития человеческого общества. Нас, правда, смущало, что в трудах классиков марксизма–ленинизма по поводу этого важнейшего этапа, по поводу фактически ЦЕЛИ ВСЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ сказано так мало, так скупо и так... неубедительно...»^[1119]

Борис говорит о своих с братом коммунистических взглядах в прошедшем времени. Г. Прашкевич поправляет: «незадолго до смерти Аркадий Натанович говорил мне с горечью, что все–таки более красивой идеи, чем коммунизм, люди до сих пор не придумали»^[1120].

Сначала братья стремились конкретизировать то, что оказалось не прописано «классиками». Если «Страну багровых туч» упрекали за технологизм, то затем Стругацких больше интересовали социальные отношения и психология. А технологические решения можно не предъявлять (что братья позволяют себе, начиная с «Попытки к бегству»^[1121]).

Будущее Стругацких принципиально не идеально, и живут в нем люди, очень похожие на нас. Братья разместились между советской реальностью и утопией, в некотором предбаннике коммунизма, и с этой удобной позиции принялись разглядывать и проблемы, встающие на пути в будущее, и препятствия, которые ростки будущего встречают в настоящем, и нестыковки в самом идеале, которые могут крыться в деталях.

Будничность будущего у Стругацких делает их классиками социалистического реализма. Произведения Стругацких подкупали своей фантастической занимательностью, необычностью ситуаций и,

как писал Аркадий Борису, «строжайшим реализмом в поступках и проведении героев»^[1122]. Таков и должен быть социалистический реализм. Коммунизм у них реален и потому не идеален.

«Мы населили этот воображаемый мир людьми, которые существуют реально, сейчас, которых мы знаем и любим, — пишут Стругацкие в предисловии к одной из своих книг, — таких людей еще не так много, как хотелось бы, но они есть, и с каждым годом их становится все больше. В нашем воображаемом мире их абсолютное большинство: рядовых работников, рядовых творцов, самых обыкновенных тружеников науки, производства и культуры».^[1123]

Но здесь Стругацкие делают важную философско-психологическую заявку, которая является скрытым вызовом Ефремову и получит полное (можно сказать — упрощенное) развитие у Кира Булычева: человек будущего останется таким же, как наш современник (может быть — будет в среднем несколько интеллигентней). Стругацкие скептически относятся к целенаправленному воспитанию коммунистических альтруистов.

Будущее Ефремова — мир победивших альтруистов, а по Стругацким — интеллигентов. В этом — ключевое различие.

Если будущее «Туманности Андромеды» неизбежно, то Стругацкие бросают зерно сомнения. Прощаясь с предками, потомок говорит: «Вы нам нравитесь. Мы... в вас верим. Вы только помните: если вы будете такими, какими собираетесь быть, то и мы станем такими, какие мы есть. И какими вы, следовательно, будете». А если не будете? Ответом Ефремова на эту проблему станет «Час быка».

В 1963–1964 гг. Стругацкие наносят двойной удар по капиталистическим потребительским ценностям («Хищные вещи века») и прогрессизму, представлению о неудержимом однолинейном прогрессе («Трудно быть богом»).

Но такой ли этот удар двойной? «Трудно быть богом» ставит под сомнение не только прогресс по марксизму, но и по любому «-изму». Скептически оценивая возможности «Базисной теории» (что по Марксу, что по кому-нибудь другому, хоть Эрфу Ромму), Стругацкие и сами не знают, что предложить, если включилось «инферно» (выражаясь термином Ефремова), если варварство или (и) тоталитаризм поглощают цивилизацию. Трудно освободить тех, кто к этому не готов. Эта тема звучит и в «Обитаемом острове».

Но все же необходимо заниматься освобождением человечества от гнетущих его систем. Но это вопрос контакта не разных цивилизаций, а разных людей – обычных и... странных. Так возникает тема странников, которая в своих итоговых ответах принципиально близка и ответам Ефремова – путь к лучшему будущему лежит не через переворот, а через субкультуру новых людей. И противостоит ей не только режим, а нечто большее.

«Хищные вещи века» были восприняты как критика западного потребительства. «Возможно, при мирном и постепенном переходе к социализму в некоторых высокоразвитых капиталистических странах веками взлелеянная традиция мещанства возьмет верх, — пишет по поводу этой повести А. Ф. Бритиков. — Тогда, показывают Стругацкие, развернется битва за души людей. Битва, быть может, самая сложная, ибо противник неуловим, он — в самом человеке, вступающем в освобожденный мир с наследством проклятого прошлого»^[1124]. Но этого мещанского наследства сколько угодно в стране «победившего социализма». Так что в случае коммунистического материального изобилия мещанство может в любой стране погубить новое общество. Стругацкие опровергают надежды на победу коммунизма в результате роста производства и обилия материальных благ. Индустриальный прогресс воспроизводит мещанство, а не «новых людей».

* * *

В конце 60–х гг. Стругацкие, как и большинство интеллигентов–прогрессистов, подумывали о том, что настало время писать в стол^[1125]. Но написанный в 1971 г. «Пикник на обочине» через несколько лет преодолел препоны цензуры и, предел мечтаний – был экранизирован («Сталкер» А. Тарковского). Не так страшны были эти времена, как представлялось первоначально. Стругацкие хорошо освоили технику «пробивания» произведений в печать, хорошо знали, «почему в отдел культуры жаловаться не имело смысла, а надо было жаловаться именно в отдел печати и пропаганды...». А «инстанции» вели борьбу не только с намеками, но с реализмом фантастических

произведений, дабы как можно четче провести различие между фантастикой и жизнью: «фантастика должна быть обязательно фантастична и уж во всяком случае не должна соприкасаться с грубой, зримой и жестокой реальностью...»^[1126]. Писателям приходилось отстаивать именно социалистический реализм, который вроде бы должен был играть роль их оков.

Реализм стал кредо Стругацких до такой степени, что при работе над «Сталкером» они уже «выкорчевывали фантастику из сценария»^[1127].

Такой уклон соблазнял писателей и на постановку фантастических экспериментов с реальным человеком уже без антуража будущего («Град обреченный», 1974 г.). В самиздат ушли «Гадкие лебеди» – о воспитании интеллектуально могущественного сверхчеловека. Эти «новые люди» далеки от ефремовских.

Но коммунистическое будущее не уходит из поля зрения Стругацких, все более приближаясь к реальности советского общества. Но если раньше такое сближение мыслилось как движение настоящего в будущее, то теперь – напротив – настоящее остановилось в «застое», и в образе будущего стали проступать нерешенные проблемы современности. Считалось, что коммунизм решит эти проблемы автоматически. Стругацкие интересуются: «Как?». В 1979 г. в «Жуке в муравейнике» Стругацкие ставят проблему «безопасности» при коммунизме, опасной роли «органов». Отталкиваясь от этой угрозы, Стругацкие развивают тему «странников» – высшей цивилизации, не привязанной к государству, даже к планете (вот вызов национал-патриотам). Это «странничество» противостоит «безопасности», коммунистической государственности (теоретически невозможной с точки зрения марксизма, но живучей под новыми личинами, пока не выяснено, как конкретно обойтись без государственного принуждения).

В 1984 г. в «Волнах гасят ветер» Стругацкие разъяснили свое понимание перспектив цивилизации. Их критерий прогресса в целом соответствует ефремовскому. Но они ставят вопрос о следующем шаге – что после коммунизма и может быть – после homo sapiens: «Любой разум... в процессе эволюции первого порядка проходит путь от состояния максимального разъединения (дикость, взаимная озлобленность, убогость эмоций, недоверие) к состоянию максимально

возможного при сохранении индивидуальности объединения (дружелюбие, высокая культура отношений, альтруизм, пренебрежение постижимым). Он хорошо изучен и представляет здесь для нас интерес постольку, поскольку приводит нас к вопросу: а что дальше?... Синтез разумов неизбежен».

Как видим, Стругацкие могли позволить себе писать (а затем публиковаться) на любые темы. Борис Стругацкий считает, что «цензура «корректировала» наши замыслы не таким уж решительным образом. Она могла принудить нас видоизменить первоначальную идею, но очень редко принуждала нас отказаться от замысла совсем» [1128]. Это даже шло на пользу – замысел выразился тоньше, без «грубого социала».

* * *

Разумеется, советская фантастика не сводима к магистрали Ефремов – Стругацкие. На поле фантастики шли все советские игры разума. Одни используют космический антураж, чтобы продолжить вполне земные войны с шпионами и агентами враждебных организаций масонского типа [1129]. Другие авторы увлекались модным западным веянием – темой сращивания человека и машины (например, «Стрелки часов», 1964, И. Росоховатский). В «Далекой Радуге» Стругацкие отвергли идущую от А. Кларка идею «сращивания» – проведя такой эксперимент, ученые сами стали машинами, лишеными эмоций и творческого начала.

Г. Гуревич, который еще в 1958 г. призвал переходить от «ближней фантастики» к дальним горизонтам [1130], в 1965 г. в романе «Мы – из солнечной системы» попытался выяснить – а что произойдет, когда будут решены все социальные и материальные проблемы? Когда будет изобретена технология, позволяющая человеку создавать любой необходимый ему предмет? Аналогичный предел экономики «вычислил» и В. Шефнер в «Девушке у обрыва» – создан универсальный материал, который легко произвести из воды. Материальное изобилие достигнуто, а психологические страдания, скажем, от неразделенной любви, сохранятся.

Но даже когда речь идет о будущем, фантастика все чаще превращалась в разговор о настоящем, при чем сразу в двух отношениях. Одни использовали будущее в качестве прикрытия для разговора о сегодняшнем дне, а другие, как Кир Булычев с его сборником «Люди как люди», вообще считали, что люди всегда останутся такими, как сейчас. Интересно посмотреть как мы (такие же как мы) будут выкручиваться в невероятных фантастических обстоятельствах.

У писателей-фантастов было два магистральных пути для того, чтобы издать книгу – через издательства «Молодая гвардия» и «Детская литература» (сначала лучше было бы пройти еще через журнал – «Молодую гвардию», «Технику молодежи», «Знание – сила» или какое-либо региональное издание). Базой Стругацких была «Детская литература» («Детгиз»). Но собственно детским фантастом в их кругу, живым классиком детской фантастики был Кир Булычев (И. Можейко). Он тоже писал фантастику для взрослых – в стол. Но печатал детские истории об Алисе, которые шли «на ура». Детская фантастика должна была будить фантазию подрастающего поколения (сейчас эту задачу выполняет фэнтези). Постановка серьезных проблем вроде бы не предполагается, хотя и не исключается – и он их ставил. Прибор, читающий мысли, борьба за сохранение животного мира, возникновение эпидемий при контакте цивилизаций.

Можейко относился к существующему режиму крайне критически – что и стало очевидно при публикации его «взрослых» вещей после начала Перестройки. «Я был обыкновенным жителем сумасшедшего государства. Жителем, который, как замятинский номер, полагал, что ему суждено жить и умереть в СССР, хотя другие страны нравились ему больше». Он слушал «Голос Америки» и считал, что его трудно одурачить^[1131]. Но одурачить человека может и «Голос Америки», а не только ТАСС...

И все же, и все же. Фильм об Алисе по сценарию Кира Булычева продолжает звать современных школьников в совсем не капиталистическое будущее, и под песню о «прекрасном далеко» над Кремлем будущего развеваются красные флаги.

В 70–е гг. советская фантастика стала обрастать общественной инфраструктурой. В 1975 г. в Ленинграде стал действовать литературный семинар под руководством Б. Стругацкого, в 1979 г. в Москве – под руководством Д. Биленкина и Г. Гуревича. С 1982 г. в Доме творчества в Малеевке стали проводиться Всесоюзные семинары молодых фантастов.

Увлечение фантастикой создавало спрос, за которым не успевало предложение. К обычному советскому дефициту добавлялись искусственное сдерживание неудобного жанра. Советский человек привык преодолевать дефицит, выстраивая сети самоснабжения. Читатели группировались в клубы любителей фантастики, которые распространяли литературу и самиздат, обсуждали прочитанное, вместе расшифровывали намеки.

В клубах состояло от 15 до 150 человек, в среднем около 50. Большинство клубов, существовавших в начале 80–х гг., возникли не ранее середины 70–х гг. [\[1132\]](#)

В 1980 г. фантаст Ю. Яровой, писатель В. Крапивин и публицист, главный редактор журнала «Уральский следопыт» С. Мешавкин организовали литературную премию за лучшее фантастическое произведение – «Аэлита». Вручение «Аэлиты» с 1982 г. превратилось в своеобразный съезд движения клубов любителей фантастики. В Свердловск приехали делегаты владивостокского «Комкона–3», волгоградского «Ветра времени», тираспольского «Альтаира», ставропольского КЛЮФа (клуб юных любителей, фантастики), новосибирского «Ариэля», хабаровского «Фанта», пермского «Рифея». Приняли участие и свердловские клубы «Радиант», «Миф», «Кентавр» и «Антарес» [\[1133\]](#).

В 1984 г. отдел пропаганды ЦК КПСС с тревогой отмечал: «У руководства некоторых клубов стоят люди, не имеющие ни соответствующих знаний, ни правильной политико–идеологической ориентации. Многие клубы создаются стихийно и действуют бесконтрольно. В них нередко изучаются произведения фантастики американских, английских, французских и других зарубежных авторов, в которых социальные проблемы трактуются в духе воззрений буржуазных философов.

В отдельных клубах практикуется перевод зарубежных книг, не издаваемых в СССР, наблюдаются случаи размножения и перепродажи этой литературы. Участники клубов создают собственные произведения фантастики, причем во многих случаях низкого идейно-художественного уровня...

В нарушение положения о любительских объединениях городские клубы фантастики организуют свои филиалы в учебных заведениях, библиотеках, направляют в другие клубы различные материалы, выпускают рукописные журналы, информационные бюллетени. Без разрешения органов культуры они проводят диспуты, тематические вечера и спектакли на фантастические темы в крупных залах, школах, пионерских лагерях. Вообще «выходу в массы», за пределы клуба, уделяется много внимания»^[1134].

Попытка поставить движение под контроль органов культуры, профсоюзов и комсомола явно запоздала.

* * *

Казалось бы, с Перестройкой освобожденная от давящего контроля фантастика должна была испытать новый расцвет...

Но фантастика жила вместе с обществом, которое, взяв разбег, попыталось в 80-е годы перескочить через барьер пост-индустриальных задач. И не смогло. Ударившись о стену, страна раскололась и стала сползать назад в сторону Третьего мира. Потеряв цели, общество оказалось дезориентированным и погрузилось в депрессию – социально-экономическую и моральную. «Ведь что с нами произошло? Мы потеряли будущее. Оно у нас было: серое, суконное, очень скучное, шершавое и неприятное, но совершенно определенное будущее. Мы ясно себе представляли, что ждет нас и через 10 лет, и через 20 лет, и вообще на протяжении всей оставшейся жизни. И вот это представление исчезло. Оно оказалось, к счастью, неправильным. Открылся целый веер возможностей — от кровавой и бессмысленной диктатуры до перспективы шведского социализма со всеми его плюсами и минусами.

Мы растерялись. Мы перестала понимать, что нас ждет через 10, 20 лет. В этом смысле будущее потеряно»^[1135]. «Шведский социализм» как предел горизонта Бориса Стругацкого. Аркадий умер за два месяца до распада СССР. Спор о том, что в большей степени определит облик будущего – интеллектуальная или этическая сила – оказался отложен. На повестке остались власть и собственность, пружины инферно.

На место поисков лучшего будущего пришло увлечение мифом о прошлом (даже не реконструкцией реальной истории, а заведомой сказкой – фэнтэзи). Часть КЛФ распались, часть, освоив технику ролевой игры, превратились в Толкин–клубы и т.п. В 1990 г. на фестивале «Аэлиты» представители красноярского КЛФ «Вечные Паруса» и коммунарский отряд «Рассвет» из Москвы объявили о готовящихся под эгидой Всесоюзного Совета КЛФ «Хоббитских Игрищах». «Таким образом, историю «Ролевого движения» в СССР – России можно вести начиная с 1990 года, когда под Красноярском состоялись первые «Хоббитские игры»... собравшие около 130 человек, в основном представителей различных КЛФ со всего союза»^[1136], – пишет исследователь неформальных движений К.М. Ивашников.

Увлечение фэнтэзи серьезно потеснило фантастику, да и российская фантастика, сменившая советскую, с большим основанием может называться фэнтэзийной, чем научной.

Эта метаморфоза вызвала печаль и негодование у части фантастов старой школы. Фантаст С. Павлов с горечью писал о наступлении фэнтэзи на фантастику: «В результате к исходу века маги, колдуны, волшебники и вурдалаки снова подняли головы и пытаются взять под контроль достижения ненавистной им современности...

Отныне мир стоит на развилке дорог.

Одна зовет к облакам под девизом «Знание – Сила – Жизнь». Другая ведет в глухой туман деградации»^[1137].

Откат в «глухой туман деградации» – зеркало отката, деградации, который происходит в обществе после поражения Перестройки. Этот регресс продолжается на советском культурном пространстве до сих пор. Отсюда – и торжество вурдалаков в литературе и в жизни.

Фэнтэзи раздавила фантастику числом, помиловав лишь подражание американским боевикам. Но возрождение социальной фантастики неизбежно. Ведь утопия бессмертна. Человечество будет

все равно искать будущее, в котором хотелось бы жить. Не в мечтах, а реально. И это – поле для работы социальной фантастики, искусства социалистического реализма, социального творчества. Закон инферно действует, но действует не только он. Впереди – либо кровавое возвращение в дикость, борьба империй и этносов на уничтожение, либо – принципиально новое общество. Это – урок, оставленный нам советской цивилизацией с ее нерешенными проблемами (не решенными и после того, как СССР исчез с карты), с ее свободой и с ее культурой, которая дожила до XXI века хотя бы потому, что думала о нем.

notes

Примечания

О проблеме свободы см. также: Шубин А.В. Социализм: золотой век теории. М., 2007. С.672–676.

Тоталитаризм – явление конкретное, можно сказать – узко–историческое. Исходя из самого смысла термина «тотальный», тоталитаризм предполагает, что правящая олигархия стремится к тотальному (полному, всеобщему) контролю за общественной жизнью. Соответственно, режим включает карательную машину, как только обнаружены какие–то ростки самостоятельной, несанкционированной общественной активности, какое–то нарушение монолитности как в народе, так и в самом правящем слое. Отсюда такие признаки тоталитаризма, как террор, отсутствие длительных общественно–значимых дискуссий, строжайший централизм экономического управления, идеологические кампании, в которых миллионы участвуют искренне, а не по принуждению. Другое дело – обычный авторитаризм. «Авто» — указание на самостоятельность. Режим самостоятелен от воли низов, «автократичен». Но и низы, в отличие от тоталитаризма, получают свою сферу самостоятельности от режима. Он уже не претендует на поддержание полной монолитности, он не подавляет все заметные автономные течения в обществе. Он выставляет рамки, за которые нельзя переходить, и даже позволяет обществу давить на них, постепенно расширяя сферу свободы, лоббировать те или иные решения. Отсюда – скептицизм в обществе по поводу многих официальных кампаний, большая сложность социальной структуры, разнообразие интересов, более низкая репрессивность. Тоталитаризм – исключительная, наивысшая фаза развития авторитаризма – встречается в истории редко, и продолжается относительно недолго. Авторитаризм типичен. Он несет в себе тоталитарные черты, которые весьма заметны не только в коммунистических режимах, но и в антикоммунистических. Индустриальное общество вообще склонно к превращению человека в винтик, и тоталитаризм – лишь максимальная степень общей тенденции.

См.: Шубин А.В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920–1930–х годах. М., 2004.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т.9. С.19.

Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. // Реабилитация. Политические процессы 30–50–х гг. М., 1991. С.19.

В литературе встречаются и другие наименования этих лагерей. Например, прогрессистов часто называют либеральными коммунистами или даже либералами. Это вносит путаницу и требует постоянных оговорок и разъяснений, так как партийные «либералы» не разделяли идеологии либерализма, не выступали за частную собственность, как правило не смели выступать за многопартийность и т.д.

50–летие XX съезда КПСС. Круглый стол 22 февраля 2006 г. М., 2006. С.53.

И как отдельно отмечено – евреем, то ли чтобы подчеркнуть неблагонадежность, то ли особый ум, то ли оба обстоятельства сразу – уж и умны они, космополиты проклятые.

Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Т.2. С.256–257.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С.432–433.

Там же. С.433.

Там же. С.434.

Там же. С.435.

Там же. С.435.

Там же. С.443.

Там же. С.436.

Там же. С.437.

Там же. С.510

Там же. С.438.

Там же. С.440.

Там же. С.526.

Там же. С.450.

Там же. С.451.

Там же. С.451.

Там же. С.455.

Там же. С.456.

Там же. С.289.

Там же. С.520

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.40.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде
КПСС. Документы. С.511

Там же. С.512

Там же. С.429.

Там же. С.430.

Там же. С.472.

Там же.

Там же. С.430.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и прокуратуры СССР. М., 2005. С.333.

Там же.

См. Наука и власть. Воспоминания ученых–гуманитариев и обществоведов. М., 2001.

См. Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. Мораль и политика: история, теория, личные судьбы. М., 2006. С.242–257; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964. М., 1993.

Сравните: Водолазов Г.Г. Указ. соч. С.254–257; Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989 гг. М., 2006. С.21–71.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС. Документы. С.396.

Там же.

Там же. С.397.

Там же. С.398.

О национальных проблемах СССР подробнее см.: Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С.134–146.

Быков Д. Пастернак. М., 2006. С.740–741. Д. Быков здесь, видимо, решил применить к советской истории прием, напоминающий взгляд на жизнь доктора Живаго. Для доктора имеет значение лишь то, что его непосредственно касается, способствует его поэтическому творчеству. Судьба советского общества, «оттепели» имеет для Быкова значение лишь постольку, поскольку это сказывается на судьбе его героя. Поэтому для него «судьба советской оттепели была решена», когда по московскому радио объявили о завершении романа «Доктор Живаго» (С.744). Однако события, связанные с романом, не решили судьбы «оттепели», что признает и сам Д. Быков, упоминая ее новом этапе в начале 60–х гг.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежневe. С.30.

Там же. С.30.

Там же. С.31.

Там же. С.30.

Там же. С.36.

Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война. Жестокая правда документов. Пермь, 2005. С.399.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде
КПСС. Документы. С.510

Водолазов Г.Г. Указ. соч. С.245.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина на XX съезде КПСС». Документы. С.503

См. Шубин А.В. От «застоя» к реформам; Шубин А.В. Парадоксы Перестройки. Неиспользованный шанс СССР. М., 2005.

Вайль П., Генис А. 60-е. М., 1996. С.100, 104–105.

Глембовский Г. О некоторых вопросах перестройки хозяйственного руководства. // «Правда». 4.4.1957.

Подробнее о проблеме ведомственности и местничества см.
Шубин

Глембовский Г. О некоторых вопросах перестройки хозяйственного руководства. // «Правда». 4.4.1957.

Цветков Г. По поводу предложений тов. Глембовского. // «Правда». 7.4.1957.

Тушишвили Н. Расширить права предприятий. // «Известия». 9.4.1957.

Ектов И. Руководство должно быть конкретным, не бумажным. // «Известия» 26.4.1957.

Например: Савельев Г. Улучшить руководство внедрением новой техники. // «Правда» 19.4.1957; Кочегаров Л. Усилить инженерное руководство шахтами. // «Правда». 5.4.1957.

Раджабов Г., Бабаев Е., Арутюнов В. Шире дорогу рабочей инициативе! // Известия» 13.4.1957.

Водолазов Г.Г. Указ. соч. С.267.

История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976.
С.440–441, 563–569.

Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953–1970 гг. М., 1999. С.26.

Берггольц О. Разговор о лирике. // «Литературная газета». 16.4.1953; Эренбург И. О работе писателя. // «Знамя». 1953. №10.

Померанцев В. Об искренности в литературе. // Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. М., 1989. С.17.

Там же. С.18.

Там же. С.60.

Там же. С.57.

Там же. С.19.

Там же. С.51–52.

Там же. С.20.

Там же. С.28.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2004. Т.1. С.708.

Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы.
С.430–431.

Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное (1953–1964). М., 1991. С.15.

Там же. С.16.

Там же.

Там же. С.17.

Одновременно с «Новым миром» покусили и других «уклонистов». 27 мая в «Правде» вышла статья В. Кочетова «Какие это времена?» с нападками на роман В. Пановой «Времена года», который, мол, лежит «вне нашего времени». Панова провинилась в «абстрактном гуманизме». Одновременно «ЛГ» обозвала произведение Л. Зорина «фальшивой пьесой» за «бьющую на сенсацию мнимую остроту, ложное разоблачительство, которое ведет к ложному, неправдивому освещению отношений в советском обществе».

«Огонек». № 6. 1988. С. 9.

«Дружба народов». № 3. 1988. С. 181–184.

«Литературная газета». 23.09.1954.

Второй всесоюзный съезд советских писателей. 15–26 декабря 1954 года. Стенографический отчет. М., 1956. С.377.

Там же. С.32.

Горький М. Полное собрание сочинений в 30 томах . Т.26. М., 1953. С.152. Суть социалистического реализма впервые выражена даже не Горьким, а, как подметил В. Померанцев (Указ. соч. С.52), Н. Чернышевским, который так писал в «Что делать» о будущем: «Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести».

Второй всесоюзный съезд советских писателей. С.91.

Там же.

Там же. С.93. Симонов так конкретизирует обвинение: «Одной из форм отклонения от метода социалистического реализма в искусстве является объективизм... Написав историю отношений Дорофеи с ее сыном Геннадием, историю, стыдную для Дорофеи, как для передового советского человека, призванного учить и воспитывать других, Панова как бы умыла руки и сказала: «Не хочу! Вижу, но осуждать не хочу. Не хочу выносить ей решительного осуждения ни собственными, авторскими устами, ни устами героев. Больше того — не хочу осуждать Дорофею и в мыслях самой Дорофеи». В конечном итоге Дорофея предстает у Пановой не жертвой собственных ошибок, а жертвой обстоятельств, «судьбы»» (С.92). Но судьба – это социальные отношения, а они у нас – самые передовые. Значит, не судьба виновата в бедах, а сам человек. А судить своего героя Панова не хочет.

Второй всесоюзный съезд советских писателей. С.143.

Там же.

Там же. С.170.

Там же.

Там же. С.170–171.

Слова Шолохова были особенно обидны, хотя не определялись борьбой идей: «Не первый год пишет т. Симонов. Пора ему уже оглянуться на пройденный им писательский путь и подумать о том, что наступит час, когда найдется некий мудрец и зрячий мальчик, который, указывая на т. Симонова, скажет: «А король–то голый!» Неохота нам, Константин Михайлович, будет смотреть на твою наготу, а поэтому, не обижаясь, прими наш дружеский совет: одевайся поскорее поплотнее, да одежду выбирай такую, чтобы ей век износу не было!» Но и сам Шолохов «сбавил обороты». Все не выходит дописать «Они сражались за Родину». Симонов в итоге ответит Шолохову «Живыми и мертвыми», честной сагой о 41–м годе.

Второй всесоюзный съезд советских писателей. С.252.

Там же.

Там же. С.295–296.

Там же. С.504.

Там же. С.571

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.20

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990. С.435. Доказывать свою мысль А. Синявскому приходится с помощью перечисления жизнеутверждающих названий сочинений социалистического реализма (в отличие от западных). Но, вспомнив «Хорошо!» Маяковского, Синявский неслучайно забыл «Клопа».

К. Симонов так противопоставляет соцреализм антисоветской литературе: «Возьмем «Железный поток» А. Серафимовича. Тяготы сверхъестественных испытаний, невероятный голод, жажда. С точки зрения лишенного перспективы буржуазного писателя, это материал для изображения человеческих мук. Именно таким, между прочим, и предстал — и иным и не мог предстать — в русской эмигрантской литературе, скажем, «ледяной поход» Корнилова. Но для советского писателя жестокая эпопея «Железного потока» — это шаг на пути к победе революции и поэтому прежде всего не страдание, а подвиг» (Второй всесоюзный съезд советских писателей. С.87). Строго говоря, для белогвардейца «ледяной поход» — тоже подвиг. Герои социалистического реализма действуют во имя социалистической идеи, но герои эмигрантской литературы — во имя своих идей. В этом отношении произведения социалистического реализма не отличается от любого, где герои гибнут не напрасно (вспомним хоть Шекспира).

Второй всесоюзный съезд советских писателей. С.143.

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. С.438–439, 447–451. Исключений такое множество, что А. Синявскому приходится то и дело объяснять их. Один Маяковский чего стоит. Мол, он уже в 1918 г. смирился перед большевиками, перестал бунтовать. И что делать со знаменитой «Баней»?

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. С.458.

Там же. С.457.

Там же. С.443.

Там же. С.445.

Там же. С.446. Синявский здесь искажил мысль Волошина, написав, что тот молится как бы и Богу, и Дьяволу. Но Волошин, что очевидно из текста, молится исключительно Богу за людей, принадлежавших к двум лагерям (в аналогии Синявского – он молится ЗА Бога и Дьявола – но так написать было нельзя, потому что это показало бы абсурдность самой аналогии).

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. С.449.

Краткая запись речи К. Паустовского на обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым». // Антология самиздата. М., 2005. Т.1. Кн.1. С.421.

Там же.

Оттепель. 1953–1956: Страницы русской советской литературы. С.475. Некоторое время Симонов пытался еще ковать железо, пока горячо, и на межвузовском совещании по вопросам изучения советской литературы, в котором приняло участие более 200 преподавателей университетов и пединститутов страны, выступил против постановления ЦК 1946 года. Но взять эту позицию он уже не мог – охранители перешли в контрнаступление.

Р. Орлова, Л. Копелев. Мы жили в Москве. Лин Арбор, 1988. С.47.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С.396–397.

Подвергшийся критике, А. Яшин и не собирался сдаваться, и попытался опубликовать в «Неве» стихотворение «Исповедь», где защитил свое произведение. Но стихотворение было своевременно уловлено цензурой, и не пропущено. РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.158. Л.12. В 1963 г. «прогремел» критический очерк Яшина «Вологодская свадьба».

«Литературная газета» 5.3.1957; «Правда» 20.3.1957.

Третий всесоюзный съезд советских писателей. 18–23 мая 1959.
Стенографический отчет. М., 1959. С.225.

В рыночной плюралистичной среде используется другой способ поддержания культурных стандартов. Прибыльными считаются произведения, соответствующие наиболее массовым вкусам, то есть стандартные. К ним привлекается внимание с помощью рекламной раскрутки, которая мало зависит от действительных достоинств произведения. Стандарт культурного потребления, таким образом, закрепляется на уровне «непритязательных вкусов» и даже снижается, так как реклама предпочитает апеллировать не к духовным, а к плотским потребностям. Соответственно, нестандартные произведения, соответствующие вкусам меньшинства, либо опережающие их, не пользуются массовым спросом и оказываются в малотиражных гетто. Выйти из этого гетто даже талантливое произведение может, только замаскировавшись под стандартное, но и в этом случае само по себе оно не привлекает внимание.

Эггелинг В. Указ. соч. С.96.

Огонек, 1988, № 37.

Стенограмма общемосковского собрания писателей 31 октября 1958 г. // Антология самиздата. Т.1. Кн.1. С.428.

Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку.
// «Литературная газета». 26.10.1958.

В наше время авторы телесериала, позаимствовавшего название романа Пастернака и имена героев, но существенно переработавшие сюжет, расширили эту линию в направлении, прямо противоположном правде жизни, которую в данном случае защищал Пастернак. Так появились картины спецраспределителей, перекочевавшие в эпоху Гражданской войны из времен Брежнева (куда более сытых и для страны в целом – не только номенклатуры). Что же – бойцы идеологического фронта сейчас могут не оглядываться на волю автора. Во время Гражданской войны были шкурники, совершались злоупотребления. Но нынешних мифотворцев не смущает, что Пастернак не считал возможным рисовать с помощью таких красок портрет революционера. Писатель помнил, что для времен Гражданской войны было типично, а что – даже обывателями воспринималось как исключение. Роскошествующий революционер – исключение. Голодающий – типично.

Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку.

Там же.

Там же.

БЫКОВ Д. Указ. соч. С.722.

Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку.

Там же.

БЫКОВ Д. Указ. соч. С.735.

Там же.

Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку.

Германский исследователь В. Эггелинг строит сложное объяснение того, в общем, понятного факта, что в СССР «Доктор Живаго» вызвал возмущение: «самая существенная причина возмущения Пастернаком, о «патологическом индивидуализме» которого говорил Соболев (председатель СП РСФСР – А.Ш.), заключалась в расхождении между все сильнее пропагандировавшимся пафосом созидания в связи с XXI съездом и начавшимся в 1959 г. 7-летним планом, и мнимой клеветой на революцию, содержащейся в «Докторе Живаго»» (Указ. соч. С.98). Эта «самая существенная причина» выглядит не убедительно, если вспомнить, что принципиальные претензии к Пастернаку были высказаны уже в 1956 г., при чем до «похолодания», вызванного Венгерскими событиями. Причины нужно искать не в съездах, а в передаче романа за рубеж и в присуждении премии. В. Эггелинг и сам добавляет более логичное объяснение: возмущение советских руководителей присуждением Нобелевской премии Пастернаку, а не Шолохову. Но все же этот фактор оказался вторичным – ведь конфликт с Пастернаком начался еще в 1956–1957 гг.

БЫКОВ Д. Указ. соч. С.773.

Там же. С.737.

Цит. по: БЫКОВ Д. Указ. соч. С.778

Забавно, что биограф Пастернака Д. Быков объявляет этот шаг «красивым» и даже протестным, и почему-то «бесмысленным» (С.783). Смысл капитуляции перед требованиями властей был вполне очевиден – после уже запланированной травли и исключения из СП Пастернака оставили в покое, пока поэт не переправил следующее произведение за границу. Во всяком случае, Пастернак камня на камне не оставил от теории нынешнего своего апологета Д. Быкова, будто поэт пережил 30-е гг., потому что Сталин не трогал сильных людей (С.736–737). Пастернак здесь не при чем.

Стенограмма общемосковского собрания писателей 31 октября
1958 г. // Антология самиздата. Т.1. Кн.1. С.432.

Там же. С.428.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.347.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.158. Л.13.

Там же. Л.14.

Там же. Л.15.

Там же. Л.9.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.60

Там же. С.97.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. С.713.

Митрохин Н. Анархо–синдикализм и оттепель. // «Община». №50.
1997. С.43.

Буковский В. И возвращается ветер. Письма русского путешественника. М., 1990. С.115–120.

Там же. С.123.

Митрохин Н. Указ. соч. С.44.

«Хроника текущих событий». №1. 1968.

Из стенограммы заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС 24 и 26 декабря 1962 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С.202.

Там же. С.204–206.

Там же. С.203.

Эггелинг В. Указ. соч. С.131. Немецкий исследователь считает, что эта ситуация объясняется также тем, что Пастернак уже умер, а Гроссман был жив и потому опасен (С.132). Но, учитывая согласие на публикацию живого и здорового Солженицына, дело было все же в содержании публикуемых произведений.

К В. Гроссману уже давно присматривались по части национализма, при чем не только антисемиты. В 1959 г. Главлит «завернул» его рассказ «Тиргартен», в котором нацизм был представлен не как социально–политическое явление, «а как явление национальное, как результат морального и нравственного уродства немецкой нации» (РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.158. Л.8). Советская цензура воспротивилась такой ксенофобии.

«Правда». 31.10.1961.

Эггелинг В. Указ. соч. С.260.

Там же. С.106.

5 ноября в «Известиях» вышел лагерный рассказ Г. Шелеста, но повесть Солженицына затмила эту публикацию.

«Известия». 18.11.1962; «Литературная газета». 18.11.1962.

Характерно, что в «Новый мир» рукопись Солженицына передал Лев Копелев, придерживавшийся левых взглядов.

Новодворская В.И. По ту сторону отчаяния. М., 1993. С.80.

Визит Хрущева на выставку и последующий скандал иногда рассматривается как провокация консервативных партаппаратчиков во главе с членом президиума ЦК М. Суловым или секретарем ЦК и руководителем Идеологической комиссии при ЦК КПСС Л. Ильичевым. Это они, злодеи, накрутили милого сердцу шестидесятников Хрущева. Разумеется, Сулов и Ильичев были рады получить такой повод указать прогрессистам на место, но говорить о провокации не приходится – ведь художники–абстракционисты сами бросали вызов официальным вкусам, и партийные «провокаторы» не убеждали их нарисовать картины непонятней и пострашней.

Оттепель. 1960–1962: Страницы русской советской литературы.
М., 1990. С.525.

После отставки Хрущева андеграунд пытался легализоваться. В 1966 г. прошла выставка в клубе «Дружба». Но эта субкультура была слишком тесно связана с инакомыслием, а чиновники, не понимавшие, почему «это» называется «искусством», подозревали, что имеют дело с аферистами, выдающими себя за художников. Так что добиться взаимопонимания было нелегко. 24 января 1967 г. лидер андеграундных художников А. Глезер собрал пресс-конференцию с иностранными журналистами и обвинил власти в подавлении независимого искусства. Этим он приравнял художественный андеграунд к диссидентству. 15 сентября 1974 г. московское художественное подполье попыталось выставить картины под открытым небом, но власти подогнали бульдозеры и под видом «благоустройства» снесли картины. Однако после эмиграции А. Глезера власти стали относиться к андеграунду благосклоннее и в 1975 г. предоставили возможность провести легальную выставку. (Подробнее см. Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1997. С.71–84).

Из стенограммы заседания Идеологической комиссии при ЦК КПСС 24 и 26 декабря 1962 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С.208.

Там же. С.210.

Ромм М. Четыре встречи с Н.С. Хрущевым. // Огонек. №28. 1988.

Вознесенский А. Н.С. Хрущев: «В вопросах искусства я сталинист». // «Советская культура». 26.4.1988.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.109.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж. 1975. С.72–73.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне. М., 1994. С.5.

Там же. С.6.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.109.

Там же. С.122.

«Правда». 11.3.1963.

«Правда». 28.3.1963; 29.3.1963; 3.4.1963.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.174.

Искусство героической эпохи. // «Коммунист». №10. 1964.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.176.

Барабаш Ю. «Руководители», «руководимые» и хозяева жизни». // «Литературная газета». 12.5.1964.

Солженицын А. Указ. соч. С.92, 97.

«Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). Сост. И.В. Соловьев. М., 2002. С.589–602.

Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. М., 2006. С.506.

Цит. по: Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. М., 2004. С.107–108.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.123. Л.48.

Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С.349.

Там же. С.350–351.

Свою роль в этом сыграл ряд факторов: уважение к политике Сталина, противоречия с выдвинутыми Хрущевым – «комсомольцами», которые были как раз склонны раздувать антицерковную борьбу, и даже тот факт, что отношения с РПЦ шли по государственной линии, а не по партийной (соответственно, Патриарх встречался как раз Маленковым и Булганиным, которые в 1955 и 1958 гг. были отправлены в отставку с поста главы правительства). Совпадение по времени двух хрущевских кампаний конца 50-х – начала 60-х гг. – против Сталина и РПЦ, может сбить исследователя с толку при объяснении мотивов Хрущева. Церковный историк В. Цыпин утверждает: «неожиданным развенчанием «культы личности» Сталина Н.С. Хрущев вызвал явное недовольство в партийно-номенклатурных кругах, поэтому ему важно было последовательным проведением антицерковной кампании убедить сталинистов в том, что он твердо стоит на партийных позициях. Политическая «оттепель» как раз и послужила своеобразным камуфляжем запланированной кампании по борьбе с Церковью» (Цыпин В. Указ. соч. С.510.). Очень странное объяснение, если вспомнить, что как раз Сталин был инициатором нормализации отношений с Церковью в 1943 г. Разворачивая наступление на РПЦ, Хрущев действовал вполне в русле очищения коммунистической идеологии от наследия сталинизма.

Васильева О.Ю. Указ. соч. С.93.

Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М., 2006. С.175.

201

Там же.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.363.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.123. Л.46.

Там же.

Там же. Л. 228

Там же. Л.39

Там же. Л.79

Там же. Л.111

Там же. Л.279–280

Там же. Л. 152–153

Там же. Л. 164

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.368

Там же. С.364.

Там же. С.365.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.370.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.126. Л. 264.

Там же. Л.39. 13 сентября 1958 г. отец Геннадий сказал нечто, что удивило даже видавших виды сотрудников Совета по делам РПЦ: «Войны как нашего отечества, так и со стороны других государств, являются неизбежным и необходимым фактором. Они благодатны и ниспосланы Богом для исправления человечества».

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.8. В 1958 г. священнику разрешили сделать пристройку к церкви, а затем взяли разрешение назад. «Решетин во время службы в церкви заявил верующим, что органы власти требуют разорения пристройки и сам лично на глазах верующих стал разбирать пристройку, вызвав этой провокационной выходкой массовое возмущение прихожан».

221

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.9.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.124. Л.109.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.125. Л.14.

Там же. Л.81.

Там же. Л.17.

Там же. Л.14.

Там же. Л.9.

Там же. Л.10.

Там же. Л.98.

230

Там же. Л.11.

Там же. Л.54–55.

Там же. Л.19.

Там же. Л.12.

Там же. Л.18.

235

Там же. Л.18.

Там же. Л.18.

237

Там же. Л.84.

Там же. Л.17.

Фирсов С.Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. С–Пб., 2004. С.148.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.370.

Осипов А.А. Воспоминания. // Фирсов С.Л. Указ. соч. С.271.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.126. Л. 270.

Фирсов С.Л. Указ. соч. С.109.

Осипов А.А. Воспоминания. // Фирсов С.Л. Указ. соч. С.274–275.

Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С.346.

Кривошеин В. Две встречи. С–Пб., 2003. С.150–151.

Фирсов С.Л. Указ. соч. С.120–122.

Там же. С.148–154. С.Л. Фирсова смущает тот факт, что свой анализ ситуации в Церкви после разрыва с ней Осипов представил в КГБ. Это заставляет биографа с оговорками согласиться с версией М.В. Шкаровского о «приказе», поступившем Осипову от КГБ (С.156). Но это не обязательно. Как только выступление Осипова состоялось, к нему стали обращаться разные инстанции. Как лояльный советский гражданин, Осипов не отказал в просьбе КГБ представить такой анализ в эту влиятельную организацию. При этом характерно, что в сопроводительной записке в ЦК к материалу Осипова подчеркивается, что он составил этот анализ именно «по просьбе» (а не по указанию) (Ф.5. Оп.33. Д.126. Л.255). Все это оставляет вопрос о характере взаимоотношений Осипова и КГБ открытым. Во всяком случае, очевидно, что выступление Осипова произошло по его собственной инициативе, а не по приказу Шелепина.

Цит. по: Фирсов С.Л. Указ. соч. С.144.

«Правда». 6.12.1959.

Цит. по: Фирсов С.Л. Указ. соч. С.161.

Цит. по: Цыпин В. Указ. соч. С.511.

Фирсов С.Л. Указ. соч. С.155.

256

Там же. Л. 260

Там же. Л. 264–265

Там же. Л. 275

Там же. Л. 261

Там же. Л.262. Единственным культурным и смелым иерархом Осипов считает архиепископа Луку (Войно–Ясенецкого), но он уже стар и выше всего ставит единство Церкви.

Фирсов С.Л. Указ. соч. С.185–186.

Журнал Московской Патриархии. 1960. №3. С.34.

Кривошеин В. Две встречи. С.103.

Там же. С.56.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.361.

Кривошеин В. Две встречи. С.92–93. Они циркулировали даже в окружении митрополита и были затем пересказаны архиепископом Василием (Кривошеиным): Николай «не довольствовался многими орденами, которые у него были, ему вздумалось еще получить от Советского Комитета по защите мира «Ленинскую премию мира». И вот он не раз посылал меня в Комитет, где я должен был говорить о его заслугах в борьбе за мир и добиваться присуждения ему этой премии. Как мне было тягостно и стыдно исполнять это поручение митрополита Николая! И как он унизил и опозорил своими домогательствами Русскую Церковь получением этой Ленинской премии... но конец был еще позорнее. Дело в том, что Советское правительство наградило Патриарха Алексия грамотой «За защиту мира», а митрополита Николая обошло. Так митрополит Николай обиделся и послал меня в Комитет заявить, что он отказывается от Ленинской премии!

В ответ на это мне с иронией заявили в Комитете, что митрополит Николай напрасно беспокоится, никто и не думает присуждать ему премию», — рассказывал сотрудник Николая из отдела внешних сношений А.С. Бувевский.

Цит. по: Васильева О.Ю. Указ. соч. С.113.

Цит по: Цыпин В. Указ. соч. С.513.

Кривошеин В. Две встречи. С.57–58.

Подробнее см. Васильева О.Ю. Указ. соч. С.108–110. Однако, судя по докладу Куроедова о конфликте Патриарха и митрополита Николая, новый глава Совета с самого начала относился к Патриарху с симпатией и даже в закрытом документе защищал его от «клеветы» митрополита (см. далее).

Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». 1953–1964. М., 2002.
С.143.

«Подробности об обстоятельствах отставки митрополита Николая наиболее верно, как мне кажется, рассказывал А.В. Ведерников в Москве в 1968 году. По его словам, к Патриарху весной 1960 года явился Куроедов и его сотрудник, кажется, Фуров. В течение нескольких часов *они кричали* на Патриарха, категорически требуя устранения митрополита Николая от всех должностей. Патриарх долго сопротивлялся, но, наконец, вынужден был уступить, выговорив только, что увольнение митрополита Николая будет происходить постепенно, с *временными промежутками*, что и было впоследствии осуществлено», — рассказывал архиепископ Василий. (Кривошеин В. Две встречи. С.97.).

Николай прямо признал этот мотив его отказа занять ленинградскую кафедру в беседе с В. Куроедовым 13 сентября 1960 г. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.177.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.176.

Кривошеин В. Две встречи. С.60.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.175.

Там же. Л.176.

Кривошеин В. Две встречи. С.78.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.188.

Там же. Л.177.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.177.

Там же. Л.177–178.

Кривошеин В. Две встречи. С.95.

Там же. С.89.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.371.

Кривошеин В. Две встречи. С.57–58.

Цит. по: Васильева О.Ю. Указ. соч. С.115.

Журнал Московской Патриархии. 1961. №8. С.6.

Кривошеин В. Две встречи. С.181.

Фирсов С.Л. Указ. соч. С.120.

Митрохин Н. Указ. соч. С.175–176.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.162. Л.178.

Н. Митрохин считает, что власти «просчитались» (С.176). Действительно, «удушение» не состоялось. Но не потому, что «агенты» оказались ненадежны, а потому, что и они не были просто «засланцами КПСС», и КПСС не ставила задачу «удушения» как актуальную.

Кривошеин В. Две встречи. С.144.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.386.

При этом к революции как таковой Никодим относился скорее скептически (см. Кривошеин В. Две встречи. С.197).

Цит. по: Цыпин В. Указ. соч. С.524.

Цит. по: Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. 1971. Избрание Патриарха Пимена. СПб., 2004. С.99.

Там же. С.71.

Кривошеин В. Две встречи. С.184–185.

Там же. С.207.

Там же. С.72.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.387.

305

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.123. Л.46.

Там же. Л.170.

307

Там же. Л.170.

Там же. Л.168.

Там же. Л.169.

310

Там же. Л.170.

311

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.127. Л.2.

312

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.125. Л.77.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.359.

Там же. 386.

Цит. по: Шкаровский М.В. Указ. соч. С.390.

Кривошеин В. Две встречи. С.148–149.

Там же. С.186–187.

Шкаровский М.В. Указ. соч. С.388.

Цыпин В. Указ. соч. С.517.

Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви.
С.20.

321

Там же. С.30.

Кривошеин В. Две встречи. С.187.

Там же. С.194.

Там же. С.200.

Сохранение порядка выборов Патриарха 1917 г. давало шанс случаю – финальные выборы проводились по жребию, который в 1917 г. дал неожиданное преимущество Тихону, а в 1971 г. мог дать его и не вполне удобному Никодиму.

Никодим по должности был занят связями с другими конфессиями, он добился допуска к причастию католиков в православных храмах, вступления РПЦ в Экуменическое движение в марте 1961 г., что было обусловлено не только ведомственными интересами Отдела внешних сношений, но и убеждением Никодима в необходимости содействовать сближению частей расколотого тела Христова. Советское государство санкционировало этот акт, считая Экуменическое движение полезным каналом воздействия на внешний мир (к этому времени доверие к Отделу внешних сношений было восстановлено). Но в среде православной общественности экуменизм вызывал опасения: ««Он продаст нас «красным шапкам» (то есть кардиналам), – слышалось в народе» (Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. С.16.). Никодим демонстративно противостоял обскурантизму и свою магистерскую диссертацию посвятил почившему Папе Иоанну XXIII. Архиепископ Василий вспоминал: «Что многих из нас смущало (как в России, так и на Западе), так это увлечение митрополита Никодима католичеством! Увлечение это было во многом иррациональное, почти патологическое. Началось оно не сразу и с каждым годом все более развивалось. Думаю, что вначале на него повлиял А.Л. Казем–Бек. Помню, как еще в 1960 году в Москве, в разгар хрущевского гонения на Церковь, он развивал мысль, что нам не нужно искать сближения с ВСЦ (это не серьезная организация), а вот католики — это другое дело, они нам могут помочь и с ними нужно объединяться» (Кривошеин В. Две встречи. С.208). «Жаль, что католики так упорствуют со своей папской непогрешимостью, а то мы вполне бы могли с ними объединиться» (Там же. С.210).

Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви.
С.26.

Цит. по: Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. С.94.

Архиепископ Василий вспоминает, как во время поездки на Собор случайные попутчики интересовались, будут ли альтернативные выборы, и какие будут кандидаты (Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. С.42–44).

При этом он ссылался на 41 Апостольское правило: «если епископу вручено управление человеческими душами, то тем более он должен распоряжаться церковными деньгами» (Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. С.59).

Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. С.55. Когда Василий возразил Никодиму, сославшись на свои беседы с попутчиками, желавшими тайных альтернативных выборов, то услышал в ответ: «пускай ваш инженер скажет, как происходят выборы в его институте, где он служит (вероятно, Владыка Никодим имел в виду профсоюзные или партийные выборы, так как выборы депутатов в СССР были тайными – А.Ш.). Открытое или закрытое голосование у них?! Почему он там молчит, а лезет в церковные дела, которые не знает, и куда его не приглашают и не спрашивают!» (С.55–56).

Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви.
С.139.

Там же. С.140. Демонстративная аполитичность не помешала владыке Василию по окончании Собора вести политическую пропаганду в кулуарах, убеждая собеседника, что Обращение критикует «действия американского правительства во Вьетнаме, а о подобного рода действиях советского правительства умалчивается» (С.151). Однако на просьбу сообщить, где советское правительство ведет себя «подобным образом», архиепископ Брюссельский сумел назвать только события трехлетней давности в Чехословакии, где, впрочем, не было ничего подобного американским бомбардировкам и массовому кровопролитию в Индокитае.

Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви.
С.142.

С миротворческой миссией в США. Интервью с митрополитом Ювналием. «Новое время» 1984. № 25. С.14.

Урушадзе Г. Выбранные места из переписки с врагами. Семь дней за кулисами власти. С–Пб., 1995. С.220–221.

337

Там же. С.214.

Цыпин В. Указ. соч. С.538.

Бычков С. Хроника нераскрытого убийства. М., 1996. С.165.

См. Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2006. С.512–514.

Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С.381; История русской православной церкви. 1917–1990. М., 1994. С.192.

Мень А. Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. М., 1995. С.596.

343

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.124. Л.109.

Там же. Л.110–111.

Ислам на территории бывшей Российской империи. Т.1. М., 1998.
С.44.

Там же. Т.2. М., 1998. С.41.

347

РГАНИ. Ф.89. Оп.11. Д.192. Л.4.

Там же. ЛЛ.4–6.

Морозов Д.В. Беседа с автором 7 сентября 1996 г.

350

Там же.

Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т.2. С.471.

Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994. С.145.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1994.
С.491.

Сторонники такого взгляда под гражданским обществом понимают нечто неконкретное – и патриотизм, и ощущение собственного полноправия (часто – иллюзорное), и наличие в стране общественных организаций (включая «приводные ремни» режима), и социальные гарантии, и моральные устои. См., например, Яницкий О.Н. Длинные 70–е: гражданское общество тогда и сейчас. // «Неприкосновенный запас». №2. 2007.

В XIX в. гражданское общество понималось как «социум минус государство». Получается, что в едином понятии смешиваются и бизнес, и воспроизводящая бытовая среда, и нечто, имеющее самостоятельное значение и связанное собственно с гражданственностью. Очевидно, что капитал, предпринимательство должны быть вычленены из этого клубка, так как являются ядром понятия капиталистического, а не гражданского общества. Традиционные отношения – также самостоятельная среда, непосредственно не связанная с гражданским обществом. Такие институты, как Церковь, школа, семья и т.п. сами по себе не являются частью гражданского общества, но их общественно–активная составляющая может входить в сеть гражданского общества (например, семейные социальные движения или новаторские педагогические сообщества). Обычно входящие в состав гражданского общества профсоюзы могут выпадать из этой ткани в случае интеграции их капиталом и государством. Партии являются частью гражданского общества постольку, поскольку они не являются правящими, то есть не являются элементом государственной структуры. Природа не терпит жестких границ, но несомненно существование собственного ядра у явления, называемого гражданским обществом.

О современных концепциях гражданского общества см.:
Пожарская С.П., Номазова А.С. Основные этапы формирования
гражданского общества в странах Западной Европы и России в XIX–
XX веках. // «Новая и новейшая история». №3. 2006.

Власть и оппозиция. Политический процесс в России в XX в. М., 1995. С.256.

О.В. Эдельман отправляется за ответом на загадку советской души в глубины веков: «В конечном счете придется признать, что внутренний мир простого советского человека для нас не менее загадочен, чем, к примеру, популярный у историков «внутренний мир человека Средневековья»» (Эдельман О.В. Глас народа, или «бульон оппозиционности». // Крамола... С.106–107.). Ну что же, медиевисты много сделали, чтобы этот мир стал для нас менее загадочным. Задача О.В. Эдельман все же несколько проще – с «загадочным» советским человеком можно хотя бы поговорить. Конечно, всякий человек по своему загадочен, и сколько его не исследуй, всегда останется некоторая психологическая «вещь в себе». Но это еще не повод для исследовательских капитуляций в стиле «в конце концов придется признать, что ничего не понять». Аналогия со Средневековьем сама по себе даже продуктивна. Действительно, значительная часть населения любого общества идет не в ногу со временем – отстает от него или опережает. Создать социально–психологическую модель, которая учитывала бы и средневековое сознание части наших современников – сложная и важная задача, но не ее ставит перед собой О.В. Эдельман. Она постулирует (хотя и никак не доказывает) иное: «советское общество 50–60–х гг. было в своей основе даже более патриархально, чем дореволюционная Россия, где идея личной свободы была по крайней мере достоянием элиты» (С.130), а в СССР – нет. Неверно ни то, ни другое – в элите Российской империи существовали разные мнения о личной свободе, служении, долге, равно как и в советской элите, некоторые представители которой были весьма свободолюбивы. Как это ни удивительно для нынешних либеральных авторов, многие советские люди чувствовали себя весьма свободно «в своем праве». Это самоощущение было ошибочно? А насколько безошибочно оно в современных либеральных странах или в современной России? Пока не столкнешься с несвободой и несправедливостью, тоже будешь пребывать в иллюзии личной свободы. О.В. Эдельман пытается также обосновать мысль об архаичности советского общества, указывая на коммунистическую идеологию (которую подменяет отдельными

примерами коммунистических агиток). Пытаясь разыскать мифологическое женское начало зла в словах «гидра контрреволюции» (С.111), автор демонстрирует не столько знание мифологии (где встречается не только злое, но и доброе женское начало), сколько однобокость аргументации (вспомним хотя бы «Родину–мать»). В общем, все эти «архетипические» спекуляции на тему архаического характера советского общества и коммунистической идеологии годятся только в качестве оружия идеологической борьбы, а не инструментария науки.

Подробнее см. Шубин А.В. Золотая осень, или период Застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2007.

Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 1996.
С.181, 179.

Глазычев В.Л. Беседа с автором 2 июня 2005 г.

Медведев Р. Политический дневник. Амстердам, 1972. Т.2. С.426–430. См. также: Медведев Р. Книга о социалистической демократии. Амстердам, 1972.

Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М., 2003. С.159.

Там же. С.161.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.96.

Союзник А. Солженицына И. Шафаревич попытался линейную систему координат «западничество–почвенничество» (марксизм здесь включается в западничество): ”можно указать на два течения, наиболее явно расходящихся в своих принципиальных установках... Одно исходит из того, что все общества развиваются по одним и тем же закономерностям, что на этом едином пути Запад обогнал Россию и Советский Союз, и поэтому единственный здоровый путь — это развитие по западному образцу. На такой точке зрения сходятся как те, кто «западный образец» понимает в духе парламентской демократии, так и те, кто исходит из другой идеологии западного происхождения — марксизма. До революции подобная точка зрения тоже существовала, и ее последователи назывались «западниками».

Другие основываются на том убеждении, что каждый народ индивидуален, именно эта индивидуальность должна определять его жизненный путь, только благодаря ей народ и ценен для всего человечества. Поэтому они считают, что направление развития нашей страны должно органически определяться ее предшествующей историей, что разрыв в исторической традиции может быть смертелен для нации и должен быть всеми силами преодолен. Для большинства представителей этого течения основополагающую роль играют взгляды Достоевского на русскую историю. Достоевский сам называл себя «почвенником». Мне кажется, что такой термин хорошо характеризует все это течение» (Шафаревич И.Р. Сочинения. М., 1994. Т.2. С.41.). Однако очевидно, что расстановка идейных сил в СССР была более сложной.

Буковский В. Указ. соч. С.59–60.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2004. Т.1. С.708.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.28.

Ромм М.И. Выступление на собрании творческой интеллигенции.
// Антология самиздата. Т.1. Кн.2. С.259.

371

Там же. С.261.

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.175. Л. 116–117.

Там же. Л.95. Материалы ОРТ.

Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты. Мемуары. М., 1996. С.315.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.261.

Там же. С.263–265.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.84.

5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах самиздата, публикациях зарубежной прессы, и в документах партийных и комсомольских организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС. М., 2005. С.11.

Антология самиздата. Т.1. Кн.2. С.272.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежневe. С.50.

Эггелинг В. Указ. соч. С.183.

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. С.7–8.

Кедрина З. Наследники Смердякова. «Литературная газета». 22.1.1966.

5 декабря 1965 года... С.34.

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990. С.31.

Еремин Д. Перевертыши. «Известия». 13.11.1966.

Цена метафоры или преступление и наказание Синявского и Даниэля. С.53.

Там же. С.429.

Там же. С.432.

Там же. С.475.

Там же. С.426.

Там же. С.427.

Там же. С.432.

Там же. С.433.

Там же. С.434.

Там же. С.484–486.

Там же. С.487, 514.

Там же. С.479.

Там же. С.516.

Там же. С.494.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.12.

Там же. С.35.

Там же. С.40.

Там же. С.43.

Эггелинг В. Указ. соч. С.205.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.73.

Там же. С.59–63.

Там же. С.64.

Там же. С.74.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С.147.

Цит. по: Эггелинг В. Указ. соч. С.290.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С.326.

Обсуждение книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма–ленинизма при ЦК КПСС. Москва, 16 февраля 1966 г. // Антология самиздата. Т.2. С.96

Там же. С.97.

Там же. С.103.

Там же. С.104.

Историческая наука и некоторые проблемы современности.
Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 236.

Кроме Гефтера и Драбкина к ревизионистам были причислены: А. Галкин, А. Грунт, В. Дунаевский, М. Карлинер, И. Кремер, К. Майданик. Впоследствии в «ревизионисты» был записан и П.В. Волобуев (примечание Я.С. Драбкина).

Драбкин Я.С. Революции как научная проблема. (Исповедь и проповедь. Опыт самокритики).

См. Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970.

См. Вопросы истории капиталистической России: вопросы многоукладности. Свердловск, 1972.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. Новосибирск, 2000.
С.314–315.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966. С.236.

Водолазов Г.Г. Указ. соч. С.304.

425

Там же. С.306.

Водолазов Г.Г. «От Чернышевского к Плеханову». М., 1969. С.28–30.

Водолазов Г.Г. Идеалы и идолы. С.310.

Там же. С.308.

Там же. С.309.

Лакшин В.Я. Указ. соч. С.76.

431

Там же. С.160.

432

Там же. С.201.

433

Там же. С.55.

Там же. С.73.

435

Там же. С.57.

436

Там же. С.73.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.9.

Там же. С.31. Сурков в этот период сдвигался к прогрессизму и использовал критику Солженицына, чтобы оттенить Пастернака, «Доктор Живаго» которого по сравнению с архивом Солженицына «кажется лояльным к каким-то сторонам нашей жизни».

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.128.

Там же. С.9.

441

Там же. С.11.

Там же. С.73.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С.263.

Там же. С.293–294.

445

Там же. С.113.

Там же. С.288.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.185.

Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С.352.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.192.

Сергованцев Н. Возвращение к герою. // «Огонек». 1968. № 44;
Сартаков С. Писать о революции – воссоздать лик времени. // «Правда». 7.10.1968.

К. Аймермахер объясняет отставку Твардовского реакцией на «чешские события», для чего приходится ошибочно датировать ее 1969 годом (все-таки реальная отставка состоялась в 1970 г. – поздновато для реакции на события в ЧССР 1968 г.). Аймермахер К. Историческое мышление и доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. // Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности Сталина на XX съезде КПСС». Документы. М., 2002. С.13.

Митрохин Н. Указ. соч. С.98–119, 239–256.

Там же. С.357.

Н. Митрохин, трактуя националистическое направление расширительно, принимает за данность, что группа выдвиженцев и подчиненных С. Павлова как целое была в середине 60–х гг. «консолидирующим центром» советского этно–национализма (С.254). Однако Н. Митрохин не находит очевидных доказательств того, что Павлов был идейным этно–националистом, а не просто советским державником – охранителем (что не исключает бытового антисемитизма). Бывшие выдвиженцы Павлова примкнули к националистическому движению далеко не в полном составе, и уже на излете правления Павлова в комсомоле, а то и позднее.

Герулайтис А.И. Беседа с автором 14 июня 2007 г.

Митрохин Н. Указ. соч. С.125.

457

Там же. С.351.

Там же.

Там же. С.353.

Дмитриев С.Н. Беседа с автором 19 марта 2008 г.

См. Митрохин Н. Указ. соч. С.204–211.

Куняев С. Поэзия. Судьба России. // «Наш современник». № 2. 1999. С.119–120.

Митрохин Н. Указ. соч. С.254–255.

Вайль П., Генис А. Указ. соч. С.217.

Митрохин Н. Указ. соч. С.290–291; А. Василевский, В. Прибыловский. Кто есть кто в российской политике (300 биографий). М., 1993. С.501.

Н. Митрохин считает, что «Устав» «в наибольшей степени выражает ту «внутреннюю» идеологию, которая была присуща членам «группы Павлова» в этот период» (Митрохин Н. Указ. соч. С.289). Поскольку речь идет о некоей «внутренней идеологии» руководства ВЛКСМ – это смелое утверждение, требующее доказательств. Чтобы доказать, что «Устав нрава» соответствует взглядам «павловцев», Н. Митрохиным напоминает, что ВЛКСМ вел патриотическую пропаганду, призывал уважать предков, погибших за Родину (а что – их не надо уважать?), что комсомольские оперотряды во время Фестиваля 1957 г. издевались над женщинами, вступавшими в интимную связь с иностранцами (слава Богу, Н. Митрохин признает, что до стерилизации дело не доходило). Еще первый секретарь МГК ВЛКСМ В. Трушин незадолго до написания «Устава» высказывался за усиление военно-патриотического и нравственного воспитания молодежи, более серьезное отношение к браку и (вот она – внутренняя идеология!) употреблял слово «нигилист». А у Скуратова в «Уставе» упомянуты «нигилистические теории» (Митрохин Н. Указ. соч. С.291–293). С тем же основанием можно было бы провести параллель между «Уставом нрава», предлагавшим в центр поставить сердце, и предвыборным лозунгом Ельцина «Голосуй сердцем!», а упоминание «перманентной борьбы» отождествить с троцкизмом. Нечто общее есть в «Уставе» и с официальным комсомольским агитпропом – также можно обнаружить сходство во взглядах двух коммунистов – Суслова и Мао Цзэдуна, и на этом основании счесть Суслова маоистом. Н. Митрохину не удалось доказать наличие какой-то «внутренней идеологии» руководства ВЛКСМ. В комсомольском аппарате работали люди разных взглядов, были там и ортодоксальные марксисты-ленинцы, и люди, склонявшиеся к национализму и в частных разговорах допускавшие высказывания, продиктованные бытовым антисемитизмом. Впрочем, работали при Павлове и советские интернационалисты (Герулайтис А.И. Беседа с автором). Но идеи «Устава нрава» вызвали в аппарате возмущение, и только учитывая, что Скуратов сам поспешил отмежеваться от написанного им

манифеста, ему предоставили работу в ИНИОНе. Попытка обнаружить в «Уставе нрава» «внутреннюю идеологию» группы Павлова нужна либеральному исследователю для того, чтобы обосновать более масштабную версию о том, что идеологию русского национализма исповедовали целые кланы советской бюрократии практически в полном составе.

Чалмаев В. Великие искания. // Молодая гвардия 1968 №3. С.282.

Там же. С.273.

Там же. С.280.

470

Там же. С.281.

471

Там же. С.284.

Там же. С.285

473

Там же. С.287.

474

Там же. С.274.

Там же. С.289. В. Чалмаев привлекает себе на подмогу еще и Есенина, который критиковал Американскую цивилизацию за бездушность и космополитизм.

Чалмаев В. Указ. соч. С.274.

Там же. С.293. Правда, М. Чалмаев приветствует проникновение патриотических тенденций в творчество поэтов и художников Серебряного века. За это Чалмаеву парадоксальным образом досталось от «Нового мира» за то, что «эпоху реакции» он выдает за «эпоху революции в духовном мире» (Дементьев А. О традициях и народности. Новый мир. №4. 1969. С.219).

Чалмаев В. Указ. соч. С.295.

Дементьев А. О традициях и народности. «Новый мир». №4. 1969.
С.217.

Там же. С.218.

Там же. С.219.

Там же. С.219.

Там же. С.220.

Там же. С.221.

485

Там же. С.226.

486

Там же. С.221.

487

Там же.

Здесь проявилось и незаконченное выяснение отношений между национал–патриотами из охранителей, и «деревенщиками», которые в это время еще тяготеют к реформистскому лагерю.

Дементьев А. Указ. соч. С.224.

490

Там же. С.226

491

Там же.

Там же. С.229.

Подробнее см. Эггелинг В. Указ. соч. С.222–230. Главку об этих событиях немецкий исследователь назвал «Кампания против «Нового мира»», хотя непредвзятый взгляд на последовательность событий показывает, что речь идет о полемике двух сторон, а не травле одной из них.

См. Петр Барановский: Труды, воспоминания современников. М., 1996.

О «Родине» подробнее см.: Митрохин Н. Указ. соч. С.308–315.

Н. Митрохин так подытоживает историю клуба: «Клуб «Родина», сыгравший свою роль в деле привлечения к движению русских националистов молодых кадров, на этом прекратил свое существование» (Митрохин Н. Указ. соч. С.315). Вообще–то поставить «Родину» под контроль националистов (то есть в терминологии Н. Митрохина – идейных ксенофобов) не удалось. Клуб сыграл роль в «привлечении молодых кадров» к делу охраны и восстановления памятников культуры, а это – совсем не одно и то же.

Митрохин Н. Указ. соч. С.315.

Там же. С.320–321.

Там же. С.321.

См. Митрохин Н. Указ. соч. С.324–326.

См. Главу VIII; Митрохин Н. Анархо–синдикалисты и оттепель,
Митрохин Н. Русская партия... С.325, 450–453.

Иванов А. Отрицательное достоинство. // «Вопросы литературы». 1969. № 7. С.131.

15 встреч в Останкине. М., 1989. С.115–116.

Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы. С.326.

Там же. С.127–128. Ход этой аппаратной битвы реконструирован Н. Митрохиным по мемуарам И. Шевцова, А. Яковлева, Б. Панкина.

Там же. С.403.

Дементьев А. Указ. соч. С.233.

Подробнее см. Кречмар Д. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–1985 гг. М., 1997. С.130–152.

Цит. по: Кузнецов Ф. Самая кровная связь. М., 1987. С.224.

О росте влияния аграриев в аппарате КПСС см.: Шубин А.В. Золотая осень, или период Застоя. С.199–219.

Дмитриев С.Н. Беседа с автором 19 марта 2008 г.

512

Там же.

513

Там же.

Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т.1. С.202–203.

515

РГАНИ. Ф.5. Оп.77. Д.145. Л.3-4.

516

Там же. Л.4.

517

Там же. Л.7.

Прибыловский В. Словарь новых политических партий и организаций России. М., 1992. С.73; Россия. Партии, ассоциации, союзы, клубы. Сборник материалов и документов. М., 1992. Кн.5. С.86; Национализм и ксенофобия в российском обществе. С.41–43.

Национализм и ксенофобия в российском обществе. С.45.

Дмитриев С.Н. Беседа с автором 19 марта 2008 г.

Померанц Г. Выход из транса. М., 1995. С.243.

Там же.

Там же. С.244.

Там же.

Иногда Померанц словно просыпается (или это более поздние вставки в написанный ранее текст?). Он пишет о вторжении западной культуры: «отчасти это безликий поток суррогатов, изготовленных для массового обихода. По отношению к нему борьба за местную и региональную культуру есть борьба за культуру вообще. Отчасти даже мировая культура остается культурой, но культурой западной, европейской, и невозможно ожидать, что китайцы, индийцы безоговорочно примут ее» (Там же. С.221).

Померанц Г. Указ. соч. С.241.

Там же. С.250.

Там же. С.271.

Там же. С.277.

530

Там же. С.280.

531

Там же. С.251.

Лерт Р. На том стою. Публикации «самиздата». М., 1991. С.234–236, 231, 233.

Там же. С.312.

Подробнее см. Шубин А.В. Истоки Перестройки. М., 1997. С.209–221.

Цит. по: Лакер У. Указ. соч. С.112–113.

Там же. С.157.

Шафаревич И.Р. Указ. соч. С.88–89.

Померанц Г. Выход из транса. С.240.

Померанц Г. Сны Земли. С.22.

Yanov A. *The Russian Challenge and the year 2000*. Basil Blackwell. 1987. P.80.

541

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.273. Л.2.

Кузнецов Ф. Конфуз с «Метрополем». «Московский литератор».
9.2.1979.

Там же. Упомянутый в этом ряду Ю. Трифонов, известный как инакомыслящий писатель, отклонил предложение участвовать в сборнике, поскольку эта инициатива может иметь негативные последствия для процесса расширения писательских свобод в СССР (Кречмар Д. Указ. соч. С.281).

544

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.273. Л.3.

Кузнецов Ф. Указ. соч.

546

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.273. Л.7.

Ерофеев В. Десять лет спустя. «Огонек». № 37. 1990. С.16.

Там же. С.17.

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.273. Л.4.

550

Там же. Л.16.

Ерофеев В. Указ. соч. С.18. См. также Кречмар Д. Указ. соч. С.106–116.

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.273. Л.21–22. В ноябре 1980 г. Е.Попов создал «Клуб беллетристов», который подготовил второй альманах — «Каталог». Маститых авторов привлечь не удалось. В 1981 г. клуб был разгромлен КГБ (См. Кречмар Д. Указ. соч. С.121–123).

Кречмар Д. Указ. соч. С.117.

Ерофеев В. Указ. соч. С.18.

См. Национализм и ксенофобия в российском обществе. С.37–38.

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.282. Л.1. Интересно, что Д. Кречмар связывает критику Пикуля с подготовкой войны в Афганистане (Кречмар Д. Указ. соч. С.100). Зачем автору понадобилась такая экзотическая версия? Дело Пикуля противоречит либеральной версии «подыгрывания» властей национал-патриотам в борьбе с западниками, которую отчасти разделяет и Д. Кречмар. Ссылка на экстраординарные внешнеполитические обстоятельства должна подтвердить исключительный характер действий властей. Но ничего исключительного не произошло – Пикуль нарушил рамки дозволенных вольностей, что должно было повлечь реакцию партийных структур.

«Наш современник». №4. 1979. С.87.

558

РГАНИ. Ф.5. Оп.76. Д.282. Л.1-2.

Кречмар Д. Указ. соч. С.101–102.

Дмитриев С.Н. Беседа с автором 19 марта 2008 г.

Красиков С. Возле вождей М., 1997. С.452–453.

В его судьбе сыграла роль связь с НТС, что было в глазах КГБ отягчающим обстоятельством (Митрохин Н. Указ. соч. С.553)

Он, однако, немного потерял, переместившись в издательство «Молодая гвардия», где отвечал за «ЖЗЛ».

Кузьмин А.Г. Беседа с автором 26 сентября 1996 г.

Д. Кречмар оценивает «результаты литературной политики брежневской эры» как «распад официальной догматики и усиление националистическо–консервативного лагеря в качестве идеологической альтернативы» (Кречмар Д. Указ. соч. С.152.). Этот вывод явно недооценивающий роль других течений и расходится не только с приводимыми здесь фактами, но и с дальнейшими событиями, выдвинувшими на авансцену Перестройки либеральную писательскую общественность. В начале 80–х гг. официальная догматика еще не распалась, но заметно ослабла, и не в результате литературной политики брежневской эпохи, а в ходе развития процессов, начавшихся в стране еще в 50–е гг. И в качестве альтернативы официозу укреплялся не только национал–консерватизм, но и реформизм (включая либерализм), также имевший союзников в высших эшелонах власти.

Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. Л., 1990. С.5.

Там же. С.7.

Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С.45.

Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. С.41.

570

Там же. С.46.

Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. С.8.

Медведев Р.А. Указ. соч. С.173, 195.

Шафаревич И.Р. Указ. соч. С.163.

574

Там же. С.66.

Медведев Р.А. Указ. соч. С.4–6.

Сахаров А.Д., Турчин В.Ф., Медведев Р.А. Письмо руководителям партии и правительства. // Антология самиздата. Т.2. С.326–327.

Этому способствовало и создание новой семьи А. Сахарова с Е. Боннэр, которая была настроена радикальнее академика (См., например, Медведев Р.А. Указ. соч. С.63).

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.337.

А. Сахаров в боръбе за мир. Франкфурт–на–Майне, 1974. С.55.

Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С.139.

Миф о застое. Л., 1991. С.256.

Орлов Ю.Ф. Возможен ли социализм не тоталитарного типа? // Антология самиздата Т.3. С.192

583

Там же. С.200.

Там же. С.196.

Там же. С.198.

Белоцерковский В. Самоуправление. М., 1990.

Обоснование Ю. Орлова выглядит наивно с точки зрения советского обществоведения. Например, он выступает за свободу частной собственности, «если ее хозяин не эксплуатирует работников» (Указ. соч. С.205). Но частная собственность по определению отличается от личной (индивидуальной) тем, что при ее использовании происходит эксплуатация.

Орлов Ю.Ф. Указ. соч. С.204–205.

Там же. С.205.

590

Там же. С.202.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. // Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.256.

Там же. С.258.

Там же. С.259.

Там же. С.276.

Там же. С.279.

Там же. С.271.

См. Шубин А.В. Указ. соч.

Солженицын А. Указ. соч. С.274.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.330.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». // Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Указ. соч. С.78.

Сахаров полемизирует с Солженицыным уже в ответ. Солженицын нелюбезно разбирает «Размышления» академика и возмущался, что Сахаров, отрицая возможность сближения с фашизмом и маоизмом, готов в то же время сближать демократию и коммунизм. Ведь коммунистическая идеология – корень всех бед и ни с кем сама сближаться не хочет.

Сахаров пишет о своей непримиримости к сталинизму, но для Солженицына сталинизм – «худшая подмена». Солженицын просто не видит существенной разницы между Лениным и Сталиным – разве что в отношении к собственной партии, но не к стране и обществу. ««Сталинизм» — это очень удобное понятие для тех наших «очищенных» марксистских кругов, которые стремятся отличаться от официальной линии, на самом деле отличаясь от нее ничтожно. (Типичным представителем этой линии можно назвать Роя Медведева)». Обрушивается Солженицын и на социализм, этические принципы которого вдохновляют Сахарова. Солженицын то бичует социализм за требование обобществления, то утверждает, что общественный строй СССР скорее всего – и не социализм вовсе (тогда какие к социализму претензии?). Солженицын А. «На возврате дыхания и сознания». О трактате Сахарова. Написано в 1970 г. // Изпод глыб. Сборник статей. Paris, 1974. С.13–17.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С. 80–82.

603

Там же. С.82.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. С.263.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.79.

Там же. С.79–80.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. С.282–283.

Там же. С.280, 284.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.78.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. С.267.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.85.

Цит. по: Медведев Р.А. Указ. соч. С.24–25.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.80–81.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. С.268.

Медведев Р.А. Указ. соч. С.182.

Медведев Р.А. Указ. соч. С.28–29.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.83.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. С.265.

Шелов И.П. Природа и общество в СССР в 1960–х – начале 1970–х гг.: начало осмысления. // Власть и общество в представлении левых общественно–политических движений. М., 2005. С.258–259.

Солженицын А. Письмо вождям Советского Союза. С.266.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.80.

Медведев Р.А. Указ. соч. С.194.

623

Там же. С.193.

Сахаров А.Д. О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза». С.84.

Мало знакомый с социалистическими теориями, И. Шафаревич для характеристики социализма вырывает черты то этатизма, то официального сталинского марксизма, то кусочек из работ Маркса, от которых «основоположник» сам вскоре публично отказался (уничтожение семьи, например), то атеизм (что не мешает автору записать в «социализмы» и языческий Египет).

Агурский М.С. «Современные общественно–экономические системы и их перспективы». // Из–под глыб. Сборник статей. С.73.

627

Там же. С.78.

Там же. С.89.

Там же. С.88.

630

Там же. С.90–91.

См. Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007. С.464–465, 493–495.

Агурский М.С. Указ. соч. С. 91–93.

Подробнее см. Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989. М., 2006.

Сахаров А.Д. Тревога и надежда. С.89–90.

635

Там же. С.41–42.

636

Там же. С.41–45.

637

Там же. С.169.

Сахаров А. Мир, прогресс, права человека. С.39.

Цит. по: Медведев Р.А. Указ. соч. С.28.

Кудюкин П.М. Беседа с автором 23 сентября 1994 г.

Кагарлицкий Б. Эпоха тупиковых дискуссий. //
Неприкосновенный запас. №2. 2007. С.100–101.

643

Там же. С.98.

644

Там же. С.101.

Ронкин В., Хахаев С. Прошлое, настоящее и будущее социализма.
// Антология самиздата. Т.3. С.286

646

Там же. С.287.

647

Там же. С.288.

Медведев Р. Будущее зависит от нас самих. С.4–6. // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В. М., 1984. Архив Шубина А.В.

Бурлацкий Ф. К. Маркс и современность. «Новое время». № 23. 1983. С.19.

Поликарпов В. Восстанавливая контекст // Афанасьев Ю. Я должен это сказать. М., 1991. С.13.

Анализ и формирование организационной структуры
промышленного предприятия. Новосибирск, 1983. С.3.

Урушадзе Г. Указ. соч. С.179.

Адамович А. Мы — шестидесятники. М., 1991. С.61.

654

Там же. С.69, 80.

655

Там же. С.48.

656

Там же. С.51.

Там же. С.81–82.

658

Цит. по: Адамович А. Указ. соч. С.24.

Шахназаров Г. Логика ядерной эры. «Век XX и мир», №4. 1984.
С.9, 14.

Потапов Н. Мир человека и человек в мире. // «Правда».
16.2.1981.

Таковыми видят их авторы сборника «Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев». (С.17–18).

Там же. С.328. Дополнительный аргумент: «События июльского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС, осудившего членов так называемой «антипартийной группы», оказали дополнительное влияние на усиление антихрущевских настроений в рабочей среде» (С.327). Очевидно, Э.Ю. Завадская и О.В. Эдельман имеют в виду июньский пленум ЦК КПСС 1957 г. Однако, если какая-то часть населения СССР и отнеслась с симпатией к «антипартийной группе», вряд ли на этом основании можно судить о динамике настроений в рабочей среде. «Крамольники», выступавшие в поддержку сталинских соратников, в радикальной форме выражали взгляды более широкого круга людей, но этому кругу противостоял другой, тоже широкий, и тоже выдвинувший своих радикалов, выступавших с позиций антисталинизма. К тому же на каждого обнаруженного авторами сборника «Крамола...» работягу, сочувственно отозвавшегося о Молотове, Маленкове и Кагановиче, в архивах несложно найти множество отнюдь не интеллигентов, которые предлагали, например, следующее: «Так пусть же участники антипартийной группы понесут заслуженное наказание и получают удар на свои головы тем мечом, каким наносили смертельные удары по лучшим сынам нашей Родины. Не могу больше ничего сказать, так как я человек малограмотный, беспартийный. Но клокочет мое сердце от гнева к антипартийной группе» (РГАНИ, Ф.5. Оп.33. Д.173. Л.121).

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев.
С.38–44.

Там же. С.39–40.

665

Там же. С.40.

666

Там же. С.41.

667

Там же. С.320.

Там же. С.43.

Там же. С.229.

Н. Митрохин со слов участников событий утверждает, что о планах покушения (имея в виду отговорить инициаторов) разговорился Ю. Галансков, обсуждавший вопрос с В. Буковским и А. Щукиным. Тот поделился с Сенчаговым, сообщив, что планируется «взорвать съезд». Сенчагов после некоторых колебаний сообщил в КГБ (Анархо-синдикализм и оттепель. С.44–45.).

Взрыв в московском метро. ОРТ, 1997; Сахаров А. Воспоминания.
Т.1. С.728–732.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежневe. С.42.

673

Там же. С.340–345.

674

Там же. С.44.

675

Там же. С.42.

676

Там же. С.44.

677

Там же. С.203–204.

678

Там же. С.352.

679

Там же. С.353

680

Там же. С.236.

681

Там же. С.317.

Там же. С.319.

См. Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989. М., 2006. С.21–36.

«Хроника текущих событий». 1968. № 1; Митрохин Н. Русская партия... С.212–235.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев.
С.373.

Алексеева Л. Указ. соч. С.271.

«Неделя» (Израиль).13.09. 1994; см. также: Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С.389–390.

Вести из СССР. Т.1. С.61.

Водолазов Г.Г. Указ. соч. С.460.

690

5 декабря 1965 года... С.6.

Буковский В. Указ. соч. С.179.

Антология самиздата. Т.2. С.63.

5 декабря 1965 года... С.18.

5 декабря 1965 года... С.23. Оказавшись в сумасшедшем доме, Батшев написал стихотворение «Потомкам декабристов», которое укрепило мнение врачей о его умственном нездоровье. В противном случае его нужно было бы на много лет сажать за призывы к террору:

*Вы поняли, воскреснет Сталин,
Коль вы не выйдете на площадь...
Но в вас живы Засулич,
Вы – новые Сазоновы.*

5 декабря 1965 года... С.143–144.

Там же. С.145.

Там же. С.70–71.

Там же. С.89.

699

Там же. С.47.

700

Там же. С.47.

701

Там же. С.89–90.

Там же. С.95, 98.

703

Там же. С.85.

Там же. С.119.

705

Там же. С.85.

706

Там же. С.110.

Там же. С.13.

Там же. С.13.

Там же. С.147.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежневe. С.51.

Там же. С.386.

Там же. С.382.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Кто вышел на площадь. // Погружение в трясину. С.532.

714

Там же. С.529.

715

Там же. С.541.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев.
С.393.

Вайль П., Генис А. Указ. соч. С.180–181.

Алексеева Л. Указ. соч. С.191.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Кто вышел на площадь. // Погружение в трясину. С.С.538.

720

Померанц Г. Указ. соч. С.88.

721

Волков П. Указ. соч.

Вайль П., Генис А. Указ. соч. С.177–178.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С.523.

Вайль П., Генис А. Указ. соч. С.185.

725

Сахаровский сборник. С.313.

726

Волков П. Указ. соч.

О стадиях психологического развития см. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985. М., 2001.С 186–189.

728

Аксючиц В.В. Беседа с автором 22.5.1998.

Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С.116. С.93.

730

Волков П. Указ. соч.

731

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С.525.

Новодворская В. Указ. соч. С.77.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С.533.

734

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.123. Л.28.

735

Волков П. Указ. соч.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С.534.

737

Волков П. Указ. соч.

Буковский В. Указ. соч. С.343–344.

739

Прибыловский В.В. Беседа с автором 11.9.1996.

Горшков М. Общественное мнение. М., 1988. С.297.

741

Волков П. Указ. соч.

Новодворская В. Указ. соч. С.78.

Каминская Д. Уголовное дело N 41074–56–68 С, «О нарушении общественного порядка и клевете на советский государственный и общественный строй». Из записок адвоката. — Знамя, 1990. N 8. С.100.

744

Волков П. Указ. соч.

Эллис Д. Русская православная церковь. Согласие и инакомыслие.
Л., 1990. С.246.

Сахаров А.Д. Воспоминания. М., 1996. Т.1. С.511.

747

Волков П. Указ. соч.

Павловский Г.О. Беседа с автором 29 апреля 2005 г.

Кагарлицкий Б. Эпоха тупиковых дискуссий. // «Неприкосновенный запас». 2007. №2. С.101.

750

Алексеева Л. Указ. соч. С.192.

751

Волков П. Указ. соч.

752

Померанц Г. Указ. соч. С.101.

753

Алексеева Л. Указ. соч. С.264.

754

Волков П. Указ. соч.

Смирнов И. Время колокольчиков. Жизнь и смерть русского рока.
М., 1994. С.63.

Василевский А., Прибыловский В. Кто есть кто в Российской политике. (300 биографий). М., 1993.

757

Волков П. Указ. соч.

Чуковский К. Из дневника. 1955 — 1969. — Знамя, 1992, N 12, с. 180.

759

Померанц Г. Указ. соч. С.101.

760

Там же. С.90.

761

Лакер У. Указ. соч. С.146.

Волков П. Указ. соч.

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С.511.

764

Там же. С.510.

765

Там же. С.511.

О национальных проблемах СССР см. Шубин А.В. Указ. соч. С.134–146.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев.
С.46–47.

768

Померанц Г. Указ. соч. С.100–101.

Алексеева Л. Указ. соч. С.192.

770

Буковский В. Указ. соч. С.347.

Боннэр Е. Постскриптум. Книга о горьковской ссылке. М., 1990.
С.47–48.

772

Там же. С.48.

773

Боннэр Е. Указ. соч. С.50.

774

РГАНИ. Ф.5. Оп.77. Д.162. Л.2-4.

775

Прибыловский В.В. Беседа с автором.

776

Сахаровский сборник. С.235–241.

777

Богораз Л., Голицын В., Ковалев С. Указ. соч. С.504.

Сахаров А.Д. Воспоминания. Т.1. С.510–511.

«Хроника текущих событий». 1977. №44.

Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.718–719.

781

Там же.

Новодворская В. По ту сторону отчаяния. М., 1993. С.77, 76.

Аксючиц В.В. Беседа с автором.

784

Там же.

Лакер У. Указ. соч. С.110. Не столь категорично ту же мысль о предпочтительных условиях развития славянофильской тенденции по сравнению с западной высказывает Д. Кречмар (Кречмар Д. Указ. соч. С.91).

786

Волков П. Указ. соч.

Тимофеев Л. Я — особо опасный преступник. М., 1990. С.29–30.

П.Л.Капица и Ю.В.Андропов об инакомыслии. Ю.В.Андропов — П.Л.Капице. «Коммунист». 1991. N 7. С.56.

Антология самиздата. Т.2. С.311.

790

Подробнее см. Шубин А.В. Указ. соч. С.484–487.

791

Волков П. Указ. соч.

Цит. по: Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежневe. С.53–54.

794

Там же. С.399.

795

Новодворская В. Указ. соч.

796

Там же. С.80.

Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С.56

Там же. С.52.

799

Там же. С.20.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.93.

801

Там же. С.169–172.

Там же. С.172–173.

803

Там же. С.198.

804

Там же. С.205.

Там же. Современные либеральные историки, стремящиеся теперь уйти от «диссидентоцентризма», обуявшего историографию в первой половине 90-х гг., оценивают движение диссидентов крайне скептически: «Обложенная со всех сторон органами государственной безопасности, затравленная систематическими идеологическими проработками, изолированная от народа интеллигентская оппозиция пыталась вдохнуть новые силы в угасавшее движение, но лидеры были «под колпаком» КГБ, а потенциальных «новобранцев» и сочувствующих немедленно «профилактировали» и «отрезали» от верхушки» (Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев. С.53). Политбюро, как видим, воспринимало диссидентов куда серьезнее.

«В оправдание» П. Шелеста отметим, что в 1965–1967 гг. на Украине прошли посадки диссидентов–националистов. 22 мая 1967 г. в Киеве произошел разгон несанкционированного митинга памяти Т. Шевченко.

807

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро...
С.203–206.

Антология самиздата. Т.1 Кн.2. С.282.

«За кампанию» посадили еще несколько диссидентов. В. Чорновил получил 6 лет (для сравнения – в 1967 г. – полтора года).

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро...
С.208–216.

811

Там же. С.245–246.

Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50–х – 80–х годов. М., 1994. С.34

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.246.

Сахаров А.Д. Воспоминания. Т.1. С.524.

Покаяние Якира и Красина было все же не причиной, а поводом самоубийства И. Габая. Дело в том, что попытку самоубийства он предпринимал еще на новый 1973 г. (Миф о застое. Л., 1991. С.266.). Причиной гибели Габая могло быть осознание безысходности борьбы, которой отдал столько сил.

Медведев Р.А. Указ. соч. С.63–64.

Сахаров А.Д. Воспоминания. Т.1. С.551.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.338.

См. Медведев Р.А. Указ. соч. С.65.

820

Буковский В. Указ. соч. С.352.

821

Гефтер М.Я. Указ. соч.; Волков П. Ук.соч.

822

Цит. по Гефтер М.Я. Указ. соч. С.116.

См., например, Буковский В. Указ. соч. С.118.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.13.

«Красное колесо» тоже стало «художественным исследованием», сочетавшим «ясную схему» (которую можно было изложить куда короче, на нескольких страницах), и художественную интуицию (на что писатель, безусловно, имеет право) с перегрузкой историческими источниками, добавленными для пушей достоверности в таких количествах, что художественная, образная составляющая была решающим образом потеснена. В итоге творческая энергия Солженицына ушла как река в Сахару. Произведение оказалось слишком тяжеловесно для художественного сочинения, воздействующего на читателя своими образами, но не дотягивает по убедительности до научной работы, так как Солженицын отказался и от следования правилам научной аргументации, доказательности. Зависнув между миром науки и миром литературы, «Красное колесо» не стало ни тем, ни другим. В результате Солженицын создал оригинальный жанр многотомного памфлета на историческую тему. Однако воздействие такого сочинения на умы, конечно, ниже, чем у художественного произведения и научной исторической работы.

Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро... С.353.

827

Там же. С.355.

Там же. С.358.

829

Там же. С.483.

830

Там же. С.500.

831

Там же. С.501.

Цит. по: Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50–х – 80–х годов. М., 1994. С.109–111.

Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И. Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50–х – 80–х годов. М., 1994. С.36.

Крамола. Инакомыслящие в СССР при Хрущеве и Брежнев.
С.403–404.

Были арестованы М. Руденко, О. Тихий, М. Матусевич, М. Маринович, Л. Лукьяненко.

Алексеева Л. Указ. соч. С.255–259.

См., например, Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.684–685.

Алексеева Л. Указ. соч. С.257.

Там же. С.258–259.

840

Там же. С.284.

841

Вести из СССР. Т.1. С.34.

842

Там же. С.86.

Алексеева Л. Указ. соч. С.131.

Суд очень демократичный. // «Источник». 1993, N 2. С.99.

См. например, Белая книга. Свидетельства, факты, документы. М., 1979. С.253.

«Новое время». 1983. N 25. С.29.

Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.720–721.

Аксючиц В.В. Беседа с автором.

См. Эллис Д. Указ. соч. С.146–193.

851

Алексеева Л. Указ. соч. С.189.

Там же. С.317–318.

Новодворская В. Указ. соч. С.81.

Буковский В. Ук. соч. С.339–340.

855

Там же. С.342.

856

Там же. С.363.

857

Миф о застое. С.385.

858

Там же. С.450.

Алексеева Л. Указ. соч. С.276.

См., например, Вести из СССР. Т.1. С.3–24, 197–218; «О массовых беспорядках с 1957 года...» // Источник. 1995. N 6. С.153.

Калугин О. Борьба КГБ с эмиграцией, «голосами» и организация фальшивок из-за рубежа. // КГБ вчера, сегодня, завтра. М., 1994. С.48.

Волкогонов Д. Семь вождей. Кн.2. М., 1995. С.89.

Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове М., 1996. С.682–683.

Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США. (1962–1986 гг.). М., 1996. С.536.

См. Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.765–773.

Владимов Г. «Сослав его в Горький...» // Сахаровский сборник.
С.12.

Миф о застое. С.433–434.

Сахаровский сборник. С.67.

Алексеева Л. Указ. соч. С.277–279.

870

Волкогонов Д. Указ. соч. С.133.

871

«О массовых беспорядках с 1957 года... С.153; Алексеева Л. Указ. соч. С.277–279.

«Коммунист». 1981. № 14. С.98.

Урушадзе Г. Указ. соч. С.239–240.

Цит. по: Урушадзе Г. Указ. соч. С.241.

«Дело Кагарлицкого». «Солидарность». 1991. N 12. С.13.

876

Там же.

Василевский А., Прибыловский В. Указ. соч. Т.2. С.252, 312–313; «Гласность». 1989. N 29; «Дело Кагарлицкого»; Кудюкин П.М. Беседа с автором; Прибыловский В.В. Беседа с автором; Кагарлицкий Б.Ю. Беседа с автором. Ривкин, освобожденный в 1987 г., перед отъездом в Израиль в 1989 г. выступил с резкими обвинениями против Кагарлицкого, Фаина и Кудюкина, но затем нормализовал отношения с двумя последними. Кагарлицкий отрицает справедливость обвинений Ривкина и утверждает, что вообще не знал его до ареста. «Дело Ривкина» неоднократно использовалось политическими противниками Кагарлицкого, Фаина и Кудюкина для их дискредитации. Поскольку участники событий продолжали активно участвовать в общественной жизни, их конфликт влиял на развитие общественного движения во второй половине 80–х гг.

«О массовых беспорядках с 1957 года...» С.153.

879

Он между нами жил... С.91.

Сахаровский сборник. С.284–285.

881

Он между нами жил... С.238, 407.

Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.837–840.

883

Медведев Р.А. Указ. соч. С.20.

Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.844–846, 856.

885

Там же. С.847.

886

Там же.

887

Он между нами жил... С.689.

888

Там же. С.410.

Сахаров А. Опасность термоядерной войны. // Боннэр Е. Ук.соч.
С.263.

Дородницын А.А., Прохоров А.М., Скрябин Г.К., Тихонов А.Н.
«Когда теряют честь и совесть». «Известия». 3.7.1983.

891

Цит. по Боннэр Е. Указ. соч. С.57.

892

Там же. С.62.

Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.900–901.

14 июля Яковлев пришел к Сахарову, чтобы взять у него интервью. Академик, немало удивившись такой наглости, все же провел с визитером длительную беседу, в которой указывал автору «ЦРУ против СССР» на ложность приводимых им сведений. «Я часто употреблял в разговоре умышленно–оскорбительные выражения, но Яковлев никак на это не реагировал, преследуя какую–то свою цель... Яковлев: «Я беспартийный историк». Я: «Какое это имеет значение? Среди членов партии бывают иногда люди идейные, заслуживающие уважения, а что вы? А что, если в своей истории вы также лживы?». Яковлев: «Вы можете подать на меня в суд. У меня есть свидетели, данные прокуратуры, суд разберется». Я говорю: «Я не верю в объективность суда в данном деле — я просто дам вам пощечину». Говоря это, я быстро обошел вокруг стола, он вскочил и успел, защищаясь, протянуть руку и пригнуться, закрыв щеку, и тем самым парировал первый удар, но я все же вторым ударом левой руки (чего он не ждал) достал пальцами до его пухлой щеки» (Н. Яковлев настаивает, что А. Сахаров задел его по носу). После этого Яковлев гордо удалился со словами «А еще интеллигент!» Учитывая, что для Сахарова это было второе деяние подобного рода в жизни, оно вряд ли смотрелось очень эффектно, но все же было расценено как достаточная сатисфакция (Сахаров А. Воспоминания. Т.1. С.892–893; Яковлев Н. 1 августа 1914. М., 1993. С.306.).

895

Он между нами жил... С. 690.

896

Там же. С.90.

897

Добрынин А. Указ. соч. С.584.

Он между нами жил... С.95.

Там же. С.216–224.

Боннэр Е.Г. Кому нужны мифы. // Огонек, 1990, №11. С.25.

901

Он между нами жил... С.238.

Там же. С.243.

903

Там же. С.225.

Там же. С.100.

Цит. по: Волкогонов Д. Ук.соч. С.336.

Павловский Г.О. Беседа с автором.

Алексеева Л. Указ. соч. С.285.

Корсетов В.Е. Беседа с автором 19 июня 1992 г.

Новодворская В. Указ. соч. С.97.

В этом смысле показателен сборник самиздата, изготовленный В. Прибыловским в 1984 г. и циркулировавший в 1984–1987 гг. в кругах, близких к издателям журнала «Левый поворот». Он включал статью Прибыловского, посвященную марксистской критике «реального социализма», написанную с либеральных позиций, его же разбор журнала «Левый поворот», воззвание А. Солженицына «Жить не по лжи», открытое письмо Ф. Раскольникова Сталину, анализ советской экономики и социальной структуры В. Сокирко и В. Заславского, фрагменты книги А. Зиновьева, резко антикоммунистическую статью «Возможен ли коммунизм как экономическая система» и статью оппозиционного коммуниста Р. Медведева. Чтение такого «салата» могло привести к каким угодно выводам, что, вероятно, и было целью автора — сторонника идейного плюрализма.

Волкогонов Д. Указ. соч. С.335.

Алексеева Л. Указ. соч. С.193.

Шубин А.В. Преданная демократия. СССР и неформалы. 1986–1989. М., 2006. С.14–15.

Гефтер М.Я. Указ. соч. С.112.

915

Подробнее см. Шубин А.В. Указ. соч.

О журнале «Левый поворот». // Сборник самиздата. Сост.
Прибыловский В.

Сокирко В.В. Экономика 1990 г.: что нас ждет и есть ли выход?
С.7. // Сборник самиздата. Сост. Прибыловский В.

Там же. С.9.

Там же. С.9–10.

ХІІІ съезд ВЛКСМ. 15–18 апреля 1958 г. Стенографический отчет.
М., 1958. С.285–286.

921

РГАНИ. Ф.5. Оп.33. Д.123. Л.43.

Ким Ю. Все мы были графоманами... «ЛГ–Досье». 1992. № 11.
С.25.

923

Там же.

Первенцев Л. О современных «бардах и менестрелях». // «Литературная газета». 15.4.1965 г.

Грушинский. Книга песен. Куйбышев, 1990.

Каримов И.М. История Московского КСП. М.: Янус-К, 2004.
С.109.

Цит. по: Ивашников К.М. Неформальные самодеятельные объединения в СССР: историко–культурный аспект. 1985–1991. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2007. Рукопись. Цитируется с разрешения автора.

Городницкий А. «Возьмемся за руки, друзья». «ЛГ–Досье». 1992.
№ 11. С.18.

930

Сигачев М. Беседа с автором 2 июня 1996 г.

931

Столяров Ю. Беседа с автором 2 июня 1996 г.

Козаков М. Актерская книга. М., 1997.С.228–229.

Смирнов И. Указ. соч. С.55–57.

Там же. С.45–47.

935

Ивашников К.М. Указ. соч.

936

Корсетов В. Беседа с автором 2 июня 1996 г.

Столяров Ю. Беседа с автором.

Есть магнитофон системы «Яуза». М., 1991. С.5.

Сигачев М. Беседа с автором.

Корсетов В. Беседа с автором.

941

Там же.

Добрюха Н. Рок из первых рук. М., 1992. С.5.

943

Смирнов И. Указ. соч. С.7, 8.

944

Там же. С.19.

945

Там же. С.18.

946

Там же. С.42.

Макаревич А. Все очень просто. М., 1991. С.57.

Рыбин А. Кино с самого начала. Смоленск, 1992. С.16.

Там же. С.27. Интересно сравнить эти события с мнением некоторых западных исследователей о том, что «общее политическое ужесточение вкупе с вводом советских войск в Афганистан положило конец разрядке по отношению к рок-музыке» (Д. Кречмар. Указ. соч. С.178). Необходимость связывать с Афганистаном все события внутривнутриполитической жизни СССР ведет к умолчаниям — Д. Кречмар не упоминает тбилисский фестиваль.

950

Макаревич А. Указ. соч. С.102.

Троицкий А. Рок в СССР. Неприукрашенная история. История советского рока. М., 1991. С.39.

Смирнов И. Указ. соч. С.48–49.

Троицкий А. Указ. соч. С.41.

954

Там же. С.42.

955

Там же.

956

Там же. С.55.

957

Там же. С.71.

958

Там же. С.43.

См. «Комсомольская правда». 11.4.1982.

Макаревич А. Указ. соч. С.107.

Смирнов И. Указ. соч. С.93.

Там же. С.96–99.

Там же. С.145.

Там же. С.146.

965

Там же. С.109.

Там же. С.60.

967

Там же. С.60.

Рыбин А. Указ. соч. С.22.

Там же.

Виктор Цой. Стихи. Документы. Воспоминания. С–Пб., 1991.
С.172.

971

Там же. С.173.

972

Там же. С.175.

Там же. С.176.

Смирнов И. Указ. соч. С.101.

Там же. С.108–109. Интересное объяснение поведения музыкального официоза выдвигает Д. Кречмар: «Для советских культурных функционеров всякая развлекательная музыка, будь то рок или диско, была сама по себе чем-то «западным» или «декадентским»» (Указ. соч. С.177). Вероятно, германскому исследователю неизвестно, что 70–начало 80–х гг. было временем расцвета развлекательной музыкальной эстрады, в том числе в стиле диско и даже рок (ВИА). Приводимый здесь же аргумент о том, что рок-концерты иногда сопровождались молодежными волнениями (особенно в случае их отмены, как в 1978 г. в Ленинграде) более существенен. Но если бы это обстоятельство играло решающую роль, то властям пришлось бы сначала запрещать футбол. Волнения футбольных фанатов были регулярным явлением, но не мешали властям покровительствовать этому виду развлечения.

Смирнов И. Указ. соч. С.115–116.

977

Там же. С.116.

978

Там же. С.117.

Там же. С.113–114.

Троицкий А. Указ. соч. С.75.

Смирнов И. Указ. соч. С.127.

982

Там же.

Троицкий А. Указ. соч. С.81.

Смирнов И. Указ. соч. С.127.

985

Виктор Цой. С.45, 147.

Смирнов И. Указ. соч. С.129.

Там же. С.137.

Там же. С.138.

Рыбин А. Указ. соч. С.47.

990

Смирнов И. Указ. соч. С.138.

См. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С.575–579.

30 лет движения. Неформальное природоохранное молодежное движение в СССР. Факты и документы. Под ред. Мухачева С.Г., Забелина С.И. 1960–1992. Казань, 1993. С.3.

Там же. С.45–46.

Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. М., 1996. С.41.

995

Забелин С.И. Беседа с автором 9 июня 1992 г.

996

30 лет движения. С.40–41.

Там же. С.44.

Экологическая политика и экологическое движение в России. М., 1995. С.15.

999

См. 30 лет движения. С.9, 12, 34.

1000

Яницкий О.Н. Социальные движения. 100 интервью с лидерами.
М., 1991. С.31.

1001

30 лет движения. С.25.

1002

Яницкий О.Н. Социальные движения. С.30.

1003

30 лет движения. С.11–12.

1004

Там же. С.9.

Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С.51.

Цит. по: Яницкий О.Н. Длинные 70–е: гражданское общество тогда и сейчас. // «Неприкосновенный запас». №2. 2007. С.45.

1007

Там же. С.46.

Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С.33–34.

1009

30 лет движения. С.25.

Цит. по: Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С.44.

1011

Забелин С.И. Беседа с автором 29 сентября 1996 г.

1012

Яницкий О.Н. Социальные движения. С.20.

1013

Экологическая политика и экологическое движение в России.
С.17.

1014

30 лет движения. С.6–9.

Яницкий О.Н. Экологическое движение в России. С.43.

1016

30 лет движения. С.18.

1017

Экологическая политика и экологическое движение в России.
С.17–18.

1018

Забелин С.И. Беседа с автором 9 июня 1992 г.

1019

30 лет движения. С.15–17.

Забелин С. Этапы развития экологического движения в России и СССР. Архив Шубина А.В. Электронный фонд. A\BOOK\PER\1978–1984\history2.

1021

30 лет движения. С.46.

1022

Там же. С.47.

1023

Там же.

Там же. С.41–42.

1025

Там же. С.42.

1026

Там же. С.43.

1027

Там же. С.51.

1028

Там же. С.43.

1029

Там же. С.55.

1030

Там же. С.54.

1031

Там же. С.55.

1032

Забелин С. Указ. соч.

1033

30 лет движения. С.79–89.

1034

Там же. С.110.

1035

Там же. С.122–123.

1036

Забелин С.И. Беседа с автором 29 сентября 1996 г.

1037

30 лет движения. С.123.

1038

Там же. С.126.

1039

Там же. С.120.

1040

Там же. С.138.

1041

Там же. С.130.

1042

Там же. С.127.

См. Шубин А.В. Парадоксы Перестройки. Неиспользованный шанс СССР. М., 2005. С.151–152.

1044

Ган А.А. Беседа с автором 25 марта 1994 г.

1045

15 встреч в Останкино. М., 1989. С.21.

Брюсова В.Г. «Антирекам» — народное НЕТ! // Экологическая альтернатива. М., 1990. С.622.

1047

См. Там же. С.664–668.

1048

РГАНИ. Ф.5. Оп.84. Д.304. Л.18.

Цит. по. Брюсова В.Г. Указ. соч. С.679.

Воротников В.И. А было это так... М., 1995. С.76.

1051

Залыгин С.П. Поворот. М., 1987. С.17.

1052

Там же. С.38, 41, 48.

1053

Соколов Р.В. Беседа с автором 17 сентября 1996 г.

1054

Хилтунен В.Р. Беседа с автором 17 апреля 1998 г.

См. Фролова Г.И. Организация и методика клубной работы с детьми и подростками. М., 1986. С.121.

1056

Сумнительный К. Беседа с автором 1 октября 1996 г.

1057

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

И. Иванов создал Коммуну им. Макаренко — студенческое научное общество, разрабатывавшее коммунарские идеи. Он стал противником социальной активности нового поколения педагогов, прошедших коммунарскую школу.

1059

Соколов Р.В. Беседа с автором.

1060

Мариничева О. Идеалисты // Комсомольская правда. 8.11.1990.
www.altruism.ru/sengine.cgi/5/22/4

Об общении автора с поздними коммунарами см. также Шубин А.В. Преданная демократия. С.77–79, 94–96.

Сумнительный К. Беседа с автором.

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

Соколов Р.В. Беседа с автором.

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

Сумнительный К. Беседа с автором.

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

Соколов Р.В. Беседа с автором.

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

1070

Чаплина Н. Колокола детства. М., 1985. С.39.

1071

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

1072

Чаплина Н. Указ. соч. С.33.

1073

Кожаринов М. Эволюция идей во времени или История Системы.
/ Технология альтруизма. www.altruism.ru/engine.cgi/5/23/2

1074

Батыршин Б. История Ролевого движения. // www.kulichki.com/tolkien/arhiv/fandom2/bbb.shtml

1075

См. Шубин А.В. Указ. соч. С.78–79.

1076

Хилтунен В. Щетинин, который не вписывается...//«Литературная газета». 15.04.1998.

1077

Щетинин М.П. На пути к человеку. Педагогика наших дней. Краснодар, 1989. С.381–382, 385.

1078

Хилтунен В.Р. Беседа с автором.

1079

Щетинин М.П. Беседа с автором 16 августа 1998 г.

Хилтунен В. Щетинин, который не вписывается...

1081

Раш К. приглашение к бою. М., 1984. С.61, 103.

1082

Соловейчик С. Я учусь в Караганде.//«Новое время». 1989. № 10.
С.42.

1083

Соколов Р.В. Беседа с автором.

Гуревич Г. Беседы о научной фантастике: Книга для учащихся. М., 1983. http://www.fandom.ru/about_fan/gurevich_7_05.htm#4

Цит. по: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С.155–156.

Стругацкие А. и Б. Комментарий к пройденному. // Русская фантастика и фантастика в сети. <http://sf.coast.ru/abs/books/bns-02.htm>.

1087

Дхингра К. Пути развития научно–фантастического жанра в советской литературе. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968.
http://www.fandom.ru/about_fan/dhingra_1.htm

1088

Дхингра К. Указ. соч.

О литературе для детей. Л., 1960. Вып. 5. // История Фэндома.
Архив материалов о движении любителей фантастики в России.
http://www.fandom.ru/convent/138/diskuss_1960.htm, свободный.

1090

Там же.

Черная Н.И. В мире мечты и предвидения: Научная фантастика, ее проблемы и художественные возможности. — Киев, 1972.
http://www.fandom.ru/about_fan/chernaya_2.htm

«Новый мир», 1954. №12. С.158–159.

Прашкевич Г. Красный сфинкс. Новосибирск, 2007. С.415.

Там же. С.415–416.

1095

О литературе для детей.

1096

Черная Н. И. Указ. соч.

1097

О литературе для детей.

1098

Константинов А. Светозарный мост (о жизни, творчестве и идейном наследии И.А. Ефремова). www.noogen.narod.ru/Efremov.htm

1099

Черная Н. И. Указ. соч.

1100

Там же.

1101

Рюриков Ю. Через 100 и 1000 лет. М., 1961. С.104.

1102

Дхингра К. Указ. соч.

1103

Кораблю — взлёт! Из переписки И.А. Ефремова. // Книжное обозрение. № 7. 12 февраля 1988 г.

1104

Константинов А. Указ. соч.

Кораблю — взлёт! Из переписки И.А. Ефремова. Здесь видно, что Ефремов – принципиальный интернационалист. Но симпатия И. Ефремова к греческой и индийской цивилизациям, которые в его исторических произведениях противостоят иудейской и китайской, позволяет либеральным ревнителям политкорректности обвинять писателя в ксенофобии и даже «протонацизме». М. Каганская формулирует это так: «Отсюда вытекают антииудаизм и антихристианство Ефремова, типологически совпадающие с протонацистской теософской гностикой» (Каганская М. Миф двадцать первого века, или Россия во мгле. // Страна и мир. 1986. № 11. С.79). Н. Митрохин добавляет к этому еще один «беззубый» аргумент – Ефремов печатался в «Молодой гвардии» и «Технике молодежи», а там было велико влияние националистов (Указ. соч. С.418). Напомним, что эти «гнезда национализма» отвечали за научную фантастику. Что касается «протонацистской гностики», то в протонацисты придется записать не только Ефремова, но и чуть ли не всех поклонников восточной религиозности, поскольку они тоже не разделяют христианского и иудаистского монотеизма.

1106

Кораблю — взлёт! Из переписки И.А. Ефремова.

Так был прочитан и «Солярис» Лема Тарковским.

1108

Кораблю — взлёт! Из переписки И.А. Ефремова.

1109

Константинов А. Указ. соч.

1110

Цит: по: Прашкевич Г. Красный сфинкс. Новосибирск, 2007.
С.422.

Константинов А. Указ. соч.

1112

Там же.

1113

Там же.

1114

Там же.

1115

Цит. по: Прашкевич Г. Указ. соч. С.433–434.

Терёхин В.Л. «Против течений»: утаенные русские писатели. Иван Ефремов — провозвестник мультивременного асинхронного реализма. Статьи. М., 2002.

Н.И. Черная видит это различие в стиле: «Ефремов, стремясь создать цельную, непротиворечивую и единую картину общества отдаленного будущего, идет в общем по типичному для утописта пути показа всех существеннейших и характернейших черт общественной жизни, как, например, организация производства, уровень развития науки и искусства, разнообразные виды человеческой деятельности, воспитание и обучение детей, общественный быт, люди в их отношениях друг к другу и к обществу, новая система взглядов на жизнь и т. п. Стругацкие, отступая от традиций, показывают жизнь будущего как бы в отдельных эпизодах, самостоятельных сюжетно и тематически и условно связанных между собой временной последовательностью и образами героев. Такая «мозаичная» картина будущего если и проигрывает в цельности, все же производит впечатление большей естественности: писатели как бы идут от самой жизни, а не от продуманной и вычерченной заранее схемы» (Черная Н. И. Указ. соч.). Но это – различие стиля, а не концепции.

1118

О литературе для детей.

1119

Стругацкий Б. Комментарий к пройденному.
[www//rusf..ru/abs/books](http://www.rusf.ru/abs/books)

1120

Прашкевич Г. Указ. соч. С.482.

1121

Стругацкий Б. Указ. соч.

1122

Там же.

1123

Черная Н.И. Указ. соч.

«Советская литература и новый человек». Л., 1967. С.354.

1125

Стругацкий Б. Указ. соч.

1126

Там же.

1127

Там же.

1128

Там же.

1129

Например, Назаров В. Силайское яблоко.

1130

Прашкевич Г. Указ. соч. С.429.

1131

Там же. С.540.

1132

«КЛФ рассказывают о себе. Обзор ответов на нашу анкету». // «Техника молодежи». №1. 1983.

1133

Там же.

Записка отдела пропаганды ЦК КПСС «О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики» // История Фэндома. Архив материалов о движении любителей фантастики в России. http://www.fandom.ru/about_fan/kpss_8.htm.

1135

«Литератор». № 23. 1991.

1136

Ивашников К.М. Указ. соч.

1137

Прашкевич Г. Указ. соч. С.554.